

МИНУВШЕЕ

МИНУВШЕЕ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ**

2

ATHENEUM

**Editorial board: Jean Bonamour, John Malmstad, Richard Pipes,
Mark Raeff, Dmitri Segal, Gabriel Superfin**

Editor: Vladimir Alloy

Copyright by Atheneum, 1986

All rights reserved.

**Publisher: Atheneum, 10 bis rue Duhesme, 75018 Paris.
Printed in France**

ISBN 2-906141-01-1

ВОСПОМИНАНИЯ

Б.А. Бабина
ФЕВРАЛЬ 1922

Публикация В. Захарова

— Опять социалисты! — скажет иной читатель, прочтя страницу воспоминаний Б.А. Бабиной. Да, опять. Но почему, вопреки доминирующим не только в зарубежной русистике, но и в отечественном интеллигентском сознании тенденциям, мы снова обращаемся к послеоктябрьским судьбам *левых* общественных движений?

Почему для нашего современника, гуманиста и противника насилия, имена Е.С. Сазонова, И.П. Каляева, М.А. Спиридоновой, Б.В. Савинкова, Д.А. Черепанова окружены романтическим ореолом? В чем притягательность девиза «В борьбе обрешь ты право свое»? Какая сила заставляет нас, изверившихся в «социализме с человеческим лицом», вновь увлекаться перипетиями «Народной воли», страдать над трагедией азефщины или смотреть фильм *ШЕСТОЕ ИЮЛЯ?* Только ли в остроте сюжетных ходов все дело?

Политическое поражение социалистов-революционеров в 1917 было в значительной мере обусловлено существом их нравственных идеалов. Духовным наследникам П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского не достало политического цинизма. Проспорив четверть века с марксистами о том, какой социализм должен быть в России: общинный или нет, — они выиграли этот спор, но не воспользовались плодами своего выигрыша. Окрашенная в лирические тона рассуждений о «правде-истине» и «правде-справедливости», социальная доктрина ушла по касательной от «мерзостей русской жизни».

Было ли напрасным их существование? Думается, нет. Опыт моральной победы ценою политического проигрыша — вот самое ценное в их наследии. Уроки этого опыта заставляют нас еще раз вспомнить, что «человек живет не в пространстве, а в истории» и что память поколений — бо́льшая награда, чем почести современников.

Историографическая судьба партии социалистов-революционеров едва ли не более драматична, чем собственная ее судьба. Еще не успев

сойти с исторической арены, эсеры были так остро скомпрометированы внутрипартийными неурядицами, так густо оклеветаны большевиками и правыми эмигрантами, что — казалось, они навсегда останутся для потомства партией истериков, психопатов и балаганных шутов. Жили, правда, в Зарубежье В.М. Чернов, И.З. Штейнберг, М.В. Вишняк, А.А. Шрейдер, В.М. Зензинов и др., выходили там их книги, издавались «Революционная Россия», «Знамя», «За свободу», «Общее дело»... Но то это было суетно и мелко, полно личных счетов и бессмысленных претензий, то — про что-то иное, новое, может быть и важное, но другое, а главное... так далеко от России! А сколько разрушенных иллюзий, неоправдавшихся прогнозов! И если бы не воспоминания Е.Л. Олицкой, то можно было бы считать, что ряска над головами рядовых и нерядовых членой ПСР — сомкнулась*.

**

Автор публикуемых ниже воспоминаний — Берта Александровна Бабина (1894-1983) — член партии с.-р. с конца 1900-х гг., в годы революции перешедшая на позиции левых с.-р., оказалась в Москве после трехлетнего перерыва, в 1920, в момент, когда оба крыла недавно популярнейшей социалистической партии владели жалкое полулегальное существование. Вместе с мужем, известным с.-р., Борисом Вячеславовичем Бабиным, депутатом Учредительного Собрания, она пытается найти свое место в современной политической жизни. Это оказывается непросто. Лидеры ПСР отчасти уже были в эмиграции, отчасти — в тюрьмах. В ссылках и тюрьмах оказались к этому времени и левозсеровские цекисты. Среди оставшихся на воле членов партии боролись два течения — «подпольщиков» и «легалистов». Но у первых не было ни ясно выраженной программы, ни — что было довольно очевидно — минимальных шансов на успех, а тактика вторых на деле оказалась сплошной чередой уступок власти.

Впрочем, слишком долго размышлять Берте Александровне не пришлось — в 1921 и она, и ее муж были арестованы и встретились в феврале 1922 в «Социалистическом корпусе» Бутырской тюрьмы.

Быт этого уникального места заключения, а также последовавшей за ним тюрьмы «квартирного типа» в Кисельном переулке определяет психологический фон мемуаров Б.А. Бабиной. Здесь же она впервые познакомилась с целым рядом видных эсеров, активных деятелей революции в Москве и Петрограде. Разговорам автора с ними посвящены центральные эпизоды.

Речь в этих кусках идет о выстреле Каплан и левозсеровском выступлении 6 июля 1918 года, а собеседниками мемуаристки выступают едва

* Нельзя сказать, чтобы советские историки за последние 20 лет ничего об эсерах не написали. Десятки статей, не меньше десятка книг. Пестрят заголовки: «крах», «банкротство», «крушение»... Этими формулами, по мнению советских ученых, исчерпывается и вся проблематика названной темы. Как уже сказано, мы думаем иначе.

ли не самые осведомленные об этих событиях люди: член ЦК ПСР Д.Д.Донской, к которому обращалась Каплан за санкцией на покушение, и один из основателей ПЛСР, член ее ЦК, вдохновитель 6 июля Б.Д. Камков. Уже в силу этого даже то небольшое, что зафиксировала Б.А., представляет определенный интерес.

Но не меньший интерес, с нашей точки зрения, представляет и облик мемуаристики, очень точно восстановившей в конце 1960-х гг. (по некоторым оговоркам в тексте можно понять, что воспоминания написаны именно тогда) свои сомнения, колебания и эмоции более чем сорокалетней давности. Стоит в этом смысле обратить внимание на ее размышления, против кого может, а против кого не может быть направлен террористический акт, на ее претензии к партийным вождям, на ее замечания о Ленине и др. Эти, а также другие темы, помогающие реконструировать мирозерцание рядового эсера после 1917, в более развернутой форме освещены в интервью, которое было записано незадолго до смерти Бабиной и тоже публикуется в настоящем выпуске альманаха.

Б.А. умерла в Москве, где она поселилась после многих лет заключения и ссылки. В последние свои дни, уже потеряв ясное сознание, все порывалась встать с больничной койки и куда-то идти. На попытки успокоить ее — отвечала: «Конвой ждет...»

Мы легче миримся с разореньем нашего гнезда,
чем с гибелью наших воздушных замков.

Диккенс

И розы вдоль всего пути
Опровергали ветер смерти

Луи Арагон

Утром, лишь только мы успели выпить чай, в камеру вошел комендант с длинным списком в руках. Одну за другой он называл наши фамилии, к каждой прибавляя: «С вещами!»

Едва он успел выйти и в дверях звякнул ключ, у нас поднялся радостный шум: «В Бутырки! В Бутырки!» — слышалось из всех углов. Со стороны можно было подумать, будто нас отпускают на свободу или приглашают на веселый пир. Еще бы! Ведь Бутырки это совсем не то, что Внутренняя тюрьма! Бывалые сидельцы нас информировали, что там мы увидим наших мужей и близких, кроме того, там существуют всякие льготы, которых здесь нет и в помине, — свидания, прогулки и т.п.

Остальные обитательницы камеры тоже были довольны: «Наконец-то мы избавимся от этих социалисток! — удовлетворенно вздыхали они. — Хоть какой-то покой будет». Дей-

ствительно, мы по всякому поводу устраивали обструкции: требовали то лишней бани, то прогулок, то свиданий, т.е. заведомо невозможного. И уж каждый день вызывали к себе начальника тюрьмы, настаивая на скорейшей отправке в Бутырки, что, конечно, зависело вовсе не от него, а от следователя. Все это сильно портило нервы смирным и боязливым обывательницам, нашим сокамерницам-спекулянткам, растратчицам и т.п.

Они всегда старались держаться тихо и незаметно и во всех случаях от нас отмежевывались...

У нас забрали постельные принадлежности, и мы уселись на своих узелках. Потянулись долгие часы ожидания. За обедом почти никто не дотронулся до каши и баланды. Вызвали нас из камеры только к вечеру. Во дворе стоял «черный ворон». То была черная машина, напоминавшая собачий ящик, с крохотным решетчатым окошком на задней стенке и с длинными скамьями по бокам. Внутри царила почти полная тьма. Но лишь только мы туда вскарабкались, как раздались радостные восклицания. Там уже сидели мужчины, а также несколько женщин из других камер. Встретились жены с мужьями, сестры с братьями. Мы тоже увиделись с мужем после трехнедельной разлуки. Она нам показалась такой долгой! А ведь когда-то совместная жизнь наша тоже началась с разлуки! Он просидел тогда полгода и поехал в ссылку, так что сын родился без него. Но то было в царские времена. Теперь мы еще пока мерили жизнь по другим масштабам, а грядущее «таилось во мгле»!..

Не было конца расспросам и рассказам... Конвой помещался в кабине и нам не мешал. «Товарищи! — раздался вдруг чей-то молодой голос, покрывая весь наш приглушенный шум. — Сейчас нас посадят в карантин, где могут продержать дней десять. Не соглашайтесь на это, требуйте немедленного осмотра врача и отправки в Социалистический корпус!» — «Конечно, будем требовать, обязательно будем!» — закричали со всех сторон.

Машина въехала в ворота тюрьмы.

Было уже совсем темно на дворе, когда всех нас ввели в большое, почти пустое помещение и там заперли. «Это "вокзал"», — объяснили опытные люди, среди которых преобладали наследники Мартова — юные меньшевики.

«Вокзалом» называли нечто вроде сортировочной, откуда уже разводили по корпусам. Все мы порядком устали, замерзли и проголодались, но радость свидания с близкими заставляла об этом забывать. Прошло часа полтора, прежде чем к

нам вошел комендант. «Товарищи, — обратился он к нам (о времена, когда в тех местах к нам так обращались!), — вам придется некоторое время пробыть в карантине. Это будет недолго. Там вас осмотрит врач, и тогда всех, кто здоров, отправят в камеры. Это делается в ваших же интересах, чтобы не занести в тюрьму каких-либо опасных заболеваний». Надо признать, что в словах его имелся кое-какой резон: в стране еще бродил сыпной тиф, да и всякие другие болезни. Но мы были молоды и чувствовали себя отлично. Карантин нас не устраивал. «Не согласны, не согласны! — кричали все хором. — Если нужен медицинский осмотр, у нас есть свой врач. Позовите доктора Донского!»

Дмитрий Дмитриевич Донской, эсер с давних дореволюционных лет, член ЦК, вскоре ставший участником процесса правых эсеров, уже давно сидел в тюрьме.

Отличный врач, фанатически влюбленный в свою профессию, он, будучи впоследствии сослан в Нарым, остался там до конца жизни. Огромные северные пространства, почти не знавшие до той поры медицинской помощи, получили прекрасную больницу, выстроенную в Парабеле по инициативе Донского и под его руководством. Он организовал целый ряд курсов для среднего медицинского персонала, где сам вел занятия, и подготовил много квалифицированных медсестер. Ему даже удалось преодолеть предубеждение местного национального населения против «русских шаманов» с их врачеванием. Так, женщины-националки стали нередко приходить рожать в больницу. Имя Донского не раз уважительно поминалось на съездах врачей в Москве.

В 1937 году, когда Дмитрий Дмитриевич понял, какая участь его ожидает, он покончил с собой¹.

Так вот, в феврале 1922 года, сидя на «вокзале» Бутырок, мы все в один голос требовали, чтобы нас без промедления осмотрел Донской.

— Я не могу решить это сам, — сказал наконец комендант, — вызову начальника тюрьмы.

Примерно через час к нам явился Попов. Эта колоритная фигура стоит того, чтобы о ней сказать несколько слов.

Высокий, широкоплечий человек лет сорока (по моим тогдашним понятиям, почти старик!), участник гражданской войны, принадлежавший к дореволюционной когорте большевиков, он, в общем, тогда неплохо относился к заключенным социалистам всех оттенков, особенно к левым эсерам. Потом, в тюрьме, товарищи уверяли, будто он равнодушен к моей подруге Соне Богоявленской, рыженькой и некрасивой, но на редкость

обаятельной, веселой умнице и остроумнице. Во всяком случае, он даже разрешил ей держать в тюрьме собачонку! И когда нужно было добиться какой-нибудь мелкой поблажки, дипломатические переговоры обычно поручалось вести Соне. С большим пиететом относился он к Б.Д. Камкову², иногда пытался даже заводить с ним беседы на политические и философские темы. Где ты сейчас, Сонечка, милая моя? Конечно, погибла, в лучшем случае — умерла в какой-нибудь лагерной больнице. В последний раз мы виделись осенью 1936 года, когда она приезжала в Москву из Туруханского края, где жила в ссылке со своим мужем Мишей Самохваловым³. Миша, левый эсер, сражавшийся во время гражданской войны в отрядах Красной Армии, потом соловчанин, нашел свой конец на Колыме, на проклятом прииске Золотистый. Там, будучи уже доведен до состояния полной инвалидности, он в последнее время работал санитаром в медчасти. Он умер на руках Давида Шермана, которому за несколько дней до того дал адрес Соининых родителей в Москве. Через много лет, уже ставший искалеченным инвалидом, Давид попал в Москву, но по этому адресу, разумеется, никого не нашел...

Что касается судьбы нашего бутырского начальника Попова, то и она сложилась так же, как у огромного большинства старых большевиков. Когда начался период «закручивания гаек», ему пришлось активно закручивать их самому, что он исправно и выполнял, пока в 1937 году не оказался узником «своей» же тюрьмы и был выведен затем в расход сталинскими палачами.

— Товарищи, — сказал он, войдя к нам, — поймите, ведь сейчас ночь. Доктор Донской уже спит. Ну что вам стоит подождать хоть до утра!

— Разбудите его! — кричала молодежь. — Они, врачи, к этому привычные!

После довольно долгого препирательства к нам привели Донского.

Я тогда увидела его впервые, и он показался мне почему-то очень похожим на водяного из старых немецких баллад. В длинной, до полу, шубе-дохе, с длинными прямыми светлыми волосами, с длинной узкой бородкой и усами. Но водяной приветливо улыбался и вообще был очень весело настроен. Врачебный осмотр окончился быстро. «Все здоровы!» — объявил доктор.

Конвой нас вывел и повел куда-то, уж не помню куда. Было, вероятно, около двух часов ночи, на дворе царила зимняя тьма.

Со звоном отперли какие-то двери, мы поднялись по лестнице, открылась еще дверь... И внезапно, после тьмы, холода, долгих часов ожидания, меня ослепил яркий электрический свет и оглушил громкий слаженный хор многих голосов, певший «Мы — кузнецы». Тут же к нам навстречу бросилась толпа мужчин и женщин, и я стала переходить из объятий в объятия. После оказалось, что здесь было много старых товарищей по петербургскому подполью, по студенческим годам, по работе в разных городах во время наших скитаний... Нас всех привели в так называемый «Социалистический корпус», где сидели, некоторые уже не первый год, социалисты, принадлежавшие к различным партиям, кроме «уклонистов» из правящей партии, хотя, помнится, кое-кто из них — не то шляпниковцы, не то софроновцы — уже в то время попробовали тюрьму.

После бурных приветствий нас повели в «клуб» пить чай. Там был накрыт стол: стояли огромные медные чайники с кипятком и маленькие с настоящей заваркой. Были выставлены всевозможные яства, которыми по тем скудным годам товарищи располагали из тюремного пайка и личных передач. А в это время в одном из коридоров тюрьмы за столиком важно заседал Совет Старост, состоящий, главным образом, из членов ЦК правых эсеров (не помню уже, почему именно таковым был в то время его состав). В него входили Гоц⁴, Тимофеев⁵, Гендельман⁶, Гельфгот⁷ и др., а также кто-то из ЦК меньшевиков. Впоследствии мы в насмешку прозвали их «теневым кабинетом». Перед ним лежал длинный список новоприбывших, и они распределяли всех по камерам: мужу с женой полагалась отдельная, одиночкам — общая. Распределение происходило на основе известной «табели о рангах», т.е. соответственно еще недавнему положению в своей партии. В коридорах «Социалистического корпуса» существовал свой Арбат и свое Замоскворечье, лучшие, более светлые и теплые камеры и другие — потемнее, потеснее. Нам с мужем было безразлично, куда нас поместят. Хотелось просто отдохнуть от всех впечатлений этого дня и побыть наедине. Наша камера была расположена довольно далеко от бутырского «Арбата» — я-то ведь имела репутацию отступницы! — и оказалась она довольно холодной.

Центральное отопление тогда в тюрьме не работало, «жуликом»* мы еще заpastись не успели. Оставшись, наконец, вдвоем, мы не могли удержаться от смеха.

— Что все это тебе напоминает? — спросил муж.

* «Жулик» — самодельный электронагреватель.

— Театр, — отвечала я, — мне все время кажется, будто мы на сцене и разыгрываем какую-то удивительную пьесу. Ведь не могут же они нас всерьез здесь держать. За что?!

Утром я не в силах была поднять голсы от дикой мигрени, которыми вообще страдала с полудетских лет..

В таких случаях нужно было одно: лежать без движения, без слова, без глотка воды — иначе начиналась рвота.

Муж сидел возле меня, иногда уходил и возвращался, пытался что-то рассказать. Я ни на что не реагировала и ничего не понимала. К вечеру невыносимая головная боль сразу прошла, как не бывало. Выпив кружку воды с кусочком хлеба, я встала и оделась.

Тут в дверь к нам постучали. Муж вышел и вернулся с двумя товарищами.

— Пришли тебя приветствовать, — сказал он. — Узнаешь?

Одного я отлично знала — Володю Трутовского — сперва по подпольной работе, потом по нашей милой питерской полуполюальной газете, каждый раз выходявшей под новым названием и закрытой перед Первой мировой войной⁸.

После Октябрьской революции Володя был наркомом, а может быть, замнаркома по коммунальным делам. Сейчас он стоял передо мной, улыбающийся и оживленный, все такой же, ни капельки не изменился за многие годы. Длинный, худой, черный, с типично украинским красивым лицом, на котором блестели веселые черные глаза, с курчавой шевелюрой и маленькими темными усиками. Второй... Я знала его только по фотографиям, по литературе и по бесчисленным рассказам разных людей. Пожав мне руку, он представился: «Камков».

Он был довольно высокого роста, во всяком случае, много выше среднего, крепко и плотно сложен. У него были густые и вьющиеся темные волосы, но, пожалуй, особенно характерны в его лице были брови, широкие и черные, в сочетании с такими же черными блестящими глазами. На нем была очень простая тюремная одежда того времени — косоворотка без пояса из грубой, суровой парусины... Я вспомнила фотографию, где он был снят в элегантном черном костюме с галстуком — на ступенях Большого театра, где шел тогда Пятый съезд Советов...

Но и эта теперешняя одежда его не портила. Какая-то своеобразная, может быть, несколько тяжеловесная небрежная грация и элегантность чувствовались в его движениях под свободной, всегда безукоризненно свежей серой рубашкой, в

его манере ходить, держа руки в карманах и чуть покачиваясь, подобно моряку на суше.

Мы обменялись несколькими приветственными словами. Потом вместе пошли смотреть их обиталище. Будучи членами ЦК, они оба, так же, как и другие левозсеровские цекисты, в отличие от «теневого кабинета», жили в общей камере, и это я наблюдала все время, пока длилось наше совместное заключение. Впоследствии я видела его в ссылках — в Челябинске и Воронеже, — и о том же рассказывали мне товарищи, бывшие с Камковым в тверской ссылке: всюду вокруг него царил дух полного демократизма. Любой из когда-либо близких по убеждениям, будь то мальчишка или девочка, ничем не выделяющиеся, находили в доме Камкова полное гостеприимство, самый радушный прием, теплую заботу и материальную поддержку. То же имело место и всюду, где жила в 20-30-е годы знаменитая троица — Спиридонова⁹, Измайлович¹⁰ и Майоров¹¹, а потом еще и Ирина Каховская¹². Все названные мною товарищи в то время зарабатывали немало, но жили очень скромно и на себя тратили минимум, зато никто из окружающих их, многосемейных или не столь удачливых друзей, не знал нужды...

Нам показали камеру, которая была преобразована в «клуб» — то, что теперь зовется Красным уголком. Там имелись шахматы, шашки, лежали свежие газеты и журналы — даже «Социалистический вестник» (издающийся зарубежными меньшевиками, всегда осведомленный о событиях у нас и весьма ядовито их интерпретирующий). Тюремная библиотека была тогда еще очень богатой, так как по традиции, установившейся с далеких дореволюционных времен, каждый освобождающийся оставлял в тюрьме все книги, кроме специально ему самому необходимых. В «клубе» можно было спокойно читать и заниматься, что многие и делали. Там же почти еженедельно устраивались разные доклады и происходили многочасовые дискуссии между представителями различных группировок. Они бывали столь ожесточенными, что можно было подумать, будто их участники сразу же отправятся проводить в жизнь свои идеи.

Каждое утро на гулкой железной площадке одной из сквозных лестниц Бутырской тюрьмы происходила утренняя гимнастика, как теперь ее называют — физзарядка, в которой принимали участие вся молодежь и вообще все желающие. Руководил ею молодой статный красавец Жорж Кочаровский.

Прекрасный певец и музыкант, он был еще и организатором самодеятельного оркестра из различных струнных инструментов. Он сумел также наладить регулярные занятия пением, составил отличный хор из мужских и женских голосов, занимался и с «солистами», некоторые из которых очень неплохо пели и доставляли нам большое удовольствие своими выступлениями.

Кочаровский был студентом, когда началась Первая мировая война, попал под мобилизацию. Как человек с образованием, он был произведен в офицеры, и в этом звании его застала революция. Он был сразу же захвачен ее волной и тут же примкнул к самой в те дни популярной партии — стал эсером. После раскола остался с теми, кто возглавил ее ЦК, — с правыми. Вряд ли он особенно хорошо разбирался в политических течениях и оттенках, но хранил верность тем, кому поверил сначала, и разделил их судьбу. Примерно через полтора года после того, что я здесь описываю, Кочаровский, отбывая трехлетний срок заключения в Соловецком изоляторе, стал жертвой разыгравшейся там трагедии. Вместе со своей женой Лидой Котовой, ее братом Ваней, Наташей Бауэр и еще тремя товарищами, имен которых не помню, он был убит конвойными с вышки за неподчинение приказу закончить прогулку. Этот приказ представлял собой одно из звеньев общей системы «закручивания», которая должна была сменить период тюремного либерализма — относительной свободы внутреннего распорядка¹³.

В начале 1922 года быт нашего «Социалистического корпуса» отличался анекдотическим своеобразием. На третий день нашей тюремной жизни, когда я сжималась от холода и сырости в камере, а Борис* пытался наладить обогрев с помощью «жулика», подаренного товарищами, в дверь нашу постучали. Вошел красивый и стройный молодой человек в тюремной робе и, светски расшаркавшись, представился: «Князь такой-то». Мне, к сожалению, не запомнилась одна из самых громких аристократических фамилий царской России, которую он назвал. Помню, что я остолбенела от неожиданности. «Не удивляйтесь, и не думайте, что я вас мистифицирую, — сказал гость, слегка грассируя. — Я пришел спросить, не нуждается ли вы в чем-нибудь вообще, не могу ли я чем-нибудь быть вам полезен?» В дальнейшем выяснилось, что это бывший офицер «лейб-

* Муж автора. — Ред.

гвардии его величества», что таких, как он, здесь немало. Сидят они в качестве белогвардейцев (вероятно, так это и было) и пользуются правом свободного хождения между корпусами и всякими тюремными службами, в чем нам, социалистам, отказано. Потому они выполняют всякие поручения нашей хозяйственной комиссии, а иногда даже обслуживают камеры. За это их подкармливают из нашего, несколько улучшенного, тюремного довольствия... Я призналась, что сильно мерзну в камере. «О, этому так легко помочь! — улыбнулся бывший лейб-гвардеец. — К вечеру у вас будет стоять отличная маленькая печурка». — «Но как же это?» — удивилась я. — «Очень просто, я вам ее сложу из кирпича. Да, да, мы теперь многому научились! Что поделаешь! *A la guerre, comme à la guerre!*» — «*Merci, monsieur*», — пробормотала я, не зная, что сказать. «О, что вы! Я сочту честью для себя помочь такой милой молодой даме! Тем более, что мы ведь приставлены для обслуживания к социалистам». Последнее заявление звучало довольно-таки иронически в его устах. Но, так или иначе, к вечеру в нашей камере действительно топилась чудесная маленькая печурка, и друзья приходили греться у ее восхитительного тепла.

Все время нашего пребывания в Бутырской тюрьме князь неусыпно о нас заботился, помогая чем только мог. Между нами установились вполне хорошие отношения, мы даже иногда беседовали о французской поэзии, которую этот отпрыск старинного русского дворянства очень хорошо знал. Политических вопросов я с ним не касалась, не видела в том смысла. Вероятно, все же в дальнейшем попробовала бы заговорить о декабристах, но недолго длилось наше общение, очень скоро «Социалистический корпус» был раскассирован.

Первые дни пребывания в Бутырках ушли на всякие «визиты». Там оказалось много старых знакомых, из которых некоторые — либо члены ЦК, либо особенно активные в отстаивании своих взглядов — сидели уже не первый год. К таким, в частности, принадлежал правый эсер Аркадий Иванович Альтовский¹⁴. Ныне это кроткий и робкий, как агнец, старичок лет под девяносто. Старый партиец-подпольщик, участник революции 1905 года, он в эмиграции с отличием окончил электротехнический институт в Гренобле и, вернувшись в 1917 году в Россию, с 1919 года то и дело посиживал. Я его тогда не знала, но мне хотелось провести его жену Нину Аверкиеву, с которой мы вместе сидели на Лубянке и приехали в Бутырскую тюрьму.

Войдя к ним в камеру, я застыла от изумления. Потом я уже так не удивлялась, навещая других давних сидельцев: их камеры заставляли меня вспомнить то, что мы в свое время читали о декабристах, которым гораздо более наивное царское правительство разрешало всякие поблажки, скрашивающие жизнь узника. Нечто похожее имело место и тут, в этот краткий, блаженный промежуток времени, примерно между 1920 и 1922...

На стене, над койкой, висел ковер, и небольшой коврик лежал также на полу, перед кроватью. Постель была застлана домашним одеялом, и на ней разбросано было несколько подушек в цветных наволочках.

Все это вместе создавало непередаваемо яркий колорит для глаза, утомленного серым тюремным однообразием.

Однако колоритнее всего были хозяева этого необыкновенного жилья.

Аркадий Иванович, красивый брюнет, в красной рубашке, очень шедшей к его смуглому лицу, с небольшой черной бородкой, сидя на кровати, наигрывал что-то на гитаре и даже не поднялся ко мне навстречу. Но больше всего меня поразила Нина, которая полулежала в домашнем цветном халатике. Обычно хмурая, с серым личиком, с двумя косами, как-то уныло висящими вдоль спины, она за одну ночь неузнаваемо похорошела и расцвела. Передо мной была совершенно другая женщина. Ярко пылали ее щеки, блестели глаза, волосы разметались по подушке...

Я поняла, что мое присутствие здесь излишне, и, пожелав счастливым супругам всех благ, быстро ушла...

...Давно уже спит вечным сном Нина Аверкиева, дочь старых революционных интеллигентов из Саратова¹⁵. Ее брат когда-то учился с моим братом Владимиром в Петербургском политехническом институте. Они оба и с ними еще несколько их товарищей во время войны, в 1914 году, были арестованы и сидели в Спасской части, откуда, правда, их через месяц с небольшим освободили. Я сильно подозревала, что во мне — причина этого ареста, так как ордер на обыск был выписан также и на мое имя. Конечно, ничего компрометирующего не нашли, но обыскивали мою комнату особенно тщательно, и даже заставили развернуть пеленки моего новорожденного сына, который теперь при случае заявляет, что его «обыскивали жандармы». Аркадия Ивановича я, вернувшись в 1955 году с Колымы, встретила в Ухте, где он (после почти двух десятилетий сталинских лагерей) работал в ка-

честве главного инженера электростанции и где моему «обысканному жандармами» сыну пришлось отбывать второй лагерный срок...

Скромнее и проще выглядела камера наших старых друзей Александра Павловича Гельфгота с женой Еленой Мариановной Тумповской.

Александр Павлович, по своему положению бесменного члена ЦБ, а порой и ЦК, занимал камеру близ «Арбата». У них было довольно тепло, лежало много книг, имелось кое-что из домашних вещей. Был даже, если не ошибаюсь, собственный чайник, который тут же вскипятили с помощью «жулика».

Сам Александр Павлович, ярко-рыжий, со своей мефистофельской бородкой, неизменной шуточкой на устах, словно забыл наши с ним долгие резкие споры во время моего «отхода». Теперь это стало уже пройденным этапом, и возвращаться к нему не имело смысла.

К чаю нас угостили изысканнейшим тюремным лакомством — сырой клюквой, пересыпанной сахарным песком... А самое приятное в этой камере были прекрасные и добрые глаза красивой ее хозяйки Елены Мариановны*, тихой, умной, перенесшей уже очень много в жизни горя. Она происходила из семьи известного петербургского врача — вдовца, вырастившего четырех дочерей, три из которых стали участницами революционного движения. Старшая из них, Лидия Арманд, была замужем за фабрикантом, с которым вскоре разошлась. Она писала по вопросам кооперации и пользовалась большим авторитетом и уважением в партийных эсеровских кругах. Умерла она еще до 1917 года¹⁶. Ее единственный сын в детстве был похож на маленького лорда Фаунтлероя со своими золотистыми локонами и прелестным личиком. Сейчас он геолог, известный в Москве автор научно-популярных книг по своей специальности, и, надо сказать, книг интересных и живо написанных.

Другую дочь, Ольгу, я не знала. Она очень рано была арестована и выслана за границу, что часто практиковалось царскими властями. Поселившись во Франции, связала свою судьбу с этой страной и в Россию не вернулась.

С самой младшей, Маргаритой, моей ровесницей, мы много лет были связаны близкой дружбой. Поэтесса акмеистичес-

* Отбывши после 1937 г., подобно нам всем, 18 лет лагерей, она умерла 7 марта 1966 г. в Клину у дочери-врача.

кого направления, она вращалась в среде петербургских поэтов и, единственная из всех сестер, совершенно не интересовалась политикой¹⁷. Это не помешало ей погибнуть после 1937 г. в лагерях. Она была в то время уже женой летчика и матерью двоих детей. Елена Мариановна, вторая из сестер по возрасту, имела отношение к Боевой Организации. Военным судом была приговорена к смертной казни и сидела некоторое время в камере смертников, но потом смертную казнь ей заменили вечной каторгой. Ей удалось бежать, а там вскоре пришла Революция...

С ней, с Еленой Мариановной, нас много лет связывала общая судьба — партия, затем годы невольных скитаний и горестей, пережитых на юге во время гражданской войны. Наши старшие сыновья были ровесниками, дружили между собой. В качестве жены А.П. Гельфгота и его верной помощницы Елена Мариановна немало посидела и в самые последние годы, и вот теперь мы с ней встретились в Бутырках.

Мужчины сели играть в шахматы, а мы с Еленой Мариановной потихоньку вспоминали оставленных на воле детей...

Дети революционеров всех направлений — в этом обе мы сходились — самые несчастные дети! И все же мы тогда не могли даже предположить, какой мерой отмерится им из чаши нашей судьбы.

Постепенно наша бутырская жизнь стала входить в свою колею. Мои дни в значительной мере уходили на чтение и беседы с товарищами, которых я раньше не знала. Многие из них уже успели побывать в ссылке.

Были здесь, в основном, правые и левые эсеры и меньшевики разных оттенков.

Отсутствовали так называемые «легалисты»¹⁸ — левые эсеры из группы И.З. Штейнберга, у которых в Москве легально выходил свой журнал «Знамя»¹⁹ и существовал на Петровке клуб того же названия*. Между этой группой и заключенными в тюрьме товарищами поддерживалась самая тесная связь. Исаак Захарович Штейнберг²¹ и Саша Шрейдер²² постоянно приходили на свидания к Камкову, Трутовскому и другим членам бывшего ЦК.

* Журнал «Знамя» выходил до конца 1922. Клуб «Знамя» прожил дольше, как будто до конца 1924 года. Я в нем бывала не раз и слушала, помню, доклад Саши Шрейдера о его путешествии за границу на съезд трех Интернационалов²⁰.

Не было здесь также никого из эсеровской группы «Народ», которая представляла собой нечто среднее между правыми и левыми и считалась легальной партией²³. У них выходил свой журнал «Народ», в котором я даже два что-то напечатала по просьбе моего друга Петра Аркадьевича Тугарина. Однако легальное существование длилось недолго. В середине того же 1922 года в помещении этой группы был произведен обыск, во время которого обнаружили неизвестно каким образом попавший туда взрывчатый материал.

Не сомневаюсь, что ни Тугарин, ни Шмелев²⁴, ни Буревой²⁵ его там не хранили: он был им абсолютно не нужен. Но в результате журнал был закрыт, группа ликвидирована, и большинство ее членов попали в политизоляторы и ссылки.

Хорошо помню в Бутырках много славной горячей молодежи, пришедшей в разные социалистические партии уже в послеволюционные годы. Меня, конечно, больше всего интересовало знакомство с левыми эсерами, которых здесь было очень много, начиная от солидных цекистов и кончая совсем юными мальчишками и девчонками. Особенно запомнились мне курчавый черненький мальчик, прозванный товарищами «Негром», и Лидочка Головина, румяная русая девочка, сестра очень талантливого молодого астронома Миши Жукова²⁶, тоже левого эсера. Последователь знаменитого профессора Чижевского²⁷ и его теории о тесной связи между активностью Солнца и жизнью Земли и ее обитателей, страстно увлеченный своей работой, этот талантливый юноша безвременно умер где-то — не то в ссылке, не то в изоляторе...

На воле в последние месяцы перед арестом работа в Профинтерне почти не оставляла времени для общения с товарищами, близкими по духу, — я виделась лишь с теми из них, кто вместе со мной там работал, как Сергей Дмитриевич Мстиславский²⁸, а одно время также П.А. Тугарин и К.С. Буревой.

Да еще дома были маленькие дети, и трудный быт годов военного коммунизма. Где уж тут найти время для встреч. Теперь, в тюрьме, времени оказалось хоть отбавляй!

**
*

Проходя однажды по бутырскому коридору, примерно через неделю после прибытия туда, я увидела доктора Донского, одиноко сидящего на скамейке с книгой в руках.

Уединившись здесь под небольшой лампочкой, он, как видно, хотел спокойно почитать: в «клубе» всегда было много народу, а в его камеру, вероятно, часто стучались посетители. Я остановилась в минутном колебании... «Сейчас или неизвестно когда», — пронзила меня мысль, которая не первый день и не первый год не давала покоя...

Пусть я ушла от них, и мне как будто должны быть безразличны всякие их политические ошибки, нелепости и непредвиденные «повороты». О чем уже тут можно было говорить после бездарнейшего министерства Чернова?²⁹

Разве не он, когда-то талантливый и умный теоретик, детально разработал принципы и порядок проведения *социализации земли* без выкупа, которая входила в *программу-минимум* дореволюционной П.С.-Р.? И не он ли самый, оказавшись министром земледелия первого революционного правительства, позорно ее проворонил, позволил вырвать инициативу из рук своей партии? Он, бывший в свое время участником циммервальдской конференции, не сумел вовремя прекратить войну. Он оказался главным виновником раскола партии*, прежде сильной и пользовавшейся популярностью среди рабочих, а не только лишь крестьянских масс, как то всегда стараются изобразить большевики.

Тому уж личный свидетель я сама, начинавшая когда-то свою подпольную работу в Петербурге в качестве пропагандистки Василеостровского района, где было много крупнейших заводов, потом занималась журналом нашего Северного областного комитета («Голос социалиста-революционера»³⁰). Затем принимала участие в выпуске наших газет перед Первой мировой войной. Там сначала была корректором, потом занималась рабочими корреспонденциями. Как ждали представители всех городских рабочих районов выпуска каждого выходящего

* Таким представлялось мне в то время лицо человека, перед которым прежде преклонялась вся наша эсеровская молодежь. В молодости мы всегда очень нетерпимы. Теперь, когда через много десятков лет пришла старость, а с ней способность лучше оценивать людей, я стала более терпимой. Я поняла, что политические деятели разделяются на *вождей* и *теоретиков*. То и другое крайне редко смешивается в одном человеке. Виктор Михайлович был сильным теоретиком (какая прекрасная книга, например, его «Конструктивный социализм», написанная уже после Революции, в эмиграции!). Но таланта вождя ему дано не было.

номера! Они дежурили с ночи в типографии на Ивановской, чтоб затемно расхватать пачки свеженьких, еще пахнувших краской газет и унести по заводам, пока не успела нагреть полиция!

Эта партия навсегда оторвала меня от родной когда-то среды, указала путь в жизни. И вот сейчас я прохожу мимо ее лидеров без всякого желания познакомиться с ними ближе, а ведь я их совсем мало знаю. Когда мое поколение пришло на подпольную работу, они все были кто уже в эмиграции, кто на каторге, а потом мы с мужем оказались до 1920 года в южнорусской мышеловке. Когда попали в Москву, я, насмотревшись на тактику Григория Ильича Шрейдера и ему подобных³¹, уже была не с ними, да и они в большинстве находились в заключении. *Теперь они были мне чужими...* Комплекты «Революционной России», лежавшие в моем деле у следователя, окончательно убедили меня в том, что я была права, решительно порвав с П.С.-Р.

Я мыслила тогда безапелляционными и ясными категориями: преступно и подло соглашение с буржуазными партиями, участие в интервенции, двусмысленное сотрудничество с Колчаком, наконец, имевший место на моих глазах, хоть и настороженный, нейтралитет по отношению к Деникинщине... И это в то время, как страна горит в огне Великой Революции, которую мы же сами ждали, готовили, призывали, в необходимость которой и неизбежность которой так горячо верили!

Но существовал один вопрос, который мучил меня и не давал покоя все эти годы: покушение на Ленина. Неужели они оказались на него способны? Не будучи большевичкой, я никогда не делала из Ленина святого. Мне были видны все его отрицательные черты: властность, демагогичность, резкость и несправедливость в полемике, что было, правда, вообще характерно для накаленной атмосферы тех времен.

Я знала, что он отнюдь не отличается сентиментальностью и способен быть жестоким (правда, многое еще тогда известно нам не было), а некоторую мягкость в отношении нас, хотя бы после 6 июля, мы с мужем объясняли неизгладимым воспоминанием о казненном брате, который был идеологически нам близок.

Нечего и говорить, что нас разделяли принципиальные разногласия, вытекающие из различия мировоззрений, а потому и разные взгляды и оценки революционных событий. Но общего все же было немало. Это общее давало мне возможность с увлечением заниматься международным профдвижением, с кото-

рым одно время (именно тогда) были связаны и синдикалистские профсоюзы, а также ежемесячно печатать обзоры в журнале «Красный интернационал профсоюзов».

Я не могла не испытывать огромного уважения к удивительному человеку, единственному из всех на свете активных революционеров и социалистов, который знал, что должен будет делать он и его партия на другой день после переворота, который умел — так или иначе — держать руль корабля нашей Революции.

Кроме того, мне вообще претил всякий удар из-за угла по отношению к представителю пусть иной, но социалистической партии, другое дело — террористические акты против царских чиновников.

Словом, вся история с покушением на Ленина была моим больным местом; я не могла примириться с тем, что революционная партия, которая была мне столько лет близкой, оказалась способна совершить такой дикий и, к тому же, нецелесообразный поступок. Между тем, всюду: и в печати, и во всех выступлениях — утверждали, что это — ее дело. (Замечу в скобках: до сих пор продолжают утверждать!)

И я решила спросить... С Дмитрием Дмитриевичем у нас сразу как-то сложились хорошие отношения. Мы нередко беседовали с ним на разные темы, перебрасывались шутками. Он был веселым и остроумным собеседником, притом очень деликатным и всегда умевшим рассказать массу интереснейших фактов из области естественных наук, особенно своей любимой медицины.

Я подошла к нему и попросила разрешения ненадолго присесть рядом.

— Дмитрий Дмитриевич, — сказала я, с трудом скрывая волнение, — позвольте говорить с вами вполне откровенно. Я хочу получить ответ на тревожащий меня вопрос. Вы вправе мне не ответить, но если ответите, отвечайте правду...

— Спрашивайте, — коротко сказал Донской.

— Скажите мне, как могло случиться, что эсерка Фанни Каплан по заданию ЦК пошла убивать Ленина? — выпалила я одним духом.

Донской молча смотрел на меня, потом положил руку мне на плечо и сказал:

— Вы так уверены, что Каплан была эсеркой?

— Но ведь об этом писали и пишут все газеты, и наши, и зарубежные... И говорят на каждом перекрестке!

— Так вот, милочка, прежде всего установим: никогда Фанни Каплан не была членом нашей партии. Кем она была,

с уверенностью сказать не могу — не то анархисткой, не то беспартийной... Но ни на каторге, ни позднее ее среди нас не было, и вообще почти никто, кроме каторжан-акатуйцев, ее не знал. Это первое обстоятельство. Теперь второе. Она действительно приходила к нам, и именно ко мне лично, с предложением послать ее убить Ленина. Посмотрел я на нее тогда — женщина довольно красивая, но несомненно ненормальная, да еще с разными дефектами: глухая, полуслепая, экзальтированная вся какая-то. Словно юродивая! Меньше всего мне приходило в голову отнестись к ее словам серьезно. Я ведь в конце концов не психиатр, а терапевт. Уверен был — блажь на бабенку напала!..

Он помолчал немного.

— Помню, похлопал я ее по плечу и сказал ей: «Пойди-ка проспись, милая! Он — не Марат, а ты — не Шарлотта Корде. А главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет — выкинь это все из головы и никому больше о том не рассказывай!» Ну, потом, как вам известно, она, к великому несчастью, все же привела свой безумный план в исполнение и тем немало нам навредила!..

— Как? — ответил он на мой безмолвный вопрос. — Очень просто! Собрала юнцов, таких же психопатов, как сама! Оружие, как вы знаете, добыть в то время было проще простого. А свалили все это на нас — так легче расправиться с теми, кто не угоден. Как видите — сидим вот...

— Но газеты — все решительно!

— Научитесь, деточка, не доверять газетам, — сказал он. — Особенно в период острой политической борьбы!..

И со своей лукавой усмешкой шиллеровского водяного прибавил:

— «Воля народа» писала же в свое время не только о Ленине, но и о вашем Камкове, что они «немецкие шпионы, которые приехали в запломбированном вагоне», и прочие глупости. Думаете ли вы, что авторы статей сами этому верили?

Я лишний раз училась тому, чем порой бывает политика, и все-таки пока еще так мало об этом знала!..

После, когда я дословно передала этот разговор мужу, он очень жестко ответил: «И это объяснение тебя удовлетворило? Пусть все было так, но нет им оправдания, а ему в особенности!.. Сама подумай: какой-то безответственный тип доводит до сведения члена ЦК политической партии о своем намерении совершить безумный и вреднейший по политическому значению акт. Что должен сделать в этом случае член ЦК?

Доложить другим товарищам, обсудить и быстро принять решение. Установить за таким субъектом наблюдение и, в случае необходимости, принять меры к его изоляции. Ты говоришь, он сказал, что она сумасшедшая. Тем тяжелее его вина. Он же врач! Ему ли не знать, что именно сумасшедшие и способны на всякие безумные поступки!.. На то они и сумасшедшие!.. Я остаюсь при своем мнении. Пусть все это правда — тем хуже. Это безответственное поведение несерьезных людей в самых серьезных обстоятельствах!..»

Прошло четыре с половиной десятилетия со времени описанного мною разговора в коридоре Бутырской тюрьмы. Давно уже нет в живых ни доктора Донского и никого из членов «теневого кабинета». Ушел из жизни мой муж и большинство близких товарищей. И вот всего лишь несколько лет тому назад я получила подтверждение, что Дмитрий Дмитриевич мне тогда не солгал. Мне пришлось познакомиться с очень интересными мемуарами, которые пишет Баранченко³². Старый большевик, поныне оставшийся членом своей партии и, как ни странно, никогда не бывший в нашем положении даже в самые мрачные сталинские времена, он несколько лет в начале революции был сотрудником ВЧК.

В 1917 году он женился на отбывавшей до того каторгу анархистке Фаине Ставской³³, перешедшей вскоре в РКП(б). Жене его через 20 лет припомнили ее предосудительное прошлое, хотя она и оказала услугу своим новым «хозяевам», когда, повинуясь партийной — большевистской — дисциплине, назвала себя эсеркой и выступила на процессе правых эсеров с ложными показаниями. В 1937 она была арестована и расстреляна. Мемуары Баранченко посвящены ее памяти, и в них черным по белому написано, что Фанни Каплан, с которой она очень близко сдружилась на каторге, *была анархисткой*.

Не только мемуары Баранченко, но и многие другие свидетельства* окончательно убедили меня: Фанни Каплан членом партии П.С.-Р. не была. «Водяной» сказал мне тогда чистую правду.

* См., в первую очередь, собственные показания Ф.Каплан, данные перед расстрелом, в журнале «Пролетарская революция» (1923, №6-7, сс.282, 284), а кроме того, книгу «На женской каторге» (М., 1930, с.211) и статью «Защита Учредительного собрания» в сборнике «Октябрьская революция» (М., ГИЗ, 1926. Серия «Революция и Гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев»).

Что же касается второго его утверждения, будто ЦК П.С.-Р. ее на террористический акт не посылал, то в этом не может усомниться ни один человек, имеющий хоть малейшее представление об этой партии.

В ней всегда было достаточно горячих голов и смелых сердец, идейных борцов, которые без рассуждения приняли бы на себя любое задание, отдав за него свою жизнь. И мне неизвестен *ни один случай*, когда бы подобное задание поручалось человеку со стороны, не имеющему отношения к партии. Бывало еще в дореволюционные времена, что эсеровские боевые дружины объединялись с большевистскими для выполнения каких-либо экстренных боевых заданий, вроде совершения экспроприации или освобождения из тюрьмы товарищей, которым грозила смертная казнь, или даже для расправы с особенно жестокими царскими палачами на местах. Но никогда не могло случиться, чтобы совершение акта огромной политической важности было бы поручено пришедшей со стороны юродивой анархистке.

Нет, Дмитрий Дмитриевич не согнал; что же касается вывода, который сделал из его слов мой муж, то он справедлив. И это еще одно звено в длинной цепи политических промахов и несурязиц со стороны вполне порядочных людей.

**

Недели через две после прибытия в Бутырки нас ожидал сюрприз. В один прекрасный день в тюрьму явился Попов в сопровождении нескольких представителей ВЧК. Нас всех выстроили на площадке одного из коридоров и торжественно зачитали приказ. Все многочисленное население «Социалистического корпуса» разбивалось на две группы. В первом списке были названы члены ЦК и ЦБ правых эсеров, а также более или менее ответственные и активные в прошлом работники этой партии. Во второй список входили остальные эсеры, а также левые эсеры, меньшевики да еще несколько анархистов, которых я по Бутыркам совсем не помню.

Всем было предложено собраться с вещами. Нам предстоял переезд, куда — не сообщили. «Социалистический корпус», просуществовавший около двух лет, ликвидировался.

Мы тогда еще не знали, что то началась подготовка к процессу эсеров, который состоялся летом того же 1922 года.

Когда мы с Борисом собирали свои вещи, готовясь к поезду, к нам в камеру зашел «князь». Он был заметно расстроен и, конечно, не понимал, по какому принципу происходил отбор людей по спискам. «Сядем мы теперь сюда, на ваше место, — меланхолически протянул он, — а уголовники будут нас обслуживать!..» Мы вполне дружелюбно простились, пожелав друг другу всего хорошего. Больше я никогда о нем не слыхала и не знаю, что с ним стало.

Разъезд начался, когда стемнело. Сначала увезли большинство правых эсеров, как мы потом узнали, кого — во Внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке, кого — в Ярославский изолятор.

Нас, остальных, взяли на следующий день. Машина проехала короткое расстояние и остановилась. Нас доставили в Кисельный переулок, где для этой цели был, по-видимому, спешно выселен и занят обычный жилой дом. Такую удивительную тюрьму я увидела в первый и в последний раз в жизни, и она еще ярче вызвала у нас представление о разыгрываемом спектакле, в котором мы оказались невольными актерами.

То был высокий (по тем временам) пятиэтажный дом с единственным парадным входом. Вверх и вниз ходил лифт. На площадке каждого этажа у столика помещался конвоир с винтовкой, прислоненной к стене. Обычно он читал книжку и не обращал на нас никакого внимания.

По обеим сторонам площадки широко распахнутые двери вели вглубь обыкновенной добротной старой московской квартиры, состоящей из целого ряда комнат, больших и поменьше, со всякими коридорчиками и закоулочками.

Избранный тут же Совет Старост, гораздо более демократический, нежели «теневого кабинет» Бутырской тюрьмы, сразу же разместил нас по этажам и по комнатам. Четыре верхних этажа были отведены жильцам по их партийной принадлежности — меньшевики, эсеры левые и правые получили в свое распоряжение по половине, целому и даже по полтора этажа, соответственно числу членов. Нижний этаж остался незанятым: в нем была большая комната для свиданий и разные помещения, отданные в пользование нашей хозяйственной комиссии, как кубовая, разные кладовые и т.п.

Семейным парам отводились комнаты поменьше, а в больших поселилась холостая молодежь и одинокие старшие товарищи.

Мы получили уютную маленькую комнату, где стояли два топчана с матрацами и большой стол, имелись даже вешалки

на стенах. Все это выглядело вполне по-домашнему. Было достаточно тепло, так как в доме действовало центральное отопление.

Так же, как и в Бутырьках, одна комната стала «клубом», где помещались имевшиеся книги и газеты и где постоянно проходили разные дискуссии, доклады и лекции и часто устраивались концерты. Душа тюремной музыкальной жизни — Качаровский — был с нами и здесь, а с ним почти все его певцы, певицы и музыканты.

Быт Кисельного переулка запомнился мне лучше, нежели бутырский. Может быть, потому, что здесь пришлось больше просидеть, а кроме того, здесь не было вечного калейдоскопа лиц и встреч, как там, и вообще было гораздо меньше народа. Здесь я близко познакомилась с товарищами, которых раньше не знала лично или знала очень мало: Каховской, Майоровым. Здесь приобрела друзей, о которых по сей день вспоминаю с острой болью.

**

*

Наша тюремная жизнь тех месяцев на Кисельном внешне напоминала плавание на океанском пароходе: кругом море, отрезанность от мира, внутри же можно делать, что кому угодно — читать, заниматься, беседовать, слушать концерты собственных артистов-любителей. Была и возможность влюбляться, сходитьсь и расходиться. Помню, когда из Бутырской тюрьмы увозили эсеров, одна молодая женщина заявила, что она желает последовать за Всеволодом Шестаковым³⁴, так как считает себя его женой. Ее молоденький муж остался в одиночестве, и всю ночь девчонки бегали к нему в камеру, отпаивали его водой и всячески старались утешить, успокоить...

Между прочим, впоследствии он женился на анархистке Кате (фамилии не помню), их брак был очень счастливым, и разбил его только тридцать седьмой год...

Внизу двери, выходящие во двор, были незаперты, мы могли гулять когда и сколько хотели. Весной можно было часами сидеть с книжкой на воздухе. И мне тогда вновь вспомнились тюрьмы эпохи французской революции, особенно описанная Анатолем Франсом и Диккенсом знаменитая Консьержери. Только там над головами узников все время висел на волоске нож гильотины, и это придавало их быту трагический колорит пира во время чумы.

Мы же чувствовали себя совершенно иначе. Многие из нас были уверены, что уйдут на свободу, остальные знали, что хуже ссылки на три года их ничего не ожидает, а там можно и жить, и работать. Почти все мы были молоды и здоровы, не боялись никаких трудностей жизни.

Хотя в Италии уже совершился фашистский переворот, большинство из нас не верили, что то первая ласточка новой страшной эпохи европейской истории, а все еще надеялись, что мировая революция отнюдь не собирается мириться со своим временным поражением и вот-вот вспыхнет вновь.

Что же касается нашей страны, то, полагали мы, здесь уж во всяком случае революция своего последнего слова не сказала. В ее нынешних руководителях мы видели не врагов, а всего лишь политических противников, и особенных репрессий по отношению к себе с их стороны не ожидали. Помню, как однажды во время очередного вечернего «концерта» в нашем клубе Камков, который сидел со мной рядом, смеясь, шепнул, наклонившись к моему уху: «Вот бы сюда сейчас какого-нибудь журналиста из белой или буржуазной прессы! Пусть бы сфотографировали с надписью: "В большевистском застенке"!»

Мог ли он тогда предвидеть, что полтора десятка лет спустя ему придется выпить полную чашу смертной горечи в страшном лубянском застенке!.. И что встретится он там с моим сыном*, который в 1922 году семилетним крошкой приходил на свидания с родителями в Кисельный переулок. В эти часы свиданий у нас действительно появлялось сознание, что мы узники пусть гуманной, но настоящей тюрьмы. Свидания давались один раз в неделю по часу в большой комнате нижнего этажа. Туда набивалось столько народу, сколько могло поместиться. К нам приходили обычно мой отец и брат, мать мужа и оба наших мальчика. Всю неделю я копила конфеты, которые нам часто выдавали в тюремной пайке вместо сахара, чтобы украдкой сунуть их детям.

Папа всегда старался, со своей стороны, принести мне что-нибудь сладкое. Добрейшая моя свекровь обычно приносила множество домашних котлет.

* В 1938 г. либо в конце 1937-го, моего сына, арестованного, по-видимому, за неудачный выбор родителей, несколько времени продержали в Лефортовской тюрьме. Там его на три или четыре дня зачем-то посадили в одну камеру с Камковым. Сын потом рассказывал мне, что Б.Д. был сильно измучен, удручен и почти ослеп.

Какими жалкими казались мне рожицы ребятишек, особенно младшего, и особенно когда приходила минута прощания. Вот когда я действительно чувствовала себя заключенной! Сколько пришло потом таких и еще гораздо горших расставаний!

Кроме моих детей, в комнату свиданий приходили дети других товарищей, мальчики и девочки разных возрастов. И другие седые отцы и матери...

Вечером, когда удавалось подавить в себе тяжелое впечатление от прощания с близкими, у нас в комнате устраивался «пир». Появлялись Камков, Трутовский, Майоров. Иногда заходили меньшевики — Петренко³⁵, старый знакомый Локерман³⁶, большой любитель всяких анекдотов в стиле Шолом-Алейхема. Немало людей приходило на «огонек», на горячий чай... Днем муж обычно много занимался, мы оба читали, вечером они с Камковым часто сражались в шахматы, которых я терпеть не могла и всегда убегала куда-нибудь.

На Кисельном мы очень близко познакомились и сдружись с Борисом Давыдовичем, и эта дружба окончательно сняла с моей души тяжелый осадок от всей истории моего разрыва с П.С.-Р. Я откровенно поведала ему все подробности этого разрыва и допущенной мною в то время тяжелой ошибки, когда едва не рассталась с жизнью...

Однако, помимо меня, ему постарались сообщить обо всем этом другие.

Среди сидевших в Кисельном переулке эсеров оказалась жена одного нашего старого товарища по петербургскому подполью и студенческому Совету Старост Гриши Катценленбогена.

Это была красивая брюнетка моих лет, живая и неглупая, по имени Леония Максимилиановна Блох. Муж ее находился где-то в другом месте — не то в ссылке, не то в Соловках, а она попала в тюрьму беременная на третьем или четвертом месяце.

Мы с ней часто встречались на прогулках, иногда вместе гуляли, вспоминали Гришу. И вот именно она решила сообщить Борису Давыдовичу, очевидно, с намерением меня скомпрометировать, всю несчастную историю моего ухода из партии. Камков сам рассказал мне об этом и, увидев, как я сразу помертвела, быстро прибавил: «Ну что ж, я ответил, что все это мне известно от вас лично. И еще сказал: уж не думают ли они, будто их якшанье с Колчаком, эпопея с Самарским правительством и т.п. лучше, нежели слепое увлечение боль-

шевизмом? Да такая ошибка в тысячу раз прощительнее для революционера! Поверьте, больше никто из них со мной на эту тему не заговорит...»

Так была подведена черта под самым в то время мучительным этапом моей жизни, исчезла горечь воспоминаний о нем, и я почувствовала себя снова свободной и спокойной. Так у меня появился хороший друг.

Борис Давыдович был в то время еще молод — ему и сорока не было, но он успел прожить бурную и яркую жизнь, многое передумал, перечувствовал и переоценил. Именно в те годы заключения (а сидел он уже около трех лет) происходил и завершался в его внутреннем мире процесс созревания мысли и таланта, тот процесс, который едва лишь наметился, когда наша революция бросила его прямо в пекло политической жизни и борьбы.

Именно тогда, на Кисельном, он обдумывал план своей будущей работы «Уроки Парижской коммуны», где нашли выражение и были точно сформулированы его взгляды на тот путь, по какому должно идти развитие социалистической революции, чтобы она привела к подлинно демократическому устройству общества и не выродилась в свою противоположность. Ясно, последовательно и логично развертывались в этой книге мысли, которые в наши дни робко пытаются положить в основу своего государственного строя коммунисты Югославии. Думаю, что единственный экземпляр этой работы находится ныне в архивах КГБ*, если они такие документы хранят...

Борис Давыдович отличался необыкновенным обаянием в личном общении с людьми. Умный, остроумный и веселый, он тогда еще сохранял неизменную жизнерадостность, доставлявшую много удовольствия окружающим. Никто другой не умел так громко и заразительно, от души смеяться, не знал столько веселых историй, не мог вовремя пошутить, чтобы прогнать грусть, нет-нет да и закрадывающуюся порой без спроса в сердце... Всегда ровный и добрый в общении с товарищами, будь то почтенный цекист или совсем зеленый юнец, он пользовался огромным авторитетом в своем коллективе и неизменным уважением со стороны всех остальных. Правда, я заметила еще в Бутырках, что правозсеровские лидеры его недолюбли-

* А может быть, этот единственный экземпляр, попавший в руки ОГПУ, кажется, в 30-м году, был передан в ИМЭЛ, где должен был сохраниться. В 1937 г. все отобранные рукописи просто жгли.

вали и держались холодно и довольно отчужденно, но это было вполне понятно и не слишком его огорчало.

Он родился в Кишиневе в семье земского врача из тех интеллигентов-тружеников, которых до сих пор не забыли немногие оставшиеся в живых представители старшего поколения его земляков. Будучи с ранней юности связан с революционным движением и оказавшись участником и исполнителем одного местного террористического акта, он был сослан в Туруханск и, бежавши оттуда, оказался в эмиграции. Жил в Германии и учился в Гейдельбергском университете, где окончил факультет права и философии.

Он был органическим, до мозга костей интернационалистом. Одним из его близких друзей был знаменитый Левинэ, стоявший во главе Баварской коммуны и казненный после ее гибели³⁷.

В Россию он приехал вскоре после начала революции «в запломбированном вагоне», как и Ленин, за что на него грязно клеветала не только буржуазная, но и правозэсеровская пресса.

И хотя совсем недавно Альтовский уверял меня, будто ничего подобного быть не могло, мне хорошо запомнился рассказ Евгении Андреевны Камковой о случае, когда она указала на дверь одному писаке из «Воли народа», который печатно намекал на «немецких шпионов из запломбированного вагона» и вскоре потом заявился к ним в гости.

Борис Давыдович всегда, еще в эмиграции, занимал в П.С.-Р. самые левые позиции. Участие его в Октябрьской революции было вполне логичным, оно закономерно вытекало из его взглядов и соответствовало его революционному темпераменту. Сразу же после приезда в Россию весной 1917 года он был избран в Петроградский Совет, и вокруг него сгруппировались эсеры-интернационалисты, из которых вскоре создалась Партия левых эсеров, ставшая затем второй правящей партией советской страны. История блестящего успеха и падения этой партии, имевшей, казалось бы, все шансы прочно занимать свое место в организации двухпартийной системы власти Советов, была еще свежа тогда в нашей памяти. Меня не было в Москве летом восемнадцатого года, когда разыгралась июльская трагедия. Я представляла себе подоплеку этих событий, так как понимала, что расхождение было не только в вопросе о Брестском мире. Оно, конечно, коренилось глубже, ибо к тому времени уже проявил себя тот самый порок системы, который вскоре привел к страшным последствиям, скромно именуемым теперь «культом личности Сталина». Мне непонятно было другое:

если уже было начато восстание, то почему оно все же фактически им не стало? Если, скажем, арестован был Держинский, то зачем его тут же отпустили, тем самым дав ему возможность расстрелять кое-кого из участников? Надо было, думалось мне, несмотря на тогдашнюю мою молодость и малую политическую опытность, либо, пойдя на компромисс и ставши партией оппозиции, сохранить блок с большевиками, либо же, порвав с ними, идти в своем протесте до конца, не боясь ни поражения, ни гибели.

Я все-таки однажды решила задать такой вопрос Борису Давыдовичу. И услышала ошеломивший меня ответ: «У нас вовсе не было намерения их свергать. Это не было задумано как мятеж, а лишь как вооруженная демонстрация. Если хотите знать, мы могли их тогда раздавить, как клопов, так как на нашей стороне была большая часть народа и армии. Именно это последнее мы и хотели продемонстрировать — им и германским империалистам, обнаглевшим здесь в то время до невероятных пределов».

Он помолчал, закурил.

Я тоже молчала, глядя на него во все глаза. Он заговорил снова:

— К тому времени начинавшаяся было революция на Западе стала затухать и была подавлена. А без поддержки мировой революции как могли бы мы строить здесь, у себя, подлинный социализм!.. Так оно в конце концов и получается!.. — усмехнулся он, прервав сам себя. — Наше выступление в июльские дни имело целью стимулировать революционное движение за рубежом, особенно в Германии, которая стремилась растоптать нашу революцию... Нам угрожал термидор!

— Неужели вы допускаете, что у нас была возможна реставрация? — спросила я.

— Термидор еще не означает реставрации... И он бывает не только, так сказать, физическим — еще страшнее термидор моральный. Революция как будто не подавлена, есть Советы, у власти стоят социалисты, решившие установить в стране социалистический строй, но это только внешнее, формальное, а содержание другое. Ведь душа социализма — свобода, она отлетает, и остается, в конце концов, тело без души. Террор, диктатура одной партии, которая уже не выражает воли трудовых классов, поскольку классов этих уж во всяком случае — два, да еще каждый из них неоднороден... — он еще помолчал и прибавил: — Признаки всего этого нами ощущались уже тогда, в июле восемнадцатого... Не на одном Бресте было

расхождение. А уж теперь!.. *Культурный* диктатор, — подчеркнул он с усмешкой, — уже фактически управлять не может, так как он смертельно болен, и ему вряд ли суждено вернуться к делам государственным... А уж без него — демагогов там хватит!..

Наш разговор по какой-то причине на этом оборвался. Он возобновлялся впоследствии не раз, причем не всегда заканчивался такими мрачными прогнозами.

...Случилось так, что в эти дни, спустя полные полвека после рокового V съезда Советов, я смотрела идущий на экранах Москвы фильм под названием «Шестое июля».

С тревогой ожидала увидеть и услышать шаблонный поток лжи и клеветы.

Этого не произошло. Скажу больше: события тех дней были изложены исторически верно, не было и привычного для наших официальных историков стремления показать героев этих событий в качестве разновидностей контрреволюции.

На экране была Москва 1918 года. Была атмосфера тех незабываемых лет, полных счастья, отчаянья и надежды.

Все это было... Но для меня главным здесь было другое. Вряд ли я сумею описать чувство, захватившее меня, когда на экране вдруг, спустя полвека, возник исчезнувший мир... Портретное сходство не было выдержано, да и не в нем суть. Кроме того, близорукость и волнение мешали мне рассмотреть лица.

Словно я очутилась на дне озера, и ожил передо мной заколдованный и непокорный град Китеж, над которым сомкнулись озерные волны. И вот я вижу и слышу их всех, дорогих, близких, знаю, какой страшный конец ждет в будущем большинство из них, знаю также, какую ужасную, непоправимую ошибку они сейчас совершат. Мне хочется крикнуть: «Товарищи, остановитесь! Вот что из этого выйдет!»

Но словно в тяжелом сне, крикнуть нельзя, надо молча смотреть и еще и еще раз переживать все снова, расставаться с каждым из них заново и знать, что этих прекрасных, ярких и чистых людей уже давно нет и никогда не будет, что вместе с ними исчез огромный мир, неповторимый и невозполнимый ничем.

И что не только волны времени, но еще гораздо страшней — волны безудержной лжи сомкнулись над этим миром и погребли его под собой, как легендарный Китеж. Моим ли слабым силам бороться с такими волнами?

За те два часа, что продолжался сеанс, вновь пережиты были все пятьдесят лет...

В фильме Свердлов говорил Колегаеву³⁸: «Зачем вы все это сделали? Зачем ушли из правительства? У вас были все возможности быть сильной партией оппозиции: люди, средства, газеты. А теперь вы перестали существовать как партия».

...Какими мы все сейчас умными стали! Как самоуверенно заявляем: не надо было поступать так, надо было сделать эдак! Да, теперь, когда прошло пять десятилетий, стал очевиден тот непоправимый ущерб, который нанесен было всему дальнейшему развитию нашей революции, когда становящаяся традиция двухпартийной системы оказалась сразу зачеркнутой необдуманном взрывом эмоционального протеста. И все же...

Брестский мир не остановил наступления немцев. В Москве сидело посольство во главе с Мирбахом, а германская армия в это время оккупировала Украину. Мне пришлось лично наблюдать эту оккупацию. Генерал Эйхгорн восстановил на Украине частную собственность на землю, ввел военно-полевые суды, порку крестьян шомполами.

В.Г.Короленко писал о хозяйничанье немцев, вкуче с гайдамаками, в Полтаве:

«Перед немцами все безмолвствует и стушевывается, а на местах сами немцы являются лишь орудием реакции и мести нерасчетливой и дикой. "Соотношение сил" определяется присутствием немцев»*.

Революция в Германии запаздывала: в стране, чья армия еще в состоянии активно наступать, революционное движение притихает.

В то же время продовольственная политика правительства (продразверстка) создавала отчаянное положение в деревне и провоцировала стихийные крестьянские восстания, причем отнюдь не кулацкие, как их изображает официальная наша история. Именно это обстоятельство впоследствии заставило Ленина перейти к нэпу.

Признаки единоличной диктатуры, хоть и умного и культурного диктатора, уже начинали выявляться. Созданы были лагеря, ведомство Дзержинского вместо того, чтобы сокращать сферу своей деятельности, стало, наоборот, ее расширять, превращаясь в нечто вроде «государства в государстве». Теперь

* С.В.Короленко. *КНИГА ОБ ОТЦЕ*. Ижевск, 1968, с.318. — Ред.

нам стало известно, какими неприглядными методами оно в своей работе пользовалось.

Диктатура грозила уничтожить демократические принципы Октября.

И вот — взрыв... Не восстание, не «мятеж», как это называют наши нынешние историки.

«"Передышка" задержала на полгода германскую революцию, — писала М.А.Спиридонова Ленину сразу после 6 июля. — Наша левоэсеровская попытка расторгнуть Брест была отчаянной попыткой апелляции нашего общего Октября к Революции... В июле мы не свергали большевиков, мы хотели одного — террористический акт мирового значения, протест на весь мир против удушения нашей Революции. Не мятеж, а полустийная самозащита, вооруженное сопротивление при аресте. И только».

Мне думается, не только это: здесь было действенное выражение всех разногласий — сигнал соратникам по Революции о великой опасности. Расчет был на то, что сигнал будет услышан и понят народом и всеми, кому судьба Революции дорога.

Просчитались... Горько ошиблись...

И опять тюрьма 1922 года и голос Камкова: «Разве в революции всегда правы победители? "Vae victis" — "горе побежденным" — придумали грубые римские солдафоны. Часто бывает верно другое: "Gloria victis" — слава побежденным! В истории нередко случается, что побежденными оказываются победители. Пример вам Парижская коммуна, она пала, ее защитники были побеждены и погибли. Но разве идея погибла? И разве меньше революционная доблесть Левинэ и других баварских коммунаров, которые пошли на казнь, но не на компромисс?!»

И еще. Вспоминаю один такой жаркий диспут в Кисельном переулке. Кто-то из правых эсеров доказывал, что настоящий социализм в России, несущий идеи правды, справедливости и свободы, если и будет когда-нибудь построен, то не раньше, чем через двести лет! Оппонентом выступил Камков, утверждавший, что век революций далеко не закончен и социалистическая система в Европе победит к середине XX столетия...

Пройдет всего полтора десятка лет, и оба участника той дискуссии падут жертвами сталинского «социализма». Но разве могли тогда вообразить нечто подобное мы, считавшие, будто разногласия между нами и «ими», в конце концов, не мешают строительству нового мира, и, хотя всегда придется

упрямо спорить, мы вернемся и строить придется вместе!.. А то, что сейчас с нами происходит, — это несерьезно, это вроде театрального представления из времен Великой Французской Революции!.. Только, разумеется, без гильотины!

Никто из нас, в том числе и марксисты различных оттенков, включая и тех, кто пытался строить новое государство «по учителю», — не подозревали, какая гигантская гильотина ожидает нас всех вместе в сравнительно недалеком будущем!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Донской Д.Д. (1881-1936) — чл. ПСР, сын сельского врача, практиковавшего в Подольской губ. В годы первой мир. войны Д. — воен. врач на Кавказском фронте, чл. Санитарного совета фронта. К 1917 — чл. ЦК ПСР. После февр. 1917 избран в Совет Солдатских депутатов Тифлиса, в котором возглавлял военно-врачебную комиссию, в апр. того же года был кооптирован в ИК Совета. С 25 мая Д. — пред. Президиума Краевого Совета Кавказской армии (Закавк. Краевого ССД) и комиссар фронта. Пробыл в этих должностях до сер. дек. 1917. В нояб.-дек. 1917 входил в состав Закавказского комиссариата (местного пр-ва), возглавляя там военное ведомство. В конце дек., вероятно, уехал в Пг для участия в Учредит. Собрании, членом которого был избран. После янв. 1918 руководил военной комиссией ПСР. Арестован не позднее осени 1919, содержался в Бутырской тюрьме.

По данным обвинительного заключения по делу ПСР (1922), Д. в 1918 дал санкцию Г.Семенову на создание Центральной Боевой Организации ПСР. По тем же сведениям, незадолго до своего покушения на Ленина с Д. встречалась и Ф.Каплан. На суде Д., не отрицая факта встречи, вспоминал, что сказал ей тогда, что «партия террористической борьбы не ведет», и пригрозил ей, что она «поставит себя вне партии, если выступит». Д.Л. Голиков, цитируя, видимо, не публиковавшиеся ранее показания Д. (скорее на процессе, чем на следствии), приводит следующий текст: «...Когда произошло покушение, у меня явилась мысль о ней... удалось встретиться с моими товарищами по бюро. Обсудивши и выяснивши положение, мы решили выпустить сообщение... о непричастности партии к этому покушению». По словам Г.Семенова, Д. в ответ на заявленное ему недовольство ЦБО отмежеванием ЦК от ее деятельности, предложил путь компромисса: «...единственная возможность, которая осталась — эта мысль ему понравилась — действовать как народные мстители, черные маски, вот это дело хорошее, тут партия будет в стороне, и, с другой стороны, капитал приобретем, удар основательный нанесем Сов. вла-

сти». Вторая важнейшая обличительница эсеров Л. Коноплева показывала о предложении Д. участнику покушения Новикову написать о нем воспоминания для партийного архива. На суде оглашалось и перехваченное властями письмо Д. из тюрьмы к новому составу ЦБ ПСР от 5 сент. 1921: «С радостью узнали о благополучном исходе X Совета партии. X Совет партии совершенно правильно заявляет, что главным заданием является преодоление диктатуры правящего правительства».

В своем последнем слове Д. заявил, что использовал процесс как возможность отчитаться перед ПСР в своей деятельности за последний период, и выразил надежду, что партия не вынесет ему осуждения. Приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено и поставлено в зависимость от поведения находившихся на свободе членов ПСР. После нескольких лет заключения был сослан в Нарымский край. Год смерти Д. дан нами по кн.: *ОДИННАДЦАТЫЙ СЪЕЗД РКП(б)*. Стенографический отчет. М., 1961, с.819.

² (Вместо биосправки о Б.Д. Камкове мы помещаем небольшую статью о нем К. Львова, которая содержит не только уникальные факты из биографии К., но и не встреченную нами до сих пор в доступной литературе попытку целостного анализа причин гибели ПЛСР. Что же касается примененной автором терминологии и его общего взгляда на события, основанного на посылке «что было бы, если бы...», то мы не можем с ним согласиться.)

Камков (Кац) Борис Давыдович род. в 1885 в Сорокском уезде Бессарабской губ., сын земского врача. Среднее образование получил в Кишиневе.

За участие в террористической деятельности ПСР в Николаеве в 1904 арестован, в 1905 сослан в Туруханский край.

В 1907 К. бежал за границу. В 1911 окончил Гейдельбергский ун-т по факультету права. Сотрудничал в эмигрантской прессе, в годы войны одним из первых среди эсеров (вслед за М.А. Натансоном и В.М. Черновым) твердо встал на пораженческие позиции, участвовал в Циммервальдской конференции.

Весной 1917 с группой революционеров через Германию (из Италии в Копенгаген) К. вернулся в Россию. (Летом 1917 в цензовой печати появились «сенсационные разоблачения» К., якобы являвшегося германским шпионом Грессером.) Был избран в Пг Совет, где вокруг него стали группироваться эсеры-интернационалисты — П.П. Прошьян, А.М. Устинов, народная героиня М.А. Спиридонова, старый народолец М.А. Натансон и др. К. стал лидером этой группы. В списке кандидатов в Учредительное собрание от ПСР К. занимает второе место — после Чернова. В «Совете республики» (Предпарламенте) 24 октября К. выступил с требованием немедленной отставки Керенского, заключения мира и образования социалистического правительства.

Вместе со своей группой К. стал на сторону Октябрьской революции, после чего все левые были исключены из ПСР. Он был одним из создателей новой партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Если Спиридонова — знамя партии, Прошьян — ее главная организующая сила, то Камков — ее вождь-теоретик и оратор. За короткий период легальности в свет вышли его работы — об оппортунизме германского рабочего класса, об историко-философских взглядах П.Л. Лаврова и др., а главное — брошюра с характерным названием *ДВЕ ТАКТИКИ*, посвященная расколу эсеровской партии в 1917 (явная аналогия с ленинской книгой *ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА*).

15 дек. 1917, после долгих и бесплодных попыток уговорить большевиков на создание «однородного социалистического правительства» с включением меньшевиков и эсеров центра, левые эсеры, наконец, вошли в Советское правительство. А.Л. Колегаев стал наркомом земледелия, П.П. Прошьян и В.А. Карелин вошли в пятерку «Политбюро Совнаркома», К. был зам. председателя ВЦИКа. В январе 1918 на 3-м съезде Советов, где, действуя в духе заключенного с левыми эсерами блока, большевики приняли закон о социализации земли, К. выступил за необходимость «передышки», мира с Германией любой ценой.

Но не прошло и месяца, как тот же К. вместе с Прошьяном повернули партию на 180°, взяв за основу мысль, что любое соглашение с империализмом сорвет поднимающуюся на Западе революцию; пусть-де германская армия продолжает свое предательское наступление, займет всю Россию — против нее надо вести «революционную войну». На 4-м съезде Советов 14 марта 1918 К. в содокладе издевался над самим понятием передышки, вызвав весьма резкую отповедь Ленина. Съезд ратифицировал Брестский мир, в ответ ПЛСР вышла из правительства.

Идут последние месяцы существования ПЛСР как массовой партии (собиравшей голоса почти всего крестьянства, имевшей более трети мест на съездах советов). В конце марта К. и др. лидеры выезжают на Дон, на Украину, тешатся безнадежными попытками своих отрядиков оказать сопротивление неумолимой машине германской армии, оккупирующей юг России.

В апреле К. выступает основным докладчиком на 2-м съезде партии в Москве. Авантюристическую линию К., Прошьяна, Карелина, И.З. Штейнберга резко критикуют и ветераны революции Натансон, Спиридонова, А.А. Биценко, и практики, уже сработавшиеся с большевиками: Колегаев, И.А. Майоров, Устинов; они требуют возвращения в правительство, говорят о том, что партия предала крестьянство, отдав большевикам Наркомзем... И все-таки в течение мая такая, казалось бы, мощная оппозиция была нейтрализована. На митингах и в печати К. и др. лидеры раздувают разногласия с большевиками. В большой статье (журнал «Наш путь», №2) К. обрушивается на основные тезисы Ленина (*ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*).

Наконец, в рядах партии рождается безумная идея — «выпрямить линию советской политики» чисто эсеровским методом, путем взрыва, хаоса, в котором сами собой перетряхнутся партии и классы, к власти придет трудовое крестьянство вместе с пролетариатом — через ПЛСР и «обновленную» партию большевиков, в которой должно победить левое крыло, состоявшее из крупнейших деятелей: от Н.И. Бухарина, М.С. Урицкого, В.П. Ногина до В.В. Куйбышева, Бела Куна и многих других. (По многим вопросам внутренней политики, как и по вопросу Брестского мира, левые коммунисты стояли близко к левым эсерам. Но никаких переговоров с левыми коммунистами о коалиции не было, а был лишь политический расчет на раскол большевиков. Как известно, левые коммунисты этих надежд не оправдали.)

3-й съезд ПЛСР (28 июня — 1 июля) предоставляет ЦК, преодолевшему недавние разногласия, свободу действий.

4 июля открывается 5-й съезд Советов. Страсти разгораются после выступления Троцкого, требовавшего расстрела всем тем, кто разжигает враждебные действия против германцев на демаркационной линии; левые эсеры не без оснований принимают его угрозы на свой счет. С револьвером на боку, размахивая кулаками, К. обрушивается с яростной бранью на германского посла Мирбаха, сидящего в дипломатической ложе, и на большевиков, называя их «лакеями германского империализма».

5 июля, выступая на съезде с содокладом, К. говорил, обращаясь к большевикам: «Ваши продотряды и ваши комбеды мы выбросим из деревни за шиворот».

6 июля свершается задуманное в тайне предприятие. Днем члены ЦК покидают Большой театр, где идет съезд Советов, и собираются в штабе левозэровского кавалерийского отряда в Большом Трехсвятительском переулке. Нервное ожидание разрешается появлением автомобиля с Блюмкиным и Андреевым — они только что убили Мирбаха в помещении посольства.

Типография печатает листовки, члены ЦК бросаются в воинские части, на заводы. Но их агитация не волнует массу. Убили Мирбаха? Тула ему и дорога. Защищать революцию от германского империализма? Но в Москве нет никаких германцев! А уж тактика цекистов непонятна даже бойцам из отряда Попова. Военные настаивают на чем-то реальном — штурме Кремля, пока на их стороне элемент внезапности и перевес в силах. Но Прощьян, Камков и другие удерживают «агрессоров»: ни шагу вперед! Только вооруженная демонстрация, только оборона своего штаба! Все решит народ.

Лидеры партии, очевидно, понимали, что они не смогут ни удержать власть единолично, ни заставить большевиков силой разделить власть с ними. Они боялись и того, что наступательная борьба с большевиками развяжет руки «третьему радующемуся» — буржуазии. (Расстановка сил в Москве была для ПЛСР в то время особенно неблагоприятна: на закончившихся 25 апреля выборах в Моссовет большевики получили 350 мест, а левые эсеры 40, тогда как даже

эсеры центра завоевали 61 место! О силе «буржуазии» говорит продолжительность октябрьских боев: несколько часов в Петрограде — несколько дней в Москве...). Эта пассивность придала всей затее левых эсеров характер трагического шутовства...

Почти 24 часа левые эсеры сидят, ждут, а большевики действуют: арестовывают левозеровскую фракцию в Большом театре, стягивают в город войска (надежными оказываются лишь латышские стрелки). Игнорируя предложения поповцев о переговорах, Вацетис приказывает арт. батарею громить штаб прямой наводкой. После обстрела происходит бегство. Партия теряет десятки миллионов избирателей, десятки тысяч членов, представительство в ЧК и в советах, свою прессу, почти всякую связь с массами. Такова цена авантюры.

К. скрывается под Москвой. В начале октября 1918 он выступает на 4-м съезде партии, проводящемся в оригинальных условиях полуподполья, в помещении комитета партии Рогожского района. Принимается решение о борьбе вплоть до террора против тех, «кто поднимет руку на партию л.с.-р.», однако ЧК не отметила даже попыток к проведению такого террора.

Революция в Германии и разрыв Брестского мира не приводят к примирению двух революционных партий. Тактика ЦК в этот момент — попытаться овладеть положением в освобождающихся от немцев окраинах России. К. ведет эту работу в конце 1918 — начале 1919 в Литве, затем перебирается на Украину.

В январе 1920 К. впервые арестован (в Москве), в мае освобожден в связи с появлением в журнале «Знамя» (№3-4 /5-6/, май-июнь) его статьи о необходимости поддержать Советскую власть в ее тяжелой борьбе с панской Польшей. Но после раскола с «легалистами» подпольная конференция ПЛСР в начале 1921 опять принимает резолюцию, призывающую к активной борьбе. Возможно, это и дало повод для окончательного разгрома партии в феврале 1921 (незадолго до Кронштадтского восстания) и аресту всех ее лидеров (кроме «легалистов»). Им приходится отбыть трехлетнее заключение, к которому их заочно приговорил Верховный Рев. трибунал за мятеж 6 июля.

С 1923 по 1931 К. живет в ссылке в Челябинске, Твери и Воронеже. Затем два года тюрьмы по делу т.н. «крестьянской партии». С 1933 он снова в ссылке в Архангельске, работает юрисконсультom в Рыбтресте.

6 (?) февраля 1937 все левые эсеры были арестованы. 7 марта 1938 К. выступал на процессе Бухарина и др. в качестве свидетеля. Даже по официальному отчету видно, что К. не подтвердил клевету на свою партию — насчет якобы имевшей место договоренности ЦК ПЛСР с бухаринцами об аресте Ленина, о связи ЦК с Каплан, стрелявшей в Ленина, и т.п., чего, вероятно, добивался от него Вышинский.

29 августа 1938 К. был приговорен к расстрелу.

Подобно всем остальным членам ЦК партии левых эсеров, К. не был политическим деятелем большого масштаба. Он был глубоко

образован, хорошо писал, темпераментно говорил — умел заечь «свою» массу, но не убедить колеблющуюся или чужую. Даже в те бурные времена он отличался чрезмерной горячностью, и правильная мысль приходила к нему с опозданием — как к простому смертному, а не как к политику, который должен даже в пылу политических битв видеть далеко вперед. Он поддавался влияниям (в частности, Прошьяна). Его сила воли была скорее азартом игрока.

Почему же он стал лидером большой партии?

По воле судьбы Камков оказался *первым левым* среди эсеров в самом центре событий — в Петроградском Совете: Спиридонова из Читы, Прошьян из Финляндии, Карелин из Харькова, Черепанов из Москвы, Натансон и Устинов из эмиграции — все они шли к нему, а не он к ним. Интернационалистом его сделал не «врожденный пацифизм» еврея, а революционный темперамент борца. Какое-то время он владел правильной оценкой событий, но честолюбие заставило его переоценить свои возможности.

Гибель большой революционной партии привела к однопартийной системе в России. К. здесь является одним из главных виновников.

³ Самохвалов М. — в 1918 сотрудник левозесеровского журнала «Наш путь», автор рецензии на книги по рабочему вопросу и статьи *ОКтябрьская революция и социальное страхование*, в конце 1919 чл. ЦК ПЛСР, сторонник активизации деятельности партии.

⁴ Гоц Абрам Рафаилович (1882-1940?) — один из лидеров ПСР. С 1906 — активный чл. БО ПСР. В 1907 арестован и приговорен к 8 годам каторги. После февр. 1917 — лидер фракции ПСР в Петро-совете, был чл. Исполкома и Президиума Петросовета. С июня 1917 — пред. ВЦИК I-го созыва, в сент. — чл. Демократического Сове-щания, в окт. — участник заседаний комиссий Предпарламента (во-енной и по иностр. делам), пред. К-та спасения родины и революции. В партии в 1917 занимал центристскую позицию. 18 дек. 1917 аресто-ван в числе членов Союза защиты Учредительного собрания. 19 дек. освобожден по приказу И.З. Штейнберга и В.А. Карелина. По утвер-ждению Л.Коноплевой, в ответ на ее предложение организовать поку-шение на Ленина (февр.-март 1918) сперва дал согласие от имени ЦК, а затем, застав ее в Москве в подавленном состоянии, взял назад свое разрешение и велел ей, прекратив всякую работу, уезжать. По утверждению Г.Семенова, в мае 1918 санкционировал развертыва-ние террористич. работы и создание с этой целью Центр. Боевой Организации, а в июле дал санкцию на выступление Ф.Каплан. В февр. 1919, будучи членом Южно-Русского Бюро ЦК ПСР, принял участие в партийной конференции в Одессе, на которой отказался безусловно отвергнуть «всякое вмешательство в русские дела при со-временной мировой обстановке», допускал, что «ПСР могла бы его сан-кционировать», но «только в том случае, если бы это вмешательство

осуществлялось при наличии тесного общения русской демократии с демократией Запада».

Г. был арестован в 1920. В 1922 на процессе в ответ на вопрос «Что бы вы (эсеры) делали, если бы очутились сейчас на свободе?» — Г. ответил: во внешней политике «мы боролись бы со всеми замаскированными формами интервенции и блокады; мы отстаивали бы необходимость немедленного признания капиталистической Европой Советского правительства; мы оказывали бы содействие Советскому правительству в его борьбе против хищнических притязаний иностранного капитала. Поскольку в этой области политика правительства будет идти по линии интересов рабочего класса и всей страны, мы будем его поддерживать; мы будем с ним решительно бороться, поскольку его политика будет уклоняться от этих интересов». В последнем слове он заявил: «Мы выполним свой долг, какая бы участь нас здесь ни ожидала». Был приговорен к расстрелу, приостановленному исполнением (см. прим.1) и затем замененному 5-летним заключением. После амнистии в сер. 1920-х жил в «минусах» и ссылках, был на хозяйственной работе в Симбирском губплане. В последний раз арестован в 1937 и погиб в заключении. О его смерти существует несколько версий. В 1947 нью-йоркский эсеровский журнал «За свободу», ссылаясь на свидетельство одного скандинавского социалиста, сидевшего вместе с Г. в алмаатинской тюрьме, сообщал, что Г. был расстрелян спустя меньше года с момента ареста после многочисленных допросов с пытками. Приводя эту версию в кн. *ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ*, М.Вишняк оговаривается, что сведения, дошедшие до него много лет спустя из близких к Г. кругов, не подтверждают сообщения скандинавского социалиста.

⁵ Тимофеев Евгений Михайлович (1885-1941) — чл. ЦК ПСР с дек. 1917. Род. в семье ссыльных. С нач. 1900-х — в рев. движении и в ПСР. Арестован за террористическую деятельность, каторгу отбывал в Александровском центральном, где в 1910-х был старостой коллектива политических этой тюрьмы. С 1913 принимал участие в самодеятельных военных курсах, организованных им среди заключенных, сотрудничал по военным вопросам в сибирских периодич. изданиях. В 1915-16 выступал под псевдонимом в качестве постоянного сотрудника газ. «Сибирь». Освободившись после февр. 1917, возглавлял Иркутский Совет. Непосредственно перед созывом Учредительного Собрания руководил эсеровской агитацией в воинских частях. Весной 1918 вместе с И.Дашевским, В.Зензиновым и Б.Моисеенко организовал военную комиссию ЦК в Москве. В февр. 1919 участвовал в одесской конференции, организованной Южно-Русским Бюро. В 1920 был арестован и вплоть до процесса ПСР находился в Бутырской тюрьме. В последнем слове на процессе сказал: «Вы получите наши головы, чтобы положить их к ногам Коминтерна, но чести нашей вы не получите». Приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено (см. прим.1). Выйдя из заключения в сер. 1920-х, жил в Уральске, работал в местном губплане, занимался экономикой и археологией, состоял в О-ве по изу-

чению Казахстана. В 1926-28 выпустил несколько монографий, посвященных исследованию местного крестьянского хозяйства. Среди выводов одной из них писал: «...необходимость поднятия ценности бедняцких и середняцких посевов диктуется уже одним тем фактом, что при наличии системы единообразного обложения сельскохозяйственным налогом всех культур в настоящее время полеводство зажиточных хозяйств обкладывается значительно слабее, а трудовых — сильнее». Рекомендовал конкретные пути экономического регулирования сельского хозяйства в интересах бедных слоев. Вероятно, в конце 1920-х был арестован и сослан в Ср. Азию, где с нач. 1930-х появляются его работы по гидрологии края. До 1936 им написано их более 10. Дальнейшая его судьба неизвестна.

⁶ Гендельман (псевд. Грабовский, Якобий М.) Михаил Яковлевич (1881 - ?) — чл. ПСР с 1902, присяжный поверенный. Автор книг *БЛОКИ И СОГЛАШЕНИЯ* (М., 1906), *К АГРАРНОМУ ВОПРОСУ* (М., 1906), *К ПЕРЕСМОТРУ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ И ЕЕ ОСОБОВАННИЮ* (М., 1908), *ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА* (Пг., 1918). На 3-м и 4-м съездах ПСР (1917) Г. избирался чл. ЦК. В марте-мае 1917 — чл. Исполкома Комитета моск. обществ. организаций, с 1 марта — чл. Исполнительной комиссии Исполкома Моссовета, с марта вместе с Г.А. Кипенем и И.И. Скворцовым-Степановым редактировал «Известия Моссовета». В июле 1917 входил в состав Следственной комиссии, расследовавшей обвинение некоторых большевиков в сношениях с Германией. 25 окт. 1917 на Втором съезде Советов выступил с заявлением о неправомочности данного съезда и об уходе с него фракции ПСР. 29 окт. участвовал в заседании в Викжеле по вопросу о «конструкции власти». Был избран в члены Учредительного Собрания. В 1918-м Г. — тов. пред. Самарского Комуча, в сент. 1918 участвовал от ПСР в Уфимском гос. совещании. Наряду с представителями «правого крыла ПСР» был согласен на введение «безответственной Директории». Поясняя свою тогдашнюю позицию во время процесса ПСР, Г. сказал: «...если бы тогда в Директории была не такая слякоть, как Авксентьев, непригодный для государственной деятельности, тогда задача, для которой была создана Директория, могла бы осуществиться... Если бы тогда нашлось мужество действовать как твердая власть... разгромить Сибирскую реакцию, тогда, быть может, наша власть уцелела бы» (цит. по Д.Л. Голинкову). В самом начале процесса Г. заявил отвод всему составу суда на том основании, что судьи, являющиеся членами Коммунистической партии, не могут быть беспристрастными в этом процессе. 14 июня 1922 Г. вместе с Е.М. Тимофеевым передал суду заявление своих защитников с отказом от участия в процессе, добавив от имени «подсудимых первой группы» (в основном, членов ЦК ПСР), что и они осуждают своих защитников от их обязательств. В последнем слове Г. сказал: «И мертвые, и живые мы будем вам опасны». Приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено (см. прим.1). Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

⁷ Гельфгот Александр Павлович (род. в конце 1880-х) — вероятно, сын Павла Григорьевича Г. (род. около 1861), привлекавшегося в 1885 Варшавским губ. жанд. управлением к дознанию по второму делу «Пролетариата». Г. в 1915-16 — чл. Исполнительного Комитета Всерос. Бюро труда, образованного при Отделе по устройству беженцев Всерос. Союза городов. Кажется, в конце 1916 — нач. 1917 жил в Норвегии, о политическом быте которой впоследствии высоко отзывался. В 1917 — один из редакторов органа Моск. комитета ПСР газ. «Труд», в том же и след. гг. выступал в партийной и кооперативной печати. В конце 1919 — один из руководителей Екатеринбургской организации ПСР. Вероятно, вскоре был арестован и, находясь в заключении, написал очерк о ВЧК — *КОРАБЛЬ СМЕРТИ* (опубл. в 1922 в Берлине). По процессу ПСР в 1922 не проходил, дальнейшая его судьба нам неизвестна.

⁸ Трутовский Владимир Евгеньевич (1889-1937) — журналист, чл. ПСР. В нач. 1910-х выступал в провинциальной печати («Архангельск», «Кубанский край»). В 1912-13 редактировал газету Пб с.-р. (выходила под назв. «Бодрая мысль», «Живая мысль», «Смелая мысль» и др.), сотрудничал в «Знамени труда» и в «Правде». В 1914 выпустил книгу *СОВРЕМЕННОЕ ЗЕМСТВО*. В 1914-15 редактировал литературно-политический журнал «Современник», идейным руководителем которого был Н.Н. Суханов (Гиммер). В 1917 примкнул к «интернационалистскому» крылу ПСР, участвовал в создании ПЛСР, был избран в ее ЦК. С дек. 1917 в коалиционном большевистско-левоэсеровском СНК занимал пост наркома по городскому и местному самоуправлению. В марте 1918, в связи с подписанием Брестского мира, по решению ЦК ПЛСР вышел из состава СНК, хотя сам был сторонником продолжения сотрудничества с большевиками. На II съезде ПЛСР (1918) говорил: «Может быть один выход, цельный и договоренный: либо совместная работа с большевиками в центральной власти — для осуществления социальной революции /.../, либо свергать большевиков, то есть стать во главе контрреволюции» (цит. по статье В.Владимировой — «Пролетарская революция», 1927, №4 /63/, с.110).

После событий 6 июля 1918 недолгое время был на нелегальном положении и заочно приговорен к 3 годам заключения. Вскоре был арестован и отбывал наказание в Бутырской тюрьме. Освободившись, в 1925-26 жил в Полтаве (вероятно, у родных), занимался экономикой сельского хозяйства и историей аграрного движения в крае (см. его кн. *СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ*, дважды изданную О-вом политкаторжан в 1926 и 1928). По-видимому, в 1926 был вновь арестован и сослан в Красно-Кокшайск (ранее — Царевококшайск, ныне — Йошкар-Ола), где продолжал заниматься экономикой и печатался в газ. «Мари-Эл» и журн. «Марийское хозяйство» (1927-29).

О дальнейшей жизни Т. известно следующее. С 1931 он жил в Шадринске (в ссылке или «минусе») и работал экономистом-плановиком на мясокомбинате. В февр. 1933 Т. был арестован по доносу бывш. чл. ПЛСР Виктора Скобелинга и, проведя год в заключении, сослан в Алма-

Ату. Там он работал плановиком в типографии «Полиграфтреста», остался по окончании срока ссылки, но 6 февр. 1937 был вновь арестован. Обстоятельства следствия по последнему делу Т. изложены в письмах его второй жены Клавдии Васильевны Поповой (Т. женился на ней в сент. 1931), написанных в нач. 1960-х к одному краеведу. Приведем выдержки из этих писем.

(Вначале речь идет о первом свидании автора с Т. во время следствия; т. Иванов — первый следователь по его делу, согласно авторской характеристике — «старый большевик, честный и прямой человек»):

«В.Е. очень похудел, но держался спокойно и участливо расспрашивал меня о том, как я живу одна и как мое здоровье. Я не могла сдержаться, и слезы невольно текли из глаз. Говорить я почти не могла. Т. Иванов разрешил передать В.Е. принесенные мною продукты и белье и делать продуктовые передачи каждую неделю. Передачи принимали, но свидания не давали и на мои запросы сообщили, что т. Иванов уехал в Москву. Я начала просить, чтобы меня принял тот следователь, за которым теперь числился В.Е. Новым следователем был назначен Блинов (Лебедев). Оказалось, что материал первого следствия Москву не удовлетворил и дело было возвращено для вторичного следствия и передано следователю Блинову. Это был человек лет 35, любивший издеваться над лучшими чувствами людей, в чем я убедилась при первом же разговоре с ним. Домой я ушла совсем больная и больше ему не звонила, пока не получила от В.Е. открытку, что могу его навестить.

Блинов разрешил В.Е. свидание со мной и продуктовые передачи при условии, что В.Е. будет писать "мемуары для истории". Прежде чем вести меня на свидание, следователь все принесенные мною продукты (и даже туалетное мыло) изрезал своим перочинным ножом и посматривал, какое это на меня производит впечатление. Я старалась сдержаться. Затем сказал, что я могу приносить и книги, но передавать их ранее ему для просмотра. На свидании должна держаться спокойно и ни о ком и ни о чем не говорить, кроме себя и своих семейных дел. Когда привели В.Е., я поразились, как он изменился: стал худой и желтый. На мой вопрос В.Е. сказал, что он сидит в одиночке рядом с дезокамерой и газ проникает к нему. Я с упреком спросила следователя о причине такого отношения к В.Е. Следователь обещал перевести В.Е. в другую камеру. На следующем свидании В.Е. выглядел не лучше, и я спросила, как его здоровье и дела. Он ответил, что сидит теперь не в одиночке, а вдвоем с каким-то помешанным, что это для него очень тяжело, и просил следователя перевести его в прежнюю камеру, если больше нет свободных. Была ли исполнена его просьба, я не знаю, т.к. больше свиданий Блинов не разрешал и только в начале октября сказал, что нужно принести теплые вещи. Я отвезла теплые пальто, шапку, варежки, белье и одеяло.

16 октября 1937 я была арестована, посажена в тюрьму вместе с другими женами "врагов народа" и приговорена ОСО к 8 годам ИТЛ.

В течение 25 лет я не имела точного ответа о судьбе В.Е. и только в марте 1962 получила свидетельство о его смерти, последовавшей еще

4 октября 1937 года, где в графе "причина смерти" — прочерк, т.е. расстрел.

Биографию В.Е. и его революционную деятельность Вы лучше всего можете узнать из его "мемуаров", которые В.Е. писал в НКВД г. Алма-Ата. 7.../ О том, что В.Е. писал "мемуары", я слышала лично от него на свидании. Еще он добавил, что писал обо всем откровенно, но сохранились ли его "мемуары"? Вопрос только в этом».

На какие-то воспоминания Т. глухо ссылается советский историк Л.М. Спирин, автор работы о 6 июля 1918 (см. его кн. *КРАХ ОДНОЙ АВАНТЮРЫ*. М., 1971, с.61). Об отношении Т. к этим событиям Попова сообщает:

«О В.Е. могу лишь подтвердить то, что говорил Вам журналист, знавший его лично: он был действительно человеком "не от мира сего" и никогда не думал о хлебе насущном и о своем благе. Когда у нас зашел разговор о событиях в Трехсвятительском переулке, то В.Е. тоже говорил, что он был против, но должен был подчиниться воле большинства, так как пример соблюдения устава партии должны подавать сами члены ЦК. На мой вопрос, почему он не вышел из ЦК и не поступил так, как ему подсказывал его разум, В.Е. ответил, что он не мог всадить нож в спину своим товарищам. Кроме того, добавил он, товарищи стали бы укорять его тем, что он сделал это ради своего материального блага, а он этими благами никогда не дорожил. Когда же я спросила его, раскаивался ли он впоследствии в своей ошибке, В.Е. шутя ответил, что если бы не эта ошибка, то он и не встретился бы никогда со мной. Рассмеялся и попросил не говорить об этом больше.

В Вильнюс он поехал с паспортом на имя какого-то Попова, который, как потом оказалось, был уже приговорен к высшей мере, и В.Е. пришлось открыть свою настоящую фамилию. /Вероятно, здесь речь идет о событиях нач. 1919. — Публ./

Должна сказать Вам, что я никогда не была членом партии СР. Голосовала за список №5 /т.е. большевиков. — Публ./ и работала в Лесном п/отделе Земельного отдела под руководством Жданова А.А., который был нашим комиссаром. Перед приходом чехов мне дали справку, что я уволена в бессрочный отпуск, и при чехах я не работала, а после восстановления советской власти снова пошла на свою прежнюю работу. Вскоре я была выдвинута на профсоюзную работу и проработала там 4 года. Потом закончила курсы бухгалтеров и работала по этой специальности на фабрике, причем была членом фабкома и членом горсовета, где работала в комиссии по ликбезу.

Естественно, что В.Е. не очень-то часто и откровенно говорил со мной о делах своей партии, а его друзья-товарищи при мне говорили о своих семейных и служебных делах, а политических вопросов не касались и воспоминаниями не занимались.

При разговоре со мной В.Е. всегда с большим уважением отзывался о В.И. Ленине и его соратниках. Не уважал он только Сталина и как будто предчувствовал свою трагическую гибель от его произвола».

⁹ Спиридонова Мария Александровна (1889-1941) — чл. ПСР. В 1906 стреляла в советника Тамбовского губ. правления Луженовского, руководившего карательным отрядом, усмирявшим аграрные волнения на Тамбовщине. Дело С. получило широкую огласку вследствие надругательств и истязаний, которым она была подвергнута жандармским офицером Ждановым и казачьим офицером Абрамовым. Приговорена к каторжным работам, которые отбывала в Акатуе и Мальцевской женской тюрьме. После февр. 1917 С. возглавила левое, «интернационалистское» крыло ПСР, конституировавшееся на I Всерос. съезде (дек. 1917) в ПЛСР, одним из лидеров которой затем стала. С 30 ноября 1917 С. — зам. пред. коалиционного СНК. Была сторонницей заключения Брестского мира, но, подчиняясь решению своего ЦК, 15 марта 1918 вышла из состава СНК в знак протеста против ратификации договора. По этому поводу впоследствии говорила: «Мы предали крестьян..., отдав большевикам Наркомзем».

После событий 6 июля 1918 была подвергнута домашнему аресту в Кремле, откуда вскоре ушла вместе со сторожившим ее красноармейцем, перешла на нелегальное положение. Год спустя снова была арестована. С 1921 прошла череду заключений и ссылок (см. также прим. 12). В последний раз арестована в 1937 в Уфе, но осуждена в Москве, куда по ее требованию была переведена. Приговорена к 10 годам тюрьмы. Расстреляна осенью 1941 при эвакуации Орловской тюрьмы.

¹⁰ Измайлович Александра Адольфовна (1878-1941) — дочь генерала, чл. ПСР. В револ. движении с нач. 1900-х. Будучи членом летучего Боевого Отряда Северной Области, участвовала в неудачном двойном покушении на минского губернатора П.Г. Курлова и полицмейстера Д.Д. Норова. 14 янв. 1906 в первого была брошена бомба с.-р.'ом Иваном Петровичем Пулиховым (1879-1906), во второго стреляла И. Оба были арестованы на месте покушения и жестоко избиты. Спустя месяц оба были приговорены к смертной казни, которая для И. была заменена 20-летней каторгой. Последнюю И. отбывала в Акатуе и Мальцевской женской тюрьме. После февр. 1917 И. примкнула к левому крылу ПСР, после раскола которой стала чл. ЦК ПЛСР. Была чл. ВЦИК 2-го созыва, с конца дек. 1917 — чл. Президиума ВЦИК. При образовании коалиционного СНК И. намечалась на пост наркома дворцов Республики, но по решению ЦК ПЛСР была оставлена на партийной работе (вместо нее аналогичный пост в СНК занял В.А. Карелин). После 6 июля 1918 арестована и находилась вместе с М.А. Спиридоновой в Кремле. Осенью 1921 И. освобождали «под честное слово» на 2-3 недели из нового заключения для ухода за больной М.А. Спиридоновой. С этого времени И. прошла вместе с ней весь путь ссылки и заключений вплоть до 1937, когда, будучи арестована в Уфе, получила 10 лет тюрьмы. По одной версии, погибла в тюрьме еще до войны, по другой (более вероятной) расстреляна вместе с М.А. Спиридоновой в 1941.

¹¹ Майоров Илья Андреевич (ок. 1888-1941) — до революции чл. ПСР, после — ПЛСР и чл. ее ЦК. Муж М.А. Спиридоновой. В коалиционном СНК — замнаркома земледелия. С 1921 — в ссылках вместе со Спиридоновой. В 1937 арестован вместе с нею в Уфе. На следствии И.К. Каховской были предъявлены «показания» М. с «признанием». Приговорен к 10 годам тюрьмы. Расстрелян одновременно со Спиридоновой в Орловской тюрьме.

Дополнением к этой справке может служить следующий отрывок из воспоминаний (1979) вдовы ссыльного эсера Г.И. Затмиловой, близко общавшейся с М. в Уфе в 1930-е:

«Илья Андреевич Майоров был сыном крестьянина, родился в деревне (названия не помню) Казанской губ. Как и положено было в то время деревенским мальчикам, пошел в сельскую школу.

Учительница обратила внимание на способного и умного ученика и постепенно, в течение трех лет, медленно, но старательно уговаривала его отца отдать мальчика в гимназию. Он рос один, братьев и сестер у него не было, не было большого достатка в семье, но не было и большой нужды. Андрей Яковлевич, отец Ильи Андреевича, согласился, наконец, с уговорами учительницы и свез мальчика в город, но твердо заявил ему, чтобы тот "сам думал о жизни" и чтобы постарался как можно скорее начать зарабатывать на себя.

Так и было, начиная с пятого класса гимназии. И.А. уже давал уроки и если не целиком обеспечивал себя, то все-таки активно помогал в этом отношении отцу. Потом медицинский факультет Казанского университета. Он был уже близок к окончанию, но в это время у него умерла мать, которую он очень любил. Смерть матери так потрясла его, что он оставил медицинский факультет и перешел на естественный. Еще до перемены факультета он уже работал нелегально, вступив в партию С.-Р., потом ссылка, из которой он был освобожден уже Февральской революцией.

И.А. был вообще очень образованным человеком, но специально его был крестьянский вопрос. Все товарищи, которых я знала, считали его авторитетом в этой области.

Что еще я знаю о нем? Знаю, что декрет о социализации земли в 1917 году писал он, знаю также, что в период коллективизации он, будучи в ссылке в Ташкенте, работал в Наркомземе Узбекской ССР. По всей вероятности, там он тоже считался большим специалистом по сельскому хозяйству, т.к. ему было предложено написать обстоятельную докладную записку о проведении коллективизации в Узбекистане. "Обстоятельной" докладной записки он не написал, в его заявлении по этому поводу была только одна фраза: "С методами проведения коллективизации абсолютно не согласен, следовательно, никаких проектов проведения ее писать не буду". Из Наркомзема пришлось уйти, но работа все-таки потом нашлась.

Затем была Уфа и 37-й год.

Вот все, что я могу написать об Илье Андреевиче Майорове».

¹² (Вместо биосправки об И.К. Каховской мы помещаем очерк-некролог о ней. Он составлен Т.Петровским на основании цитируемых литературных и архивных материалов, воспоминаний друга юности К. — Т.Сафаровой, устных рассказов товарищей К. по царской каторге и советским лагерю и ссылкам, а также нескольких, имевшихся в распоряжении автора писем К. К очерку приложен документ — заявление К. секретарю Малоярославецкого РК КПСС Калужской обл. /1958/.)

ПАМЯТИ И.К. КАХОВСКОЙ

Ирина Константиновна Каховская скончалась 1 марта 1960 г. в возрасте 72 лет. С ней ушел из жизни последний представитель идейного и организационного ядра Партии левых социалистов-революционеров — партии, метеором пронесшейся по авансцене политической жизни первых пореволюционных лет.

Почти столь же краткой, как и история ПЛСР, была и политическая биография К. И, пожалуй, столь же драматичной.

Потомок по боковой линии декабриста П.Г. Каховского, И.К., тем не менее, росла в атмосфере весьма далекой не только от революционных, но и сколько-нибудь радикальных политических устремлений. Родилась она в 1888 г. в Киевской губернии, но еще в детстве переехала вместе с матерью в Петербург, где училась в таком благонамеренном учебном заведении, как Марининский институт, а после его окончания — в не менее политически благонадежном Женском педагогическом институте.

В юности К. была не чужда религиозным исканиям, некоторое влияние оказал на нее известный в свое время священник о. Григорий Петров.

Событием, переломившим ее жизнь, было 9 января 1905 года. О том, что произошло в этот день, она узнала на импровизированном митинге, состоявшемся в Читальном зале Петербургской Публичной библиотеки, куда она пришла заниматься. Огромное впечатление произвело на нее выступление Горького. Уже на склоне лет она писала: «Мне было тогда 16 лет, и мне кажется, что в то время первым решающим толчком в выборе жизненной цели была для меня коротенькая, жгучая речь Горького, произнесенная со стола Читального зала Публичной библиотеки» («Новый мир», 1959, №3, с.17).

Вечером того же дня К. была на собрании в Вольном экономическом обществе, созванном там по предложению Н.Ф. Анненского, которое тот сделал на митинге в Публичной библиотеке. «...Впервые я узнала и всем сердцем приняла слово "Революция" и его великое значение», — писала К. в неопубликованной части воспоминаний о Горьком. (Цит. по тексту, приведенному в воспоминаниях Т.Сафаровой.)

К. принадлежала к числу тех людей, у которых мысль незамедлительно влечет за собой дело. Приняв всем сердцем слово «Революция», она тотчас же стала искать революционного дела. Первые связи с революционными кругами она завязала в начале 1905 в Тенишевском училище и в петербургском Народном доме — детище гр. С.В. Паниной.

В одном из этих мест она познакомилась с А.М. Коллонтай, тогда внефракционной социал-демократкой, тяготевшей к меньшевикам. Позднее, в том же 1905, И.К. при посредничестве рабочего-большевика Дворянского сблизилась с Петербургской большевистской организацией и некоторое время работала секретарем партийного комитета Петербургской стороны. В 1906 вступила в группу с.-р.-максималистов, связь с которой возникла у нее на почве совместной деятельности большевиков и максималистов по подготовке так и не состоявшегося нового вооруженного восстания.

28 апреля 1907 она была арестована и через год — 25 апреля 1908 — судима за участие в нападении и покушении на убийство городского. Фактически К. никакого отношения к этому покушению не имела: совершили его молодые рабочие, принадлежавшие к той же группе максималистов, в которой она занималась пропагандистской и агитационной работой. Однако при обыске были обнаружены «вещественные доказательства, подтверждающие принадлежность Каховской И.К. к группе максималистов», вследствие чего она была приговорена Петербургским военно-окружным судом к ссылке в каторжные работы на 20 лет; срок этот при утверждении приговора был снижен до 15 лет. (ЦГИАМ. Д7, д.2619, 1907 г.; Д7, I, ч.73, т.3, 1908 г.).

Так И.К. — ей было тогда 19 лет — начала свой полувековой путь по тюрьмам, лагерям, ссылкам.

Каторгу она отбывала в Акатуе, в частности, в Мальцевской женской тюрьме. (Этот период жизни И.К. освещен в ее воспоминаниях, опубликованных в журнале «Каторга и ссылка»). Там завязалась ее личная дружба и политическая связь с двумя людьми, жизнь которых в течение последующих тридцати лет была тесно переплетена с ее собственной, — с М.А. Спиридоновой и А.А. Измайлович.

В 1914 К. вышла на поселение в Торейской волости Селенгинского уезда Забайкальской области.

Освобожденные Февральской революцией, К., Спиридонова и Измайлович прибыли в начале лета 1917 г. в Москву, где остановились у Е.П. Пешковой, в то время занимавшей заметное место в среде московских с.-р. Вскоре все трое уехали в Петроград. Примкнув со своими друзьями к левому, «интернационалистскому» крылу партии социалистов-революционеров, К. вместе с ними была в числе основателей отколовшейся от ПСР Партии левых социалистов-революционеров, поддерживавшей в Октябрьские дни большевиков и 30 ноября 1917 вошедшей в коалиционное большевистско-левоэсеровское правительство.

В июне 1918 по решению ЦК ПЛСР К. была направлена на подпольную работу на Украину, оккупированную тогда немецкими войсками. Совместно со своим партийным товарищем Борисом Дмитриевичем Донским она организовала и осуществила убийство командующего оккупационными войсками генерала Эйхгорна. Оба они были схвачены, судимы немецким военно-полевым судом и приговорены к смертной казни. Донской был в тот же день повешен; в части, касавшейся К., приговор был послан для подтверждения Вильгельму II, так как по дей-

ствовавшим тогда немецким законам смертный приговор, вынесенный женщине, мог быть приведен в исполнение только по утверждению германским императором. Еще до получения ответа из Берлина немцы были изгнаны из Киева войсками Петлюры и, воспользовавшись возникшей тогда сумятицей, К. бежала из киевской Лукьяновской тюрьмы. До падения Петлюры она продолжала оставаться на Украине на нелегальном положении. Занятие Киева Красной армией позволило ей вернуться в Москву. Там она была арестована, как член ЦК ПЛСР, но после непродолжительного заключения освобождена и вновь выехала на Украину, где во времена Деникина работала в подпольных левозеро-эсеровских организациях Киева, Харькова и Ростова-на-Дону. В одном из этих городов она была арестована деникинской контрразведкой, но не была опознана и после истязаний («шомполования» — по терминологии тех лет) была отпущена. Разгром Деникина позволил И.К. вновь вернуться в Москву, но там она вскоре была арестована и вместе со своим другом и товарищем по партии М.А. Спиридоновой заключена в Бутырскую тюрьму. Оттуда в 1921 ее направили в ссылку, срок которой в течение последующих шестнадцати лет непрерывно возобновлялся; менялось только место ссылки — с 1921 до 1925 это была Калуга, затем, после кратковременного пребывания в Ставрополе, ее выслали в Самарканд, а оттуда — в конце 1928 или в начале 1929 — в Ташкент. В Средней Азии она все эти годы прожила вместе со своими друзьями — Спиридоновой, ее мужем И.А. Майоровым и Измайлович. Осенью 1930 все четверо были арестованы и отправлены в новое место ссылки — Уфу, где прожили до 1937. В этом памятном году все социалисты, находившиеся в Уфе, в ссылке или «минусе», были арестованы, и почти всем им — и в первую очередь с.-р.'ам, правым и левым, — было предъявлено обвинение в подготовке покушения на правительство Башкирской АССР. Вскоре, впрочем, все предполагаемые жертвы покушения были сами посажены за решетку, и тогда обвинение было переформулировано: арестованным, безвыездно проживавшим в Уфе, инкриминировалась уже подготовка убийства Ворошилова и других членов советского правительства, о посещении столицы Башкирской республики как будто не помышлявших. История этого дела, выделявшегося даже на мрачном фоне 1937 года, была изложена самой К. в документе, написанном в конце 50-х гг. и адресованном ЦК КПСС и Совету Министров СССР. Он был опубликован за рубежом в «Политическом дневнике», и повторять здесь его содержание нет необходимости.

И.К. с необычайной стойкостью и самообладанием вынесла беспримерные по длительности «конвейерные» допросы и, конечно, ни в чем не «призналась».

И она, и ее ближайшие друзья были приговорены к 10 годам тюремного заключения. Спиридонова, Майоров и Измайлович погибли в начале войны в Орловской тюрьме. К. после полуторагодичного заключения в Казанской тюрьме была направлена в Красноярский исправительно-трудовой лагерь (Краслаг), где находилась до окончания срока и откуда в 1947 пошла в ссылку, сначала в с. Казачинское, а затем в г. Канск

Красноярского края. В 1949 ее вновь арестовали и «оформили» на вечное поселение, местом которого был назначен тот же Канск. Смерть Сталина и наступившая после нее «оттепель» принесли К. освобождение. Это произошло 14 сентября 1954. Годом позже, в сентябре или октябре 1955 года, И.К. вернулась в Европейскую Россию, в те примерно места, откуда в 1921 начинала свою пореволюционную череду ссылок, — она поселилась в г. Малоярославце Калужской области.

Когда после XX съезда КПСС началась эра реабилитаций, И.К. не делала никаких попыток добиться пересмотра своего дела. Даже в своем заявлении в ЦК КПСС и Совет Министров она подчеркивала, что не ставит вопроса о своей личной реабилитации. Насколько нам известно, это заявление не было послано К. адресатам из боязни, что оно будет ими просто уничтожено. Она передала два экземпляра заявления своим товаркам по лагерю, обещавшим сохранить его и при первой возможности предать гласности. Сделать это в одиночку, без своих осужденных вместе с ней друзей, она считала морально недопустимым, а их уже давно не было в живых. Тем не менее, ее реабилитировали. В конце 1957 или начале 1958 она получила приглашение явиться в Малоярославское отделение МГБ. Привыкшая к тому, что такие приглашения не сулят ничего хорошего, И.К. направилась туда не без внутреннего волнения. Ее тревога оказалась безосновательной: ее встретили с подчеркнутой любезностью и, по ее рассказу, между ней и начальником отделения (или уполномоченным) произошел примерно следующий разговор:

— Ирина Константиновна, почему Вы не подаете заявления о реабилитации?

— Я так стара, что реабилитация не имеет для меня практического значения.

— Ну, если Вы не позаботились о себе, *мы* сделали это за Вас! Поезжайте в Москву, по адресу такому-то в Военную прокуратуру, обратитесь к прокурору такому-то и получите справку о реабилитации.

Трудно сказать, кому именно принадлежала инициатива пересмотра Уфимского дела. Вероятнее всего, оно было пересмотрено в целом в результате заявления о реабилитации, поданного родственником кого-либо из осужденных. Как бы то ни было, И.К. была действительно реабилитирована, и косвенным результатом этого был прилагаемый к настоящему очерку документ.

До первой ссылки в 1921 г. трудовой стаж К. составлял 8 месяцев — начиная со 2-го съезда Советов и до июня 1918 она занимала должность зав. Агитпропом ВЦИКа. В 1921-25 она работала в Калуге библиотекарем. В Самарканде, Ташкенте и Уфе она с вынужденными перерывами служила в разных советских учреждениях. Документов об этом у нее, естественно, не сохранилось, и подтвердить свой трудовой стаж она смогла, кажется, только за 5 лет работы в Башкирском мельтресте (с 1.01.1932 по 1.01.1937). После лагеря К. хотя и зарабатывала себе на жизнь собственным трудом, но нигде не числилась на службе.

Может быть, определяющей чертой характера И.К. была потребность быть полезной — не «вообще», не только «общественно-полезной», но полезной людям, которые ее непосредственно окружали. В годы ссылки, живя вместе со своими друзьями, она, человек физически более сильный, чем М.А. Спиридонова и, тем более, А.А. Измайлович, которая уже в середине 20-х гг. что называется на ладан дышала, — старалась переложить на себя основное бремя хозяйственных забот, таких, как стирка белья, мытье полов и т.п. Прибегать к сторонней помощи, хотя бы и за плату, И.К. и ее друзья считали недопустимым даже тогда, когда у них имелась для этого материальная возможность.

Свои личные потребности они всегда сводили к минимуму: каждая лишняя копейка предназначалась для товарищей, не имевших работы и испытывавших нужду. Постоянным предметом забот И.К. были дети из семей ссыльных или просто соседские. За маленькими она ухаживала, старших — учила. С ранних лет она хорошо знала иностранные языки, в годы Акатуйской каторги — много и углубленно занималась математикой. Все эти знания она и старалась передать детям.

В лагере И.К. стремилась быть полезной своим товарищам по заключению. Материально она ничем не могла помочь, т.к. сама жила на скудном лагерном пайке, не получая ниоткуда поддержки. Все лагерные годы она была на общих работах, главным образом на лесоповале. Ей неоднократно предлагали более легкую работу: в бухгалтерии, в санчасти и т.п. Все эти предложения она категорически отклоняла — ни на воле, ни в лагере она не считала возможным пользоваться какими бы то ни было привилегиями. Единственная помощь, какую она могла оказать окружающим, — моральная поддержка. И ее она оказывала многим, и люди, как правило, очень далекие от нее и по своему прошлому, и по взглядам, ценили эту поддержку очень высоко.

Среди лагерных товаров И.К. была малоизвестная поэтесса Мария Николаевна Яковлева (Марианна Ямпольская), отбывавшая наказание за тягчайшее преступление: она состояла в переписке с Роменом Ролланом. Человек она была, по словам И.К., «в жизни вообще беспомощный, вернее непрактичный, и к борьбе за существование неприспособленный, хотя и усерднейший работяга» (письмо 1955 г.). Чуть ли не с первых дней знакомства Мария Николаевна нашла в И.К. моральную опору, без которой она, возможно, и не вынесла бы тягот лагерной жизни. Эти две столь разные женщины — И.К., совмещавшая редкостную мягкость, доброту и терпимость с непреклонной волей, решительностью, а в том, что касается моральных норм поведения, — беспощадностью и к себе, и к другим, — и М.Н., безукоризненно порядочный, но слабый, легко поддающийся унынию человек, ищущий крыла, под которым можно укрыться, — стали почти неразлучными. После окончания срока заключения они сначала оказались в разных местах ссылки, но спустя некоторое время им удалось соединиться в Канске, откуда они вместе уехали в Малоярославец.

М.Н. неплохо печатала на машинке и сравнительно легко устроилась на канцелярской работе в каком-то учреждении, где ей мало пла-

тили, хотя и очень ценили как добросовестного и культурного человека. И.К. вела их несложное хозяйство и зарабатывала на жизнь уроками и изготовлением бумажных цветов. Зарботки у нее были более чем скромными, так как от оплаты чуть ли не половины уроков она отказывалась. Поводы для этого были разные — один из учеников оказался настолько способным, что брать за его обучение деньги было бы «просто грешно»; другой к восприятию наук был вовсе неспособен, но родители его так мало зарабатывали, что требовать с них плату было совестно. Ну, и т.д. Но как бы ни малы были заработки обеих, на скромную жизнь им хватало. Хуже было то, что ни уроки, ни изготовление цветов трудового стажа И.К. не увеличивали ни на один день.

В 1955, когда И.К. и М.Н. переехали в Малоярославец, даже Канск по сравнению с ним казался крупным промышленным центром. Никаких перспектив получить там постоянную работу не было. Пенсия у обеих за отсутствием документов, подтверждающих стаж, была мизерной, и они едва сводили концы с концами, только благодаря изредка перепадавшей случайной работе. М.Н. московские друзья подбрасывали машинописную работу; И.К. к праздникам принимала заказы на изготовление бумажных цветов, да раза три ей перепала литературная работа: в «Новом мире» были напечатаны ее воспоминания о Горьком; как-то ее попросили литературно отредактировать какую-то рукопись, да однажды она перевела с французского чью-то небольшую работу по механике. В те же годы она по собственной инициативе перевела *МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА* Сент-Экзюпери. Е.П. Пешкова, с которой Ирина Константиновна в 1956 году возобновила знакомство, пыталась устроить этот перевод в журнал «Иностранная литература». Редакция журнала, признавая художественные достоинства перевода, поместить его отказалась по «идеологическим» мотивам. Как известно, идеологический ветер переменял направление, и в 1963 *МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ* был издан «Молодой гвардией» тиражом в 300 000 экземпляров, но, конечно, уже в другом переводе. У И.К. было достаточно много друзей, готовых помочь ей материально, но от всякой материальной поддержки она решительно отказывалась, а когда ей по почте посылали деньги и она принимала их, то они почти полностью уходили на подарки квартирохозяйке, соседям и угощение детей.

После реабилитации И.К. друзья не без труда убедили ее подать заявление об установлении ей, как политкаторжанке царского времени, персональной пенсии. В полном противоречии с законом ей было в этом отказано.

И.К. сочла необходимым ответить на этот отказ, так как в нем была поставлена под сомнение правдивость сообщенных ею о себе сведений (см. прил.). Никакого ответа на свое письмо она не получила, и персональная пенсия ей так и не была установлена. И.К. это нисколько не огорчило. Меньше всего ее заботили материальные условия существования.

Несмотря на перенесенные испытания, И.К. не потеряла ни способности радоваться жизни, ни интереса к ней, хотя для нее было

мучительным сознание, что из всего ее круга она одна осталась жива. 17 декабря 1953 она писала из Канска:

«Из моих близких никого не осталось в живых — только меня еще носит как-то земля. Долго и тревожно искала я их. Но они погибли уже в самом начале войны. Узнала я об этом не скоро».

«Я уже старуха древняя. Мне 65 лет, а дают 75-80, но живу своим трудом /.../. Интересы к жизни я не потеряла. Люблю природу, детей, хорошие книги, музыку, свежий воздух, волнуясь газетами, — а ведь казалось, что после пережитого, после непереносимых потерь и свет солнца погаснет для меня. Но всегда саднит, всегда болит прошлое, всегда оно живет и снится, снится. Помогает неустанная работа и для хлеба, и так...».

Малоярославец дал И.К. то, чего ей так недоставало в Канске: природу, возможность получать хорошие книги, немного музыки и, кроме того, встречу с друзьями — давними, еще каторжных времен, и приобретенными в лагерные годы.

В 1955 в Москве еще жило несколько старых политкаторжанок, товарок К. по Акатую и Мальцевской тюрьме; разыскала она и нескольких своих друзей по Краслагу, встречалась и переписывалась с Е.П. Пешковой. Но главное — впервые за истекшие полвека она столь долгое время, более четырех лет, прожила на свободе. Пользоваться ею И.К., конечно, могла в очень ограниченных размерах, но одно сознание того, что она не зависит от произвола какого-нибудь полуграмотного коменданта, сама выбрала себе место жительства, не обязана ходить на отметку, может в любой день сесть в поезд и через два часа быть в Москве, — все это было и непривычным, и радостным.

До 1959 она ездила в Москву довольно часто, хотя и ненадолго — на два-три дня. Ее все там удивляло и радовало — концерт в Консерватории, оживленные улицы, огни реклам, даже поток красных сигнальных огней автомашин. Круг ее московских друзей и знакомых был очень ограничен — человек пять-шесть, но вскоре начал сокращаться. Сначала она сама порвала отношения с человеком, с которым она подружилась в лагере, по причине для И.К. довольно характерной. Ей были чужды партийный фанатизм и политическая нетерпимость. В Калуге чуть ли не единственным ее другом была дочь К. Циолковского, по убеждениям с.-д.-меньшевичка. В Средней Азии и Уфе к числу ее ближайших друзей принадлежал ссыльный с.-р. правого толка, весьма далекий от нее по своим взглядам. В лагере она сблизилась с глубоко аполитичной М.Н. Яковлевой, а среди людей, с которыми она больше всего там общалась, была польская графиня Тышкевич и несколько коммунисток — в частности, Елизавета Драбкина, после 1956 приобретающая известность своими беллетризованными воспоминаниями, печатавшимися в «Новом мире». И.К. ценила литературное дарование Драбкиной и радовалась ее успехам. Однако именно литературная деятельность Драбкиной была причиной их разрыва. Когда Драбкина в своих воспоминаниях коснулась так называемого «левозероковского восстания» 1918, она изложила события тех дней в точном соответствии

с официальной версией, которую И.К. считала от начала до конца лживой. Она вернула Драбкиной полученный от нее с трогательной дарственной надписью номер «Нового мира» и написала ей короткое письмо, положившее конец их отношениям. В памяти читавших это письмо сохранилось примерно в таком виде:

«Я прочла Ваши воспоминания и не могу понять, почему Вы хорошо относитесь ко мне. Может быть, по той логике, по какой у каждого антисемита был "свой, хороший" еврей, который "совсем на еврея не похож". Так вот, сообщаю Вам — я настоящий еврей».

Второй потерей была смерть в 1958 от рака одной из старых товарищ по каторге, с которой в те годы И.К. поддерживала наиболее тесные отношения. А вскоре заболела раком сама И.К. Она сама заподозрила болезнь и сама поставила диагноз, подтвержденный затем рентгеноскопией. Врач не вправе был сообщать больной диагноз, но, как он сам признался, не мог противостоять силе убеждения И.К. и сказал ей правду. Она спокойно приняла ее, и окружающие в течение многих месяцев не знали о ее болезни, хотя замечали прогрессирующую слабость и исхудание и не раз просили ее обратиться к врачу. И.К. отшучивалась и не делала никаких попыток лечиться. Она решила, пока есть возможность, брать от жизни что можно, а это значило читать, слушать радио и, в первую очередь, наслаждаться природой. Она любила сидеть на обрыве над рекой Лужой и глядеть на расстилающуюся даль, часами могла рассматривать цветок, поворачивая его то одной стороной, то другой... А когда придет время и жизнь не будет больше приносить ей радость — тогда покончить с ней счеты. На этот случай И.К. припасла шприц и смертельную дозу морфия. Он плохо рассчитала: перелом в течении болезни был внезапным и крутым. До последней возможности И.К. держалась на ногах и принимала участие в ведении хозяйства. Однажды утром у нее не достало сил не только для того, чтобы встать с постели, но даже дотянуться рукой до шкафчика с лекарствами, где были припрятаны морфий и шприц. Почти сразу начались мучительные боли, а желудок перестал принимать пищу. С трудом И.К. проглатывала две-три чайных ложки фруктового сока. Местный врач беспомощно разводил руками. Из соседнего Обнинска удалось вызвать крупного специалиста-онколога. Он нашел состояние больной безнадежным, но счел необходимым для облегчения страданий поместить ее в онкологическое отделение больницы. В местной больнице не было ни такого отделения, ни врача-онколога, ни условий, лучших по сравнению с теми, какие могли быть созданы дома. К себе, в узковедомственную Обнинскую больницу с прекрасно поставленным онкологическим отделением, он И.К. поместить не мог, так как для этого требовалось специальное разрешение.

Московские друзья И.К. приняли все доступные им меры. Ее товарка по лагерю, старая большевичка Шапиро обратилась в министерство здравоохранения с письменной просьбой поместить И.К. в Обнинскую больницу. Кроме Шапиро, заявление подписали Е.П. Пешкова и несколько старых политкаторжанок, в их числе ставшая после революции

большевичкой Фиалка. В заявлении были перечислены все революционные заслуги К., но бывшая партийность указана не была. Заявление было встречено сотрудниками министерства с полным сочувствием, но и они не могли дать указания о госпитализации в Обнинской больнице, так как последняя находилась в ведении 4-го Управления Министерства здравоохранения (т.е. фактически в непосредственном подчинении ЦК КПСС — в те годы Бюро ЦК по Российской Федерации). Сотрудники министерства выразили готовность направить в Малоярославец санитарную машину с необходимым медицинским персоналом, с тем, чтобы поместить Ирину Константиновну в лучшую московскую больницу — если только больная транспортабельна. Тут же Министерство связалось с Малоярославецким райздравотделом, и не более чем через час оттуда поступил ответ: нетранспортабельна. Письменное обращение в 4-е Управление — проникнуть в него для устного объяснения оказалось невозможным — результата не дало. Между тем болезнь прогрессировала, а с этим увеличивались и страдания. Для ухода за И.К. приехала из Москвы одна из ее товарок по каторге; из Сибири примчалась ее приятельница по ссылке. Но все это были люди, не имевшие навыков по уходу за больными, и практически они ничем помочь не могли. Из местной больницы время от времени присылали медсестру сделать обезболивающую инъекцию.

Помощь пришла с неожиданной стороны.

Одна из лагерных товарок И.К., кажется, та же Шапиро, познакомилась с ней со своей давней приятельницей, старой большевичкой Шмаёнок, до 1937 года работавшей на Украине с Н.С. Хрущевым. В 1937 Шмаёнок была арестована, а после смерти Сталина, освобожденная и реабилитированная, поселилась в Москве. Никаких попыток напомнить о себе Хрущеву она не делала. Полной неожиданностью для нее был телефонный звонок супруги Хрущева, выразившей желание повидаться с ней. Ранее, на Украине, они, хотя и жили в одном доме, были едва знакомы. После первой встречи у них установились дружеские отношения. Н.П. Хрущева навещала Шмаёнок, нередко они вместе ходили в театр. К Шмаёнок и решили обратиться московские друзья И.К. Сама Шмаёнок находилась в то время в больнице. Оттуда она позвонила Н.П. Хрущевой, и эта последняя охотно согласилась позвонить Начальнику 4-го Управления. Далее события развивались с кинематографической быстротой: уже на следующий день — 28 февраля — по телефону было дано соответствующее указание в Обнинск, и в тот же день оттуда прибыли в Малоярославец на санитарной машине два врача, в том числе онколог, ранее посетивший И.К., и две медсестры.

Через несколько минут умелые руки медсестер уложили И.К. в более удобное положение, ей сделали более действенную обезболивающую инъекцию.

Когда И.К. сообщили, что ее хотят перевезти в Обнинскую больницу, она просила не делать этого: «Дайте мне спокойно умереть дома». Врач нашел ее просьбу разумной: переезд — это лишние физические страдания, и самое большее, что он может дать — это отсрочить конец

на день-другой. Он предложил оставить при больной медсестру и, опираясь на распоряжение 4-го Управления, дал указание местной больнице выделить сменную сестру. Уезжая, врач сказал: «Впервые вижу такую женщину. Вы не представляете себе, какие боли она испытывала. Она должна была криком кричать, а она пыталась мне улыбаться».

Медицинская сестра не пробыла в Малоярославце и суток. 1 марта И.К. скончалась. За все время болезни никто не слышал от нее ни стона, ни звука жалобы. Кто бы ни зашел к ней, она встречала его подобием улыбки и всегда, до последнего дня, шепотом, едва шевеля губами, просила рассказать, что пишу в газетах.

3 марта ее хоронили. Казалось, что в Малоярославце она вела очень замкнутый образ жизни и круг ее знакомых ограничивался 5-6 человеками. Провожало ее в последний путь человек 40-50, из них только шесть или семь приехавших из Москвы. Остальные были местные жители. И это были не праздно любопытствующие старушки. Почти все пришли потому, что были чем-либо обязаны И.К.: кому-то она помогла выхлопотать пенсию, кого-то нуждающегося из своих скудных средств одарила, чьим-то детям или внукам помогла учиться, кому-то помогла советом...

В 1961 немногие оставшиеся в живых друзья И.К. поставили на ее могиле памятник.

Летом 1977 составителю этого очерка довелось быть в Малоярославце. Он разыскал могилу И.К. У памятника лежали полуувядшие цветы. Могила выглядела ухоженной. Кто-то, по-видимому, до сих пор хранит об Ирине Константиновне память.

Приложение к прим.12

СЕКРЕТАРЮ РАЙКОМА КПСС

гр. КАХОВСКОЙ Ирины Константиновны,
прожив. в г. Малоярославце, Калужской обл.,
ул. Володарского, 30

ЗАЯВЛЕНИЕ

14 мая 1958 г. мною было подано в Малоярославецкий Отдел СОБЕСа заявление о назначении мне персональной пенсии, как быв. политкаторжанке.

Согласно «Положению о персональных пенсиях» от 4/XI-56 г. №1475 (раздел IV, п.п. 34, 35, 36) я имею на это полное право.

Однако, по разъяснению Райсобеса, Исполком отказал мне в моем ходатайстве на основании следующих причин:

1) Борьба против царизма с 1905 г., на которую я указывала в автобиографии (поскольку она проходила в рядах партии с.-р.-максималистов), отнюдь не является заслугой перед Родиной, хотя она и каралась при самодержавии каторжными работами.

2) Сама «каторга» не есть заслуга и не может учитываться даже при назначении трудовой пенсии, как трудостаж, а не только для персональной пенсии.

3) Сведения, которые я даю в автобиографии, якобы хронологически несовместимы, а именно: я указываю в автобиографии, что работала как член ВЦИК 2-го, 3-го, 4-го созывов в качестве заведующей Агитотделом и как член Чрезвычайного Съезда Советов (5-го), а в июле 1918 г. работала на Украине в подпольной организации при немцах.

Этого якобы в действительности быть не могло, так как не могло же до июля 1918 г. состояться целых 5 съездов Советов.

Все эти причины отказа являются настолько необоснованными и несерьезными, что я вынуждена протестовать.

1) Политкаторжане — это о с о б а я категория персональных пенсионеров, совершенно независимо от их партийной принадлежности при буржуазном правительстве (См. «Положение о персональных пенсиях», разд. IV, п.п. 34, 35, 36).

2) Даты созыва съездов Советов следующие:

2-й съезд — октябрь 1917 г.

3-й съезд — январь 1918 г.

4-й съезд — март 1918 г.

5-й (чрезвычайный) — июнь 1918 г.

По окончании 5-го съезда я уехала на Украину, перебравшись через линию фронта, для работы в подполье.

Таким образом, обвинение в том, что сведения неправильные, — *тоже очень необоснованно.*

Данные автобиографии в данном случае решающего значения не имеют, так как право на персональную пенсию дает мне то, что с 1907 по 1914 год я *была в заключении в каторжной тюрьме*, а затем была ссыльно-поселенкой, что удостоверяется приложенными документами (двумя архивными справками).

¹³ В нашем распоряжении имеется следующее свидетельство об этих событиях:

19 декабря 1923 г., часов около шести пополудни, караульная команда Савватьевского, так называемого «политскита» Соловецкого лагеря из-за проволочного ограждения территории скита без предупреждения открыла огонь по группе гулявших на дворе заключенных эсеров. По рассказам очевидцев, действиями караула руководил начальник УСЛОНа (Управления Соловецких лагерей особого назначения) Ногтев. После первых залпов несколько человек упало. Уцелевшие понесли пострадавших в здание скита, и тогда огонь был перенесен на входную дверь. Раненых оказалось шесть человек: Наталья Арнольдовна Бауэр, Гавриил Андреевич Билима-Пастернак, Меер Моисеевич Горелик, Елизавета Котова, Георгий Кочаровский, Всеволод Иванович Попов.

Один из раненых скончался через несколько минут, четверо — в течение ближайших двух-трех часов, и только одного удалось отправить в центральную больницу лагеря, но и он умер через три или четыре дня.

Первую помощь пострадавшим оказывал заключенный с.-д. В.Ельник, по специальности врач-терапевт. Хирургических инструментов у него не было, и, перевязав раны, он только поддерживал в той мере, в какой это было возможно, жизнедеятельность раненых имевшимися в его распоряжении медикаментами.

Официально стрельба мотивировалась отказом находившихся во дворе подчиниться приказу управления, запрещавшему заключенным покидать после шести часов вечера здание скита. Такой приказ, действительно, был в тот день отдан, и, по официальной версии, группа эсеров демонстративно вышла на прогулку в шесть часов. Если бы даже это было и так, то по меньшей мере странным и вызывающим подозрение в умышленном провоцировании конфликта был

тот факт, что как раз к установленному приказом предельному времени у ограды скита — притом одного лишь Савватьевского — не только находилась вся караульная команда, но туда прибыл из своей достаточно отдаленной от скита резиденции сам начальник управления. Эта версия не может ни объяснить, ни тем более оправдать того засвидетельствованного всеми очевидцами факта, что стрельба по безоружным заключенным была открыта без полагающегося по уставу караульной службы предупреждения.

Официальная версия случившегося кажется неправдоподобной еще и потому, что она находилась в полном противоречии со сложившимися к тому времени у социалистов нормами поведения в заключении. Вопрос об отказе подчиниться распоряжению администрации лагеря мог быть решен только общим собранием, если не всех заключенных, то по крайней мере принадлежащих к одной партийной фракции, и если бы на нем большинством голосов было вынесено решение демонстративно, в знак неподчинения, выйти на прогулку, то этому решению подчинились бы все члены фракции, в том числе и не согласные с ним. Точно так же все члены фракции, даже и те из них, кто был сторонником демонстрации, подчинились бы решению большинства подчиниться приказу. Иначе говоря, выйти демонстративно на прогулку или, наоборот, не покидать жилых помещений позже установленного приказом времени должны были все эсеры. Фактически на дворе под выстрелами оказалась лишь часть довольно многочисленной фракции ПСР. Этим, кстати сказать, объясняется относительно небольшое — если учесть, что стрельба производилась залпами и с близкого расстояния — число жертв.

Гораздо более правдоподобной представляется другая версия, рисующая дело совсем иным образом.

19 декабря, в первой половине дня, начальник караула Савватьевского скита предъявил старостату* приказ начальника управления лагеря, в котором предписывалось на *вечерней проверке* объявить политзаключенным о запрещении покидать после шести часов жилые помещения. Из этого со всей ясностью вытекало, что приказ вступает в силу после проверки, т.е. около 8-ми вечера. Хотя содержание приказа стало сразу же известно всему населению скита, на фракционных собраниях он в тот день еще не обсуждался, и любители вечерних прогулок без тени сомнения вышли после ужина, но *до проверки*, на двор. Их встретили там пули.

Действия лагерной администрации, как их рисует официальная версия, сильно *смахивали* на провокацию; согласно второй версии, эти действия были чистой, ничем не прикрытой провокацией. Трудно сказать, были ли они предписаны или санкционированы сверху, но нет никаких сомнений, что по собственной инициативе Ногтев мог пойти на такой шаг, только будучи твердо уверенным, что его действия будут

* В Савватьевском скиту находились в заключении представители четырех течений: социал-демократы, эсеры, левые эсеры и анархисты. Старостой с.-д. фракции (и одновременно обшескитским) был Б.О. Богданов; старостой эсеров был Иваницкий — его имени и отчества я не помню, как не помню, кто был старостой левых эсеров и анархистов.

одобрены ОГПУ. И они, по-видимому, и были одобрены. Во всяком случае на его служебном положении они не отразились, и он в течение многих лет продолжал оставаться начальником УСЛОНа. Его карьере положил конец 1937 год. Он не был расстрелян и благополучно отсидел положенные десять лет. После освобождения он был поселен в каком-то городке или поселке на севере Красноярского края и, как рассказывали, вскоре в пьяном виде замерз. Тоже своего рода историческая Немезида...

Жертвы расстрела 19 декабря 1923 г. были похоронены на территории скита, и место погребения было отмечено громадным валуном, с великими трудами туда перетащенным. Он, вероятно, и сейчас лежит на том же месте, и, возможно, туристы, посещающие Соловецкий исторический заповедник, задаются вопросом: в какие стародавние времена сила морских волн выбросила сюда этот большой серый камень.

¹⁴ Альтовский А.И. (род. около 1880) — чл. ПСР с 1900-х. Сын чиновника. Осенью 1900, будучи учеником Саратовской гимназии, был подвергнут обыску местным губ. жанд. управлением и привлечен к дознанию по поводу найденных у него нелегальных изданий. В 1902, живя в Саратове под гласным надзором полиции, вместе с А.И.Рыковым участвовал в организации Крестьянского Союза, «призывал, — как сказано в жандармском Обзоре Дознаний, — рабочих идти летом в деревню для пропаганды среди крестьян». В 1910-х жил в эмиграции, сотрудничал там под псевдонимом Нагорцев в «Знамени Труда» и «Социалисте-Революционере». В 1917-18 был членом «одного из руководящих органов ПСР» (возможно, военной комиссии при ЦК). Был арестован не позднее начала 1919, во время амнистии для чл. ПСР в февр. 1919 отказался дать «подписку о прекращении контрреволюционной деятельности» и, вероятно, был оставлен в заключении. На процессе ПСР в 1922 обвинялся в том, что «вел военную работу в Саратове и снабжал документами и явками направляемых к нему белогвардейцев и членов организаций», приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено (см. прим.1). В 1930-е жил в Ростовской обл. и на Сев. Кавказе, занимался вопросами использования горных рек Дагестана.

¹⁵ Аверкиевы — вероятно, речь идет об Александре Николаевиче (1854-1890-е) и Елене Ивановне (1850 /?/ — после 1904). А.Н. в 1876-78 владел нелегальной типографией, печатавшей речи подсудимых на политических процессах 1870-х гг., в 1878 был арестован и приговорен Особым Присутствием Правит. Сената к ссылке в Зап. Сибирь. Е.И. в 1877-78 была осуждена и сослана туда же по делу «193-х». А. жили сначала в Кургане (А.Н. стал там кузнецом), а затем в Сургуте до нач. 1890-х, когда вернулись в Саратов, где приняли участие в деятельности, связанной с зарождением ПСР (в 1902 Е.И. была подвергнута обыску и привлекалась к дознанию в связи с делом С.В. Балмашева).

¹⁶ Тумповский Мариан Давидович (р. 1848) — врач-педиатр. Медицинское образование закончил в 1875, доктор медицины с 1890. К 1917 — статский советник. Его старшая дочь Л.М. Арманд в 1913-21 выпустила свыше 20 брошюр и книг по кооперации, умерла не ранее 1921. Упоминаемый далее в тексте сын последней — Давид Львович Арманд (р. 1905) — не геолог, а географ.

¹⁷ М.М. Тумповская была знакома с Блоком (о ее творчестве он отзывался неодобрительно — см. *ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ*, с.296). В 1917 в «Аполлоне» были помещены ее рецензии на книги В.Я. Брюсова и Н.С. Гумилева. В дальнейшем преподавала историю в средней школе.

¹⁸ Легалисты — часть ПЛСР, выделившаяся из нее после раскола ЦК весной 1920. Л. разделяли платформу «большинства ЦК» — «отказ от борьбы с Советской властью». В мае 1920 лидер этого большинства И.З. Штейнберг обратился в ЦК РКП(б) с просьбой разрешить группе членов ЦК ПЛСР призвать членов своей партии к борьбе с Врангелем и Польшей. Эта просьба была удовлетворена. В июле 1920 на обращение Штейнберга с просьбой о легализации деятельности возглавляемой им группы последовал отказ, но в окт. эта деятельность была, по-видимому, разрешена, и возникло Центральное Организационное Бюро ПЛСР в составе: Штейнберг (пред.), И.Ю. Баккал (секр.), Я.М. Фишман, С.Ф. Рыбин и О.Л. Чижиков. Они провозгласили лозунг «всемерной поддержки Советской власти и Красной Армии в борьбе с вооруженной контрреволюцией» и предложили всем членам своей партии «принять энергичное участие в работе советских учреждений», одновременно призвав их «не превращать своей работы в исключительно политический профессионализм партийной борьбы».

В дек. 1920 на московском левозеровском совещании Л. объединились с меньшинством украинских боротьбистов и борьбистов (первые не захотели вместе с большинством своей партии вступать в РКП(б), а вторые — идти по пути «активной борьбы с Советами»). В новый состав ЦОБ были введены И.Алексеев и А.В. Волков. Партия стала называться ПЛСР объединенных (интернационалистов и синдикалистов). На том же совещании была принята резолюция о подготовке легального съезда «совместно с группой Камкова», платформа которого была признана удовлетворяющей требованиям ЦОБ. Несмотря на произведенные в авг. 1921 в Москве, а в октябре — и в других городах многочисленные аресты членов ПЛСР объединенных, к весне 1922 ей удалось провести 3 своих депутатов на выборах в Моссовет, где они оставались до конца года. В июне 1922 3-я Всеросс. конференция ПЛСР объединенных обратилась к находившимся в заключении Б.Д. Камкову, И.А. Майорову и В.Е. Трутовскому с приветствием, в котором вновь выражались надежды на легальный Всероссийский съезд. Однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Осенью 1922 было создано «Объединение ПЛСР и Союза с.-р.-максималистов» и начались переговоры с меньшинством ПСР об

образовании единого блока «левого революционного народничества» под лозунгами: отказ от диктатуры групп, лиц и партий; восстановление трудовластиа через свободно избранные Советы; легализация и политическое равноправие социалистических партий, признающих Сов. власть; отмена смертной казни и ограждение неотъемлемых прав человеческой личности. Однако «блок» так и не был образован. Последним документом «Объединения ПЛСР и ССРМ» в России является, вероятно, выпущенное в мае 1923 обращение «ко всем организациям и членам», призывающее их «бороться со злом пассивности и малодетельности» и «пригвоздить к позорному столбу партийных ренегатов». Заграничная делегация Объединения (И.З. Штейнберг, Г.Н. Нестроев) продолжала свою деятельность до конца 1920-х, входя в Венский Интернационал.

¹⁹ «Знамя» — «еженедельный журнал политики, литературы и искусств» (М., 1919-22, вышло всего 11 номеров, один — сдвоенный). В янв.-февр. 1919 вышло 2 номера под ред. А.А. Шрейдера и «при участии М.А. Спиридоновой, Р.В. Иванова-Разумника и И.З. Штейнберга». В результате состоявшихся в февр. 1919 многочисленных арестов левых с.-р. (только в Москве их было свыше 50) издание «З.» было прервано до апр. 1920. По возобновлении журнал выходил сначала как «орган левых с.-р. (интернационалистов)», с осени 1920 как «издание ЦОБ ПЛСР (интернационалистов)», а с янв. 1921 — ЦОБ ПЛСР объединенных. Во главе журнала встал О.Л. Чижиков, а место Спиридоновой в редколлегии занял В.Е. Трутовский. Кроме материалов политического характера и партийных документов, на страницах «З.» помещались философские и эстетические статьи А.Белого, Р.В. Иванова-Разумника, К.Эрберга, стихотворения А.Блока и др.

²⁰ Три Интернационала — Третий И. (Коминтерн), Второй И. (Бернский: восстановлен в Берне в 1919) и Международное Рабочее Объединение Социалистических партий (Венский И.: образован в Вене в февр. 1921; сторонниками Коминтерна именовался 2 1/2 -ым И.). Исходя из тезисов Президиума ИККИ *О НОВОЙ ТАКТИКЕ* (дек. 1921), делегация Коминтерна приняла участие в Международной социалистической конференции, состоявшейся в Берлине 2-6 апр. 1922 и официально считавшейся «объединенным заседанием исполнительных комитетов трех И.». На конференции была достигнута договоренность о совместных демонстрациях за 8-часовой рабочий день, против безработицы и за установление дипломатических отношений с Сов. Россией. Представители Коминтерна пообещали своим партнерам допустить их представителей на процесс ПСР и не применять к с.-р. расстрела. Оценку Лениным достигнутого соглашения см. в его статье *МЫ ЗАПЛАТИЛИ СЛИШКОМ ДОРОГО*. В мае того года Радек под надуманным предлогом вышел из «комиссии девяти», занимавшейся подготовкой Всемирного рабочего конгресса, в результате чего съезд трех И. так и не состоялся. Бернский и Венский И. в мае 1923 на конференции в Гамбурге объединились в Социалистический Рабочий И. А.А. Шрейдер участвовал от

МРОСП (Венского И.) в упомянутой Берлинской конференции трех Исполкомов в качестве гостя.

Приведем полный текст документа, касающегося еще одного пункта расхождений на той же конференции:

ЗАЯВЛЕНИЕ МРОСП

Исполнительный Комитет МРОСП требовал включения следующего пункта в общую декларацию трех Исполкомов:

«Конференция заявляет, что каждая пролетарская партия должна считать себя обязанной выступить в своей стране со всей энергией за немедленное освобождение всех политических заключенных, особенно тех, которые еще со времени открытой гражданской войны состоят в местах заключения под следствием или отбывают наказание».

Делегаты Коммунистического Интернационала заявили, что не могут присоединиться к этому пункту. МРОСП видит себя вынужденным, чтобы не допустить крушения результатов этой конференции, отказаться от включения вышеизложенного пункта в общую декларацию и констатирует, что Коммунистический Интернационал придает столько значения дальнейшему содержанию в заключении русских социалистов, что проявил готовность отказаться от борьбы за освобождение пролетарских политических заключенных, томящихся в тюрьмах капиталистических государств.

Исполком Второго И. присоединился к этому заявлению МРОСП, как если бы оно было его собственным.

²¹ Штейнберг И.З. (1888 - ?) — один из организаторов ПЛСР, член ее ЦК. Получил юридическое образование, перед Первой мировой войной — помощник присяжного поверенного. В 1917 — сотр. «Дела Народа», возглавлял Уфимскую организацию ПСР. С 12 дек. 1917 по март 1918 — нарком юстиции в коалиционном СНК. Из состава СНК вышел в знак протеста против Брестского мира. Во время событий 6 июля 1918 был за границей. Вернувшись, занимался партийной работой. В февр. 1919 арестован ВЧК, в мае переведен под домашний арест. В 1920 возглавил фракцию «легалистов». С 1922 — в эмиграции. Жил в Берлине, сотрудничал в изд-ве «Скифы» и левозерсовском журнале «Знамя труда», возглавлял группу с.-р. в Венском Интернационале, напечатал воспоминания *ОТ ФЕВРАЛЯ ПО ОКТЯБРЬ 1917*.

²² Шрейдер Александр Александрович (? - 1930) — философ, один из лидеров ПЛСР. В 1917 — в ред. «Знамени труда» (сначала — орган Пг комитета ПСР, затем — ПЛСР). С дек. 1917 по март 1918 — зам. наркома юстиции в коалиционном СНК. Одновременно в янв.-февр. 1918 — пред. Пг трибунала печати, а с февр. 1918 — моск. губ. комиссар юстиции. Был также членом комиссии по составлению первой Конституции РСФСР. Вышел из СНК в знак протеста против Брестского мира. Во время событий 6 июля 1918 был за границей. Вернувшись, занимался партийной работой и публицистикой. С 1921 — заграничный предста-

ставитель ПЛСР. Написал обращение к трудящимся всего мира о голоде в России. Участвовал в подготовительной работе по вхождению с.-р. в Венский Интернационал. Летом 1922 пытался развернуть деятельность по объединению Интернационалов. С осени 1922 — в эмиграции, сотрудничал в изд-ве «Скифы». Выпустил *ОЧЕРКИ ФИЛОСОФИИ НАРОДНИЧЕСТВА* (Берлин, 1923).

²³ «Народ» — часть ПСР, выделившаяся из нее при следующих обстоятельствах. На основе решения VIII Совета ПСР (май 1918), постановившего «поднять знамя восстания за целостность и независимость России, за Учредительное Собрание», 8 июня 1918 в Самаре был образован Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч) во главе с чл. ЦК ПСР В.К. Вольским. Руководимая Комучем Народная армия достигла вскоре 60 тыс. чел. Однако к концу ноября 1918, в результате наступления «правых» сил из Сибири, с одной стороны, и большевистских войск — с другой, правительство Комуча пало.

В дек. 1918 в уфимском эсеровском подполье состоялось совещание деятелей Комуча, на котором было принято решение о прекращении вооруженной борьбы и переговорах с большевиками. Первые такие переговоры состоялись в Уфе в янв. 1919. Со стороны ПСР в них приняли участие В.К. Вольский, Н.В. Святицкий, Н.А. Шмелев, К.С. Буревой и Н.И. Ракитников. В результате ими было выпущено обращение к Народной армии с призывом повернуть оружие против Колчака, а деятельность Уфимской организации ПСР была большевиками легализована. В февр. 1919 переговоры были продолжены в Москве, а 26 февр. состоялось постановление ВЦИК о легализации тех с.-р., которые поддерживают позиции Уфимской делегации.

Весну 1919 названная делегация посвятила пропаганде своих взглядов в рядах ПСР. Однако, вопреки их усилиям, состоявшийся в июне 1919 IX Совет ПСР принял решение не о соглашении с большевиками против реакции, а о борьбе на два фронта — идею «третьего пути». После этого Буревой и Ракитников вышли из ЦК, а в Москве состоялось совместное собрание «уфимцев», «группы Смирнова-Либермана» и делегатов ряда провинциальных центров. Это собрание выпустило обращение к партии с призывом к борьбе с реакцией, к отказу от политической борьбы с большевиками при сохранении идейной борьбы с ними. Обращение, по-видимому, не только встретило терпимость со стороны последних, но и нашло некоторый отклик у масс. В авг. 1919 инициаторы раскола смогли выпустить первый номер газеты «Народ» (в дальнейшем, до 1922, выходила в виде журнала), от которой группа и взяла себе название.

В окт. 1919 (наступление Деникина) «народовцы» обратились в Совет Обороны с заявлением об отправке их на фронт, а к ЦК ПСР — с требованием призвать «на защиту революции всех членов партии». В ответ ЦК решил распустить группу «Народ» и отменить ее решение об отправке своих сторонников на фронт. 4 ноября 1919 «народовцы» заявили о своем отказе выполнить решение ЦК, о выходе из ПСР и образовании «меньшинства ПСР» (МПСР). Было образовано Центр. Орг.

Бюро МПСР в составе: Н.П. Смирнов, В.К. Вольский, Л.А. Либерман, И.С. Дашевский, К.С. Буревой. Летом 1920 II-я конференция МПСР приняла временный организационный устав. На протяжении 1920 МПСР удалось привлечь на свою сторону значительную часть членов своей бывшей партии. Состоявшаяся в янв. 1921 последняя конференция МПСР решила «продолжать подготовительную работу по объединению всех левонароднических группировок».

Однако к лету 1921 положение изменилось: к многочисленным переходам в РКП(б) и возвращениям в ПСР добавились репрессии властей в связи с событиями в Кронштадте. Отток членов и потеря мест в Советах повлекли за собой организационный кризис: раздоры, расследования, взаимные обвинения. Все это привело к тому, что решением меньшинства ЦОБ в февр. 1922 было объявлено о самороспуске МПСР. Отдельные группы членов МПСР продолжали деятельность до весны 1923.

В положении и деятельности МПСР многое объясняет записка Ленина Дзержинскому от 23 авг. 1919: «Газета "Народ" имеет *тесные* связи с правыми эсерами. *Не закрывая* ее, надо их *выследить*». Не меньшее значение имеет и тот факт, что подавляющее большинство тех подсудимых, что покаянно вели себя на процессе ПСР и давали наиболее «убийственные» показания (Г.М. Ратнер, Г.Семенов [Васильев], Л.В. Коноплева и др.), прошли перед тем через МПСР.

²⁴ Шмелев Н.А. — один из основателей группы «Народ». В 1917 — пред. армейского комитета IX армии, чл. Учредительного Собрания. В 1918 товарищ секретаря съезда членов Учредит. Собрания (Екатеринбург). Участник уфимских переговоров ПСР с большевиками. Осенью 1919 решением ЦОБ МПСР мобилизован в распоряжение Реввоенсовета Республики. Был на фронте. В 1921 — чл. ЦОБ МПСР. В 1925-27 жил в Красно-Кокшайске (по-видимому, в ссылке), где регулярно печатал экономические обзоры в журн. «Марийское хозяйство». Дальнейшая судьба Ш. нам неизвестна.

²⁵ Буревой Клим (наст. фам. и имя — Сопляков Константин Степанович, 1888-1934) — публицист, один из основателей группы «Народ». Род. в крестьянской украинской семье. С 1905 — чл. ПСР. В 1910-е много печатался («Украинский журнал», «Ежемесячный журнал», «Сибирская жизнь»). Неоднократно арестовывался и ссылался. Во время Первой мировой войны Б. — «пораженец». В 1917 — пред. Воронежского Совета раб., солд. и крестьян. депутатов, сотр. «Дела Народа», чл. Учредит. Собрания от Воронежской губ. С ноября 1917 — чл. ЦК ПСР. Позднее входил в состав Украинской Центр. Рады и Самарского Комуча. В янв. 1919 участвовал в уфимских переговорах ПСР с большевиками. С июня 1919 — вышел из ЦК ПСР.

Мемуарно-публицистические очерки Б. *КОЛЧАКОВЩИНА* (М., 1919) и *РАСПАД. 1918-1922*. (М., 1923) являются одним из немногих доступных ныне в СССР источников по истории ПСР и особенно МПСР.

В февр. 1922 подписал заявление меньшинства ЦОБ с призывом к самороспуску МПСР, после чего отошел от политической деятельности. В дальнейшем занимался с.-х. кооперацией и кустарной промышленностью, выпускал работы по этим вопросам. В конце 1920-х — нач. 1930-х занимался украинской литературой.

26* Михаил Степанович Жуков (1893-1937?) пытался получить астрономическое образование в Моск. ун-те (1914-16), но ушел, не кончив курса, в револ. деятельность. Нам мало известно о его жизни в 1917-22, но среди левых с.-р. он был фигурой заметной. В 1919 (?) вместе с И.К. Каховской ездил на Юг, чтобы организовать покушение на Деникина (Каховская там заболела, и Жукову пришлось вывозить ее из Ростова). Сосланный в Ташкент (июль 1922), устроился осенью 1922 научн. сотрудником в астрономич. обсерваторию — и с этого времени отдался науке с той же страстью, с какой до того занимался политикой. Потеряв штатное место, продолжал работу там же. В.Я. Аркавина вспоминает о нем: «Михаил Жуков был слеплен из особой глины, из которой лепятся подлинные ученые. Это был человек настойчивой научной целенаправленности и пытливости. Его работоспособность была поразительна и уступала только его внутренней дисциплине. Я помню несколько августовских ночей, когда астрономы всего мира наблюдают за метеорными потоками. Михаил поднимался на обсерваторскую вышку после дня интенсивной работы в своем солнечном павильоне. Нам, двум его помощникам-добровольцам, приходилось наблюдать, как он в непосильной усталости засыпал с головой, запрокинутой в небо. Боясь будить его, мы записывали нужные данные: время (с точностью до полусекунды) и созвездие, где замечена была вспышка метеора. Очнувшись от сна, Жуков бежал во время незаконного перерыва в последние пять минут часа на соседнюю вышку для сравнения наших и их данных в те минуты, когда мы вели наблюдение самостоятельно. Как часто ему было непосильным не задремать и в следующие 55 минут наблюдений. Несколько часов сна, крепкий чай, вскипяченный в колбе, — и вновь начинался рабочий день».

В 20-е гг., особенно в первую их половину, нецентрализованная наука (полулюбительская, самодеятельная, периферийная, не планируемая и не финансируемая государством) играла относительно большую роль, чем позднее. В Росс. о-ве любителей мироведения статистика солнечной активности была основана на обработке массовых любительских наблюдений, и в 1924 и 1925 Жуков занимал по числу наблюдений Солнца соответственно первое и второе место среди всех наблюдателей страны — корреспондентов РОЛМ, что отмечено в итоговых статьях В.В. Шаронова (журн. «Мироведение», №1 за 1925 и №4 за 1926). В конце 20-х гг. Жуков работал науч. сотр. электрометеорологич. отд-ния Среднеаз. метеорологич. ин-та; интересы его в этот период охватывали, кроме Солнца, атмосферное электричество.

* Примечания 26 и 27 составлены Г.Графом.

Научные интересы Жукова уже с 1922 сконцентрировались на проблеме солнечно-земных связей. Прочитав статьи Д.О. Святского (1917-18) о зависимости между эпохами максимумов солнечных пятен и социальными революциями, Жуков — с его страстью общественника и задатками ученого — стал проверять факты и скоро сформулировал свой разворот темы: «Влияние солнечных пятен на биопсихическую жизнь земного шара». Не ограничиваясь историко-статистическими сопоставлениями и параллельным наблюдением Солнца и общественной жизни, а также наблюдениями за самочувствием детей-спазмофилитиков (начиная со своей старшей дочери), Жуков ставит многочисленные эксперименты по ионизации живых организмов, пытаясь таким образом нащупать механизм солнечного влияния на них. Эти опыты перекликаются с исследованиями А.Л. Чижевского по аэроионификации. Обнаружив благотворность ионизации для хлопка и виноградной лозы, М.С. приступает к опытам по ионизации больных детей. Наблюдения его за колебаниями детской психики в связи с солнечной деятельностью принадлежат, по-видимому, к числу первых в науке. «Я думаю, — читаем в его письме, — что на детском организме влияние солнечных пятен должно сказываться ярче и заметнее, чем на психике взрослого человека, на которую часто могут оказывать более слитное влияние радости и горести окружающей жизни, и его настроение поэтому не будет так отчетливо связано с космическим фактором».

Начиная с «праздника Солнца» 22.06.23, Жуков выступает с докладами перед любителями астрономии, студентами, педагогами, а в 1929-30 уч. году — на кафедре педиатрии. Подвергается насмешкам за свои «вредные фантазии». Пытается завязать научную переписку. Ссылка на исследования Жукова (колебания веса младенцев в связи с периодической деятельностью Солнца, 1928) содержится в книге А.Л. Чижевского *ЭПИДЕМИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ И ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛНЦА* (М., 1930, с.46); она повторена Чижевским в его кн., изданной во Франции в 1938 (рус. изд. — *ЗЕМНОЕ ЭХО СОЛНЕЧНЫХ БУРЬ*. 2-е изд., М., 1976, с.115). Печатных научных работ М.С.Жукова обнаружить не удалось.

От политической деятельности Жуков давно отошел, поэтому в периоды арестов среди ссыльных (1926 и особенно 1930) его если забирают, то и выпускают. Перед последним своим арестом И.К. Каховская спросила его: «Если бы все началось снова, Миша, — ты был бы с нами?» — «Не знаю, Ира», — ответил он.

«На взгляды Жукова навесили табличку "идеализм". И все же он продолжал работать так же настойчиво, иступленно все эти годы, вплоть до 36-го или 37-го, когда был арестован. /.../ Он и его жена исчезли бесследно. Это исчезновение было для него особенно трагично, т.к. внутренне он уже не был связан с тем, в чем их обвиняли» (В.Я. Аркавина).

²⁷ Чижевский Александр Леонидович (1897-1964) — биофизик, основоположник гелиобиологии и аэроионификации. Историк.

Сын ученого-артиллериста Л.В. Чижевского (1861-1929), генерал-майора (1916), Героя Труда РККА. Отец много сделал для становления Ч. как ученого (Чижевский А.Л. *ВСЯ ЖИЗНЬ*. М., 1974, с.9-11, 53-62) и мобилизовал все силы семьи в помощь научным занятиям Ч. («Это придаст нам уверенность в значимости нашей жизни, которая так утрачена у людей нашего круга», — сказано в 1918. — Там же, с.57).

Ч. получил широкое (до 10 лет — только домашнее) образование: европейские языки, музыка, живопись, астрономия, закончил Археологич. (1917) и Коммерч. (1918) ин-ты в Москве, учился на физмате (1915-19) и медфаке (1919-22, уже после защиты докторской) Моск. ун-та. В эпоху дифференциации и специализации наук сохранил «чувство мира как неделимого целого» (выражение Ч.).

Живописец и акварелист (осн. часть работ утрачена; ряд посмертных выставок).

Автор научно-философских стихов, одобренных П.А. Флоренским и М.А. Волошиным. А.Н. Толстой писал ему в 1937: «Некоторые Ваши стихи /.../ не вполне созвучны с нашей эпохой, они отголоски прошлого, но тем интересней и значительнее они будут в будущем, когда страна войдет в эру коммунизма и когда можно будет беспристрастно судить о вещах, о которых сейчас приходится судить пристрастно. /.../» (сб. *СОЛНЦЕ, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, ЖИЗНЬ*. М., 1969, с.98). В янв. 1918 написал эссе *АКАДЕМИЯ ПОЭЗИИ* (Калуга, 1918) — проект создания центра по изучению рус. поэзии (чтобы очистить массы влиянием культуры) и одновременно центра профессионального образования рус. поэтов.

Участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер.

Друг К.Э. Циолковского.

Ранние работы: *ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ СОЛНЦА НА БИОСФЕРУ ЗЕМЛИ* (докл., окт. 1915), *РУССКАЯ ЛИРИКА XVII ВЕКА* (дисс. при получении степени ученого-археолога, 1917), *О ПЕРИОДИЧНОСТИ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА* (докт. дисс., 1918; оппоненты Н.И. Кареев и С.Ф. Платонов). Расширенный вариант последней (1919) остался неизданным, несмотря на обещание А.В. Луначарского «осветить светом исторического материализма» концепцию Ч. и содействовать изданию труда. Опубликованной итоговой работой первого периода стала кн. *ФИЗИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА* (Калуга, 1924). Ее подзаголовок: «Влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса, начиная с V века до Р.Хр. и по сие время. Краткое изложение исследований и теории». Пояснения к графикам и таблицам продублированы на английском; в конце — англ. резюме. За нее автор получил ярлыки «солнцепоклонника», «мракобеса» и т.п. (*ВСЯ ЖИЗНЬ*, с.171 и др.), после чего возможность печатать работы подобного плана оказалась закрытой (за границей Ч. публиковал их до 1930). От идей этой книги Ч. не отказывался никогда — и до конца жизни считал себя историком. В 1917-27 преподавал в Моск. ун-те и Моск. Археологич. ин-те (проф. с 1922) курс физич. методов археологии.

Во вторую пол. 1920-х — 1930-е гг. Ч. сосредоточился на исследовании биологич. процессов, происходящих при участии электронов. Написал на эту тему кн. *МОРФОГЕНЕЗ И ЭВОЛЮЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭЛЕКТРОНОВ*, многократно и безуспешно представлял ее в печать (в 1923 зав. Госиздатом О.Ю. Шмидт отверг благоприятные отзывы Н.К. Кольцова, П.П. Лазарева, Ю.В. Вульфа и А.О. Бачинского), не хотел публиковать в периодике отдельные главы, надеясь издать книгу целиком («оберегал созданное мною от саморазжигения и саморасшишения»), дополнял, обрабатывал, пока этот итог его 25-летней работы (40 печ. л.) не погиб в результате ареста автора вместе со 100 папками научных материалов (*ВСЯ ЖИЗНЬ*, с.85-89). Работал сначала в домашней лаборатории, организованной силами и средствами семьи (1913, переобор. 1918), потом в Ин-те биофизики НКЗдрава РСФСР у П.П. Лебедева (науч. консультант в 1922-24), Практической лаборатории по зоопсихологии Главнауки НКПроса у В.Л. Дурова и А.В. Леонтовича (ст. науч. сотр. /проф./ в 1924-31), ЦНИЛИ — Центральной н.-и. лаборатории ионификации (1931-36, директор) и на кафедре гигиены Третьего мед. ин-та (с 1936). С 1937 возглавлял две лаборатории на строительстве Дворца Советов. Все эти годы изучал ритмы биосферы, связанные с цикличностью солнечных процессов, и вел работы по ионификации воздуха для улучшения его биологич. активности. Применил искусств. аэроионизацию в медицине, в сельском хоз-ве, животноводстве (1930-36) и др.

Всегда получал большую поддержку от В.И. Вернадского.

Из политич. деятелей некоторую поддержку Ч. оказывали А.В. Луначарский и Н.А. Семашко. Показательно, что Луначарскому пришлось для этого прибегнуть в 1920 к бюрократической хитрости: «Наркомпрос не может сейчас помочь вам как ученому, так как /и это говорит министр просвещения! — Г.Г./ у нас нет подходящей научной должности в Калуге, но /.../ мы можем /.../ направить вас в Калугу как литературного инструктора, а я вас снабжу всеми необходимыми документами, чтобы вы могли заниматься наукой» (*ВСЯ ЖИЗНЬ*, с.71). Семашко, бывший до 1930 наркомом здравоохранения, публиковал в 1927-29 работы Ч. под своей редакцией и защищал ученого перед Сталиным в конце 1920-х гг.

За пределы страны Ч. не выпускали, хотя он получал много приглашений для исследовательской работы или чтения лекций (к С.Аррениусу в 1920, в Колумбийский ун-т в 1929, в амер. Ин-т по изучению туберкулеза им. Трюдо в 1930, а также в Париж).

Погромная критика монографии Ч. *ЭПИДЕМИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ И ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛНЦА* (М., 1930, тир. 300 экз.) положила конец публикации его работ по гелиобиологии в отечественных изд-вах. Редакционные статьи «Правды» *ВРАГ ПОД МАСКОЙ УЧЕНОГО* (25 декабря 1935) и *БЕЗМЕРНАЯ НАГЛОСТЬ ЛЖЕПРОФЕССОРА ЧИЖЕВСКОГО* (3 июня 1936) наложили вето на работы по аэроионификации и заставили Ч. прекратить зарубежные публикации о влиянии периодической деятельности Солнца на

социальные явления. Деятели ВАСХНИЛ требовали от него публичного покаяния, по приказу Б.М. Завадовского (1934) были рассыпаны два подготовленных тома «Трудов» ЦНИЛИ.

В последующие годы новые труды Ч. печатались лишь за рубежом. Среди них — изданная по инициативе парижской Медицинской академии книга *ÉPIDEMIES ET LES PERTURBATIONS ÉLECTROMAGNÉTIQUES DU MILIEU EXTERIEUR* (1938), получившая позже рус. назв. *ЗЕМНОЕ ЭХО СОЛНЕЧНЫХ БУРЬ*. Вообще библиография его научных первоизданий многоязычна; в ней доминируют как место напечатания Тулон и Марсель, но есть также Берлин, Нью-Йорк, Лиссабон, Дюссельдорф, Стокгольм, Утрехт, Нанси, Феррара, Мехико, Ницца, Брюссель...

Член Тулонской АН (1929), Франц. Академии медицинских наук, Колумбийской, Люксембургской Академий и множества др. зарубежных научных о-в; от членства в немецких научных о-вах отказался, вернув дипломы во время войны. В довоенные годы наибольшее практическое применение его работы нашли, видимо, во Франции: М. Фор и его сотрудники организовали там Междунар. ин-т по изучению солнечных, земных и космических радиаций, где по рекомендации Ч. была налажена «медико-астрономическая служба Солнца», спасшая десятки тысяч жизней.

11-16 сент. 1939 в Нью-Йорке проходил Первый междунар. конгресс по биологической физике и биологической космологии. Одним из четырех своих почетных президентов конгресс избрал Ч. Трое других подписали принятый конгрессом меморандум из 24 параграфов — детальный анализ научного творчества Ч., которого этот первый международный конгресс биофизиков выдвинул на соискание Нобелевской премии. Не касаясь специальных вопросов, затронутых в меморандуме, приведем несколько цитат:

Из «Введения»: «Профессор Чижевский смело перебрасывает мосты между явлениями природы и вскрывает закономерности, мимо которых проходили тысячи естествоиспытателей. Гениальные по новизне идей, по широте охвата, по смелости синтеза и глубине анализа труды поставили профессора Чижевского во главе биофизиков мира, ибо труды его — достояние Человечества».

Из «Заключения»: «К настоящему времени число печатных трудов профессора Чижевского, вышедших на многих языках, достигает 400. Число печатных трудов его учеников, сотрудников и последователей во всем мире доходит до 2500. Число же работ, посвященных исключительно рассмотрению трудов профессора Чижевского, превышает 5000. Эти цифры говорят о том огромном резонансе, который получили труды профессора Чижевского во всем мире.

Изучать его работы — истинное наслаждение для всякого ученого, врача, биолога и всякого натуралиста вообще, стоящего на уровне современной науки, ибо его труды и идеи идут в ее авангарде, опережают ее, и иногда значительно. Они блещут не только прогрессивной новизной, глубиной и дерзостью полета мысли, но и высоким мастерством изложения или изяществом математического базиса. /.../

В лице профессора Чижевского мы бесспорно имеем одного из гениальных натуралистов всех времен и народов, который достоин занять почетное место в Пантеоне Человеческой Мысли наравне с великими представителями Естествознания.

Но для полноты характеристики этого замечательного человека нам остается еще добавить, что он, как это видно из широко известных его биографий, написанных проф. Лесбергом, проф. Реньо, проф. Понтани и др., является также выдающимся художником и утонченным поэтом-философом, олицетворяя для нас, живущих в XX веке, монументальную личность да Винчи.

Ученые многих стран Америки, Европы и Азии, собравшиеся на Первый Международный Конгресс по биологической физике и биологической космологии /.../, настоящим меморандумом отмечают и подчеркивают величайшее научное и практическое значение трудов своего Почетного Президента профессора Чижевского и его великие заслуги перед Человечеством».

К Нобелевской премии Чижевского представил и Стокгольмский ун-т. Все шло к тому, что Ч. станет первым советским ученым — нобелевским лауреатом.

В эти дни его посетил дома некий чин с тремя ромбами и предложил подписать текст приблизительно такого содержания: «В связи с тем, что неоднократно выдвигаемые АН СССР кандидаты на Нобелевскую премию отвергаются Нобелевским комитетом, я заранее отказываюсь от возможного присуждения мне Нобелевской премии». Ч. вынужден был поставить свою подпись — и на два года остался на свободе.

Арестован 22 янв. 1942 в Челябинске, получил 8 лет. По убеждению Ч., его аресту содействовал писатель Л. Никулин, с которым они вместе ехали в поезде при эвакуации из Москвы. Московская квартира Ч. была немедленно занята сотрудником НКВД. 40 000 книг выгрузили на машину без всякого списка (понятым был неграмотный дворник) — и богатая научная библиотека Ч. пропала бесследно: книги с его экслибрисом ни разу не мелькнули у букинистов.

Некоторое время Ч. находился в заключении на Урале и, возможно, в Красноярском крае. В 1943 привезен в Купчино под Москвой, где работал для госпиталей над проблемой лечения ран с помощью аэроионизаторов. Обещали выпустить, когда окончится война.

В 1945, после Победы, переведен в Карагандинский лагерь. При содействии нач. санитарного отделения кап. Бобровникова организовал кабинет аэроионизации для вольных работников лагеря, однако был выжит врачами-заключенными. Здесь встретился с Ниной Вадимовной Энгельгардт, ставшей потом его женой (она сидела несколько раз, начиная с 1924-27 гг. на Соловках, но вышла раньше Ч.).

В 1947-48 — на Комендантском отд-нии Карага возле с. Долинского; в сносные условия здесь ему помогла попасть Н.В. Энгельгардт. Зам. нач. лагеря полк. Слюсаренко, играя роль мецената, предоставил Ч. маленькую мастерскую, где тот писал маслом картины (природы северной России), затем дарившиеся начальству из Москвы.

В конце 1948 переведен в Спаское отд-ние Песчлага — одного из трех спецлагерей, на которые был разбит Карлаг. Из приблизительно 11 тысяч з/к в Спаске было ок. 7 тыс. больных и инвалидов. При стационаре для больных имелась бактериологическая лаборатория, завести которой нач. лагеря полк. Чечиев поставил Ч. Здесь Ч. провел свои исследования по теории кровообращения; результатом их явились изданные позже книги *СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ДВИЖУЩЕЙСЯ КРОВИ* (М., 1959), *ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ И МАГНИТНЫЕ СВОЙСТВА ЭРИТРОЦИТОВ* (Киев, 1973) и *БИОФИЗИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАКЦИИ ОСЕДАНИЯ ЭРИТРОЦИТОВ* (Новосибирск, 1980). Среди его помощников был С.А. Липшиц, которому мы обязаны частью приводимых здесь сведений.

Отказался освободиться по отбытии срока, так как не успел закончить опыты; с трудом получил разрешение отсидеть ровно месяц сверх срока. Вышел 22 февр. 1950, получил вечную ссылку в Караганду. В ссылке работал в клинических лабораториях, продолжал научные занятия, подготовил машинописный том избранных стихов (позднее его стихи отмечены премией Академии искусств Португалии). В 1958 переехал в Москву, где три с половиной года жил «на птичьих правах» (в гостинице). До 1962 работал в Госплане СССР, вел Лабораторию аэроионизации. Реабилитирован в 1961. Снова печатался. Принял участие в работах, связанных с космическими полетами.

За три дня до смерти Ч. журнал «Партийная жизнь» №24 опубликовал статью А.Ерохина *ТЕМНЫЕ ПЯТНА*, где автор издевался над всеми научными открытиями Ч. Как полагала Н.В. Чижевская, ей и ее друзьям удалось уберечь Ч. от чтения этой статьи.

Когда-то он писал:

О ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей, —
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

Одна из телеграмм на смерть Ч. гласила: «Умер Галилей XX века».

В марте 1965 «Партийная жизнь» реабилитировала творчество Ч., за исключением его работ по истории. В последующие годы удавалось продвигать в печать оставшиеся после Ч. его книги и статьи, в связи с чем вдова ученого (она умерла в 1982) была против сам- и тамиздатских публикаций. Подготовленные материалы передавались в Архив АН СССР. Но главы мемуаров опубликованы так, что замаскирован даже сам факт пребывания Ч. в заключении. Обещанная к 80-летию ученого книга о нем в «ЖЗЛ» застряла в работе. По отношению к «гелиоисторическим» построениям погромно-издевательский тон сменился на снисходительный («ошибки молодости» Ч.), но изучение космических факторов исторического процесса остается у нас фактически прерванным.

В связи с этим добавим следующее.

В 10-20-е годы нашего века в отечественной науке развернулся бурный процесс формирования представлений о связи циклических процессов в био-, атмо-, гидро- и литосфере Земли с циклическими измене-

ниями солнечной активности. Среди широкого круга ученых, проявивших в те годы интерес к названной проблеме, могут быть названы, кроме Чижевского, имена В.М. Бехтерева, М.А. Боголепова, Н.М. Кулагина, П.П. Лазарева, Д.О. Святского, К.Э. Циолковского.

Этот прорыв в новую область знания был, по-видимому, не случаен. Годы наибольших революционных потрясений (1905, 1917) пришлось на годы максимума солнечной активности. Осознание этого дало неожиданный толчок изучению солнечно-земных связей. Ученые, которые позже сосредоточились на изучении статистических связей между солнечной активностью и земными процессами в биосфере (Чижевский) или в атмосфере и гидросфере (Святский), сначала стремились выявить подобные связи между пятнообразовательной деятельностью Солнца и социальными явлениями.

Попытка обнаружить, говоря словами Чижевского, «влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса» заслуживает самого доброго отношения и принципиальной научной реабилитации, какими бы спорными и ошибочными ни представлялись первые полученные выводы критикам этих взглядов. Тем более — подчеркнем эту мысль, — что именно эти исследования исторически проложили дорогу изучению воздействия Солнца на процессы в земных оболочках и на человеческий организм.

²⁸ Мстиславский (наст. фам. Масловский) С.Д. (1876-1943) — писатель. Сын проф. истории воен. искусства. Окончил физ.-мат. ф-т СПб ун-та. С 1904 — чл. ПСР. После февр. 1917 — чл. редколлегии «Дела Народа», с мая — чл. Северного обл. к-та ПСР и сотр. его органа «Земля и воля». С конца 1917 — чл. ЦК ПЛСР, после 6 июля 1918 был арестован вместе с фракцией ПЛСР на V съезде Советов. Сидя на кремлевской гауптвахте, записал свои разговоры с Ю.В. Саблиным и М.А. Спиридоновой (этот текст под названием *ИЗ КРЕМЛЕВСКОГО ДНЕВНИКА* с 1936 хранится в ИМЛ).

В знак протеста против июльского выступления М. вышел из ЦК. Затем был в ЦК украинских боротьбистов, после раскола этой партии и вступления значительной части ее членов в РКП(б) (1921) М. — беспартийный. В 1919-22 М. был на военной службе, а по окончании Гражданской войны занимался хозяйственной деятельностью. В 1922-26 М. редактировал неперидические издания Профинтерна, затем работал в БСЭ и др. изд-вах. В 20-30-е М. выпустил несколько романов на историко-революционные и восточные темы. Наибольшей известностью пользуется его кн. о Н.Э. Баумане *ГРАЧ, ПТИЦА ВЕСЕННЯЯ*.

²⁹ Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) — один из организаторов ПСР, чл. ее ЦК. В револ. движении с конца 1880-х, в 1892-94 учился в Моск. ун-те, был арестован по делу партии «Народного права» и сослан в Тамбовскую губ. С 1899 — в эмиграции, где вместе с М.Р. Гоцем возглавил заграничную организацию ПСР и ее орган «Революционная Россия». Ч. был главным теоретиком ПСР и автором ее программы. Во

время Первой мировой войны участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. В мае-авг. 1917 — министр земледелия Врем. пр-ва. 5 янв. 1918 — пред. Учредит. Собрания, летом-осенью 1918 участвовал в деятельности Комуча. С 1920 — снова в эмиграции, где возглавлял ее левое крыло, базировавшееся в Праге. В 1939-45 Ч. — участник французского Сопротивления. Потом жил в США. Оставил мемуары: *ЗАПИСКИ СОЦИАЛИСТА-РЕВОЛЮЦИОНЕРА* (т. I, 1922) и *ПЕРЕД БУРЕЙ* (1953).

³⁰ Журнал «Голос социалиста-революционера» издавался в СПб в 1909. Вышел один номер.

³¹ Шрейдер Г.И. (1860-1940) — публицист, деятель ПСР. В 1880-х — 1900-х сотрудничал в «Русских ведомостях», «Русском слове» и ряде газет Юга России, в 1904-05 редактировал «Сын отечества». В 1917-18 редактировал газ. «Самоуправление» (орган ПСР). С 20 авг. 1917 Ш. — Пг городской голова, был в Президиуме Демократич. Совещания, с 24 окт. 1917 — пред. К-та Обществ. Безопасности. 18-19 ноября находился под арестом по приказу Пг ВРК за неподчинение декрету о роспуске Пг гор. думы. Летом 1918 в Екатеринодаре Ш. организовал Юго-Восточный комитет членов Учредит. собрания, редактировал там газ. «Родная земля». После поражения Добровольческой армии — в эмиграции. Там был близок к Чернову, сотрудничал в пражской «Революционной России». В 1920-21 Ш. — участник «Инициативной группы внепартийного объединения». Скончался в Медоне (Франция).

М.Вишняк в своих воспоминаниях *ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ. 1919-1969* (Стэнфорд, 1970) писал, что «тактика эсеров нередко определялась географией — местонахождением. Это обстоятельство /.../ определяло, вероятно, и высказывания эсеров, находившихся в пределах досягаемости военных диктаторов». В подтверждение этой мысли он противопоставляет позицию «лево-настроенного» Ш. пражского периода и фразу из его же статьи екатеринодарских времен: «При данных условиях Добровольческая армия является необходимым соучастником в той общей работе, которая направлена на оздоровление и возрождение нашей измученной родины».

³² Вероятно, речь идет о Викторе Еремеевиче Баранченко (р. 1892), участнике Гражданской войны в Крыму, авторе книги о Ю.П. Гавене (серия «ЖЗЛ», М., 1967).

³³ Ставская Фанни Ефремовна (1890 — после 1937) — террористка. Дочь чиновника. Получила домашнее образование. В 1906-07, будучи чл. группы анархистов-коммунистов, вела революционную работу в Гродно, Белостоке, Пружанах и Кобрине, несколько раз подвергалась краткосрочным арестам. В конце 1907, перейдя на нелегальное положение, занялась террористич. деятельностью в Екатеринославе, где весной

1908 участвовала в подготовке покушения на губернатора Н.М. Клингенберга. Вскоре была арестована и спустя 3 года приговорена Врем. Воен. Судом «за покушение на взрыв гостиницы "Франция" в Екатеринославе» к 20 годам каторги. Наказание отбывала в Екатеринославской, Рижской (1912-14), Ярославской (1914) и Рыбинской (1914-17) тюрьмах. На процессе ПСР в 1922 обвинялась в том, что «в сентябре 1918 вошла в Моск. боевой отряд ПСР по рекомендации Донского и по его же поручению вскоре выехала на Самарский фронт для сношений с контрреволюционным центром за Волгой». Раскаялась «в содеянном» и была приговорена к 2 годам заключения с ходатайством суда перед ВЦИК об освобождении, которое было удовлетворено. В конце 1920-х С. — чл. ВКП(б) и О-ва бывш. политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

³⁴ Шестаков Всеволод П[етрович?] (1895-1938) — чл. ПСР. В 1917 — сотр. «Земли и Воли», в 1918-19 — чл. моск. комитета ПСР, с осени 1920 — чл. ЦК ПСР. После 1917 работал в Моск. о-ве потребит. кооперации. Неоднократно арестовывался ВЧК. В апр. 1921 Ш. был арестован «как чл. ЦК ПСР» и «осужден за контрреволюционную деятельность». По процессу ПСР не проходил.

³⁵ Петренко Петр Семенович (р. ок. 1885) — чл. РСДРП. Ростовчанин. После февр. 1917 — ростовский городской голова. В 1920 — судился в Москве по делу донских меньшевиков. Освобожден в дек. 1920. В 1922-23 был в ссылке. Бежал оттуда осенью 1923 и работал по поручению Бюро ЦК РСДРП в Москве и др. городах. Арестован в 1924. Приговорен к 3 годам заключения. Отбывал до 1925 в Соловках (Муксолма), а с 1925 по 1927 — в Тобольском политизоляторе. По окончании срока сослан на три года в ссылку. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

³⁶ Локерман Александр Самойлович (1880-1937) — чл. РСДРП. В рев. движении с 1898. В нач. 1900-х — один из лидеров ростовских с.-д., чл. Донского комитета РСДРП. Руководитель известной демонстрации 2 (15) марта 1903 в Ростове-на-Дону, после которой перешел на нелегальное положение. Представлял Донской комитет на II съезде РСДРП, занимал там позицию «центра».

Об этом периоде его деятельности написал В.А. Плесков в рецензии на одну из историко-революционных книг: «...Затем в книге есть одна совершенно ненужная и досадная нотка по адресу кое-кого из подпольной интеллигенции (А.Локерман, С.Гурвич и др.), объясняемая, несомненно, больше теперешними /1924 г. — Публ./, чем тогдашними настроениями автора. Всякий ростовский рабочий, участник подполья тех лет, скажет автору: "Неправда, не такие они были". К их голосу прислушивались ростовские рабочие — в том числе и Юсаков /герой книги. — Публ./ в течение долгих лет, потому что это были талантливые вожди, отмеченные не только в Ростове-на-Дону, но и в

Женева в редакции "Искры" и тогдашних руководящих практических центрах рабочего движения. Изображать их *сейчас* злокозненными и хитроумными чуть ли не "врагами" рабочих в пору 1903-1905 гг. значит заниматься психологической "подстановкой" теперешней оценки их автором к периоду, отстоящему от нас на 20 лет. Этого не было, и этот минус не может быть оправдан никакими соображениями мемуариста-историка».

С февр. 1904 Л. — чл. Киевского к-та РСДРП, вскоре был арестован. В сент. 1905 он предстал перед судом, но в окт. того же года освобожден по амнистии. Осенью 1906 вновь арестован в Екатеринославе, через короткое время вышел на свободу. Арест Л. в 1908 в СПб повлек за собой высылку в Ростов-на-Дону под гласный надзор полиции, откуда в 1913 он был сослан.

В своих послеоктябрьских воспоминаниях Л. очень интересно охарактеризовал организационный кризис, наступивший в РСДРП во время спада революционной волны. Он считал, что в основе этого кризиса лежал общий процесс одновременного «левения» низов и «правения» верхов. Отлив интереса к партийным делам среди «сочувствующих» повлек за собой «удавку безденежья». Последняя, в свою очередь, вызвала широкое распространение «эксов», а они в условиях ограниченности партийных сил и организационного хаоса покатались «по пути наименьшего сопротивления» и вскоре выродились в обыкновенный грабёж частных лиц.

После февр. 1917 Л. — чл. ВЦИК от РСДРП, в 1917-20 — чл. Донского к-та РСДРП. В 1920 арестован ВЧК в Ростове, привезен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. Был судим по делу донских меньшевиков, приговорен к 5 (?) годам заключения, но в дек. 1920 освобожден. В дальнейшем неоднократно арестовывался и ссылался. В 1923-26 — в ссылке в Вятке, в 1931-34 — в Енисейске. В ссылках занимался экономикой. В 1930 вышла его брошюра *К ПРОБЛЕМЕ ТОРГОВОЙ СЕТИ*. В последний раз арестован в 1937, погиб в лагере. При жизни выпустил воспоминания: *74 ДНЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОСТОВЕ*. (Из истории диктатуры большевиков в Ростове-на-Дону). Ростов-на-Дону, 1918; см. также в журн. «Каторга и ссылка», 1925, №6 и №7; 1926, №4 и 7/8 и в сб.: *1905 ГОД В ОЧЕРКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ*. М., 1927, №1, 2. О нем: П.А. Гарви. *РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛУЭТЫ*. Нью-Йорк, 1962.

³⁷ Левинé Эйген (Евгений Юльевич) (1883-1919) — участник рабочего движения в разных странах, комиссар по иностр. делам и глава Исполнительного совета Баварской Сов. республики. Родился в семье коммерсанта. Гимназическое образование начал в СПб, закончил в Гейдельберге, где поступил в университет. В 1905 участвовал в событиях в России: возглавлял профсоюз кручников и каталей, был чл. СПб комитета ПСР. Был арестован, судим, но, благодаря итальянскому подданству и некоторой известности в европейских литературных кругах, получил мягкий приговор. 1907-08 провел за границей, но в 1908 вернулся в Россию

в качестве эмисара ЦК ПСР, под видом корреспондента немецких газет. Осенью 1908 был арестован в Минске вместе с собравшейся там обл. конференцией ПСР. Будучи освобожден под залог, бежал за границу. Читал в Гейдельберге и др. городах Европы лекции о русской революции. Перед Первой мир. войной пытался создать с.-р. крыло в германской социал-демократии, осуществлял техническую помощь ПСР, вел пропаганду среди русских подданных и эмигрантов за границей. В 1913 перешел в германское подданство. С началом войны Л. был мобилизован и направлен переводчиком в лагерь военнопленных русских офицеров, стал вести среди них с.-р. пропаганду, был переведен в глухой гарнизон, а вскоре освобожден от военной службы по болезни. Затем он принял участие в деятельности Союза «Спартак» и сотрудничал в «Vorwärts». По приезде в Берлин в мае 1918 заграничной делегации ПЛСР официально примкнул к последней и в дальнейшем представлял ее в Берлине. Работал в русском советском посольстве. Л. активно участвовал в Ноябрьской революции 1918 в Германии и Январском восстании 1919, хотя и был противником последнего. Делегировался на учредительный съезд КПГ. С марта 1919 редактировал «Rote Fahne». После разгрома Бав. Сов. Республики расстрелян по приговору военно-полевого суда.

³⁸ Колегаев (Калегаев) Андрей Лукич (1887-1937) — чл. ПСР с 1906, занимался боевой и агитационной работой. После февр. 1917 принадлежал к левому крылу ПСР, в дальнейшем — один из организаторов ПЛСР, с 30 ноября 1917 — нарком земледелия в коалиционном СНК. В марте 1918 вышел из состава СНК в соответствии с директивой ЦК ПЛСР, данной в связи с заключением Брестского мира. После событий 6 июля 1918 вышел из ПЛСР в знак несогласия с ее политикой. В ноябре 1918 вступил в РКП(б). В 1919 К. — пред. Особой продовольств. комиссии Южн. фронта, нач. снабжения Южн. фронта, чл. Реввоенсовета этого же фронта; вопреки возражениям М.С. Кедрова, был временно назначен зав. Особого отд. Южн. фронта. В 1920-21 — чл. коллегии НКПС и пред. Основной транспортной комиссии при СТО. С конца 1921 — на хозяйств. работе (в сер. 1920-х — пред. Правления а/о «Москуст», объединявшего местную промышленность р-на Москвы, затем работал во Внешторг-банке, Нефтесиндикате). Около 1937 был репрессирован и погиб в заключении.

Л.И. Богораз
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ*

Аресты, тюрьмы, лагеря — эта тема присутствовала в моем сознании с детства, поворачиваясь с течением времени разными своими гранями, касаясь меня то близко и чувствительно, то более отдаленно. Но хотя механизм ГУЛага, перемалывавший моих старших родственников и знакомых, а потом и сверстников, мог, конечно, затянуть в свою мясорубку и меня, мне и в голову не приходило, что это может на самом деле случиться. Более того, зная о литературном творчестве Юлия Даниэля, за которым я тогда была замужем, и нашего друга Андрея Синявского и прекрасно понимая, что это может кончиться только одним — арестом, я все же не задумывалась, что это реально значит, как это будет и что за этим последует. Что будет, то будет.

Арест мужа и Синявского не вызвал у меня страха ни за них, ни за себя, а только возмущение незаконным и варварским действием — как будто всю жизнь я прожила в царстве справедливости и правопорядка! С этого времени я оказалась в открытой оппозиции к властям, к госбезопасности, к органам МВД — и мое противодействие приобрело общественную значимость, довольно большую по тем временам. Я, конечно, была не одна, такую же позицию противостояния занимали и другие люди — с некоторыми я была знакома раньше, с другими подружилась на этой почве. Каждого из нас могли арестовать. Не знаю, как другие, а я в отношении себя не предполагала такой возможности — не из безрассудного оптимизма, а на

* Текст печатается без ведома автора; название дано редакцией.

рациональных основаниях. На всякий случай я задала себе вопрос: ну, а если арестуют? Ведь у Андропова, может быть, своя логика. И поняла, что вероятность ареста никак не влияет на мое поведение; ну и слава Богу, а то ведь еще думай, рассчитывай, как бы это и рыбку съесть, и в воду не лезть. Занятие не для меня, к тому же я не верю в его успешность.

Зимой 1968 года у меня дважды было такое ощущение, что КГБ (эту организацию я и сейчас воспринимаю как целостный организм: ее работники при встречах со мной всегда проявляли себя как части целого, а не как личности) — растерзало бы меня, если бы я попала ему в лапы вот сию минуту. Первый раз — после передачи моего и Павла Литвинова Обращения к мировой общественности, а второй — после моей телеграммы о солидарности с голодовкой политзаключенных. Эта телеграмма была адресована в лагерь, в какие-то, уж не помню, правительственные инстанции, словом, вовсе не публичная; но ярость кагэбэ из-за утечки информации, из-за того, что я эту утечку, так сказать, продемонстрировала, — ощущалась мною на расстоянии буквально физически. Правду сказать, ощущение не из приятных.

Не схватили; только вызвали «на беседу» к прокурору то ли Москвы, то ли РСФСР.

На 21 августа 1968 года был назначен суд над Анатолием Марченко — расправа за его книгу «Мои показания», а главным образом, за его письмо о Чехословакии в зарубежные органы информации. Накануне вечером ко мне пришли Павел Литвинов и его жена Майя Копелева и остались у меня ночевать, а рано утром за нами зашла Нина Лисовская — мы собирались пойти на суд. Было очень рано, часов, может, семь. Вдруг раздается телефонный звонок. Я беру трубку. Наташа Горбаневская, рыдая, говорит, что наши войска вошли в Чехословакию. «Советские танки в Праге».

Я не могу передать, как это на нас подействовало. Нет, я не верила, что это произойдет. Почему?! Ведь ребенку должно быть ясно. Но нет, не может такого случиться. Потому что это *нельзя*.

Анатолий Марченко в Открытом письме предсказывал, что это неизбежно, что мертвое не даст жить живому. Я не верила ему и думала, что он сам не верит, что это у него лишь публицистический прием. Сегодня его будут судить — а наши танки в Праге.

Еще вот эта фраза, эта формула: «Танки в Праге»! Это уже было, чужие танки на улицах Праги, пражане проснулись,

а на улицах танки со свастикой. А сегодня — со звездой. Какой позор России! Всем нам.

Чехословакии конец. Что с ними будет, что сейчас там творится? Что они чувствуют сейчас? Бессилие, унижение...

Если нашим это оказалось *можно* — тогда им можно все. Чужую страну, целый народ задавить, задушить можно — почему ж тогда своих несколько человек посадить нельзя? Да хоть убить, сгноить — подумаешь! А я-то пишу заявления, протесты, мир будоражу...

В зал суда — неслыханное дело! — впустили всех, кто пришел. Человек тридцать друзей, знакомых Анатолия, сочувствующих ему. И приблизительно столько же «своих» — молодцов-дружинников, кагебистов в штатском. Во время перерыва все вышли во двор — и позицию заняли друг против друга, те против этих. Мордатые дружинники источали из себя ненависть и торжество: «Скоро всех вас — к ногтю!» Безусловно, их вдохновляло сообщение в «Правде» — они, как и я, поняли, что теперь все можно.

Когда Толю увозили в воронке, я кричала ему: Толя, читай сегодняшнюю «Правду»! — я знала, что сообщение о вводе войск послужит для него не только информацией, оно объяснит ему его собственную судьбу и предскажет мою.

Публичный протест против оккупации Чехословакии был для меня делом решенным с самого звонка Наташи; но как его выразить? Неужели снова писать? Тут и слов-то не найдешь. И когда я услышала слово «демонстрация», сразу решила, что пойду, конечно. Потом, на нашем суде, я правду сказала, что мне чуждо всякое публичное действие (я имела в виду именно *выход на публику, а не слово*); но другого способа выразить свои чувства я не видела. Да, и я стремилась, чтобы протест прозвучал как можно громче — не потому что *мой* протест, а чтобы *протест прозвучал*.

Не помню сейчас, 23-го или 24-го в Москву прибыл Людвик Свобода. В часы, назначенные для встречи, я шла пешком от Библиотеки Ленина к Полянке. Как обычно во время таких церемоний, москвичи, согнанные из учреждений, толпятся на пути следования почетного гостя, жуют бутерброды, лизут мороженое, покупают на лотках лимонад, зажимая в свободной руке выданный к случаю соответствующий флажок. Помахать флажком в нос проезжающей машине — и скорей разбежаться. На этот раз толпа истомилась, ожидая. Назначенный час прошел, и еще

час, и еще час. Не едет этот, которого встречают; а уйти — милиция и свое начальство не пускают. Еще один бутерброд, еще стакан лимонада...

Меня буквально трясло от вида этой жующей толпы, этого *народа* — только что они проголосовали: «поддерживаем и одобряем», и вот машут флажками ЧССР — и никому флажок не жжет руку. Кретины они, что ли? Скоты бесчувственные?

Наконец, появилась машина. Она ехала довольно медленно, Людвик Свобода стоял в ней (кажется, стоял), не глядя по сторонам, лицо его напоминало трагическую маску. А эти — изображают улыбки, кричат «ура!», тычут флажками. Мне так было стыдно — вот перед ним, перед этим старым чехом (как он ни повел себя потом, в этот момент, я уверена, он тяжело переживал трагедию и унижение своего народа), — я готова была протиснуться вперед и крикнуть сама не знаю что.

Но я не сделала этого. Уговорила себя: получится жалкий писк, которого никто не услышит, даже и Свобода не заметит. А говорят, были такие, которые решались. Не знаю, правда ли это.

Несколько раз я приходила к Наташе Горбаневской, чтобы послушать радио, узнать, что же там делается, в Чехословакии (у меня не было приемника). И однажды, крутя настройку, мы услышали чешскую речь, а потом женский голос слабо, но явно произнес по-русски: «Русские братья, уходите к себе домой, мы вас не звали»...

О нашей демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади Наташа Горбаневская написала и составила книгу «Полдень», так что я об этом рассказывать не буду. В книге приведена и запись нашего процесса — по-моему, очень точная и полная. К ней я могу добавить только несколько слов — свои впечатления и несколько эпизодов во время суда, не имеющих отношения к самому процессу.

Наш суд был очень красивый, то есть совершенный, как будто поставлен по сценарию, для кино. Но не по тому сценарию, который составили власти, а по нашему, хотя мы его не сочиняли.

Нас, подсудимых, было пятеро совершенно разных людей: очень молодой, красивый, с поэтической внешностью Вадим Делоне; крупный, фигурой напоминающий Пьера Безухова, аристократически вальяжный Павел Литвинов; энергичный, живой, мужественный Володя Дремлюга; тонкий, интеллигентный Костя Бабицкий; и я — одна среди них женщина. Мы с Костей — са-

мые старшие, обоим было тогда по 39 лет. Держались мы все по-разному, говорили разное, не пытались повторить друг друга, друг другу подыграть. Каждый из нас был самим собой — ну, немножко лучше чем есть, чем обычно, но и то естественно, момент был необычный, возвышающий.

Около скамьи подсудимых, как почетный караул, стояли охранники.

А перед скамьей подсудимых сидели четыре адвоката (я оказалась от защитника): Дина Исааковна Каминская, маленькая, подвижная, с яркими глазами; полная, широколицая, с необычайно выразительным лицом Софья Васильевна Калистратова; фигурой и повадками похожий на своего подзащитного Дремлюгу адвокат Монахов; и несколько чопорный, напряженный защитник Бабицкого Поздеев.

В зале среди все тех же мордатых мальчиков и знакомых нам с Павлом в лицо топтунов находились наши родственники. Из нас пятерых только Володя Дремлюга был одинок в Москве, зато у Литвинова и Бабицкого набиралось родни по целому клану: мать, отец, сестра, муж сестры Литвинова, старенькая бабушка, представительный тесть — Лев Зиновьевич Копелев, само собой, жена; мать и сестра Кости Бабицкого, а за его женой Таней потянулся многочисленный клан Великановых; да родные Делоне, да мои родители и сын... Должно быть, у коменданта суда голова пошла кругом, он не мог разобраться, кто тут кто, где чья мать, кого он обязан пропустить, а кого, наоборот, ни в коем случае. На одно из заседаний, назвавшись моей сестрой (впрочем, я и в дело ее вписала как сестру), проникла моя подруга Люда Алексеева; на другом я с изумлением узнала в публике моего давнего приятеля — оказывается, он тоже мне брат. Словом, было ощущение (у меня, во всяком случае), что «нас» много. И на улице у суда стояла толпа, мы не видели, но знали, чувствовали присутствие друзей — хотя бы по тому, с какими предосторожностями нас везли в воронках, как охраняли дюжие молодцы (в каждом лестничном пролете стояли, растопырясь, загородив окно, в позе штурмовиков).

И вся разность, пестрота, непохожесть отчетливо противостояла сплоченной одинаковости государственного монолита: судья Лубенцова представляла государство; и бесцветные, бессловесные два заседателя представляли государство; и тупой, как и все его коллеги, прокурор представлял государство; и топтуны под видом публики, и соглядатаи на улице, и мальчишки-штурмовики на подоконниках — все это было одно лицо: государство.

Но у судьи Лубенцовой, я видела, белели косточки на кистях рук, когда она сжимала их в кулаки от злости: похоже, Лубенцова-женщина (а не судья) хотела бы вздернуть нас, а не задавать нам дурацкие вопросы.

Во время перерывов публику выгоняли из зала, а нам, подсудимым, разрешалось по очереди выйти в уборную (под конвоем), по очереди покурить здесь же, в зале, поговорить со своими адвокатами. Нечаянно я слышала разговор Поздеева с Бабицким:

— Константин Иосифович, Горбаневская освобождена от судебной ответственности. Так что вы спокойно можете сказать, что плакат, который вы держали, принесла она.

— Нет, я этого не скажу.

— Но она сама это говорит!

— Это ее дело. А я не скажу.

— Ну, хорошо. Я вас сам спрошу об этом. На мой вопрос, вашего защитника, вы ответите?

— Нет, я не могу.

— Константин Иосифович, вы мне затрудняете защиту.

— Простите. Но я не могу отвечать на такой вопрос.

— Но почему, почему? Ей же ничего не будет.

— Ну, я считаю это непорядочным, — с заминкой нехотя говорит Костя.

Дремлюга сберег пять пачек ларечных сигарет и сует каждому из нас потихоньку — на память. Он и в милиции, куда нас привезли с Красной площади, угощал нас. Достал из кармана банку черной икры:

— Ешьте, ребята, я специально взял.

— Так ешь же и ты сам!

— А я ее не люблю.

До 25-го августа я Дремлюгу почти не знала; познакомились за месяц до этого, виделись три-четыре раза, а уж говорить — так ни о чем и не пришлось. Сейчас он незаметно пододвигает ко мне листок бумаги:

— Прочти, это мое последнее слово.

Я читаю: «Всю мою жизнь я прожил, как раб. Свободным я чувствовал себя пять минут 25-го августа на Красной площади». И дальше — политическое выступление, пропагандистская речь (к сожалению, я ее не запомнила).

— Как ты думаешь, дадут сказать? — шепчет Володя.

— Не знаю. Прерывать, наверное, будут.

— Не могут же они лишить меня последнего слова!

Листочек лежит у меня на коленях, и вдруг я вижу, что конвоир, скосив глаза, заглядывает в него. Наклонился, хват —

и листок с Володиным последним словом у него в руках. Он передает его суду.

Когда в конце процесса дошла очередь говорить последнее слово, судья Лубенцова страшно нервничала, сидела вытянувшись, наготове. Едва он произнес первую фразу, как она его прервала. Потом еще раз, еще раз. Так и не дала ему сказать.

Суд длился три дня, первые два — с утра до позднего вечера. В первый день нам по какой-то оплошности не дали еды. Родственники забеспокоились, адвокаты тоже, куда-то бегали, вели переговоры — и в результате их хлопот Флора Литвинова, мать Павла, принесла нам «вольную» жратву: кефир, булочки, бутерброды. То же она хотела и во второй день, но не тут-то было. Чтобы не развращать арестантов нежной пищей, лефортовское тюремное начальство доставляло прямо в зал суда бачок с тюремной баландой.

В конце процесса, как и полагается, был зачитан приговор. Закон предусматривает, что приговор обсуждается, выносится и записывается в совещательной комнате тремя судьями (т.е., судьей и заседателями) наедине. В совещательной комнате не должно быть телефона, туда не допускаются посторонние, в том числе и машинистка. Приговор записывается от руки. Я увидела: судья Лубенцова читала приговор с машинописного текста.

Демонстрация, суд — это были моменты истории. Все остальные связанные с ними события — это будни сегодняшнего архипелага ГУЛаг.

Ко времени ареста я была неплохо теоретически подкована насчет ГУЛага, тюремно-лагерная тематика составляла область моих чуть ли не профессиональных интересов. Множество устных рассказов, некоторое число письменных (в основном самиздатских) произведений разнообразных жанров послужили для меня учебным курсом; а поездки в лагерные зоны Мордовии на свидания к Юлию Даниэлю — чем-то вроде наглядных пособий, своеобразным полигоном в этой области, которая, таким образом, не казалась мне таинственной и безотчетно-пугающей.

Осенью 68-го года мне представилась возможность соотнести теорию с практикой.

Еще только решившись пойти на демонстрацию, я понимала, что на этот раз точно буду арестована и осуждена — на три года лагерей, как считала я до самой речи прокурора на суде. К аресту я постаралась подготовиться практически, исходя из своих познаний на этот счет. Накануне 25-го августа

написала записку отцу, сыну, Юлию Даниэлю, оставила некоторые бытовые просьбы своим подругам, передала приятельнице ключ от квартиры (уходя из дому, я могу захлопнуть дверь без ключа). Сделала сверхсметную покупку: купила себе первые в жизни брюки. Дело в том, что на меня когда-то произвела гнетущее впечатление одна деталь из рассказов Майи Улановской — как у нее в тюрьме сползали чулки (пояса и подвязки у женщин отбирают) и какое она испытывала из-за этого унижение. Итак, я купила брюки, в них отправилась на демонстрацию и очень гордилась своей предусмотрительностью.

Очень скоро выяснилось, что, как обычно бывает, применение книжных знаний на практике требует притирки, подгонки, модификации. Как много я не учла, забыла, не предвидела! Я забыла, что до тюрьмы меня приведут домой на обыск, а как же попасть мне с моими обыскивателями в дом — без ключа? «Где ваш ключ?» — «Я его отдала знакомой». — «Кому? Поедем, возьмем». — Но я не хотела называть свою подругу, тем более являться к ней с таким эскортом, и пришлось плести всякую чушь: «Я точно знаю, что ее нет дома» (это в первом-то часу ночи!) и т.п. «Тогда придется ломать замок». — Это меня тоже не устраивало: квартира-то пуста (сосед недавно умер, сын в отъезде), после нас останется отпертой и без присмотра — нашу собаку убьют или выбросят из дома... Тут я вспомнила, что у соседей с третьего этажа ключ подходит к нашей двери. Увидев меня в столь странном сопровождении, они испугались, но ключ дали.

И ничего, кроме брюк, я не приготовила, чтобы взять с собой в тюрьму, — ни папирос, ни сахару, ни мыла с зубной щеткой, ничего. «Собирайтесь», — говорят мне после обыска. И я растерялась: как «Собирайтесь»? разве можно что-то взять? Так бы и отправилась, как была, но во время обыска пришли моя подруга Нина Лисовская, та самая, которой я отдала ключ, — и неожиданно приехавший сын. Нина сложила мне в авоську весь домашний сахар, весь мой запас папирос (жаль, что мал был) и прочее, включая халат.

Неожиданное появление сына совершенно выбило меня из колеи. Он ездил в Тарту: только что окончив школу, он сдавал вступительные экзамены на физфак Тартуского университета, получил наивысшие оценки, но все же не был принят из-за неблагонадежности обоих родителей. Мы узнали об этом перед 21-м августа, и он сразу поехал туда за документами. Все эти дни я думала: как хорошо, что его нет в Москве, он захотел бы пойти вместе с нами, и я не нашла бы доводов, чтобы не пустить

его. Арест — естественный момент развития моей жизни, а его жизнь могла бы сломаться в самом начале.

Нам было о чем поговорить. Он рассказал: для того, чтобы отказать ему в приеме в университет, не называя настоящих причин, в Тарту на физфак не приняли вообще никого — закрыли прием; но родителей других абитуриентов, возмущенных небывалым казусом, успокаивали: «Не волнуйтесь, пусть Ваш сын ходит на вечерний факультет, и через полгода мы его переведем на дневной». Моему же сыну, Александру Даниэлю, — категорический отказ.

Мы сидели с ним на диване, разговаривали, а на нас покрикивали: «Нельзя разговаривать!» Потом мы попрощались, сын вышел за мной следом во двор, и когда машина (легковая, не Черный ворон) тронулась, пробежал за ней немного. Ему было тогда семнадцать с половиной лет. Когда я увидела его, бегущего вслед за машиной, то почувствовала как будто удар в сердце и подумала: как же я могла его оставить?

И в другой раз такую же боль вместе с чувством вины я ощутила через три месяца, в тюрьме: на послесудебном свидании сын сказал мне, что наша собака Кэри умерла. Умерла от тоски по мне и по дому — даже сейчас я с болью пишу это. В камере я вылепила из хлеба фигурку Кэри, она стояла на столике у меня в изголовье, а за несколько дней до смерти собаки наздирательницы во время камерного обыска разломали и искрошили фигурку — как будто магическое действие совершили... Мне никто из близких не снился в тюрьме, я вообще редко вижу сны; а Кэри снилась после смерти, и я всегда просыпалась в слезах.

Я плакала в тюрьме еще один раз — по-другому, от злости. Причиной были те самые брюки, покупкой которых я так гордилась. У меня их отняли в первую же ночь, во время приемного обыска. Кстати, я даже не сразу поняла, что производится обыск. Меня завели в маленькую тесную камеру («бокс»), предложили раздеться догола «для осмотра»; одежду мою всю унесли — я подумала, в прожарку. Потом пришла женщина в белом халате — я решила, что медсестра, — и стала меня «осматривать». Перебрала волосы — проверка на вшивость, подумала я, — осмотрела пальцы ног и между пальцами. Никаких приседаний, никакого интимного осмотра; пальцы ее касались тела быстро, ловко, осторожно, даже нежно. Помнится, оставаясь при том же заблуждении, я говорила ей какие-то «фраерские» глупости: мол, я себя вполне хорошо чувствую, мыться мне не обязательно, т.к. я только сегодня мылась, и т.п.

Только когда она же принесла обратно мою одежду — без всякой прожарки — и, отдавая ее мне, так же быстро и ловко прошупала какой-то недопроверенный шов, я поняла, что спровоцировала важный начальный момент тюремной жизни — личный шмон, после которого человек психологически становится арестантом.

Так вот, она не отдала мне брюки: «В них вставлена "молния", у нас не разрешается». Как же я об этом забыла! Я же знала, что металлические предметы запрещены! Попыталась настаивать — нет: «Мы и так нарушаем инструкцию — вам вот туфли отдаем, а на них пряжки; надо бы срезать, да вещь жалко. Скажите спасибо». Верно, и на туфлях пряжки металлические — тоже забыла! Меня отправили в камеру в ситцевом халате, хорошо, что Нина догадалась положить его; и хорошо, что в августе тепло. Ладно, думаю, все равно я брюки выбью обратно.

Когда дней через 10-12 меня вызвали из камеры на допрос («Кто здесь на "Б", на выход!» — на что моя сокамерница неизменно откликнулась: «Мы обе на "Б"!»), я выйти отказалась. «В халате на допрос не пойду». Надзиратель постоял в недоумении и пошел докладывать, а через некоторое время — ура! победа! — несут мои брюки. Но после допроса меня в «бокс» — «Раздевайтесь!» — и снова вместо брюк выдают халат. Ну, думаю, надоест же вам эта история с переодеванием. Через несколько дней открывается камера, мне говорят: «Выходите». — «Куда? На допрос — в халате не пойду». — «Да не на допрос! Выходите». Я, оглянувшись на сокамерницу (может, обеим выйти — дезинфекция или что еще?), вышла. Дверь камеры за мной захлопнулась, за спиной стал конвоир и повел, конечно, в следственный корпус. Не идти, упираться, скандалить — я этого не могу, не умею. И я пошла, с каждым шагом все больше досадуя на себя, что далась на обман, и придумывая, как сейчас заявлю следователю, что сесть — отказываюсь, говорить — отказываюсь, потому что не одета, и т.п.; и одновременно понимая, как все это глупо, мелко, жалко. Ввели меня в кабинет — там, кроме следователя, девушка-свидетельница. Приготовленную фразу я произнесла уже сквозь слезы, а потом они потекли, и я не могла заставить себя не плакать. Следователь грубо говорил что-то вроде: «Подумаешь, кто тут на вас смотрит, вы в тюрьме, а не в театре». Но опознание не состоялось, меня увели.

На другой день мне в камеру принесли мои брюки. «Молния» была выпорота, взамен пришиты пуговицы и даже петли прометаны. А вместо первого следователя меня вел другой, пер-

вого я больше не видела. Но торжества от своей победы я не почувствовала.

Я заранее знала о шмонах, кормушке, глазке, неслышных шагах надзирателей и тому подобных внешних приметах тюрьмы. Столкнувшись с ними в Лефортове, иногда как бы отмечала про себя: это что он пальцами щелкает? А, помню, значит «Веду зека». Некоторые из этих узнаваемых деталей производили на меня совсем не то впечатление, какого я ожидала, судя по фольклору и литературе. Например, меня почти не шокировали обыски, даже личные (все, за исключением первого, производились довольно грубо, вполне канонически). Я чувствовала себя совершенно спокойно. Однажды на прогулке мне перебросили записку из соседнего дворика — я подняла хлебный катышек, но не успела даже разломить его: прогулка кончилась. Едва мы вошли в камеру, за нами влетели надзирательницы: «Обыск! Стать у двери!» Мы с моей сокамерницей стояли и смотрели, как перебирают наше барахлишко, светят фонариками под койки, ощупывают нижнюю крышку тумбочки. Потом приступили к нам: карманы, волосы, лифчик, трусы, туфли и т.д. Поворачиваясь, расстегивая по команде, что велят, я буквально на глазах у надзирательницы перекладывала катышек из руки в руку — я и сама забыла, что это записка. Не нашли.

Потом, когда они ушли, я прочла записку — мне писала Ира Белогородская, моя двоюродная сестра, арестованная за три недели до меня. Невинная записка, нежные слова — но если бы нашли, Иру могли бы упечь в карцер «за нарушение».

Гораздо унизительнее, чем обыски, ощущалась необходимость отпраивать нужду перед глазком, тем более, что на первом этаже, где была моя камера, все смены надзирателей — только мужчины. Впрочем, на глазах у женщин-надзирательниц (на втором этаже, куда меня перевели под конец, в этом качестве почти одни женщины) почему-то еще унизительнее.

Зато унитазы в камерах, вместо параш — это была приятная неожиданность. Позднее, то ли в этапе, то ли в пересылке, я услышала ходячую зековскую байку (выдается за правду): раньше во всех тюрьмах были параша, но, было время, посадили Утесова (по-моему, он никогда не сидел), а когда его выпустили и он стал богат и знаменит, он отдал большие деньги («все свои деньги»), чтобы по всем тюрьмам сделали унитазы. Интересно — почему Утесов?

Зато первая прогулка произвела на меня удручающее впечатление. Я тогда была еще в одиночке, это был третий или четвертый день в тюрьме. «На прогулку!» — и я обрадовалась

— гулять! Пока держат в одиночке, не дают ни книг, ни бумаги с карандашом, даже тюремных «Правил» на стене нет; ни одной буквы перед глазами; и ни одного живого человека, кроме тюремщиков. И вот — прогулка! Конец августа, солнышко светит, тепло-тепло, должно быть (а в камере мрачно и промозгло). И вот заводят — снова в камеру же, ну, чуть побольше моей и без крыши. Там одна — и здесь одна, там стены со всех сторон — и здесь тоже, там глазок — здесь глазок в двери, да еще сверху, с галереи, конвоир уставился и смотрит. И — пусто, совершенно пусто, вцементированная скамейка без спинки посреди «двора», в углу высоко — козырек от дождя, и все. Как здесь «гулять»? Что делать целый час в этой пустоте? Предмета — ни одного, глазам видеть нечего. Когда этот час кончится? Неизвестно — часы-то отобраны.

Через день-два я «гуляла» уже с полным удовольствием: ловила, если попадало, солнышко где-нибудь в углу камеры-дворика, садилась на цемент или прислонялась к цементной стене, распластавшись, раскинув руки, и грелась, передвигаясь вместе с солнышком. Если весь дворик был в тени (почему-то это чаще) — переключалась через скамейку, перепрыгивала через нее раз 20-30, прыгала вверх, стараясь достать рукой до козырька. Иногда удавалось задеть за него концами пальцев, и тогда на все дворики разносится жестяной грохот, конвоир бежит по галерее: «Удалю с прогулки!» — «Прыгать правилами не запрещено», — отвечаю. «Вы так и через стену перепрыгнете!» — «Тренируюсь». Но первое гнетущее ощущение от тюремной прогулки, разочарование, даже обида — помнятся и сейчас.

«Узнала» я, как знакомую, и мертвую тюремную тишину. Но это только в первые дни — ни звука не слышно, как будто нет вокруг ни живой души. Я тогда, в одиночке, вслух читала стихи и даже, стыдно сказать, пела (я совсем не умею петь), сначала тихо, а потом так громко, что надзиратель всовывался в кормушку: «Это запрещено». Через несколько дней у меня прорезался тюремный слух. Я не только слышала звуки, но и легко опознавала их, расшифровывала: чуть вдали хлопнуло — отбой, вот и рядом кормушка хлопнула — в соседней камере очки отбирают, значит, там кто-то есть; слышны шаги в коридоре — конвой кого-то ведет. Стала слышать хлюпанье тряпок в ведре и шопот арестанток-обслуги, когда они коридор убирают, даже слова могла разобрать. Из соседней камеры ночью слышны были шаги (там сидел, как я потом узнала по перестукиванию, мужчина — официант из Дома журналистов, по имени Борис, а фамилию не помню; у него была крупная

растрата, как он мне сообщил; сумма тянула на расстрел; он ночами не спал, все ходил, ходил. Иногда мне было слышно, надзиратель открывал кормушку и негромко говорил: «Лег бы, что ли, себе хуже делаешь»; но, видно, ему позволяли не ложиться).

Первое время я наблюдала за глазком из чистой любознательности: как часто заглядывают? замечу или не замечу? можно ли соотнести почти неуловимые звуки (неслышные шаги, прислонился к двери, прикоснулся рукой, прошелестело по двери) с почти незаметным, не видимым отслоном заслонки? Ее внутренняя сторона черная, отодвинули — опять черно за стеклом, глаз преник — его не видно; но какие-то блики при этом передвигаются, что-то изменяется — и вот угадываешь в черноте зрачок еще более черный, свет в него глубже уходит, чем в пустое стекло, угадываешь, почти видишь глаз, иногда внимательный, осторожный, а иногда — халтурно глянул, бросил заслонку (слышно) и дальше пошел.

Дней через десять меня перевели из одиночки в камеру №47, и здесь глазок стал элементом театрального действия, цирка. Каким-то образом, неизвестно, как и зачем, с внутренней стороны заслонки был вбит блестящий гвоздь или, скорее, кнопка вдавлена — блестящий кружок на черном фоне. Надзиратели этого не знали, им снаружи не видно. Вот кнопка осторожно-осторожно поплыла в сторону: подкрадывается, хочет нас поймать на чем-нибудь запретном. Кнопка ушла за край глазка, ее не видно. — Смотри, смотри, я книжку читаю, даже головы не поверну к двери. Кнопка на месте — можно постучать соседям, просто так, тебе на зло, слышишь, а не поймаешь.

Иные тюремные навыки оказались у меня в крови (может, у всех?). Так, первое, что я сделала в камере, едва осмотревшись, в первую же ночь, — это, оглядываясь на глазок, заточила о кровать черенок персональной алюминиевой ложки. Ничего я про это на знала, как точить — понятия не имела. Зачем? А хлеб резать, чтоб от пайки не ломать. (Оказалось, это было излишнее мероприятие. Утром открылась кормушка, в нее всунулась зверская усатая физиономия и произнесла: «Р-р-рзать будэм?» — «Кого?» — «Хлэб, сыр; что тэбэ рзать нада?» — Надзиратели в Лефортове, оказывается, исполняют и функции буфетчиков: по просьбе заключенных нарезают сыр, колбасу — ларечные или из передачи; моя сокамерница, бывало, бурчала: «Пусть режет потоньше, накромсал как!») Эта понапрасну заточенная ложка благополучно пережила у меня все

шмоны до самого этапа; я пыталась затачивать ею карандаши, но не вышло — металл слишком мягкий.

Так же инстинктивно в этапах и на пересылках я торопилась занять место на верхних нарах, на верхней полке; и всегда успевала, пока другие осматривались, закинуть туда свой рюкзак. Потом я узнала, что верхние нары — «законное» место главных в камере; а уж они-то опытные — понимают, где лучше.

Тюремная пища не показалась мне ни недостаточной, ни особо несъедобной, даже от ее однообразия я не страдала. Сильно ощущала только недостаток сахара: 15 г в день для меня крайне мало (теперь выдают 20 г, но мне и этого не хватило бы). Правда, тут надо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, я провела в тюрьме всего три с лишним месяца и не успела изголодаться, а энергию здесь тратить не на что. Во-вторых, за это время я получила две передачи (третью — перед самым этапом), хотя и соответствовавшие лефортовским правилам, т.е. весом не более 5 кг, без масла, без сахара и т.п., но любовно и обдуманно подготовленные: например, неизвестная мне тогда женщина Надежда Васильевна где-то раздобывала особо калорийное, сладкое, жирное печенье; этот сорт печенья передавали и моим поделщикам, а потом и другим заключенным, и его стали называть «лефортовским печеньем». В-третьих, в Лефортовской тюрьме пища много доброкачественнее, чем в других тюрьмах (я имела возможность сравнить ее с пересыльными тюрьмами — по сравнению с ними лефортовская кухня — просто ресторан). Может быть, кормежка здесь лучше потому, что меньше заключенных; возможно, лучше следят за тем, чтобы в котел попало все, что полагается по скудным тюремным нормам.

Наконец, имеет значение и то, что люди моей среды не избалованы хорошей кормежкой. Кто обедал в столовой Ленинской библиотеки, без особого отвращения съест и лефортовский обед. А вот моя сокамерница Валя, официантка из ресторана Казанского вокзала, вовсе не могла его есть. Когда у нас подходили к концу запасы из передач и из ларька и мы оставались несколько дней на тюремном пайке, она начинала ныть: «Есть нечего!» — а тюремную еду брала с большим выбором. Я же решила непременно сохранить силы и ела даже то, что с трудом лезло в глотку, — например, какую-то серую кашу из крупной крупы (в лагерях ее называют «керзовой»). Валя смеялась: «Ты ее ешь, как икру: наберешь за щеку и смакуешь, пока сама не проскочит». Иногда я, набрав за несколько дней ложки три

сахару (для этого приходилось пить пустой «чай»), сбавривала им один раз эту кашу. Или несколько дней пью кипяток без сахара, зато раза два в неделю — сладкий по моему вкусу.

Вообще надо сказать, что от тюрьмы я ожидала больше неприятных ощущений, чем получила. Это иногда даже смущало меня: друзья на воле считают, думала я, что я здесь «страдаю», между тем, существование вполне терпимое. Конечно, ночью мешает резкий свет в глаза — лечь же головой от света не разрешают. Валя спит, накрыв лицо полотенцем; мне же полотенце мешает еще больше, чем свет.

Лампа под потолком не выключается круглые сутки, иначе и в полдень в камере полумрак: окно заслонено намордником. Кроме того, как-то очень плохо устроена вентиляция (да и есть ли она?), жарко, душно, волгло, к тому же, мы обе курим — дышать нечем. Раз пять-шесть в день мы хватаем полотенца и начинаем выгонять затхлый вонючий воздух в небольшую форточку, которую снаружи загораживает щит намордника; это мало помогает. Когда нас выводят на прогулку, дверь камеры остается открытой настежь; но после прогулки свежего воздуха хватает ненадолго. — Ну, так ведь это тюрьма, а не санаторий, как справедливо любит отмечать начальство.

Все эти неприятные детали тюремного быта, в общем, переносимы, тюрьма в ее нынешнем состоянии (вернее, двенадцать лет назад) не должна никого страшить. Конечно, если вы здоровы, у вас ничего не болит. Если побаливает сердце — в камере будете задыхаться; болен желудок — станут мучить изжоги от каш и от черного хлеба; ревматизм обострится от сырости. На этот случай тюремным кодексом предусмотрены поблажки: «диетпитание» (не видела, не могу сказать, что это такое), кажется, полкило сахару можно купить в ларьке (раз в две недели), масло в передаче (в счет тех же пяти килограммов общего веса — раз в месяц, а при мне было раз в два месяца). По заключению тюремного врача могут добавить в день еще час прогулки (итого два) — больным, а также *беременным женщинам* и женщинам, содержащимся в тюрьме с *грудными детьми*. Трудно поверить, что беременных и кормящих женщин могут держать в тюрьме до суда! Но я встречала в этапах таких двоих — и они далеко не исключение. Камерное содержание грудному ребенку, ребенку, еще не родившемуся; зато двухчасовая прогулка как проявление особой заботы государства о материнстве и младенчестве. Да, тюрьма не санаторий, и «мы вас сюда не звали» (еще одна формула, излюбленная тюремной администрацией) — но, между прочим, такое вот «не санаторное»

содержание предназначено для людей еще не осужденных и, может быть, невиновных (вдруг суд оправдает! хотя вряд ли), не говоря уже о вовсе невинных младенцах. Ну, ладно, ладно, не умру я от «керзовой» каши, но почему меня, еще не признанную виновной, вынуждают давиться этой кашей? На каком основании свежий воздух выдают по голодной норме? — «На основании закона», — отвечают мне, закона, принятого высшим органом власти нашей страны — Верховным Советом народных депутатов.

С чем у меня дело не заладилось, так это с чтением. Я слышала от прежних «сидельцев», что в Лефортове замечательная библиотека, составленная из «конфискованных книг» (думаю, это еще одна тюремная легенда). Ничего подобного, т.е. книг, которые могли подлежать изъятию, я в каталоге не обнаружила. И вообще библиотека показалась мне бедной. Лишь незадолго до этапа я узнала, что тюремный библиотекарь приносил в камеру, чтоб не трудиться, одну и ту же каталожную папку, а всего их восемь или больше. Не найдя ничего «такого», я решила читать то, что нигде больше прочесть не соберусь, расширять свой культурный кругозор. Из общеобразовательной литературы в моем каталоге оказались книга Тимирязева (кажется, «Жизнь растений») и сочинения Гиппократа. Я притворялась сама перед собой (наверное, также перед Вaley и библиотекарем), будто с интересом изучаю эти умные книжки, — на самом же деле заставляла себя жевать их, как «керзовую» кашу. Что-то и прочие книги, даже Диккенс, например, читались с усилием, проскакивали мимо сознания (разве что кроме «Былого и дум» — самое тюремное чтение). В моем выборе книг одно было хорошо: все читаемое прочтешь задолго до обмена книг, а у меня в запасе еще Гиппократ остается.

Мне удалось вытребовать у тюремного начальства Уголовный кодекс. «Что нам романы всех времен и стран!» Впервые я прочла его с начала до конца — и была поражена тем, как много его статей предусматривают в качестве наказания смертную казнь. Если считать с разделом «Воинские преступления» — получается, не меньше сорока процентов всех возможных преступлений могут караться этой «временной» высшей мерой наказания. Я вообще считаю смертную казнь недопустимой, но тем более за растраты, хищения и т.п., т.е. за деньги! Причем, я знаю, применение смертной казни в этих случаях определяется *суммой* растраты или хищения — на жизнь установлен

как бы преискуронт. Или — «Сдача в плен по трусости или малодушию» — наказание — «смертная казнь или 15 лет заключения». Так что же теперь возмущаться, что Сталин наших военнопленных прямо из фашистских концлагерей отправлял на Колыму! да и то ведь не всех. Какой-нибудь пацан восемнадцатилетний, вроде моего Саньки, испугался, поднял руки вверх — под расстрел его! По-моему, это — позорный закон.

Из газет в Лефортове дают только «Правду». Это единственный канал односторонней связи с внешним миром: ни других газет, ни радио, ни писем — ничего. До тюрьмы я газеты не любила и не умела читать, ничего в них не понимала. А тут стала не просто читать — вчитываться. И мне стало казаться — такой странный эффект замкнутого существования — чуть ли не каждая информация имеет отношение ко мне, к нам, демонстрантам. Сейчас мне трудно восстановить, как это у меня получилось. Ну, что-нибудь вроде: написано, что такой-то токарь или пекарь одобряет начавшийся в ЧССР процесс нормализации. И начинаешь высчитывать: ага, с 21 августа прошло два месяца, а «нормализация» только начинается. Понятно. И следующее ощущение: эти слова, этот бодренький тон — чтобы *меня здесь обмануть*... Однажды, еще в первые дни я выудила в газете действительную проговорку, сообщалось, что Людвик Свобода заверил своих сограждан: они, деятели «пражской весны, вернутся из Москвы в полном составе». Видно было, что все выступление Свободы перередактировано, как обычно у нас в газете, не осталось ничего конкретного, а вот эта фраза проскочила. Всего только, а все понятно, и когда я много лет спустя узнала, как привезли в Москву чехословацкое правительство и ЦК, — это не было для меня новостью. Даже если в какой-нибудь день «Правду» нам не давали — это тоже было значимым фактом, становилось пищей для размышлений и умозаключений.

Теперь, на воле, я снова разучилась понимать газетные тексты: ни к чему стало, когда можно радио слушать.

Чем еще, кроме чтения, занять время от подъема до отбоя? Времени бесконечно много, и тебе даже его течение знать не дано: часы-то отобраны.

С утра каждый день я принималась за уборку (и за себя, и за Валу, по своей охоте), тянула ее, как могла, до завтрака. И зарядку-то делала не ради гигиены, а чтоб время занять — ну, и еще чтоб поддержать политзаключенных. На меня нашла небывалая чистоплотность: каждый день я находила что постирать, мыла голову холодной водой, не дожидаясь бани, —

благо, вода в камере из крана. Я охотно чинила бы что-нибудь из одежды, так иголку дают на несколько минут раз в десять дней, в банный день. Помню, моя тетя в 38-м передала дочери свои тюремные вышивки. Это была тонкая художественная работа, выполненная иголкой, сделанной из рыбьей кости, нитками из распушенных трико и чулок. Иголку сделать я не умела, и научить было некому. А и сделала бы — надзиратели отобрали бы, нас в камере двое, вполне на виду, не то что в 38-м, когда за каждой не уследишь.

Зато когда разрешили купить тетради, я стала рисовать. Сюжет был один: я изображала в разных ракурсах свою камеру — то при выныривающем откуда-то, пробивающемся сверху через решетку луче солнца, расчерчивающем всю камеру крупной клеткой, то при обычном электрическом освещении, которое не может разогнать накопившиеся в углах под сводами тени. Потолок в камере весь состоит из сложных сопряжений кривых поверхностей, так что задача у меня была не столько художественная, сколько чертежная, я и стремилась сделать не рисунок, а что-то вроде объемного чертежа. Все эти картинки у меня регулярно отбирали при шмонах, а последние — перед отправкой на этап.

Однажды я нарисовала игральные карты — Валя все горевала, что не может погадать. Конечно, это не были карты классной работы, какие умеют изготавливать блатные. Для их производства существует стандартная технология, которой я не знаю, плюс вдохновение, для которого нужен стимул. Зато я от скуки индивидуализировала карточные фигуры: казенному королю нарисовала погоны, кому что; а у валетов обнаружилось даже портретное сходство с нашими конвоирами.

Только Валя разложила свое гадание — дверь распахивается, влетает корпусной надзиратель: «Карты! Запрещено!» — и унес колоду. Потом, вычитывая мои прегрешения, начальство ставило мне в вину не «изготовление карт», уж слишком они были дилетантские, а «насмешку над надзорсоставом, выразившуюся в...». Впрочем, наказания за это не последовало.

Зато в самом конце пребывания в Лефортово я угодила в карцер — до сих пор не понимаю, за что. На суде я увидела у Кости Бабицкого мундштук (а мне неприятно было курить сигареты без мундштука). «Откуда?» — спрашиваю. — «Из хлеба сделал» (Володя Дремлюга тут же замечает: «Умелец! Токарный станок ты, наверное, из подушки сделал?»). Отличный черный мундштук, словно эбонитовый, ровенький, действительно, как с токарного станка. Ну, сделаю и я себе такой же! Для этого, я вспомнила, надо нажевать хлеба, намять его и

смешать со жженой бумагой. Несколько дней в камере я осваивала производство, у меня было уже несколько мундштуков, но я добивалась совершенства, чтоб не хуже, чем у Кости. Вот сижу, жую хлеб, жгу бумагу — открывается кормушка: «Вы что это делаете?» — «Мундштук». — «Покажите-ка!» Я доверчиво потащила миску с полуфабрикатом, надзиратель тут же уволок ее. Через день-два вызывают меня из камеры к врачу. Думаю, наверное, перед этапом проверяют здоровье (вот наивность-то! как будто кому оно важно, твое здоровье!).

Врач задает два-три формальных вопроса — кстати, я не совсем была здорова, о чем и сказала, — сует градусник. — «Температура нормальная, все в порядке». Я ей снова насчет этапа, что, мол, нельзя ли немного отложить, — она, естественно, смотрит на меня как на ненормальную: можно ли «отложить» этап, раз заключенный держится на ногах? И вообще, что эта дура (т.е. я) вообразила себе, какой этап, не об этапе речь.

Словом, не заводя в камеру, конвоир ведет меня в бокс и велит раздеться догола. Мою одежду уносят, взамен выдают тюремную: казенное белье, синие бумажные штаны и куртку, матерчатые тапочки. И ведут — мимо моей камеры. — «Моя 47-я». — «А это карцер».

Позже я узнала, что в карцер меня упекли неправильно — не зачитали постановления, за что. Правда, на словах сказали: 15 суток за нарушение режима — может, засчитали этот самый жеваный хлеб? Неужели за это дали 15 суток? — до сих пор не верю. Даже один надзиратель удивился: «Не может быть! Тут что-то не так». Я тоже думаю, какая-то у начальства была своя причина и цель, но какая — не могу додуматься. Врач же, оказывается, выполнял важную гуманную формальность: перед карцером он должен удостоверить, что заключенный это наказание выдержит. Впрочем, мой карцер оказался не слишком страшен: такая же камера, как моя, даже в том же коридоре (говорят, в Лефортове есть и другие, настоящие, где-то в подвале). Только здесь была одна железная кровать без всякой постели, в качестве матраса к ней прилагался деревянный щит вроде пляжного топчана. Больше здесь ничего не было, так что казалось просторно и даже как будто светлее, чем в родимой 47-й. И значительно холоднее: очевидно, надзиратель прикручивал отопление, а на ночь, похоже, и вовсе отключал его (это был конец ноября, так что о жаре в камере мы уже забыли). В тюремной одежде, без одеяла, я так мерзла, что почти не спала от холода. Своего ничего в кар-

цере не полагается: ни курева, ни мыла, ни расчески; и казенного не выдают. Ни книг, ни бумаги, ни карандаша. Кроме того, наказание заключалось в том, что пищу давали через день, и то не полностью: сахара, например, совсем не давали. А в пустой день — только хлеб и кипяток.

Я, наверное, разозлилась, особенно за этот «медосмотр». Со зла вовсе не стала есть, даже хлеб, — но никакой голодовки не объявила, просто суп и кашу тайком выплескивала в унитаз, а хлеб складывала на полку. Через три или четыре дня в карцер явилось какое-то начальство, человека четыре каких-то главных чинов и при них начальник режима. — «Ну, как вам нравится здесь?» — «Ничего». — «А почему хлеб не съеден?» — «Так, не хочется». — Ушли.

Насколько я знаю, обычно начальство карцер не посещает; и на свидание из карцера не выводят, — а меня вывели. И вообще никаких 15 суток я там не сидела, а на пятый-шестой день, после дурацкого разговора с начальником тюрьмы («Вы, наверное, тоже наказываете сына за непослушание — не пустите его в кино... Вот и нам приходится...») меня отвели за моим барахлом и посадили в другую камеру, на втором этаже.

Мое собственное поведение в тюрьме не вполне соответствовало тому идеальному облику политзаключенного, который я себе представляла. Я, например, знала, что политзаключенный с достоинством противостоит тюремщикам и унижительным тюремным правилам: не встает перед тюремным начальством, не позволяет, чтобы ему «тыкали», и т.п. И вот в камеру входит начальник по режиму, я в это время сижу на своей койке с ногами, читаю. Он здоровается, я отвечаю: «Здравствуйте, — и подвигаю ему табуретку: — Садитесь, пожалуйста». Честное слово, в этом жесте не было иронии ничуть, просто я в это время позабыла все правила, и тюремные, и политэковские, почувствовала себя хозяйкой комнаты, в которую вошел посетитель. «Режим», конечно, не сел, но и не возмутился моим предложением — у него только в углу рта промелькнула усмешка, по которой я поняла, какую глупость сморозила, и вспомнила о соотношении «Тюремщик — политзаключенный». Тем временем я уже успела спустить ноги с койки и сунуть их в туфли. Вместо канонического рывканья («Встать! Положено!.. Не положено!..») я услышала спокойно и даже как бы с неловкостью сказанную фразу: «У нас полагается вставать, когда входит администратор». И опять я забыла, что «у нас» — это у них, у тюремщиков, и какое мне дело, что у них

полагается. Дело в том, что у нас, т.е. у меня, тоже такая привычка: я неловко себя чувствую, если я сижу, а собеседник стоит. И я встала, а когда вспомнила, что так не полагается, было уже поздно, не плюхаться же обратно на койку.

Надзиратели и конвоиры обращались ко мне в основном на «вы». Только один пожилой служака говорил мне «ты». Сижу я, с осторожностью перестукиваюсь с соседом, поглядывая на глазок. Вдруг надзиратель как грохнет кулаком в дверь, как рявкнет через кормушку что-то запретительное. Но в его «тыканье» почему-то не было для меня ничего унижительного, как-то оно соответствовало всему стилю: он не подкрадывался к глазку, не ловил меня с поличным и не подавал на меня рапорты по начальству. Странно было бы в ответ на его «Ты у меня постучи! Достучишься!» отвечать: «Говорите мне "вы"».

Вообще многие надзиратели вскоре приобрели в моих глазах индивидуальные черты, что исключало единообразный тип отношения к ним. Один — молоденький, белобрысенький — видно, сильно скучал на дежурстве и придумал себе развлечение: подойдя к камере — нет чтобы тихо заглянуть в глазок, — водит чем-то по пружине или защелке снаружи, получается такой тихий треск. Я этого парнишку называла Сверчком. Когда я вслух читала стихи, Сверчок останавливался надолго за дверью и, слышно было, вздыхал, отходя к другой камере. Иногда спрашивал: «Что это за стихотворение? Прочтите еще».

Другой надзиратель, проходя мимо моей камеры, вдруг открыл кормушку, подмигнул и пропел негромко: «...Еще Пашу, и Наташу, и Ларису Богораз...» (из песни Юлика Кима) — и быстро захлопнул кормушку. В другой раз, кажется, он же так же быстро сказал в кормушку: «Белгородская в 45-й, ваш Литвинов в 43-й». Так я узнала, что Ира и Павел в одном со мной коридоре, и по утрам, опорожня мусорный сосуд в большую бадью для мусора, которую надзиратели носят от камеры к камере, старалась высунуться подальше в коридор и погромче поздороваться — как будто с ними, а на самом деле в надежде, что мой голос услышат и узнают друзья.

Были и вредные надзиратели, вездливые, мелочные. Особенно противны в этой роли женщины. Молодых среди них не было, все среднего возраста. Наверное, они смутно ощущали противоестественность своей службы — и от этого вели себя цинично, придиричиво, старались проявить свою власть над арестантами.

Еще неприятнее были в Лефортове медицинские работники — медсестра и женщина-врач. Очевидно, им запрещено разго-

варивать с арестованными, и поэтому они почти не задают вопросов, даже о самочувствии. На их лицах изображается крайнее презрение к пациенту, просто видно, как врачу противно пользоваться тобой, преступника. С медсестрой я столкнулась на второй же день в тюрьме. Первую свою хлебную пайку я за день не съела и на другой день от хлеба отказалась: «У меня еще есть». За двое суток хлеб покрылся зеленым налетом плесени, но я не придавала этому значения и ела его, слегка обчи- стив, — не выбрасывать же. И отравилась. Начались рези в животе, рвота, сильная слабость. Заметив это, надзиратель сам вызвал медсестру. Она пришла: «Что с вами?» — «Да вот рво- та, живот болит, голова». — «Не вижу, при мне рвоты нет». — «Что же, я вас обманываю?» — «Не знаю. Будет еще — не смы- вайте унитаза, приду посмотрю». Больше она не заглянула, а я не просила ее позвать; да и рвоты больше, кажется, не было.

В другой раз я записалась у корпусного надзирателя на прием к врачу, так как меня беспокоили боли под мышкой и в грудной железе. Во врачебный кабинет ведет конвоир и, помнится, находится здесь же, в кабинете, за занавеской. Врач выслушала мою жалобу с презрительной миной: «Здесь вы все больные; нечего делать, вот и прислушиваетесь к себе».

Да и каков может быть врач, в функции которого входит завизировать помещение заключенного в карцер, разрешить или запретить покупку полукилограмма сахара в тюремном ларьке! Разрешают немногим.

Зато зубной врач оказалась чуть ли не лучше, чем в рай- онной поликлинике, заботилась, как бы не причинить лишнюю боль, залечить зуб поосновательнее, — «чтобы вам надолго хватило; а впрочем, здесь мы оказываем только первую помощь, по-настоящему лечить будете в лагере» (она справедливо не сомневалась, что все ее пациенты отправятся из следственной тюрьмы не на волю, а на порядочный срок в лагерь).

Думаю, что опыт моих взаимоотношений с тюремной адми- нистрацией нельзя назвать чистым, все-таки мы, демонстранты, были не обычными заключенными, а как бы привилегирован- ными: нашему пребыванию в тюрьме сопутствовала мировая огласка, и наши особы, вероятно, находились под контролем каких-то высших органов. Вот я потребовала, чтобы меня с сокамерницей перевели в другую камеру, так как в нашей не- возможно сосредоточиться, невозможно спать: прямо в окно дудит какой-то мощный механизм из соседствующего с нами института. Кто бы это стал выполнять такие наглые просьбы

любого другого заключенного? Целому тюремному коридору не дает спать этот гул. А нас с Валею сразу же перевели по моему заявлению (потом мне пришло в голову, что ведь на наше место вселили других!). То же и с форточкой. Пока арестованные были на прогулке, во всех камерах наглухо заклеили окна и форточки; но мне без труда удалось добиться, чтобы наша форточка открывалась. Эти случаи подтверждают, что я была на особом положении в тюрьме.

Правда, положение моей сокамерницы Вали выгодно отличалось даже от моего положения: в отношении меня строго соблюдались правила тюремного содержания, Валя же пользовалась специальными, незаконными послаблениями. То ей, подследственной, дают три свидания подряд, и с каждого она приносит папиросы, вкусную еду. То в передаче получает мед, сгущенку, красную рыбу, жареную курицу. Однажды она принесла со свидания свежую газету — «Московскую правду», и надо же, как раз тот номер, где была статья о нашем суде (надо признаться, меня эта статья очень расстроила — хотя чего было другого ждать?). Все это могло значить только одно: Валя — «наседка». Но мне было непонятно, зачем, для чего мне подсаживают «наседку». Что она может у меня узнать, какие тайны выпытать? Не отправило ли нас на Красную площадь ЦРУ? Не замышляю ли я побег из Лефортова?

Все-таки я была настороже, просто из любопытства, из азарта. Вот станет она меня о чем-нибудь расспрашивать, и я пойму, чем интересуется КГБ. А Валя никакого интереса к моим действиям, к моим «связям» не обнаруживала, разговоры вела чисто бабские: «Муж тебе много изменял?», «А у тебя есть любовники?», «Когда ты в последний раз с мужиком спала?»

Неужели в этом состояло ее задание? Неужели госбезопасность могут интересовать такие детали моей жизни?

Весь мой опыт говорит, что да, конечно, именно эти детали и интересуют славных чекистов. В нашу связь с ЦРУ они и сами не верят, а при нужде сочинят какого-нибудь Брокса-Соколова или воспользуются услугами лжесвидетеля вроде Липавского. Дружеские отношения в нашей среде достаточно на виду. Так что из всех видов «преступных» связей остаются одни только «опасные связи» — в качестве инструмента давления, шантажа, который следователи КГБ пытались использовать буквально во всех известных мне следственных делах. Думаю, что иногда этот подлый и, безусловно, противозаконный метод воздействия имел успех.

В томах нашего дела остались многочисленные следы следственных действий такого вот направления: показания соседней Бабицких («Как-то прошлый год Бабицкие, не достучавшись домой, ночевали на площадке»), квартирохозяина Дремлюги («К нему приходили разные девушки») и т.п. Это были не случайные фразы, а именно те показания, которые собирала следственная группа, — о чем еще могут сообщить соседи по лестничной клетке, как не о подсмотренном в замочную скважину?

Так что Валина бабья болтовня и любопытство вполне могли соответствовать интересам следствия. В то же время ее поведение выглядело совершенно естественным, свои вопросы она задавала в ходе грандиозного трепа о себе самой, так что я решила отбросить свои подозрения. Мало ли что можно вообразить, сидя в камере! В откровенности же — на любые темы — я не привыкла пускаться ни с кем, даже с близкими подругами.

Совершенно нечаянно, не предпринимая никаких специальных проверок, я все же раскрыла Валю как «наседку».

Дело было так. Мне с самого начала резала слух Валина речь, в которой было какое-то несоответствие с изложенной ею автобиографией. Говорит, не сидела никогда, — откуда же характерные чисто лагерные словечки? Люди Валиного круга, как ни странно, употребляют такие слова гораздо реже, чем интеллигенция. Конечно, эта особенность речи вовсе не говорит о том, что она подсажена ко мне (во всяком случае меньше значит, чем дополнительные передачи); но выдает какое-то вранье.

— Валя, так ты никогда не сидела?

— Никогда. А ты почему спрашиваешь?

— Да вот ты говоришь «получила ксиву» и другие такие же слова...

— Ох, знаешь, у нас в вокзальном ресторане чего только не наслушаешься... Я и не замечала...

На том бы и конец; но вечером после внеочередного посещения врача (Валя раза два в неделю записывалась «на прием», а в этот день особенно хлопотала) она устроила мне настоящее представление, в котором уже не было никакой естественности. Плакала, хватала меня за руку, просила простить:

— Я тебя обманула. Я сидела, в Бутырках сидела целую неделю, в Лефортово меня оттуда и перевели. Только не выдай, что я тебе призналась. Мне не велели тебе говорить: я уже осужденная, мне здесь быть не полагается. Меня сюда взяли свидетелем... Не выдай меня!

— Ну, кому я тебя здесь выдам? Да и дело обычное, сюда свидетелей даже из лагеря привозят. Успокойся.

— Ты теперь думаешь, что я «наседка»...

Ну вот, опять.

Новая Валина «легенда» вряд ли правдива: за десять дней в Бутырьках такой лексикон не приобретешь. Да и на допросы ее, «свидетеля», что-то не вызывают. Но я не стала уличать, ловить ее, мне это было неинтересно; все равно ведь опять соврет, что укажут.

Однако, разные житейские истории, рассказанные Валею, кажутся мне достоверными — и очень характерными, поэтому я привожу здесь некоторые из них.

Когда Вале было лет 18, мать устроила ее на работу в «систему питания», и в этой «системе» Валя проработала всю жизнь, до нынешних своих сорока лет. «А как же можно где-нибудь еще работать? Это ж на одну зарплату жить!» Мимоходом, не хвастаясь, она говорила, что меньше сорока рублей со смены не приносит — не считая продуктов. «Чаевых столько?» — спрашиваю. — «Ну да, чаевые! Чаевые само собой, а это деньги, кроме чаевых и зарплаты». Она объясняла мне, откуда эти деньги берутся, да я не сумела понять. Какие-то продукты «первого сорта» база якобы отпускает ресторану — а на самом деле не отпускает, их и нет нигде; ресторан якобы из этих продуктов что-то готовит — а на самом деле не готовит; официант якобы блюда подает едоку — а на самом деле подает что-то совершенно другое. Каким-то образом из этих несуществующих продуктов получают вполне реальные деньги для всех соучастников процесса — этого я не освоила. Зато поняла, что эти бумажные мясо, масло и т.п. — как раз и есть та самая продукция сельского хозяйства, производство которой на душу населения неуклонно растет из года в год.

Одно время Валя служила в вагон-ресторане, там тоже разработана система воровства, в результате действия которой образуются избыточные продукты. «Если ревизия в рейсе — бывало, по сто кило сливочного масла, сахар мешками под откос выбрасываем». Я представляла себе эти выброшенные масло и сахар — в голодной-то стране! — и мне становилось муторно слушать Валею. Но ей это было непонятно: «Кто ж иначе согласится работать?»

— Неужели за двадцать лет ни разу не попалась?

— Если не зарываться, не попадешься...

По ее словам, попалась она только в самом начале карьеры то ли на недоливе молока, то ли на недосыпе сахара в

кофе — словом, на мелочи. Ее уволили с соответствующей записью в трудовой книжке, но мать упросила, чтобы «девочке не ломали жизнь», и приказ изменили на «по собственному желанию». В дальнейшем Валя (опять же если ей верить) вела себя «по-умному», а погорела теперь через бабулю глупость. Ее муж ревновал (видимо, не без оснований), устраивал ей скандалы, даже поколачивал, и в конце концов они развелись. Но тут же и помирились, продолжали жить вместе, хотя в официальном разводе. Года полтора назад в очередной раз повздорили, он и донес на нее в отдел кадров, что, мол, она когда-то проворовалась и была за это уволена. Там сделали запросы, раскопали старый первоначальный приказ — и уволили, вписав в трудовую книжку прежнюю формулировку. «Понимаешь, я двадцать лет честно работала, ничего за мной не было, а под конец трудовую книжку так испортили. Куда я с ней могу сунуться? — имелась в виду та же "система питания". — Я через одну знакомую купила чистую трудовую книжку...»

Помирившись, она и об этом рассказала мужу. Тут как раз у них умерла домработница («у меня всегда, всю жизнь жили домработницы»), оставив на сберкнижке сколько-то сот рублей. Родных у домработницы не было, и деньги — после их невосребования — должны были перейти к государству. «А это же мои деньги, те, что я ей платила. А получить не могли — она, дура чокнутая, завещания на них не оставила». Валя что-то там подделала, с кем-то в Крыму сговорилась — и поехала туда за этими деньгами. Сколько-то она уплатила за сделку, да на поездку, при ее размахе, потратила, да фруктов, вина купила — я думаю, всю добытую сумму и ухнула. И опять же мужу рассказала.

А он пошел и донес в прокуратуру.

На Валю завели дело о подлоге и мошенничестве, начали следствие. Но под стражу не взяли: любящий супруг дал следователю взятку, и тот обещал условный приговор. Но обманул, гад, перед самым судом уехал в отпуск, и вот приговор: год лишения свободы. «Я не выживу, я лагерь не перенесу — смотри, как я уже похудела, кожа висит». — «Брось, Валя, чего там, всего один год, да и прошло уже несколько месяцев; выйдешь досрочно». — «Да, а куда я такая денусь? Думаешь, мой меня ждать будет? Тем более мы в разводе. И в ресторане мне больше не работать, а он привык сладко есть и пить...»

Между тем, муж приходил на свидания, приносил разную деликатесную еду. Валю это не успокаивало:

— Я знаю, у него есть одна, давно подкатывается. Рожа — страшной войны, сволочь, официантка, тащит, почему зря. Севрюгу эту, наверное, она украла, — говорила Валя, разворачивая третью за месяц передачу.

Действительно, еще через месяц старшая дочь сообщила Вале, что негодяй-отец ушел к сопернице и забрал с собой двенадцатилетнего сына. (Впрочем, деликатесы продолжали поступать в нашу камеру: дочь тоже приступила к работе в той же «системе питания».) Что тут было! Слезы, проклятия, вздохи да охи: «Я с ним в последний раз перед самым судом переспала, а теперь уж никогда, никогда!»

— Да на кой он тебе? Он же на тебя донес, да не раз, а дважды. Другого найдешь.

— Кому я после лагеря нужна буду! Я ему, гаду, сумками носила, сумками! Лара, напиши ему будто бы от меня, напиши так, чтобы он ту стерву бросил и меня ждал бы, уже недолго осталось.

Я накатала весьма чувствительное письмо, упомянула детей и любовь; про доносы, конечно, умолчала. Валя сама прослезилась, читая: «Его проймет, такое письмо кого хочешь проймет». Сама она тем временем писала дочери: пусть та составит опись вещей, притом синий сервиз и лучший ковер в опись не включать, а снести подруге (под расписку). И замок пусть сменит: а то изверг со своим ключом придет и вынесет все из дому.

Оба письма Валя отдала тюремному начальству (попробовала бы я написать сыну!), но, видно, она переоценила силу слова: вместо того чтобы одуматься, муж подал на нее алименты, поскольку сын пока что при нем! Так чтобы часть ее лагерного заработка перечисляли ему на прокорм сына.

Несмотря на личную трагедию (и на служебные обязанности), Валя продолжала развлекать меня разнообразными историями.

Однажды она и ее подруга Нина «обрабатывали» клиентов ресторана на предмет выкачивания из них денег (этим она тоже не пренебрегала). Заметив, что клиенты достают деньги «прямо пачками», Валя и Нина подсели за их столик, стали их подпаивать («но их не брало»), взялись «показать Москву». Быстренько отпросились с работы, сели в такси и отправились из ресторана в ресторан. По дороге кавалеры покупали своим дамам подарки: чулки, белье, каждой по шубе. «Девочки, ночевать где будем?» — У Вали дома муж, Нина у тетки живет. Валя вспомнила: есть у нее родственница с однокомнатной

квартирой («Бедно живет: учительница»). Купили вино, закуски, конфеты, бедной учительнице в подарок приемник, опять же белье — и прикатали. Переночевали — «ничего такого не было, одна же комната»; наутро учительница ушла на работу, а Валя со своим дружкой отправилась погулять, оставив другую пару наедине. «Возвращаемся — Нинка в ванной одевается, белая вся, трясется, чулки пристегнуть не может. Думаю, может он с ней что сделал страшное. Нинка, говорю, что у вас было? Отвечает: все было, что надо, да не в том дело. А дело в том, что кавалеры — беглецы из лагеря, конвой убили, банк ограбили. Он мне признался — а теперь опомнится, ведь они нас убьют».

Но все обошлось. Дружки укатали на юг проматывать шальные денюжки, там их и поймали. Валин кавалер рыцарски молчал, а Нинкин раскололся, назвал их и ресторан. Валу и Нину вызвали на допрос, но они про шубы и прочие подарки не сознались, так что все барахло осталось при них, даже приемник у бедной учительницы.

Кое-что меня в Вале раздражало. Да с кем бы ни сидеть — начинаешь раздражаться рано или поздно, ведь каждую минуту вместе. И в бане, и на прогулке. Вечерами — играй да играй с ней в домино, до сорока партий за вечер. Отговоришься чем-нибудь — Валя начинает скучать, киснуть, ныть. Утро она встречала мощным залпом: пукала на всю камеру; мало того — вступала в переговоры с надзирателем: мол, здорово у меня получилось, хорошо ли было слышно, не повторить ли и т.п. Иногда она заговаривала с надзирателем, сидя на стульчаке.

Но сидеть с ней было не скучно. Она травила анекдоты, большей частью непристойные. Корпусного надзирателя называла либо «коридорный», либо «квартирный». Когда меня вызывали из камеры — «Кто тут на Б, на выход», — Валя моментально откликнулась: «Мы обе на "б"». Обе сорокалетние бабы, мы с ней школьничали, как молоденькие: я пряталась в угол, за ящик отопления, где надзиратель не мог меня углядеть, и ждала. Надзиратель глянет в глазок — одна здесь, а где еще одна?! «За бутылкой побежала», — отвечает Валя.

Ближе к суду Валя стала проявлять некоторый интерес к моему делу: «Что ты будешь говорить на суде? Что скажешь в последнем слове?» Она также заводила со мной разговоры о моем ближайшем будущем:

— Что вам будет?

— По статье полагается до трех лет, вот и дадут по три года.

— А может, отпустят?

Она, видно, должна была возбудить у меня надежду на освобождение. Но я совершенно искренне считала свою судьбу решенной еще 25 августа, мне и в голову не приходило попытаться изменить ее.

Конечно, я тоже разыгрывала перед Валею своего рода роль: держалась простодушно, по виду откровенно говорила с ней; но говорила далеко не все. Например, я не сказала ей, что откажусь на суде от защитника; и когда сообщила ей об этом после первого дня процесса — она была очень разочарована и недовольна.

Вскоре после суда — как я уже говорила, после карцера — меня посадили в другую камеру. Здесь моей соседкой оказалась молодая женщина лет 24-х, обвиняемая в валютных операциях: она знакомилась с иностранцами — это были арабы, слушатели военных академий, — «дружила» с ними, а плату получала сертификатами. На эти сертификаты купила в «Березке» несколько плащей, один оставила себе, остальные продала. Еще успела купить себе и дочери какие-то тряпки: «Моя подружка во все импортное одета, потому что ее отец какой-то начальник и получает сертификаты. Мне такого на свои деньги вовек не увидеть (она работала приемщицей заказов на студии звукозаписи), а что, я хуже ее? Дочка моя хуже?»

Всего-то она успела спекулировать на небольшую сумму; взяли ее на выходе из «Березки», в сумочке нашли живьем долларов пять или семь. С тех пор она и сидит. К моменту нашей встречи срок ее тюремного сидения под следствием перевалил за год; но вот-вот должен был состояться суд. Моя соседка на следствии «вела себя хорошо»: сразу же дала все требуемые показания и о себе, и о своей подруге, промышленлившей тем же, и о благодетелях-арабах. Я не могла понять, почему ее маринуют больше года.

Ее камера имела обжитой вид: полка для продуктов украшена вырезными бумажными салфеточками (собственно, не вырезными, так как где ж ножницы взять? а обработанными голыми руками), на тумбочке накрахмаленная салфетка. Следователь разрешил ей иметь при себе фотографию дочери, и на тумбочке стоял портрет милой четырехлетней девчушки.

— А как ты умудряешься салфетки крахмалить?

— Это не крахмал. Постираю, потом мылом натру и натяну потуже...

Она научила меня высушивать колбасу, купленную в ларьке. Мы с Валею заваривали эту колбасу кипятком — оказывается,

можно ее и «коптить», подвесив на несколько дней под кроватю. Моя соседка изобрела также тюремную косметику (заключенным женщинам ничего такого «не положено»). Вместо крема она употребляла собственную мочу, уверяя, что нет лучшего средства для сохранения свежести кожи. Из собственных волос она за год собрала роскошный шиньон: в тюрьме очень выпадают волосы. А когда она отправилась на суд, то напудрилась зубной пастой до такой степени, что казалась неживой. Правда, и натуральный цвет ее лица после года тюрьмы не отличался живыми красками.

Я была уверена в благополучном исходе ее дела (и не ошиблась): уж очень мизерна была и сумма валюты, и нажива путем спекуляции. К тому же, студенты-арабы, с которыми она путалась, — это не какие-нибудь туристы из ФРГ или Швеции. А главное, соседка моя, как говорится, активно помогала следствию. Для страховки ей надо было только не напортачить на суде. Я вдалбливала ей, чтобы она не сводила там счеты с подружкой, сваливавшей, в свою очередь, вину на нее, а вела бы себя скромно-покаянно. Составила ей «последнее слово» в этом духе, со слезой. Она зубрила его вслух несколько дней, как примерная школьница, консультируясь со мной относительно выразительного чтения; в конце концов попросила прочесть ей текст вслух и заучила «с голоса» фальшиво-покаянные слова. На самом деле она сожалела вовсе не о своем преступлении, а о том, что больше ей не одеваться из «Березки», а она так мало успела взять. За год ее заключения муж отказался от нее: следователь подробно рассказал ему о ее похождениях; легкая и «престижная» работа в салоне звукозаписи на улице Горького, конечно, тоже потеряна. Но, разумно отложив все огорчения на будущее, она не заглядывала дальше, чем в послезавтра.

Суд дал ей срок лишения свободы год и месяц, ровно столько, сколько она успела просидеть под следствием. Таким образом, ее освободили в зале суда. Мне сказал об этом надзиратель, который пришел за ее вещами. Она наказала оставить для меня свое мыло: скатывая обмылки, за год она накопила огромный ком.

Очевидно, в мое время в Лефортове сидело немного женщин: из большинства камер до меня доносились мужские голоса. Кроме двух моих соседок по камерам, я видела своими глазами еще только трех заключенных женщин. Одна из них — это моя двоюродная сестра Ира Белгородская, тоже политзаключенная. Ее арестовали ровно за две недели до меня. Ее «преступление» заключалось в следующем: она взяла у меня несколь-

ко десятков экземпляров письма в защиту арестованного Анатолия Марченко, чтобы отправить их известным советским общественным деятелям — писателям, ученым. Сумку с письмами и со своим паспортом она забыла в такси; то ли шофер немедленно сдал сумку в КГБ, то ли агенты, следившие за Ирой от моего дома, тут же переняли таксиста — на другой же день Иру арестовали. При этом ни одного из восьми авторов, чьи подписи стояли под письмом, не привлекли к ответственности, а Ире дали год лишения свободы по статье 190-1 — за «клевету». Ире пришлось гораздо хуже, чем мне: под следствием в Лефортове ее держали более полугода (хотя что там было расследовать?), потом несколько месяцев ей пришлось провести в женском бытовом лагере в Мордовии. Женские бытовые лагеря гораздо тяжелее и отвратительнее, чем политические, — Ира мне потом рассказывала. А пока она сидела — год, всего только год! — у нее отобрали комнату, и работу она, конечно, тоже потеряла. Все ее вещи райисполком вывез на склад, и там они сгнили, пропали.

В наше время арест не означает окончательного, бесповоротного перелома в жизни человека, как это было до пятидесятых годов. Политзаключенный обычно сохраняет связи со своей средой, друзья не забывают его, ему помогают даже незнакомые люди. И все же большей частью он лишен возможности вернуться к нормальной жизни: потерял дом, работа; как правило, закрыты пути к своей профессии. Надо ли удивляться, что современная эмиграция в большой степени состоит из бывших политзаключенных!

Ира Белгородская в конце концов тоже эмигрировала.

Тогда, в сентябре 68-го, нас как бы случайно (а на самом деле намеренно, чтобы травмировать Иру: вот, мол, видишь, и Лара в тюрьме, ты-то чего геройствуешь!) столкнули в тюремном коридоре. Ира, конечно, ничего не знала о нашей демонстрации, и эта встреча привела ее в состояние шока. Да и я, зная, что она где-то рядом, была потрясена, увидев ее: распущенные волосы (шпильки отбирают), тонкие беспомощные руки, бледное, белое лицо; конвоир за спиной. Одно дело самой сидеть в тюрьме, другое — увидеть там младшую сестру. Я не сразу узнала ее, а когда узнала, только успела крикнуть «Ирка!», а она — «Лара!», и ее тут же затолкали в специальную стенную нишу спиной к коридору, а меня бегом провели мимо...

Еще двух женщин-заключенных я увидела в кабинете следователя, когда меня привели на опознание. Кто-то из свидетелей должен был узнать меня среди трех рядом сидящих

женщин (пустая формальность, специально, чтобы заполнить «дело» бумажками). Эти две были толстые грузинки в шерстяных вязаных кофтах; сев рядом со мной, как им было указано, обе расстелили на коленях носовые платки и положили на них руки — наверное, чтобы не засалить юбки. Рядом с этими благообразными женщинами я выглядела, должно быть, диковато. Что-то затягивалось, следовательно вышел, и я спросила у женщин, кто они, откуда, какие у них семьи. Оглядываясь с опаской, они шопотом отвечали мне. Из их ответов я запомнила только то, то у одной пятеро детей, младшему два года, а у другой четверо — и тоже маленькие. — «Где же дети?» — спросила я. — «У сестры», — сказала одна, а другая ничего не успела сказать, потому что вошел следователь. Они стали лебезить перед ним, заговаривать: «Гражданин следователь, сразу видно, какой вы хороший человек. Как бы я хотела, чтобы вы взяли мое дело, наш тбилисский следователь совсем другой...» Хороший человек резко оборвал их, и они испуганно замолкли до конца процедуры.

Не знаю, за что их арестовали, — наверное, спекуляция, или хищение в крупных размерах, или валюта. Но пятеро детей!

Мужчин-заклученных в Лефортове я не видела, но, как уже сказала, слышала их голоса в камерах, на прогулочных двориках. Кроме того, со второй-третьей недели ареста я стала перестукиваться с соседней камерой. Вначале я не замечала постукивания за стеной, даже как бы не слышала его. Потом догадалась, вспомнила об этом способе тюремной связи. Но я не знала тюремной азбуки! Когда-то, помню, моя подруга Наташа Садомская показывала в книге бестужевскую азбуку — какая я была дура, что не обратила на нее никакого внимания! Кажется, там был какой-то квадрат... Я нарисовала квадрат, расположила в нем буквы по порядку — и, казалось, вспомнила двузначный код, таким он мне показался знакомым: А — 1-1, Б — 1-2, В — 1-3; значит, Л — 3-1, Р — 4-1. 3-1, 1-1, 4-1, 2-4, 1-1: Л-А-Р-С-А. Можно начать разговор. Да, но ведь соседи, наверное, не знают этой азбуки, они стучат длинными очередями, похоже, выстукивают порядковый номер каждой буквы. Надо научить их.

Я несколько раз сильно стукнула костяшками пальцев в стену, чтобы привлечь их внимание, и, услышав ответ, начала: — 1-1, 2-3, 1-2, ... — я хотела простучать слово «азбука».

Почти сразу я услышала быстрый стук в ответ, с трудом разобрала: «Мы знаем». Потом мне стало ясно, что эту бесту-

жевскую азбуку знают почти все заключенные: передают друг другу или сами изобретают, как я.

Вначале перестукивание шло медленно: чтобы передать фразу, я должна была сначала записать ее кодом, а чтобы «услышать» — записать передачу кодом и потом перевести на буквы. Но очень скоро я освоила это дело так, что стук воспринимала как живую речь, мне казалось, что я даже улавливала интонацию. Значимыми оказывались замедление или ускорение темпа сигналов, их громкость, паузы. Кроме азбуки, у нас появились сигналы общего значения: «говори медленнее», «понятно, не продолжай», «привет, доброе утро», наконец «тревога» -- удар кулаком в стену.

Перестукивание очень занимало меня, особенно в первое время. Я узнала, кто мои соседи: Борис, о котором я уже упоминала, и Эрик Данне, тоже политический, сообщивший мне, что его обвиняют в связях с НТС. Он «рассказал» мне, откуда он и в чем состоит его «дело». Мое имя оба соседа, оказалось, слышали по радио (на воле, конечно), а Борис уверял, что знает Даниэля по Дому журналистов, — врал или спутал с кем-то. Но вообще-то говорить нам было не о чем; очень скоро перестукивание перешло в заочный кратковременный роман — наверно, стандартный тюремный роман через стену. Мы ухитрились даже передать друг другу свои автопортреты — не знаю, как Эрик, а я себя очень приукрасила.

Надзиратели, я думаю, слышали наши «разговоры», но меня им ни разу не удалось поймать с поличным — с записями кодов. А у Эрика однажды отобрали такую запись, там как раз было мое имя, фамилия. За это *меня* лишили ларька.

Из другой камеры, соседствующей с нашей, нам долго не отвечали и не стучали. Но однажды я услышала стук и оттуда. Несколько дней я не отвечала: боялась, что надзиратели сразу заметят, та стенка была противоположна моей койке (с Эриком я перестукивалась, не сходя со своего места). Потом любопытство пересилило, я подошла к стене и, став к ней спиной, начала выстукивать азбуку. Тут же последовал ответ: «Знаю. Кто ты?» Я назвала себя; сосед быстро простучал: «Я знаком с твоим мужем, с Юлием Даниэлем. Мы знакомы по воле. Я — Петров-Агатов».

В этот момент загремел засов моей камеры, и я ударила кулаком в стену: «Тревога». Меня вызвали из камеры — как раз отправляли в карцер. Таким образом, мое знакомство с Петровым-Агатовым оборвалось в самом начале и, наверно, к лучшему.

10 декабря меня вызвали из камеры, отдали хранившиеся в каптерке вещи и на воронке перевезли из Лефортова в пересыльную тюрьму на Красной Пресне.

В следственной тюрьме заключенный еще не до конца утратил свою индивидуальность, у него свое «дело», свой следователь, каждого ждет своя собственная судьба — кому год, а кому пятнадцать.

На пересылках и в этапах любой человек сразу становится **ЗАКЛЮЧЕННЫМ КАК ВСЕ**, и нет никакой разницы конвоем, вернется он через год или никогда не вернется. Правда, заключенного сопровождает его личное дело, и там могут быть специальные пометки (например, «склонен к побегу»), но они определяют такие незначительные частности твоего существования в этапе, что ты их можешь и не заметить.

Вероятно, я попала на пересылку с какой-то сопроводительницей, потому что и здесь мне были оказаны некоторые привилегии: «Из Лефортова? Значит, можно без бани». Меня навьючили полным постельным комплектом: матрасом, подушкой, одеялом и даже простынями — и ввели в камеру, где остальные восемь женщин спали на голых нарах. Они уставились на меня с изумлением: что за цаца такая? Но никто не налетал на меня, не «курочил» моего мешка. Впрочем, это были не уголовницы, а всего лишь *тунеядки*. Из них только одна вызывала симпатию — моложавая сорокалетняя женщина с широким рябоватым лицом, в платочке и зимнем пальто. Когда остальные склочничали и скандалили между собой — а противные мелочные ссоры вспыхивали в камере ежеминутно, — Лида отходила в сторону или пыталась внести умиротворение, предлагая свои услуги: «Слушай, давай я тебе подол подошью»; «Девочки, пока вы на прогулке будете, я полы вымою»... «Девочки», от восемнадцатилетней Любы до шестидесятилетней бабы Шуры, охотно подваливали Лиде работенку. А как есть садились, так каждая над своим мешком, Лиду не угощали. У самой же Лиды своего ничего не было. Я выложила на стол колбасу из лефортовского ларька (как раз перед отправкой был ларек, и передачу из дома я получила в предпоследний день) и позвала всех сокамерниц, Лиду первую. Ни одна не отказалась, но свою жратву они по-прежнему ели в одиночку. Другого я и не ждала; и все равно продолжала делить свои продукты на всех. Зато и осталась к Свердловску на одной тюремной баланде.

С удивлением я узнала, что у Лиды две судимости, обе за хулиганство (второй раз — злостное), а именно за драки:

«Я, когда выпью, злая делаюсь, дерусь, ничего не помню». Она откровенно, не выгораживая себя, рассказывала, как получила первый срок, потом второй — пять лет (наверное, так много дали из-за того, что женщина, которую она ударила горячим чайником по голове, угодила в больницу). Лида пила и в лагере, похоже, там и стала алкоголичкой. Когда освободалась в 67-м году, решила, что пить бросит, дочку заберет из детдома (той было тогда уже 14 лет, из них не меньше половины она провела в детдоме), станет жить «самостоятельно». Но на воле все оказалось непросто. Лиде негде было жить, негде прописаться: пока она сидела, умерла ее мать, и их комнату забрали. Она еле упросила родную тетку пустить ее на квартиру — но та поставила условием не брать девочку; за угол с койкой брала с Лиды 15 рублей и звала ее не иначе как «каторжной». На работу Лида устроилась хорошо — штукатуром. «Зарботки большие, калым; я все себе купила, и туфли, и два пальто, и сапоги теплые; дочке тоже все купила, и еще машинку швейную — их там на портных учат, окончат школу, а машинка уже есть». Как раз эти зарботки, калым и подкосили ее снова: калымят вдвоем-втроем, заработанное идет на пропой. Удержаться Лида не сумела. Тогда она пошла проситься в больницу для алкоголиков; а ей говорят: «Какая ты быстрая! Полечись амбулаторно, не поможет — поставим на очередь в больницу. Без очереди только принудление, так тебя ж никто не направляет». Амбулаторное лечение не помогло, Лида и ходить перестала. Работу раз прогуляла, другой — и вовсе бросила, стыдно было идти оправдываться. С квартиры тетка, конечно, согнала. Лида осталась на улице и без работы. За несколько месяцев она стала настоящей бродяжкой. Все, что купила, пропила — кроме дочкиной машинки (у тетки оставила). Теперь все ее добро было при ней — на себе, да смена белья в сумке.

— Чем же ты кормилась?

— Кто пьет, тому много есть не надо. Ходила на плешку.

— ???

— К трем вокзалам. Туда такие ходят. Подцеплю мужика, по дороге зайдем в магазин, бутылку возьмем, закуски...

— И куда же с ним?

— Сначала, конечно, говоришь, что, мол, есть квартира, и он идет. А уж когда бутылку взяли, тогда его можно куда угодно вести. Есть такие подъезды, где чердак не заперт. Или на товарной станции пустые вагоны после разгрузки, туда можно. Я там один вагон знаю из-под известки. В вагоне почище не поспишь, там и выпивают, и мужики сами приходят...

Мыться? Мылась в санпропускнике, есть такие на вокзалах. Там хорошо, народу никого; и постираться можно.

Лиду, пьяную, не раз забирали в милицию. Начальника отделения у трех вокзалов Силина она знала так же хорошо, как и он ее. Между ними установились отношения взаимных подначек и мелких уколов — от каждого по его способностям и возможностям. «Силин, давай бумагу, я на тебя жалобу напишу Никите Сергеевичу Брежневу», — говорила Лида. Однажды она приволокла начальнику венки с кладбища. Он же приказал выбрать ей дорожку через голову (Лида сдвинула платок, и я увидела ее обезображенную голову). — «В другой раз я тебе гроб привезу», — пообещала Лида. «Силин, посади меня, здесь я пропаду», — просила она. — «А за что тебя сажать? Укради что-нибудь, вон хоть пивную кружку». Но вот все-таки взяли — за тунеядство; назначили административную высылку.

Лиду первой из нас забрали на этап. Я услышала команду в коридоре: «В Архангельскую область — двадцать лесорубов и одну женщину», — и после этого Лиду увели. Значит, ее отправляют на север, в места лесоразработок — может, поварихой, а может, сучкорубом. Она полураздета, полуразута, растертые до язв подагрические косточки выпирают из разрезанных в этих местах ботинок; на высылке никто не оденет ее даже в бушлат, в этом смысле лагерь лучше. Главное же, там она будет пить, пока не сгорит от водки или не замерзнет пьяная где-нибудь в снегу. Никому она не нужна, сама себя считает пропащей.

Всех остальных из нашей камеры на другой день отправили одним этапом — на восток.

С этого момента кончились мои привилегии, на этапах и пересылках мое положение не отличалось от положения других заключенных. Впрочем, не совсем так. Во-первых, женщины оказываются в несколько лучших условиях — не потому, что им делают гуманные послабления, а по объективным причинам. Женщин-заключенных все же меньше, и поэтому в женских камерах немного свободнее, чем в мужских; да и отправляют их поэтому скорее. От Москвы до Свердловска я оказалась в одном этапе с Павлом Литвиновым; но из Свердловска меня и моих попутчиц отправили на третий или четвертый день, а Павел застрял там еще недели на две.

Во-вторых, в определенный момент вспомнилось, что я «политическая». Почему-то это был момент запираания в воронок: «Политическую в бокс!» — командовал начальник конвоя, и меня

торжественно проводили вдоль колонны заключенных, водворяли в железный ящик, запирали, и только после этого происходила обычная загрузка воронка. Бокс — отгороженная в кузове кабина, страшно тесная: я так думаю, что-нибудь 60 × 60 см. В полном зимнем обмундировании, переданном мне друзьями в Лефортово: ватные брюки, телогрейка, валенки, — да еще с рюкзаком, я едва там помещалась. Тем не менее, один раз прямо на меня втолкнули еще одну женщину (не «политическую»), тоже с мешком вещей; непонятно как, но мы обе там поместились, правда, в полувисячем положении. И все-таки в боксе лучше, чем в общей камере воронка: я видела через глазок и могу подтвердить, что заключенных — женщин вместе с мужчинами напихивают туда «под завязку», конвоиры заталкивают коленом и уплотняют дверью-решеткой. Зато в общем отделении, может быть, не так чувствуется холод. В боксе железо со всех сторон, и когда на дворе -50°C (это был декабрь очень холодной зимы), железо накаляется от мороза, и уже через 10 минут холод прожигает тебя через все ватные одежды. А воронка стоит и стоит, дожидается неизвестно чего, а потом, доехав до пересыльной тюрьмы, снова стоит, запертый, на морозе.

Ну и, в-третьих, все тот же психологический момент: я все еще ощущала себя наблюдателем (хотя уже меньше, чем в Лефортове), сравнивала, сопоставляла переживания моего брэнного тела, которому, конечно, было довольно трудно, с заранее известным, читанным и слышанным. В этом случае, оказывается, трудности преодолеваются легче. В этапах я увидела, что конвоиры, как и надзиратели, — разные. Правда, большей частью это озлобленные, развращенные властью над людьми, отупевшие из-за своей службы солдаты; особенно парни с востока — буряты, казахи. К тому же конвоиры, сопровождающие этапы, спиваются: у некоторых заключенных припрятаны деньги (а у моих попутчиц-тунеядок деньги были законные, они ведь, считается, высылаются не по этапу), и конвоир, раздобыв для них бутылку водки, зарабатывает себе на бутылку же. Я проехала четыре перегона от пересылки до пересылки — и каждый раз к концу пути весь конвой, включая офицера-начальника, оказывался пьян до одурения.

Но среди конвоиров мне попались и несколько нормальных ребят, не потерявших человеческого облика. Один парень принес нам, женщинам, из служебного отсека пару горячих картофелин (ведь на дорогу по незыблемой российской традиции заключенным дают «сухой паек» — хлеб, селедку и 15 г сахару на день пути). У некоторых солдат моим попутчицам удавалось выпросить

«дополнительно» воды напиться (по правилам поят два раза в сутки) или лишний раз (к тем же двум «законным») вывести в уборную. Как-то по просьбе заключенных солдат открыл в коридоре окно, и это было для нас большим облегчением, так как в камерах вагонзакан нет ни окон, ни отдушин, и мы буквально угорали от духоты, от недостатка воздуха. Один начальник конвоя открыл мне великую тайну: назвал место, куда меня везут в ссылку, — оно обозначено на «деле», но заключенный этого знать не должен. Название Чуна ничего мне не говорило, тогда офицер попросил проводника посмотреть на карте, и я получила подробную информацию. С другим офицером у меня произошел занятный разговор. Видно, от нечего делать они там у себя листают сопровождающие заключенных «дела»; и вот начальник конвоя подошел к нашей женской камере и стал меня расспрашивать о демонстрации. «Нет, — говорю, — что за беседа через решетку». Он отпер дверь и перевел меня в соседнюю, пустую камеру: «Там у вас тесно, отдохните здесь пару часов». Зашел и сам. И стал меня убеждать, что мы поступили неправильно: «Несколько человек — что вы могли изменить? Надо было создать организацию». — «И без организации вы меня в ссылку везете, а тогда бы чего?» — «А зачем вы открыто вышли?» Довольно возбужденно он стал мне излагать свою точку зрения на историю и современность. Мне было жаль этого человека: видно было, что ему не с кем поделиться своими мыслями, не с кем поговорить, и он рад мне — случайной собеседнице.

Начало нашего разговора — о демонстрации, о Чехословакии — слушал молодой солдатик, дежуривший в вагонзакане. Потом, когда офицер ушел, он спросил у меня: «А ваши родные знают, куда вы отправлены?» — «Должно быть, не знают». — «Напишите письмо, я опущу». Я написала, и мои родные действительно получили его и узнали место моего назначения задолго до того, как я туда добралась. Этот парнишка сказал, что он слышал от знакомых солдат — участников оккупации Чехословакии, как чехи на самом деле относятся к этой акции. И еще, говорил он, им сообщили на политзанятиях, будто в Чехословакию *вошли* войска ФРГ и надо их оттуда выбить, и парни готовились к военным действиям и были в страшном напряжении, ожидая боев, а их все нет и нет, так что у некоторых нервы не выдерживали... О себе этот парнишка говорил, что ждет, как конца лагерного срока, когда же эта собачья служба кончится.

Он разговаривал со мной украдкой, урывками, таясь от своего напарника и от начальника. Когда мы прибыли на место,

один только этот солдат не был пьян. А начальник конвоя, бледный, с кругами под глазами, старался держаться прямо, но это ему не удавалось, и он слегка клонился вбок. Отдав дежурную команду «Политическую в бокс!», он, видно, вспомнил наше собеседование и пробормотал мне в спину: «А все же вы действовали неправильно».

Были у меня разговоры и с другими офицерами конвоя, но гораздо короче, без «отдыха» в свободной камере, и совсем другого свойства. Вернее, не разговоры, а их короткие монологи: «Это вы за политику? Образование высшее, кандидат наук! Не захотела, как все, — теперь вместо письменного стола у станка поработаешь» (варианты были — «пилой», «лопатой» и т.п.). То же самое я услышала и от начальника милиции, в чье распоряжение я поступила в Чуне. И мне было неприятно и стыдно, что вот эти люди, чувствующие себя представителями государственной власти, так пренебрежительно, так презрительно относятся к рабочим, таким унижительным считают положение простого рабочего в «стране рабочих и крестьян».

Пересылки и этапы описаны многократно. Я могу лишь добавить, что в 68-м году условия этих мест мало отличались от того, что описано, скажем, у Евгении Гинзбург, — разве что везли меня не в телячьем вагоне, а в специальном вагон-заке, да поезда идут быстрее, чем раньше. Да в пересыльных камерах (спасибо Утесову!) тоже унитазы вместо параш. Впрочем на пересылке в Иркутске у нас в камере стояла параша — огромный железный бак, тяжеленный и сам по себе, и от многослойной ржавчины на его стенках, и, разумеется, от содержимого. Вонь от параша ужасная — но и от унитазов не меньше: они разбиты, протекают и жижа от них растекается и растаптывается по всей камере. На меня условия «оправки», а может, и все прочие условия этапа, подействовали таким образом, что совершенно прекратилась работа кишечника. За три недели этапа у меня ни разу не возникло потребности «оправиться по-тяжелому», как здесь говорят; это было особенно удобно в вагоне, где пойти в уборную — целая проблема. Но, вероятно, произошло отравление шлаками, потому что вскоре после приезда в Чуну у меня обнаружился острый гастрит, потом он перешел в хронический, много позднее завершился язвой желудка — а до ареста я понятия не имела о болезнях желудка; как говорится, жареные гвозди могла переварить.

Как и в тридцатые годы, голых женщин в бане осматривают мужчины. В Новосибирской пересылке и вовсе чудно: проверку на вшивость производят мужчина и женщина, так

женщина проверяет головы и под мышками, а мужчина — в паху. Все это очень унижительно, в особенности унижительно из-за того, что, очевидно, не специально придумано как издевательство, а от полного безразличия, от равнодушия к тебе как к человеку. Эта вереница голых, дрожащих от холода женщин, проходящих перед мужиком в грязно-белом халате, — это и не люди вовсе, а так, объекты, не более чувствующие, чем сопровождающие их бумаги. Одному объекту ткнуть пальцем в пах (и сразу, не вытерев руки, следующей), на другом поставить галочку.

То, что ты здесь не человек, ощущается не только при осмотре — во всем. Вот загнали нас в Свердловской пересылке в баню (подтверждаю Евгению Гинзбург — наилучшая из всех пересыльных бань), предварительно отобрав все вещи в прожарку. Из моечного помещения выводят в предбанник — холодный большой зал, дверь одинарная прямо наружу, к тому же плотно не прикрывается. Здесь такой порядок: сначала выстроиться в очередь к одному окошку и получить все тюремное имущество: наматрасник, кружку, еще что-то, в том числе и полотенце — вытереться после бани. Но полотенца нет — кончились, стало быть, вытереться нечем. Стоишь голая, мокрая, в следующей очереди — за своей одеждой. Но это же не специально — были бы полотенца, так дали бы; а их нет. Надевай одежду на мокрое тело. Или, скажем, в Иркутске: там подают тебе в кормушку миску баланды, а ложек не дают.

— А ложку?!

— Нет ложек. Кончились.

— Как же есть?

— Какое мне дело! Захочешь съесть — так съешь.

И кружек здесь не дали. Приносят в камеру бачок с кипятком, как хорошо бы выпить, согреться. А из чего? — «Какое мне дело!» У моих попутчиц кружки были, они на этап попали из дому, захватив все необходимое. А мне в тюрьму кружку нельзя было передать, так как она «металлический предмет» (о пластмассовой мы еще тогда не подумали). Одна из женщин пожалела меня и отдала мне освободившуюся банку из-под сгущенки; так я обзавелась к концу этапа своей посудиной, а то ведь и в вагоне набрать воды в запас не во что.

(Кстати, откуда у заключенной сгущенка? — На пересылке есть ларек, и можно купить продуктов на пять рублей, как и в тюрьме. Но только за наличные деньги. А у заключенных денег быть не должно, на руки не выдаются /тунеядцы — исключение/. Тем не менее, у многих, кто пересылается из лагеря

в лагерь, денежки припрятаны, и им есть на что «отовариться». Хотя и незаконно. Ларек, видимо, рассчитан вот на эти незаконные деньги.)

Всего один раз я встретила надзирательницу, которая испытывала по отношению к заключенным некоторые эмоции. Это было в Новосибирске. Раздев нас догола и осмотрев «на вшивость», нас запустили в моечное отделение. Здесь это был бетонный мешок с окнами, закрытыми одинарными рамами (на улице ниже -40°C). Надзирательница заперла нас снаружи. Мы стоим на холодном бетонном полу, от окон несет морозом. Ждем — воды нет. Надо сказать, что в тюремных банях заключенный не может ни открыть, ни регулировать воду: краны снаружи, ими управляет надзиратель. Наконец, из труб под потолком полил дождик совершенно холодный, ледяной. Женщины стали стучать в дверь: «Вода холодная!» Дверь открылась, на пороге появилась надзирательница — толстая тетка с широким плоским лицом, заплывшими щелочками глаз. После минутной паузы вдруг ее губы растянулись в японской улыбке: «Вам холодно? Сейчас будет тепло». Она вышла и заперла дверь. Через минуту вода стала теплеть, а еще минуты через три из труб нам на головы лила вода нестерпимо горячая, так что все поотскакивали от струй, прижались к стенам. Некоторые успели намылиться, я успела намылить голову — но смыть мыло невозможно, руку обжигает вода. Баня моментально наполнилась паром. Опять стали стучать в дверь. В ответ воду перекрыли совсем, и снова на пороге стала надзирательница с той же улыбкой: «Помылись? Выходи!» — «Где ж помылись, откройте воду, дайте хоть мыло смыть». — «Выходи!» — «Не выйду!» — «Не выйдешь? Не надо», — и снова улыбочка. За вышедшими захлопнулась и защелкнулась дверь, а в моечной осталась я и, глядя на меня, еще две-три женщины. Воды нет. Пар осел, все тепло моментально выдуло, стало холодно, как вначале. Ловя капли с потолка, я кое-как стерла мыло, другие тоже. Стоим, ждем. Через некоторое время приходит надзирательница: «Помылись? Или еще останетесь?» Ну, пошли за ней, конечно. А на ее физиономии было написано блаженство, полное удовлетворение. Она еще и в предбаннике над нами покуражилась.

Но это, как я сказала, было исключение. Жаловаться не имело смысла, это я поняла еще в Свердловске. Там в камере на верхних нарах лежала женщина, у которой было кровотечение. Она на каждой проверке просила, чтобы ее направили к врачу; надзиратель отвечал, что врач-гинеколог будет двад-

цатого или там двадцать второго, словом, через неделю. Я видела, что женщина теряет силы, она была уже воскового цвета и, когда сползала с нар к унитазу, ее качало. На очередной проверке после стандартного вопроса: «Жалоб нет?» — я сказала, что есть — срочно нужен врач. — «Вам нужен врач?» — «Не мне, а вот женщине». — «Говорите только о себе! Закона не знаете! Москвичи! Интеллигенты!» — и еще какая-то ругань. Я даже не поняла, из-за чего он так взъярился, обычно он держался довольно добродушно. А потом вспомнила: тюремные правила запрещают «коллективные» жалобы.

В другой раз в ответ на какую-то жалобу я услышала: «Здесь тебе не Москва! Тайга — закон, медведь — прокурор!»

В основном же тюремные работники заняты своими хлопотами: считают, пересчитывают, — новый этап прибыл, этих надо отправить; выдать тюремное имущество, пересчитать при сдаче, а то сопрут; бумаги принять, бумаги сдать... Да откуда я знаю, какие у них еще заботы и обязанности. До людей ли! Затолкали этап в один бокс (тюремный бокс — небольшая камера, куда заключенных помещают временно — по прибытии или перед отправкой), мы стоим там вплотную друг к другу, как в автобусе в часы пик; сесть негде, воды нет, унитаза или параша тоже нет. Стоим час, два, неизвестно сколько стоим и сколько еще ждать. Душно, одной женщине стало дурно, она осела на пол. Мы стали стучать в дверь, кричать, чтоб открыли. Нам слышно: мимо ходят, бегают надзиратели, переговариваются, перепроверяют мужской этап («Фамилия, статья, срок»). На наш стук никто не обращает внимания. Впрочем, из других боксов тоже, слышно, стучат. Наконец, подходит надзиратель, грохает кулаком в дверь: «Молчать! В карцер захотели?» Мы вразнойбой кричим, что вот одной дурно, вряд ли он может разобраться, что нам нужно. И он уходит. Ну, в конце концов, мы докричались. Женщину вытащили из бокса, да и нас вскоре после этого перевели в камеру, хоть и продолжали грозить карцером. Да кому это нужно — в карцер нас сажать. Сегодня мы здесь, завтра — на этап (еще грозят тем, что на очередной этап не возьмут, «будешь здесь загорать до следующего, а он, может, через месяц»). Мимо работников пересыльной тюрьмы течет людской поток, а они не успевают разглядеть, что это люди.

Пищи такой, как на пересылках, хорошая хозяйка и свинье не даст. Особенно отвратительна рыбная баланда, в которой плавают голые рыбы хребты: кажется, что ее уже один, а может и не один раз ели. Но на такую массу народа, какая перепол-

няет пересылки, вероятно, и невозможно приготовить съедобную пищу.

Я все же здесь, как и в Лефортове, ела, что давали. Кажется, только раз или два не смогла себя заставить есть.

Хотя народу в женских камерах значительно меньше, чем в мужских, но все же слишком много для того, чтобы узнать, кто они, эти женщины, и за что осуждены. Некоторые производили впечатление не вполне нормальных и сами не могли понять, где они, что их ждет и почему. Но были и вполне нормальные женщины, поступки-проступки которых, их преступления казались мне необычайно бессмысленными. Ну, например, Аня в Свердловске — женщина 28-29 лет, вполне здоровая, не уголовница, не алкоголичка, с благополучной судьбой, имевшая мужа, дочь, родителей (отец ее старый большевик), работу, — совершила преступление, можно сказать, в результате цепи случайностей, но случайностей очень характерных. Аня дала деньги в долг своей родственнице, чтобы помочь ей возместить растрату. Но та предпочла скрыться от судебного преследования, купив себе новый паспорт и другие документы. Ане она сказала, что взятые займы деньги оставила у такой-то тети Симы. С тем родственница и скрылась окончательно, Аня же поехала выручать свои денежки. Для этого ей пришлось взять на работе отгул, а раз так, действия свои она начала с того, что немного выпила. Приехала к тете Симе, а той дома нет, замок на двери: «Поехала, говорят соседи, в лагерь, к сыну на свидание». Аня нашла соседку, у которой был оставлен тетей Симой ключ, и они вдвоем открыли запертый чужой дом и стали искать Анины деньги. Денег не нашли, зато нашли бутылку самогону. Выпили, конечно. После этого Аня решила вместо своих денег забрать тети-Симины вещи на ту же сумму: платки, отрезы, одеяло связала в узел и увезла. Пока она добралась до дому, хмель выветрился. Но Аня решила вещи не отдавать (стыдно же), а спрятать их на чердаке.

Тетя Сима, вернувшись со свидания, нашла дом разграбленным. Доверенная соседка указала на Аню: мол, за своими деньгами явилась. «Какие деньги?! Никаких денег не знаю, никто мне не оставял», — и заявление в милицию. Милиция находит Симины вещи на чердаке, возбуждает дело. Пока идет следствие, Аню до суда оставляют на свободе (может, из уважения к заслуженному отцу). «Ну, я вижу, мне все равно сидеть, и делаю на работе преступление — растрату». Кроме того, наступила осень — грибной сезон. И Аня, получив повестку явиться к следователю, вместо того отправляется по грибы.

Вернулась — лежит вторая повестка. «А что я скажу, почему в тот раз не явилась? Я и в этот раз не пошла». Взяли голубушку и посадили в тюрьму до суда. Тут и растрата обнаружилась. Суд, срок — пять лет лагерей. Дочь взяли к себе бабушка с бабушкой, муж пять лет ждать не станет. Прежней жизни конец, и Аня думает уже не о ней, а как бы в лагере получше устроиться, «хорошо бы в пищеблок».

За все время пути со мной вместе оказались две настоящие уголовницы, принадлежащие к преступному миру. Это были очень колоритные личности — Римма Волкова и Жанна Котовская. Римму я раньше услышала, чем увидела.

Дело было так. На Свердловской пересылке хорошо налажена связь между камерами: бесперебойно работает тюремный «телефон». Узнав об этом, я захотела поговорить с Павлом Литвиновым, и Аня взялась мне помочь. Мы с ней пробрались на нары за спинами женщин, сидящих лицом к двери, и Аня несколько раз ударила кружкой по отопительной трубе, которая проходит через все камеры на нашем этаже. Потом она приложила кружку доньшком к трубе и стала кричать в нее: «Пять-ноль, пять-ноль! Вызывает пять-три. Московский эта-ап пришел? Пашку из Москвы на трубочку! Из Москвы Па-ашку-у!» Она отдала мне кружку, и мы с Павлом немного поговорили (скажешь что-нибудь в кружку, потом перевернешь ее доньшком к уху и слушаешь, хорошо слышно). Павел сказал, что ему нельзя долго разговаривать, потому что в камере очень тесно и к трубе очень трудно подобраться.

В разговоре соблюдалась очередь — слышался чей-то голос: «Пять-три, после тебя я поговорю, пять-один». — «Погоди, я заканчиваю». И вдруг всех покрыл низкий женский голос — сначала трехэтажным матом, а потом внятно: «А ну, все от трубочки! Римма Волкова говорит». Не знаю, как другие абоненты, а я невольно откачнулась и разговора не слышала.

А когда нас вызвали на этап и затолкали в бокс, в тесноте, темноте и дыму я снова услышала тот же властный голос. Римма рассказывала какую-то свою героическую историю — историю очередной интеллектуальной победы над милицией, следователем и судом. Молоденькие девчонки слушали ее с подбострастием, ахали, поддакивали и склонялись перед ней, насколько это позволяла скученность. Вокруг Риммы даже образовалось подобие свободного пространства — или же такое впечатление создавалось ее осанкой, свободной позой, экспрессией рассказа. Римма была высокая, худощавая женщина сорока лет, с очень волевым, выразительным лицом, которое не портили

резкие глубокие складки. Здесь она чувствовала себя самой главной, главной по заслугам и по опыту.

Но потом нас перегнали в этапную камеру. Боже, какая грязь! Не только пол, но и нары покрыты слоем селечных внутренностей (сюда заключенным перед отправкой дают дорожный паек, и все норовят очистить селедку заранее). Я, как всегда, взобралась на верхние нары, очистив себе небольшой кусок площади. Да наверху и было немного почище. Мои спутницы-тунейдки тоже залезли наверх, здесь же разместились еще несколько женщин. Остальные кое-как устраивались внизу. Римма Волкова нигде не устраивалась. Она ходила по камере, как тигр по клетке, и ни на кого не глядела, и даже походка ее выражала возмущение и оскорбленное достоинство.

— Римма, иди к нам, здесь место есть, — позвали сверху.

— Очень нужно!

Я поняла: по тюремным уголовным правилам, это она, главная, царица, первая должна была занять место — наверху, конечно, — и выбрать, кому позволено поместиться рядом с ней. А тут ее, Римму Волкову, какие-то соплюшки с первой судимостью приглашают. Если б они хоть понимали закон, а то от души приглашают, как хозяйки.

Тем временем тунейдки разложили свои вещи, достали какую-то свою провизию. Снова позвали Римму, и снова она гордо отказалась, хотя у нее, как и у меня, своей еды не было.

Подзакусив, тунейдки стали наводить красоту: достали зеркальца, помаду, кремы какие-то. И тут Римма не выдержала. Без приглашений влезла на нары: «А ну, девочки, дайте зеркальце. Сто лет себя в зеркале не видела».

Жанна Котовская попала в наш этап по пути из Новосибирска в Иркутск, доехала с нами до Тайшета. Два года назад она бежала из лагеря где-то под Тайшетом, бежала зимой, прошла на лыжах 40 км. Поймали ее случайно: в какой-то внутренней бандитской стычке противник пробил ей голову, — и Жанна досталась милиции. В этап она попала с обритой головой в шрамах, но уже без повязки. У Жанны не было той блатной фанаберии, что у Риммы, но и она с презрением смотрела на своих попутчиц, на их мелочные ссоры, суетливость, дорожные романы с мужчинами из соседней камеры. Она и сама вступила в любовную переписку с соседом — но надо было видеть, с какой ленивой иронией она отвечала на его горячие признания: «Люблю, дорогой, люблю до гроба. Сейчас тебе кисет сошью на память. Не волнуйся, до Тайшета я твоя и ничья больше».

Надо сказать, что ко мне, в отличие от моих попутчиц, обе эти женщины относились как к равной, узнав, что я «политическая». Вроде бы признавали за мной такие же права — например, право на независимый выбор места в камере. Жанна только не одобряла мое отношение к попутчицам: «Ты их жалеешь, а это же псы, ты посмотри, грызутся, как собаки». Я спросила, не полячка ли она; оказалось — да, полячка, из поляков, сосланных в Сибирь в прошлом веке после польского восстания. Жанну сняли с нашего этапа в Тайшете.

На одной пересылке я оказалась на нарах рядом с цыганкой. Ей было 45 лет (а на вид — лет 60), и ее общий лагерный срок составлял 30 лет. Ей показалось, что я ей не верю, и она предъявила мне свой приговор, где были перечислены все ее судимости.

В основном же камеры наполнены женщинами с первой судимостью. Вот убийца, женщина за сорок. Она убила своего мужа, от которого имела троих детей. Она производила впечатление спокойного, уравновешенного человека. «Нет, — говорила она, — я не жалею. Он пил, бил меня и детей». Никогда бы не подумала, что она способна убить. Срок она получила восемь лет.

Девчонка-шофер Валя успела на воле отпраздновать девятнадцатилетие: собралась компания, погуляли, «потянуло на подвиги» — они пошли добывать выпивку, взломали магазин, здесь же и выпили, и закусили; и заснули; здесь же их и взяли. Именинница получила два года.

Большинство заключенных-женщин осуждено за разного рода хозяйственные преступления: за спекуляцию, растраты и т.п. У них на воле остались семьи, дети; все это грозит разрушиться, пока женщины будут отбывать срок. Многие из них говорят: «Я не виновата, меня неправильно осудили». Но пусть это неправда, пусть суд был правый — зачем таких женщин сажать в лагерь? У нее вон три малолетних сына на воле, один грудной при ней, в тюрьме (много ли она наработает в лагере для «мамочек»?). Муж, дом, хозяйство. А сроку восемь лет за растрату (не то за хищение). За эти восемь лет муж сопьется, хозяйство развалится, дети без присмотра вырастут потенциальными преступниками. Ну, назначили бы ей выплатить растроченное, ну, запретили бы занимать соответствующие должности... Одну такую заключенную везли с нашим этапом от Свердловска до Новосибирска. Ее этапировали с грудным ребенком в третий раз: сначала из тюрьмы в лагерь, потом возили из лагеря на суд свидетелем, а с нами она снова

возвращалась в лагерь для «мамочек». В Свердловске родные хотели взять ребенка (ему уже девять месяцев), но им не разрешили, потому что ребенок числится за лагерем; пусть туда едут и заберут. Эта женщина была заведующей и продавцом магазина, рассказанная ею история совершенно подобна той, которую описал Распутин в повести «Деньги для Марии».

И вот она с ребенком едет за решеткой, ее охраняет конвой, ее везут в *воронке*. Правда, она в несколько лучших условиях, чем другие заключенные. Ее помещают в вагонзак в отдельную камеру; на пересылке тоже поместят не в общую, а в больничную камеру. На дорогу выдается бутылочка молока; ребенок не ел в дороге, и в Новосибирске она отдала это молоко нам — не молоко, а забеленная водичка. По закону ей также полагается удвоенная, т.е. двухчасовая, прогулка, но какие там прогулки в этапе! Мальчик выглядел не истощенным, только таким же бледным, землистого цвета, как и все мы, взрослые.

Другая «мамка» была в нашей камере уже без ребенка: приехала в лагерь ее сестра и забрала годовалую девочку к себе. Эта «мамка» — татарка из Москвы, рассказывала мне, как она рожала в тюрьме. Роды начались у нее на другой день после суда. А в Бутырской тюрьме родильного отделения, конечно, нет; ее погрузили в *воронку* вместе с тюремной сестрой и повезли в гражданский роддом. Пока отпирали тюремные ворота, она и родила тут же, в *воронке*. «Сестра говорит шоферу, чтобы не выезжал, а я кричу: вези, вези в роддом! Шофер хороший попался — повез». Заключенную после родов сразу со стола везут в тюрьму, в больничку. А пока она в родильном отделении, за дверью дежурит конвоир. Эту же привезли в роддом уже с ребенком. Врач ее берет на стол, а сестра требует отправить обратно. «Врач тоже хороший человек попался, не отдал. У нас, говорит, здесь нет заключенных, у нас здесь матери». И хорошо, что оставили: через несколько часов у нее началось кровотечение. Сутки она пролежала в нормальных условиях, и сутки в коридоре стерег ее конвоир. Ну, а потом все же отвезли в Бутырки.

Эта женщина получила пять лет лагерей строгого режима за спекуляцию коврами. Но для «мамок» нет строгого режима, и два года, пока ребенок может находиться при ней (после двух лет ребенка отправляют в детдом), она могла быть в более легких условиях; она же предпочла отдать девочку сестре. «Нет уж, — говорила она, — лучше мне в строгий лагерь,

чем ребенку здесь быть. И сама измучаешься, глядя на него, и ребенка загубишь».

Видела я во время этапа и других детей — девочек-подростков, попавших в тюрьму за собственные преступления. Это самое тягостное из всех моих тюремных впечатлений.

В Свердловске в нашей камере было три девочки, которых по достижении восемнадцати лет переводили из детской колонии в лагерь. Вообще-то восемнадцать — уже не детский возраст; но эти трое выглядели совсем детьми: и роста небольшого, и, видимо, в общем физическом развитии отстали, и поведение инфантильное, представления о жизни отвлеченные, схематичные. Еще бы, ведь они по три-четыре года уже провели в заключении. Две из них были угрюмые, подавленные, а третья — Лида — держалась свободнее, оживленнее. Это была очень милостивая девочка с красивыми волосами, одетая, как и ее подруги, в казенное лагерное платье, но как-то так ушитое, подогнанное, что оно не казалось безнадежно убогим. На ногах у всех троих были тяжеленные грубые лагерные ботинки. Лида повадилась каждое утро приходиться ко мне «поговорить». Она болтала, пересказывала мне прочитанные романы (между прочим, прочла она в колонии довольно много книг), сплетничала про подругу: «Вы с ней, тетя Лариса, не разговаривайте, она вредная. Она в СВП была, на меня 40 браней записала», — это значит, что девочка была лагерной активисткой, доносчицей, записывала, кто сколько раз выругается матом. Лида, со своим ангельским личиком, материлась через каждое слово. Срок она получила за ограбление квартиры. Она была членом банды с 12 лет.

— Лида, у тебя через полгода срок кончается, домой вернешься. Ты уж постарайся больше не попадать — ведь в лагере мало хорошего, да?

— Чего уж хорошего! Я и сама не хочу. Но когда вернусь — нет, я за себя не ручаюсь, не ручаюсь.

Вторая девочка, Лидина супротивница, дожидалась, пока Лида уйдет, и тоже подходила. Она, видно, твердо взяла в голову, что надо бросить плохие дела и учиться. В колонии она кончила десятилетку — «а теперь в лагере в институт поступлю».

— Милая, какой в лагере институт! Ты уж планируй на потом, когда освободишься.

— Воспитательница сказала, что можно в лагере. Я для того и в СВП пошла...

Третьей девочке восемнадцати еще не было. Она сама упростила, добилась, чтобы ее отправили во взрослую зону вместе с Лидой: у них была любовь, и она не хотела расставаться со своей возлюбленной. Временами они и здесь, в общей пересыльной камере, предавались лесбийской любви. Тогда шофер Валя останавливалась против их нар: «Гляди-ка, чего делают! Ну, ты, кобёл, прекрати!» Эта девочка только теперь узнала, что их с Лидой отправят в разные лагеря; а тогда зачем же она вырвалась из детской колонии? И она писала заявления, чтобы ее вернули обратно как малолетку; просила, чтобы пришел «воспитатель». Какой «воспитатель» в пересыльной тюрьме?

Лиду взяли на этап вместе со мной. Нас бывели в коридор, закрыли за нами дверь-решетку. И подруга Лиды стали биться об эту решетку, как птичка. До первого этажа нас провожал ее крик: «Лида! Лида! Лида!..»

А в Новосибирске я встретила с девочками, которых отправляли в детскую колонию. Наш этап втокнули в камеру и закрыли за нами дверь, а мы так и остались стоять у порога. Вначале трудно было что-нибудь разглядеть. Камера тонула в сизом дыму, в промозглом холодном душном тумане, через который еле пробивался красноватый свет лампочки. Хотя был полдень, но от окна тоже не исходило никакого света: одинарное зарешеченное окно наглухо заросло ином, к тому же часть рамы была выбита и заткнута подушкой. Ступить вперед было боязно: под ногами ощущалась липкая мокрая грязь. Слева от двери находился унитаз, из него-то, видимо, и текло. А справа вдоль стены от двери до окна тянулись, как обычно, двухъярусные нары. На нарах, а также и под нарами смутно белели обращенные к нам лица — обитатели камеры рассматривали новеньких.

— Тетя, лезьте к нам, мы подвинемся, — окликнули меня с верхних нар.

Я полезла наверх; таким же образом была выбрана девочка Люба из нашего этапа, а остальным места не нашлось, и они продолжали стоять у двери, пока надзиратель не увел их в другую камеру.

Когда мои глаза привыкли к полутьме, я увидела, что не только мои ближайшие соседки, а все заключенные в камере, и на верхних нарах, и на нижних, и под ними на полу — девочки на вид от 13-ти до 17-ти лет. Их было здесь человек тридцать. Девочки, которые подвинулись, чтобы дать мне место, познакомились со мной. Одну звали Нина, другую Роза. Нина

была угрюмая некрасивая девочка немного дегенеративного типа: с тяжелой нижней челюстью, низким лбом, с большой головой на короткой шее. Расспрашивая ее, я узнала, что она из большой семьи, родители — рабочие, она из детей старшая. Она пошла работать на завод с 14-ти лет (оказалось, что ей 15; а по внешности и по развитию больше 13-ти не дашь). Познакомилась с плохой компанией, участвовала в уличных ограблениях. Нина очень переживала свое падение, никого не винила, кроме себя.

Розу расспрашивать не пришлось: она взяла инициативу в свои руки и сама задавала мне вопросы. Впрочем, ее интересовала одна тема — замужем ли я, есть ли у меня дети. Ах, есть сын! Как его зовут? Дайте адресочек для переписки. Она ввела меня в круг событий в камере: вчера здесь был большой бой (причина и повод остались неизвестны), побежденных скинули с нар — теперь вон они, под нарами; победители завоевали себе выгодное жизненное пространство — верхние нары; а нижние занимает болото, инертная масса.

— Тетя, у вас есть курить?

Я, поборов скупердяйство (ведь сейчас расхватают), достала пачку сигарет: «Последняя (а на самом деле это была предпоследняя пачка; последнюю я припрятала подальше, чтоб курить в дороге, где охотниц до чужих сигарет все же меньше). Бери». Несколько рук потянулись к сигаретам; Роза вежливо вытащила одну. «Вообще-то, тетя, у нас махорка есть, целый мешок. Тут одна тетка вредная была, жадная, мы у нее ночью мешок махорки украли. Ух, кричала на нас утром! А вы, видно, что не жадная. Вот возьмите махорку, больше берите на дорогу». Так она меня посрамила, эта Роза! Взяла я у нее ворованную махорку, которую дотянула до конца этапа.

Между прочей болтовней Роза и о себе что-то сказала, но так сбивчиво, так мимоходом, как о чем-то совершенно несущественном. Вот она я, здесь, сейчас, а что было раньше — зачем? «Все, что было, позабыла, все, что будет, забудет». Было в ней действительно что-то цыганистое: черные кудрявые волосы, блестящие живые глаза. Родителей у нее нет, жила у дяди с тетей, где-то на востоке; из дому сбежала. Может, цыганка и есть? Но хватки совершенно не цыганские. Розе лет не то 14, не то 15. А за что посадили — не знаю.

Третья девочка в углу, около самого окна, — тех же лет, кажется, Дина, не помню точно. В ней нет ни легкомыслия, как у Розы, ни угрюмости, как у Нины. Она охотно вступила в разговор со мной, при этом держалась так независимо, спо-

койно, достойно, что казалась взрослым человеком. Она много книг читала — классику; читала по-настоящему, не поверхностно. Совершенно не похожа на преступницу. Ограбление квартиры. Я была поражена: «Как это может быть? Что тебя толкнуло?.. Ты могла бы учиться...» — «Конечно, могла бы. А зачем?»

Надо сказать, что речь девочек-заключенных (кроме Дины) я привожу в цензурированном виде. Конечно, это был сплошной мат; казалось, что они других слов не знают вообще. «Махорку с...дили» — это просто термин, равноправный с «украли». Мат слышался со всех сторон, на всех уровнях: и под потолком, и посередине, и с пола доносились те же выражения. Они так естественно звучали в «невинных детских устах», что я почти перестала их замечать, переключилась на этот язык. Но когда в камере вспыхивали ссоры (а они неизбежно и внезапно возникают в любой уголовной камере — здесь, в «детской», чаще и яростнее, чем во взрослых) — когда вспыхивали ссоры, матерные слова использовались в своей основной функции, т.е. как брань. И нигде, никогда, даже в перебранке уголовников-мужчин с конвоем, я не слышала такой грязной, такой омерзительной ругани. Девочки в минуты откровенности рассказывали, видно, в камере всю свою подноготную — и вот эти знания шли в ход, бранные слова в конкретном контексте возрождались в своем первоначальном, так сказать, словарном значении, каждое выражение становилось картиной: кто, когда, где, кого и каким способом. Это было ужасно слышать.

Потом начались танцы. Девочки на верхних нарах — т.е. рядом со мной — танцевали что-то вроде твиста под самодеятельную музыку. Одна-две танцуют, их движения утрированы, нарочито обезображены, в них проявляется все та же грязно-сексуальная подоплека. Остальные в соответствующем ритме выкрикивают песню, матерные слова в ней снова лишены эмоционального оттенка, остался лишь их прямой смысл.

Это была какая-то фантасмагория. Дымный, серый, плотный, промозглый воздух, в котором сочится красноватый тусклый электрический свет; окно, заткнутое серой подушкой, — впрочем, оно далеко от лампочки, и его почти не видно; протянутые над нарами веревочки, на которых висит — и не сохнет — какое-то бельишко; сопение и возня в темноте под нарами и на нижнем ярусе; и эта пляска под потолком, и выкрики, слова, которые не уходят, висят здесь же вместе с дымом...

Может быть, к камере снаружи подходил надзиратель, может быть, он призывал к приличествующей тюрьме тишине — ничего этого слышно не было, запертая дверь отделяла камеру от всего мира. День ли еще был или ночь, до или после отбоя — узнать невозможно. Вот когда раздатчик принесет хлеб — тогда, значит, утро.

Девочки нескоро угомонились — но все равно сном и не пахло. Шли обсуждения «за жизнь», девочки разбились на группки. Поблизости от меня шестнадцатилетняя девушка советовалась с другими, как ей быть. Она беременна, уже на пятом месяце. Ее отправляют в детскую колонию, это-то хорошо, лучше, чем взрослый лагерь. Но если узнают о беременности, во-первых, в детскую колонию не пошлют, во-вторых, будут заставлять сделать аборт, «а я назло Петьке (или Федьке, или Ваське) рожу, пусть знает, падла», — и т.д., и т.п. Слушательницы советовали ей разное, то одно, то другое — противоположное, в зависимости от того, какую точку зрения принимала в данный момент сама рассказчица.

На дальнем конце нар моя попутчица тунейдка Люба *заливала* о своей легкой жизни в Москве. У моей соседки Нины началась истерика. Сначала она тихо плакала, потом стала всхлипывать громко, тяжелыми стонами. Некоторые девочки, слышавшие рыдания Нины, на секунду отрывались от своих разговоров и что-нибудь говорили ей: «Не расстраивайся заранее, еще успеешь!», «Ну хватит! Сейчас все тут будем рвать — нам, что ли, лучше, чем тебе?», «Мамочку вспомнила?» Конечно, из-за этих реплик Нина рыдала еще сильнее. Впрочем, девочки реагировали на истерику не очень горячо; видно, для них такие сцены не были чем-то необычным.

Я протянула руку и стала гладить Нину по голове, успокаивая ее. Она постепенно затихла. Но тут Роза ткнулась мне в бок с правой стороны. Она ввинтила свою голову мне под правую руку, и мне ничего не оставалось, кроме как погладить и ее черные кудри. Она замерла. В ногах у нас присели еще две девочки и глядели на моих соседок с завистью. «Тетя Лариса, и меня погладьте», — попросила одна. Девочки поползли ко мне со всех сторон, как котята к кошке. Даже Дина не удержалась, ей тоже захотелось получить долю ласки.

Я не знаю, какова обстановка в детской колонии, куда попадают такие вот подростки. Судя по рассказам моих свердловских сокамерниц — Лиды и других двух, — во всяком случае формальная, казенная, лишённая всякого тепла. Достаточно вспомнить хотя бы тяжелые грубые ботинки, в которые все

они были обуты. Возможно, есть исключения в лучшую сторону, есть исключения в худшую. А пока они еще доберутся до колонии, насидятся в таких вот тюрьмах, пересыльных камерах, как эта. Как там будут их кормить в колонии — тоже вопрос (свердловские «малолетки» выглядели не истощенными, но сильно отставшими в физическом развитии); а здесь — голодно, девочки съедают всю свою дневную хлебную пайку с утра, в обед вылизывают алюминиевые миски, просят добавки этих помоев, но кто ж им даст добавки!

А грязь! Как и прочих арестантов, девочек водят в баню раз в десять дней, мыла выдают крошечный кусочек (как я пожалела, что не взяла в этап ком мыла, подаренный мне лефортовской сокамерницей!). При менструации женщинам в тюрьме выдают — с большой неохотой, по указанию врача — две-три небольших тряпицы, и уж в следующий месяц не проси — получила, что положено. А на пересылке и вовсе ничего не дадут, к врачу не пробьешься. Помыться в пересыльной камере негде, даже лицо ополоснуть рядом со зловонным унитазом противно.

И никому до этих малолетних арестанток нет дела (как и до всех прочих заключенных на пересылке). Редко-редко на пороге камеры появляется надзиратель только для того, чтобы привычным ему способом — угрожающе и матерно, на понятном девочкам языке — призвать их к порядку и тишине. Девочки ловко отбивают подачу, и через минуту надзиратель, обложенный матом со всех сторон, поскорее запирает дверь снаружи.

В Новосибирске я жила с 1964 по 1965 год. Академгородок с его институтами, университетом, клубом «Под интегралом», белками на улицах, советом молодых ученых, с проблемными лекциями и семинарами на темы этики и морали, с концертами филармонии и приемами зарубежных коллег — это чрезвычайно выигрышное для показухи место. СОАН организовало в Академгородке питомник юных научных дарований — Новосибирскую физматшколу, и ежегодно проводится мероприятие под девизом «Ищем таланты»: отбор способных школьников по всей Сибири и Средней Азии. С учениками физматшколы занимаются академики, нестандартные воспитатели стараются создать в общежитии атмосферу домашнего уюта... Нет, я вовсе не хочу сейчас опорочить это дело. Замечательно, что девочка из какой-нибудь Тынды, из рабочей семьи, получает в ФМШ в достатке и витамины, жиры, белки, углево-

ды, и пищу для развития интеллекта, и стимул к творчеству. Прекрасно.

Ну, а если бы эта девочка оказалась не столь одаренной? Или случайно не решила бы задачку на конкурсе? Если бы жизнь подсунула ей совсем другие задачи, с которыми она не справилась бы? Тогда для нее нашлось бы место в соседнем питомнике — в камере на Новосибирской пересылке. Вот бы там побеседовали с ней академики из СОАН!

Путешествие под конвоем тянулось и тянулось — в общей сложности путь от Москвы из Лефортова до Чунского КПЗ занял три недели (поездом, по билету, от Москвы до Чуны ехать 84 часа). Новых впечатлений не было. Возможно, я и сама была не в состоянии воспринимать их, как-то оступела. Сидишь в камере — ни книг, ни газет; окно зарешечено, покрыто толстым слоем наледи, да и высоко — ничего не видно, даже толком не поймешь, день или ночь на дворе; в самой камере постоянные сумерки, потому что маленькая лампочка не может осветить дымное, смрадное помещение. В вагоне окна только в коридоре, да и те по инструкции задернуты занавесками. *Воронок* — машина без окон, везет тебя по городу, и не знаешь, что за город, если конвой не проболтается. Правда, однажды мне удалось увидеть через глазок бокса и насквозь через приоткрытую дверь тамбура для конвоя, что едем по мосту, а под ним дымится, исходит туманом река; я догадалась, что Ангара (она не замерзает ни при каких морозах) и что, стало быть, мы в Иркутске. Словом, три недели этапа могли бы заменить космонавтам испытание на бездействие (если такие испытания проводятся) и на пребывание в ограниченном замкнутом пространстве, а заодно и на психологическую совместимость.

После Новосибирска с малолетками мне запомнилась еще только камера в Иркутске — сама камера, помещение. К тому времени нас, попутниц из Москвы, осталось шестеро: по пути оставили двоих, кому определен был Красноярский край. Для нас нашлось отдельное небольшое помещение — наверное, это был пустовавший в тот момент изолятор для больных: он находился рядом с комнатой медсестры, и в нем были не нары, а две двухъярусные кровати; и стены не бурой масляной краской крашены, а выбелены известкой; и рамы в оконце двойные. Одна беда — это помещение не отапливалось. Бетонные пол, стены, потолок, железные кровати были накалены от мороза, оконце заросло толстым слоем льда. Когда нас туда втолк-

нули, у нас зуб на зуб не попадал от холода. Но через несколько часов мы согрели камеру своим теплом и дыханием, и тогда со стен, с потолка, с окна потекла вода: камера стала оттаивать. Сразу вся наша одежда стала волглой, да еще с окна сочится ручеек прямо на кровати. Спальных мест четыре, но обнаружили два деревянных щита, которые мы перекинули с кровати на кровать тоже в два яруса, и как раз под окном. Вместо унитаза здесь стояла параша, никакого умывальника вообще не было; и стола не было тоже. Какая-то некомплектная камера. Здесь нас продержали неделю. Чтобы хоть раз в день немного согреться, я каждый вечер вызывалась мыть полы в коридоре и на лестнице. Я не торопилась, старалась подольше не возвращаться в свою камеру. Тюремный коридор казался мне тогда вершиной комфорта.

30 декабря вечером меня и бабу Шуру вызвали на этап, в конце которго была Чуна: я приближалась к месту своего назначения.

Как всегда, нам выдали продукты на дорогу, и по их количеству (на каждого из нас одна селедка, с полбуханки черного хлеба, 15 г сахару) мы догадались, что в пути пробудем сутки. А там, в Чуне, нас обеих сразу же должны освободить: баба Шура — тунейдка, едет как бы и не этапом, а у меня в приговоре сказано «...освободить из-под стражи по прибытии на место ссылки». (Вообще-то это есть грубое нарушение законодательства, так как, согласно УК, «лица, приговоренные к наказанию, не связанному с лишением свободы, освобождаются из-под стражи в зале суда». Но никого еще, кроме Мальвы Ланды, не отправляли в ссылку иначе, как по этапу. Протесты не помогают, на них просто не отвечают.)

Итак, не более чем через сутки я буду освобождена. Ох, что-то не верится: сутки в дороге, приедем 31 декабря к вечеру — это же Новый год, все сидят за накрытыми столами, кто нас будет освобождать? А если освободят — куда я денусь? Ни души не знаю в этой Чуне, в кармане ни копейки...

Пока едем, об этом не очень-то задумываюсь. Там видно будет. — Наверное, у арестанта вырабатывается психология безответственности по отношению к самому себе, все равно ведь он не может ничего решить, ничего изменить в своем завтрашнем дне.

Наш вагонзак прицеплен к составу «Иркутск—Усть-Илим», который идет до Тайшета (а мы его уже один раз проезжали в этапе от Новосибирска) по Восточно-Сибирской магистрали, а там сворачивай опять на восток, на нынешний БАМ. По этой

ветке он ползет еле-еле, часто останавливается, стоит подолгу на всяких разъездах. И довольно часто происходит *обмен* (термин конвоя): одних заключенных высаживают, принимают новых. Значит, здесь по-прежнему немало лагерей. Но лагеря, должно быть, не очень большие, потому что вагон не набит битком, как на главной магистрали. Теперь в нем не душно, а наоборот, очень холодно, и чем дальше, тем холоднее.

Селедку мы с бабой Шурой съели, сахар тоже, а хлеба немного я на всякий случай оставила. Хорошо хоть курева нам обеим хватает — спасибо девчонкам за ворованную махорку.

Последние часы в вагонзаке особенно томительны, все-таки, видно я надеялась на освобождение в этот же день. Но проносится слух, что поезд опаздывает (здесь поезда всегда опаздывают на неопределенное время), значит, приедем совсем поздно вечером. Нет, не освободят...

В Чуне нас на станции ждет *воронок* — не тюремный закрытый грузовик, а милицейский УАЗик. И везут только нас двоих, так что чувствуем себя почти в такси. Три минуты — и уже нас принимает от конвоя дежурный милиционер, расписывается в получении — и отправляет в камеру КПЗ.

КПЗ не отапливается. Это тоже вовсе не специальное издевательство, просто сломалось отопление. Ну, не исправили, так, во-первых, не к спеху, во-вторых, дни-то предпраздничные, все слесари, небось, пьют уже с неделю. К тому же в КПЗ почти нет арестантов, заняты только две-три камеры, да вот нас привели в четвертую.

В комнате дежурного по КПЗ горит электроплитка, и ее хватает, чтобы там было тепло. В коридоре тоже еще можно жить — то ли дверь в помещение милиции, открываясь время от времени, пропускает тепло, то ли из дежурки натекает.

Но нас запирают в камеру. Боже, вот это холодина! Оконце над нарами заросло льдом сантиметров в тридцать толщиной, а от батарей центрального отопления исходит прямо-таки арктическая стужа. Что ж тут делать в этом морозильнике? По совету бабы Шуры я сняла валенки, положила их под голову; сняла теплую шапку и спрятала в нее ноги; сняла телогрейку — одну ее полу подстелила, другой накрылась вся с головой. Баба Шура таким же образом закуталась в свое пальто, и мы скорчились на нарах, прижавшись друг к другу спинами. И сразу уснули.

Вошел дежурный, принес ведро: «Это вам вместо параша. А кормить вас нечем — паек на вас не выписан».

Только снова свернулись клубочками — новое явление. К нам явился сам заместитель начальника милиции — специально ради нас (ради меня, как я потом узнала) ушел из дому от праздничного стола.

— Не знаю, что с вами делать. У вас деньги есть?

— Нет у нас ни копейки, но на счету у меня есть, мне сказали, что деньги вложены в конверт с моим делом.

— Не-ет, это они из тюрьмы по почте перешлют, не считывайте, что скоро. (Действительно, деньги со счета прибыли через полгода, в июле.) Были бы у вас деньги, я бы вас в гостиницу устроил. А так мне вас некуда девать, не на улицу же. (Это тоже проявление особого внимания. Обычно милицию не интересуется, куда денется прибывший ссыльный. Приняли, объяснили правила поведения, назначили дни для отметок — и катись, куда хочешь, с деньгами или без них.) Придется вам дня два, пока праздники, побыть здесь.

Тон у него был чуть ли не извиняющийся, вид довольно смущенный. Но явно не из-за того, что он нарушил приговор суда, продлив мне пребывание под стражей. Просто он еще не сориентировался, как надо вести себя с политической ссыльной, относительно которой поступили специальные указания об особом наблюдении.

Это не догадка, я точно знаю, что такие указания были: Чуна — поселок небольшой. Когда, например, приехал сын по-видаться со мной, я узнала, что этот же чин послал свою матушку на вокзал посмотреть, как мы встретимся. Матушка оказалась неподходящим агентом: ее умилила и растрогала наша нежная встреча, и она раззвонила об этом подругам. Но и более квалифицированные сотрудники милиции имеют друзей, а также подруг, перед которыми им хочется похвастать важной миссией.

Итак, несмотря на смущение, начальство отбыло к елке, пирогам и спиртяжке. А мы остались. Он ушел, оставив нам несбыточную мечту о гостинице. Боже мой, там тепло, наверное есть горячая вода — хоть умыться! Постели — простыни, подушка, одеяло...

— Какая я идиотка! У меня в мешке новые теплые ботинки. В любой дом зайди — уж десятку за них дали бы, на гостиницу хватило бы.

— Поздно спохватилась! Ушел. И правда, дура. Ботинки бы продали — чаю купили: чифир бы сварили.

Баба Шура, по ее словам, водку не пьет — «Здоровье не позволяет». Зато, говорит, чифир даже лучше: «выпьешь — так захорошеет...»

Мы пожевали моего хлеба, покурили и снова улеглись. Интересно, который час? Ведь Новый год наступает, а когда — не узнаешь.

Но тут в КПЗ началось оживление. Судя по шуму, доставляли новых арестантов. Некоторые из них скандалили, другие пели; спотыкались в коридоре, падали, и слышно было, как их зашвыривают в камеры. Вскоре явился милиционер и вызвал меня в дежурную часть:

— Вы женщина грамотная, будете понятой. Мы сейчас вот у нее, — он кивнул на пьяную до беспамятства бабу на лавке, — вынем все из карманов и запишем, а вы подпишите. А то потом скажет, что у нее сто рублей было.

В дежурной части было тепло. На стене висели часы: начало двенадцатого.

Я пересчитала поданные мне медяки и подписала протокол. Вслед за пьяной меня отвели в КПЗ.

Минут через пять снова вызвали за тем же. Потом еще. Потом я отказалась идти, хотя очень хотелось в тепло: подумала, что это я, арестованная, в понятия иду? За мной еще два приходили, а потом не стали и звать. Привозили, видно, в основном женщин — слабый пол успевал набраться, не дожидаясь новогоднего тоста.

К утру 1 января все камеры КПЗ, кроме нашей, были набиты битком.

Часа в два ночи к нам снова заглянул дежурный по КПЗ:

— Не спите? Наверное, теперь потише будет: новых не привезут, эти позасыпали. Выходи, подметешь в коридоре, хоть согреешься маленько, — обратился он ко мне.

Я вышла охотно. Подметая, потихоньку заглядывала в глазки. Не во всех камерах спали — в одной заключенный стоял около самой двери, наверное, дожидаясь, когда подметальщица приблизится. Когда я подошла, он прошептал:

— Землячка, покурить не найдется? Я тут который день, и все без курева.

Я пошла к дежурному и попросила, чтобы он передал в эту камеру махорку. Милиционер поворчал, что, мол, не положено, но махорку мою взял и отнес. Это был пожилой дядька, сухощавый, с ефрейторскими складками на худых щеках, какого-то не бравого, не милицейского вида. Он остался в коридоре, пока я не кончила работу, и тогда пригласил меня в дежурку

погреться. Я, признаться, поколебалась: кто знает, что у него на уме? Слыхивали... К тому же от него самогоном попахивает. Но решилась рискнуть.

— Садись, грейся. На вот, выпей и поешь, — и он налил мне стакан самогону из бутылки, спрятанной в столе, и отвалил здоровый кусок домашнего студня.

— Спасибо, только можно я половину отнесу моей сокамернице?

— Я б твоей сокамернице и понюхать не дал. Я ж вижу, ты женщина самостоятельная, а она чифира просила у меня. Видно, такая. Ну, ладно уж, неси ей студня: Новый год. А вина не дам, она ж меня и заложит...

Я отнесла бабе Шуре студень и вернулась в дежурку. Мой мильтон снова подвинул мне стакан:

— Пей, пей! Я сейчас в любой дом зайду — мне еще банку нальют.

Я выпила, поела студня. Милиционер стал расспрашивать, за что меня посадили.

— Политическая.

— А-а. Я ж вижу, что вы самостоятельная женщина. Наверное, и образование у вас есть?

Он рассказал мне, как из колхозника стал милиционером: по благу получил паспорт и справку и уехал «с Запада» куда подальше от этого проклятого колхоза. А чтоб семью вызволить, чтоб отпустили их, пришлось вот в милицию идти. Теперь уж до пенсии недолго осталось...

Я осмеливаюсь написать об этом добром мужике потому, что он, конечно, давно на пенсии, и нет риска, что за написанное здесь его уволят или, того хуже, отправят обратно в его «колхоз».

Я просидела у него в дежурке до утра, а перед тем, как смениться, он отправил меня в камеру, дав с собой чайник кипятку. Баба Шура понимающе подмигнула мне, но упрекнула:

— Дура ты, чифиру принесла бы.

До третьего января просидели мы с бабой Шурой в нашей камере. Отопление все еще некому было чинить. Пайка на нас не выписали, так что когда в коридоре начинали звенеть мисками, разнося арестованным горячую еду, мы старались плотнее накрыть головы, чтобы не слышать бульканья черпака в бидоне с супом. Нам давали только кипяток три раза в день. Хлеб мы весь доели (да сколько его было? вряд ли я оставила больше четверти буханки от своего этапного пайка). Полежим, поспим, покурим — и снова спать.

Третьего пришел тот же начальник и, совершив необходимые формальности, выпустил на «волю»: передвижение в пределах Чунского района, немедленно трудоустроиться на ДОК'е («Видите, чего вы добились? Научный работник — будете доски ворочать»), отмечаться в милиции раз в две недели и т.д.

Мне даже дали адрес, где я могу устроиться на квартиру; дали пять рублей займа, до получения денег от родных; отрядили со мной милиционера — не в качестве конвоира, а провожатым, мешок донести.

Когда я закончила ссылку и освободилась 11 декабря 1971 года, в милиции мне была дана справка, в которой, между прочим, значится: «Освобождена из-под стражи в зале суда»...

***ИССЛЕДОВАНИЯ
И СТАТЬИ***

Н.Петренко

ЛЕНИН В ГОРКАХ — БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

(Источниковедческие заметки)

Ленин скончался 21 января 1924. Смерти предшествовала длительная и тяжелая болезнь, начало которой относят ко второй половине 1921, а наиболее сильные приступы — к 25-27 мая 1922 и 10 марта 1923. Период с 10 марта односторонне и неполно освещен в доступных нам биографиях Ленина, привлекаются далеко не все известные источники.

Отсутствие интереса советских исследователей к теме «предсмертного этапа» отчасти объяснимо.

Суммировать сведения о болезни, выявить возможности Ленина в болезни — уже одно это означало бы, по мнению официальных лениноведов, дискредитацию памяти Ленина. Мировосприятие Ленина последней поры описывается по принятому канону, заранее утверждается, что пограничная ситуация, возникшая в ожидании близкой смерти, не могла внести никаких поправок в его отношение к себе и окружающим. Советские историки предлагают читателю ограниченный и строго ориентированный набор фрагментов из биографии Ленина конечного периода, истолковывая их однозначно и намеренно поверхностно.

Другая часть историков, видимо, не преодолела еще убеждения в том, что Ленин в болезни — «живой труп», не способный к проявлению воли и интеллекта.

Последнее (пред)убеждение может казаться справедливым, пока не приступаешь к поиску источников. Знакомство с ними позволяет несколько уточнить картину.

Основной источник (за небольшим исключением) — советская печать: воспоминания родных Ленина (в первую очередь — Н.К. Крупской); воспоминания медиков, обслуживающего персонала и охраны, а также посетителей Горок; информация о Ленине в заметках и воспоминаниях Троцкого, выступлениях Зиновьева, Каменева, Радека, Бухарина и некоторых других деятелей 1920-х годов; официальная часть содержит правительственные сообщения от 12 марта 1923 и 22 января 1924, 35 бюллетеней о состоянии здоровья Ленина, так называемый «Последний бюллетень», заключение врачей о болезни и смерти Ленина, акт патологоанатомического исследования, материалы Комиссии ЦИК по увековечению памяти Ленина, отдельные выдержки из Истории болезни, некоторые другие документы.

Почти все материалы публиковались первоначально в периодических изданиях, значительная их часть была в 1924-1925 гг. собрана в специальных сборниках (например, «Умер Ленин», «У великой могилы», «Отчего болел и умер В.И. Ленин», «В дни скорби (21-27 января 1924 г.)»).

Выявить весь материал затруднительно. 1920-е гг. представлены в библиографической лениниане относительно хорошо (хотя в указателях 1924-29 целиком расписаны лишь несколько центральных газет; большинство же остальных московских, ленинградских и центральных республиканских газет расписаны только за первые четыре месяца каждого года). Затем в библиографии ленинианы наступил 25-летний перерыв (названия нескольких журнальных публикаций этого времени см. в известной работе Л.А. Левина «Библиография библиографий произведений К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И. Ленина», М., 1961; в его же «К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И. Ленин. Указатель библиографических работ, 1961-1972». М., 1973; и в статье Л.Н. Белан «Библиографирование воспоминаний о В.И. Ленине». — «Советская библиография», 1980, №1, с.35-40). В библиографиях ИМЛ и ГБЛ 1960-х — 1970-х зарегистрирована литература о Ленине с 1954, но, в основном, учитывается центральная периодическая печать, книги и сборники. Имеются республиканские и региональные библиографии, не охватывающие всего СССР.

В трехтомник воспоминаний о Ленине (1957) вошла лишь незначительная их часть, равно как и в пятитомник (1970, 2-е изд. — 1979). В ИМЛ существует картотека воспоминаний за все годы, недоступная большинству исследователей (и в ней, судя по некоторым признакам, имеются пропуски). Недоступны были некоторые книги и сборники 1920-х — 1930-х гг., отдельные номера провинциальной периодики, архивные материалы (ИМЛ, фонд в Горках и др.).

Живых носителей информации о последних месяцах жизни Ленина осталось немного.

Что же можно сделать на основании имеющихся источников? Точнее — что хотелось бы сделать?

1. Выявить и очертить в первом приближении круг источников по теме.

2. Наметить реальную картину болезни (т.е. возможностей Ленина), быта, самовосприятия Ленина, движения его духа.

3. Попытаться реконструировать некоторые эпизоды, отражающие продолжавшееся политическое развитие Ленина.

4. Описать окружение Ленина периода болезни — ближнее и дальнее, поименно и функционально.

5. Представить историографию этого этапа, анализ и генезис легенд, связанных с ним. Поскольку этот генезис в значительной степени связан с именем Сталина, — попытаться понять, какую роль мог играть Сталин (отчасти — и Зиновьев) в развитии этих легенд (а возможно — и в развитии болезни).

Знакомство с источниками вызывает много вопросов. Однозначного ответа во многих случаях дать невозможно. Иногда предлагаем на выбор несколько возможных решений, иногда ограничиваемся постановкой вопроса. Одним из наиболее сложных и, вероятно, документально недоказуемых в принципе является вопрос о роли Сталина в 1923, о Сталине в связи с болезнью Ленина. Даже пользуясь интуитивным представлением об этой роли, легко впасть в ошибку. Но и опускать этот вопрос совершенно было бы небрежностью.

Итак, работа посвящена горкинскому периоду в жизни Ленина — с середины мая 1923 по 21 января 1924.

Сначала дадим картину болезни, затем обратимся к некоторым эпизодам биографии. Жанр заметок, кажется, позволяет нам не слишком строго удерживать себя в рамках темы, обозначенной заголовком каждой отдельной главы. Темы четырех основных разделов переплелись между собой.

1. КАРТИНА БОЛЕЗНИ

Речь Впервые Ленин столкнулся с расстройством речи еще в 1922, после майских приступов. В конце июля — начале августа того же года Ленин делился с Л.Д.

Троцким: «Понимаете, — говорил он с недоумением, — ведь ни говорить, ни писать не мог, пришлось учиться заново»¹. Эпизодически речевая недостаточность сопровождала Ленина и после его возвращения к работе. В октябре-ноябре он участвует в заседаниях СНК, «но в его речи чувствовалась какая-то всех беспокоившая затрудненность»². К ноябрю 1922 относятся последние публичные выступления Ленина. 13 ноября Чет-

¹ Л.Троцкий. *МОЯ ЖИЗНЬ*. Берлин, 1930, с.212.

² А.Луначарский. *ЛЕНИН В СОВНАРКОМЕ*. — «На вахте», 1927, №19, с.5.

вертый конгресс Коминтерна заслушал его речь на немецком языке: слова забывались, Ленин подстегивал себя пощелкиванием пальцев, рядом с трибуной сидели люди, готовые помочь ему вспомнить нужное слово. «У нас сердце замирало, — вспоминал Н.И. Бухарин, — когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой, он был весь мокрый от усталости, рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились /.../»³.

Декабрьские приступы 1922 отразились на речи незначительно, но, чем ближе к 10 марта, тем явственнее сказывались симптомы афазии. В мае 1923 к лечению Ленина был привлечен петроградский невропатолог С.М. Доброгаев, который в своих обширных воспоминаниях, ссылаясь на Историю болезни В.И. Ленина, отметил: «С начала марта периодически обнаруживаются у Владимира Ильича припадки почти полной афазии: больной может произносить только несколько оставшихся в его речевом лексиконе фраз. Так, например, ночью 6/III, во время такого припадка, длившегося часа 3-4, больной в возбуждении мог только говорить короткие сочетания слов: «помогите, ах, черт, йод помог, если это йод»⁴. Медсестра Е.И. Фомина: «перед тем, как он [Ленин] перестал владеть речью, у него в течение 3-х дней были короткие временные затруднения речи /.../»⁵.

Одним из последствий удара 10 марта 1923 явилось практически полное поражение произвольной речи. С этого времени словарь Ленина ограничивался словами: «вот», «иди», «идите», «вези», «веди», «аля-ля» и некоторыми другими, в том числе и на иностранных языках («гут морген»). Все эти речевые остатки произносились больным произвольно, никакой семантической нагрузки не несли, повторялись многократно вне связи с их лексическим содержанием. В последние три-четыре месяца жизни Ленин стал достаточно осознанно пользоваться междометием «вот-вот». Об этом завоевании упомянул посетивший его в конце осени О.А. Пятницкий: «/.../ Ильич стал слушать внимательно и своим единственным словом, которым он хорошо владел: "вот-вот",

³ Н. Бухарин. ПАМЯТИ ИЛЬИЧА. — «Правда», 1925, 21 января.

⁴ С.М. Доброгаев. БОЛЕЗНЬ РЕЧИ В.И. ЛЕНИНА И ЕЕ ЛЕЧЕНИЕ. — «Наша искра», 1925, №1, с.32.

⁵ Е.И. Фомина. В.И. ЛЕНИН В ДНИ БОЛЕЗНИ. — «Прожектор», 1925, №1, с.6. См. также: В.В. Крамер. КАК ПРОТЕКАЛА БОЛЕЗНЬ ИЛЬИЧА. — «Вечерняя Москва», 1924, 24 января.

стал делать замечания во время рассказа /.../»⁶. Незадолго до смерти словарь Ленина пополнился употреблявшимся к месту вопросительным местоимением «что», что позволяло надеяться на успех лечения.

В результате обучения Ленин развил умение копировать словопроизношение, был способен повторить таким же образом небольшой рассказик. Но усвоенный на уроке речевой материал не сохранялся в его памяти, даже при повторении слов происходило застревание на слове или слоге, менялись слоги и звуки, регулярно отмечались случаи вербальной парафазии (вместо «лимон» произносилось «роза») и т.д. Последний месяц жизни Ленина не принес видимых улучшений. В начале января 1924 М.И. Ульянова писала библиотекарю Ленина Ш.Н. Манучарьянц: «/.../ Видела сон: будто Ильич стал говорить /.../, эх, как бы сон был в руку!»⁷.

Хотя медицинские бюллетени говорили лишь о некотором затруднении и расстройстве речи, истинное положение с речью Ленина было вполне очевидным. М.Зенкевич и В.Маяковский поспешили противопоставить физической немоте «тысячестраничный ленинский язык». С подобной метафорической трактовкой были согласны не все. Молчание Ленина нередко объясняли запретами врачей, медицинскими противопоказаниями. Вспоминала П.А. Холодова, в составе делегации рабочих посетившая Горки в ноябре 1923: «В то время врачи запретили Владимиру Ильичу много говорить»⁸. А.Поликашин, специалист по ленинской охоте, оповещал читателей «Бедноты»: «Хотелось говорить, но и тут сдерживала рука внимательного врача»⁹.

Тем не менее, начиная со второй половины 1950-х все чаще встречаются воспоминания, в которых приводятся чуть ли не стенограммы ленинских монологов и бесед последнего периода его жизни. Тематика бесед и реплики Ленина строятся по известному канону и демонстрируют его простоту, внимательность, отзывчивость, человечность. 18 или 19 октября 1923 Ленин напутствует в кремлевском дворе С.П. Бузанова, впоследствии доктора технических наук, профессора Московского института железнодорожного транспорта: «'Желаю, товарищ Бузанов, успехов в

⁶ О.А. Пятницкий. *У ЛЕНИНА В ГОРКАХ*. — В сб.: *ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ* (далее: *ВОСПОМИНАНИЯ*). В пяти томах. Изд. 2-е. М., 1979, т.4, с.455.

⁷ Л.Кунецкая, К.Маштакова. *МАРИЯ УЛЬЯНОВА*. М., 1979, с.229.

⁸ П.А. Холодова. *РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ*. — «Легкая индустрия», 1939, 21 января; опубликовано в сб.: *РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ РОССИИ О ЛЕНИНЕ*. Воспоминания. М., 1958.

⁹ А.Поликашин. *ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА*. — 1929, 24 января.

работе и жизни. Трудно будет — обращайтесь...“ — Владимир Ильич назвал мне фамилии двух товарищей»¹⁰.

Аналогичным образом моделирует речевое поведение Ленина К.И. Гусева, входившая в ту же группу посетителей Горок, что и Холодова: «”Вы кто же, батенька, по профессии?“ — обращается Ленин к одному из участников делегации. — ”Молотобоец я“, — отвечает наш Кузнецов. — ”Сразу видно!“ — смеется Ленин»¹¹.

Достаточно двух-трех некомментируемых воспоминаний, помещенных в массовых изданиях, как вслед за ними возникают очередные. Осенью 1923 в Горки из Англии доставили подарок ЦК компартии Великобритании — автоматическое кресло-коляску. Ленин должен как-то отреагировать на это чудо техники. Его монолог приводит по памяти С.П. Соколов, сотрудник охраны Ленина: «”Вот спасибо английским товарищам /.../. Хорошее кресло. Только мне ведь такого не нужно. Я уж вот какой молодец. Хоть и с палочкой, а хожу. Зачем мне такое кресло“. Он на мгновение задумывается, а потом называет фамилию одного комиссара, потерявшего на фронте обе ноги: ”Вот ему и пошлем это кресло, он-то ведь никогда уже не будет ходить. А мне и этого пока хватит“. И он показывает на старенькое потертое кресло с порванной местами клеенкой»¹².

Воспоминания о Ленине проходят до публикации долгий путь. Их обязаны визировать ИМЛ, его филиалы [см. пост. ЦК ВКП(б) (Пр., 4.4.1925) и разъяснение Ин-та Ленина (ib, 12.2.27)]. Наивная фальсификация материалов очевидна, но полагают, что субъективно авторы подобных воспоминаний более чем правы, — и сотрудники ИМЛ предпочитают рекомендовать к печати якобы «возвышающий обман», например С.П. Бузанова, в то время как существует редакция воспоминаний того же автора, где Ленин при встрече не говорит ни слова, а лишь в знак приветствия машет рукой¹³; о том, что почти невероятна сама встреча, умолчим.

Нет также никаких оснований полагать даже приближенным к истине слух 20-х годов, что к октябрю 1923 речь Ленина была восстановлена, а затем вновь утрачена в результате некоего инцидента в Кремле¹⁴, где Ленин в последний раз побывал

¹⁰ С.П. Бузанов. *НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ*. — В сб.: *ВЕЛИКИЙ ДРУГ МОЛОДЕЖИ*. М., 1980, с.271. Ранее: «Знание — сила», 1957, №4, с.2.

¹¹ К.И. Гусева. *ПОДАРОК ИЛЬИЧУ*. — В сб.: *РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ РОССИИ О ЛЕНИНЕ*. Воспоминания. М., 1958, с.334.

¹² С.Соколов. *БЕССМЕРТЬЕ*. Воспоминания. — «Кубань», 1968, №4, с.15-16.

¹³ См.: «Гудок», 1957, 22 апреля.

¹⁴ См.: Н.Валентинов (Вольский). *НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И КРИЗИС ПАРТИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛЕНИНА*. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. Stanford, California, 1971, с.60-62.

18-19 октября. В некоторых состояниях люди, потерявшие речь, способны к активному словопроизношению, но происходит оно, как правило, бессознательно и не является каким бы то ни было показателем выздоровления. В речевой памяти Ленина застряло несколько знаменательных слов. Доктор Розанов приводит некоторые из них: «Ллойд Джордж», «конференция», «невозможность» — и поясняет, что высказывали они «совершенно неожиданно»¹⁵. Подобного рода речевые остатки могут служить материалом для реконструкции сознания Ленина в период до заболевания, а неподготовленный свидетель их произнесения может пойти по неверному пути, что, видимо, и произошло, и дало основание слухам. Не исключено, что среди речевых остатков могли быть и некоторые «ругательные» слова, а их толкование может быть чрезвычайно широко.

Еще одним источником слухов о восстановленной ленинской речи могло явиться выступление наркомздрава Н.А. Семашко 19 октября 1923 в одесском цирке на общегородском партийном собрании. Отвечая на вопросы о здоровье Ленина, Семашко сказал: «Речь его настолько улучшилась, что он почти совершенно свободно говорит. /.../ Ильич шутит, трунит по своему обыкновению над всеми, интересуется общественными делами, чувствуя, что скоро будет принимать в них непосредственное участие /.../. Ильич рвется к работе. Однако нам приходится удерживать его от этого, так как мы чувствуем ответственность за его здоровье не только перед российским, но и перед мировым пролетариатом»¹⁶. Это бесшабашное заявление Семашко опровергается не только октябрьскими выступлениями В.М. Молотова¹⁷ и Г.Е. Зиновьева¹⁸, но и письмом Н.К. Крупской к И.А. Арманд от начала ноября: «Ужасно безответственные сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье В.И. Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, т.ч. теперь будут печататься

¹⁵ В.Н. Розанов. *ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ*. — «Красная новь», 1924, №6, с.158; в сокращенном и купированном виде воспоминания перепечатывались многократно.

¹⁶ «Известия», Одесса, 1923, 20 октября. В кн.: *В.И. ЛЕНИН. БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА* (далее: *БИОХРОНИКА*) (М., 1982, т.12, с.639) выступление Н.А. Семашко по небрежности датировано 20 октября. Там же (с.632) речь К.Радека в Харькове 8 сентября датирована 10 сентября.

¹⁷ «Главное затруднение — в области восстановления речи». — «Правда», 1923, 9 октября.

¹⁸ «С речью еще плохо /.../». — «Петроградская правда», 1923, 16 октября. *БИОХРОНИКА* неоднократно пересказывает заявления Камсенева, Зиновьева, Радека о состоянии здоровья Ленина, но без указания авторства.

только бюллетени...»¹⁹. Изложение одесского выступления Семашко было помещено в «Правде» 21 октября, а затем, вплоть до конца декабря 1923, центральная печать предпочитала абсолютно аморфные заявления²⁰ (да и было их одно-два) о состоянии здоровья Ленина. В начале января 1924 вновь появились сведения из Горок, вполне оптимистичные, но все же существенно уступающие по тону и «информативности» заявлению Семашко (обещанных Крупской бюллетеней так и не последовало).

Возможно, заявление Семашко нуждается в каком-то объяснении, помимо очевидного: жанр бюллетеней о состоянии здоровья главы государства позволяет некоторые отступления от истины, правда, не в такой степени²¹. Полагаем, здесь не было преднамеренного (злонамеренного) искажения реального положения Ленина. Семашко позволил себе поэтическую поправку на провинцию.

Аналогичный случай произошел еще в мае того же года с А.В. Луначарским в Томске, когда о частичном даже восстановлении здоровья Ленина не было и речи. «Рука и нога, которые у Владимира Ильича несколько парализованы /.../, восстанавливаются, — говорил Луначарский в далекой Сибири, — речь, которая была одно время очень неясной, также восстанавливается. Владимир Ильич уже давно сидит в кресле, довольно спокойно может разговаривать, в то время как прежде его очень мучила неясность речи»²².

Можно сказать несколько слов и в оправдание Луначарского. В отличие от Семашко, человека довольно информированного, Луначарский и многие подобные ему ораторы имели о болезни Ленина весьма смутное и противоречивое представление. Рядовых граждан России оповестили о болезни Ленина 12 марта 1923, спустя почти три месяца с момента заболевания, оповестили в

¹⁹ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.338. О реакции М.И. Ульяновой на выступление Н.А. Семашко см. в сб.: *М.И. УЛЬЯНОВА*. М., 1978, с.259.

²⁰ В начале декабря на Всесоюзной конференции железнодорожников выступал Зиновьев: «Надо запастись большим терпением в ожидании окончательного выздоровления Ильича, т.к. резкого улучшения в здоровье его в ближайшее время ожидать нельзя. Если не ошибается наука, если не ошибаются все врачи /.../, то выздоровление т. Ленина нормально идет вперед» («Известия», 1923, 5 декабря).

²¹ В июне 1922 было опубликовано несколько бюллетеней о состоянии здоровья Ленина. В десятых числах июля Ленин писал Каменеву: «Только что услышал от сестры о бюллетенях, вами обо мне выпущенных. И хохотал же! Послушай, ври, да знай же меру» (Л.А. Фотиева. *ИЗ ЖИЗНИ В.И. ЛЕНИНА*. М., 1967, с.184).

²² *НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ В ТОМСКЕ*. 22-24 мая 1923. — [Томск, 1923], с.26.

ожидании смерти со дня на день. С 12 марта по 17 мая было опубликовано 35 официальных бюллетеней с традиционными формулировками: «без изменений», «улучшение состояния». Летом (за исключением последних дней августа) в печать практически никаких сообщений не поступало. 22 февраля 1923 Пленум ЦК принял решение «считать необходимым систематически извещать секретарей губкомов и членов ЦК» о состоянии здоровья Ленина²³. В какой степени выполнялось это постановление, нам неизвестно, но Л.Д. Троцкий, например, не слишком доверял официальным сообщениям (наверняка, Политбюро заслушивало и доклады лечащих врачей) и предпочитал им отзывы состоявшего при Ленине врача Ф.А. Гетье, который «был в то же время близким другом и домашним врачом» семьи Троцкого «в течение всех годов революции». Благодаря Гетье, Троцкий имел «наиболее добросовестные и продуманные отзывы о состоянии здоровья Владимира Ильича, дополнявшие и исправлявшие безличные официальные бюллетени»²⁴.

За исключением чрезвычайно ограниченной группы лиц, все остальные: и члены ЦК, и секретари губкомов — были вынуждены довольствоваться «безличными бюллетенями» и слухами, которые были противоречивы и, к тому же, кажется, дирижировались. С.В. Малышев, когда-то секретарь «Правды», впоследствии председатель Всесоюзной торговой палаты, отметил в своих воспоминаниях: «В начале 1924 г. /.../ носились разные слухи о Владимире Ильиче — то говорили, что он поправляется, то, что ему хуже /.../»²⁵. А.И. Микоян, выступая в Ростове в конце 1923, пообещал от имени ЦК сообщать о здоровье Ленина «только правду», так как «были случаи, когда неправильно информировали о здоровье Ленина — то очень пессимистически, то чрезмерно оптимистически, — что создавало впечатление, что есть какая-то неправда»²⁶. Сделав такое заявление, А.И. Микоян тут же выразил надежду, что в «ближайшие годы» Ленин «будет в нашей среде и будет руководить нами так, как и раньше».

Оказываясь в провинции (а порой — и в центре), исполняя роль осведомленного лица, докладчики, как правило, недолго колебались и предлагали собравшимся наиболее оптимистичную версию о состоянии Ленина. А.В. Луначарский — даже не член

²³ *БИОХРОНИКА*, т.12, с.585.

²⁴ Л.Троцкий. *МОЯ ЖИЗНЬ*, с.248.

²⁵ С.Малышев. *ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ*. М., 1933, с.61; о «разнообразных слухах» см. также: Радин М.С. *КАК ХОРОНИЛИ ИЛЬИЧА*. — «Тихоокеанская звезда», 1928, 21 янв.

²⁶ А.И. Микоян. *В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЫХ...* М., 1975, с.374.

ЦК, и о том, насколько мало он знал о Ленине в болезни, свидетельствует опубликованная с большими купюрами запись его разговора с Крупской, состоявшегося в Горках в ночь с 22 на 23 января²⁷.

Письмо

В болезни Ленин был лишен не только речи, но и письма, с нарушением которого он впервые столкнулся в мае-июле 1922. Длительное расстройство письма испугало его тогда чуть ли не в большей мере, чем осложнения с речью. Документально зафиксированное и наглядное доказательство болезни омрачило выздоровление. «Вот дойдешь до такого состояния, как Аксельрод /.../, ведь это просто ужас один», — неоднократно говорил он когда-то о почерке страдавшего нервным расстройством П.Б. Аксельрода²⁸. Избавление от ужаса прочитывается в его письме Л.А. Фотиевой от 13 мая 1922: «Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который начинает становиться человеческим»²⁹. Насколько можно понять, уже летом 1922 речь шла не только о расстройстве двигательных функций, вызванных парезом, но и об аграфии, нарушении графической речи — распаде образа буквы, слогового и синтаксического рисунка письма.

С 10 марта 1923 письмо как средство коммуникации окончательно перестало существовать для Ленина. Попытки восстановления графической речи, начавшиеся в конце июля 1923, стали любимым занятием Ленина в болезни. Он научился копировать буквы, слова, даже отдельные предложения; было почти воспитано умение писать алфавит; по отношению к некоторым заученным словам осуществлялось писание под диктовку. Но произвольным письмом пациенту логопедов С.М. Доброгаева и Д.В. Фельдберга овладеть не удалось, хотя, возможно, он и стоял на пути к этому³⁰. К несомненным и обрадовавшим его достижениям следует отнести в какой-то степени вернувшееся к нему умение воспроизводить свою подпись³¹.

²⁷ См.: В.И. ЛЕНИН И А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Переписка, доклады, документы. «Литературное наследство», т.80. М., 1971, с.732-734.

²⁸ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.246. Образец почерка П.Б. Аксельрода см.: ПИСЬМА П.Б. АКСЕЛЬРОДА И Ю.О. МАРТОВА. Берлин, 1924, с.13.

²⁹ ПСС, т.54, с.273. Фотиева Л.А. (1881-1975), секретарь СНК и СТО, секретарь Ленина.

³⁰ См. ук. соч. С.М. Доброгаева в журнале «Наша искра», 1925, №1, 3 и заметку М.Д. ИЛЬИЧ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ. — «Ленинградская правда», 1924, 12 февр., — здесь излагаются впечатления Д.В. Фельдберга.

³¹ В.М. Бехтерев. О НЕДАВНО УШЕДШЕМ. — «Известия», 1928, 22 апреля.

Какой путь прошла первоначальная информация о взаимоотношении Ленина с письмом?

«Хотя медленно и с трудом, он начал упражняться в письме левой рукой», — гласило «Сообщение о болезни и кончине В.И. Ульянова-Ленина»³². Это утверждение, достаточно аморфное, соответствовало в какой-то мере и действительности, и жанру сообщения. Хотя из него можно было сделать неверный вывод, что осложнение с письмом связано всего лишь с ослаблением двигательных способностей руки. Через три года Н.А. Семашко, в свободной манере излагая сюжет, заменил «упражняться» на «писать»: «/.../ Хотя медленно и с трудом он начал писать левой рукой»³³. Пропустим несколько этапов стилистического эксперимента, приведем сегодняшнее заключение: «Он занимался с огромной выдержкой и систематичностью: научился писать левой рукой /.../»³⁴. Неосторожное заявление авторов «Биографии» несомненно породит в будущем цикл воспоминаний и художественных текстов о Ленине, который и в болезни продолжает (хотя и немного) письменную работу. Остановить подобных авторов может только отсутствие в наследии Ленина каких-либо реальных письменных текстов, созданных им собственноручно между мартом 1923 и 21 января 1924. Но этот аргумент способен остановить лишь догматиков, ведь материалом письма могут быть не только относительно вечная бумага и «вечная» ручка: «Он [Ленин] остановился и на исполосованной граблями мокрой дорожке острым концом палки написал: "Хочу в Москву". Аккуратно вывел знак восклицательный и воткнул под ним палку»³⁵.

Не исключено, что в каком-нибудь аналогичном тексте мы прочтем, что Ленин все-таки был лишен в болезни письма, но зато общался с окружающими при помощи тюремной азбуки. Напомним, что перестукивание требует определенного логико-математического аппарата, и приведем выдержку из С.М. Доброгаева: «Остановимся еще на способности Владимира Ильича читать и писать цифры, а также производить более простой счет. Эта способность у Владимира Ильича оказалась сравнительно меньше нарушенной. Он в мае-июне месяцах почти не разбирается в цифрах, а в октябре-ноябре /.../ он уже, хотя и с трудом, но умеет читать однозначные цифры, писать под диктовку, а частью

³² «Правда», 1924, 24 января.

³³ Н.Семашко. *БОЛЕЗНЬ В.И. ЛЕНИНА*. — «Красная нива», 1927, №4, с.6.

³⁴ *В.И. ЛЕНИН. БИОГРАФИЯ*. Изд. 6-е. М., 1981, с.674; аналогично в двух предыдущих изданиях; ср.: *ПСС*, т.45, с.715.

³⁵ З.Воскресенская. *ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ*. М., 1980, с.476.

и самостоятельно, сосчитывать до 10 количество разложенных перед ним спичек, бумажек и других предметов»³⁶.

Тем не менее, можно встретить и такое: «Он поинтересовался, сколько детей в Глуховке, сколько молока на них получают. Тут же на листке бумаги поделил одну цифру на другую. Результат обвел кружочком и написал сбоку: "Мало". Потом записал, сколько картофеля заготовили на зиму, и поделил на число рабочих: "Мало"»³⁷.

Наиболее подробно, даже излишне подробно, взаимоотношения Ленина с речью и письмом изложены в воспоминаниях С.М. Доброгаева и В.П. Осипова, в тщательности и пунктуальности которых можно усмотреть тенденцию. Но в данном случае существует достаточно других достоверных источников. Например, А.И. Ульянова-Елизарова: «После удара в марте 1923 В.И. ничего не писал и не диктовал»³⁸. Или Н.К. Крупская: «/.../ Не только не мог писать, но и сказать ни слова»³⁹.

*Чтение.
Запрет на
информацию*

Несколько более сложным представляется вопрос о чтении. Расстройство чтения характеризуется различными уровнями. Наиболее существенно пострадало чтение вслух. Было нарушено узнавание букв, слов, предложений. В результате регулярных занятий вырабаталось умение опознавать и правильно называть

большинство букв, части слов, заученные слова. «Иногда на протяжении логопедических сеансов удавалось путем повторных упражнений изучить /.../ чтение отдельных слов, но такое чтение не удерживалось надолго»⁴⁰.

В меньшей степени, но тоже весьма глубоко, алексия проявилась в чтении «про себя». В развитии этой, едва намеченной способности Ленину пришлось преодолеть ряд трудностей внешнего порядка.

Совместным решением консилиума врачей и членов Политбюро после каждого приступа для Ленина наступал период, когда из медицинских (и псевдомедицинских?) соображений озна-

³⁶ «Наша искра», 1925, №1, с.38-39. См., впрочем, в том же номере текст доктора В.П. Осипова *БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЯНОВА-ЛЕНИНА*. (По личным воспоминаниям.): «Понимание цифр у него сохранилось/.../» (с.13).

³⁷ В.Анохин. *ПАМЯТЬ НАРОДА*. М., 1966, с.12.

³⁸ А.Елизарова. Рец. на: *БИОГРАФИЯ ЛЕНИНА В ДАТАХ И ЧИСЛАХ*. Л., 1924. — «Пролетарская революция», 1925, №1, с.250.

³⁹ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.246.

⁴⁰ «Наша искра», 1925, №1, с.38.

комление с печатью (в первую очередь — периодической) изымалось из его практики. После майских (1922) ударов Ленин, кажется, и сам был склонен верить в результативность этого распространенного метода лечения и охотно подчинился режиму. И.В. Сталин вспоминал свой визит к нему от 11 июля 1922: «Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает тов. Ленин, — мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой, как бы не вышло из этого нарушения дисциплины»⁴¹.

Для Ленина возвращение газет — это не только право на политическую информацию и тем самым на допуск к работе, но и очевидный для всех (в том числе и для него самого) показатель выздоровления. По сведениям Н.Валентинова, еще летом 1922 до Ленина дошли сведения о том, что его после майских приступов считают окончательно выбывшим из строя. В реплике Ленина по этому поводу можно прочесть не только обиду, вызванную поспешностью выводов из его временной нетрудоспособности, но и готовность продемонстрировать ошибочность этих выводов: «Я еще не умер, а они, со Сталиным во главе, меня уже похоронили»⁴². С 18 июля 1922 газеты вновь оказываются в распоряжении Ленина, о чем он немедленно сообщает Сталину, заодно демонстрируя исправившийся почерк: «т.Сталин! /.../ Поздравьте меня: получил разрешение на *газеты!* С сегодня на старые, с воскресенья на *новые!*»⁴³.

Запрет на газеты и политическую информацию после декабря 1922 огорчил Ленина, но категорически требовать газет он не стал. В первую очередь, он был занят составлением своего «завещания»: путем угрозы вовсе отказаться от лечения Ленин добился права регулярной работы со стенографистками. 29 января ему обещали через месяц вернуть газеты — он терпеливо ждал. Но 12 февраля 1923 Л.А. Фотиева занесла в «Дневник дежурных секретарей»: «Владимиру Ильичу хуже. /.../ По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне отъезда сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация»⁴⁴. В запрете Ленин увидел не благожелательную медицинскую рекомендацию, а злую волю своих коллег по партии, стре-

⁴¹ И.В. Сталин. *ТОВ. ЛЕНИН НА ОТДЫХЕ*. Заметки. — *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.403.

⁴² Н.Валентинов (Вольский), ук. соч., с.40.

⁴³ *ПСС*, т.54, с.273.

⁴⁴ *ПСС*, т.45, с.485.

мящихся из разных соображений устранить его от каких бы то ни было государственных дел. Конкретно, надо полагать, он имел в виду Сталина, на которого, ко всему прочему, решением Пленума ЦК еще 18 декабря 1922 была возложена персональная ответственность за соблюдение установленного для Ленина медицинского режима⁴⁵, но теперь обида распространилась на всю верхушку: «По-видимому, /.../ у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам»⁴⁶. Это впечатление Ленина, кажется, можно связать с теми сведениями, которые он получил в конце января и 7 февраля. В этот день Ленин попросил Фотиеву доставить ему корректуру сборника ЦСУ, содержавшего данные однодневной переписи служащих Москвы и Петрограда, которая проводилась в середине октября 1922. В речи 31 октября 1922 Ленин использовал ее некоторые общие итоги и собирался вновь вернуться к ее результатам на X Всероссийском съезде Советов, намеченном на конец декабря 1922. 10 января 1923 Ленин поручил Фотиевой затребовать к 12 января сведения о результатах переписи, которые он хотел видеть в печати ввиду их «особенной важности».

В дальнейшем Ленин регулярно и, судя по известным материалам, безрезультатно возвращался к этому вопросу. 7 февраля, вероятно, после настойчивых напоминаний по поводу корректуры (существовавшей в природе?) Фотиева «сказала, что для этого требуется разрешение Сталина» (в послесталинском изложении Фотиевой: «Пришлось сказать /.../»). Почему Сталина, а не Политбюро, не говоря уже о врачах?

Известно, что с 24 января по 1 февраля 1923, вероятно, параллельно с запросами относительно переписи, Ленин вел борьбу за то, чтобы образованной по его инициативе комиссии в составе его секретарей и управляющего делами СНК и СТО были выданы материалы по крайне волновавшему Ленина «грузинскому вопросу», находившемуся под пристрастным наблюдением Сталина. 29 января Сталин заявил Фотиевой, что без разрешения Политбюро он выдать материалы не может. 30 января Ленин выяснял

⁴⁵ Там же, с.608. С некоторого времени Ленин стал относиться к рекомендациям врачей критически, если не с недоверием. 9 февраля Ленин сказал Фотиевой, что Ферстер «склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет». На замечание Фотиевой, «что это с врачебной точки зрения, кажется, действительно было бы лучше, он задумался и очень серьезно ответил, что, по его мнению, именно с врачебной точки зрения это было бы хуже» (ПСС, т.45, с.484).

⁴⁶ Там же, с.485.

у Фотиевой реакцию Сталина и, несомненно, получил ответ. 1 февраля Политбюро решилось выдать документы, оговорив при этом, что вопрос об ознакомлении Ленина с выводами комиссии откладывается до заключения врачей. Фотиева полагает, что именно на заседании 1 февраля между Каменевым и Сталиным произошел следующий обмен записками:

Каменев Сталину: «Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться». Сталин Каменеву: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению»⁴⁷. «Сталин, — пишет Фотиева, — видимо, был недоволен этим решением. Он предложил, чтобы

⁴⁷ По сведениям *БИОХРОНИКИ*, 27 января «Ленин вечером диктует стенографистке /.../.». Что и кому из стенографисток диктует (Володичева в отпуске) — по-видимому, неизвестно и составителям летописи. С другой стороны, в *ДНЕВНИКЕ ДЕЖУРНЫХ СЕКРЕТАРЕЙ* отмечено, что 27 января, т.е. в тот же день, Ленин заявил Фотиевой, что будет бороться за выдачу материалов. Возможно, диктовка 27 января связана с этой борьбой.

Еще одна диктовка неизвестного содержания и назначения состоялась 25 февраля. Можно гадать о ее содержании, как и о темах бесед Ленина с Фотиевой, состоявшихся 18, 19, 20, 27 февраля, т.е. в те дни, относительно которых Фотиева вспоминала: «Во второй половине февраля В.И. Ленин чувствовал себя плохо. Никого не вызывал». В одной из своих поздних статей Троцкий утверждал, что на одном из заседаний ПБ Сталин докладывал о будто бы высказанном Лениным в конце февраля желании иметь препараты ядовитых средств (см.: Луис Фишер. *ЖИЗНЬ ЛЕНИНА*. London, 1970, с.976-978; ср.: Лев Троцкий. *СТАЛИН*, т. II, под ред. Ю.Г. Фельштинского, Бенсон, Вермонт, 1985, с.255-268; Н.Валентинов (Вольский), ук. соч., с.46-47).

Среди мемуаров, опубликованных на Западе, выделяется по количеству интригующих и непроверяемых фактов: Elisabeth Lermolo. *FACE OF A VICTIM*, New York, 1955. На с.132-137 описывается встреча автора в Челябинском политизоляторе в 1935 со старым большевиком, сидящим здесь уже три года, одноруким Гавриилом Волковым. До 1923 он работал в Кремлевской службе, а в 1923 стал руководить «Горками». Он же якобы готовил пищу для больного Ленина. По его рассказу, 21 января 1924 в 11 утра он «как обычно» принес Ленину поест. «Ленин попытался подняться и протянул обе (!) руки...» и передал Волкову свою собственноручную записку (!): «Гаврилушка, меня отравили...» и т.д. Из реально существовавших при смерти Ленина назван доктор Елистратов (он же видел «записку Ленина», но не донес Сталину). Приводим эту книгу лишь как образец скомбинированных слухов, в том числе об отравлении Сталиным Ленина. Ср. также мнение Р.Пейна: Robert Payne. *THE LIFE AND DEATH OF LENIN*, New York, 1964, p.603.

Мог ли Ленин говорить об этом с Фотиевой во второй половине февраля?

До сих пор продолжают ходить слухи, со ссылкой на самые информированные круги, что известное ленинское *ПИСЬМО К СЪЕЗДУ* и сегодня опубликовано лишь частично. Что оно, якобы, содержало еще предложение избрать генеральным секретарем партии Я.Э. Рудзутака; подтверждением слухов должен служить факт одновременного избрания Рудзутака в апреле 1923 членом Оргбюро, секретарем ЦК, кандидатом в члены Политбюро. Еще одна будто бы сокрытая глава завещания трактовала вопрос о моральном облике коммуниста. А вдруг именно эти две главы и диктовал Ленин 25 февраля?

Политбюро освободило его от обязанностей наблюдения за исполнением режима, установленного врачами для Ленина».

Возможно, на этом заседании Сталина, заявившего о своем намерении покинуть пост куратора, умиротворили обещанием не вмешиваться в его прерогативу «по мелочам» — и с этого времени режим Ленина еще в большей степени, нежели до 1 февраля, определялся волей Сталина. Отсюда и ссылка Фотиевой на Сталина 7 февраля, когда Ленин потребовал корректуру. Можно предположить, что именно в этот день Ленин уяснил себе, какую обязанность взял на себя Сталин по отношению к нему (маловероятно, чтобы Ленину сообщили об этом решении Пленума ЦК от 18 декабря в официальном порядке) и уверился в том, что его режим определяется рекомендациями врачей еще в меньшей степени, нежели можно было предполагать.

10 февраля — ухудшение здоровья Ленина. Следуя установившейся традиции связывать декабрьский (1922), мартовский (1923) и январский (1924) приступы с реакцией Ленина на отрицательные для его здоровья сведения о Сталине, можно дополнить этот перечень предположительным указанием на связь между событиями 7 и 10 февраля.

Знал ли Ленин о новой должности Сталина до 7 февраля? Определенно ответить на этот вопрос нельзя. Если бы выяснить — когда Ленину стало известно о телефонном разговоре, состоявшемся 22 декабря 1922 между Сталиным и Крупской, в связи с письмом Ленина Троцкому от 21 декабря? 23 декабря Крупская писала Л.Б. Каменеву: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т.к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Крупская просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз».

В одной из глав романа «В круге первом» находим выраженное в свободной форме предположение А.И. Солженицына, что грубость Сталина была нарочитой, намеренной; Сталин надеялся, что содержание и форма разговора станут через Крупскую известны Ленину, который болезненно отреагирует на этот телефонный звонок. Если принять эту догадку, то можно предположить далее: таким способом Сталин извещал Ленина и о своих

обязанностях куратора. Но, поскольку Фотиевой пришлось 7 февраля сказать Ленину, что выдача материалов переписи зависит от Сталина, то можно предположить, что к этому дню содержание телефонного разговора от 22 декабря 1922 Ленину было еще неизвестно.

В любом случае, если не в конце 1922, не 7 февраля 1923, то уж 5 марта о надзоре Сталина Ленин знал и должен был помнить об этом до конца своих дней⁴⁸.

Запрет на информацию в феврале 1923 так возмутил и оскорбил Ленина, что он готов был плакать («губы дрожали»), но сопротивляться жестокому ограничению информации он и тогда не стал. Точнее, он понимал, что дело не в газетах и свиданиях самих по себе, а в первую очередь, не дожидаясь съезда, следует оказать организационное сопротивление своему «ответственному куратору» и личное сопротивление ему же. Во исполнение этого замысла Ленин продиктовал 5 марта 1923 антисталинское письмо Л.Д. Троцкому, на следующий день телеграмму П.Г. Мдивани и Ф.И. Махарадзе (копия Троцкому и Каменеву) и, наконец, известное письмо от 5 марта самому Сталину (копия Каменеву и Зиновьеву), начинавшееся словами: «Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее»⁴⁹. Но эта запоздалая атака потребовала последних сил и завершилась глубоким инсультом.

К проблеме газетной информации Ленин получил возможность вернуться только в конце лета 1923. К этому времени, восстановив в какой-то степени способность к восприятию речи и минимальному уровню чтения «про себя» — что было неожиданностью для окружающих, — Ленин сумел настоять на регулярной доставке ему «Правды» и «Известий».

Случай с газетой

Известны две версии первоначального «толчка», способствовавшего реализации его бессловесных желаний. Более поздняя была предложена во второй половине 1950-х сотрудником ленинской охраны А.В.Бельмасом: «Однажды, кажется летом 1923 года, по моей оплошности произошел случай, к счастью, закончившийся благополучно. Я получил почту и газеты. Увлечшись чтением фельетона из газеты "Беднота", я не заметил, как Ильич, опираясь на плечо фельдшера Казимира Зорьки, идет к дежурному столу. Глаза его загоре-

⁴⁸ По вопросу см. последнюю главу воспоминаний Л.А. Фотиевой *ИЗ ЖИЗНИ В.И. ЛЕНИНА* (М., 1967), *ПСС* (т.45 и 54) и *БИОХРОНИКУ* за соответствующие дни.

⁴⁹ *ПСС*, т.54, с.329.

лись, когда он увидел на столе у меня газеты, которые мне следовало вовремя спрятать. Ильич подошел к столу, поздоровался со мной и потребовал все газеты»⁵⁰. Можно бы принять версию А.В. Бельмаса, тем более что она отчасти подкрепляется лирическим повествованием его коллеги С.П. Соколова: «Я прихожу на дежурство, а товарищ, которого мне надо сменить, стоя у стола, перебирает кипу свежих газет. Их еще нельзя показывать Ильичу — не велют врачи. Вдруг распахивается дверь и начальник нашей группы Петр Петрович Пакалн и врач Николай Семенович Попов, неотступно ухаживающий за Лениным, ввозят Ильича. Что делать моему товарищу? Он пытается прикрыть газеты концом длинной скатерти, но от неловкого движения они падают веером и рассыпаются по полу»⁵¹. Можно бы поверить А.В. Бельмасу, чьи воспоминания явно оказали воздействие на «Бессмертие» С.П. Соколова, но попутно следовало бы выяснить: 1) позволялось ли охране Горок читать на посту или имело место нарушение инструкции? 2) можно ли, находясь на посту, так увлечься «Беднотой», что не заметить приближения двух людей, один из которых тяжело болен и передвигается медленно и с шумом?

И все же мы не исключаем, что эпизод у стола дежурного, действительно, был, только являлся не первой, решающей, встречей Ленина с газетами, а одной из рядовых последующих.

Несколько иначе изложен эпизод «первоначального толчка» в воспоминаниях профессора В.П. Осипова: «Когда Владимир Ильич оправился после июньского обострения болезни, его старались уберечь от всяких излишних волнений, но однажды, проезжая по комнате в своем кресле, он увидел оставленную на столе газету и с жадностью за нее ухватился. Отсюда и началось чтение газет — пришлось пойти на это, так как дальнейшие попытки прятать газеты вызывали только раздражение со стороны больного»⁵².

Как могло случиться, что в доме, где больного старательно изолировали от любых источников политической информации, кто-то случайно оставляет на столе газету, да еще чуть ли не в комнате самого Ленина? С конца июля шло выздоровление,

⁵⁰ А.В. Бельмас. *ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ*. — *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.408.

⁵¹ «Кубань», 1968, №4, с.15.

⁵² В.П. Осипов. *НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА В.И. ЛЕНИНА ВО ВРЕМЯ ЕГО БОЛЕЗНИ*. (Речь проф. В.П. Осипова в третью годовщину смерти В.И. Ленина, 27 января 1927 г. на собрании Союза работников просвещения в Ленинграде). — «Красная летопись», 1927, №2, с.240.

а встреча с газетой вновь могла вести больного в шоковое состояние, свести на нет всю поправку. Проводилось ли в Горках расследование в связи с «преступной небрежностью» безвестного лица? Было ли оно обнаружено и наказано? А.В. Бельмас, во всяком случае, из Горок никуда не выбыл.

Сам Ленин склонен был связывать ухудшение своего здоровья с получением неприятных известий. Об этом имеется соответствующая запись (с его слов) от 30 января 1923 в «Дневнике дежурных секретарей»: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об "инциденте", и это на меня счень тяжело повлияло»⁵³.

Как ни боялась Н.К. Крупская «волнующего влияния газеты»⁵⁴, периодическая печать все же проникла в Горки. Н.К. Крупская смирилась с возникшей ситуацией, тем более, что совсем недавно, в конце июля, закончился почти месячный бурный период борьбы Ленина с миром, в котором он оказался, период, сопровождавшийся проявлениями болезненного гнева. Вполне вероятно, что Ленин и прежде пытался объяснить окружающим свое желание вернуться к прессе, но они отказывались его понимать, как это не раз случалось в кризисных ситуациях.

Случай с газетой произошел в начале августа, затем, видимо, последовало несколько дней борьбы, которая 10 августа увенчалась победой Ленина. Порядок его работы с газетами отныне был следующим: сперва Ленин просматривал их сам, а затем Крупская, стараясь избегать информации, способной взволновать больного, читала вслух указанные им материалы. Ленин внимал и «по выражению лица прочитывавшей ему газету Надежды Константиновны следил, все ли ему сообщается достаточно полно»⁵⁵.

Для Крупской не было сомнений в том, что какая-то, пусть минимальная, способность к чтению «про себя» у Ленина сохранилась. В этом убеждало ее множество деталей. Например: «Раз я пропустила про покушение на дочь тов. Раппопорта⁵⁶ и была в этом уличена. Мы не торопились рассказывать о смерти Воровского, но незадолго до начала процесса Владимир Ильич разыскал в газете

*Чтение
вслух и
«про себя»*

⁵³ ПСС, т.45, с.476; о «комиссии» и «инциденте» — рукоприкладстве Г.К. Орджоникидзе см. также т.54, прим. 339.

⁵⁴ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.587.

⁵⁵ В.П. Осипов. ИЛЬИЧ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ. — «На вахте», 1925, 22 января.

⁵⁶ Сообщение было опубликовано в «Правде» и «Известиях» 21 сентября. Шарль Раппопорт — член ЦК Французской КП.

упоминание об убийстве и спросил, в чем дело⁵⁷. /.../ В связи с чтением газеты Владимир Ильич постоянно спрашивал меня то о том, то о другом товарище /.../. В связи с Аксельродом спросил о Мартове⁵⁸. Я сделала вид, что не поняла. На другой день он спустился вниз, в библиотеку, в эмигрантских газетах разыскал сообщение о смерти Мартова⁵⁹ и укорительно показал мне⁶⁰.

Все эти эпизоды вполне могут свидетельствовать в пользу утверждения Н.К. Крупской: «Читал и сам»⁶¹. Отметим все же, что Крупская, демонстрируя способности Ленина к чтению, останавливается, в основном, на специфических моментах: покушение на Раппопорт, убийство Воровского, смерть Мартова, болезнь Горького⁶². Делала она это, скорее всего, с учетом наиболее волновавшей и ее и Ленина информации. А можно ли исключить, что кто-то в Горках предварительно, еще до чтения Крупской,

⁵⁷ В.В. Воровский был убит 10 мая 1923. Процесс начался 5 ноября. С конца октября «Правда» регулярно печатала материалы в связи с предстоящим процессом, в том числе — 26 и 27 октября — большой разбор *ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ВОРОВСКОГО*, который, возможно, и привлек внимание Ленина. Во всяком случае, он должен был узнать о выстреле М.Конради не позднее 1 ноября (ср.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.635). В этот день он запросил газету «Дни» за 23 октября 1923 (см. *БИОХРОНИКА*, т.12, с.642), вероятно, интересуясь помещенным там письмом Е.Кусковой, в котором выражалось намерение пояснить в ближайшее время позицию «ее и ее коллег» относительно процесса Конради. Об этом письме Кусковой в «Днях» Ленин, скорее всего, узнал из статьи Вл.Виленского-Сибирякова *ИДЕОЛОГИ БЕЛОГО ТЕРРОРА*, помещенной в «Известиях» 30 октября.

⁵⁸ Ю.О. Мартов скончался 4 апреля 1923. О нем Ленин спросил Крупскую, видимо, 31 октября. В этот день в «Правде» была опубликована информация Вл.Я[нушевского], зам. ответственного хранителя рукописей Института В.И. Ленина *ЦЕННЫЙ ВКЛАД В АРХИВ ИНСТИТУТА*, где сообщалось о поступлении в институт из-за границы 34 писем Ленина П.Б. Аксельроду и других материалов, связанных с именем Аксельрода. 6 ноября Н.К. Крупская писала И.А. Арманд: «...Читаем с В. ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали — убийство Воровского, смерть Мартова и пр.» (*ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.338. Вероятная датировка письма определяется по материалам *БИОХРОНИКИ*, т.12, с.629).

⁵⁹ Несколько иначе случай с Ю.О. Мартовым излагается в записи Б.Брук, которая, вроде бы, дословно, приводит слова беседовавшей с ней Н.К. Крупской: «Он сам случайно набрел на это сообщение в газете и был сильно недоволен, что его скрыли /.../» (*ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА*. — «Правда», 1928, 21 января). По сведениям, идущим, несомненно, от М.И. Ульяновой, информацию о смерти Мартова Ленин обнаружил в «Правде» (см. Я.[Я.] Г[рунт]. *ВДНИ СКОРБИ*. — «Тихоокеанская звезда», 1927, 21 января. Автор статьи — бывший коллега М.И. Ульяновой по «Правде».) Статья *СМЕРТЬ Ю.О. ЦЕДЕРБАУМА (МАРТОВА)* за подписью К.Радека была помещена в «Правде» 5 апреля 1923.

⁶⁰ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.587.

⁶¹ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.588.

⁶² Об ухудшении здоровья Горького «Известия» сообщили 20 декабря.

обращал внимание Ленина на подобные материалы, а уж затем Ленин уличал Крупскую в сокрытии сведений? С трудом, например, верится в сообщение Крупской, что Ленин самостоятельно сумел разыскать почти в годовом комплекте газет некролог Мартова. Сделать подобное нелегко, даже владея методикой поиска, тем более трудно это было совершить Ленину, способность к чтению которого была минимальна. Разве что ему встретился в эмигрантской газете портрет Мартова в траурной рамке. Тем не менее, случай с Мартовым не ставит под сомнение утверждение Крупской.

Сведениями, содержащимися в выступлениях Радека⁶³, Молотова⁶⁴, Зиновьева⁶⁵ и Семашко⁶⁶, можно пока пренебречь. Приведем наблюдение В.П. Осипова: «/.../ Будучи сам газетным работником, он разбирался в содержании газеты: раскрывая газету, он знал, где передовица, где телеграммы, и сразу указывал пальцем, чем он интересуется. /.../ Заинтересовавшись каким-нибудь местом, он требовал повторения, а кое-что мог прочитывать сам»⁶⁷. «Кое-что» было раскрыто еще в конце января 1924 в интервью Осипова: «Заголовки статей в газетах и подписи он мог прочитывать, но читать длинные тексты не мог /.../»⁶⁸. Несколько позднее, в интервью для «Ленинградской правды» Д.В. Фельдберг пояснил, что к Ленину «вернулась отличительная его способность, т. наз. "партитурного чтения"», когда, подобно дирижеру, близко просматривая книгу или статью, он улавливал смысл ее содержания, и в зависимости от того, представляла ли она для него интерес, он предлагал прочесть ему ту или иную статью из газеты или главу из книги»⁶⁹.

⁶³ «Врачи разрешили ему читать телеграммы». — «Правда», 1923, 11 сентября. В другом выступлении — аналогично (см.: «Петроградская правда», 1923, 16 сентября).

⁶⁴ «/.../ С разрешения врачей он начал читать газеты». — «Правда», 1923, 9 октября.

⁶⁵ См.: «Петроградская правда», 1923, 16 октября.

⁶⁶ См.: «Правда», 1923, 21 октября.

⁶⁷ «Наша искра», 1925, №1, с.13; см. также запись его беседы с корреспондентом РОСТА: «После третьего обострения, унесшего способность произвольной речи, почти уничтожившего возможность самостоятельного чтения /.../». — «На вахте», 1925, 22 января.

⁶⁸ Г.Граев. *ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ В.И. ЛЕНИНА. НАБЛЮДЕНИЯ ПРОФЕССОРОВ В.П. ОСИПОВА и Д.В. ФЕЛЬДБЕРГА*. — «Вечерняя Москва», 1924, 28 января.

⁶⁹ М.Д. *ИЛЬИЧ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ*. — «Ленинградская правда», 1924, 12 февраля.

*Сомнения
доктора
Доброгаева*

Некоторое недоумение способны вызвать воспоминания С.М. Доброгаева, под руководством которого Н.К. Крупская вела с Лениным занятия чтением со второй половины июля по ноябрь (в мае-июне С.М. Доброгаев вел занятия сам). В его воспоминаниях категорически утверждается, что какой бы то ни было способности к самостоятельному чтению Ленин был лишен: «Остановлюсь, наконец, на том чтении Владимиром Ильичом газет, о котором так много говорилось в ежедневной прессе в последние месяцы его жизни. Не надо думать, что Владимир Ильич сам мог что бы то ни было прочитать в газете. Этого, по болезненному поражению речевых аппаратов в полушариях мозга, не было и быть не могло»⁷⁰. С.М. Доброгаев настаивает на том, что ориентировался Ленин в газете исключительно по топографическим признакам печатного листа, по набору и т.д. «Сущность физиологической работы при этом состояла в том, — объясняет Доброгаев, — что газета подвергалась аналитическому исследованию полушариями мозга не как лексико-графическое явление, а как объект более общего зрительно-аналитического исследования. Так указывать правильно места печатания различных отделов газеты мог бы и человек неграмотный, но имеющий только общее понятие о составе газетного листа и общих особенностях печатного буквенного набора /.../»⁷¹.

Откуда взялось и зачем понадобилось такое ответственное опровержение печатных заявлений Радека, Молотова, Зиновьева, Семашко и т.д.? Может быть, С.М. Доброгаев решил довести до сведения общественности свое искреннее профессиональное впечатление? Напомним, что он лично на занятиях Крупской с Лениным практически был лишен возможности присутствовать, так как Ленин не терпел посторонних при обучении, — и потому обладал информацией в меньшей степени, нежели Крупская. Подтверждение своему впечатлению С.М. Доброгаев мог отыскать и в подписанном комиссией врачей «Сообщении о болезни и кончине В.И. Ульянова-Ленина», в неопределенном «Владимир Ильич ежедневно брал газету, просматривал ее и указывал статьи, которые должны были ему прочитываться»⁷².

⁷⁰ БОЛЕЗНЬ РЕЧИ В.И. ЛЕНИНА И ЕЕ ЛЕЧЕНИЕ. — «Наша искра», 1925, №3, с.24.

⁷¹ Там же.

⁷² «Правда», 1924, 24 января.

Но не исключен и другой вариант. Один из ведущих лечащих врачей намеренно скорректировал ранее принятую в печати версию и сделал это в нетрадиционном для ленинианы ключе: обычно способности Ленина бессознательно завышают, С.М. Доброгаев же сознательно оценил их ниже, чем они были на самом деле. А заодно, в рамках научного описания болезни, сообщил публике некоторые специфические сведения о своем пациенте, разглашение которых не поощряется врачебной этикой, так как наносит моральный ущерб больному. Зачем, например, вспоминать, что еще в 1922 его пациент частично утратил умение выполнять простые движения, надевать платье, пользоваться зубной щеткой, что к моменту его первого визита положение Ленина было значительно более худшим, чем об этом сообщалось в бюллетенях о здоровье Ленина? Зачем, наконец, так тщательно описывать дефекты ленинского письма, речи, чтения, счета, восприятия?

После статьи С.М. Доброгаева в «Нашей искре», основные положения которой относительно речи были повторены в 1927⁷³, и В.П. Осипов, и Н.А. Семашко солидаризировались с ним⁷⁴.

Пометы И, тем не менее, не должно быть сомнений в том, что способность (пусть минимальная) к чтению сохранилась. Более того, Ленин, кажется, припомнил и свою привязанность к графическому выделению, подчеркиванию особенно интересовавших его участков текста. В нормальной ситуации он регулярно пользовался этим приемом — как только появилась возможность, он вроде бы стал применять его и в болезни. Луначарский записал со слов Крупской, что и в последний период жизни Ленин при чтении «подчеркивал часто разные фамилии и спрашивал: "Что, что?" /.../ Так он подчеркнул фамилию Аксельрода, Богданова и некоторых других»⁷⁵. В несколько более обобщенном виде об этом же (?) вспоминала и Н.К. Крупская: «Последнее время, незадолго уже перед смертью, он спрашивал меня про Аксельрода (указал его фамилию в газете, спросил "что") /.../»⁷⁶. Мы не беремся категорически утверждать, что слово «указал» следует понимать «подчеркнул», но газеты с выделенными строчками все же хранились некогда в последней обители Ленина.

⁷³ КАК ЛЕНИН БОРОЛСЯ СО СВОЕЙ БОЛЕЗНЬЮ. Воспоминания проф. Доброгаева. — «Всеукраинский пролетарий», Харьков, 21 января.

⁷⁴ См. соответственно: «Красная летопись», 1927, №2, с.240 и «Красная нива», 1927, №4, 23 января, с.6.

⁷⁵ «Литературное наследство», т.80, с.732.

⁷⁶ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.60.

Их видел студент-свердловец И.Соловьев, через несколько дней после смерти Ленина посетивший Горки: «На этажерке кипа газет с подчеркнутыми местами. Это для того, — говорят нам, — чтобы Ильич мог быстро просмотреть газеты. Он и сам всегда подчеркивал места в газетах, на что надо обратить особое внимание»⁷⁷. Просматривали в Горках вплоть до 20 января 1924 «Правду», «Известия», менее регулярно «Экономическую жизнь». Все эти газеты с июля 1923 по декабрь включительно учтены в указателе «Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог»⁷⁸, где описан и фонд в Горках. Но сведений о наличии в этих изданиях чьих бы то ни было помет в указателе нет. Даже если пометы, учитывая состояние здоровья Ленина, были не слишком вразумительны, но, тем не менее, имелись бы в наличии — вряд ли составители «Библиотеки» прошли бы мимо них. Но, может быть, пометы принадлежали Крупской? И в этом случае они должны были быть отражены в указателе, учитывающем ее руку.

Наблюдение И.Соловьева заставляет нас с большим доверием отнести к записи Луначарского: «/.../ Подчеркивал часто разные фамилии». Такого рода отметки косвенным образом могли свидетельствовать о реакции Ленина на материалы газетной печати — например, партийной дискуссии. По той же причине они могли исчезнуть из Горок, или (допускаем и такой вариант) сохраниться в ИМЛ, но не популяризироваться.

В 1927 в газете «На вахте» была опубликована заметка «Там, где умер Ленин». Комната Ленина: «Лежат комплекты "Известий" и "Правды". Последняя "Правда" помечена 27 сентября 1923. Последнее, что Ильич читал здесь, это "Наш золотой заем" /.../»⁷⁹. Материал о займе («Золотой выигрышный заем» — регулярная рубрика), действительно, представлен в указанном номере, что в какой-то степени свидетельствует о правдоподобности описания. Резонно спросить: а где номера «Правды» с 28 сентября? Возможно, их просто не заметили или они хранились в помещении библиотеки в Горках. Возможно, из соображений сохранности их перевезли в институт Ленина, а Горкам выдали другой комплект (почему неполный?). Но если сопоставить две даты: 27 и 30 сентября, то может возникнуть еще одно предположение. 30 сентября в «Правде» была опубликована «Беседа американского сенатора Кинга с тов. Троцким», которая вполне

⁷⁷ И.Соловьев. В ГОРКАХ. — «Грозненский рабочий», 1928, 22 января.

⁷⁸ М., 1961.

⁷⁹ П.Рест. — «На вахте», 22 января. Ср.: Ал.Т[ихонравов?]. ГОРКИ — ТЕПЕРЬ. — «Гудок», 1927, 21 января.

могла привлечь внимание Ленина, сопровождаться какой-то отметкой, и потому газеты с 28 сентября исчезли на время из Горок, чтобы впоследствии вернуться туда стерильными, подмененными⁸⁰.

Берегли от потрясений? Чуть ли не с момента заболевания Ленина поговаривают о том, что специально для него набирали варианты «Правды» и «Известий» — без материалов, способных его взволновать. Нет оснований доверять этим слухам, хотя подобная практика и зафиксирована в истории советской периодики (умирающий Горький).

Все обитатели и гости Горок в один голос утверждают, что между Лениным и хранителями газет шла постоянная борьба. Газеты со специфическими сообщениями утаивали: «Мы, — говорила Крупская, — старались оградить Владимира Ильича от всего, что могло взволновать его. Но это плохо удавалось... Когда получилось известие об убийстве Воровского, мы запрятали все газеты, думали, что сумеем оберечь его от потрясения... Но всякий раз, когда ему не хватало номера, Владимир Ильич упорно добивался его, иногда с огромными усилиями сам искал и требовал, чтобы ему сообщали все с подробностями»⁸¹.

Вместо свежих газет предлагали давние номера: «Пробовали класть на стол старую "Правду", — медленно выдавливая слова заведующий совхозом "Горки". — Встать не может, сказать не может. А глянет на газету — швырнет на пол. "Вот, вот, вот, вот..."», — показывает глазами на кипу новых»⁸².

Еще один прием: «Газеты тогда были полны статьями, докладами и речами о дискуссии с Троцким. Чтение их было сопряжено для В.И. с волнением. А всякое волнение было для него опасно. Однажды попробовали как-то заменить газеты "Безбож-

⁸⁰ В августе и сентябре 1923 Троцкий напечатал в «Правде» много своих статей, но почти все они были посвящены вопросам искусства, литературы, культуры, быта. Эстетические проблемы интересовали Ленина в меньшей степени, он мог пройти эти работы Троцкого без помет.

⁸¹ Б.Брук. *ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА*. — «Правда», 1928, 21 января.

Позиция Политбюро в этой борьбе отчасти зафиксирована Троцким, который вспоминал, что на внеочередном заседании Политбюро 24 янв. 1923, Куйбышев, наряду со Сталиным и др. — воспротивившись публикации «Как нам реорганизовать Рабкрин...», «предложили напечатать особый номер "Правды" со статьей Ленина в *одном экземпляре*» (Л.Троцкий. *ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА*. Публ. Ю.Фельштинского. — «Обозрение», Париж, №11, 1984, с.41. В *БИОХРОНИКЕ*, т.12, с.568 это заседание Политбюро стоит под датой «23 или 24»).

⁸² В.Кудряшева. В *ГОРКАХ*. — «Голос текстилей», 1928, 21 января. «Заведующий совхозом» — вероятно, А.А. Преображенский.

ником“, надеясь, что В.И. удовлетворится им. Но эти расчеты не оправдались»⁸³.

Подобного рода текстов, созданных, как правило, с целью доказательства ленинской воли и упорства, набирается достаточно много.

Большинство конкретных случаев, свидетельствующих о том, какие именно газетные материалы особенно волновали Ленина, связаны с проходившей осенью-зимой 1923 партийной дискуссией и с именем Троцкого, на которого Ленин в последние месяцы своего политического существования готов был из разных соображений сделать ставку в организационной борьбе против Сталина.

В рождественские праздники несколько раз Ленина навещал его брат Д.И. Ульянов, который из всей семьи Ульяновых после смерти Ленина был наиболее покорен воле эпохи. В 1941 была опубликована его беседа с корреспондентом газеты «Медицинский работник», где Д.И. Ульянов вспоминал: «Врачи запретили читать. Сколько хитрости проявляет Владимир Ильич, чтобы перехватить свежий номер газеты. В одной из них — статья оппозиционера, предателя Троцкого. И вот уже забыты предосторожности: Владимир Ильич горячо возмущается, апеллируя к тем, от кого всего полчаса назад он прятался с газетой»⁸⁴.

В эти же дни в Горках проводил студенческие каникулы Г.Я. Лозгачев-Елизаров, приемный сын А.И. Ульяновой-Елизаровой. Видимо, тот же эпизод представлен в его воспоминаниях: «Просматривая однажды газеты, Владимир Ильич остановил свое внимание на одной из статей, помещенных на странице "Дискуссионного листка". Не дочитав ее до конца, он досадливо сморщился и, слегка смяв газету, отбросил ее от себя. Газета упала со столика на пол. Немного удивленный, я поднял газету и с любопытством взглянул на статью, вызвавшую досаду Ильича. Это была статья Троцкого»⁸⁵.

Очевидно, что Д.И. Ульянов, а вслед за ним и Г.Я. Лозгачев или неверно расшифровывают эпизод, или мистифицируют читателя, желая убедить его в отрицательном отношении Ленина к Троцкому, тогда как действительное отношение Ленина было иным. Об этом свидетельствуют, помимо всего прочего, воспоминания Н.К. Крупской и ее письмо Троцкому от 28 января

⁸³ В.Иванов. *ТАМ, ГДЕ НЕ СТАЛО ЛЕНИНА*. — «Ленинградская правда», 1926, 21 января.

⁸⁴ К.Шашкова. *В ГОРКАХ*. — 1941, 19 января.

⁸⁵ Г.Я. Лозгачев-Елизаров. *НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. Л., 1971, с.249. В 1923 раздела «Дискуссионный листок» в «Правде» не было.

1924: «Дорогой Лев Давидович! /.../ ...то отношение, которое сложилось у В.И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю»⁸⁶.

Но эпизод с газетой все же был. Кажется, третьим его свидетелем была кухарка Горок А.Я. Кузнецова (Лаздынь): «Только один-единственный раз я видела Ленина разгневанным. Это было незадолго до его смерти. В руке у него был номер "Правды", и он в чем-то упрекал Марию Ильиничну»⁸⁷.

Можно попытаться реконструировать ситуацию. Вероятное время действия — 29 декабря 1923. В этот и предыдущий день «Правда» напечатала две статьи Троцкого под общим заглавием «Новый курс»; первая статья цикла была опубликована 12 декабря. Других работ Троцкого в конце декабря в «Правде» не было, опубликованные — вызвать отрицательную реакцию Ленина не могли. Вероятнее всего, гнев Ленина был вызван процессом их публикации. Редакция «Правды» напечатала вторую статью Троцкого «Новый курс. Группировки и фракционные образования» с опозданием на три дня, хотя в редакцию она была доставлена вовремя — 24 декабря, в 12 ч. 15 мин. Приближались рождественские праздники, в дни которых газеты не выходили (26 и 27 декабря), и Троцкому, профессиональному полемисту, вероятно, важно было, чтобы в течение хотя бы нескольких дней его точка зрения оставалась вне критики. Не исключено, что именно поэтому, чтобы никто не успел заняться опровержением его доводов, он и представил свою статью в редакцию в самый канун тиражирования очередного номера на 25 декабря. Но, учитывая политическое значение момента, «Правда» задержала его статью, а 28 декабря, опубликовав ее на четвертой странице, на третьей поместила свою первую (написанную Бухариным) статью из серии «Долой фракционность (ответ редакции ЦО т. Троцкому)». Последовал запоздалый протест автора, на который 29 декабря было отвечено: «/.../ На основании циркуляра "Мосполиграфа" работа 24 декабря может продолжаться только полдня»⁸⁸.

⁸⁶ Л. Троцкий. *МОЯ ЖИЗНЬ*, с.252. Вновь опубликована (по архиву Л.Д. Троцкого в Гарварде) в: «Страна и мир», Мюнхен, 1984, №3, с.43 (публ. Ю.Фельштинского, который, к сожалению не дает необходимого археографического комментария к документам; дата письма здесь — 29 января 1924 г.).

⁸⁷ А.Кузнецова. *ЛЕНИН В СЕМЬЕ*. — В сб.: *О ЛЕНИНЕ*. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с.291.

⁸⁸ 25 декабря в «Правде» 4 полосы вместо обычных 8, в «Известиях» того же дня — 6 полос (обычно — 8).

Вероятно, «бюрократическое» оправдывание «Правды», где М.И. Ульянова была ответственным секретарем, и вызвало гнев Ленина.

Материалы дискуссии, которую Сталин, Зиновьев и Каменев повернули против Троцкого, держали Ленина в постоянном напряжении. 19 и 20 января он в последний раз просматривал газеты, ознакомился с резолюциями XIII партконференции, из которых с очевидностью вытекало поражение Троцкого. Эти материалы разволновали больного, несмотря на попытки Крупской смягчить их действие: при чтении она несколько неточно привела итоги голосования. Полагая, что для Ленина важнее всего единство партии, она пыталась уверить его, «что резолюции приняты единогласно»⁸⁹.

Входившая в состав персонала, обслуживавшего Ленина, Э.Я. Земнице (Балтынь) наверняка выражала не только свое мнение, но и других обитателей Горок, когда писала: «Возможно, что /.../ роковой поворот в ходе болезни Владимира Ильича произошел потому, что его взволновали неприятные известия, опубликованные в газетах. В то время нашей партии приходилось бороться против троцкистов»⁹⁰.

«Скоро для нас настали совсем печальные дни, — вспоминала Кузнецова о последнем месяце жизни Ленина, месяце, на который пришлись партийная дискуссия и конференция, — так как Ленин загрустил. Он перестал смеяться, шутить, погрузился в какие-то думы»⁹¹.

⁸⁹ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.587. Механизм публикаций в «Правде» ложных сообщений о голосовании в московских парторганизациях правдоподобно изложен в воспоминаниях Бориса Бажанова (*ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА*, Париж-Нью-Йорк, изд-во «Третья волна», 1983, с.78-80).

На траурных митингах 1924 среди вопросов докладчикам были следующие: «/.../ Знал ли он [Ленин] о последней дискуссии, какие у него были взаимоотношения с тов. Троцким» (см. раздел «Сокольнический район» в газ. МК РКП «Комьячейка», 1924, 10 февраля). Что должны были отвечать докладчики, которые в ответах, видимо, были вынуждены руководствоваться устными или письменными инструкциями МК, полученными ими в райкомах (см. об инструкциях и инструктивных докладах в ук. номере «Комьячейки»? Единственное найденное нами в тогдашней печати упоминание о знакомстве Ленина с дискуссией — корреспонденция из Москвы журналиста М.Фастовского в газете «Советский Юг» (*ВСТРЕЧА ИЛЬИЧА*. — 1924, 30 января). Утром 23 января, вероятно, не без покровительства Микояна, Фастовский присутствовал в Горках в ожидании выноса тела: «Товарищи делятся впечатлениями: всего только в воскресенье В.И. Ленину читали доклад т. Рыкова, "Новый курс" т. Троцкого, три раза прочитывали статью о ленинизме». (*НОВЫЙ КУРС* появился в Москве 16 января).

⁹⁰ Э.Балтынь. *ПРЕКРАСНЕЙШИЕ МИНУТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ*. — В сб.: *О ЛЕНИНЕ*. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с.278-279.

⁹¹ Там же, с.291.

Кроме газет, в Горках пользовались и другими видами печатной продукции — журналами, книгами, иллюстративным материалом. «Нам присылали, — писала Крупская, — все вновь выходящие книжки. Владимир Ильич просматривал приходящие пачки и отбирал те книги, которые его интересовали, — о НОТе, о финансах, сочинения Воровского, Троцкого, литературу, связанную с партдискуссией /.../, атласы, справочники»⁹². Составители «Биохроники» тщательно отобрали книги, привлёкшие внимание Ленина в болезни. Источники регистрации — воспоминания Крупской, История болезни Ленина, некоторые другие документы. На фоне подробного описания книг привлекают внимание обобщённые записи: «Октябрь, 13. Ленин отбирает в своей библиотеке ряд книг /.../». «Октябрь 19. Ленин отбирает ряд книг в своей библиотеке в Кремле /.../». «Декабрь, 1. Ленин запрашивает новые книги /.../». «Декабрь, 31. Ленин запрашивает /.../ ряд книг из новых поступлений». «Январь, не позднее 4. Ленин запрашивает и получает новые книги /.../».

Не остается сомнений в том, что за определением «ряд книг» скрывается, прежде всего, имя Троцкого, а также имена других участников будущих оппозиций. Некоторые записи, кажется, поддаются более точному прочтению.

Н.К. Крупская упоминала, что Ленин «внимательно следил за библиографией, указывая книги, которые надо достать ему»⁹³. О вновь выходящей литературе Ленин, в частности, узнавал из газетных объявлений. Д.В. Фельдберг вспоминал, что в последние месяцы своей жизни Ленин «просматривал в газете список важнейших книг и указывал на названия тех из них, которые он хотел бы просмотреть»⁹⁴.

1 ноября он запрашивает №1 нового журнала «Звезда», в котором публиковалась его ранняя работа «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме». Вероятнее всего, о выходе журнала Ленин узнал из объявления в «Правде» от 28 октября⁹⁵.

18 ноября «Правда» поместила рецензию на книгу М.Адлера «Марксизм как пролетарское учение о жизни» и объявление о выходе 8-9 книжки журнала «Под знаменем марксизма». Очевидно, что Ленин, заказавший 20 ноября оба упомянутых издания, узнал о них из «Правды» за 18 ноября.

⁹² ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.588.

⁹³ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.587.

⁹⁴ «Вечерняя Москва», 1924, 28 января.

⁹⁵ БИОХРОНИКА (т.12, с.639) на основании того же объявления в «Петроградской правде» от 20 октября 1923 датирует более расширительно: «не ранее 20 октября».

Вполне вероятно поэтому, что 1 декабря, запрашивая «новые книги», Ленин хотел получить работу Л.Троцкого «Как вооружалась революция», или его же: «Литература и революция», или брошюру Г.Зиновьева «Проблемы германской революции» — все три издания рекламировались в «Правде» 25 ноября. 31 декабря и повторно, 4 января, он вполне мог пожелать «ряд книг» из списка «Правды» от 28 или 29 декабря, где сообщалось о выходе в рамках партдискуссии работ Зиновьева, Каменева и Сталина. Предыдущую информацию о подготовке к печати этих же статей Каменева, Сталина, выходе книги Зиновьева Ленин видел еще 16 декабря, когда в этот день в «Правде» он обратил внимание на извещение о скором выходе из печати книги «Н.Ленин о партийном строительстве за 20 лет»⁹⁶.

Еще одна выписка из «Биохроники»: «Январь, 16. Выполняя поручение Ленина, библиотекарь Ш.Н. Манучарьянц посылает 5 книг из его библиотеки для переплета в типографию "Красный пролетарий" /.../». Конечно, это сообщение призвано подчеркнуть читательскую и иную активность Ленина во время болезни, но его бережное отношение к книгам «неизвестных» авторов может быть прочитано в пользу этих авторов, имена которых поэтому и опущены «Биохроникой»⁹⁷. Если мы скажем, что среди отданных в переплет книг были скорее всего работы Троцкого, возможно — Бухарина, Каменева, Зиновьева, Радека, то не рискуем ошибиться.

Что же касается 19 октября, то известно, что в «ряд книг», перевезенных Лениным из Москвы в Горки, входили «сочинения Троцкого»⁹⁸.

В довоенные годы Горки время от времени посещали немногочисленные одиночки и группы. Некоторые из них оставили описание той печатной продукции, которая экспонировалась в комна-

⁹⁶ *БИОХРОНИКА*, ссылаясь на Историю болезни, регистрирует, что 17 декабря, т.е. на следующий день после объявления в «Правде», Ленин запросил этот сборник. Не совсем понятно, каким образом Ленин мог затребовать издание, которое к 17 декабря еще не вышло из печати: помещенное в нем предисловие К.Новицкого датировано 9 января 1924. У нас нет оснований сомневаться в интеллекте Ленина — предположение, что смысл объявления («выходит из печати») остался ему недоступен, пожалуй, следует отклонить.

Возможно, Ленин пытался объяснить окружающим, что желает видеть сборник по выходе, но его неверно поняли и соответственно неверно произвели запись в Истории болезни.

Возможно также, что Ленин имел в виду отнюдь не готовый сборник, а его верстку, гранки, макет. Возможно, он собирался таким образом проявить свою авторскую волю: включить что-либо в сборник или исключить из него. Скажем, удостовериться, вошли ли в сборник его последние работы. Или исключить из него некоторые полемические выпады против Троцкого.

⁹⁷ Ср. поручения Ленина библиотекарю от 26 октября, 8 ноября, 14 и 17 декабря.

⁹⁸ Володя [В.А. Рукавишников]. *ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА* (18 октября 1923 года). — «Гудок», 1924, 23 апреля.

те Ленина к моменту их визита. Неизменными атрибутами предсмертного ленинского часа оставались лишь две книги: М. Горький и Д. Лондон. Остальная раскладка — в зависимости от конъюнктурных соображений и, видимо, вкусов хранителей мемориала.

Кино

Еще один источник информации Ленина — кино. С осени в Горках стали смотреть кинофильмы, художественные и хроникальные. Первый известный сеанс зарегистрирован 29 ноября. Заказывала ленты, как правило, М.И. Ульянова. Основная цель, которую она ставила при выборе, — развлечь, отвлечь Ленина. В конце декабря — начале января на киносеансах в Горках присутствовал Г.Я. Лозгачев: «Находчивая Мария Ильинична добывала в Москве коротенькие видовые фильмы и комические картины дореволюционного производства. Повеселившись, все расходились по своим комнатам»⁹⁹. Луначарский записал со слов Крупской, что «программа этих кино вечеров была /.../ ниже всякой критики»¹⁰⁰. Известные списки фильмов, заказанных в Госкино и Севзапкино¹⁰¹, не дают оснований утверждать, что все ленты, поименованные в них, просмотрены Лениным. Среди хроникальных фильмов были: «Красный фронт», «Соглашение с Финляндией», «Англия», «Генуэзская конференция» и др.

Восприятие

В какой степени воспринималась Лениным та информация, которую ему предлагали? Еще после первого удара (1922, май) Ленин на короткое время отчасти потерял способность воспринимать словесную речь окружающих. Эта реакция вскоре полностью восстановилась и продолжала сохраняться вплоть до мартовских приступов, когда вновь утратилась в значительной степени. В конце весны — начале лета его самочувствие улучшилось, и к середине июня он «прекрасно мог понимать речь окружающих», но в двадцатых числах июня вновь возник рецидив слуховой агнозии. В конце июля психическое расстройство, вызвавшее поражение слухового восприятия, смягчилось, и с этого времени «понимание речи окружающих восстановилось вполне»¹⁰². Наиболее четко и полно осознавалась речь Н.К. Крупской, в отношениях с другими собеседниками встреча-

⁹⁹ Г.Я. Лозгачев-Елизаров. *НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. Л., 1971, с.247.

¹⁰⁰ «Литературное наследство», т.80, с.733.

¹⁰¹ См.: «Кино», 1933, №4, 22 января; «Молодая гвардия», 1966, №4, с.239-240; «Наука и религия», 1969, №1, с.14-15.

¹⁰² «Наша искра», 1925, №1, с.12, 13.

лись некоторые сложности. Мимику и жесты в период болезни Ленин воспринимал адекватно.

Анализ действительности также не вызывал затруднений, хотя временами окружающие, кажется, сомневались в этом. Эпизод с грибами может служить некоторым примером. Когда в парке Горок появились грибы, Ленин припомнил свое давнее увлечение. Он выезжал на прогулку и, сидя в кресле, которое передвигал санитар, рукой указывал на оказавшийся в поле его зрения гриб. Вскоре все грибы в парке были собраны. Желая продлить больному удовольствие, «его близкие заранее набрали грибы и рассадили их по той дорожке, по которой обычно провозили В.И. Он эту доброжелательную проделку быстро расшифровал»¹⁰³. Со слов Н.К. Крупской «расшифровка» дана в воспоминаниях П.С. Виноградской: «В очередное утро, когда Ленин выехал на прогулку, он вдруг увидел парк, пестревший грибами. Владимир Ильич сразу что-то заподозрил и попросил "сорвать" ближайший гриб. Когда поднесли его Ленину, он не стал смотреть на шляпку, а лишь взглянул на ножку и сразу заметил, что она срезана. По лицу Ленина скользнуло выражение недовольства, и поднятой рукой он дал знак вернуться домой. /.../ На следующее утро он отказался поехать на прогулку. То же повторилось и в ближайшие дни...»¹⁰⁴. Недоверие окружающих к его умственным способностям и впоследствии не раз приводило Ленина в ярость.

Реакции

Речи и письма как способов передачи информации Ленин был лишен. И тем не менее в его распоряжении оставался достаточно богатый арсенал простейших информационных приемов: речевые остатки, сопровождавшиеся разнообразной интонацией, голосовые модуляции, выразительная, по наблюдению современников, мимика, получившая еще большее развитие в болезни, жестикуляция, поведение. В одних случаях этот язык был предельно прост и понятен для его партнеров, в других — так и оставался закрытым или расшифрованным задним числом. Г.Я. Лозгачев отметил, что «окружающие почти всегда понимали» больного, «хотя иногда и не обходилось без маленьких недоразумений». Выработались определенные методы беседы с участием Ленина. «За столом, как правило, велся живой непринужденный разговор на разные общие темы в веселом тоне и направлялся так, чтобы Владимир Ильич принимал в

¹⁰³ Проф. С.М. Доброгаев. *В.И. ЛЕНИН В БОРЬБЕ С БОЛЕЗНЬЮ*. — «Ленинградская правда», 1927, 21 января.

¹⁰⁴ П.С. Виноградская. *ГОДЫ И ЛЮДИ*. М., 1972, с.72-73.

нем участие. Перебрасывались шутливыми замечаниями, часто обращаясь к нему с легкими вопросами, но так, чтобы он мог ответить утвердительно или отрицательно, не затрудняясь сложным ответом»¹⁰⁵.

Конкретный пример бытового диалога, инициатором которого выступает Ленин, приводил В.П. Осипов. «Однажды М.И. сообщила, что В.И. очень раздражен и она не знает, чем его успокоить. Войдя в столовую, я увидел, что Владимир Ильич с недовольным видом сидит за столом, на столе завтрак и мензурка с хинином. Увидев меня, больной сильно покраснел, показал на мензурку, показал мне кулак, начал голосом выражать недовольство, обнаружил гневную вспышку. Подойдя к больному, я сказал ему: "Не хотите принимать лекарство? Не надо, я вовсе не хочу вас уговаривать и принуждать". Гневная реакция моментально исчезла, сменилась смехом и очень довольным выражением лица»¹⁰⁶. Эпизод достаточно прост, но включает почти весь набор коммуникативных приёмов, которыми Ленин пользовался в болезни.

Ознакомление Ленина с информацией общественного характера осуществлялось в основном при помощи газет, которые читала ему Крупская. Соответствующая реакция сигнализировала о его отношении к тексту. Характер интереса демонстрировал не только факт восприятия текста, но и сущность его идейной оценки. При желании можно было выяснить отношение Ленина к любому предмету — скажем, к итогам дискуссии по проблемам партстроительства и к ее конкретным участникам. В силу разного рода обстоятельств Крупская или не выявляла отношение Ленина к этим вопросам, или не решалась письменно зафиксировать фрагменты ленинского политического мировоззрения последних месяцев жизни. Кратковременное участие жены Ленина в «новой оппозиции» отчасти может пролить свет на итоги предсмертных размышлений самого Ленина; не исключено, что его взгляды в какой-то степени отразились и в выступлениях Крупской¹⁰⁷ пе-

¹⁰⁵ Г.Я. Лозгачев-Елизаров. *НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. Л., 1971, с.245.

¹⁰⁶ «Красная летопись», 1927, №2, с.241.

¹⁰⁷ См: «Правда», 1924, 3 и 11 января. Приводим выдержку из статьи *БЛИЖЕ К РАБОЧЕЙ МАССЕ* от 3 января:

«Говорят, что партийный аппарат бюрократичен, что он мертвит жизнь партии, что вместо того, чтобы служить делу спайки между рабочей массой и руководящим центром, аппарат превратился в средостение между ними. Не станем спорить. Что же надо сделать, чтобы это изменить? Где практические предложения? Уничтожить партийный аппарат? Вряд ли кто, кроме сисечного ребенка, это предложит. Обновить состав аппарата? Подыскать менее бюрократически устроенных людей /.../? Не в людях дело, а в системе, в структуре аппарата».

риода дискуссии 1923. Но в опубликованной части воспоминаний о Ленине она лишь продемонстрировала некоторые приемы ее интеллектуального общения с Лениным. «В связи с чтением газеты Владимир Ильич постоянно спрашивал меня то о том, то о другом товарище, посылал — если я не знала сама — справиться по телефону. Спрашивал также о Потресове, об Аксельроде, Станиславе Вольском, о Богданове. /.../ Газета облегчала отгадывание вопросов Владимира Ильича. Отгадывать было возможно потому, что когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации вызывает. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова «что» после этого означает вопрос о Потресове, о его политической позиции. Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать»¹⁰⁸.

II. ЛЕЧЕНИЕ

Врачи

Кто лечил Ленина, каковы версии относительно его болезни и смерти?

В наблюдении за здоровьем Ленина и уходе за ним принимало участие около 40 врачей и младшего медицинского персонала. Наиболее полно список врачей был опубликован в «Сообщении о болезни и смерти В.И. Ульянова (Ленина)»¹⁰⁹. «Биохроника» дополнила перечень 1924 еще одним именем (Л.И. Свержевский), отметила, что ряд может быть продолжен¹¹⁰. Имеющийся список одновременно, кажется, должен быть несколько сокращен: составители «Биохроники» полагают, что все поименованные ими врачи в разные периоды 1923 — января 1924 участвовали в лечении Ленина; похоже, однако, что некоторые из них прекратили свои контакты с больным еще в 1922.

Реестр приблизительно таков:

Терапевты:

Федор Александрович Гетье (1863-1938), до 1917 руководитель ряда крупнейших московских больниц. Был приглашен в Лечсанупр Кремля, видимо, в начале 1919; в конце 1921 по инициативе Ленина официально зачислен консультантом Кремлевской больницы. С 1920 «заведующий

¹⁰⁸ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.587-588.

¹⁰⁹ «Правда», 1924, 24 января. См. также: «Красная нива», 1927, №4, с.6.

¹¹⁰ Т.12, с.573.

врач» подмосковного санатория «Химки». Лечащий врач Крупской и Ленина, с которыми прожил «под одной крышей около 8 месяцев во время его болезни»¹¹¹.

Павел Иванович Елистратов (ок. 1865 - 1927), старший врач терапевтического отделения больницы им. проф. Остроумова (б. братьев Бахрушиных), в 1920-х консультант Лечсанупра Кремля. Его пациентом Ленин стал в конце марта 1923, не позднее 28 числа, когда подпись П.И. Елистратова впервые значится под бюллетенем о состоянии здоровья Ленина. Вместе с О.Ферстером и В.П. Осиповым констатировал смерть Ленина¹¹².

Георг Клемперер (1865-1946), Германия. Впервые был приглашен к Ленину в конце февраля — начале марта 1922 (осмотр — в конце месяца). Летом того же года некоторое время состоял при Ленине в Горках. По словам Клемперера, в апреле 1923 он участвовал в консилиуме 12 известных врачей¹¹³.

Лев Григорьевич Левин (1870-1938), с апреля 1920 — врач-ординатор, зав. терапевтическим отделением Кремлевской больницы. Не позднее 25 апреля 1922 привлечен к лечению Ленина, регулярно упоминается среди врачей 1923. В 1938 по процессу «правотроцкистского блока» вместе с другими профессорами обвинялся в убийстве при помощи медицины В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького; расстрелян¹¹⁴.

Оскар Минковски (1858-1931), Германия. Его подпись зарегистрирована под бюллетенями от 12 марта — 10 апреля (№№1-21)¹¹⁵.

Владимир Александрович Обух (1870-1934), член партии с 1894, зав. Мосздравотделом, неоднократно участвовал в консилиумах¹¹⁶.

Адольф фон Штрюмпель (1852-1925), Германия. В числе приглашенных из-за границы профессоров подписал бюллетень №10 от 22 марта¹¹⁷. Более известен как невролог, в этом качестве и приглашался к Ленину.

¹¹¹ Ф.А. Гетье. *САМЫЙ ВЕЛИКИЙ И САМЫЙ СКРОМНЫЙ*. — «Рабочая Москва», 1935, 21 января; то же: *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.380.

¹¹² См.: *ВРАЧИ О БОЛЕЗНИ И КОНЧИНЕ ТОВ. ЛЕНИНА*. Беседа с доктором Елистратовым. — «Правда», 1924, 31 января. См. о нем некролог и библиографию: «Научный работник», 1928, №8-9, с.116.

¹¹³ См. отклик Кемперера на смерть Ленина в стокгольмской газете «Nya Dagligt Allehanda» (1924, 28 jan.); также: Л.Фишер. *ЖИЗНЬ ЛЕНИНА*. London, 1970, с.866, 872-873; *БИОХРОНИКА*, т.12, с.275, 355; Мих. Сонкин. *БИТВА ПРИ ГЕНУЕ*. — «Звезда», 1969, №7, с.167, 173, 182; №9, с.167. Л.Фишер говорит (ук. соч., с.867) о Феликсе Клемперере (1866-1932), также известном враче-легочнике, брате и соавторе Георга Клемперера (*INTERNATIONAL BIOGRAPHICAL DICTIONARY OF CENTRAL EUROPEAN EMIGRES. 1933-1945*, vol.II, part 1: A-K. The Arts, Sciences and Literature. München-New-York-London-Paris, 1983, p.630).

¹¹⁴ См.: Л.Г. Левин. *ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О В.И. ЛЕНИНЕ*. — В сб.: *О ЛЕНИНЕ*. Сборник воспоминаний. Вып.1, Л., 1925, с.145-159.

¹¹⁵ Даты публикации бюллетеней см. по *БИОХРОНИКЕ*, т.12.

¹¹⁶ См.: *ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА*. (Беседы с тт.Соловьевым и Обухом). — «Красная звезда», 1924, 24 января; *ТОВ. ОБУХ СООБЩИЛ*. — «Рабочая Москва», 1924, 25 января.

¹¹⁷ См. также: Н.А. Семашко. *КТО ЛЕЧИТ В.И. ЛЕНИНА?* — «Правда», 1923, 22 марта.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927), привлекался к консультации дважды — в начале мая и в ноябре 1923¹¹⁸.

Освальд Бумке (1877-1950), Германия. Подписал бюллетени от 22 марта — 30 апреля (№№10-30)¹¹⁹.

Ливерий Осипович Даршкевич (1858-1925), о его визите (вероятно, единственном) к Ленину в марте 1922 упоминает Н.А. Семашко¹²⁰.

Сергей Мартынович Доброгаев (1873-1952), с середины мая, когда впервые посетил Ленина, по середине (?) ноября жил в Горках¹²¹.

Алексей Михайлович Кожевников (ум. после 1931), старший врач нервного отделения больницы им.Семашко (б.Александровская), приглашен к Ленину 29 мая 1922 «и пробыл у него бесшумно, дежуря у него на дому до 1 октября того же года. /.../ Октябрь, ноябрь и декабрь 1922 года /.../ наблюдал /.../ периодически и затем с конца декабря до мая прошлого 1923 года — ежедневно. /.../ В последний период /.../ болезни мне, — писал А.М. Кожевников, — не приходилось следить за его здоровьем с той пунктуальностью, как в первые месяцы»¹²². В раннем варианте сообщения (д-р Кожевников. *ЛЕНИН КАК ПАЦИЕНТ*. — «Вечерняя Москва», 1924, 24 января): «В мае же месяце, с вторичным переездом Владимира Ильича в Горки, моим посещениям наступил конец».

Василий Васильевич Крамер (1876-1935), консультант Лечсанупра, регулярно наблюдал Ленина в течение года с конца мая 1922. Позднее участвовал в консилиумах¹²³.

Михаил Борисович Кроль (1879-1939), член-корреспондент АН СССР (1939), с 1934 по 1938 главный врач Кремлевской больницы. Привлечен в 1923¹²⁴, вероятно, по рекомендации Л.С. Минора, его учителя.

¹¹⁸ См.: В.М. Бехтерев. *ЧЕЛОВЕК ЖЕЛЕЗНОЙ ВОЛИ*. — «Ленинградская правда», 1924, 26 января.

¹¹⁹ Воспоминания Освальда Бумке (Oswald Bumke. *ERINNERUNGEN UND BETRACHTUNGEN. DER WEG EINES DEUTSCHEN PSYCHIATERS*. München, 1952; писались в 1946) довольно известны в зарубежной лениниане. В них красочно описывается жизнь в Москве в 1923: гостиница, приемы, еда, Третьяковка, спецпоезда в Сов. Россию, Кремль и его охрана, встречи с Троцким, Радеком, Чичериным, а о Ленине — «мало что могу сказать... Не потому, что профессиональная врачебная тайна обязывает еще молчать (Ленин страдал тяжелым артериосклерозом), но потому, что Ленин уже был слишком болен, чтобы я смог составить собственное суждение» (Ук. соч., с.109; разрядка автора); далее, как и М.Нонне (об этом см. ниже) — в характеристике Ленина полагается на Ферстера, знавшего Ленина в начале болезни.

¹²⁰ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.2, с.283; см. также: Я.Ю. Попелянский. *ПРОФЕССОР Л.О. ДАРШКЕВИЧ*. Казань, 1976, с.176.

¹²¹ «Наша искра», 1925, №1, с.29.

¹²² *ВРАЧИ О БОЛЕЗНИ ИЛЬИЧА*. Д-р А.М. Кожевников. — «Известия», 1924, 29 января.

¹²³ См.: В.В. Крамер. *КАК ПРОТЕКАЛА БОЛЕЗНЬ ИЛЬИЧА*. — «Вечерняя Москва», 1924, 25 января; его же: *ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ УМ*. — «Дон», 1962, №4, с.85-86. О выступлениях В.В. Крамера на вечере памяти В.И. Ленина в Доме ученых в 1925 см.: «Вечерняя Москва», 1925, 23 января.

¹²⁴ См.: М.Б. КРОЛЬ [Некролог]. — «Правда», 1939, 8 августа. (См. след. стр.)

Макс Нонне (1861-1959), Германия. Подпись под бюллетенями от 22 марта, 22 апреля — 26 мая (№№10, 27-35).

Виктор Петрович Осипов (1871-1947) — «познакомился с Владимиром Ильичом в качестве врача в первых числах мая 1923 г. и затем все время был у него, за исключением очень коротких промежутков»¹²⁵. Один «короткий промежуток» известен: с 3 по 10 января 1924 в Петрограде состоялся Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) — Осипов принимал в нем участие¹²⁶. Вероятно, 30 и 31 декабря 1923 он присутствовал также на торжествах, посвященных 125-летию Военно-Медицинской Академии, где Осипов возглавлял кафедру. Не позднее 13-14 января 1924 Осипов вернулся в Горки¹²⁷.

Григорий Иванович Россолимо (1860-1928) был связан с Лениным в 1922. Упоминание имени Россолимо в связи с 1923 нами не обнаружено. К удивлению Ф.Хеншена (см. ниже), ни Россолимо, ни Минор — наиболее известные русские невропатологи — участия в фундаментальных мартовских консилиумах не принимали.

Давид Владимирович Фельдберг (1873-1942), профессор Ленинградского ин-та социального воспитания, заместил вернувшегося в Петроград С.М. Доброгаева, провел в Горках два последних месяца жизни Ленина¹²⁸.

Отфрид Ферстер (1873-1941), Германия. Впервые посетил Ленина в конце марта 1922. С мая того же года, за исключением небольших отпусков на родину и трехмесячного перерыва осенью 1922, находился при Ленине¹²⁹: «по май 1923 играл ведущую роль» в лече-

Осенью 1923 по делам возглавлявшейся им Клиники нервных болезней Белорусского гос. ун-та находился в Германии (см. Г.Григорьев. *БЕЛОРУССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ*. — «Известия», 1923, 12 октября; ср. уточнения к этой заметке: *ПРОФЕССОР М.КОЛЬ*. Письмо в редакцию. — «Известия», 1923, 4 декабря), откуда вернулся в Москву не позднее начала ноября 1923 (см. «Московский медицинский журнал», 1924, №3, с.218).

¹²⁵ «Наша искра», 1925, №1, с.9.

¹²⁶ См. отчеты о съезде в редактировавшейся Осиповым «Врачебной газете» (1924, №№2-4, 8, 10).

¹²⁷ См.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.660.

¹²⁸ См.: М.Д. *ИЛЬИЧ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ*. — «Ленинградская правда», 1924, 1 февраля.

¹²⁹ См.: *ПРОФЕССОР ФЕРСТЕР О БОЛЕЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА*. — «Правда», 1924, 31 января; его же: *О ЛЕНИНЕ*. — «Молодая гвардия», 1924, №1, с.113-116; *ВОСПОМИНАНИЯ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ЛЕНИНА*. — «Правда», 1925, 21 января. Помимо отпусков, упомянутых самим Ферстером, довольно продолжительная отлучка была еще в конце сентября — начале ноября 1923 (См.: *РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ*. Воспоминания о Н.К. Крупской. М., 1969, с.189). Отлучка легко объяснима: Ферстер присутствует на ежегодном 13 годовом собрании Общества немецких невропатологов, Данциг, сентябрь; и в конце октября в Бреслау (сведения почерпнуты из библиографии Ферстера в: Klaus Joachim Zülch. *OTFRID FOERSTER. ARTZT UND NATURFORSCHER. 9.11.1873 — 15.6.1941*. Berlin-Heidelberg-New-York, 1966, S.96.). Где с осени 1923 чаще бывал Ферстер — в Горках или Москве, — сказать трудно (см. след. стр.)

нии¹³⁰, которая, по-видимому, перешла затем от Ферстера к В.П. Осипову.

Саломон Эберхард Хеншен (Геншен) (1847-1930), Швеция. Вместе с сыном, патологоанатомом Ф.Хеншеном (1881-1976), в начале двадцатых чисел марта 1923 участвовал в консилиуме, подписал бюллетень №10. В числе некоторых других иностранных специалистов 24 марта был приглашен на заседание Политбюро (председательствовал Л.Троцкий), где рассматривался вопрос о диагнозе и дальнейшем лечении¹³¹.

Хирурги:

Юлиус (?), или Морис (?), или Август (?) Борхардт, Германия. Оперировал Ленина в апреле 1922, удалил одну из двух пуль, которыми Ленин был ранен в августе 1918. Его участие в консультациях 1923 сомнительно. [И.Фишер, сост. «Biographisches Lexikon der hervorragenden Ärzte» (в 2-х тт., Берлин-Вена, 1932-33), называет трех следующих Борхардтов: Лео (1879 - ?), Август и Мориц. Юлиуса Борхардта (имя дано в советских источниках — см., напр., «Биохроника», т.12, по имен. указателю) здесь (Vd. I, s.148) нет. Причем, два последних работали в то время в Берлине (по советским источникам — берлинский врач). Август Борхардт — специалист по травмам головного мозга, эндартерииту, сифилису, полевой хирургии; Мориц Борхардт — по полевой хирургии, хирургии мозга, директор хирургической клиники в Берлине. По-видимому, Мориц Борхардт был связан с Г.Клемперером (оба работали в Моабитской больнице)].

Борис Соломонович Вейсброд (1874-1942), член партии с 1904, один из организаторов здравоохранения советской России. Участвовал в

(См., напр., *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.409; *БИОХРОНИКА*, т.12, с.662). Летом 1922, напр., Ферстер «проживал в самой Москве, но каждый день выезжал в Горки» (А.Лу-ч. *ПРОФЕССОР ФЕРСТЕР О БОЛЕЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА*. — «Вечерняя Москва», 1924, 29 января).

¹³⁰ Л.А. Фотиева. *ИЗ ЖИЗНИ ЛЕНИНА*. М., 1967, с.179, примечание. Фактически продолжал пользоваться авторитетом ведущего врача; Ферстер первым констатировал смерть Ленина: именно он сказал «genug» — и врачи, пытавшиеся вернуть Ленину дыхание, прекратили старания (устное сообщение о выступлении в МГУ в конце 1930-х санитаря, ухаживавшего за Лениным в Горках). Подпись Ферстера всегда возглавляет список врачей, Осипов — вслед.

¹³¹ См.: «Известия», 1923, 20 марта; Folke Henschen. *MIN LANGA VÄG TILL SALAMANCA*. Stockholm, 1957, с.234-247, здесь содержатся также сведения о других врачах-иностранцах; он же: *OM LENIN, HANS HÄRSTAMMING, FAMILJ OCH SJUKDOM*. — «Recip reflex», Stockholm, 1969, N1, с.29-34; Olle Henschen-Nyman. *LENINS SISTA SJUKDOM OCH DÖD*. — «Uppsala nya Tidning», 1967, 1 nov.; S.E.Henschen. *OM LENINS SJUKDOM OCH ORSAKEN TILL HANS DÖD*, 1924 (эта работа осталась нам недоступной). Вкратце его точка зрения изложена так: «В середине марта я был приглашен вместе с 5 другими (немецкими) врачами в качестве консультанта. Совместно мы поставили диагноз хронический эндартериит с последующим тромбозом в головной мозг и некрозом наряду с афазией. Мои коллеги предполагали специфическую этиологию, которую (см. след. стр.)

лечении еще в 1918, в 1923 входил какое-то время в группу дежурных врачей¹³².

Николай Николаевич Приоров (1885-1961), травматолог-ортопед. Ассистировал на операции 1922, осенью 1923 несколько раз приезжал в Горки с В.Н. Розановым налаживать ортопедическую обувь¹³³.

Владимир Николаевич Розанов (1872-1934), старший врач Хирургического отделения Солдатенковской (Боткинской) больницы, с 1919 консультант Лечсанупра, с 1928 или 1929 зав. Хирургическим отделением Кремлевской больницы. Впервые был приглашен к Ленину после покушения 1918, ассистировал на операции 1922, с 11 марта привлечен к постоянным дежурствам, в которых участвовал, видимо, до конца июля 1923¹³⁴. Вернувшись из августовского отпуска, «несколько раз навещал Владимира Ильича»¹³⁵. До революции — активно работал в Земгоре.

Прочие специалисты:

Михаил Иосифович Авербах (1872-1944), офтальмолог, академик АН СССР (1939), консультант Лечсанупра. Трижды посетил Ленина в 1922, затем еще два раза — 15 марта и 20 января 1924¹³⁶.

Людвиг Иосифович Свержевский (1867-1941), отоларинголог, консультант Лечсанупра.

Василий Самойлович Юделович, стоматолог, знаком с Лениным с 1918¹³⁷.

автор, напротив, полагал возможной, но не вероятной. Вскрытие подтвердило диагноз автора» (Henschen /В:/ L.R. Grote /Hrsg./ *DIE MEDIZIN DER GEGENWART IN SELBSTDARSTELLUNGEN*. /Bd.5/, Leipzig, 1925, S.65). Ю.Дашков. *В ПАМЯТИ ХРАНИМЫЙ*. — «Сельская жизнь», 1970, 21 января; *БИОХРОНИКА*, т.12, с.596-598.

¹³² См.: *ВРАЧИ О БОЛЕЗНИ И КОНЧИНЕ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА*. Беседа с доктором Вейсбродом. — «Правда», 1924, 31 января. См. также: «Московский медицинский журнал», 1924, №8, с.179-180; «Хирургия», 1964, №11, с.151-155. Публикации его воспоминаний конца 1930-х в части, касающейся 1923, практически безинформативны или вторичны.

¹³³ См.: Н.Н. Приоров. *НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. — «Здоровье», 1960, с.5-6.

¹³⁴ Возможно, постоянные дежурства Розанова продолжались лишь до конца апреля. В мае-июне он был уже относительно свободен: 14 мая, 4 и 11 июня Розанов присутствовал на заседаниях Русского хирургического общества (см.: «Московский медицинский журнал», 1924, №1, с.225-226).

¹³⁵ В.Розанов. *ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ*. — «Красная новь», 1924, №6, с.158-159; то же в сокращении: *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.3, с.321, 322. См. также: А.Н. Шибанов, Б.Л. Осповат, И.В. Богорад. *В.Н. РОЗАНОВ*. М., 1981.

¹³⁶ См.: М.И. Авербах. *ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ* (речь, произнесенная на общем собрании сотрудников, больных и посетителей городской глазной больницы им. Гельмгольца). — «Правда», 1924, 1 марта; то же с незначительными сокращениями: *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.383-391.

¹³⁷ В.С. Юделович. *ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ*. — «Журнал одонтологии и стоматологии», 1924, №3, с.86-89.

М.И. Авербах, как, вероятно, и Л.И. Свержевский, был вызван к Ленину по инициативе невропатологов, которые надеялись, что глаза (а во втором случае — миндалины, носовая полость и т.п.), как писал Авербах, «дадут какой-нибудь ключ для объяснения мозгового процесса, бывшего вначале /.../ еще совершенно таинственным»¹³⁸. К определению диагноза, кажется, был привлечен и зубной врач Ленина: некоторые болезни (например, сифилис) характеризуются полулунными выемками верхних резцов; подробное описание верхних резцов Ленина было предложено В.С. Юделовичем 18 февраля 1924 на вечере памяти Ленина в Московском одонтологическом обществе. «Вспоминая о зубах В.И. Ленина, у меня появилась мысль, нельзя ли по конфигурации зубов судить о характере человека. /.../ И если, в частности, говорить о зубах В.И., то его зубы, крепкие по конструкции, желтого цвета (по расцветке Аша F5), в общем правильные по форме, расположению и смыканию. Верхние резцы — широкие (ширина режущего края почти равна длине коронки зуба) с сильно развитым режущим краем, загнутым внутрь (к нёбу), — и зубы его, без сомнения, прекрасно гармонировали с общим впечатлением прямоты, твердости и силы характера»¹³⁹.

Акт патологоанатомического исследования¹⁴⁰ подписали, помимо части лечащих врачей (Ферстер, Осипов, Елистратов, Розанов, Обух, Вейсброд, Семашко), анатом Александр Александрович Дешин (1869-1945), антрополог Виктор Валерьянович Бунак (1891-1979) и патологоанатом Александр Иванович Абрикосов (1875-1955) — член партии с 1939, академик АН СССР (1939), прозектор Солдатенковской больницы с 1911, перестал быть с ней связан в 1935, вскоре после смерти В.Н. Розанова (зав. хирургическим отделением этой лечебницы)¹⁴¹. «Для вскрытия, — вспоминал Семашко о совещании врачей вечером 21 января, — был назначен лучший анатом в России проф. А.И. Абрикосов. Тотчас я сообщил ему по телефону о смерти Владимира Ильича и просил взяться за бальзамирование тела»¹⁴². Абрикосов анатомировал М.В. Фрунзе, В.М. Бехтерева, В.В. Куйбышева, в естественности смерти которых время от времени возникают сомнения.

Сомнительно, чтобы при вскрытии присутствовал еще один патологоанатом — Н.Ф. Мельников-Разведенков (1866-1937)¹⁴³.

Н.А. Семашко в составе врачей представлял Наркомздрав.

¹³⁸ «Правда», 1924, 1 марта.

¹³⁹ В.С. Юделович. Ук. соч., с.89.

¹⁴⁰ См.: «Правда», 1924, 25 января.

¹⁴¹ См.: А.И. Струков. *АКАДЕМИК А.И. АБРИКОСОВ*. Биобиблиография. М., 1951, с.11 и др.

¹⁴² *ТОВ. СЕМАШКО О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ЛЕНИНА*. — «Беднота», 1924, 26 января; это сообщение Семашко опубликовали почти все газеты, в «Бедноте» — один из самых полных текстов.

¹⁴³ См. обратное: *ЛЕНИНИАНА*. Т.1. Библиографический обзор русской литературы за 1924 год. М.-Л., 1926, № 1369, аннотация.

С 10 марта было введено постоянное дежурство. Как долго оно продолжалось, сказать трудно, но 13 сентября Н.К. Крупская писала В.А. Арманд: «Доктора сведены до минимума»¹⁴⁴. В «минимум» входили В.П. Осипов, С.М. Доброгаев, почти очевидно — П.И. Елистратов, видимо, — О.Ферстер и Ф.А. Гетье. В предшествующий «максимум» из отечественных врачей могли входить М.Б. Кроль, Л.Г. Левин, маловероятно — Б.С. Вейсброд, В.В. Крамер.

*Отношение
к врачам*

Сокращение числа дежурных врачей объяснялось не только некоторым улучшением здоровья Ленина, но и его отказом «от услуг врачей, ограничивая их доступ к себе отрицательной реакцией на их появление, принимавшей иногда, вследствие нарушения черепного кровообращения и понижения задерживающего влияния мозговой коры, бурный болезненный характер»¹⁴⁵. Уже в конце июля он отказался видеть логопеда С.М. Доброгаева, непосредственного свидетеля его затруднений с речью, чтением и письмом. Затем, кажется, наступила очередь О.Ферстера: «Но с осени В.И. и Ферстера перестал принимать, сильно раздражаясь, если даже случайно увидит его, так что профессору Ферстеру, — вспоминал В.Н. Розанов, — в конце концов пришлось принимать участие в лечении, руководствуясь только сведениями от окружающих Владимира Ильича лиц»¹⁴⁶. Когда-то Ленин чрезвычайно уважительно относился к Ферстеру, верил в его могущество — летний опыт 1922 давал для этого основания. Со своей стороны, и Ферстер достойно относился к больному. М.И. Ульянова: «В марте и апреле /.../ Владимир Ильич был в очень тяжелом состоянии. Иногда трудно было уговорить его что-нибудь поесть, и Ферстер становился на колени у его постели и умолял "господина президента" — так он его всегда называл — проглотить хоть ложечку»¹⁴⁷. Лишенный возможности видеть своего пациента, но преисполненный врачебного долга, «он часами на цыпочках выстаивал у дверей комнаты»¹⁴⁸,

¹⁴⁴ *РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ*. Воспоминания о Н.К. Крупской. М., 1969, с.189.

¹⁴⁵ «Красная летопись», 1927, №2, с.243.

¹⁴⁶ «Красная новь», 1924, №6, с.158; см., впрочем: «Декабрь, 26 [1923]. Ленин обсуждает с проф. О.Ферстером дальнейший режим своего лечения» (*БИОХРОНИКА*, т.12, с.651). Ср.: О.Ферстер. *ВОСПОМИНАНИЯ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ЛЕНИНА* («Правда», 1925, 21 января): «Я сам в течение двух лет со времени его болезни, почти постоянно находился при нем, почти ежедневно посещал его и — за исключением самого последнего времени, когда он не хотел видеть врачей — почти ежедневно беседовал с ним».

¹⁴⁷ М.Ульянова. *ПРОФ. ФЕРСТЕР*. — «Правда», 1924, 18 апреля.

¹⁴⁸ Н.Бухарин. *О ФЕРСТЕРЕ*. — Там же. Оба текста появились в связи с сообщением (ложным) о смерти О.Ферстера.

но не осмеливался туда войти, опасаясь своим появлением вызвать или усилить приступ. Даже 21 января 1924, вызванный после обеда к Ленину, он первоначально вслушивался в его дыхание, стоя за ширмой.

В.П. Осипов, судя по его воспоминаниям, в середине октября еще имел доступ к Ленину.

Относительно хирурга Розанова свидетельства противоречивы. Сам Розанов писал, что его визиты Ленин воспринимал вполне корректно. Осенью несколько раз В.Н. Розанов приезжал в Горки с хирургом-ортопедом Н.Н. Приоровым, и «Вл. Ил. всегда приветливо встречал нас /.../. Ужиная с нами, угощал нас и сидел подолгу, участвуя в разговоре своим немногочисленным запасом слов /.../»¹⁴⁹. Утверждение Розанова в принципе согласуется с другими источниками, только М.И. Авербах, которого Ленин неожиданно для всех (и к гордости Авербаха) любезно принял 20 января 1924, вспоминал с чьих-то слов: «/.../ В Горках неотлучно находились, но на "незаконном положении", крупные специалисты. Они не решались показаться Ильичу. Рассказывают, что однажды Владимир Ильич заметил в парке промелькнувшую вдаль фигуру ныне покойного профессора В.Н. Розанова. Это крайне взволновало Ильича»¹⁵⁰.

Н.А. Семашко, выступая в ноябре 1924 на чествовании Б.С. Вейсброда, призвал собравшихся отметить тот факт, что даже в тот период, когда Ленин «относился отрицательно к нам, врачам /.../, Б.С. все же находил по-прежнему доступ к его постели /.../»¹⁵¹. Заявление Семашко нуждается в подтверждении; вероятно, все же, его в значительной степени необходимо объяснять юбилейным характером выступления наркома здравоохранения. Отметим, однако, что О.А. Пятницкого, посетившего в конце ноября Ленина, из Москвы в Горки сопровождал Вейсброд.

Ситуация с врачами продолжала оставаться неизменной. В ноябре в Горки пригласили на консультацию В.М. Бехтерева, но даже попытки войти в контакт с больным Бехтереву не предложили¹⁵². 20 января, распрощавшись с Авербахом, Ленин вдруг пожелал снова видеть его и потребовал переезда в столовую,

¹⁴⁹ «Красная новь», 1924, №16, с.159.

¹⁵⁰ М.И. Авербах. *ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА*. — «Медицинский работник», 1940, 21 января; то же: *ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ*. Ч.2. М., 1957, с.781.

¹⁵¹ Б. С. ВЕЙСБРОД. *25-ЛЕТИЕ ВРАЧЕБНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*. — «Московский медицинский журнал», 1924, №8, с.179.

¹⁵² См.: *АКАДЕМИК БЕХТЕРЕВ О В.И. ЛЕНИНЕ*. — «Красная газета», 1927, 18 ноября, вечерний выпуск; Акад. В.М. Бехтерев. *О НЕДАВНО УШЕДШЕМ*. — «Известия», 1928, 22 апреля.

где офтальмолог уже делился своими впечатлениями с остальными врачами. Узнав о намерении Ленина, «профессора немедленно ушли», оставив Авербаха с Крупской и М.Ульяновой¹⁵³.

Пожалуй, только для доктора Ф.А. Гетье Ленин был готов сделать исключение, о чем писали многие, например, С.М. Доброгаев: «/.../ У Владимира Ильича ко всем нам, лечившим его врачам, обычно устанавливалась отрицательная реакция. Он настойчиво, иногда с эмотивным возбуждением удалял от себя каждого из нас, более или менее вскоре после вступления в коллегияу лечивших его врачей. И всем нам приходилось производить свои наблюдения в известной мере скрытно, наблюдая больного из соседней комнаты или же расспрашивая о состоянии здоровья его Надежду Константиновну, Марию Ильиничну или ухаживавших за больным сестер милосердия и санитаров. Только один из врачей — Ф.А. Гетье не вызывал против себя этой отрицательной реакции больного, и это делало возможным осуществление более непосредственного, систематического врачебного наблюдения за больным»¹⁵⁴.

Однако и Ф.А. Гетье Ленин встречал, скорее всего, не как представителя медицинского мира, а как симпатичного ему человека. Даже авторитет Гетье не заставил Ленина вернуться к лекарственным препаратам: «/.../ В последние месяцы своей жизни он не принимал их [лекарств] вообще, за исключением иногда слабительного. Так он отказался принимать хинин, затем /.../ иодистые препараты /.../»¹⁵⁵. Судя по сообщению В.М. Бехтерева, отрицательное отношение Ленина к медикаментам возникло одновременно с негативной реакцией на врачей — в конце июля¹⁵⁶.

Поведение Ленина нуждалось в толковании. «По поводу нежелания Владимира Ильича встречаться с врачами, дошедшего в последнее время до чего-то болезненно настойчивого, было много предположений»¹⁵⁷.

Известно несколько предположений.

Наиболее распространенное: «Он всегда считал, что врачи не должны и не имеют права уделять одному больному слишком много времени, в течение которого можно принести пользу

¹⁵³ М.И. Авербах. *ВЕЛИЧИЕ И ПРОСТОТА*. — «Медицинский работник», 1940, 21 января.

¹⁵⁴ «Наша искра», 1925, №3, с.34-35; см. также: В.Иванов. *ТАМ, ГДЕ НЕ СТАЛО ЛЕНИНА*. — «Ленинградская правда», 1926, 21 января.

¹⁵⁵ «Красная летопись», 1927, №2, с.243.

¹⁵⁶ «Известия», 1928, 22 апреля.

¹⁵⁷ М.И. Авербах. — «Правда», 1924, 1 марта.

многим»¹⁵⁸. Эта точка зрения, как видим, ставит во главу угла скромность больного.

Вторая гипотеза ориентируется на силу воли больного: «Очевидно, В.И. хотел побороть свой недуг собственной силой воли»¹⁵⁹.

Вероятно, значительно ближе к истине Л.Д. Троцкий: «Свою беспомощность и прежде всего отсутствие речи при полной ясности сознания Ленин не мог не ощущать как невыносимое унижение. Он уже не терпел врачей, их покровительственного тона, их банальных шуточек, их фальшивых обнадеживаний»¹⁶⁰.

Можно предположить еще несколько гипотез, наверняка уже обыгранных и отставленных за их зряшностью. Например, Ленин, отказываясь от медицинской помощи, тем самым демонстрировал свое недоверие к окружавшим его врачам. Оснований для этой гипотезы нет, разве что вспомнить его беседу с Л.А. Фотиевой 9 февраля 1923, когда он выразил сомнение относительно целесообразности предоставления ему свиданий раньше газет¹⁶¹.

Другое предположение имеет под собой не менее шаткое основание: отказ от медицинской помощи — один из немногих оставшихся в его распоряжении способов приблизить смерть. Когда-то Ленин говорил с Крупской о закономерности такого решения в условиях болезни и старости. Возможно, поведение Ленина могло быть именно так время от времени интрепретировано кем-нибудь из окружающих. На вечере в честь Вейсброта Семашко объяснял присутствовавшим сложность взаимоотношений Ленина с врачами: «/.../ Был момент, когда В.И. отчаялся в возможности своего выздоровления /.../, когда он вообще отделился от нас, своих товарищей, стеснялся нашего присутствия /.../».

И все же наиболее убедительной кажется формулировка Троцкого, некоторым подтверждением которой может служить история взаимоотношений Ленина с младшим медицинским персоналом.

Этот состав был следующим.

Сестры и санитары

Т.М. Белякова (род. 1897 [1898]) — была представлена Ленину в начале января 1923 В.А. Обухом, который курировал правительственный подмосковный санаторий «Чайка», где работала Белякова.

За исключением небольшого отпуска в середине лета, постоянно нахо-

¹⁵⁸ Там же; см. также выступления Вейсброта и Кожевникова.

¹⁵⁹ В.М. Бехтерев. Цит. соч.

¹⁶⁰ Л.Д. Троцкий. *МОЯ ЖИЗНЬ*. Берлин, 1930, с.248.

¹⁶¹ См.: *ПСС*, т.45, с.484.

дилась в кремлевской квартире Ленина, а затем в Горках. После 1924 некоторое время жила в семье Ульяновых. По окончании медицинского института — в Кремлевской больнице¹⁶².

Т.П. Смирнова — медсестра Боткинской больницы, в мае-июне 1923 введена доктором В.Н. Розановым в Горки, где находилась «более трех месяцев»¹⁶³.

Е.И. Фомина — в 1918 в течение трех недель ухаживала за Лениным. Повторно была приглашена к нему в начале февраля 1923, «через шесть недель после второго удара», пробыла «около Владимира Ильича в течение 8 месяцев»¹⁶⁴.

Среди медсестер Горок упоминается еще некто «Ольга Сергеевна»¹⁶⁵.

Все в том же конце июля Ленин «заявил решительный протест против сестринского ухода за собою, жестами, гневными движениями и головою не допуская сестер входить в свою комнату /.../»¹⁶⁶. Параллельно с этим он преподносит одной из них розу, как бы демонстрируя актом дарения, что к сестрам лично он никаких претензий не имеет. 13 сентября Н.К. Крупская известила В.А. Арманд: «Сестер отменили окончательно»¹⁶⁷. Очевидно, что Ленин, тяжело парализованный и страдающий в связи со своей неполноценностью, стеснялся ухаживающих за ним женщин и потому отказался принимать их услуги. Вероятно, подобного рода комплекс лежал отчасти в основе неприятия Лениным окружавших его врачей.

Ленин еще в 1922 болезненно относился к признакам приближающегося нездоровья. Стыдливо досадовал на то, что стал плохо слышать. Вернувшись в октябре 1922 в Москву, он появился на заседании СНК, к удивлению всех присутствующих, в очках. Они его явно стесняли. Он вытаскивал их из кармана, надевал, и «в движениях его было что-то конфузливое»¹⁶⁸.

¹⁶² См.: Т.М. Белякова. *ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО СЕРДЦА*. (Из воспоминаний о Ленине). — «Клиническая медицина», 1969, №10, с.12; Н.Костин. *Я ПОМНЮ ЛЕНИНА*. — «Крестьянка», 1978, с.3. Варианты воспоминаний Т.М. Беляковой в 1960-е — 70-е публиковались многократно.

¹⁶³ Т.Смирнова. *РОДНОЙ, НЕЗАБЫВАЕМЫЙ*. — «Медицинский работник», 1938, 21 января; ср. в сб.: *ВОСПОМИНАНИЯ МЕДИКОВ О В.И. ЛЕНИНЕ*. М., 1969, с.181-182; см. также о посещении ею Горок в сер. 1960-х статью А.Е. Лазебникова *ДНИ РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ*. — «Советская Россия», 1966, 6 марта.

¹⁶⁴ Е.И. Фомина. *В.И. ЛЕНИН В ДНИ БОЛЕЗНИ*. — «Прожектор», 1925, №1, с.6.

¹⁶⁵ См. упом. статью А.Е. Лазебникова.

¹⁶⁶ «Красная летопись», 1927, №2, с.242.

¹⁶⁷ *РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ*. Воспоминания о Н.К. Крупской. М., 1969, с.189.

¹⁶⁸ Л.Троцкий. *РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАМЕТКИ*. — «Красная газета», 1926, 21 января. Надо полагать, что даже умилявшее многих грассирование Ленина его самого, видимо, задевало — не случайно в его библиотеке хранилась диссертация С.М. Доброгаева *КАРТАВОСТЬ, ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И* (см. след. стр.)

Отношения Ленина с мужчинами-санитарами, без помощи которых он обойтись не мог, складывались нормально. «/.../ Несколько санитаров дежурили около него с начала болезни и до конца, — отметил В.П. Осипов, — это были студенты-медики Московского университета и среди них один молодой врач»¹⁶⁹.

21 января 1926 «Правда» поместила фотографию: «Врачи: тт. Зорька, В.А. Рукавишников и Н.С. Попов, ухаживавшие за Владимиром Ильичом в качестве санитаров»¹⁷⁰.

Из этого списка наиболее известным лицом является Зиновий-Казимир Ильич Зорька-Римша (1895-1950). Родился в Литве, учился на медицинском факультете Юрьевского университета, член РСДРП(б) с 1913, один из основателей Коммунистической партии Эстонии. В годы Гражданской войны на ответственных должностях в Крыму, на Северном Кавказе, секретарь Вильнюсского комитета партии и ВРК. Осенью 1922 возобновил занятия медициной в МГУ, где одновременно являлся секретарем партийной организации, чуть позднее — членом правления. В дальнейшем на административных должностях в системе здравоохранения, заместитель М.И. Ульяновой в Бюро жалоб НК РКИ¹⁷¹. В 1932, рекомендует вместе с Н.И. Бухариным и М.И. Ульяновой К.Римшу в члены Общества старых большевиков, Н.К. Крупская писала: «Знаю его с начала 1923 года. Со времени ухудшения здоровья Владимира Ильича до его кончины Зорька находился безотлучно при нем /.../»¹⁷². А.А. Римшане, жена К.Римши, вспоминала, что все три санитара были приглашены к Ленину в марте 1923¹⁷³. Сведения о пребывании Римши в Горках уже в 1922 следует признать ошибочными.

ЛЕЧЕНИЕ (Пг, 1922) (см.: **БИБЛИОТЕКА В.И. ЛЕНИНА В КРЕМЛЕ**. Каталог. М., 1961, № 5167). Обратим внимание еще на две книги из библиотеки Ленина (№№ 5171, 5184): П. Каммерер. **ОБ ОМОЛОЖЕНИИ И ПРОДЛЕНИИ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ** (М., 1922); А. Палладин. **ОМОЛОЖЕНИЕ** (Харьков, 1923). Проблема омоложения — постоянная тема начала 1920-х. См., например: **КАК ОТВЕТИЛА АРМИЯ НА СМЕРТЬ ВОЖДЯ**. Что говорят красноармейцы («Беднота», 1924, 30 января): «Неужели нельзя было сделать омоложение? Ведь говорил же наш политрук, что Клемансо — наш враг — омолодился».

¹⁶⁹ «Наша искра», 1925, №1, с.20.

¹⁷⁰ См. также: А.В. Юстус. **САМОЕ ДОРОГОЕ**. Л., 1979, с.97.

¹⁷¹ См., например: К. Тамашаускас. **ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА**. — «Советская Литва», Вильнюс, 1970, 30 сентября.

¹⁷² M. Telksnyte. **BIOGRAFIU PUSLAIAI**, Vilnius, 1979, вклейка.

¹⁷³ См.: М. Тельксните. **ЧЕЛОВЕК, УХАЖИВАВШИЙ ЗА ЛЕНИНЫМ**. — «Комсомольская правда», Вильнюс, 1970, 30 сентября. Здесь же публикация письма К.Римши жене, одно из немногих письменных свидетельств о Ленине в мае 1923: «Горки. Комната Владимира Ильича. 1 1/2 час. дня. 18.V.

Настулик,

Шлю тебе горячий привет непосредственно из комнаты Владимира Ильича!

Сию у краешка его письменного стола вблизи открытого окна, выходящего на террасу Владимира Ильича, где перед моими глазами под открытым небом дремлет на диване наш больной. (см. след. стр.)

В.А. Рукавишников, в 1923/24 — студент-медик 5 курса, в 1940 занимал должность начальника Трансанупра¹⁷⁴.

Н.С. Попов — «молодой врач», кажется, продолжил образование в Германии, в конце 20-х — начале 30-х — зам. директора Института мозга, образованного первоначально в целях изучения мозга Ленина. Продолжал общение с Н.К. Крупской¹⁷⁵.

Вероятно, в сентябре 1923, в связи с отъездом из Горок Т.П. Смирновой и Е.И. Фоминой, группа санитаров была усилена. В нее вошли (?) Евгений Эммануилович Черномордик, в начале 1930-х директор Московского лечебно-протезного института, и некто Лившиц¹⁷⁶.

Диагноз

Что лечили врачи, каковы причины болезни и смерти? Предлагаем в ответе четыре наиболее распространенных версии. В зависимости от разных обстоятельств, связанных, в основном, с требованиями времени и степенью канонизации героя, в советской печати варьировались комбинации первых трех версий, четвертая также не оставалась без внимания.

1. Смерть — результат перенапряжения в работе, чрезмерной мозговой деятельности, тяжелых условий революционного подполья, тюрьмы, ссылки и эмиграции. В 20-е годы отмечали регулярно, а впоследствии все реже, что совокупность этих явлений вызвала атеросклероз, приведший к смерти.

2. Смерть — результат наследственной предрасположенности Ленина к атеросклерозу.

3. Смерть — результат огнестрельной раны, нанесенной Ленину 30 августа 1918. В 1922 суд над эсерами высказал убеждение, что пули были отравлены кураре, — иногда смерть Ленина объясняется многолетним действием этого быстродействующего яда.

4. Смерть — результат развития сифилиса, возможно, наследственного.

С часок он сидел. Я рядом с ним был и поддерживал его. Сейчас он устал и прилег.

На боевом посту, то есть непосредственно рядом с ним, осталась Надежда Константиновна, а я, первый резерв, на всякий пожарный случай, нахожусь вблизи, чтобы по первому кивку головы его хранителя (в настоящую минуту то есть Н.К.) мог бы в течение двух-трех секунд прийти на помощь /.../».

¹⁷⁴ См.: В *ХАМОВНИЧЕСКОМ РАЙОНЕ*. — «Известия», 1924, 30 января (краткий отчет о выступлении Рукавишникова на митинге); В.Рукавишников. В *ГОРКАХ*. — «Гудок», 1940, 21 января; Д.Новоплянский. *ГОРКИ-МОСКВА*. Рассказ о последней поездке В.И. Ленина в октябре 1923 года. — «Правда», 1973, 17 октября.

¹⁷⁵ См.: А.В. Юстус. *САМОЕ ДОРОГОЕ*. Л., 1979, с.129.

¹⁷⁶ Устное сообщение; см. также справочник *ВСЯ МОСКВА* за 1925-1930.

В «Сообщении о болезни и кончине В.И. Ульянова-Ленина», подписанном О.Ферстером, В.П. Осиповым, А.И. Абрикосовым, А.А. Дешиным, Д.В. Фельдбергом, Б.С. Вейсбродом, Н.А. Семашко, объединялись первая и вторая версии: «Данные вскрытия, а также история болезни устанавливают, что единственной основой болезни покойного Владимира Ильича является распространенный резко выраженный давний склероз сосудов мозга, явившийся последствием чрезмерной мозговой деятельности и в связи с наследственным предрасположением к склерозу»¹⁷⁷. В составе прочих траурных материалов «Сообщение» в последний раз было перепечатано к десятилетию со дня смерти Ленина¹⁷⁸, то есть еще в начале 1934 официальный диагноз оставался в силе. Индивидуальные высказывания лечащих врачей и представителей Наркомздрава в этот период не отступали от формулировки основополагающего документа. Под редакционной «шапкой» «Наследственность В.И. Ленина» с мнением А.И. Абрикосова и замнаркома здравоохранения З.П. Соловьева ознакомила читателей «Рабочая Москва»¹⁷⁹. К их заключению примыкали высказывания В.Н. Розанова¹⁸⁰, П.И. Елистратова¹⁸¹, Н.Ф. Мельникова-Разведенкова¹⁸², В.П. Осипова¹⁸³, других врачей. Неоднократно в связи со смертью Ленина выступал Н.А. Семашко, цитируя или пересказывая официальную трактовку, последний раз, в рамках отмеченного десятилетия — в 1933¹⁸⁴.

Версия №3 («выстрел Ф.Капкан»), в 20-е годы имела хождение, как правило, лишь в провинциальной печати. В столице только В.В. Куйбышев, выступая на следующий день после смер-

¹⁷⁷ «Правда», 1924, 24 янв. О мартовских диагнозах приглашенных из-за границы врачей см., например, ук. соч. Ф.Хеншена, который считает, что тщательное посмертное исследование мозга Ленина подтвердило высказанное его отцом (С.Хеншен) еще в марте 1923 убеждение (основанное на анамнезе и отрицательных серологических реакциях крови больного), что основной болезнью Ленина следует считать атеросклероз; в то время как остальные пять врачей-иностранцев в том же марте 1923 были склонны оспаривать этот диагноз.

Сводку версий, бытующих в западной литературе см., например, в: Hugh L'Etang. *LENIN'S FINAL ILLNESS*. — «The Practitioner», London, 1970, vol. 204, april, с.587-590.

¹⁷⁸ См.: «Красный архив», т.62.

¹⁷⁹ 1924, 25 января, см. также: «Вечерняя Москва», 1924, 24 января.

¹⁸⁰ См.: *ВРАЧИ О БОЛЕЗНИ ИЛЬИЧА*. Проф. В.Н. Розанов. — «Известия», 1924, 29 января; ср. его же интервью в «Рабочей Москве» и «Красной звезде» за 25 января 1924.

¹⁸¹ См.: «Правда», 1924, 31 января.

¹⁸² См. его статью *О МЕХАНИЗМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АНАТОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ МОЗГА В.И. ЛЕНИНА*. — «Известия», 1924, 2 марта.

¹⁸³ «Наша искра», 1925, №1, с.18.

¹⁸⁴ См.: Н.А. Семашко. *ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ*. М., 1933, с.36.

ти Ленина на заводе им. Владимира Ильича, заявил: «Отдавая все силы, чтобы осуществить идею /.../, В.И. Ленин подорвал свое здоровье и окончательно надломил силы в тяжелой работе по управлению государством. Гнусное покушение на его драгоценную жизнь также сыграло роковую роль в развитии его болезни»¹⁸⁵. Да неосторожный поэтический оборот позволил себе Каменев на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов (26 января): «Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет! Здесь у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки и до дверей его кабинета идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь /.../ вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение. Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови /.../. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю, которая в последние годы оставалась там, как свидетельство ненависти всех эксплуататоров к нашему вождю, эти врачи раскрыли и его мозг /.../. И они сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его, как крупницы по всем концам мира, чтобы капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами /.../»¹⁸⁶.

Столичная наука категорически утверждала, что ошибочно сопоставлять покушение на жизнь Ленина и его смерть, между этими актами связи нет. Предупреждая распространение ошибочных утверждений Куйбышева и Каменева, хирург В.Н. Розанов от лица медицины разъяснял на следующий день после публикации речи Каменева (выступление Куйбышева не получило широкой печати): «/.../ Думать, что пули /.../ могли сыграть роль для развития болезни Владимира Ильича не приходится. /.../ Даже если бы пули были отравлены ядом кураре, как предполагали, то и это отравление не могло иметь последствий, так как яд кураре страшен и смертелен на стрелах у дикарей, но если

¹⁸⁵ В ЗАМОСКВОРЕЦКОМ РАЙОНЕ. — «Известия», 1924, 24 января.

Несколько противоречивая точка зрения содержится в кн. Ем. Ярославского *ЖИЗНЬ И РАБОТА В.И. ЛЕНИНА* (М., 1924), где в главе, посвященной покушению 1918, содержится упрек врачам, что при анализе причин болезни и смерти «они часто забывают о /.../ смертельном ранении. Сколько месяцев, сколько лет жизни отняло это ранение» (с.82). Но в специальном разделе о болезни и смерти Ленина автор излагает мнение тех же врачей (см. с.204, 217-218), а о последствиях ранения не упоминает.

¹⁸⁶ РЕЧЬ ТОВ. КАМЕНЕВА. — «Правда», 27 января.

им отравляется пуля, то этот яд, легко разлагающийся под влиянием высокой температуры, при выстреле разлагается и теряет свои ядовитые свойства»¹⁸⁷. В подкрепление В.Н. Розанову в том же номере «Известий» выступил А.М. Кожевников: «Болезнь могла развиваться совершенно независимо от того поражения, какое он получил во время покушения на его жизнь». Показательно, что и Розанов и Кожевников, выступая в печати в первых номерах ленинских газет (см. московские газеты за 24 и 25 января), обходили тему ранения. Неужели выражение Каменева, как ни метафорично оно было, вызвало потребность в опровержении?

13 февраля 1924 Н.А. Семашко использовал свой авторитет народного комиссара здравоохранения, чтобы убедить сомнеющихся в справедливости утверждения лечащих врачей. На прямой вопрос: «Имела ли влияние на здоровье В.Ленина пуля эсерки Каплан?» — он отвечал: «Ранение Владимира Ильича, причинившее ему потерю крови, конечно, не осталось без влияния на его здоровье, но прямого влияния на заболевание сосудов мозга не имело»¹⁸⁸.

Кажется, впервые подобная точка зрения была высказана Г.Клемперером летом 1922¹⁸⁹.

Через несколько месяцев после смерти Ленина Розанов вернулся еще раз к вопросу о незначительности последствий ранения 1918. Он рассказал, что «случай протек изумительно гладко» и уже в конце сентября 1918 «Владимир Ильич выглядел прекрасно: бодрый, свежий, со стороны легких и сердца полная норма, рука срослась прекрасно». На вопрос, «беспокоят ли его пули» Ленин тогда «ответил отрицательно». Розанов заявил, что никакой необходимости в операции 23 апреля 1922 не было, что собственно операция была для него неожиданностью. «Накануне вечером мне позвонил Ник. Александрович Семашко и сказал, что он просит меня завтра поехать к Владимиру Ильичу; приезжает профессор Борхардт из Берлина для консультации, так как нужно удалить пули у Владимира Ильича. Я ужасно удивился этому и спросил: "Почему?". Николай Александрович рассказал мне, что Владимир Ильич в последнее время стал страдать головными болями, была консультация с профессором Клемперером (крупный германский профессор, терапевт). Клемперер высказал

¹⁸⁷ *ВРАЧИ О БОЛЕЗНИ ИЛЬИЧА*. Проф. В.Н. Розанов. — «Известия», 1924, 28 января.

¹⁸⁸ *ВОПРОСЫ О ЛЕНИНЕ*. Ответы наркомздрава тов. Семашко на вопросы, поданные на собраниях памяти В.И. Ленина. — «Рабочая Москва».

¹⁸⁹ См.: Луис Фишер. Ук. соч., с.872.

И.К. Каховская (1917-18).

Л.И. Богораз (1977-78).

В.И. Ленин (Горки, лето 1923).

В.И. Ленин (Горки, лето 1923).

В.Н. Розанов (1920-е).

В.П. Осипов (около 1940).

**К.Зорька, М.И. Ульянова, Н.С. Попов,
В.А. Рукавишников (1925-26).**

Сотрудники личной охраны Ленина (1923).

Слева направо стоят: Струнец, С.П. Соколов, К.Суслин, М.Я. Пидюра,
Г.П. Иванов, И.В. Пизан, А.В. Бельмас, Кулик, Проценко, С.Н. Аликин.
Сидят: Теркин, П.П. Пакалн (старший охраны), Богданов.

**К.Е. Ворошилов, Г.Димитров, Г.М. Кржижановский,
В.М. Молотов, И.В. Сталин у гроба Ленина.**

В.Я. Аркавина

предположение, и, очевидно, довольно определенное, что эти боли зависят от оставшихся в организме Владимира Ильича пуль, якобы вызывающих своим свинцом отравление. Мысль эта мне, как хирургу, перевидавшему тысячи раненых, показалась прямо странной, что я и сказал Николаю Александровичу. Николай Александрович со мной согласился /.../. Печатно чуть ли не обвинив Г.Клемперера в научной некомпетентности, Розанов для убедительности обвинения демонстрирует удивление хирурга Борхардта диагнозом своего соотечественника: «Когда Владимир Ильич сказал, что Клемперер посоветовал удалить пули, так как они своим свинцом вызывают отравление, вызывают головные боли, Борхардт сначала сделал удивленные глаза, и у него вырвалось unmöglich (невозможно), но потом, как бы спохватившись, вероятно, для того, чтобы не уронить авторитета своего берлинского коллеги, стал говорить о каких-то новых исследованиях в этом направлении». Посокрушавшись вместе с Борхардтом над Клемперером, Розанов вместе со своими ассистентами стал иронизировать над Борхардтом, который «притащил с собой громаднейший, тяжелый чемодан со всякими инструментами, чем премного удивил и меня и всех моих ассистентов. Инструментов для операции требовалось самый пустяк /.../, а он притащил их целую гору». Сам пациент, по утверждению Розанова, тоже иронически отнесся к операции, сказав: «Я думал, что вся эта процедура будет гораздо скорее: я бы сдавил так — да и разрезал, пуля и выскочила бы, а то это все для парада было». В заключение Розанов позволил себе еще раз сыронизировать над излишне серьезным отношением к этой операции Борхардта, который заставил Ленина провести в больнице целый день, в то время как он, Розанов, «был уверен, что операция будет амбулаторная»¹⁹⁰.

Так настойчиво и выразительно, с применением окрашенной лексики, осуждающей немецких профессоров и подчеркивающей незначительность последствий ранения, зрящность операции, Розанов доказывал, что выстрел на заводе Михельсона и смерть Ленина сопоставлять нельзя.

Вполне вероятно, что Розанов дал правдивый и точный анализ последствий ранения 1918, но нам кажется, что не только профессиональное самоутверждение и любовь к подробной и точ-

¹⁹⁰ В.Розанов. *ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ*. — «Красная новь», 1924, №16, с.151-155. Полугодом ранее история операции 1922 была изложена в очерке Г.Граева *В.И. ЛЕНИН В СОЛДАТЕНКОВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ* («Огонек», 1924, №19, с.3). Начиная очерк характерным для того времени утверждением: «Отравленные эс-эровские пули, направленные в В.И. Ленина, не сломили его здоровья /.../».

ной диагностике владели им при работе над воспоминаниями. В противном случае трудно понять, почему Розанов скрыл, что в конце марта 1922, когда и был решен вопрос об операции, он совместно с Клемперером, Ферстером и доктором Марецкой (переводчик ?) участвовал в обследовании Ленина, о чем и сообщил в интервью 5 апреля Клемперер: «Мы [с Ферстером] прибыли почти одновременно /.../. Семашко /.../ дал нам в качестве постоянных сотрудников своих помощников д-ра Розанова и д-ра Марецкую. Мы осмотрели Ленина и нашли лишь небольшую неврастению, следствие переутомления»¹⁹¹. О неврастении Ленина, то есть о том, что как раз можно было без ущерба опустить, Розанов счел необходимым упомянуть: «Владимир Ильич, как всякий больной, поступающий в больницу, был проведен по всем бумагам, была написана история болезни, которую заполнил В.И. Соколов, главный доктор. /.../ Из этой истории болезни позволю отметить только последние строчки: "Со стороны нервной системы — общая нервозность, иногда плохой сон, головные боли. Специалистами констатирована неврастения на почве переутомления"»¹⁹². Сомнительно, чтобы доктор В.И. Соколов самостоятельно сформулировал эту запись в истории болезни. Кто-то сообщил ему мнение специалистов, скорее всего, это сделал Розанов, как бы обнаруживая тем самым и свое участие в консилиуме конца марта, и намерение предать огласке, в общем, не подлежащую распространению информацию о неврастении. Разве не было бы более естественным и для Розанова, и для всей массовой ленинианы: о неврастении Ленина не вспоминать, а эпизод 1918 подать в качестве основного жанроформирующего признака жития-мартирия, где мученическая смерть во имя веры венчает путь героя? Как, наверное, хотелось Г.Е. Зиновьеву водрузить призывы и лозунги над подобной трактовкой смерти Ленина, но прошло целое десятилетие, прежде чем эта версия стала основополагающей.

Вскоре после убийства С.М. Кирова и процессов второй половины 1930-х ранее столь аргументированно отвергнутая

¹⁹¹ «Нью-Йорк Таймс», 1922, 6 апреля. Цит. по: Луис Фишер. Ук. соч., с.867. Напомним, что Клемперер дал интервью о болезни своего пациента накануне открытия Генуэзской конференции. Скорее всего, беседа Клемперера с журналистами была запланирована в Москве, цель интервью — дать убедительное объяснение отсутствию Ленина в Генуе. Никаких претензий к Клемпереру по поводу его нестандартного поведения, кажется не было предъявлено (содержание интервью Ленину было известно. — См.: «Ленинский сборник» XXXV, с.345). Летом 1922 он снова у Ленина.

¹⁹² «Красная новь», 1924, №6, с.155-156.

Розановым, Семашко и другими врачами версия о причине смерти Ленина стала «неопрровержимо доказанной», хотя никто из лиц, подписавших последний бюллетень и сообщение о смерти Ленина, поставивших свой росчерк под актом вскрытия тела Ленина, никогда печатно не выступал с подобным утверждением. Фольклор и по сегодня считает версию №3 бесспорной и единственной. Нынешняя официальная формулировка дополняет народное предание версией №1 — «чрезмерная мозговая деятельность и полная суровых испытаний жизнь профессионального революционера».

«Наследственное предрасположение к атеросклерозу» больше не числится среди причин, приведших Ленина к смерти. Вероятно, биографы Ленина полагают, что упоминание об этом как-то порочит память покойного. Даже в воспоминаниях и статьях Н.А. Семашко, который в течение почти десяти лет последовательно отстаивал заключение 1924, теперь можно прочесть только о «склерозе от чрезмерного напряжения».

А между тем наследственная предрасположенность вполне могла отразиться на потомках И.Н. Ульянова, страдавшего склерозом. В 1935 скончалась А.И. Ульянова-Елизарова, старшая сестра Ленина. Последние три года она была практически недееспособна вследствие развившегося после инсульта (1931) паралича. В 1937 умерла младшая сестра Ленина — М.И. Ульянова. Причина смерти — инсульт. В 1943 в результате приступа стенокардии умер младший брат Ленина — Д.И. Ульянов. Еще за несколько лет до смерти прогрессирующее заболевание кровеносных сосудов привело его к ампутации нижних конечностей (оперировали в Германии, куда его, кажется, сопровождал знакомый нам Н.С. Попов)¹⁹³. Вероятно, этим же заболеванием страдает сын Д.И. Ульянова — В.Д. Ульянов, уже несколько лет лишенный способности к передвижению¹⁹⁴.

Четвертая версия

Обратимся к четвертой версии — сифилис, прогрессивный паралич. Она возникла вскоре после майского удара 1922. Когда Г.Клемперер возвратился из своей второй, летней поездки из Горок в Берлин, корреспонденты, как бы уже по традиции, обратились к нему с вопросами о состоянии здоровья Ленина. Отвечая на вопросы журналистов, Клемперер отрицал, что его пациент страдает прогрессивным параличом¹⁹⁵.

¹⁹³ Устное сообщение.

¹⁹⁴ Устное сообщение; см. также: В.Белоусов. *ИЗ ДОМА УЛЬЯНОВЫХ*. — «Правда», 1982, 27 февраля. В статье упоминается о перенесенном В.Д. Ульяновым кровоизлиянии.

¹⁹⁵ См.: Луис Фишер. Ук. соч., с.873.

Следовательно, в конце лета — начале осени 1922 версия №4 уже функционировала¹⁹⁶.

Завуалированные упоминания о ее хождении имеются и в советской печати. 25 мая 1922 М.И. Ульянова позвонила В.Н. Розанову и попросила приехать в Горки, куда отправились также Н.А. Семашко, Ф.А. Гетье, Л. Г. Левин. Осмотрели больного. В.Н. Розанов вспоминал об этом визите: «Итак, в этот день грозный признак тяжелой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. /.../ У меня давняя привычка спрашивать каждого больного про то, были ли у него какие-либо специфические заболевания или нет. Леча Влад. Ил., я, конечно, его тоже об этом спрашивал. Влад. Ил. всегда относился ко мне с полным доверием, тем более, у него не могло быть мысли, что я нарушу это доверие. /.../ Конечно, могло быть что-либо наследственное или перенесенное незаметно, но это было маловероятно»¹⁹⁷. «Специфические заболевания», «полное доверие», «наследственное или перенесенное незаметно» — такого рода обороты характерны при подозрении на определенный тип болезни. Такого же рода конструкциями пользуется и офтальмолог М.И. Авербах: «Врачу трудно обойтись без разных мелких житейских вопросов чисто личного характера. И вот этот человек, огромного, живого ума, при таких вопросах обнаруживал какую-то чисто детскую наивность, страшную застенчивость и своеобразную неориентированность»¹⁹⁸.

О мемуаре стоматолога В.С. Юделовича мы уже говорили.

Более очевидное упоминание о «грозной болезни» находим у Н.А. Семашко: «Основной болезни В.И. считали /.../ артериосклероз. Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти В.И. /.../ Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича и у нас и за границей относительно характера заболевания»¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Ср. уже весенние дневниковые записи Владимира Винниченко (жил тогда в Берлине): «27 марта [1922] /.../ У Ленина рак?»; «31 марта [1922] /.../ Прогрессивный паралич у Ленина?» (в этот же день — такая запись: «Политика, как сифилис...») — Володимир Винниченко. *ЩОДЕННИК*. Т.2. 1921-1925, Edmonton-New York, 1983, с.116, 118, 119 соотв.; оригинал — по-украински.

¹⁹⁷ В.Розанов. *ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ*. — «Красная новь», 1924, №6, с.157-158. В пятитомнике *ВОСПОМИНАНИЙ* оставлены только первое и последнее предложения. В трехтомнике 1957 — только первое.

¹⁹⁸ «Правда», 1924, 1 марта.

¹⁹⁹ Н.Семашко. *ЧТО ДАЛО ВСКРЫТИЕ ТЕЛА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА?* — «Известия», 1924, 25 января.

7 февраля 1924 Г.Е. Зиновьев тоже совершил попытку развенчать слухи о «неприличном» характере болезни Ленина, приписав их возникновение и распространение противникам советской власти: «Вы знаете, товарищи, глупые легенды, которые наши враги пытались пустить в ход, чтобы "объяснить" причину болезни Ильича. Лучшие представители науки не оставили камня на камне от этих сплетен, лучшие светила науки сказали: этот человек сгорел, он свой мозг, свою кровь отдал рабочему классу без остатка»²⁰⁰.

Очевидно, что выступления Семашко и Зиновьева лишь усилили слухи. Трудно выяснить, кто положил им начало: друзья или враги советской власти. Но скажем несколько слов относительно тех лиц, которые, по нашему отдаленному предположению, их «подхватили и расширили». В нашем распоряжении немного аргументов.

В конце 1923 В.П. Осипов опубликовал первый выпуск своей работы «Частное учение о душевных болезнях»²⁰¹. Осипов был специалистом в области психиатрии, в частности, известны его заслуги в изучении и лечении прогрессивного паралича, который он рассматривал в качестве позднего сифилитического психоза. Именно этой проблеме и был посвящен один из разделов «Частного учения». С другой стороны, перед нами воспоминания «Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова-Ленина», составившие часть устного выступления Осипова в Ленинграде 14 марта 1924 в Доме просвещения им. Г.В. Плеханова. Полный текст выступления нам неизвестен, но и его опубликованная часть, которая содержит наиболее подробное в советской литературе описание болезни Ленина, может показаться специфически ориентированной, особенно если положить ее рядом с его руководством для студентов и лечащих врачей. Клиническая картина прогрессивного паралича, предложенная в «Частном учении», и описание симптомов болезни Ленина в выступлении марта 1924 досаточно сходны, чтобы многие сторонники версии №4 в работах Осипова нашли «научное» подтверждение своей правоты.

Заявления Семашко и Зиновьева свидетельствуют, что слухи о сифилисе носили массовый характер. Судя по замечанию Б.Ба-

²⁰⁰ ПАМЯТИ В.И. ЛЕНИНА. Речь тов. Зиновьева на заседании Ленинградского совета рабочих и крестьянских депутатов 7 февраля 1924 года. — «Известия», 1924, 19 февраля; в публикации «Ленинградской правды» (10 февраля) — «гнуснейшие легенды». В книжном издании среди прочих расхождений — «глупые измышления» (Г.Зиновьев. *ЛЕНИН*. Л., 1924, с.176).

²⁰¹ Изд. «Практическая медицина», Пг; рец. на книгу см.: «Врачебная газета», 1923, №14, 30 июня, с.332-333.

жанова: «Не леченный в свое время сифилис был в последней стадии»²⁰², мало кто в Кремле верил в истинность публичного медицинского диагноза.

Введенный слухами в курс ленинской «болезни», любопытный мог приступить к сличению параллельных мест в трудах Осипова (вначале цитируем воспоминания, затем — «Частное учение»).

1. «Вся болезнь его может быть разбита на 3 больших периода. Начало первого из них относится к марту 1922 года, второго к декабрю 22 года и третьего к марту 23 года» (с.9).

1а. «Течение прогрессивного паралича делится на несколько периодов /.../. Продолжительность прогрессивного паралича, не считая продромального периода /.../ в среднем /.../ 30 мес. для мужчин /.../» (с.145-146)

2. «Это деление болезни на 3 периода показывает, что она не текла, непрерывно нарастая, а шла скачками, давая промежутки, во время которых больной оправлялся, чувствовал себя относительно хорошо, а потом она обострялась, процесс развивался дальше, болезнь двигалась вперед» (с.9-10).

2а. «Ремиссии могут быть повторными, но при этом они бывают более кратковременными и менее полными /.../» (с.147).

3. «Болезнь, которая была у Владимира Ильича, обыкновенно не начинается внезапно /.../» (с.10).

3а. «В большинстве случаев болезнь развивается исподволь, постепенно, почти незаметно /.../» (с.145).

4. В одном из своих интервью²⁰³ Осипов упомянул о ранних симптомах болезни Ленина, которые трактовались врачами, «как неврастения, связанная с переутомлением». Напомним Розанова: «Со стороны нервной системы — общая нервозность, иногда плохой сон, головные боли. Специалистами констатирована неврастения на почве переутомления».

4а. «/.../ Больные высказывают общие неврастенические жалобы, обнаруживают нервность, раздражительность, рассеянность и забывчивость, бессонницу, головные боли. /.../, все эти симптомы не очень определены и часто рассматриваются как неврастенические» (с.145).

5. «/.../ Перед началом заболевания /.../ был некий подготовительный период времени /.../. Но что болезнь началась раньше марта 1922 г., на это есть некоторые доказательства. По крайней мере, люди, близко к нему стоявшие, говорили, что временами Владимир Ильич жаловался на небольшие недомогания, а иногда были и более серьезные признаки /.../. Он иногда на охоте присаживался на пень, начинал растирать правую ногу, и на вопрос, что с ним, говорил: "Нога устала, отсидел"» (с.10).

²⁰² Борис Бажанов. *ВОСПОМИНАНИЯ СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА*. Франция, 1980, с.40.

²⁰³ «Вечерняя Москва», 1924, 28 января.

5а. Осипов указывает, что для продромального периода прогрессивного паралича характерны случаи «парестезии и чувство онемения в языке и конечностях» (с.145).

6. «Но с марта 1922 /.../ у него появились частые припадки, заключающиеся в кратковременной потере сознания с онемением правой стороны тела» (с.10).

6а. «В течение прогрессивного паралича наступают, почти как правило, так называемые паралитические приступы или припадки», которые «выражаются мимолетными или более продолжительными головокружениями, сопровождающиеся иногда /.../ кратковременной утратой сознания /.../» (с.140).

7. «Иногда припадки захватывали его на ходу, и были случаи, что он падал /.../» (с.10).

7а. «В других случаях дело не ограничивается столь мимолетными явлениями, а развиваются более или менее обморочные состояния» (с.140).

8. «Во время таких припадков начала расстраиваться речь /.../» (с.10).

8а. «Один из самых существенных признаков болезни, привлекающий внимание нередко уже в самых ранних ее периодах, заключается в расстройстве речи /.../» (с.133).

9. «Это были мимолетные явления: онемевает рука, затем движение восстанавливается» (с.10).

9а. «Самые характерные расстройства — двигательные /.../» (с.133).

10. В декабре «наступает новое ухудшение в состоянии его здоровья. Оно выразилось в развитии паралича правой стороны тела. Речь тогда не пострадала /.../» (с.11).

10а. «С развитием патологического процесса обнаруживаются парафазические и афазические явления разнообразного характера /.../» (с.134).

Десятый пункт любопытен: в нем Осипов отметил отличие частного случая прогрессивного паралича от клинической картины болезни — речь должна была пострадать, но не пострадала. Тот же прием характерен для пункта 11.

11. «/.../ Были иногда галлюцинации /.../» (с.12).

11а. «Наличность галлюцинаций не составляет характерного свойства прогрессивного паралича /.../» (с.131).

12. «У него было в то время состояние возбуждения /.../, ему трудно было спокойно лежать в постели, болела голова и он только тогда несколько успокаивался, когда его в кресле возили по комнате» (с.12).

12а. «Состояние психодвигательного возбуждения /.../ при экспансивных или маниакальных формах могут занимать выдающееся место в картине болезни: наибольшая сила и продолжительность состояния возбуждения характеризует ажитированные формы: больные ни минуты не остаются спокойными — они бегают, жестикулируют, кричат, поют до истопы /.../» (с.132).

13. «/.../ Причем был один припадок, который сопровождался судорогами» (с.15).

13а. «Приступы моторного характера — эпилептоформные или паду-

чевидные /.../, они выражаются судорожными подергиваниями /.../» (с.140).

14-14а. В воспоминаниях Осипов бегло остановился на расстройстве ленинского чтения, речи, письма. Этой теме посвящены обширные воспоминания Доброгаева, помещенные в том же номере «Нашей искры», и вполне сопоставимые с описанием расстройства аналогичных функций больных прогрессивным параличом, предложенных в осиповском «Частном учении».

15. «/.../ Из Москвы был приглашен глазной врач проф. Авербах, который исследовал его глаза. Исследование глаз имеет очень важное значение при болезнях мозга. /.../ Проф. Авербах самым тщательным образом исследовал состояние глазного дна и ничего болезненного там не обнаружил» (с.15-16).

15а. «Одни из самых типичных симптомов при прогрессивном параличе отмечаются со стороны глаз /.../ Они заключаются в нарушении иннервации радужной оболочки, в нарушении ее реагирования на различные раздражители» (с.135). Ср. другую работу Осипова: «/.../ При артериосклеротических формах наблюдаются органические гнездовые симптомы (кровоизлияния и закупорка сосудов /.../»²⁰⁴.

16. В статье 1927 «Некоторые черты характера В.И. Ленина во время болезни» Осипов многократно описывает случаи ленинского гнева, возбуждения и т.д. (см. с.240-243, 245, 247 и др.).

16а. «Под психическими приступами Кгаерпин подразумевает наступающую временами у больных спутанность и бессмыслие с возбуждением и неистовством, тревожными состояниями и импульсивными криками /.../» (с.142).

17. «Вскрытие показало, что в этой области была большая киста /.../» (с.17).

17а. «Очень часто наблюдаются кистовидные образования /.../» (с.152).

18. «/.../ Склероз резче всего /.../ оказался выраженным в сосудах головного мозга. /.../ Артерия основания мозга /.../ оказалась тоже закупоренной /.../» (с.17).

18а. «С большим постоянством /.../ наблюдается склероз восходящей части аорты и склероз сосудов основания мозга /.../» (с.153).

19. «Вес мозга оказался 1340 граммов, но этот вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью, он ниже нормы. /.../ В нем было, вероятно, около 1400 граммов /.../» (с.18).

19а. «/.../ Вес мозга паралитиков, за малым исключением, представляется уменьшенным, нередко на 100,0 — 200,0 ниже средней нормы» (с.153).

20. «У вас возникает теперь вопрос, что это за болезнь /.../. Произведенное /.../ вскрытие обнаружило распространенное заболевание сосудов тела, именно артерий. Оно заключалось в развитии артериосклероза» (с.14, 17).

²⁰⁴ РУКОВОДСТВО ПО ПСИХИАТРИИ. М.-Л., 1931, с.160.

20а. «Итак, прогрессивный паралич является безусловно смертельным заболеванием /.../» (с.151).

Можно добавить еще одну параллель. В «Красной летописи» (с.243) Осипов упомянул о лекарствах, которыми пользовали больного: хинин и иодистые препараты. В его же статье того же года «О лечении прогрессивного паралича» излагается вошедший в начале 20-х годов в моду следующий метод лечения прогрессивного паралича: больному прививали малярию, приступы купировали хинином, на разных стадиях лечения, помимо ртутных и арсенобензолных препаратов, использовали и иодистые²⁰⁵. «Догадливый» читатель сопоставляет две близкие по времени выхода работы Осипова, лукаво учитывая при этом, что в воспоминаниях о Ленине указания на арсенобензолные и ртутные препараты быть не могло — это было бы слишком прямолинейно.

Создается ощущение, что своими воспоминаниями Осипов как бы задался целью подкрепить частным случаем — болезнью Ленина — представленную в его научных работах картину прогрессивного паралича. Осипов выделяет три формы этой болезни с нарастающими признаками слабоумия: дементную, депрессивную и экспансивную с подтипом «ажитированная форма». Похоже, что именно этот подтип и представлен в его воспоминаниях²⁰⁶.

²⁰⁵ См.: «Врачебная газета», №20, стлб.1479-1484. Ср. *ЧАСТНОЕ УЧЕНИЕ* (с.181): «/.../ Сам я не имею пока личного опыта по отношению к этому способу лечения /.../». Ср. также «Врачебная газета» (стлб.1483): «Я не обладаю таким большим материалом, как, например, Nonne /.../». Напомним, что М.Нонне какое-то время тоже находился при Ленине. Во второй половине 1930-х он составил книгу воспоминаний, которая вышла посмертно двумя изданиями в Гамбурге в 1971 и 1972: *ANFANG UND ZIEL MEINES LEBEN*. Несколько страниц в ней посвящено поездкам (весной и в начале лета 1923) в Москву к больному Ленину. Его, А.Штрюмпелля и О.Бумке срочно вызвали по рекомендации Ферстера. Сопровождал их в Москву Ю.В. Ломоносов (его называет в своих воспоминаниях О.Бумке). После было решено пригласить из Швеции Хеншена. Все семь дней консилиума врачи отчитывались перед Политбюро (на заседаниях было семь человек, т.е. весь действовавший состав Политбюро и кандидатов; особенно запомнился Троцкий). Докладывал Штрюмпелль. Иногда Минковский, говоривший по-русски. Весной Нонне провел в Москве две недели. Второй раз он приехал после отъезда Бумке, снова по просьбе Ферстера («считал необходимым, чтобы присутствовал еще один немецкий врач»), уже на четыре недели. Был среди сопровождавших Ленина в Горки (Ленин и его эскорт заняли шесть автомобилей). В Горках врачи были поселены в отдельных домиках («дачи»), с собственной прислугой. На этот раз Нонне видел Ленина только дважды. Собственно о диагнозе сказано так: «Не было никаких данных о сифилисе. Несмотря на это, в литературе, посвященной Ленину или последствиям сифилиса для нервной системы, иногда можно встретить, что у Ленина был сифилис головного мозга или "паралич"» (Ук. соч., 2 Aufl., S.214-220, 223-224).

²⁰⁶ Работа Осипова *РУКОВОДСТВО ПО ПСИХИАТРИИ* включает отсутствующую в *ЧАСТНОМ УЧЕНИИ* главу «Артериосклеротические психозы». При сравнении воспоминаний Осипова с материалами этой главы обнаруживается целый ряд совпадений в части описания атеросклероза и болезни Ленина. Однако, совпадений значительно меньше и стилистически они существенно разнятся.

Так что же? Осипов (отчасти при помощи Розанова) разглашал на своих выступлениях и в печати «таинственный» характер болезни своего пациента? От подобного заключения Осипову легко уйти. Симптомы болезни Ленина, описанные его лечащим врачом, свойственны далеко не только прогрессивному параличу. Сам Осипов в «Частном учении» предостерегал против поспешного диагностирования «грозной болезни», для которой характерны общие признаки с обычной неврастенией, циклофренией, предстарческими и старческими явлениями душевных заболеваний²⁰⁷. В «Руководстве по психиатрии», приступая к параграфу, посвященному распознаванию атеросклеротических психозов, Осипов настоятельно рекомендовал: «Прежде всего необходимо бывает обособить заболевание от прогрессивного паралича /.../». Решающим доказательством Осипов полагает «характерные серологические реакции, которые и решают вопрос в сомнительных случаях»²⁰⁸.

Но учитывал ли известный психиатр, что при соответствующих слухах о болезни Ленина, его устные и письменные выступления сыграют роль катализатора этих слухов? Не мог не учитывать. Понимали ли двусмысленность его воспоминаний редакторы журнала Военно-медицинской академии «Наша искра»? Полагаем, что да. Предпринимали ли они попытки воспрепятствовать публикации его мемуаров (как и воспоминаний С.М. Доброгаева)? Возможно. Но тут, вероятно, появлялись авторитетные и могущественные покровители Осипова, оказавшиеся способными настоять на необходимости публикации. Можно ли объяснить работы Осипова о Ленине его личной инициативой, его желанием как-то дискредитировать Ленина, вызванным, скажем, тем, что в конце мая 1921 Осипов был на короткое время арестован ВЧК в составе группы петроградских профессорско-кадетов?²⁰⁹ Невероятно. Преступный замысел был бы раскрыт и обезврежен еще до публикации воспоминаний, — и цель не была бы достигнута даже ценой свободы или жизни публикатора. Или этикет в те начальные годы советской власти допускал хождение текстов, чтение которых могло быть неоднозначным?

Конечно, нравы были проще. Например, Семашко, рассказывая о последней ленинской ночи, дорожа чуть ли не каждой подробностью ленинской жизни, писал: «Ввиду того, что у него

²⁰⁷ См. с.173.

²⁰⁸ с.485.

²⁰⁹ См.: *ЛЕНИН И ВЧК*. Сборник документов (1917-1922). М., 1975, с.465-466.

не действовал давно желудок, врачи дали ему слабительное (касторку). Ночью Владимира Ильича прослабило хорошо несколько раз /.../»²¹⁰. Немногие газеты сохранили эту домашнюю деталь, большинство из соображений политеса предпочло ее опустить (см., например, «Ленинградскую правду» того же дня). В эти же дни профессор В.П. Осипов в беседе с корреспондентом Роста поделился воспоминаниями «Ильич во время болезни». Осипов рассказывал, как Ленин при помощи «волевых выявлений» стремился восстановить «движения своих парализованных членов», речь, чтение, способность выражать свои мысли. Некоторые провинциальные издания опять-таки опускали излишнюю акцентуацию болезненных поражений Ленина²¹¹.

Конечно, жанровый репертуар траурных материалов еще не был окончательно разработан. Конечно, нравы были все-таки проще²¹², но неужто настолько, чтобы допустить откровенное двоемыслие в такой этически сложной ситуации, и даже, судя по дальнейшей биографии Осипова (да и Розанова) поощрять его?

Понимал ли Осипов, что подробнейшим описанием болезни — пусть даже атеросклероза — он нарушил взятые на себя обязательства перед пациентом и перед медициной? Возможный ответ на этот вопрос содержит его высказывание: «/.../ Врачебная этика — прежде всего этика гражданина своей страны /.../. Врачебная тайна, особенно в социалистическом государстве, весьма ограничена, настолько ограничена, что некоторые и не без основания говорят не столько о врачебной тайне, сколько о врачебном такте»²¹³.

²¹⁰ Н.Семашко. *ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА* — «На вахте», 1925, 21 января.

²¹¹ См.: «На вахте», 1925, 22 января. Ср.: «Правда Востока», 1925, 28 января. Но в «Заре Востока», 1925, 22 января — почти полный текст.

²¹² Еще несколько примеров для реконструкции эпохи.

А.Я. Аросев, в 1924 член Правления и ответственный хранитель рукописей Института В.И. Ленина, вспоминал о реакции присутствовавших на первом выступлении Ленина после болезни 1922: «"Что делается: совсем прежний Ильич!" — "Да, да!" — подтвердил я. — "А ведь ему усиленно телефонировали с того света", — сказал мне кто-то сбоку в ухо /.../» (А.Аросев. *ПО СЛЕДАМ ЛЕНИНА*. Л., 1924, с.10).

Г.Г. Бартель, сотрудник Семашко, специалист и пропагандист кремационного дела (возможно, ставший им в преддверии недалекой кремации), мотивировал невозможность сожжения тела Ленина отсутствием в России крематория, а в обычных печах «сожженные кости примут вид не порошка или чистых мелких кусочков, а безобразных углей» (*МОЖНО ЛИ СОХРАНИТЬ ТЕЛО ИЛЬИЧА?* — «Рабочая газета», 1924, 26 января; чуть подробнее: «Петроградская правда», 1924, 26 января).

²¹³ В.П. Осипов. *ВРАЧЕБНАЯ ЭТИКА И ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА*. — В сб.: *ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА И ВРАЧЕБНАЯ ЭТИКА*. [Л.], 1930, с.18, 19.

У нас нет конкретных сведений о том, как реагировали читатели и слушатели Осипова на его выступления. Можно привести лишь сомнительные косвенные.

Осипов, судя по большинству источников, присутствовал при кончине Ленина. В отрывке из воспоминаний Крупской об этой минуте перечислены все врачи и санитары, находившиеся в комнате в этот момент: Ферстер, Елистратов, Попов, Рукавишников — но имя Осипова не названо²¹⁴. Почему? Возможно, мы найдем его, когда будет опубликован полный текст воспоминаний. Или — *nomina sunt odiosa*?

Не исключено, что какие-то результаты смогут дать материалы к истории взаимоотношений Осипова и Бехтерева, чью должность руководителя Института мозга Осипов (автор нескольких работ о Бехтерева) занял вскоре после смерти Бехтерева, умершего в одночасье по приезду в Москву от желудочного заболевания и поспешно кремированного согласно «неоднократно выраженного пожелания, чтобы его тело после смерти было сожжено»²¹⁵. Как-то Бехтерев писал, вспоминая о Ленине: «В дальнейшем мои встречи с Ильичом относятся уже к тому времени, когда наступили дни его тяжелой болезни и когда я приглашался в качестве консультанта к его постели, но описанием этих печальных дней Ильича я не хотел бы омрачать свои воспоминания об Ильиче»²¹⁶. Не было ли в умолчании о «печальных днях» вызова подробным до неприличия воспоминаниям Осипова?

Приведем еще кажущееся нам симптоматичным заявление самого Осипова, в котором можно поискать попытку самооправдания: «Ведь без боязни ошибиться можно утверждать, что нет ни одного врача, включая самых квалифицированных и пользующихся высокой репутацией гуманных и честных людей, который не подвергался бы различным нареканиям и более или менее

²¹⁴ См.: В.Волкова. *ЛЕНИН В ГОРКАХ*. М., 1963, с.99.

²¹⁵ «Известия», 1927, 28 декабря. См. также: И.Губерман. *БЕХТЕРЕВ*. Страницы жизни. М., 1977, с.156: «Бехтерев умер неожиданно и быстро. Настолько неожиданно и быстро (отравился консервами поздно вечером, ночью его уже не стало), что еще одна возникла легенда: будто кто-то [читай — И.Сталин] отравил его специально ради неразглашения тайны диагноза, поставленного им на приеме. Эта легенда оказалась чрезвычайно живучей, несмотря на полное отсутствие подтверждений».

С какого времени Бехтерев являлся адептом кремации? Вряд ли он стал им в тот короткий промежуток времени, отделяющий начало работы первого в стране крематория (октябрь 1927) от времени кремирования его тела (декабрь 1927).

²¹⁶ *ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ*. Посмертная статья В.М. Бехтерева. — «Огонек», 1928, №2, с.9.

серьезным обвинениям, связанным с его врачебной деятельностью»²¹⁷.

Qui prodest?

Полагаем, что выступления Осипова (и некоторых других врачей) были инспирированы неким лицом, заинтересованным в дискредитации Ленина последних лет, способным осуществить общее руководство, настоять на публикации воспоминаний и предоставлении трибуны для устных выступлений. Хорошо на месте «некоего лица» смотрится И. Сталин. В 1935 Троцкий писал: «Уже при жизни Ленина Сталин вел против него подкоп, осторожно распространяя через своих агентов слух, что Ленин — умственный инвалид, не разбирается в положении и проч. /.../»²¹⁸. Заявлению Троцкого, кажется, можно доверять. Никто из членов ПБ не был так заинтересован в низложении интеллекта Ленина последнего периода жизни, как Сталин. С этой целью, по-видимому, и была предпринята «сифилитическая кампания». В случае ее успеха легко объяснить всем заинтересованным лицам нелогичность завещательных статей Ленина, часть которых была извращена, а часть сокрыта. Можно будет без труда доказать, что сближение Ленина с Троцким в конце 1922 и идея организации совместно с ним блока против Сталина, — в самой сути носят маниакально-болезненный характер. Окружающие уверятся, что письмо Ленина Сталину от 5 марта 1923 с угрозой разрыва личных отношений написано в состоянии болезненного гнева. И уж совершенно очевидно, что предложение Ленина освободить Сталина от обязанностей генсека, высказанное в «Письме к съезду», демонстрирует полную несостоятельность Ленина не только как когда-то способного государственного деятеля, но и как личности в целом.

Насколько можно представить, в плане «кампании» было всего два пункта. На первом этапе выступлениями Розанова (и некоторых других врачей) категорически отклонить версию о смерти как результате покушения. На втором этапе (или параллельно) подкрепить воспоминаниями Осипова (при поддержке Розанова) слухи о том, что действительной причиной смерти Ленина явился прогрессивный паралич, связанный, как известно, с радикальными нарушениями психики. Или чуть иначе: важно было указать не столько на прогрессивный паралич, сколько

²¹⁷ В.П. Осипов. *К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВРАЧЕЙ*. — В сб.: *СУДЕБНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВРАЧЕЙ*. М.-Л., 1926, с.73.

²¹⁸ Л.Троцкий. *ПОЧЕМУ СТАЛИН ПОБЕДИЛ ОППОЗИЦИЮ?* — «Бюллетень оппозиции», №46, с.4.

дать понять, что любая из болезней, подпадающая под набор симптомов, предложенных Осиповым, связана с психической неполноценностью, психической несостоятельностью больного. При любом конечном диагнозе интеллектуальная ущербность Ленина не должна была вызывать сомнений. «/.../ Словом, пустил в оборот ту самую легенду, которая ныне стала неофициальной версией Коминтерна для объяснения резкой враждебности между Лениным и Сталиным за последние год-полтора жизни Ленина»²¹⁹.

Традиционный метод борьбы с инакомыслием потребовал, надо полагать, некоторых усилий. Возможно, воспоминания Осипова еще до публикации были представлены в Политбюро, скажем, Семашко, и с ними могли ознакомиться и родственники покойного, один из которых был дипломированным врачом, а другие погрузились в медицинскую литературу со времени болезни Ленина и вполне могли понять, чем чреватые для памяти вождя эти воспоминания. Однако и родственникам и сомневающимся членам ПБ (Н.И. Бухарину?) можно было заметить, что как раз во избежание вздорных слухов, в целях ознакомления широких кругов общественности с тем, как В.И. Ленин даже в положении безнадежно больного проявлял свои выдающиеся качества: настойчивость, волю, непритязательность, скромность и т.д., — просто необходимо опубликовать целый ряд соответствующих материалов²²⁰. Что и было сделано с использованием классического приема «игры на правде». Посредником между «третьим лицом» и оказавшимися в сложнейшей ситуации врачами мог быть Семашко, какая-то вспомогательная роль, кажется, была отведена Зиновьеву, в «вотчине» которого (Ленинград) и появились беспрепятственно воспоминания Осипова и Доброгаева. Возможно, роль Зиновьева была более значительна: в своей речи 7 февраля 1924 он довел до всеобщего сведения, что интеллект Ленина периода последней болезни оставлял желать лучшего. «У него оставалась сравнительно большая ясность ума», — сказал Зиновьев, давая тем самым понять, что, скажем, с марта 1923 ум Ленина был не совсем ясным. В устах Зиновьева, до середины октября 1923 утверждавшего, что Ленин вот-вот готов приступить к работе, этот эпизод его речи может быть

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Через несколько дней после смерти Ленина в газетах было напечатано сообщение, что «в ближайшее время под /.../ руководством [врачей] будут опубликованы все материалы о болезни и все данные вскрытия тела покойного». — **ПРЕДСТАВИТЕЛИ МЕДИЦИНЫ О БОЛЕЗНИ ЛЕНИНА (ПО ДАННЫМ ВСКРЫТИЯ)**. — Цит. по: «Торгово-промышленная газета», 1924, 25 января.

прочитан как одиозный. В «Правде» и «Известиях» искомая цитата опущена; содержит ли «Ленинградская правда» (10 февраля 1924), откуда приведена выдержка, полный текст его выступления?

*К портрету
В.Н. Розанова*

В завершение сюжета — несколько эпизодов из биографий Розанова и Осипова.

В самом начале 1920-х Розанов провел сложную операцию аппендицита, которой, по его словам, сугубо интересовался Ленин. Пациентом Розанова был доверившийся ему Сталин²²¹.

11 марта 1923 Розанову позвонил Сталин и попросил его участвовать в лечении Ленина. Появление хирурга у постели больного, не требовавшего хирургического вмешательства, нуждалось, видимо, в объяснении, которое предложила в некрологе В.Н. Розанову М.И. Ульянова: «В тяжелые моменты его болезни в нашем доме поочередно дежурили врачи, пользовавшие Владимира Ильича, главным образом, невропатологи. Но при приглашении дежурных врачей мы и ближайшие товарищи исходили из соображений не только узкомедицинского характера. Важно было и отношение Владимира Ильича к тому или иному врачу. И поэтому в число дежурных врачей т. Сталин, знавший хорошо отношение Ильича к Владимиру Николаевичу, пригласил и его»²²².

31 октября 1925 в Солдатенковской больнице скончался председатель РВС М.В. Фрунзе. Непосредственная причина остановки сердца — двойная доза хлороформа, введенная ему в целях обезболивания по предложению Розанова, который, кажется, и настоял на операции²²³. Смерть Фрунзе часто связывают с именем Сталина, хотя, оперируй не Розанов, в больницу к которому Фрунзе перевели из Кремлевки 28 октября, а любой другой хирург, легенда, вероятно, не возникла бы²²⁴.

²²¹ См.: В.Н. Розанов. *ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ*. — «Красная новь», 1924, №6, с.152.

²²² М.Ульянова. *ПРЕКРАСНЫЙ ВРАЧ*. — «Известия», 1934, 18 октября; там же: Н.Крупская. *РЕДКИЙ ЧЕЛОВЕК*.

²²³ Об операции см., например: *М.В. ФРУНЗЕ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ*. М., 1962, с.338-339; *М.В. ФРУНЗЕ. ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ И СОРАТНИКОВ*. М., 1965, с.272-273; см. также: Б.Пильняк. *ПОВЕСТЬ НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ*. 1926. Подробную подборку материалов см. в: Р.А. Медведев. *К СУДУ ИСТОРИИ*. Генезис и последствия сталинизма. New York, 1974, с.112-119.

²²⁴ Отметим еще, что в мае 1924 из Кремлевской больницы в Боткинскую к Розанову был переведен давно лечившийся у Розанова, Гетье и за границей В.П. Ногин. Через несколько дней после операции больной скончался (послеоперационный перитонит), вскрытие производил Абрикосов. Две неудачные операции могли породить слухи.

В начале 30-х годов Розанов принял на себя обязанности консультанта больницы ОГПУ²²⁵.

Апофеоз В.Н. Розанова — его похороны, принятые на государственный счет. Жене — персональная пенсия, Центральному институту усовершенствования врачей — 5 стипендий, лучшей участковой больнице — его имя и т.д. В почетном карауле Н.К. Крупская и М.И. Ульянова. Многотысячную похоронную процессию возглавили «автомобили с венками из живых цветов /.../ за гробом вереница автомобилей /.../. Сделав последний прощальный круг, скрываются в нависших облаках самолеты, эскортировавшие процессию»²²⁶.

*К портрету
В.П. Осипова*

В.П. Осипов в 20-е годы продолжал заниматься не только прогрессивным параличом, но и своей давней темой — «душевными заболеваниями в условиях настоящего времени». Несколько характерных выдержек из его работы «О контрреволюционном комплексе у душевнобольных»²²⁷: «Я не привожу примеров из бредового поведения больных поздним сифилитическим психозом; эти больные, с большим постоянством ниспровергавшие советский строй, были весьма многочисленны, было время, когда этим занимался почти каждый экспансивный паралитик. /.../ Дело дошло до того, что уже в 1923 и в 1924 годах громадное большинство больных, служивших для нас клиническим материалом, высказывали в той или иной форме контрреволюционные идеи /.../. Контрреволюционный комплекс у душевнобольных развивался и нарастал у нас в Ленинграде в течение 6-7 лет, достигнув при известных клинических формах почти пандемического распространения /.../».

В качестве консультанта Осипов участвовал в работе Лечсанупра Кремля, неоднократно выступал в роли судебного эксперта. «Правда, иногда точка зрения В.П. в таких случаях вызывает критическое отношение со стороны отдельных психиатров, но, будучи убежден в своей правоте, В.П. твердо держится правильного пути, умело сочетая общегосударственные задачи и интересы с заботой о человеке»²²⁸.

²²⁵ См.: А.Н. Шибанов, Б.Л. Осповат, И.В. Богорад. *В.Н. РОЗАНОВ (1872-1934)*. М., 1981, с.57.

²²⁶ См. траурные материалы в «Правде» и «Известиях» за 18-19 октября 1934.

²²⁷ «Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии», 1926, №2, с.89, 90, 92.

²²⁸ Л.Г. Вебер. *ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.П. ОСИПОВА*. — «Невропатология, психиатрия и психогигиена», 1935, с.4, вып.9-11, с.5.

В таинственной книге Лидии Норд²²⁹ находим упоминание о том, что Осипов участвовал в психологическом воздействии на Л. Николаева (убийца С.М. Кирова) с целью получения от него нужных показаний, за что был награжден орденом²³⁰.

В 1939 Осипов специальным решением ЦК ВКП(б), минуя кандидатский стаж, был принят в ряды партии²³¹. Такого рода акт — не рядовое явление в истории партии.

Скончался В.П. Осипов в 1947 в должности директора Института мозга, в звании генерал-лейтенанта медицинской службы, член-корреспондентом АН и т.д.

*

Цена косвенных наблюдений, как правило, не слишком велика. Перелистаем, например, первый траурный выпуск журнала «Огонек». На внешней странице обложки две фотографии: Ленин на траурном ложе в Горках, вынос тела из дома в Горках. Дальше — разворот. Справа на странице — вынос тела из вагона на Павелецком вокзале, а если зрительно продолжить путь гроба на левую сторону разворота, то упрямся в рекламу: «Венерологический кабинет д-ра Вайнштейна. М.Дмитровка, д.8, кв.20. Прием по сифил., венерическ., мочепол. ежедневно (во всякое время муж. и жен.)». Чуть выше — реклама Центральной лечебницы врачей-специалистов, где тоже есть отделение «кож., венер. и мочепол.». Траурные фотографии помещены на пяти страницах, а еще через полтора листа анонимная информация: «Изучение сифилиса на животных» с приложением двух фотографий. Однако этот номер журнала «Огонек» (№5, 27 января 1924) не дает никаких оснований заподозрить редактора (М.Кольцов) в преднамеренном расположении материала. Переверстывая в спешке уже готовый номер²³², просто не обратили внимания на неожиданно возникшее опасное соседство.

²²⁹ Справку о Л.Норд см. в журн. «Часовой», Брюссель, 1967, №9, с.19: «Принимала /.../ большое участие в Освободит. Армии ген. Власова, выпускала газету "Доброволец", сотрудничала в эмигрантских газетах /.../». Скончалась в Лондоне 4 июля 1967.

²³⁰ См.: *МАРШАЛ М.Н. ТУХАЧЕВСКИЙ*. Париж, 1978, с.111. В литературе о В.П. Осипове отмечено, что первым орденом он был награжден в 1936.

²³¹ См.: *В.П. ОСИПОВ*. Некролог. — В кн.: *ИНСТИТУТ МОЗГА В 1941-1946*. Л., 1947, с.9; см. также: М.Я. Полякова. *ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.П. ОСИПОВА*. Л., 1967, Военно-мед. академия (продаже не подлежала).

²³² См. редакционное примечание на с.7. Реклама д-ра Вайнштейна и в предыдущих номерах журнала. Есть она и в шестом номере, тоже посвященном Ленину, только на третьей странице обложки, а на второй — реклама печати.

III. ВРЕМЯ ПРОЩАНИЙ

18 октября
1923

Обратимся к следующему сюжету, также нуждающемуся в комментарии. Как провел Ленин 18 и 19 октября 1923?

15 мая 1923 Ленина вывезли в Горки. Осенью, когда его состояние несколько улучшилось, он неоднократно выражал желание навестить Москву, вряд ли намереваясь окончательно вернуться в столицу. Под разными предлогами удавалось удерживать его за городом, «говорили ему, что нет машин, что дороги непроезжие»²³³ и т.д. Как-то Крупская собралась в Москву, Ленин заволновался, «надел кепку, стал показывать жестами, что он тоже хочет ехать вместе с нею»²³⁴. Уговорили остаться. Однажды Ленину даже удалось сесть в машину и приподнять шапку в знак прощального приветствия, но «в тот раз Надежда Константиновна еще как-то его удержала»²³⁵.

18 октября Ленин все же сумел осуществить свое желание, проявив упорство и настойчивость, свойственные ему и до болезни. Утром он потребовал бриться, что, видимо, случалось нечасто и вызвало шутливо-ироническую реплику М.И. Ульяновой, запомнившуюся шоферу П.С. Космачеву, исполнявшему в то утро обязанности парикмахера: «Не иначе как собрался ехать куда, если уж решил бриться»²³⁶.

После обеда Ленин с гневом обрушился на Осипова, заподозрив его в том, что тот проник в его, пока тайные для всех, замыслы. Выйдя на прогулку, сел в автомобиль и потребовал: в Москву. На уговоры не поддавался. Окружающие сделали вид, что готовы подчиниться. «Быстро собравшись, Надежда Константиновна и Мария Ильинична сели в автомобиль Владимира Ильича и поехали, а мы с врачом Г. поехали следом в другом автомобиле»²³⁷. Выехали в одни ворота, покружились вокруг

²³³ А.Кузнецова. *ЛЕНИН В СЕМЬЕ*. — в сб.: *О ЛЕНИНЕ*. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с.290.

²³⁴ «Красная летопись», 1927, №12, с.244.

²³⁵ А.Кузнецова. Цит. соч., с.290; см. также *БИОХРОНИКА*, т.12, 8 октября.

²³⁶ П.С. Космачев. *ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА В КРЕМЛЬ*. — «Литературная газета», 1957, 26 октября. О П.С. Космачеве (ум. 1940 на работе в гараже Кремля) см.: Н.Костин. *ИЗ НОВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ*. М., 1967, с.4-36. О втором дежурном шофере — В.И.Рябове (был жив в 1941) — см.: Н.Костин. *ШТРИХИ ВЕЛИКОГО ОБРАЗА*. — «Дон», 1969, №14, с.37-39.

²³⁷ В.П. Осипов. Цит. соч., с.245. Здесь опечатка: «брат» вместо «врач». Ср. в вечернем выпуске «Красной газеты» за 21 января 1928 в извлечении из этих воспоминаний (*ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЕЩЕНИЕ В.И. ЛЕНИНЫМ МОСКВЫ*) — «доктором Г.», т.е. Ф.А. Гетье.

Горки и решили въехать в Горки с другой стороны. Натолкнувшись на сопротивление и гнев больного, дали указание Космачеву (в одном источнике — Рябову) ехать в Москву. Помимо перечисленных лиц, Ленина сопровождали санитары К.Зорька и В.А. Рукавишников, кухарка А.Я. Кузнецова, группа охраны во главе с П.П. Пакалном²³⁸. По дороге в город встретили В.Н. Розанова²³⁹ и хирурга-ортопеда Н.Н. Приорова²⁴⁰.

В Кремле о поездке уже были извещены. Вспоминал стоявший на часах у кремлевских ворот А.И. Нерченко: «На пост передали: идет машина. Мы сразу узнали автомобиль Владимира Ильича. /.../ Часовые, став по команде "смирно" и повернув голову к машине, приветствовали Ленина и Крупскую»²⁴¹. (Ср. воспоминания В.А. Рукавишникова, построенные на одном из самых любимых в лениниане приемов — на «узнавании»: «Кремль. Часовой осматривает наши пропуска. Ильич сидит, откинувшись в угол автомобиля. Часовой наклоняется ближе, чтобы разглядеть пассажира, не показавшего пропуск. Увидел и отпрянул. На лице удивление, восхищение и радость — наконец-то приехал, долгожданный...»²⁴²).

Не касаясь пока подробностей пребывания Ленина в Москве, отметим, что пробыл он в столице около суток, с 17-18 часов 18 октября до 17-18 часов 19 октября. Датирование поездки сейчас ни у кого не вызывает сомнений. ПСС (т.45, с.716), «В.И. Ленин. Биография» (1981, с.675), «Биохроника» (т.12, с.638-639) приводят без колебаний — 18 и 19 октября. Но в течение почти сорока лет в лениниане существовала не менее бесспорная, но отличная от нынешней датировка поездки — только несколько часов в пределах 19 октября, а 18 октября, таким образом, числилось не то целиком проведенным Лениным в Горках, не то вовсе исключенным из его биографии²⁴³.

²³⁸ О сопровождавшей Ленина охране см. воспоминания ее сотрудников: И.В. Пизан. *С ИЛЬИЧОМ В ГОРКАХ*. — «Труд», 1937, 21 января; С.Аликин. *ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА В КРЕМЛЬ*. — «Литературная газета», 1957, 26 октября; А.В. Бельмас. *ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ. — ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.409; см. также: Д.Новоплянский. *ГОРКИ-МОСКВА*. Рассказ о последней поездке В.И. Ленина в октябре 1923. — «Правда», 1973, 17 октября; Н.Зубов. *ОНИ ОХРАНЯЛИ ЛЕНИНА*. М., 1981, с.245-250.

²³⁹ См.: В.П. Осипов. Цит. соч., с.245.

²⁴⁰ См.: Н.Н. Приоров. *НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. — «Здоровье», 1960, №4, с.6.

²⁴¹ Политрук П.Владимиров. *РАССКАЗ О ЛЕНИНЕ*. — «Боевая подготовка», 1940, 21 января.

²⁴² В.А. Рукавишников. *В ГОРКАХ*. — «Гудок», 1940, 21 января.

²⁴³ Загадочность датировок отмечена Робертом Пейном (Ук. соч., с.582-583, сноски).

Просматривая воспоминания и статьи, созданные с 1926 по конец 1950-х, замечаем, что почти все они в один голос утверждают: Ленин пробыл в Москве всего несколько часов в промежутке одного дня — 19 октября. основополагающая техническая роль в намеренном искажении действительности принадлежит Л.А. Фотиевой. В первом ее выступлении дата отсутствует, но очевидно, что речь идет о событиях одного дня. Ленин представлен чуть ли не туристом, спешащим обежать все достопримечательности в пределах короткой маршрутной остановки. «Вопреки всем уговорам, сел в автомобиль и велел везти себя в город. Зашел на квартиру, заглянул в зал заседаний, оглядел все, проехал по городу и уехал обратно в Горки». Фотиева отметила, что «на одну только минуту заглянул Владимир Ильич в свой кабинет»²⁴⁴.

В.Г. Сорин (1893-1944), с 1924 ответственный работник Института Ленина, неоднократно бывавший в Горках в 1923-1924, в 1927 датировал поездку точнее — осень: «Как раз во время сельскохозяйственной выставки, осенью, произошел чрезвычайно знаменательный, никем, к сожалению, не описанный эпизод: поездка, последняя поездка В.И. в Москву. /.../ Владимир Ильич проехал мимо сельскохозяйственной выставки, был в Кремле, здоровался с красноармейцами, был у себя на квартире. Вечером автомобиль пошел обратно в Горки»²⁴⁵.

Месяц осени находим и у С.М. Доброгаева: «Однажды (в конце октября 1923 г.) он спустился во двор, зашел в гараж, сел в автомобиль и знаками приказал везти себя в Кремль /.../. Однако шоферу приказали не выезжать на московское шоссе, а вернуться кругом в Красные Горки. Заметив эту маленькую хитрость, Ленин рассердился и настоял на поездке в Москву. /.../ По приезде в Кремль Ленин осмотрел не только свою квартиру и зал Совнаркома, но и ездил по Москве»²⁴⁶.

В.П. Осипов, наконец, назвал и почти верное число — 21 октября: «Как провел Владимир Ильич время в Москве? Его квар-

²⁴⁴ Л.Фотиева. *КАБИНЕТ ЛЕНИНА В МОСКВЕ*. — «Красная новь», 1926, №17, с.174.

²⁴⁵ Вл.Сорин. *БОЛЬШОЙ ДОМ*. — «Правда», 1927, 21 января.

²⁴⁶ *КАК ЛЕНИН БОРОЛСЯ СО СВОЕЙ БОЛЕЗНЬЮ*. Воспоминания проф. Доброгаева. — «Всеукраинский пролетарий», 1927, 21 января. Кажется, впервые «октябрь» был назван на траурном митинге рабочих Замоскворечья: «Красноармеец Шумилов рассказывает о последней встрече в октябре, когда больной тов. Ленин проезжал мимо него в коляске по панели Кремля» (*В ИНСТИТУТЕ КАРЛА МАРКСА*. — «Правда», 1924, 30 января).

тира сообщалась с залом, в котором собирался Совнарком. Он направился туда, отворил дверь и постоял несколько времени, оглядывая зал. В своей библиотеке он отобрал некоторые книги, которыми, по словам Марии Ильиничны, более всего интересовался, руководствуясь, очевидно, их привычным видом. Спустился в кремлевский двор, сел в свое кресло и показал направление к выходу из Кремля. Ему подали автомобиль. Владимир Ильич сел в него вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной, поехали по городу в направлении к сельскохозяйственной выставке. Владимир Ильич все время был в хорошем настроении и без всякого протеста согласился вернуться в Горки»²⁴⁷. В описании маршрута Ленина в Кремле Осипов, как и Доброгаев, опустил посещение кабинета.

«Основные вехи жизни В.И. Ленина», приложенные к XXVII тому «Сочинений», дают окончательную датировку и формулировку: «19 октября В.И. приезжает в Москву и заходит в свой кабинет. На обратном пути в Горки заезжает на сельскохозяйственную выставку»²⁴⁸. В 3-м и 4-м изданиях «Сочинений» аналогично²⁴⁹. В 1931 и 1933 вышли подготовленные бывшей библиотекаршей Ленина Ш.Н. Манучарьянц «Даты жизни и деятельности В.И. Ленина»: «19 октября. Москва. Ленин приезжает в Москву на несколько часов»²⁵⁰. Количество часов высчитано в очередной работе Фотиевой: «19 октября /.../ Владимир Ильич /.../ приехал в Москву. Зашел к себе на квартиру, заглянул в зал заседания, зашел в свой кабинет /.../, проехал по сельскохозяйственной выставке и вернулся в Горки. Поездка эта заняла около двух часов /.../»²⁵¹. Через несколько лет Фотиева увеличила время пребывания Ленина в Москве на час: «Поездка, которую он совершил вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной, заняла около трех часов»²⁵².

В марте 1939 в Центральном музее В.И. Ленина в роли информанта выступал шофер П.С. Космачев: «Побыл там Владимир Ильич час или два и — обратно в Горки. Но возвращались уже мимо выставки»²⁵³. Мы не знаем, кто опрашивал Космачева

²⁴⁷ «Красная летопись», с.245-246.

²⁴⁸ М.-Л., 1930, с.602.

²⁴⁹ В допечатках 2-го и 3-го изданий — 10 октября. Опечатка?

²⁵⁰ С.305 по изд. 1933.

²⁵¹ Л.А. Фотиева. *ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ И РАБОТЫ В.И. ЛЕНИНА*. — «Правда», 1940, 21 января.

²⁵² Л.А. Фотиева. *ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. ЛЕНИНА (1922-1923)*. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в конференц-зале Центрального музея В.И. Ленина в Москве. М., 1947, с.23.

²⁵³ Н.Костин. *ИЗ НОВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ*. М., 1967, с.29.

в Музее. Не исключено, что Фотиева, с 1939 сотрудник этого учреждения, собиравшая материалы для своей статьи 1940. Возможно, именно она и напомнила шоферу «час или два».

Список мемуаристов, настаивавших до начала 1960-х на 19 октября, можно продолжить.

Вернемся к нынешней датировке — 18 и 19 октября. Прежде всего, она подтверждается воспоминаниями Крупской, впервые опубликованными в 1968. Чисел Крупская не называет, но нет сомнений, что речь идет о двух днях, проведенных Лениным в Москве: «В начале октября Владимир Ильич раз собрался со мной ехать в город. Тогда врачи боялись, как бы он не захотел там остаться, и поэтому мы всячески отговаривали его от поездки, но в один прекрасный день он отправился в гараж, сел в машину и настоял, чтобы ехать в Москву. Там он обошел все комнаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком, потом захотел поехать по городу — ездил мимо сельскохозяйственной выставки. Разобрал свои тетрадки, отобрал три тома Гегеля, взял их с собой...²⁵⁴ На другой день стал торопить ехать обратно в Горки»²⁵⁵.

Существует еще один источник, самый ранний из опубликованных после смерти Ленина. Журнал «Прожектор» в траурной сумятице опубликовал очерк писателя и журналиста В.Ф. Федоровича (Добровольского, ум. 1962) «Поминки в избе (Горки)», где, в частности, воспроизведен «разговор» автора очерка с местными крестьянами, которые Федоровичу и сказали: «Простор человеческий любил». — «А как не простор! — подхватил другой. — В Москву, вот, в сентябре уехал — и никаких. Сам видел. Его, значит, супруга уговаривает и сестра уговаривает, а он шоферу показывает: "Вот, вот", — и на шоссе. — Рассказывали... Доставили его в Москву, к выставке, провезли мимо и в Кремль. А в Кремле ребята собрались. Ремонт шел. Такого уру было! Ночь одну ночевал в Кремле, а потом, видим, обратно едет, веселый!»²⁵⁶.

Кто сообщил Федоровичу эти сведения? Вероятнее всего, сведения шли от М.И. Ульяновой, которая, хотя и числилась в отпуске, регулярно навещалась в «Правду», корреспондентом которой являлся Федорович. Похоже, что заметка о скорбящих крестьянах и Ленине, возвратившемся из Москвы в веселом на-

²⁵⁴ Знак «...» в пятитомнике воспоминаний одновременно обозначает и авторскую пунктуацию и редакционную выкидку. Судя по нашей практике пользования этим изданием — здесь явная купюра.

²⁵⁵ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.589.

²⁵⁶ 1924, №2, 31 января, с.6.

строении, написана с учетом ее вкусов и трактовки последней поездки Ленина.

В том же 1924 за подписью «Володя» опубликовал свои воспоминания санитар В.А. Рукавишников: «Последняя поездка (18 октября)»²⁵⁷:

«Два раза Владимир Ильич высказывал желание поехать в Москву..

Окружающие, боясь, как бы такая длинная поездка не отозвалась на здоровье Ильича, в первый раз отклонили поездку, сказав, что в квартире производится ремонт. Во второй раз сказали, что нет для поездки машины.

Он отнесся немножко недоверчиво к этому, но все же не настаивал. На этот раз случилось иначе. В.И. с Н.Конст. и я были в саду; тов. Зорька, которого я сменил для поездки в Москву, зашел попрощаться».

Зорька отправлялся в Москву в машине — следовательно, машина есть. К ней и устремился Ленин.

«По приезде в Кремль В.И. отдохнул немного, сидя в кресле. Осмотрел всю квартиру, книжные шкафы.

После дороги рано уснул.

Крепко спал».

В 60-х и начале 70-х годов право на существование имели обе датировки²⁵⁸, хотя еще в 1959 Л.А. Фотиева, так много сделавшая для того, чтобы исказить хронологию, решила: «Приехал в Москву 18 октября после обеда. Переночевал в своей квартире»²⁵⁹. А в 1964 верная датировка появилась и в «Датах жизни и деятельности В.И. Ленина»²⁶⁰.

Почему же нужно было ждать почти сорок лет, чтобы выяснить действительный срок пребывания Ленина в Москве? Допустим, заметка Федоровича и воспоминания «Володи» затерялись, воспоминания Н.К. Крупской работницы центрархива обнаружили только в шестидесятых годах. Но ведь одинокая дата «19 октября» появилась еще при жизни вдовы Ленина. Предположим, Крупскую уверили в истинности официальной датировки на основании множества других воспоминаний. Известно, впро-

²⁵⁷ «Гудок», 23 апреля. В публикации 1940 («Гудок», 21 января) датировка и детали двух дней сняты.

²⁵⁸ См., например: В.И. ЛЕНИН. КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. М., 1967, с.219; Н.К. Крупская. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ. М., 1968, с.463; примечание редактора.

²⁵⁹ Л.А. Фотиева. ИЗ ЖИЗНИ ЛЕНИНА. М., 1959, с.76; см. также издание 1967, с.136 (ср. с.317 — здесь оставлено только 19 октября).

²⁶⁰ См.: ПСС, т.45, с.716.

чем, что в конце 1920-х большинство поправок Крупской к биографии Ленина и истории партии абсолютно игнорировалось, «на ее глазах фальсифицировались многие вопросы истории партии /.../. Ей приписывались "ошибки" в освещении истории партии, в изображении Ленина /.../»²⁶¹. Но ведь существует «История болезни Владимира Ильича», которая «велась чрезвычайно тщательно. Она составила обширный том в 400 страниц. Там прослежено все заболевание не только по неделям, но и дням и даже по часам до мелких подробностей включительно»²⁶². В 1982 вышел 12 т. «Биохроники», значительная часть которого с 25 мая 1922 построена на документах ЦПА ИМЛ, ф.4, оп.1, д.142, т.е., полагаем, на материалах упомянутой Осиповым Истории болезни. Лист 6 заполнен в ней 28 мая, лист 1 — не ранее 25-27 мая. Запись о смерти произведена на листе 476. Сведения о поездке в Москву запечатлены на лл.406, 407. Запечатлены только под 19 октября. И факт отсутствия в Истории болезни сведений о пребывании Ленина в Москве 18 октября заставляет усомниться в достоверности Истории болезни. Была ли в этом документе хоть когда-то запись о 18 октября?²⁶³

«18 октября» отсутствовало в лениниане много лет. Кажется, мы не совершим опрометчивого поступка, если предположим, что произошло это не случайно, а преднамеренно. Не случайно также сведение всей поездки к 2-3 часам. А если вспомнить, что истинная датировка возродилась только после смерти Сталина, то, может быть, мы получим ответ на вопрос: кто был заинтересован в ее сокрытии? Можно ли выяснить — зачем?

²⁶¹ *СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ*, т.8. М., 1965, стлб. 192.

²⁶² «Наша искра», 1925, №1, с.19.

²⁶³ Комиссия по увековечению памяти Ленина на одном из своих заседаний постановила: «Поручить т.т. А.С. Енукидзе и Беленькому [член коллегии ГПУ, ответственный за охрану Ленина. — Н.П.] принять все меры к тому, чтобы все материалы, относящиеся к болезни В.И., начиная с августа 1918 года, были собраны полностью для передачи их Институту Ленина, и чтобы была составлена подробная опись этих материалов» (*ОТЧЕТ КОМИССИИ ЦИК СССР ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ В.И. УЛЬЯНОВА /ЛЕНИНА/. 1924-21/1-1925. М., 1925, с.41*). Возможно, в первой описи фонда 4 ЦПА ИМЛ (это т.н. фонд «О В.И. Ленине», «в первой описи которого учтены документальные материалы об учебе /.../, бюллетени о состоянии здоровья /.../» и т.д. — «Фонд документов В.И. Ленина», М., 1970, с.298, 299) есть и «подробная опись этих материалов»?

Что же касается ведения «Истории болезни», то в ней, как правило, запись об одном дне делалась на одном листе. Поэтому, ссылка в *БИОХРОНИКЕ* на два листа (лл.406, 407) может соответствовать двум дням, проведенным Лениным в Москве — 18 и 19 октября (к тому же ссылка на эти листы дела в *БИОХРОНИКЕ* дается через запятую, а не через дефис, значит, это — отдельные записи, а не одна, продолжающаяся).

Н.Валентинов (Вольский) в своей книге воспроизводит рассказ В.Н. Малянтовича, которому через знакомых врачей стали известны какие-то подробности пребывания Ленина в Кремле. По сведениям Малянтовича, которыми он поделился с Валентиновым в 1930 в Париже, Ленин обнаружил ящики своего письменного стола в кабинете вскрытыми. Это вызвало припадок болезненного гнева, а в дальнейшем — ухудшение его здоровья, о причинах которого М.И. Ульянова сообщила одному из лечащих врачей (Крамеру?)²⁶⁴. Через несколько дней Н.К. Крупская в разговоре с тем же врачом дезавуирует информацию М.И. Ульяновой: «Владимир Ильич болен, он может в несколько искаженном виде представлять некоторые явления. На слова его в этом состоянии полагаться нельзя. Я не хочу, чтобы разнесся слух, что какие-то документы, рукописи, письма у В.И. украдены. Такой слух может принести только большие неприятности и создать совершенно ненужные разговоры и подозрения. Очень прошу забыть все, что Вам говорила Мария Ильинична. Она, со своей стороны, Вас тоже об этом просит /.../»²⁶⁵.

Изъятие 18 октября из биографии Ленина, по-видимому, как-то связано с рассказом Малянтовича. Что в нем является истинным — сказать трудно. Действительно ли Ленин обнаружил пропажу каких-то документов, что при его ограниченной способности к чтению было сделать нелегко? Какие-то более общие признаки (исчез «контрольный волосок»?) заставили его усомниться в надежности запоров или он только ошибочно заподозрил кражу? Но удостовериться в открытости-закрытости ящиков своего письменного стола он был в состоянии. Л.А. Фотиева во всех редакциях своих воспоминаний оставляла один абзац практически неприкосновенным: «Ящики стола Владимира Ильича были всегда заперты, за исключением верхнего левого, в который он складывал бумаги со своими распоряжениями. Отсюда мы извлекали их по несколько раз в день для немедленного исполнения»²⁶⁶. Может быть, именно «верхний левый ящик» Ленин и обнаружил отпертым, забыв, что это отделение его стола всегда находилось в таком положении? Или Фотиева спе-

²⁶⁴ Н.Валентинов (Вольский). Цит. соч., с.62-63. Не отзвук ли эпизода в кабинете — фраза из воспоминаний Рукавишникова 1924: Ленин подошел к кабинету, «потребовал, чтобы его открыли, осмотрел хозяйским взглядом, все ли на месте /.../». По Рукавишникову, все было в порядке.

²⁶⁵ Н.Валентинов (Вольский), там же.

²⁶⁶ Л.А. Фотиева. *Из жизни В.И. ЛЕНИНА*. М., 1967, с.128; о том же: «Красная новь», 1926, №17, с.169.

циально вводила в свой текст эту деталь, чтобы направить все слухи об инциденте в нужное русло, а в действительности — и этот ящик Ленин в последние месяцы своей деятельности не оставлял доступным для своих секретарей?

Во то, что кто-то из посторонних рылся в столе Ленина, верится с трудом. Подозрения, естественно, падают на Сталина (если бы с этим эпизодом было связано другое имя, оно было бы Сталиным впоследствии названо). Но в 1923 Сталин был еще далеко не так всемогущ, чтобы позволить себе такой рискованный шаг. Кто-то сделал это по его поручению? Л.А. Фотиева? Полагая, что хозяин сюда больше не вернется? Кто-то был настолько уверен в своей безнаказанности, что даже забыл запереть ящик стола? Маловероятно — таких отчетливых следов никто оставлять не станет.

Но что-то в кабинете все-таки произошло. В воспоминаниях Крупской этот эпизод явно купирован.

А можно ли допустить, что ничего «такого» Ленин вовсе и не заметил в кабинете, а эпизод с исчезновением бумаг был разыгран им, чтобы дискредитировать какое-либо лицо? Но какое? Сталина? Фотиеву? Зачем?

Мы не нашли в центральной печати до смерти Ленина сообщений о пребывании Ленина в Москве. Провинция оказалась информированной лучше. 6 ноября 1923 М.В. Фрунзе, тогда заместитель председателя СНК УССР, на юбилейном заседании Харьковского горсовета сообщил, что Ленин «совершает длительные прогулки на автомобиле и, приехав недавно в Москву, был в Кремле в своем кабинете...»²⁶⁷. А.И. Микоян, в те годы секретарь Юго-Восточного бюро ЦК, говорил в конце 1923 на Донском областном съезде Советов о Ленине: «Приезжал даже в Москву, правда, против воли врачей. Заходил в свой кабинет, стал рыться в книгах и взял некоторые с собой»²⁶⁸. Фрунзе и Микоян в конце октября присутствовали на совместном Пленуме ЦК и ЦКК. 27 октября на заседании было заслушано сообщение о состоянии здоровья Ленина²⁶⁹. Вероятно, тогда же собравшимся

²⁶⁷ *ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПЛЕНУМ ГОРСОВЕТА*. — «Коммунист», Харьков, 1923, 7 ноября.

²⁶⁸ А.И. Микоян. *В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЫХ...* М., 1975, с.373-374. Изложение доклада Микояна о международном положении было 12 декабря помещено в ростовской газете «Трудовой Дон», и здесь же сообщалось, что докладчику была «подана записка о здоровье Вл. Ильича Ленина». Ответ Микояна газета не приводит — очевидно наличие запрета. Полагаем, что запрет существовал и для Харькова, но был каким-то образом нарушен, вероятно, по оплошности редакцией «Коммуниста».

²⁶⁹ См.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.640-641.

и было предложено толкование поездки, а, возможно, и инцидента в кабинете.

Но в писаную лениниану, в массовое сознание эпизод в кабинете предпочли, конечно, не вносить. Первоначально старались замолчать поездку. Затем 18 октября изъяли из биографии Ленина и всю поездку свели к 2-3 часам. А чтобы развеять слухи, доктор Осипов отметил: «В.И. все время был в хорошем настроении и без всякого протеста согласился вернуться в Горки». Доктор Доброгаев добавил: «Мы, врачи, тоже констатировали после, что у него на много дней [после поездки] улучшилось состояние здоровья»²⁷⁰.

И Осипову, и Доброгаеву можно возразить. В.Г. Сорин, не посвященный во все детали мистификации: «/.../ Владимир Ильич в течение нескольких дней после этой поездки был задумчив и печален»²⁷¹. 28 октября Крупская писала И.Арманд: «...Сейчас у нас осень, парк опустел, стало в нем скучно. Летом народ толкался, теперь никого нет, и В. тоскует здорово, особенно на прогулках»²⁷². Предусмотрительный В.П. Осипов, кажется, оставил для историков биографии Ленина и «информированных лиц» некое объяснение случая в кабинете: «Болезнь постепенно улучшалась. Но около половины октября появились некоторые угрожающие симптомы, которые заставляли сильно задумываться»²⁷³, — возобновились припадки, «причем был один припадок, который сопровождался судорогами».

Сельхоз- выставка

Казалось бы, сделано все, чтобы слухи о кабинете были признаны ложными: 18 октября не было, настроение хорошее, здоровье, вроде, тоже улучшилось. Но оставалось 19 октября.

Следовало распланировать те два-три часа, которые Ленин все-таки провел в Москве, так, чтобы никто не усомнился в том, что у него просто не было времени для длительного присутствия в кабинете. Создать ему алиби, чем-то заполнить время. Возможно, именно для этого в биографию Ленина вписывается несуществующий (мы почти уверены) эпизод — посещение Лениным сельскохозяйственной выставки. Впервые, кажется, этот факт внесен в государственную лениниану в 1930, в Биохронику XXVII тома второго издания «Сочинений» Ленина. Он продолжает существовать и поныне, но в несколько ином ка-

²⁷⁰ Проф. С.М. Доброгаев. *ПОСЛЕДНИЕ ДНИ*. — «Наука и жизнь», 1960, с.46.

²⁷¹ «Правда», 1927, 21 января.

²⁷² *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.338.

²⁷³ «Наша искра», 1925, №1, с.15.

честве — как доказательство того, что до конца своих дней Ленин принимал непосредственное и деятельное участие в жизни страны.

Здесь придется сделать отступление.

Большинство изысканий советских биографов Ленина являют собою совокупность естественного феномена организации мифа в рамках дологического мышления, намеренной фальсификации или умолчания. Реальная историческая фигура исчезает, вместо нее является сконструированный мифотворчеством герой, набор функций которого определяется жанровыми особенностями текста. А общество и государство стимулируют мифотворчество: сказывается стремление к известной систематизации и упорядоченности, способным стабилизировать существующее положение и представить мир легко поддающимся прочтению. В пределах пространственно-временного функционирования героя любая попытка исторической реконструкции его «жития» — интуитивная или документализированная — должна, естественно, пресекаться, или замалчиваться, или караться, поскольку свидетельствует о существовании иной, «ложной» культуры, разрушающей действительную, «истинную».

В 20-х годах время от времени еще предпринимались попытки демифологизации. Несколько раз по этому поводу выступала А.И. Ульянова-Елизарова, которая не только являлась, но и ощущала себя старшей сестрой Ленина, хранительницей этических традиций предыдущего революционного поколения — народовольцев, традиций ее старшего брата Александра, память о котором была высшей ценностью в ее жизни. Абсолютное большинство ее рецензий 20-х годов на книги и статьи о Ленине, ее работ об А.Ульянове с тех пор не переиздавалось, что показательно.

Еще при жизни Ленина со статьей «Ленин — мифическое лицо» выступил известный специалист истпарта Г.Шидловский, встревоженный некоторыми симптомами тогда еще немногочисленной литературы о Ленине: «Руками товарищей по партии — в книгах, а потом из уст в уста по всей республике творится миф о вожде партии тов. Н.Ленине (В.И. Ульянове). Еще больше, даже государственные учреждения РСФСР принимают участие в этом творении мифа. Это Государственное изд-во и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет»²⁷⁵.

Механизм появления множества воспоминаний о посещении Лениным выставки традиционен, но все же мы остановимся на нем.

В его основе лежит действительный интерес Ленина к положению отечественного сельского хозяйства и нуждам крестьянства, с интересами и требованиями которого основателю пролетарского государства пришлось считаться. 14 ноября 1922

²⁷⁵ «Пролетарская революция», 1922, №3, с.333; впервые опубликовано в 1921.

он направил в адрес Главного выставочного комитета приветствие: «Придаю очень большое значение выставке, уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха»²⁷⁶. Открытие выставки состоялось с опозданием почти на год — 19 августа 1923. Осенью этого года Ленин, кажется, смотрит о ней документальный фильм. Проявляет внимание к Международной крестьянской конференции²⁷⁷, организованной 10-16 октября из числа делегатов некоторых иностранных государств, принимавших участие в выставке. 9 сентября по просьбе Ленина посетил выставку и сделал о ней сообщение в усадьбе заведующий хозяйством совхоза «Горки» Панков. «Когда приехал, — рассказывал он вскоре после смерти Ленина, — мне прислали записку, и я пришел в 4 часа. Владимир Ильич сидел с Марией Ильиничной. /.../ Я начал делать доклад, рассказываю, что на свалке, на мусоре и выросло такое здание. Я там был на открытии еврейского павильона, часов пять истратил, посмотрел на их статистические данные, как они сеют рожь, пшеницу, какое у них тяготение к земле. У нас крестьяне говорят, что евреи могут быть только торгашами, а я был там и увидел, что они лучше наших землеробов в несколько раз. Он был очень доволен и чувствовал себя хорошо»²⁷⁸. Воспоминания Панкова были в последний раз переизданы в самом начале 1930-х, с тех пор, кажется, не публиковались. Хотя вполне могли бы явиться приличной иллюстрацией к теме «В.И. Ленин и советское крестьянство». Посети Панков какой-нибудь другой, нееврейский, павильон, он наверняка стал бы одним из самых цитируемых авторов в рамках биографии Ленина последнего периода. Можно, конечно, купировать абзац о еврейском павильоне, но тогда причина, по которой будет сделана чистка, станет слишком очевидной.

²⁷⁶ ПСС, т.45, с.298.

²⁷⁷ См., например, речь Зиновьева на заседании конференции 13 октября. — «Правда», 1923, 16 октября.

²⁷⁸ В КРЕМЛЕ И В СОВХОЗЕ (По рассказу т. Панкова). — ПРОСТОЕ В ВЕЛИКОМ. Сборник рассказов об Ильиче. Стенографически записала и обработала Е.Попова. М.-Л., 1929, с.120; сборник переиздан в 1930.

В воспоминаниях Панкова содержится еще один эпизод, посвященный его встречам с Лениным осенью 1923: «Как-то нам привезли два трактора, и мы подладили так машину, чтобы Владимиру Ильичу с балкона было видно. Он увидел тракторы, я говорю: "Советская лошадь хорошо пашет". Один проехал трактор, потом другой. Он был доволен, что я назвал их советской лошадью» (цит. соч., с.121). Не совсем понятно — находился ли Панков рядом с Лениным на балконе или кричал снизу. Ср.: ПОЛДНЯ У ТРАКТОРА («Сельскохозяйственный рабочий», 1931, 22 января): «Привезли в совхоз первые два трактора показать их Ильичу в действии. /.../ Полдня простоял Ильич на огороде, (см. след. стр.)

Проще вставить несуществующий эпизод. Вставить его можно было под прикрытием (но без упоминания источника) одной неполновесной фразы (о ней — ниже) из тех самых воспоминаний Рукавишника в «Гудке» (1924), относительно которых в течение 40 лет было принято делать вид, что их не существует в природе.

Легенду начинают отрабатывать в конце 1920-х. В ее развитии наблюдается несколько тенденций. До 1982 наиболее скромная представлена ПСС (с.716): «Ленин проезжает в автомобиле по /.../ территории Сельскохозяйственной выставки», — и «Биографией» (с.675): «/.../ Владимир Ильич проехал /.../ по территории Сельскохозяйственной выставки». Чем дольше он проезжает, тем, естественно, больше его внимание к ней. Авторы сборника «Ленин и московские большевики», подготовленного к печати Институтом истории партии при МГК и МК, реконструируют: «часы посещения выставки»²⁷⁹. Те же «часы» фигурируют в книге сотрудников Музея-кабинета и квартиры В.И. Ленина в Кремле Л.И. Кунецкой и К.А. Маштаковой²⁸⁰, других авторов.

Несколько неопределенная формулировка содержится в надписи на памятной доске, установленной в 1959 на портале главного входа в ЦПКиО им. А.М. Горького: «19 октября 1923 года В.И. Ленин посетил сельскохозяйственную выставку, находившуюся на этой территории».

Существует официальная датировка, открыт мемориал, но практически нет свидетелей?

Есть свидетели. Под прикрытием официальной инстанции (ИМЛ) и памятной доски их с каждым годом становится все больше. На митинге в ЦПКиО выступает Г.И. Лебедев, бывший член Президиума Главного выставочного комитета: «Владимир

наблюдая работу трактора». Автор этих воспоминаний (А.Шершнин?), судя по его упоминанию о том, что он «больше года прожил рядом с Ильичом», — из обслуживающего персонала Горок. О выезде Ленина на пахоту вспоминал еще П.Балтрушайтис, сотрудник охраны (см.: L.Inis. VAGOS. — «Genys», Vilnius, 1974, №1, с.2).

По небрежности составителей *БИОХРОНИКИ* в ленинiane появился новый персонаж: тракторист Папков. Возник он из опечатки при republicации воспоминаний В.Г. Сорина *БОЛЬШОЙ ДОМ (ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ)*, т.2, с.717, ранее: «Правда», 1927, 21 января). В действительности, в тексте Сорина речь идет все о том же Панкове — так в первой публикации — «показывавшем Ильичу работу трактора».

²⁷⁹ 1977, с.435.

²⁸⁰ *МАРИЯ УЛЬЯНОВА*. М., 1979, с.228. Авторы сборника ссылаются — без указания источника — на рассказы Крупской и Ульяновой, Кунецкая и Маштакова — на воспоминания Ульяновой. У Крупской таких воспоминаний быть не может, у М.И. Ульяновой — не исключены.

Ильич при первой возможности посетил выставку. Появление Ильича было событием неожиданным и радостным. Его сразу узнали, из уст в уста полетела весть: Ленин! Ленин!»²⁸¹. Ему вторит А.Хейфец, зав. пресс-бюро в том незабываемом октябре 1923: «Стоял яркий солнечный день. Многочисленные экскурсанты в ярких национальных одеждах и работники выставки восторженно приветствовали Ильича. Из уст в уста передавалась радостная весть: Ленин! Ильич выздоровел! Он на выставке!»²⁸² Оба мемуариста единодушны в своих утверждениях, чему дополнительное свидетельство их совместное выступление: «В.И. Ленин на первой сельскохозяйственной выставке»²⁸³. В индивидуальную заметку Хейфеца, правда, вкралась неточность. В этот день было, пасмурно, кажется, моросил дождь. Но разве может встреча с вождем произойти в хмурый осенний день?

Нашелся даже свидетель, первым опознавший Ленина при въезде на выставку. Рекомендуем: Новиков С.Н., некогда сотрудник ВЧК-ОГПУ, с 1949 по 1960 зав. архивом АМН. Помнит: «А в октябре 1923 я решил поглядеть нашу первую /.../ выставку. Стою у ворот и вижу: на выставку в автомобиле въезжает Владимир Ильич и Надежда Константиновна»²⁸⁴.

Чем ближе к сегодняшнему дню, тем подробнее и обстоятельнее вспоминают мемуаристы обстоятельства несуществовавшего эпизода. Возможно, толчком для них послужил посмертно опубликованный в 1960 текст С.М. Доброгаева «Последние дни», где сообщалось, что Ленин «долго осматривал важнейшие павильоны, сконструированные советскими учеными машины, ознакомился с достижениями в научной организации сельского хозяйства»²⁸⁵. С воспоминаниями И.Л. Пантелеева, командированного в те дни из Царицына в Москву, читателей «Правды» познакомил В.Молчанов, специализировавшийся в ЦО на биографии Ленина.

«Владимир Ильич, — свидетельствует Пантелеев, — подъехал на автомобиле к главному входу со стороны Крымского моста. Вместе с ним были Н.К. Крупская и М.И. Ульянова. К машине подбежало много людей. Сняв кепку, Ильич приветствовал по-

²⁸¹ ПАМЯТИ В.И. ЛЕНИНА. Открытие мемориальной доски в Москве. — «Правда», 1959, 22 января.

²⁸² А.Хейфец. НЕЗАБЫВАЕМОЕ. — «Промысловая кооперация», 1960, №4, с.3.

²⁸³ Г.Лебедев, А.Хейфец. В.И. ЛЕНИН НА ПЕРВОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ. — «Огонек», 1959, №6, с.7.

²⁸⁴ С.Ляндрес, Н.Мар. *НОВИКОВ, СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, КОММУНИСТ*. — «Литературная газета», 1967, 1 ноября.

²⁸⁵ «Наука и жизнь», №4, с.46.

сетителей. Автомобиль остановился у здания, где размещалась сельскохозяйственная техника.

Ленин внимательно осматривал плуги, сеялки, сноповязалки, электродвигатели. /.../ Подошел к трактору "Запорожец", прочитал табличку-характеристику, ласково провел рукой по радиатору. Прислушался к разговору крестьян, спрашивавших у экскурсоводов — сколько стоят машины и какая в них заключена сила /.../.

Массы людей собрались у Летнего театра. Начался митинг. /.../, Люди хотели услышать Ильича. Председательствующий объявил: "Наш дорогой Владимир Ильич, хотя и поправился, но здоровье ему не позволяет сегодня выступить". /.../ Владимир Ильич тепло улыбнулся, поднял руки в знак приветствия²⁸⁶. Все верно: традиционная кепка налицо, интерес к сельскохозяйственной технике и разговорам крестьян очень правдоподобен, манеры поведения — узнаваемы. Как и знакомство Пантелеева-Молчанова с воспоминаниями Лебедева, Хейфеца, Доброгаева и т.д. Московский филиал ИМЛ рекомендовал воспоминания Пантелеева сборнику «Ленин в Москве и Подмосковье. Места пребывания, даты, события»²⁸⁷.

Много лет собирает воспоминания сотрудников ленинской охраны Н.И. Зубов. В его книге «Они охраняли Ильича» опубликован рассказ Г.П. Иванова, по насыщенности не уступающий ни одному предыдущему²⁸⁸.

Но как ни убедительны утверждения ранней Фотиевой, Доброгаева, Хейфеца, Лебедева, Аликина, Пантелеева, Иванова, некоторых других мемуаристов и авторов множества статей — у нас нет оснований доверять им.

Посмотрим еще раз группу воспоминаний об автомобильной прогулке Ленина по Москве, созданную, в основном, до того, как около 1930 возникла идея подменить эпизод в кабинете выставкой.

Некоторую расплывчатость находим только у Рукавишников: «Особенное внимание привлекла выставка. Подробного осмотра ее сделать было нельзя из-за погоды». Но и Рукавишников не утверждает, что машина въехала на территорию выставки.

В 1926 Фотиева о выставке не упоминает. В 1927 Сорин: «/.../ Проехал мимо сельскохозяйственной выставки». В том же

²⁸⁶ ГИМН ТРУДУ. — «Правда», 1973, 1 августа; ср. «Правду» за 17 октября того же года, где помещена статья Д.Новоплянского о поездке, значительно более корректная и информативная.

²⁸⁷ М., 1980, с.411-412.

²⁸⁸ М., 1981, с.248-249.

и в 1928 Осипов: «/.../ Поехали по городу в направлении к сельскохозяйственной выставке». Доброгаев в двух статьях 1927 о выставке умалчивает. Н.К. Крупская, которую постоянно усаживают в машину, чтобы прокатить по выставке: «/.../ Ездили мимо сельскохозяйственной выставки». Федорович: «Доставили его в Москву, к выставке, провезли мимо и в Кремль». Космачев, сидевший за рулем: «Но возвращались уже мимо выставки». Даже Фотиева, в статьях 40-50-х годов так широко рекламировавшая это событие, после смерти Сталина решила: «/.../ На обратном пути в Горки проехали мимо подготовлявшейся с.-х. выставки на территории Нескучного сада»²⁸⁹. Сюда же можно отнести Ем. Ярославского, умолчавшего о поездке Ленина в Москву, но вскользь упомянувшего, что «выставка устраивалась уже без тов. Ленина, он мог на нее взглянуть только мельком»²⁹⁰.

Преимущества второй группы мемуаристов (точнее, первой) над первой (точнее, второй) очевидны. Если затеять дискуссию, то разве по поводу лексического значения слова «мимо». Кажется, этим и занимались составители «Биохроники». С одной стороны: «Около 15 час. Ленин выезжает на машине на прогулку по Москве в направлении Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки /.../», — т.е. вполне может проехать и мимо выставки. С другой стороны: «/.../ Однако подробно осмотреть выставку не удалось из-за дождя»²⁹¹, — т.е. проезжает мимо экспонатов, не останавливаясь перед ними.

Не исключено, что, отправляясь в Москву, Ленин действительно имел намерение ознакомиться с выставкой. Возможно, возникли затруднения организационного порядка: желательно было бы очистить выставку от посетителей, но накануне ее закрытия (21 октября — финиш) сделать это оказалось несколько сложно. Или: Крупская и Ульянова собирались прокатить Ленина по выставке, но в последний момент что-то (контраст ленинской неподвижности и ярмарки?) заставило их по требованию Ленина свернуть с намеченного маршрута. Еще предположение: у входа на выставку была разбита большая клумба, на ней из цветов был соткан портрет Ленина, неподалеку была воздвигнута статуя вождя. О портрете неоднократно писали газеты, о нем же сообщил Ленину побывавший на выставке Д.И. Ульянов: «Много цветов, — между прочим сообщает Дми-

²⁸⁹ ИЗ ЖИЗНИ В.И. ЛЕНИНА. М., 1967, с.136. Выставка закрывалась уже, а не подготовлялась, как пишет Фотиева, осмелившись употребить предлог «мимо».

²⁹⁰ ЖИЗНЬ И РАБОТА В.И. ЛЕНИНА. 21 апреля 1870 — 21 января 1924. М., [1924], с.153.

²⁹¹ БИОХРОНИКА, т.12, с.639.

трий Ильич. — Твой портрет из цветов»²⁹². В последний период жизни Ленин высоко ценил подобные проявления народной любви (об этом см. ниже). Не исключено, что желание взглянуть на эти произведения садово-паркового и скульптурного искусства могло учитываться при выборе маршрута «в направлении к сельскохозяйственной выставке».

Но только ли выставка заставила Ленина приехать в Москву?

В.П. Осипов, ведомый однозначной тенденцией, не колеблясь, предлагает решение: «Своей поездкой он порывал окончательно с активной политической деятельностью, совершенно критически оценивая себя как выбывшего из политического строя по болезни». «Думаю, что единственный руководивший им мотив заключался в желании повидать Москву, может быть в последний раз попрощаться с новой столицей»²⁹³. Такая точка зрения Осипова получила некоторое распространение. Медсестра Т.М. Белякова: «Думается мне часто: не прощаться ли с Москвой и Кремлем — боевым, политическим и культурным центром страны — ездил Владимир Ильич?..»²⁹⁴ С.Н. Аликин: «Не прощаться ли с Москвой приехал Ильич?»²⁹⁵ «Мария Ильинична понимала брата — он прощался с Москвой»²⁹⁶. Однако для подобной трактовки поездки оснований мало. Скорее, наоборот, Ленин стремился в Москву не из сентиментальных соображений, он еще не похоронил себя, хотя и думал, конечно, о смерти. Скорее, он жаждал продемонстрировать свои успехи в выздоровлении, свою отчасти восстановленную двигательную способность, румянец на лице. Доказать свою живучесть, несмотря на очевидные прогнозы. Удалось ли ему это? Кажется, да. Кажется, даже напугал кое-кого. Но сам убедиться в произведенном впечатлении он сумел лишь отчасти.

²⁹² К.Шашкова. В *ГОРКАХ*. — «Медицинский работник», 1941, 19 января.

Автор портрета — В.Л. Бежанов, известный и другими аналогичными работами: Л.Н. Толстой (1910), Александр I и Наполеон (1912 ?). О нем см.: И.Коринец. *ПОРТРЕТ ИЛЬИЧА*. — «Правда» 1923, 31 августа.

²⁹³ «Красная летопись», 1927, №2, с.246.

²⁹⁴ Т.М. Белякова. *ПАМЯТЬ СЕРДЦА*. — В сб.: *ЧЕРТЫ НЕЗАБЫВАЕМОГО ОБРАЗА*. Из воспоминаний о В.И. Ленине. (1917-1924). Лит. запись Н.Д. Костина. М., 1973, с.103.

²⁹⁵ С.Н. Аликин. В *ЛИЧНОЙ ОХРАНЕ*. — В сб.: *В.И. ЛЕНИН И КРЕМЛЕВСКИЕ КУРСАНТЫ*. Воспоминания бывших кремлевских курсантов о В.И. Ленине. М., 1980, с.158.

²⁹⁶ Л.Кунецкая, К.Маштакова. *МАРИЯ УЛЬЯНОВА*. М., 1979, с.228. Авторы книги время от времени цитируют неизданные воспоминания М.И. Ульяновой, которой, возможно, и принадлежит осмысление поездки по Осипову.

Обитателей Кремля оповестили о приближении машины Ленина. Не знаем, как при встрече, а при отъезде, «чтобы не волновать его, все, кого он знал, ушли с его глаз, я отошел за Царь-пушку», — вспоминал С.В. Малышев, рассказав попутно, что Ленин все же его заметил: «Проезжая мимо, он как-то размашисто поднял свою руку, снял кепку и, здороваясь со мной, потряс ею в воздухе»²⁹⁷. Воспоминания Малышева — одни из лучших и достоверных в литературе о Ленине, сомневаться в правдивости приветствия нет оснований. Видимо, Ленин искал людей и нашел Малышева даже за укрытием.

Еще один пример в русле нашей гипотезы. Кабинет Ленина сообщался с залом заседаний Совнаркома, он же — помещение секретариата Ленина. Он заглянул туда, но «Каменев, узнав о приезде Ильича, распорядился, чтобы занятий не было. Ильич при виде пустого зала покачал головой»²⁹⁸. Кажется, желание Ленина как-то проявить себя было угадано, ему отчасти пошли навстречу, дали некое удовлетворение. При отъезде из Кремля перед Лениным возник идущий строевым шагом взвод кремлевских курсантов: «Из-за угла вывернулся взвод красноармейцев. Вот они поравнялись с Ильичом. Взводный: "Равнение налево!" Все красноармейцы поворачиваются к Ильичу. Взводный отдает честь. Ильич отдает честь. Раскланиваются»²⁹⁹.

Возможна еще одна версия о причинах поездки. Еще в октябре 1920, незадолго до того, как у Ленина стали возникать сомнения в абсолютной правильности избранной им стратегии и тактики на пути построения нового общества, он говорил Горькому, посетовавшему, что многого не успеваешь сделать: «А — я? Гегеля не успел проработать как следует»³⁰⁰. В свой последний приезд в Москву Ленин отобрал в кремлевской библиотеке три тома немецкого философа и взял их с собой в Горки. Может быть, Гегель и являлся одной из основных причин поездки? Объяснить окружающим свое желание было трудно, проще было самому съездить за ним в Москву. Не источник ли своих ошибок он собирался найти в этих понятых им некогда несколько механистически трудах философа-диалектика, как это не раз случалось и прежде? Найти и исправить? Вместе с Гегелем Ленин взял с собой в Горки труды Плеханова и Троцкого — и это тоже симптоматично.

²⁹⁷ С.Малышев. *ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ*. М., 1933, с.61.

²⁹⁸ [В.А. Рукавишников]. — «Гудок», 1924, 23 апреля.

²⁹⁹ С.Н. Аликин, цит. соч., с.157.

³⁰⁰ *В.И. ЛЕНИН И А.М. ГОРЬКИЙ*. Письма. Воспоминания. Документы. М., 1969, с.388.

К датировкам

Свободное обращение с календарем Ленина при жизни Сталина допускалось не однажды. Полагаем, что именно по воле Сталина (и при попустительстве Политбюро) ленинский приступ болезни, случившийся 10 марта 1923, в течение почти тех же сорока лет приходился на 9 марта. Поразительно, что такое эпохальное в биографии Ленина событие, как мозговой удар, лишивший Председателя СНК способности передвижения, речи, чтения, письма, не нашел, судя по «Биохронике», отражения в Истории болезни. Составители «Биохроники» в поисках источников, подтверждающих факт и время мартовского инсульта, вынуждены ссылаться не на Историю болезни, а на показания мемуаристов, одни из которых заведомо искажали истину, другие находились под гипнозом общепринятой датировки и не смели, не могли отклониться от нее. Из 12 источников «Биохроники», которые призваны служить доказательством, что 10 марта «у Ленина развился новый приступ болезни», лишь воспоминания О.Ферстера выполняют эту функцию. Не исключено, что в Истории болезни все же имеется запись о сакраментальном ударе, только помещена она не под 10, а под 9 марта. Но привести эту запись (если она действительно имеется) со ссылкой на 9 марта было бы для ИМЛ равносильно признанию, что Историю болезни кто-то подделал. С какой целью возникла потребность в фальсификации или просто в умолчании, почему 10 марта переместили на 9? Не было ли вызвано это какой-то игрой Сталина в связи с его ответом на письмо Ленина от 5 марта 1923?³⁰¹

История болезни как источник

Доброгаев упомянул, что История болезни заполнялась «всеми лечившими его [Ленина] врачами»³⁰². Основная часть текущих записей с мая 1922 по середину мая 1923 была, кажется, произведена А.М. Кожевниковым. Фотиева в двух последних разделах своей книги 1967 около 15 раз ссылается на «воспоминания и записи /.../ доктора А.М. Кожевникова» (с.236). Большую часть приведенных или изложенных ею записей находим в «Биохронике» со ссылкой на д.142; т.е. Историю болезни Фотиева называет записями доктора Кожевникова. Кто заменил Кожевникова с его отставкой в середине мая 1923? Осипов? (Любопытно, что через несколько дней после смерти Ленина Кожевников участвовал в повторном кол-

³⁰¹ См.: ПСС, т.45, с.486; т.54, с.329-330, 674-675.

³⁰² «Наша искра», 1925, №1, с.29.

лективном исследовании мозга Ленина, причем «все данные записывались доктором Кожевниковым»³⁰³).

Далеко не все листы Истории болезни заполнены целиком; насколько можно судить при анализе ее использования «Биохроникой», для каждого дня отводилось определенное число целых страниц, как правило, не более одной, на которой могло быть всего несколько строк. Так, во всяком случае, кажется, было в июне-сентябре 1922 и с декабря 1922 по май (июнь ?) 1923. Должно было получиться что-то вроде картотеки, которая, учитывая интересы Политбюро, могла составляться не в одном экземпляре. Ссылок на оборотную сторону листа Истории болезни в «Биохронике» нет, видимо, «л.об.» не заполнялся. Жизнь Ленина оборвалась на л.476, но «Биохроника» упоминает еще лл.477-485, которые, судя по затронутым на этих листах данным, содержат экстракт Истории болезни.

Историей болезни все эти записи можно назвать в какой-то степени условно, т.к. сюда заносились сведения, для такого рода документов далеко не обязательные — например, для лета 1922 во многих случаях указана тематика бесед Ленина с посетителями Горок, политические интересы больного, его чтение и пр. С другой стороны, в истории болезни отмечены далеко не все визиты врачей (Ферстера), их рекомендации и т.д.

То, что функция этой Истории болезни уже изначально была многоплановой, — очевидно.

Все материалы, связанные с болезнью Ленина, передавались в Институт Ленина. «Приведением в порядок материалов, относящихся к истории болезни В.И. Ленина», сразу же после смерти председателя СНК занимались Осипов и Фельдберг³⁰⁴. Последний, вероятно, являлся второстепенным лицом в этом процессе. Основная роль, наверняка, была отведена В.П. Осипову.

Поездка в Москву, демонстрация сохранившихся и в болезни особенностей характера, некоторые успехи в области восстановления чтения, речи, письма — должны были заставить ответственного куратора сделать несколько шагов.

Со времени возвращения Ленина в Горки его лечебный режим существенно изменился, дал крен в сторону смягчения, хотя, по известному утверждению Осипова, именно к этому времени относится ухудшение здоровья Ленина, о чем, вероятно, имеется соответствующая запись в Истории болезни. Отмечает

³⁰³ ИССЛЕДОВАНИЕ МОЗГА ЛЕНИНА. — «Вечерняя Москва», 1924, 29 янв.

³⁰⁴ См.: Г.Граев, цит. соч. — «Вечерняя Москва», 1924, 28 января.

и «Биография», вероятно, вслед за Осиповым; «/.../ Во второй половине октября 1923 появились симптомы нового обострения болезни»³⁰⁵.

Изоляция, в которой Ленин находился с конца декабря 1922, теперь в одном-двух строго определенных местах пришла в негодность. Еще 24 декабря 1922 после консультации Сталина, Каменева и Бухарина с врачами было принято решение: «Свидания запрещаются. /.../ Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений»³⁰⁶. На глаза ему никто не должен был попадаться (особенно из давних знакомых). Фотиева от имени обитателей Кремля о первом выходе Ленина, о майском переезде в Горки: «/.../ Мы, потрясенные, прячась от него, смотрели в окно, как его несли на носилках и укладывали в автомобиль /.../»³⁰⁷. В.Г. Сорин, уже после переезда: «В разное время я довольно близко видел в Горках Владимира Ильича, не показываясь, конечно, ему на глаза»³⁰⁸. Время от времени М.И. Ульянову навещали в Горках ее коллеги по «Правде». Кто-то из них рассказывал: «Удалось издали взглянуть на Владимира Ильича. Мария Ильинична провела нас с другой стороны дома, и мы спрятались в кустах около ограды парка. Ильич ехал в кресле-самокате по центральной аллее /.../»³⁰⁹. В воспоминаниях охраны упомянута еще одна точка наблюдения, предназначенная для ответственных лиц: «Каждый день на веранде Надежда Константиновна занималась с Владимиром Ильичом /.../. Приходили его друзья, просившие разрешения хотя бы сквозь шторы взглянуть на Ильича. Слегка отодвигая шторы /.../»³¹⁰. Более широкий обзор открывался из окна дома на двор. Зиновьев: «Через щелку окна мы с Каменевым и Бухариным смотрели в парк, когда Владимира Ильича вывозили на прогулку»³¹¹. Если же Ленин находился в комнатах, то наблюдение было затруднено. Сожалел Е.М. Ярославский, допущенный в Горки, вероятно, в связи с его работой над биографией Ленина: «Поздней осенью [1923 года], помню, я поехал в "Горки". Пожелтели уже листья, в саду последние

³⁰⁵ БИОГРАФИЯ, с.676.

³⁰⁶ ПСС, с.45, с.710.

³⁰⁷ «Красная новь», 1926, №7, с.174. В 1967 (с.136) «прячась от него» снято.

³⁰⁸ «Правда», 1927, 21 января.

³⁰⁹ А.Зуев. ЛЕНИНСКАЯ ЧЕРТА. — В сб.: М.И. УЛЬЯНОВА. М., 1978, с.260.

³¹⁰ А.В. Бельмас. — ВОСПОМИНАНИЯ, т.4, с.407.

³¹¹ «Правда», 1924, 30 января. Еще об одном посещении Зиновьева см. «Известия», 1923, 30 августа.

цветы отцвели. У меня была надежда хоть мельком где-нибудь увидеть Ленина. Я не увидел тогда Ленина: он отдыхал»³¹².

Сведения о поездках Сталина в Горки отсутствуют. В 1922 он самый частый посетитель больного в Горках — наблюдает, анализирует, читает медицинскую литературу. В 1923, видимо, не осмеливался там показываться и вынужден был выслушивать врачей, рассказы визитеров. Правда, в его распоряжении были еще фотографии³¹³ и киноматериалы³¹⁴.

Было ограничено и общение с «непрямыми» родственниками. Г.Я. Лозгачеву, приемному сыну А.И. Ульяновой-Елизаровой, разрешили, как обычно, провести часть лета в Горках. Но М.И. Ульянова предупредила: «'Он давно не видит никого, кроме меня да Нади. /.../ Так вот, я прошу тебя ни в коем случае не встречаться с Володей, если ты действительно его любишь'». В последующие дни я старался забираться в такие уголки, куда, по моему мнению, не могли завезти больного Владимира Ильича»³¹⁵.

³¹² Ем. Ярославский. *ЖИЗНЬ И РАБОТА В.И. ЛЕНИНА*. М., 1924, с.222. Из замечаний автора (см. с.3, 8, 107) может создаться впечатление, что работу над книгой он начал только после смерти Ленина. Однако в рецензии некоего Г.-Б. на 1-е издание биографии читаем: «Большая часть настоящего труда была написана еще в те томительные месяцы /.../, когда взоры, чувства и мысли /.../ были прикованы к Горкам в ожидании радостной вести о выздоровлении /.../» («Известия», 1924, 27 марта).

³¹³ Занимались фотографией М.И. Ульянова и В.Н. Розанов. Значительная часть фотонаследия Ульяновой опубликована в книге *ЛЕНИН. СОБРАНИЕ ФОТОГРАФИЙ И КИНОКАДРОВ В ДВУХ ТОМАХ* (М., 1970; второе изд. — 1980), известно и не вошедшее в двухтомник (ср., например, «Прожектор», 1923, №14). Работы Розанова (см.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.630) в печати нам не встречались, отчасти, видимо, потому, что относятся, кажется, к июлю 1923, т.е. к совсем нефотогеничному периоду в жизни Ленина.

³¹⁴ В лениниане последняя съемка датируется 1922. Сведениями о лете 1923 мы отчасти обязаны литовским биографам К.Римши-Зорьки и его жене: «А.Римшане достает из альбома фотографию. Это фотография, сделанная из кадра фильма. На ней запечатлено лето в Горках: Ленин сидит в коляске, у него на коленях букет цветов, справа в белом халате Римша, с другой стороны санитар В.Рукавишников. Кругом парк Горок, аллея раскидистых деревьев...» (М. Telksnyte. *ZEMIETIS, SLAUGES LENINA*. — «Spalio Veliava», Rokiskis, 1977, 24 lapkritis. См. также: М.Тельксните. *ЧЕЛОВЕК, ЛЕЧИВШИЙ ЛЕНИНА*. — «Советская Литва», кн.11, Вильнюс, 1965, с.101). Именно этот кадр был в 1969 опубликован в вильнюсском журнале «Nemunas» (№10, с.2), только ошибочно датирован 1922 годом и определен как фотография. Судя по кадру, на котором Ленин выглядит совсем плохо, съемку эту следует отнести к июлю 1923.

³¹⁵ Г.Я. Лозгачев-Елизаров. *НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. Л., 1971, с.241-242. Дополним по саратовскому изданию 1966 (с.234): «И напрасно мне не говорили всей правды о состоянии здоровья Владимира Ильича. У меня складывалось ложное представление об истинном положении вещей: сторгая я даже вообразил, что меня искусственно отдалили от любимого человека, и чуть ли не готов был винить в этом Марию Ильиничну».

Этим же летом в Горках жил шестилетний племянник Ленина, еще несколько детей. И им было сказано: «Если увидите, что дядя Володя едет к вам, уходите подальше»³¹⁶.

Горки обслуживал довольно значительный персонал: кухарки, прачки, уборщицы, садовники, егерь, люди разных технических специальностей и т.д.³¹⁷. Вспоминал парковый рабочий С.И. Сухов, в дальнейшем партийный работник на Урале (с 1962 — на пенсии): «Ввиду тяжелой болезни Владимиру Ильичу было запрещено общаться с людьми,

Обслуживающий персонал

³¹⁶ А.Зуев. *ЛЕНИНСКАЯ ЧЕРТА*. В сб.: *М.И. УЛЬЯНОВА*. М., 1976, с.260. Ср.: В.Ульянов. *ЛИСТ ИЗ УЧЕНИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ*. — «Литературная газета», 1957, 26 октября.

³¹⁷ Обслуживающий персонал рекрутировался разными путями: привлекались жители окрестных деревень, присылали людей через Москву. Домашних работниц набирала, как правило, М.И. Ульянова. Из последней категории наиболее давним человеком в семье Ульяновых была А.М. Сысоева (1881-1941), двоюродная сестра И.В. Бабушкина, который рекомендовал ее еще в 1905 или 1906. В 1908 она недолго жила вместе с матерью Ленина и его младшей сестрой. После покушения 30 августа ее на несколько недель «одолжили» у Кржижановских, а с конца января 1919 «перешла к Ульяновым и жила до 1923 года». В июле 1923 А.М. Сысоева заболела — «было много хлопот, все устали и изнервничались» — и больше в Горки не возвращалась. (См.: А.М. Сысоева. *В СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ*. — В кн.: *ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ*, т.2, с.414-416; о ее сестре М.М. Сысоевой, служившей в Горках в 1922, см.: О.Тарасевич. *МАША В ГОРКАХ*. — «Смена», 1956, №7, с.9).

В 1919 или 1920 М.И. Ульянова пригласила в дом О.Н. Журавлеву, ранее ночного сторожа в «Правде». В 1922 О.Н. Журавлева еще справлялась со своими обязанностями, но сомнительно, чтобы жила в Горках и в 1923 (о ней см.: *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.582; *М.И. УЛЬЯНОВА*. М., 1978, с.140, 142; А.Кузнецова. *KARĒS MĒS ILJICU MĪLEJAM*. — «Padomju jaunatne», Riga, 1957, 23 janvārī).

«В 1922 году сестра Ленина Мария Ильинична предложила мне работать поварихой в семье Ленина. /.../ Я вспомнила знакомство с важным французом Берто, князьями Горшони, у которых служила до революции экономкой, и почувствовала огромную разницу. /.../ От Марии Ильиничны я узнала, что он предпочитает острые блюда. Поэтому часто готовила грибы, баклажаны, паштеты, бефстроганов. Даже компот он любил крепкий», — вспоминала в середине 1950-х (см.: *О ЛЕНИНЕ*. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с.285-286) еще одна домработница 1923 — А.Я. Кузнецова-Лаздынь. Кажется, она и была той самой безымянной «кухаркой-латышкой», о которой говорил Зиновьев, представивший ее в качестве конкретного объекта «настоящей, живой, действительной любви» Ленина последних месяцев жизни «к каждому данному труженику» («Известия», 1924, 13 февраля). Хотя, возможно, этим «объектом» была Э.Я. Балтынъ-Земниек (1892-1965), приглашенная в Горки летом-осенью 1923 из расположенного поблизости детского интерната (см. ее воспоминания в указанном рижском сборнике — с.278-279; см. также с.299, где упоминается, что в начале 1922 в Костино вместе с Лениным «прибыла и его экономка — латышка Марта», которую, видимо, и заменила А.Я. Кузнецова-Лаздынь; см. еще: *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.541). (См. след. стр.)

а он, как известно, с радостью встречался с людьми, да и нам хотелось хоть словом перекинуться с ним, но было нельзя. При его появлении мы уходили»³¹⁸. Однако многие работники Горок по роду своих занятий вынуждены были находиться рядом с Лениным. Например, заведующий технической частью этой молчаливой усадьбы И.Н. Хабаров (род. 1889), который «крутил» в Горках кино, а на сеансах иногда присутствовал Ленин. Запрет распространялся и на подобные случаи. «Разговаривать с ним врачи не разрешали /.../»³¹⁹, — оставил свидетельство Хабаров.

Очевидно, что и для охраны не было сделано исключения, воспоминания ее сотрудников, привыкших воспроизводить свои «беседы» с Лениным, в отношении 1923-1924 достаточно осторожны³²⁰. Жителям деревни во время ленинских прогулок рекомендовали оставаться в тени: «Старожилы Горок, чтобы из-

Охрана

Еще одна домработница 1923 — Е.И. Смирнова (род. 1890), которая поступила к Ульяновым в марте 1923 по рекомендации Е.Д. Шкирятовой, заведовавшей одной из фабрик Москвошвей (напомним о М.Ф. Шкирятове: в 1918-20 секретарь Союза швейников, с 1921 — в аппарате ЦК, ближайший исполнитель воли Сталина). После смерти Ленина Смирнова осталась в его семье на несколько лет, до 1955 была сестрой-хозяйкой в СНК и Совете Министров. Ее ранние воспоминания впервые опубликованы уже в 1924 («Рабочая газета», №73; «Работница», №8, с.6-8, в сокращении републикованы в трехтомнике 1957); абсурдные поздние — в журнале «Социальное обеспечение» (1958, №4, с.4-5).

Наиболее часто в воспоминаниях о Ленине упоминается А.М. Сысоева — «Саня», но, как правило, только в одной роли: когда Ленину дарят что-нибудь из еды, «Саня», по его требованию, относит ее в ближайший детский дом.

³¹⁸ С.Сухов. *НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА*. — «Комсомольское племя», Оренбург, 1963, 21 апреля. О Сухове см. также: Н.Кузнецов. *САДОВНИК ЛЕНИНСКИХ ГОРОК*. — «Комсомольское племя», 1968, 5 декабря.

³¹⁹ И.Н. Хабаров. *САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК*. — *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.401.

³²⁰ В последний состав постоянной охраны Ленина в Горках входило около 30 человек из полка особого назначения ОГПУ. Начальник группы — П.П. Пакалн (1886-1937 ?), после смерти Ленина комендант Мавзолея (воспоминания его жены — М.М. Циновской /род. 1895/ см. в сб.: *О ЛЕНИНЕ*. Воспоминания революционеров Латвии. Рига, 1959, с.280-284. Последняя по времени публ. о нем — «Советская Латвия», 1986, 19 января /играл в шашки с Лениным, показ кинофильмов и т.д./). Сотрудники группы: С.Н. Аликин (1901-1975), Ф.И. Балтрушайтис (род. 1901), А.В. Бельмас (род. 1899), Богданов, Горбунов, Г.П. Иванов (род. 1901), Т.И. Казак (1902-1967), Кулик, И.А. Новиков (род. 1899), М.Я. Пидюра, И.В. Пизан, Проценко, С.П. Соколов, Струнец, К.Суслин, Теркин, И.В. Чебанов; вероятно: Закрочинский, И.И. Иваницhev (род. 1895), Петрасов, К.Стаклис (курьер ?; ум. 1942); возможно: Борисов, Еремин, Кравченко, Матвеев, Недобежкин, Нуколов, Обухов, Рыжов, Сердюков, Ф.И. Сотников; сомнительно: Н.Берзинь, Бивин, Желин, П.Лагуткин, Мельников, Слесарев, М.Телин, Тюрин, В.Эрман (см.: А.Абрамов. *ОНИ ОХРАНЯЛИ ИЛЬИЧА*. — «Правда», 1966, 1 октября; Ю.Дмитриев. *ЗА ОДНО ЕГО ДЫХАНИЕ*. — «Советская Латвия», 1965, 24, 25, 26 декабря; Ю.Дмитриев, Я.Мушин. *ЗА ОДНО ЕГО ДЫХАНИЕ*. М., (см. след. стр.)

бегнуть волнующих Ильича встреч, издали, украдкой, глядели вслед саням...»³²¹ По специальному приглашению в сентябре побывал в Горках уже упоминавшийся Панков. Здесь же Ленин встречал и угощал «В.[Г.] Шумкина, старого партийного товарища, рабочего, приехавшего к нам в Краков за литературой и живущего теперь в Горках»³²². Встреча с Шумкиным носила, видимо, «домашний» характер; полагаем, что произошла не ранее августа.

Прощание с пролетариатом

Полагаем, что такие условия режима³²³ не слишком способствовали лечению (во всяком случае, не в этом заключался смысл ограничений), но и некоторое корректирование режима, случившееся после возвращения Ленина из поездки в Москву, вряд ли преследовало цель облег-

1977 /здесь же о Пакалне и его жене/; Н.Зубов. *ОНИ ОХРАНЯЛИ ИЛЬИЧА*. М., 1981).

А.Абрамов, бывший комендант Московского Кремля, разыскал к 1966 семь человек из охраны 1923:

Франц (Пранас) Балтрушайтис, после демобилизации (1934) окончил МГУ, работал в одном из московских НИИ (см.: М.В. *VIENAS NO DIVIDESIMS KETURTU*. — «Tiesa», Vilnius, 1966, 7 lark. Э.Левин. *ВЕЧНЫЙ КАРАУЛ*. — «Советская Литва», Вильнюс, 1967, 21 января; L.Inis. *VAGOS*. — «Genys», Vilnius, 1974, №1, с.1-2).

Сергей Аликин, во время войны и позднее армейский политработник (см. свердловские газеты: «Уральский рабочий», 1964, 12, 14 апреля; «На смену», 1966, 7 ноября).

Александр Бельмас, работал в аппарате ЦК и Президиума Верховного Совета.

Георгий Иванов, еще в начале 1970-х — в проектном институте в Москве (о нем см.: «Молодая гвардия», 1970, №4, с.203-205).

Тимофей Казак, родом из Молдавии, с сентября 1921 в войсках ВЧК-ОГПУ, с декабря 1922 в личной охране Ленина, после демобилизации какое-то время был в аппарате ЦК, в 1930-х — председатель колхоза, перед войной — в НК текстильной промышленности, затем — на фронте, в 1945 — помощник коменданта Познани, позднее — кадровик в Москве (см. о нем: Д.Коваль и А.Чубашенко. *ОНИ ОХРАНЯЛИ ИЛЬИЧА*. — В сб.: *ЦЕЛЬ — ПОИСК*. Кишинев, 1979; Т.Цопа. *ЛЕНИНСКИЕ ГОРКИ*. — В сб.: *ЛЕНИН В НАШЕЙ СУДЬБЕ*. Кишинев, 1980; Л.Минина. *ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ*. — «Молодежь Молдавии», 1982, 11 февраля; там же 1986, 21 января).

Макарий Пидюра — Абрамов называет его «крупным хозяйственником».

Семен Соколов, ушел в отставку полковником погранвойск.

В.Мусаэлян (впоследствии фотограф Л.И. Брежнева) запечатлел «семерку» у Мавзолея В.И. Ленина (см.: «Советская Литва», 1966, 7 октября).

³²¹ А.Поликашин. *ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА*. — «Беднота», 1929, 24 января.

³²² *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.586.

³²³ 1 февраля 1923 Ленин, инструктируя Фотиеву, заметил: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы был на свободе), то я бы легко все это сделал сам» (*ЛСС*, т.45, с.478).

чить страдания больного. Все осталось по-прежнему, для большинства обитателей Горок запрет на общение с Лениным продолжал существовать, но с начала ноября в усадьбе стали появляться гости. Крупская назвала следующих лиц, с которыми Ленин виделся во время болезни: «Со свиданиями дело налаживалось плохо — раньше всего он случайно встретился с Евгением Алексеевичем Преображенским, очень обрадовался, но на вопрос, доволен ли он, покачал головой. Виделся с Евгением Алексеевичем еще раз, потом два раза с Иваном Ивановичем Скворцовым, с Пятницким, с Воронским, с Шумкиным, Панковым (крестьянином, ставящим в Горках хозяйство), с богородскими рабочими, с Крестинским»³²⁴. В ПСС³²⁵ названы еще Н.И. Бухарин и М.Г. Бронский, но в «Биохронике» Бухарина и Бронского нет, как и Преображенского, хотя относительно последнего, дважды упомянутого Крупской, сомнений быть не может³²⁶. В Истории болезни ни один из визитов, судя по «Биохронике», не зарегистрирован, хотя в аналогичной ситуации 1922 все сорок с лишним встреч Ленина с разными лицами имеют документальное подтверждение, причем для половины из них даже указаны темы бесед.

Впервые ворота Горок распахнулись для целевого визита 2 ноября — приехали рабочие из подмосковной Глуховской мауфактуры.

Абсолютное большинство сборников воспоминаний о Ленине венчаются воспоминаниями руководителя этой делегации П.А. Холодовой «Ильич и глуховцы». Без упоминания об этой встрече и цитирования избранных мест из Холодовой не обходится ни один труд, посвященный жизнеописанию Ленина. Изложим вкратце знаменитый сюжет, впервые зафиксированный в журнале «Работница» за 1924 (№9, май) под названием «Последняя встреча с Лениным».

Ни на миг не прерывалась связь Ленина с народом и народа с Лениным. Незадолго до его смерти пять представителей российского (часть мирового) пролетариата (трое партийных, двое беспартийных; две работницы, трое рабочих, трое помоложе, по одному из среднего и старшего поколения) посетили вождя

³²⁴ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.588.

³²⁵ ПСС, т.45, с.716.

³²⁶ Когда-то А.И. Ульянова-Елизарова протестовала против включения в аналогичное издание факта встречи Ленина с Гапоном, настаивая на том, что это событие не является «датой» в биографии Ленина. Составители *БИОХРОНИКИ* в близкой ситуации руководствовались, видимо, той же аргументацией, и неоднократно.

и учителя и от имени пролетариата и беднейшего крестьянства, от лица членов РКП(б), РКСМ, профсоюза и беспартийных выразили ему свою любовь и благодарность, передали символический дар — 18 вишневых саженцев, пожелали скорейшего выздоровления (одновременно заметив, что имя его уже хранится в их сердцах) и заверили в будущем успешном завершении начатого им, Лениным, дела — построения коммунистического общества. От имени 12 тысяч рабочих и служащих Глуховской мануфактуры Ленину был поднесен адрес, совмещавший в себе поэтические особенности приветствия и надгробного слова одновременно.

Воспоминания Холодовой и весь визит в целом выступают в роли необходимого жанрового компонента в рамках канонического жизнеописания героя-мученика, героя-благодетеля. Можно попытаться ответить на вопрос: сама ли «история», «историческая закономерность» взяла на себя обязанности мастера, организатора целостной композиции или в функции надсмотрщика за художественной упорядоченностью текста выступила некая более осязаемая инстанция?

Ряд вопросов.

1. Холодова³²⁷: «Последний раз я видела Ильича 2 ноября³²⁸ 1923 года. Во время его болезни я была послана вместе с пятью товарищами /.../ делегатским собранием отвезти Ильичу наш скромный подарок — 18 вишневых деревьев в оранжерею при домике в Горках».

Действительно ли инициатива была проявлена рабочими или была санкционирована? Имело ли место «делегатское собрание»? Почему на нем присутствовали не все из делегированных в Горки (напр., Гусева)? Почему в качестве подарка были избраны объекты флоры? Каким образом «рабочие узнали от кого-то, что Владимир Ильич интересуется разведением растений»?³²⁹

Откуда делегатам стало известно местопребывание больного Ленина в то время, как оно скрывалось даже от более ответственных лиц и было обнаружено только после смерти

³²⁷ Ее рассказ цитируем по: *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.457-458.

³²⁸ В первой публикации — «2 сентября». При подарке Ленину была записка: «Фабричное управление Глуховской мануфактуры /.../ просит принять настоящий пролетарский подарок, выражающийся в нескольких экземплярах "Испанской вишни", выращенной в оранжереях фабрики мозолистыми руками рабочих. /.../. 1 ноября 1923 года». (Е.Вихрев. *ТРИ ПУТЕШЕСТВИЯ*. (В Горках). — «Красная нива», 1929, №4, с.17).

³²⁹ Н.К. Крупская. *О ЛЕНИНЕ*. Сборник статей и выступлений. М., 1975, с.65.

Ленина? Характер подарка свидетельствует, что загородное нахождение Ленина им было известно изначально.

Действительно ли в составе делегации было пять, а с шофером (И.Н. Воронцов) шесть человек: К.И. Гусева, Г.Н. Козлов, Д.В. Кузнецов, Н.Н. Сергеев, сама П.А. Холодова? Кузнецов и Воронцов свидетельствуют, что в машине ехало семь человек³³⁰. Кто был седьмой?

2. Холодова:

«В Горках не знали о нашем приходе, и мы свалились для всех окружающих Ильича как снег на голову. Первое время, как видно, вышло некоторое замешательство». В «Работнице» таинственность появления делегации еще больше усилена: «Никто не знал, что мы едем».

Почему руководитель группы так акцентирует наше внимание на неожиданности появления? Ее подруга К.И. Гусева в первом варианте своих воспоминаний не увидела растерянности на лицах встречавших: «Наконец мы у Ильича. Нас встретила Мария Ильинична радушно и приветливо»³³¹. И даже более того — чуть ли не гонца навстречу выслали. Д.В. Кузнецов: «В 4 часа вечера приехали в Горки. С трудом наш грузовик поднимался в гору. Встретился нам по дороге Семашко, направил нас к дому Ильича. Подъехал грузовик к дому. Нас встретила Мария Ильинична, провела в прихожую, предложила раздеться». Что-то похожее на Семашку находим и у Воронцова (если только наркомздрав стараниями журналиста, воспроизведшего рассказ Воронцова, не перекочевал сюда из более ранних воспоминаний Кузнецова): «В сторонке у ворот в кожаной куртке с портфелем стоит какой-то человек невысокого роста. Очки, бородака с проседью клинышком». Кого, как не делегацию, караулил с наружной стороны ворот Семашко?³³²

3. Холодова:

«Мария Ильинична и другие не знали, как отразится на здоровье Ильича наше посещение. Но, посоветовавшись с Надеждой

³³⁰ См. соответственно: М.Эдемский. *У ИЛЬИЧА В ГОРКАХ*. (Что рассказывает старый кузнец). — «Голос рабочего», Богородск, 1928, 21 января; В.Деменков. *СТОЯЛА ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ*. Рассказ шофера Ивана Воронцова. — «Знамя коммунизма», Подольск, 1968, 26 сентября.

³³¹ Гусева. *ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА*. — «Работница», 1925, №1, с.6.

³³² 2 ноября Семашко участвовал в утреннем заседании III сессии ВЦИК (см.: «Известия», 1923, 3 ноября). По регламенту (см. «Известия», 1923, 30 октября) утренние пленарные заседания должны были заканчиваться в 3 часа дня; к 16-17 часам Семашко мог успеть в Горки.

Константиновной, нас решили допустить к Владимиру Ильичу /.../».

Ни Крупская, ни Ульянова, ни врачи самостоятельно принять такого решения не могли, разве что Политбюро за несколько дней до приезда рабочих отменило свое постановление о запрете на свидания. Кто все же позволил делегации встретиться с Лениным? Действительно ли Крупская находилась в этот момент в Горках? Если да, то почему не присутствовала при встрече, а впоследствии рассказывала о ней только со слов Ульяновой?³³³ Почему Крупской не было на ужине, которым Ульянова угощала гостей? Почему не присутствовала утром следующего дня на проводах?

4. Холодова:

«Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, положил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой. "Как я рад, что вы приехали", — внятно и ясно сказал он нам».

Действительно ли Ленин, лишенный в болезни дара речи, произнес это приветствие?³³⁴ Подтверждение невероятного факта находим у Гусевой: «Мы все плакали, а он говорил: "Как я рад, как я рад"». Почти ту же фразу приводит Кузнецов: «Говорил он тихо, тихо. Но мы поняли его слова: "Спасибо. Спасибо. Очень рад, что вы меня посетили...". Только Воронцов недопонял: «Владимир Ильич так тихо говорил, что мы ничего не слышали».

Если признать истинность приведенных заявлений, то придется признать сомнительными и отчеты врачей, и, главное, воспоминания Крупской, которая неоднократно опровергала глуховцев: 1) «Характерно то, что, хоть Владимир Ильич не мог уже и тогда говорить, они этого не заметили и на другой день писали в га-

³³³ См.: «Вопросы истории КПСС», 1964, №2, с.70.

³³⁴ Холодову не удовлетворил первый вариант воспоминаний, более похожий на отчет, протокол. Свидание здесь продолжалось всего пять минут, речь Ленина была слишком кратка. С небольшими изменениями этот текст под названием *ИЛЬИЧ И ГЛУХОВЦЫ* был опубликован в сб. *ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА. 1924 - 21 января — 1925. Ленин, о Ленине, о Ленинизме.* (М., 1925), откуда перепечатывается и поныне. Второй вариант появился в 1936 (*МОЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ.* — «Рабочая Москва», 21 января). Здесь время визита увеличено до 10 минут, Ленин говорит значительно больше: «Ты, Холодова, — сказал он, — расскажи Надежде Константиновне все подробности: каково настроение глуховских текстилей, размораживаются ли фабрики, какова дисциплина в партийной организации. Все расскажи, я потом у нее узнаю». Третий вариант стал известен в 1939 (*РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ.* — «Легкая индустрия», 21 января). Длительность свидания не отмечена, но Ленин успел «забросать нас вопросами о комбинате, о жизни рабочих».

зете, что Владимир Ильич говорил им то-то и то-то. Настолько у него была выразительна мимика, настолько взаимное понимание было достигнуто, что могла иметь место такая ошибка»³³⁵; 2) «По словам Марии Ильиничны, которая при этом присутствовала, описание было довольно правдиво (за исключением, конечно, того, что там передавались слова Ильича)»³³⁶.

В.П. Осипов охарактеризовал воспоминания глуховцев (назвав их депутацию «крестьянской») как «пример группового самовнушения или взаимовнушения»³³⁷.

5. Холодова:

«Побыв с Ильичом пять минут, мы, прощаясь, все расцеловались с ним. Последним прощался тов. Кузнецов — 60-летний рабочий. Две минуты они стояли, обняв друг друга. А старик Кузнецов сквозь слезы все твердил: "Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич. Я — кузнец. Мы скуем все намеченное тобою"».

Действительно ли кузнец Кузнецов произнес эти слова, ставшие хрестоматийными? Не ощущал ли он при этом, что происходит некое кощунство: к живому человеку обращаются со словами, предназначенными скорее для мертвого или отходящего к смерти, в ответ на его последний вопрошающий взгляд. Сам Кузнецов рассказал о последних минутах свидания с Лениным следующее: «Наше посещение взволновало Ильича, а волноваться ему нельзя было. Мы решили расстаться. Прощай, Ильич!.. Он кивнул нам головой. Я подошел к нему, а он взял меня левой рукой, обнял и три раза поцеловал. Растроганные, мы покинули вождя». Может быть, хрестоматийные слова были произнесены до прощальных поцелуев? Нет. Передали Ленину адрес — и: «Нам было нечего больше сказать».

6. Холодова:

«Спасибо товарищам, давшим мне возможность в последний раз видеть горячо любимого вождя и учителя».

³³⁵ Н.К. Крупская. *О ЛЕНИНЕ*. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с.65.

³³⁶ Письмо Н.К. Крупской М.И. Гляссер от 21 декабря 1938. — «Вопросы истории КПСС», 1964, с.70.

На фоне недвусмысленных заявлений Крупской странно звучит примечание редактора (с.457) к воспоминаниям Холодовой о словесном приветствии Ленина: «Этот факт уломинает в своих воспоминаниях Надежда Константиновна». При этом редактор отсылает к источнику, приведенному в предыдущем примечании.

Заявление Крупской, кажется, только однажды было принято во внимание. В 1934 Ленинградский институт истории ВКП(б) издал под редакцией О.А. Лидака сборник *ОБ ИЛЬИЧЕ. РАБСЕЛЬКОРОВСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ*, куда текст Холодовой вошел без ленинского речевого приветствия и некоторых других несурзностей.

³³⁷ «Красная летопись», 1927, №2, с.244.

О каких товарищах идет речь? О делегатском собрании Глуховской мануфактуры? Но ведь П.А. Холодова (1880-1945), судя по биографической справке, «с 1922 — на профсоюзной и административной работе в Ногинском (бывшем Богородском) районе Московской области»³³⁸. То есть в ноябре 1923 вовсе не являлась «крутильщицей» Глуховской мануфактуры, как она рекомендует себя в журнале «Работница», ни даже «ватерщицей», как она проходит по воспоминаниям (поздним) ее товарки К.Гусевой и последующей литературе. Или под «товарищами» понимаются другие лица?

Список вопросов можно продолжить. На большинство из них можно получить ответ, если предположить, что организация визита рабочих к Ленину и все необходимые аксессуары были продуманы и разработаны в Политбюро или в ЦК (что менее вероятно). Произошло это, можно полагать, числа 27-29 октября в рамках Объединенного Пленума ЦК и ЦКК (или, скорее, за пределами его), где рассматривались разные вопросы, связанные с возможной смертью Ленина, организацией похоронных торжеств и ритуалом распоряжения телом вождя. По сведениям Н.Валентинова (Вольского), в конце октября Сталин говорил посвященным, имея в виду недалекую смерть Ленина: «Нужно действительно все обдумать заранее, чтобы не было никакой растерянности, незнания, что делать в часы великой скорби. Этот вопрос, как мне стало известно, очень волнует и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин *русский человек и соответственно по тому и должны быть похороны*. Они, например, категорически возражают против кремации /.../. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения перед усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его. В сожжении /.../, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний высший суд над теми, кто подлежал казни. Выход, по мнению "некоторых товарищей", — бальзамирование, дабы "надолго" сохранить тело усопшего, во всяком случае, достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет»³³⁹.

Можно ли довериться памяти Валентинова? Пожалуй, не совсем. Полагаем, если нечто подобное и было произнесено Сталиным, то, вероятнее всего, произошло это ночью 22 января

³³⁸ ВОСПОМИНАНИЯ, т.4, с.468. Глухово — село Богородского уезда, до Москвы около 70 км.

³³⁹ Н.Валентинов (Вольский), цит. соч., с.90.

на Пленуме ЦК, созванном в связи со смертью Ленина. Но в конце октября «товарищи из провинции», собравшиеся на совместное заседание Пленума ЦК и ЦКК с представителями Петроградской, Московской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Харьковской, Донецкой, Екатеринбургской, Ростовской, Бакинской и Тульской парторганизаций, чтобы «дать отпор» оппозиции, заслушали, в частности, сообщение о состоянии здоровья Ленина и, судя по приведенной Микояном стенограмме своего доклада в Ростове, рассмотрели вопрос о практике извещения об этом состоянии населения России. В эти же дни в «кулуары» вполне мог быть спущен (или возник самостоятельно) вопрос о мерах на случай смерти Ленина. Разговоры могли дойти до Валентинова, а память впоследствии контаминировала октябрь с январем.

Вполне возможно, что тогда же в октябре «келейно» и был решен вопрос ритуального предпрощания Ленина с представителями пролетариата (создается ощущение, что этот замысел, детализировка его принадлежит Зиновьеву). Если принять эту посылку, то ответить на большинство вопросов не составит труда. Имея в лице Политбюро столь ответственных кураторов, «делегации» не составило труда взять подарок, при помощи сопровождавшего «седьмого» добраться до Горок (сомнительно, чтобы, даже выехав из Глухова, все «делегаты» знали, куда именно их везут), при посредстве Семашки войти в дом, где их ждали, встретиться с его хозяином. (Отметим, кстати, что если хозяин Горок был действительно разговорчив, как утверждают Холодова, Гусева, Кузнецов, то нужно еще прикинуть: кто исполнял его роль?) Инсценировка была проделана почти строго в соответствии с режиссерским замыслом, только Д.В. Кузнецов не смог в волнении произнести отведенных ему по сценарию слов. Могло, впрочем, быть и иначе — их внесли в партитуру после спектакля.

К сожалению, мы не знаем, где во время церемонии находилась Крупская, которая, как правило, негативно относилась к сознательному извращению, искажению, фальсификации истории партии и биографии ее мужа, сюсюканью вокруг имени Ленина, и акция 2 ноября 1923 могла не встретить в ней поддержки, несмотря на «объективно-прогрессивный» характер результатов этого акта, который, возможно, было осуществлен без ее ведома. Вполне вероятно, что перед запланированной встречей рабочих с Лениным Крупскую под каким-то предлогом вызвали в Москву, опасаясь, что она может воспротивиться встрече. Не исключено, впрочем, что она подчинилась обстоятельствам, но прямого участия в инсценировке все же не приняла, намеренно

удалившись в этот день из Горок или запершись в комнате. Организацию всего действия взяла на себя М.И. Ульянова, в мифологическом сознании которой целесообразность визита должна была приветствоваться.

Популяризовать 2 ноября Крупская, кажется, не желала. В 1938 некто М.М. Иванов, студент-выпускник Киевского художественного института, обратился к ней с просьбой сообщить материалы о встречах Ленина с крестьянами в Горках, необходимые ему для дипломной работы — видимо, художественного полотна. 21 декабря Крупская писала М.И. Гляссер, в то время сотруднице ИМЭЛ: «Мне кажется, Иванову надо ответить, хотя это непорядок разрешать такие темы для дипломной работы, но парню все же надо ответить»³⁴⁰. Скорее всего, в письме Крупской выражено ее давно установившееся отношение к ленинскому лубку, но, может быть, в письме отразилось и ее осуждение организации похоронных торжеств вокруг еще живого человека. (Иванову, в конечном итоге, порекомендовали обратиться к воспоминаниям глуховцев.)

Об акте прощания пролетариата с вождем оповестили, кажется, только в мае 1924 воспоминаниями Холодовой; более ранние публикации по этому сюжету в ленинские не зарегистрированы, хотя материалы из Глухова появлялись в центральной печати и в январе, и в феврале, за подписью «К-н» 24 января в «Правде» («Великая утрата»), там же 27 января безымянный автор («Первый памятник Ильичу»), 12 февраля — Квасман («Неделя траура»), 24 февраля в «Рабочей Москве» под инициалами Г.К. опубликована пространная заметка «Первый памятник Ильичу». Почти все материалы принадлежат Г.Квасману, секретарю парткома Глуховской мануфактуры, который посвятил свои выступления рассказу о том, как 22 января 1924 в Глухове открывали памятник Ленину, сотворенный Ф.П. Кузнецовым (ум. в 1953 ?), рабочим мануфактуры³⁴¹.

³⁴⁰ «Вопросы истории КПСС», 1964, №2, с.70.

³⁴¹ См. также: «Голос текстилей», 1924, 25 января, 10 февраля.

Когда и как возникла идея памятника, который по традиции считают первым памятником Ленину? Г.Квасман в «Рабочей Москве» рассказывал, что замысел зародился у Кузнецова в начале октября, но чаще упоминают о начале ноября, связывая памятник с поездкой глуховцев. Если сравнить фотографию работы Кузнецова с вклейкой в брошюре *УГОЛОК им. В.И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА* (М., 1923), на которой изображена установленная на с/х выставке «Статуя В.И. Ульянова (Ленина) работы скульптора т. Лехта», то число вопросов возрастает. (Лехт, Фридрих Карлович /1887-1961/, род. в Дерпте, в 1914 окончил Академию художеств по классу скульптуры, с 1923 член АХРР; его произведения в основном живописные, посвящены производственной тематике).

А почему забыли о поездке в Горки? Причин могло быть несколько, но одна, кажется, очевидна. Дело в том, что визит к Ленину являлся только частью программы, в дни похорон должно было следовать продолжение, которому помешала досадная случайность. 37 представителей мануфактуры приняли участие в траурном шествии³⁴². «По порядку, — вспоминал Д.В. Кузнецов, — наша делегация должна была идти первой за гробом, так уж Мария Ильинична распорядилась. Но дорогой у нас случилась небольшая беда. У знамени расколосось древко. Пока починяли — опоздали, и шли за гробом уже вторыми»³⁴³.

Акт прощания рабочих с Лениным в Горках все же состоялся, пренебрегать этим эпизодом было нельзя, и через непродолжительное время он занял подобающее ему место в лениниане. Так в историю партии была вписана еще одна славная страница.

Пролетариат и основатель первого в мире коммунистического государства обменялись прощальными приветствиями.

На сцене появляется «подростающее поколение», дети.

*Когда была
елка в Горках?*

Знакомство советских детей с биографией вождя мировой революции начинается, как правило, со знаменитой елки, устроенной в

Горках незадолго до кончины Ленина. В основе эстетического воспитания детей лежит тот же прием: почти в каждом детском саду висит картина, изображающая Ленина в окружении детей на фоне развесистого дерева хвойной породы. Понятие «дедушка Ленин» построено именно на этом сюжете (и аналогичном ему, имевшем место в 1919, но несколько скомканном тем, что по дороге в детскую лесную школу, где отдыхала Крупская, Ленин и его спутники подверглись нападению бандитов и были ограблены).

Художники не мудрили: заменили медицинское кресло, в котором Ленин въехал в зал, на рядовой стул за столом; позволили Ленину правой, неработавшей рукой гладить ребятишек по головкам (левой, видимо, ласкать кощунственно, а не ласкать — нельзя) — и все.

Более сложная задача предстояла биографам елки, прежде всего при выявлении ее точной датировки, символики, численности и состава участников, ее инициатора.

³⁴² Фотографии венков, возложенных глуховцами ко гробу, см. в издании: *ЛЕНИНУ*. 21 января 1924. М., 1924, с.282, 316.

³⁴³ М.Эдемский, цит. соч.

Первые сведения о празднике в Горках появились только после смерти Ленина. 24 января «Рабочая Москва» безымянной заметкой «Крестьяне — друзья Ленина» известила о том, что «в последние дни перед смертью» Ленин устроил для детей живших по соседству крестьян елку. В тот же день «Правда» в «Сообщении о болезни и смерти В.И. Ленина»: «На рождество 1923 года была устроена елка для детей». «Сообщение» шло за подписью врачей, фактографически оно, надо полагать, было верным, но идеологически несколько несовершенным: сближались несовместимые понятия — Ленин и Рождество. З.А. Рихтер, корреспондент «Известий» («В Горках») предложила в тот же траурный день более соответствующую формулировку: «в комсомольское рождество». Врачи тонкости не заметили, и в воспоминания В.П. Осипова название религиозного праздника вошло даже с прописной буквы: «На Рождество была устроена елка /.../»³⁴⁴. «Ранний» Н.А. Семашко тоже говорил о елке «на рождество»³⁴⁵. Приведем еще свидетельство организатора праздника — М.И. Ульяновой: «На рождество 1923 года я устроила в большом зале горкинского дома елку /.../»³⁴⁶.

Когда же праздновали Рождество в 1923? «Тихоновцы», например, перешли на новый стиль с 1 октября 1923³⁴⁷. 25 и 26 декабря были нерабочими днями, даже «Правда» не выходила. Естественно предположить, что елка в Горках состоялась в декабрьские рождественские праздники. Об этом же говорят и «Сообщение», и М.И. Ульянова: «На рождество 1923», т.е. скорее в декабре 1923, чем в январе 1924. Большинство участников и свидетелей елки, не упоминая из понятных идеологических соображений о Рождестве, почти единодушно отмечало: «декабрь», «конец декабря»³⁴⁸. В.Г. Сорин избежал даже слова «елка» в своих воспоминаниях 1927, уже сильно отдававшее «поповским душком» (истинную сущность праздников с елкой вскрывали тогда неоднократно), но все же отметил: «/.../ В декабре на вечер, устроенном в большом доме для ребятишек /.../»³⁴⁹.

³⁴⁴ «Наша искра», 1924, №1, с.22.

³⁴⁵ Н.Семашко. *ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕНИНА*. — «Вечерняя Москва», 1927, 24 января.

³⁴⁶ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.130; впервые опубликовано в 1964.

³⁴⁷ 10 декабря 1923 Тихоновской церковью было дозволено «в зависимости от местных условий епархии те или иные праздники отправлять по старому стилю. /.../ В соответствии с этим и Рождество /.../ в некоторых приходах /.../ благословляется и по старому стилю в этом 1923 г.».

³⁴⁸ См.: М.Новоселов. *В ГОРКАХ*. — «Колхозник», 1938, №1, с.48; Н.А. Преображенская. *НАША ЕЛКА — НАРОДНАЯ*. — «Наука и религия», 1960, №1, с.7.

³⁴⁹ «Правда», 21 января.

В 1924 появилась точная датировка — 25 декабря. Ее привел Г.Я. Лозгачев, участник события, всего лишь через несколько месяцев после смерти Ленина³⁵⁰. Надо полагать, что публикации его воспоминаний предшествовало ознакомление кого-то из семьи Ленина с рукописью. И обнародование этой даты, таким образом, сделано с ведома и согласия Крупской или одной из сестер Ленина, вероятнее всего, приемной матери автора А.И. Ульяновой-Елизаровой, человека по части фактографии достаточно ответственного. Косвенное подтверждение памяти Лозгачева находим у В.Д. Ульянова, который присутствовал на елке в возрасте 6 лет, запомнить дату елки, конечно, не мог, но в его распоряжении находилось семейное предание, позволившее ему говорить о «декабре 1923»³⁵¹. В августе 1926 А.И. Радченко (жена И.И. Радченко, давнего сподвижника Ленина по партии) занесла в дневник со слов Крупской: «Последнюю елку в Горках он [Ленин] устроил при помощи Марии Ильиничны³⁵² незадолго до своей смерти, в конце 1923»³⁵³.

Еще один полуаргумент за декабрь — воспоминания Осипова: «На Рождество была устроена елка для местных детей. Их собралось порядочно, дети играли, бегали, шумели, Владимир Ильич принимал очень живое участие в этом, сидя тут же. Возник вопрос, не утомился ли он, не мешают ли ему шум и беготня детей, но он показал, чтобы оставили детей в покое»³⁵⁴.

Где находился Осипов в день елки? Если в Горках — а текст Осипова и похож и не похож на воспоминания очевидца, — то елка состоялась в декабре, так как в начале января, в том числе и 7-го, Осипов участвует во Втором психоневрологическом съезде в Петрограде.

Нелегко усомниться в том, что елка в Горках состоялась в рождественские праздники 1923, скорее всего, 25 декабря, в традиционную пору, когда и положено быть елке в тех домах, где исполняли требования нового для России календаря. Кажется, до середины 1950-х никто не посягал на «декабрь 1923» (датировка, по-видимому, носит эфемистический характер), но и не слишком популяризировали ее. В различных хрониках жизни и

³⁵⁰ Г.Лозгачев. *СЕМЬ ЛЕТ. 1917-1924*. — «Смена», 1924, №5, март, с.18.

³⁵¹ См.: В.Ульянов. *ДРУГ ДЕТЕЙ*. — «Правда», 1940, 21 января.

³⁵² Ср.: «Елка в Горках была устроена не по инициативе Ильича; его, большого, просто привезли туда» (Н.К. Крупская. *О ЛЕНИНЕ*. Сборник статей и выступлений. М., 1965, с.398).

³⁵³ *НАША НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА*. Дневники А.И. Радченко. — «Неделя», 1964, №38, с.7.

³⁵⁴ «Наша искра», 1925, №1, с.22.

деятельности Ленина, выходявших в 1920 — начале 1950-х, упоминаний о празднике нет. Отчасти можно понять, почему так случилось. Причина (не единственная и не основная) — елка пришла на Рождество. Ее организация, в рамках антирелигиозной пропаганды советского государства и воинствующего атеизма его основателя, была несколько двусмысленной. Странность ситуации отметили сотрудники охраны, которым поручили в ближайшем лесу вырубить дерево для торжества: «Задание /.../ показалось мне необычным по тем временам. Как известно, елки тогда не принято было устраивать /.../»³⁵⁵. В те дни по стране проходила кампания «комсомольского рождества», цель которой заключалась в дискредитации церкви, ее обрядов и праздников, а в это время в Горках... Охрана, видимо, не сразу поняла диалектический характер детского хора вокруг «лесной красавицы», но М.И. Ульянова, под руководством которой они обряжали елку и даже увенчали ее рождественской звездой, наверняка сумела им объяснить эту премудрость. Тем более, что дети в хороводе пели «Варшавянку» и другие революционные песни.

Конечно, рождественский праздник в Горках не имел под собою религиозной основы, но, чтобы никому и в голову не могла взбрести противная мысль, елку в Горках постфактум перенесли на другое число. Иначе трудно объяснить, почему в «Датах жизни и деятельности В.И. Ленина» значится: «Январь, 7. Ленин присутствует на елке /.../»³⁵⁶. Ту же дату находим в «Биохронике», хотя ни один из источников, на которые ссылается это издание, не свидетельствует о 7 января. Максимум для этих источников — это упоминание о Рождестве (История болезни, как водится в подобных случаях, елку, судя по всему, не зарегистрировала). Где же нынешние сотрудники ИМЛ могут найти обоснование своей датировки? Например, у того же Г.Лозгачева, в разных изданиях книги которого «Незабываемое» содержатся три хронологически противоречивых, но стилистически однородных утверждения:

«И вот наступил вечер 7 января»³⁵⁷.

«И вот наступил новогодний вечер»³⁵⁸.

«И вот наступил вечер 25 декабря»³⁵⁹.

³⁵⁵ Г.Иванов. *МАЛЕНЬКИЕ ГОСТИ ИЛЬИЧА*. — «Советская Россия», 1957, 2 ноября.

³⁵⁶ ПСС, т.45, с.716.

³⁵⁷ Саратов, 1966, с.244.

³⁵⁸ Саратов, 1959, с.226.

³⁵⁹ Л., 1971, с.250. Вероятнее всего, автор *НЕЗАБЫВАЕМОГО* первые две датировки ввел под давлением обстоятельств, а третью — 25 декабря, которую привел еще в 1924, сумел все же как-то «выбить». Отметим, что в зависимости от избранного автором дня находится и его отъезд из Горок: (см. след. стр.)

Некоторое подтверждение новой датировки составители «Биохроники» готовы, кажется, увидеть в воспоминаниях-дневниках А.С. Курской, жены тогдашнего наркомюста. В ее книге «Пережитое» приведена дневниковая запись: «28 декабря. Целый день я отбирала по просьбе Надежды Константиновны игрушки и книжки для подарков на елку, которую устраивает она с Владимиром Ильичом для крестьянских ребят в Горках. Она дала мне целый список: Валя, Коля, Надя...»³⁶⁰. Если верить этой записи, то, конечно, елка не могла состояться 25 декабря. Однако опубликованным выдержкам из дневника Курской доверять нельзя. Например, в записи от 10 марта говорится о том, что «вся страна с волнением следит за состоянием здоровья Владимира Ильича»³⁶¹. 10 марта страна не могла этим заниматься, так как узнала о болезни только 12-го³⁶². Еще пример: 21 января в дневнике отмечено, что в Горки «с утра вызвали Семашко. И Гетье»³⁶³. И этой записи в дневнике быть не могло: Гетье и Семашко выехали в Горки уже после смерти Ленина. День поисков Курской подарков на елку явно увязан с официальной датировкой, которая существовала еще до выхода «Пережитого».

Вероятнее всего, «7 января», сотрудники ИМЛ извлекли из материалов института, подготовленных в конце 1920-х — начале 1930-х, когда их предшественники еще живо ощущали потребность в перенесении елки с 25 декабря на 7 января. В 1960-е, напротив, значительно выгоднее было бы поместить елку на 25 декабря, так как к этому времени вернулись к празднованию Рождества 7 января, но, вероятно, авторитет старой школы лениноведения был в глазах новых ее представителей столь высок, что перемены в календаре не были приняты во внимание.

Неужели нет выхода, неужели нельзя избежать ложного сближения елки в Горках с Рождеством? Можно: считать дату елки — 31 декабря. «Биография» предлагает «запасной» имэловский вариант: «В новогодний вечер для детей, живущих в Горках, была устроена елка»³⁶⁴. В ИМЛ, таким образом, на сегодняшний день сосуществуют две датировки. Конечно, более предпочтительна

или 7, или 10 января. В 1923 Лозгачев учился в Петроградском политехническом институте — студенческие каникулы начинались 20 декабря, заканчивались 20 января (см. раздел «Школа» в «Известиях» за 15 декабря 1923).

³⁶⁰ А.С. Курская. *ПЕРЕЖИТОЕ*. М., 1965, с.210.

³⁶¹ Там же, с.208.

³⁶² См.: «Правда. Экстренный выпуск. Бюллетень №1», 1923, 12 марта; (ср.: *БИОХРОНИКА*, с.594).

³⁶³ А.С. Курская, с.211. О времени появления Семашко и Гетье в Горках см., напр.: *ОТЧЕТ КОМИССИИ ЦИК...*, М., 1925, с.5.

³⁶⁴ *БИОГРАФИЯ*, с.676.

вторая: ни по старому, ни по новому календарю она не может вызвать сомнений в атеизме Ленина. Елку в Горках можно по праву называть «новогодней». Рождественскую звезду, которой была увенчана елка, преобразовали в «красную звезду», эмблему революционного пролетариата. В издании воспоминаний Лозгачева, вышедшем в 1966, еще читаем о «традиционной звезде», т.е. рождественской, а в 1971 определение «традиционная» снято, и «звезда» воспринимается уже в другой традиции — советской. Нельзя сказать, что «новогодний вечер» строится на пустом месте: Лозгачев в трех первых изданиях своей книги открывал главу о елке зачином о новогоднем вечере³⁶⁵.

Познакомимся с числом участников торжества, с его социальным составом. Советские дети уверены, что в этот вечер в Горках присутствовало чуть ли не столько же детей, сколько их обычно бывает на нынешних новогодних елках в Кремле. И у них есть для подобного представления некоторые основания.

*Кто был
на елке?*

Приведем сводный список гостей, составленный нами по разным источникам; дети крестьян и рабочих совхоза «Горки», деревни под тем же названием, окрестных сел; дети рабочих и служащих соседнего санатория, местной больницы, ближайшего детского дома; дети служащих Горок. Список представительный: охвачены дети всей округи, всех организаций и учреждений, расположенных в Горках и окрестностях. Дети крестьян — есть, рабочих — есть, без особых классовых признаков — есть. Максимальная численность гостей несколько ограничена размерами помещения, но охрана помнит, что привезли гостей «на пяти лошадях, запряженных в сани»³⁶⁶. «Все это были детишки рабочих и служащих совхоза, санатория и местной больницы. Среди них и школьники, и малыши трех-четырех лет, ни один не был обойден приглашением»³⁶⁷, — поясняет с середины 1950-х Лозгачев, уставший сопротивляться требованиям эпохи; в 1924 он говорил, что «собралось человек 10 детей»³⁶⁸. Цифра «10» вполне соответствует краткому рассказу Крупской о елке, которым она поделилась в 1938 с художницей Е.С. Зерновой: «Дорогой товарищ, я не советовала бы

³⁶⁵ Отдельными изданиями на русском языке воспоминания Лозгачева выходили в 1957, 1959, 1962, 1963, 1966, 1971.

³⁶⁶ Г.Иванов. *МАЛЕНЬКИЕ ГОСТИ ИЛЬИЧА*. — «Советская Россия», 1957, 2 ноября.

³⁶⁷ Л., 1971, с.250. Он же в отрывке *НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ* («Юность», 1957, №1, с.91): «человек 15 детей».

³⁶⁸ «Смена», 1924, №5, с.18.

Вам брать эту тему. Ильич ничего против елок не имел, но и не придавал им никакого значения. Он был на елке в Горках, но тогда он был тяжело болен, его вывезли на елку в кресле, было на елке ребят там очень мало»³⁶⁹.

Предположим, число гостей выяснено. Возникает новая проблема: поименный список. Лозгачев не называет ни одного имени. В.Д. Ульянов: «К сожалению, я не помню имен ребят — участников этого праздника. Но найти их, думаю, можно. Ведь на елку были приглашены дети работников местного совхоза, дома отдыха и, кажется, крестьян деревни Горки»³⁷⁰. Одно имя назвала бывший директор мемориала в Горках³⁷¹.

Стараниями других мемуаристов и журналистов 1970-х (в основном) можно увидеть на елке следующих персонажей³⁷²:

1. В.Д. Ульянов, племянник Ленина.
 2. О.Д. Ульянова, племянница Ленина.
 3. Г.Я. Лозгачев-Елизаров, приемный сын А.И. Ульяновой-Елизаровой.
 4. А.В. Юстус, сын одного из организаторов революции в Венгрии, после смерти отца находившийся под опекуном сестер Ульяновых.
 5. Н.А. Преображенская, дочь А.А. Преображенского, которого Ленин по давним отношениям рекомендовал в управляющие совхозом «Горки»; семья Преображенских жила во флигеле рядом с Большим домом.
 6. Некто «Вера» — маловероятно, чтобы ею была Вера Брусова-Страунинг, дочь дворника дома, в котором жила А.И. Ульянова-Елизарова, принимавшая в ней участие; о присутствии на елке В.И. Брусова-Страунинг в своих мемуарах не упоминает.
 7. Кажется, Н.И. Хабаров, сын И.Н. Хабарова, заведовавшего в Горках технической частью.
 8. Г.А. Лейтман-Волостнова, дочь А.М. Лейтмана, служащего санатория в Горках, попутно исполнявшего разные хозяйственные работы в усадьбе; его жена, Е.Б. Аттал — прачка в Горках.
 9. Возможно, С.В. Леталин — его отец работал в Горках кочегаром.
 - 10-13. А.С. Горский, Т.С. Горская, Н.И. Скокин, А.Ф. Калганов.
- Включение этих имен в число гостей нуждается в существенных дока-

³⁶⁹ Н.К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах. Том одиннадцатый (дополнительный). М., 1963, с.687, впервые опубликовано в 1958.

³⁷⁰ Ю.Давыдов, О.Емельянов. *ЕЛКА У ИЛЬИЧА*. — «Вечерняя Москва», 1962, 31 декабря.

³⁷¹ См.: В.Волкова. *ЛЕНИН В ГОРКАХ*. М., 1963, с.87; то же и в др. изд. книги.

³⁷² См.: М.Новоселов. *В ГОРКАХ*. — «Колхозник», 1938, №1, с.46; Н.Преображенская. *НАША ЕЛКА — НАРОДНАЯ*. — «Наука и религия», 1960, №1, с.7-8; Ю.Давыдов, О.Емельянов. *ЕЛКА У ИЛЬИЧА*. — «Вечерняя Москва», 1962, 31 декабря; Д.Новоплянский. *ЕЛКА В ГОРКАХ*. — «Правда», 1974, 1 января; О.Опарин. *ПРАЗДНИК НА ВСЮ ЖИЗНЬ*. — «Советская Россия», 1977, 31 декабря; А.В. Юстус. *САМОЕ ДОРОГОЕ*. Л., 1979, с.97.

зательствах, но сами они утверждают факт своего присутствия на елке — не будем и мы возражать против причисления их к приглашенным. О положении их родителей в те годы ничего не известно, за исключением того, что все они являлись жителями деревни Горки³⁷³.

Но почему имена участников ни разу не сводились вместе? Почему бы не собрать всех поименованных в списке людей и не сфотографировать их всех в том самом зале, где когда-то они встречались с Лениным? Несколько лет назад это было возможно — все гости здоровствовались, адреса были известны.

Но что-то останавливает сотрудников ИМЛ, работников музея в Горках, журналистов. Легенда гласит, что елка была устроена для детей крестьян и рабочих, а в наличии 5-6 родственников, воспитанников и близких семьи Ульяновых, да столько же (если не меньше) детей персонала, обслуживающего Горки. Собери всех бывших детей вместе, да обнародуй известные данные — так каждый поймет, что легендарная елка в Горках — чуть ли не келейный семейный праздник, скроенный по образцу подобных дореволюционных торжеств, где вместе с детьми хозяев дома в рождественской елке принимали участие и дети прислуги. Но такой поворот разрушит нынешнюю концепцию, в которой рассматриваемое событие представлено как еще один трогательный факт неразрывной связи основателя советского государства с массами.

М.И. Ульянова внесла весомый вклад в мифологизацию ленинской биографии. Но эпизод с елкой воспроизведен ею почти верно: «На рождество 1923 я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников»³⁷⁴. Однако эти записки М.И. Ульяновой не уложились в созданную при ее же непосредственном участии схему биографии вождя и вследствие этого были как бы опротестованы советскими исследователями, воспитанными на мифологемах той же Ульяновой.

³⁷³ Через несколько дней после смерти Ленина в Горках побывали представители пионерского журнала. В отчете о поездке со слов обитателей Горки отмечено, что Ленин настоял на том, чтобы «для детей и служащих санатория» (где жил только персонал, обслуживающий врачей и «Горки») была устроена елка. «По нашей просьбе все ребята, которые участвовали на елке и находились в санатории, собрались, и т.Зубков [фотограф] долго пытался заставить их сидеть смирно» (А.Котенко. *ПОЕЗДКА В ГОРКИ*. — «Барабан», 1924, №2, январь, с.39). Видимо, детей сфотографировали, и, если родители Горских, Скокина, Калганова обслуживали Горки, то они (дети) должны быть запечатлены на этом, к сожалению, отсутствующем в «Барабане» кадре, хотя много других фотографий т.Зубкова «Барабан» поместил.

³⁷⁴ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.130.

Справедливости ради отметим все же, что в последние годы ленинская историография все же готова сделать М.И. Ульяновой уступку (особенно в отношении числа присутствовавших на елке), но делает это так вкрадчиво и незаметно, что никакого влияния на массовую концепцию последнего праздника в Горках эта уступка не имеет.

Имело ли Политбюро отношение к елке, должна ли была она изначально носить обрядовый характер прощания и благословения или приобрела это значение лишь впоследствии? Окончательного ответа мы дать не можем, понятно лишь, что в какой-то мере елка была пущена на самотек.

В любом случае, прощание с детьми, как и с рабочими, состоялось.

Прощание с РККА

Такая же возможность, осуществленная лишь частично, была предоставлена Красной Армии. В 1922 Ленин был избран почетным красноармейцем-курсантом пехотного батальона Объединенной военной школы им. ВЦИК, расквартированной в Кремле. 17 сентября 1923 на торжественном собрании, посвященном выпуску курса, к которому был причислен Ленин, огласили о его производстве (совместно с Радеком и Троцким) в почетные краскомы³⁷⁵. От имени школы приказ и обмундирование поручили отвезти в Горки трем выпускникам. Напутствуемые начальником школы и начальником политотдела школы посланцы прибыли в Горки, были встречены Крупской, которая поблагодарила за оказанную честь, взяла приказ и свертки с обмундированием, пожелала депутатам успехов в службе и жизни, но, сославшись на запрет врачей, во встрече с Лениным отказала. Если память не изменила автору воспоминаний об этом событии, то произошло оно в сентябре, сразу после выпуска³⁷⁶.

Была ли согласована поездка с Политбюро или начальство школы действовало по собственной инициативе? Сумели бы курсанты пройти к Ленину, если бы на их пути не оказалось Крупской? Связано ли отсутствие Крупской среди встречавших глуховцев с ее присутствием в момент приезда представителей школы и отказом принять их?

³⁷⁵ См.: *ВЫПУСК КРАСНЫХ КОМАНДИРОВ*. — «Правда», 1923, 19 сентября.

³⁷⁶ См.: К.Р. Майоров. *В ГОРКИ К ЛЕНИНУ*. — В сб.: *В.И. ЛЕНИН И КРЕМЛЕВСКИЕ КУРСАНТЫ*. М., 1980, с.57-58.

Несостоявшееся прощание

В той или иной форме предсмертное прощание Ленина с пролетариатом, Красной Армией, будущими строителями коммунизма состоялось. Но все эти встречи не заняли отведенного им места в биографии Ленина, не входили до середины 1950-х в «труды и дни» Ленина. Мы не уверены, что замысел всех визитов рожден Политбюро, но все они в основных чертах соответствуют поэтике творчества Зиновьева, основоположника большинства легенд о Ленине. После того как Зиновьев ушел с исторической сцены, основным вершителем биографии Ленина остался Сталин, который отнюдь не был заинтересован в популяризации тех эпизодов жизни Ленина, которые хоть сколько-нибудь могли свидетельствовать о дееспособности Ленина последних месяцев жизни. Но в 1924-25 елка, глуховцы, сверток с обмундированием не получили «прессы» еще по некоторым обстоятельствам, в частности, потому, видимо, что отсутствовала завершающая нота, не было обрамляющего акта — не состоялось в должной форме прощание Ленина с партией³⁷⁷. Стоило ли расписывать последние встречи в Горках, на фоне которых еще более выделялось бы очевидное нежелание Ленина видеть кого-либо из «вождей старой гвардии»? «На вопрос, не хочет ли он повидать еще кого-нибудь из товарищей, близко связанных по работе, — вспоминала Крупская, упомянув о побывавших в Горках Преображенском, Скворцове-Степанове, Пятницком, Воронском и Крестинском, — он отрицательно качал головой, знал, что это будет непомерно тяжело»³⁷⁸. Объяснение Крупской, конечно, не могло быть признано удовлетворительным: оно слишком расплывчато и может вызвать у читателя неверное представление о том, почему Ленину было «слишком тяжело».

Правильный ответ следовало искать в воспоминаниях Осипова (отразивших, надо полагать, объяснение некоторых членов Политбюро): «Владимир Ильич в последний период своей болезни, с весны 1923 года, смотрел на себя как на человека, вы-

³⁷⁷ Ср. легенду, рассказанную И.Нусинову детьми: «В тихом саду он схоронен, Ленин, в Москве. Думали среди могилы большой терем построить и туда его положить. Но *перед смертью он позвал самых старших коммунистов* и сказал им: "Мне никакой награды не надо"...» (И.Нусинов. *ВОКРУГ ОЗЕРА СЕЛИГЕРА*. М., 1925. Цит. по: М.К. Азадовский. *ЛЕНИН В ФОЛЬКЛОРЕ*. — В сб.: *ПАМЯТИ В.И. ЛЕНИНА*. Сб. статей к десятилетию со дня смерти. 1924-1934, М.-Л., изд-во АН СССР, с.887; курсив наш. — Н.П.).

³⁷⁸ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.588.

бывшего из списка активных политических деятелей СССР. Это видно из того, что, продолжая живо интересоваться всеми текущими политическими событиями, он в то же время решительно уклонялся от всех личных свиданий с крупными политическими вождями. Несмотря на многократные предложения Надежды Константиновны повидаться с тем или иным из этих лиц, Владимир Ильич всегда отвечал отказом. Это явление нельзя, по-видимому, объяснить тем, что Владимир Ильич не хотел или стеснялся принимать их в своем беспомощном, болезненном состоянии, без возможности говорить с ними. Правильнее допустить, что это было с его стороны последствие определенного решения — устранить от всякой активной политической работы, даже в форме советов во время болезни. Правильность вышеуказанного мнения подтверждается тем, что в общем Владимир Ильич не избегал встреч и посещений различных лиц, в том числе и некоторых старых политических друзей, но это были люди, занимавшие менее крупное положение в области политики»³⁷⁹.

Сегодняшняя точка зрения историков партии относительно политической активности Ленина во время болезни, естественно, не совпадает с осиповской. Что ответят историки партии, если спросят, как можно думать, спрашивали Осипова и других ораторов во время их публичных выступлений: почему все-таки Ленин отказывался принимать Сталина, Каменева, Зиновьева, Рыкова, Бухарина, Троцкого?³⁸⁰ На этот вопрос, впрочем, ответить легко: Ленин предвидел, что в недалеком будущем члены тогдашнего Политбюро предстанут перед партией в их истинном свете — участниками антипартийных группировок, контрреволюционерами, убийцами, феноменами «культы личности» и пр., — а потому и не желал их видеть в своем доме. Еще вопрос: действительно ли Ленин находился в абсолютно беспомощном состоянии, как разъясняет Осипов, кому было на руку представлять беспомощное состояние на всеобщее обозрение и убеждать чита-

³⁷⁹ «Красная летопись», 1927, №2, с.243.

Аргументируя свою гипотезу, Осипов — для большей доказательности — преобразовал единственную (по всем данным) делегацию в Горки в «депутации, направлявшиеся /.../ из различных местностей», принимая их «время от времени — Владимир Ильич /.../ также ничем не обнаруживал стеснительности».

³⁸⁰ Сомнительно, чтобы Ленину предлагали встречу с Троцким, но, конечно же, должны были ему сообщить о болезни и отъезде Троцкого на лечение, имея в виду возможное желание Ленина увидеться с ним. О болезни Троцкого Ленин мог узнать из газет: первое сообщение о недомогании наркомвоенмора появилось в печати не позднее 9 ноября (в связи с отсутствием Троцкого на параде, посвященном дню 7 ноября).

теля, что в последние месяцы жизни Ленин воспринимал себя в качестве политического тупа, пусть даже так оно и было?

Еще раз о прощании Ленина с партией. Оно случайно все-таки состоялось, но церемониал не был соблюден, распорядители церемониала были уязвлены нарушением этикета, и «прощание» было как бы принято считать несостоявшимся.

Бухарин

Ленин скончался в 18 час. 50 мин. Из высшего партийного руководства его последний вздох принял Бухарин. Это было некстати. Возникло опасение, что его единоличное присутствие в Горках в момент смерти Ленина могло быть превратно истолковано народным сознанием, «товарищами из провинции». Разворачивалась борьба за ленинское наследство, и никому из ее участников нельзя было дать в руки столь веский аргумент, даже Бухарину, вовсе не претендовавшему на единоличное лидерство. К тому же, партия в лице Политбюро демонстрировала единство перед лицом смерти своего лидера, а эпизод с Бухариным нарушал его. Бухарин «подкачал» — простудился накануне смерти Ленина, уехал поправляться в пустовавший санаторий в Горках и оказался, почти поневоле, свидетелем эпохального события. Иное дело, если бы Политбюро в полном составе (кроме Троцкого) присутствовало в Горках в торжественный момент — единство партии освящалось бы последним вздохом. Но Ленин умер относительно внезапно, случайное присутствие Бухарина у постели отходившего Ленина следовало или скрыть, или что-нибудь с ним сделать.

Росчерком пера, как бы призвав в свидетели членов Политбюро и самого Бухарина, эту работу взял на себя Зиновьев. 30 января в «Правде», а затем в многочисленных других изданиях было напечатано его известное «слово» «Шесть дней, которых не забудет Россия»:

«А сейчас позвонили. Ильич умер...

Через час мы едем в Горки уже к мертвому Ильичу: Бухарин, Томский, Калинин, Сталин, Каменев и я (Рыков лежит больной)».

Своим выступлением Зиновьев восстанавливал равновесие, авторитетно опровергал безымянную информацию «В ЦК РКП», помещенную «Рабочей Москвой»: «Так как т. Ленин лечился в Горках, недалеко от Москвы, то о его смерти Центральный Комитет РКП узнал в 7 1/2 часов. Группа членов ЦК, находившаяся в Москве, выехала в Горки. Тов. Бухарин уже находился в Горках, где он лечился /.../»³⁸¹.

³⁸¹ «Рабочая Москва», 1924, 24 января.

Симптоматично, что в своем списке Зиновьев первым поместил Бухарина, в те дни даже не члена Политбюро, а только кандидата.

Прошел год. Шла активная подготовка к организации «думвирата» Сталин-Бухарин. В этих условиях Бухарин, публикуя 21 января 1925 в «Правде» статью «Памяти Ленина», ненавязчиво ввел мотив своего присутствия в Горках: «когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, — Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побелело, раздался хрип, руки повисли — Ильича, Ильича не стало».

В эти же дни в нескольких периодических изданиях были помещены воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича, косвенным образом подтверждавшие ситуацию последних минут в комнате Ленина. Вечером 21 января Бонч-Бруевича вызвали на кремлевскую квартиру Зиновьева, где уже находились Дзержинский, Сталин, Зиновьев, Каменев, Калинин, и сообщили ему о печальном известии. Бухарина среди присутствовавших Бонч-Бруевич не отметил. Не было Бухарина и в поезде, которым вскоре Бонч-Бруевич, вместе с Семашко, Гетье, Курским, А.И. Ульяновой-Елизаровой, Д.И. Ульяновым и другими лицами выехал в Горки. Но в вагоне разговоры: «Бухарин звонил... Кричал в телефон... Крайне взолнован...» Мемуарист не обозначил пункта, откуда звонил Бухарин, но в контексте восстанавливается — Горки.

Политбюро выехало из Москвы на автосанях, поезд прибыл в Горки чуть раньше. Возможно, к моменту появления в доме покойного членов Политбюро Бонч-Бруевич уже успел повидать Бухарина, но упоминать об этом нельзя — и Бухарина пока в Горках не видно.

Прибыли автосани. И вот «по лестнице, не спеша и словно замедляя шаги, подымались вожди старой гвардии /.../. Вот впереди всех Сталин». За ним — Каменев, Зиновьев, Калинин. Среди прибывших Бухарина тоже нет. Наконец, непонятно откуда, выходит Бухарин: «Почти вбежал, глубоко потрясенный, раскрасневшийся, не могущий себя успокоить, полубольной, с раскрытой грудью /.../, совершенно забывший о себе, о своей болезни...»³⁸². Композиционным приемом мемуарист решил три задачи: 1) эмоционально-поэтическую — младший сын, любимец

³⁸² В.Бонч-Бруевич. *СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА*. — «Красная новь», 1925, №1, с.186-189. Воспоминания перепечатывались многократно во второй половине 1920-х и в самом начале 1930-х, с каждым годом все более уменьшаясь в объеме, лишаясь многих имен и деталей. Отдельное издание 1925 — наиболее полное.

отца («любимец партии»), узнает о смерти родителя последним; 2) этико-политическую — руководство партии в минуты печали представлено (за вычетом больных) монолитом; 3) субординационную — первыми входят члены Политбюро, за ними — кандидат в члены ПБ и председатель ЦИК (Калинин), последним — просто кандидат в ПБ, он же самый младший (Бухарин). Четвертая задача: дать понять, что Бухарин и был в Горках в 18 час. 50 мин., и одновременно не мог там быть, — тоже не была забыта.

Прошло еще два года. 1927 — вершина политического расцвета Бухарина. К очередной годовщине смерти Ленина В.Г. Сорин, в 1918 примыкавший к бухаринской группе «левых коммунистов», публикует свои воспоминания с Ленине. 21 января Сорин находился в Горках. После обеда он узнал, что в Большой дом требуют камфару, и поспешил с этим известием к Бухарину, жившему неподалеку в бывшем санатории МК РКП(б) и ОГПУ, отведенном на время болезни Ленина под жилье для врачей и «приехавшего на пару дней Н.И. Бухарина». «Бухарин работал, когда я вошел к нему в комнату. Я не решился тотчас же передать о камфаре, боясь, что Н.Ив. упрекнет меня в паникерстве, но Н.Ив. сам заметил: "Знаете, со стариком что-то плохо. Все доктора ушли в Большой дом". Тогда я решился сказать о камфаре. Н.Ив. изменился в лице: "Кто вам об этом сказал?" И сейчас же пошел со мной к Большому дому. Мы условились, что Н.Ив. подыметесь наверх /.../ и узнает у М.Ил. о состоянии здоровья Вл.И. (вообще, чтобы не волновать Вл.И., товарищи не показывались ему), а я подожду Н.Ив. внизу. Кругом стояла тишина /.../. Бухарин не возвращался»³⁸³.

Воспоминания Сорина были в том же году перепечатаны в сборнике «О Ленине», куда вошли материалы, опубликованные в «Правде» 21 и 22 января 1927. Надо думать, что широкое обнаружение эпизода в Горках было предпринято не без участия Бухарина. Оно могло способствовать укреплению его авторитета, но в дальнейшем также могло сыграть определенную роль в его падении. С «низложением» Бухарина эпизод в Горках выпал из ленинианы. Тридцать лет спустя воспоминания Сорина, арестованного в 1939, вероятно, в рамках разгрома Института Маркса-Энгельса-Ленина (начинался новый этап отечественного летописания) и погибшего в 1944, были опубликованы ИМЛ в трехтомнике воспоминаний о Ленине, но все упоминания о Бухарине были здесь купированы, как и в поздних изданиях 1960-х — 80-х годов.

³⁸³ В.Сорин. *БОЛЬШОЙ ДОМ*. — «Правда», 1927, 21 января.

ИМЛ, таким образом, можно считать, солидаризировался с Зиновьевым.

Не знаем, куда определить А.И. Микояна, также внесшего свой вклад в историографию ленинианы:

«Этот трагический день — 21 января 1924 года — навсегда запечатлелся в памяти /.../. Помню, 21 января, во второй половине дня, я зашел на квартиру к Сталину /.../. Не прошло и 30-40 минут нашей беседы, как вдруг неожиданно в комнату ворвался крайне взволнованный Бухарин и не сказал, а как-то выкрикнул, что из Горок позвонила Мария Ильинична и сказала: "Только что, в 6 часов 50 минут, скончался Ленин". Это было так неожиданно! Мы были потрясены. Наступило минутное молчание. Потом мы все мгновенно оделись и поехали на аэросанях в Горки»³⁸⁴.

Отметим очевидные погрешности памяти Микояна. Бухарин не мог быть около семи часов вечера «вестником печали» в Кремле в силу своего присутствия в этот момент в Горках. От известия о смерти Ленина до выезда членов Политбюро в Горки прошло более двух часов, даже Зиновьев говорил об одном часе, но Микоян из эпических соображений сократил разрыв до нескольких минут.

По материалам «Отчета комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В.И. Ульянова (Ленина)», события разворачивались следующим образом: «Первое известие о смерти В.И. Ленина было получено в Москве тт. Сталиным и Зиновьевым в 7 часов вечера того же дня. Тт. Сталин и Зиновьев находились на заседании сеньерен-конвента, происходившего в то время XI Всероссийского Съезда Советов; Мария Ильинична из Горок вызвала их по прямому проводу с заседания сеньерен-конвента. Заседание прервано не было, сообщение о смерти Владимира Ильича было передано членам Политбюро и тов. Енукидзе. В 9 ч. 30 мин. вечера 21 января тт. Сталин, Зиновьев, Калинин и Томский на автосанях выехали в Горки»³⁸⁵. Никаких упоминаний о Бухарине в Горках, в Кремле ли — в «Отчете» нет; вспомним, что Бонч-Бруевич не отметил его среди собравшихся на квартире Зиновьева.

И все же категорически отметить воспоминания Микояна не хватает духа, поскольку мы не можем понять, зачем ему понадобился рассказ о Бухарине, чей образ здесь, кстати, чуть ли не впервые за много лет советского книгопечатания напоминает о том, что он имел человеческое подобие.

³⁸⁴ А.И. Микоян. *В НАЧАЛЕ ДВАДЦАТЫХ...* М., 1975, с.375.

³⁸⁵ М., 1925, с.5.

Рассказ Микояна может быть правдоподобен только в одном случае: если его беседа со Сталиным происходила не около 19.00, а в начале десятого, когда члены Политбюро, уже обсудив все ближайшие меры в связи со смертью Ленина, разошлись по своим квартирам, чтобы предаться размышлениям в этот ответственный момент и дожидаться затребованного из Горк Бухарина, чье появление у постели умирающего Ленина могло быть рассмотрено как вопиющее нарушение партийной дисциплины, субординации и равновесия.

Но тогда придется признать, что Зиновьев только умолчал о присутствии Бухарина в Горках в 18.50, а его повествование о том, как он выехал из Кремля в Горки вместе с Бухариным, является правдой! Но мог ли Зиновьев выдать белое за черное? Это в его правилах. Выдал ли? Очень хочется сказать — да.

Верен ли «Отчет» в части оповещения Марией Ильиничной Кремля о смерти Ленина? Помнится, рассказывали, что говорила она с Зиновьевым. «Отчет», кажется, несколько отклонился от истины, чтобы дать по праву Сталину быть «первым среди равных» (вместе с Зиновьевым) в отношении получения информации государственного значения.

Если представить около 19.00 беседующих Микояна и Сталина, а затем вбегающего в квартиру Зиновьева (не Бухарина) с сообщением о событиях в Горках, то все может упорядочиться. Явление Бухарина в воспоминаниях Микояна тоже можно как-то попытаться объяснить. Зиновьев — слишком одиозный для советской печати персонаж, чтобы упоминание о нем в рассказе о первых минутах по смерти Ленина не могло выглядеть кощунственным для памяти Ленина. Бухарин для 1960-х — фигура значительно более привлекательная, и ему с некоторой долей безответственности, но все же можно поручить миссию вестника.

Возможно также, что Микоян просто запечатывал.

Сомнительно, чтобы Н.И. Бухарин был реабилитирован в ближайшем будущем. Но если это когда-нибудь произойдет, — вернется ли эпизод в Горках назад в лениниану, где он пребывал в 1920-х столь малый срок, что даже не успел обрасти легендой?

Помимо «церемониальных» визитов к Ленину после его возвращения из Москвы в Горки, известно еще несколько «товарищеских». Кто являлся их инициатором? Какую цель они преследовали? Почему прекратились в середине декабря? Какой интерес представляли гости для Ленина, согласившегося их принять? Что обсуждалось при встречах?

Визиты

Что известно? 29 ноября пришли: один из руководителей советского издательского дела И.И. Скворцов-Степанов и секретарь ИК Коминтерна О.А. Пятницкий, оставивший воспоминания об этом дне. 16 декабря — редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор» А.К. Воронский и полпред в Германии Н.Н. Крестинский. Между 24 ноября и 9 декабря — председатель Главпрофобра и один из редакторов «Правды» Е.А. Преображенский. (В этот же период, если верить ПСС /т.45, с.716/, — Н.И. Бухарин и полпред в Австрии М.Г. Бронский; но эти сведения крайне сомнительны — воспоминания Крупской их не подтверждают. Возможно, такой визит намечался, нашел отражение в бумагах Политбюро, но не состоялся.) Относительно даты еще одного приезда в Горки Скворцова-Степанова сведений нет.

Возможно, что Ленин сам дал каким-то образом понять, что желает видеть то или иное лицо, хотя поражение речи и письма ограничивало его возможности в этом направлении. Крайне сомнительно, чтобы инициатором в данном случае выступила М.И. Ульянова, чей пиетет перед решениями партии (запретившей Ленину свидания) был столь всеобъемлющ, что она не могла и помышлять о каком-то возражении. Возможно, с идеей встреч выступила Крупская, которая как-то высказалась относительно лечебного режима, видимо, 1922 года, «когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было»³⁸⁶. Параллельно инициатива могла исходить от Политбюро (Сталин и в какой-то мере Зиновьев), передана была через врачей.

Обратим внимание на тот факт, что в двух случаях визитеры ходили парами: Скворцов-Степанов и Пятницкий, Воронский и Крестинский. Полагаем, что и Преображенский пришел не один, а со Скворцовым-Степановым³⁸⁷. Если бы удалось найти материалы, подтверждающие это предположение, то было бы почти очевидно, что одна из задач (возможно, основная) этих пар — подготовить Ленина к появлению в его доме Сталина и Зиновьева, которые не могли не предпринять каких-то шагов,

³⁸⁶ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.605. Ср. ее письмо к В.А. Арманд от 14 июня 1924 (из санатория): «Сегодня напускают на меня /.../ докторов, но я согласна только пить какую угодно мерзопакость, но режиму ихнему подчиняться не стану, наперед говорю...» (Н.К. Крупская. *ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ*, т.11. М., 1963, с.247. Многоточие, очевидно, принадлежит редактору тома).

³⁸⁷ Преображенский, как вспоминает Крупская, виделся с Лениным дважды, но один раз случайно. Встреча, видимо, произошла в парке Горок, во время прогулки Ленина в сторону санатория.

чтобы увидеться с Лениным перед его смертью. В глазах партии такая встреча существенно увеличила бы их капитал, необходимый для борьбы с Троцким за право руководства страной после смерти Ленина³⁸⁸. «Сольного» появления Зиновьева в Горках Сталин допустить не мог (как и наоборот), поскольку должен был понимать, что ему (Сталину) в одиночку в Горки «пробиться» будет тяжело. Вдвоем с Зиновьевым — более вероятно. Предыдущие пары должны были «накатать дорогу» и «разносить сапоги».

Но Ленин категорически отказывался принимать «крупных политических вождей». В середине декабря визиты прекратились. Вероятно, к этому времени жаждущие свидания Сталин и Зиновьев потеряли надежду войти в Горки, было ни к чему создавать авторитет кому-нибудь вроде Преображенского, да и во время подобных встреч могла произойти нежелательная утечка информации, пусть даже парные визиты уменьшали такую возможность и происходили они, вероятно, в присутствии третьего (помимо Крупской) ответственного лица, готового в любой опасный момент прервать визит из «медицинских» соображений. Если даже визиты несли в себе положительную программу — Крупская говорила впоследствии, что «каждое свидание волновало Владимира Ильича»³⁸⁹, — то этой программой следовало пренебречь или добиться ее осуществления другими методами.

О самих визитах известно мало, рассказал о них в печати только один из посетителей Горок, остальные были вынуждены умолчать.

³⁸⁸ Массовое сознание признавало Троцкого достойным преемничества. Это известно, но приведем еще материал по теме. Некто А. Антонов вскоре после смерти Ленина записал со слов крестьян (как он утверждает) текст, названный им *БЕЛОРУССКАЯ СКАЗКА О ЛЕНИНЕ* («Звезда», Минск, 1926, 21 января; кажется, впервые был опубликован в 1924): «/.../ Тогда Ленин поехал в Кремль оглашать советскую власть, а Троцкий царю голову отсек.

Все бы хорошо, да большевики чуть дела не сгладили: заборонили торговлю и такой порядок хотели завести, кабы народ ел по билетам. У кого нет билета, помирай с голоду. Ленин доведася об этом и зараз приказал, кабы этого злочинства не было.

/.../ Теперь большевики стали заветы Ленина проводить, но только не все. Потому что последний завет Ленин нигде не записал, а только на ухо сказал Троцкому. Коли Троцкий помирать будет, он этот завет выскажет, и тогда большевики весь мир завоюют».

А. Самородкина из Серпуховского уезда (*В ТРУДНУЮ МИНУТУ*. — «Делегатка», 1924, №2/3, с. 26): «Вместе с искренней скорбью по утрате чего-то большого, недавно понятого, слышались нелепые слухи, суеверие и темнота — умер Ленин! арестован Троцкий! не осталось ни одного большевика — опять будет военный коммунизм».

³⁸⁹ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т. 1, с. 588.

Пятницкий и Скворцов-Степанов прибыли в Горки после звонка М.И. Ульяновой, оповестившей их о дне встречи. По пути машина заехала за А.И. Ульяновой-Елизаровой и доктором Вейсбродом. ПСС и «Биохроника» (со ссылкой на ПСС) датируют поездку 29 ноября. Хотя не известно, на чем основана датировка, ей, с допуском ± 4 дня, можно доверять. Сомнительно, чтобы свидание состоялось 29 ноября (четверг) — в этот день Крупская присутствовала и выступала с докладом на 4-м Всероссийском съезде завгубоно³⁹⁰, открытие которого состоялось 27 ноября. 1 декабря Крупская читала доклад на Всесоюзном съезде наркомпросов (1-4 декабря)³⁹¹. Во всяком случае, встреча не могла произойти «в воскресенье», «в конце октября», как утверждает сам Пятницкий³⁹², так как беседа коснулась выборов в Моссовет, которые проводились 25 ноября — 5 декабря³⁹³. О выборах и наказах рабочих депутатам рассказывал И.И.Скворцов-Степанов.

Далее наступила очередь Пятницкого. Он начал с рассказа о некоторых секциях КИ, проинформировал Ленина о процессе А.Бордига, о положении в компартиях Италии и Великобритании. Все это рядовые темы, Ленин «слушал не очень внимательно».

«Но когда я, — вспоминал Пятницкий, — перешел к Германии и сообщил о распаде социал-демократии, об ужасном экономическом положении немецких рабочих, о колоссальной безработице и нищете нескольких миллионов рабочих и работниц, о массовом выходе рабочих из профсоюза, о роли фабзавкомов, росте влияния Коммунистической партии Германии на рабочих Германии, Ильич оживился и слушал меня очень внимательно. Во время моего рассказа о Германии он не отводил глаз от меня /.../. Я забыл, что нахожусь у больного Ильича и что его нельзя волновать»³⁹⁴.

Все ли темы перечислил Пятницкий? Мог ли он в своем докладе о Германии не упомянуть о подавлении Гамбургского восстания, которое должно было стать началом всегерманской революции? Скажем, в такой форме: «Владимир Ильич, несмотря на поражение...» Событиями в Германии Ленин интересовался, просил Крупскую читать газетные материалы по этой теме.

³⁹⁰ См. информацию о съезде: «Правда», 30 ноября.

³⁹¹ См. изложение доклада в «Известиях» от 2 декабря.

³⁹² См.: О.А. Пятницкий. *У ЛЕНИНА В ГОРКАХ. — ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.454; впервые текст Пятницкого опубликован не позднее 1925.

³⁹³ См.: *ПОДГОТОВКА К ПЕРЕВЫБОРАМ*. — «Правда», 1923, 13 ноября.

³⁹⁴ О.А. Пятницкий, цит. соч., с.455.

Какой терапевтический эффект ожидался от информации Пятницкого — положительный? и ожидался ли вообще?

Проводилась ли с Пятницким беседа-инструктаж, прежде чем он оказался в Горках? Кто с ним беседовал? Зиновьев?

Тематика разговора Воронского и Крестинского с Лениным неизвестна. Воронский мог говорить о чем угодно, держась, конечно, определенного направления. Например, о ленинских материалах в ближайших номерах «Красной нови» и «Прожектора» или о том, что пишет зарубежная печать о Ленине. Крестинский, полпред в Германии, из которой, по сообщению «Известий», он прибыл в Москву около 8 декабря, мог коснуться событий в этой стране. Общий итог свидания, которое, по всем данным, явилось последним, — был, кажется, положительным для эмоционального состояния Ленина. К этому свиданию относится рассказ Осипова, позволяющий предполагать, что Ленин был рад встрече: «Приехал к нему один старый товарищ. Владимир Ильич был очень доволен, очень оживленно беседовал с ним; потом выяснилось, что тот захватил с собой маленькую дочку. Тогда Владимир Ильич выискивает маленькие кукольные туфельки, — надо сказать, что ему присылали различные кустарные изделия, — и вот он вспомнил о них, отыскал и передал для маленькой девочки»³⁹⁵.

Имя «старого товарища» довольно неожиданно находим у Фельдберга: «К Владимиру Ильичу приехал недели за три до его смерти /.../ Н.Н. Крестинский с женой и трехлетней дочкой. Владимир Ильич долго и внимательно слушал Н.Н. Крестинского, но, когда узнал, что с ним его дочка, Владимир Ильич просил сейчас же привести девочку, играл с ней и подарил ей на память игрушечные сапожки для куклы»³⁹⁶.

Впечатления Преображенского от последних свиданий с Лениным, возможно, отразились в названии его известной статьи «Немного о психологии. (Гений и одиночество)»³⁹⁷. Преображенский, как председатель Главного управления профессионального образования Наркомпроса, вполне мог говорить о развитии образования в стране, на которое Ленин возлагал большие надежды в своих планах коммунистического воспитания. Сомнительно, чтобы Преображенский говорил с Лениным о ходе партийной дискуссии. Эта тема была для Ленина слишком волнующей, Пре-

³⁹⁵ «Наша искра»: 1924, №1, с.22.

³⁹⁶ «Вечерняя Москва», 1924, 28 января. Ср.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.654.

³⁹⁷ Вошло в кн. Преображенского *В.И. ЛЕНИН. (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ НАБРОСОК)*. М., 1924.

ображенский не мог этого не учитывать. Кроме того, судя по ПСС, один из лидеров оппозиции побывал в Горках между 24 ноября и 9 декабря, когда размах дискуссии уже определился, но еще не достиг пика.

Вероятно, Ленин был готов продолжать встречи со «второстепенными деятелями», но через врачей им был положен предел. «Вообще доктора охраняли Владимира Ильича от посещений»³⁹⁸, — становилось очевидным, что Сталину — Зиновьеву в Горки не пройти, а в образовавшуюся щель могли проникнуть и проникали нежелательные лица типа Преображенского. В заключительном слове Сталина на январской партийной конференции имя Преображенского склонялось, пожалуй, чаще, чем имя Троцкого; Сталин на все лады иронизировал над Преображенским, напоминал ему о его разногласиях с Лениным, уверял собрание, что разглаговльствования оппозиции (в том числе и Преображенского) о гениальности Ленина неискренни и пр. Возможно, все эти «филиппики» каким-то (не главным) образом связаны с фактом посещения Ленина Преображенским, которое явно состоялось не по инициативе Сталина, но Сталину, видимо, пришлось примириться с приглашением Преображенского в надежде, что благодаря разрешению на свидание и он сумеет вскоре войти в Горки.

Не исключено, что нежелание Ленина принимать Сталина, Зиновьева, Каменева могло быть дополнительно вызвано и возникшим в связи с болезнью комплексом физической неполноценности.

*Возвращение
врачей
в столицы*

Что еще изменилось в Горках после возвращения Ленина из Москвы? Из состава врачей был выведен логопед-невропатолог Доброгаев, его место занял Д.В. Фельдберг. Доброгаев объяснил свой отъезд необходимостью возвращения в Петроград «в ноябре /.../ для чтения лекций в университете»³⁹⁹. Полагаем, что мотивировка не может быть признана достаточной, так как передвижения Доброгаева определялись не только его собственной волей, но и программой лечения. Под руководством Доброгаева Ленин добился определенных успехов в области овладения письмом, речью, чтением. Успехи были минимальны, но все же они были. В сентябре Доброгаев и Ферстер выразили уверенность, что речь постепенно

³⁹⁸ Н.К. Крупская. *О ЛЕНИНЕ*. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с. 64.

³⁹⁹ «Наша искра», 1925, №1, с. 29; см. также: С.М. Доброгаев. *ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ*. — «Красная газета», веч. выпуск, 1925, 21 января.

восстановится⁴⁰⁰. И после реальных доказательств ленинских достижений Доброгаев возвращается в Петроград. Может быть, кто-то был заинтересован в том, чтобы успехи Ленина не получили дальнейшего развития?

Кажется, еще один врач покинул Горки приблизительно в то же время: Гетье, бывший, по многим источникам, единственным представителем медицинской корпорации, которого Ленин соглашался видеть. После марта 1923 Гетье был привлечен к постоянному наблюдению за Лениным не позднее середины апреля — с этого времени его имя значится в Бюллетенях о здоровье Ленина. В своих записках о Ленине Гетье упомянул, что он прожил с ним «под одной крышей около 8 месяцев во время его болезни»⁴⁰¹, — следовательно, не позднее конца ноября — начала декабря Гетье, надо полагать, покинул Горки. Правомерен и другой подсчет. Какое-то время Гетье, возможно, жил вместе с Лениным в 1922, после майского приступа. В этом случае «8 месяцев» можно получить из складывания 1922 и 1923 годов. Но все же более вероятно, что постоянное присутствие Гетье в Горках прекратилось около середины ноября. 18 октября мы еще его находим в Горках (но постоянно ли живущим там?) — в Москву в этот день Ленин выехал в его сопровождении («врач Г.» или «доктор Г.» у Осипова). В ноябре начались визиты в Горки, и Гетье вовсе не обязан был присутствовать в Горках, чтобы потом рассказывать о визитах своему второму ответственному пациенту — Троцкому. Вывести Гетье из Горок в ноябре было тем легче, что как раз в это время Троцкий заболел «инфлуэнцей»⁴⁰². В отличие от Доброгаева, вернувшегося в Петроград, Гетье из Москвы время от времени появлялся и впоследствии в Горках, участвуя в консилиумах и консультациях⁴⁰³. В десятых числах января Троцкий отбыл для лечения на Кавказ, Гетье тогда не последовал за ним, а присоединился к Троцкому только после смерти Ленина⁴⁰⁴. Забрав с собой Гетье в январе, Троцкий лишился бы своего единственного надежного информанта о положении дел в Горках.

⁴⁰⁰ *БИОХРОНИКА*, т.12, с.634.

⁴⁰¹ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.4, с.380.

⁴⁰² См.: *ЗДОРОВЬЕ Л.Д. ТРОЦКОГО* (Беседа с директором курортной клиники Наркомздрава В.А. Александровым). — «Известия», 1924, 23 февраля; согласно газетному сообщению, Троцкий заболел 5 ноября, сам Троцкий в *МОЕЙ ЖИЗНИ* говорит об октябре (простыл на охоте).

⁴⁰³ См.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.660.

⁴⁰⁴ См.: «Огонек», 1924, №14, 1 апреля, с.9.

Отметим еще, что Гетье не указан среди подписавших «Акт патолого-анатомического вскрытия тела В.И. Ульянова (Ленина)», хотя его имя значится в составе комиссии, производившей эту процедуру⁴⁰⁵. Чем вызвано отсутствие подписи? Какими-нибудь конкретными возражениями Гетье по поводу составления акта, особым мнением? Или его не удовлетворила стилистическая формула этого документа, начинавшегося сообщением о том, что комиссия осмотрела «труп пожилого мужчины правильного телосложения, удовлетворительного питания»? С точки зрения составления подобного рода документов приведенная фраза нейтральна, но тиражированная в миллионах экземпляров она могла показаться Гетье несколько циничной⁴⁰⁶.

*Еще раз
о режиме*

Еще в апреле 1922 Ленину рекомендовали лечение и отдых в другом климатическом поясе, на Кавказе (см. замечание А.И. Солженицына по этому поводу). Майский удар и прочие обстоятельства помешали осуществлению этого плана, на который Ленин в принципе был готов согласиться. В 1923 этот вопрос возник опять. 14 августа Ленину от имени В.А. Обуха предложили в целях оздоровления выехать в сентябре в Крым⁴⁰⁷. Причины, по которым поездка не состоялась, неизвестны. После возвращения Ленина из Москвы последовало повторное приглашение⁴⁰⁸. Ленин в категорической форме отказался: «Когда одно время появилась мысль о переезде на юг ввиду наступления холодного времени, В.И. резко протестовал против него»⁴⁰⁹. Долгая дорога могла лишить Ленина последних сил, но врачи и Политбюро полагали, что ли, что юг вернет ему их сторицей?

А как связать предложение Ленину отдохнуть на теплом юге с длительными прогулками зимой 1923-24? С разрешениями врачей на зимнюю охоту?

⁴⁰⁵ «Известия», 1924, 25 января.

⁴⁰⁶ В воспоминаниях С.Е. Чуцкаева (*НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. — «Тихоокеанская звезда», 1928, 21 янв.) находим краткий перечень вопросов, обсуждавшихся на заседании ЦК ночью 22 янв.: «/.../ О вскрытии тела Владимира Ильича, о балзамировании его, сооружении мавзолея /.../». Возможно, на этом заседании ЦК рассматривался не только вопрос о вскрытии, но и о публикации акта вскрытия.

Мысль о сооружении мавзолея приписывалась — правда, довольно вяло — «гуще народных масс», «идя навстречу желанию» которых, Президиум ЦИК 25 января принял постановление о сооружении Мавзолея. А.В. Шусев получил заказ на проект сооружения Мавзолея в ночь на 23 января (С.О. Хан-Магомедов. *МАВЗОЛЕЙ ЛЕНИНА*. М., 1972, с.40-43).

⁴⁰⁷ См.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.625.

⁴⁰⁸ Там же, с.639.

⁴⁰⁹ «Красная летопись», 1927, №2, с.246.

Еще до окончательных признаков заболевания врачи рекомендовали Ленину ограничить охотничьи забавы, связанные со специфическими треволнениями⁴¹⁰. Но с конца 1923 Ленина регулярно вывозили на охоту, где он выступал, конечно, в качестве зрителя, но активно следил за происходящим, мог дать знак спустить собак, «сам разыскивал следы зверей и, останавливаясь на саях у их следов, руководил дальнейшими действиями охотников»⁴¹¹. Возможно, идею охоты привез Д.И. Ульянов: «В рождественские праздники 1924 я несколько раз ездил к брату в Горки. /.../ Приезжая в Горки, я старался развлечь брата простыми разговорами и часто говорил ему об охоте /.../. Он сам время от времени ездил из Горок охотиться»⁴¹². По утверждению А.Поликашина, «выезды обычно происходили 2-3 раза в неделю». Егерь (М.Плешаков ?) почти неотлучно жил в Горках, а меж поездками числился рабочим по кремлевскому гаражу⁴¹³. Отмеченная частотность подтверждается выступлениями Зиновьева (31 декабря на заседании Петросовета): «Третьего дня тов. Ленин был на охоте, пробыл там 3 1/2 часа; вчера второй раз выехал на охоту»⁴¹⁴, и Ярославского (22 января, Краснопресненский райком): «В последние четыре-пять дней Владимир Ильич ходил даже на охоту»⁴¹⁵. В январе 1924 охотничьи прогулки были регулярными, хотя, кажется, и сказывались на здоровье. Крупская говорила Луначарскому через день после смерти Ленина: «Очень любил природу, любил ездить на охоту. Ездил с каким-то товарищем Михайловым, хотя иногда и переутомлялся»⁴¹⁶. Далее в публикации воспоминаний Луначарского отмечена купюра, возможно, связанная с отрицательной характеристикой охотничьих «вылазок» для здоровья Ленина. За два дня до смерти Ленин тоже выезжал «по зайчишек», что, по предположению Крупской, сказалось на его самочувствии: «Еще в субботу ездил он в лес, но, видимо, устал, и когда мы сидели с ним на балконе, он утомленно закрыл глаза, был очень бледен и все засыпал, сидя в кресле. Последние месяцы он не спал совершенно

⁴¹⁰ См.: Л.Троцкий. *РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАМЕТКИ*. — «Красная газета», 1926, 21 января.

⁴¹¹ *СЕМАШКО О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ЛЕНИНА*. — «Вечерняя Москва», 1924, 25 января.

⁴¹² Д.И. Ульянов. *ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ*. М., 1971, с.104.

⁴¹³ А.Поликашин. *ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА*. — «Беднота», 1929, 24 января.

⁴¹⁴ *О ЗДОРОВЬЕ ТОВ. ЛЕНИНА*. — «Рабочая газета», 1924, 6 января; см. также «Петроградскую правду» и «Красную газету» от 1 и 4 января 1924.

⁴¹⁵ *КОНЧИНА ТОВ. ЛЕНИНА*. — «Рабочая газета», 1924, 24 января.

⁴¹⁶ «Литературное наследство», т.80, с.732.

днем и даже старался сидеть не на кресле, а на стуле. Вообще, начиная с четверга, стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у Вл. Ильича ужасным, усталый, измученный. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел и, главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд, точно слепой»⁴¹⁷. Трудно сказать, заметили ли врачи все те признаки приближения смерти, которые, спустя много времени, припомнила Крупская, но на 21 января снова была запланирована охота, на волков, — двух палых лошадей для нее уже заготовили⁴¹⁸.

Некто Д.К. построил в «Правде» свой отклик в связи со смертью Ленина на разговорах, как бы услышанных им в Москве: «Не верилось.

— Как же профессора?..

— Да что профессора — не слушался он их. Газеты даже читал.

— Не усмотрели.

— Не только газеты читал, на охоту ездил»⁴¹⁹.

«Разговор» дает основание предположить; что в сознании современников Ленина его смерть и охота были как-то сопряжены.

Семашко: «Всего за два дня до смерти В.И. ездил на охоту, ведь он сам организовал все эти поездки на охоту /.../»⁴²⁰. Чего больше в этой фразе Семашко: желанья рассказать о последних днях жизни Ленина? продемонстрировать способности Ленина в болезни? показать, как неожиданна была смерть? или снять с медицины ответственность за разрешение на охоту и пояснить, что Ленин сам настоял на охотничьих прогулках?

Перемены Припомним еще раз то очевидное, что произошло после возвращения Ленина из октябрьской поездки в Москву:

1. Ленину в очередной раз предлагают переезд на юг.
2. Ленин в последний месяц жизни по несколько раз в неделю выезжает на охоту и долгие зимние прогулки.
3. Горки покидает С.М. Доброгаев.
4. Почти одновременно с ним Горки покидает Ф.А. Гетье.
5. В Горки организуется церемония прощальных визитов.

⁴¹⁷ Цит. по кн.: В.Волкова. *ЛЕНИН В ГОРКАХ*. М., 1963, с.99.

⁴¹⁸ См.: [А.К. (?) Гольдебаев. *КРЕСТЬЯНСКИЙ СОСЕД — ИЛЬИЧ*. — «Крестьянская газета», 1924, 27 января; А.Поликашин. *ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА*.

⁴¹⁹ Д.К. *ЗАЧЕМ?* — «Правда», 1924, 21 января.

⁴²⁰ «Беднота», 1924, 26 января.

Добавим к этому перечню историю с неожиданным появлением в Горках газет (август), со страниц которых Ленин с волнением («чего боже упаси») узнавал о ходе партийной дискуссии, победе Сталина, беспечности Троцкого, о смерти Воровского, болезни Горького, о кончине Мартова и т.д., т.е. о тех или иных «внешних событиях», которые, по формулировке доктора Осипова, «делали его задумчивым», в то время как в большинстве случаев Ленин «был настроен ровно»⁴²¹. Добавим и спросим: достаточно ли набирается материала для детективного сюжета, центральные персонажи которого — И.В.С. и В.И.Л.? Или речь должна, в первую очередь, идти о трагедии большого героя, активно и с успехом борющегося за право на информацию, выбор окружения и собеседников, за право на прогулки и охоту — пусть даже ценою жизни? А к какому жанру можно было бы отнести повествование о кураторе, в свою меру идущем навстречу волевым устремлениям своего подопечного и понимающем, что конечный результат поведения больного вполне может совпасть с его (куратора) желанием (сознательным, бессознательным?) — и завершиться вечностью? А разве не прекратились навсегда страдания больного?

Вот и Ярославский писал: «Теперь, когда вскрытие тела и исследование мозга Ленина показало нам истинную картину его болезни, безнадежность его состояния мы должны осознать, что затягивание болезни грозило Ленину еще более мучительными переживаниями. *Вылечить* его уже нельзя было. /.../ Если бы Ленин знал, что ему придется лежать без движения, без речи, без возможности высказать свои мысли, без возможности действовать, звать на борьбу, бороться — он предпочел бы быстрый конец этой агонии, этому бессмысленному существованию»⁴²².

21 января 1924 в 18.50 Ленин скончался. «Болезнь Ленина и ожидание его возвращения к руководству создавали неопределенность провизориума, длившуюся с перерывами свыше двух лет». «Благодаря исключительному положению, занимавшемуся в партии Лениным, неопределенность его личного состояния преврати-

⁴²¹ «Вечерняя Москва», 1924, 28 января.

⁴²² *ЖИЗНЬ И РАБОТА В.И. ЛЕНИНА.*, с.220, 221.

Тут же цитата к вопросу — из письма Энгельса к Ф.Зорге, писанного в день смерти Маркса: «Искусство врачевания могло бы, может быть, продлить ему пару лет растительного существования, жизнь беспомощного лишь во славу искусства докторов, не сразу, а медленно умирающего существа, но такой жизни Маркс не перенес бы. /.../ По моему мнению, после всего пережитого, другого исхода не было: это я знаю лучше всех врачей».

лась в неопределенность состояния всей партии»⁴²³, — говорил Троцкий. Противники Троцкого не могли для себя желать ничего лучше этой неопределенности, прекратившейся как раз вовремя. Умри Ленин еще в марте 1923, путь Сталина к власти был бы не так скор и прям. Недаром К. Радек в своей мартовской статье, когда партия с минуты на минуту ожидала смерти Ленина и избрания его преемника, заполнил свою статью о Троцком конструкциями типа «гениальное понимание», «тайна величия Троцкого», «организаторский гений Троцкого», «великий представитель»⁴²⁴. Не случись смерть Ленина вскоре после завершения XIII партконференции, на которой Троцкого подвели под поражение, Троцкий, возможно, сумел бы справиться и дать отпор Сталину. Но Ленин умер 21 января, когда партийная дискуссия только только завершилась, поставив под серьезное сомнение право Троцкого называться «ленинцем» и закрепив эту прерогативу за Сталиным и Зиновьевым, который в конце лета 1923 еще планировал создание «политического секретариата» из трех человек (три «генеральных секретаря»), включая и Троцкого, а в октябре стал активнейшим политическим противником Троцкого⁴²⁵, чем существенно облегчил Сталину борьбу за власть, борьбу, исход которой в немалой степени зависел от положения дел в Горках.

*Сталин
в Горках*

Через несколько часов после звонка М.И. Ульяновой наличный состав Политбюро прибыл в Горки для отдачи последней дани ушедшему в вечность. Этот торжественный акт запечатлел в своих воспоминаниях В.Д. Бонч-

Бруевич: «По лестнице, не спеша и словно замедляя шаги, поднимались вожди старой гвардии большевиков, только что прибывшие на автосанях.

Душевная, тихая, без слов, встреча с Н.К.

/.../ Вот впереди всех Сталин. Подаваясь то левым, то правым плечом вперед, круто поворачивая при каждом шаге корпус тела, он идет грузно, тяжело, решительно, держа правую руку за бортом своей полувоенной куртки... Лицо его бледно, сурово, сосредоточенно.

⁴²³ Л. Троцкий. *МОЯ ЖИЗНЬ*, с.245, 220.

⁴²⁴ К. Радек. *ЛЕВ ТРОЦКИЙ — ОРГАНИЗАТОР ПОБЕДЫ*. — «Правда», 1923, 14 марта.

⁴²⁵ Не последнюю роль в решении Зиновьева, видимо, сыграло положение в Германии. Случись ожидавшаяся в Германии революция, авторитет Троцкого, признанного теоретика и практика мирового коммунистического движения, был бы для Зиновьева и Сталина почти вне досягаемости. Недаром Троцкий торопил революционные события в Германии, а Сталин требовал сначала все внимательно взвесить и продумать.

/.../"Да, да, вот оно что... вот оно что..." — первым пронил слова С. ... И стал обходить Владимира Ильича размеренным шагом, все так же поворачивая то левое, то правое плечо, словно не веря, что смерть совершила свою неумолимую работу и как бы желая убедиться, что эта роковая работа непоправима, неизменна».

(Разговоры о происшедшем.)

«Время клонилось к полночи.

Надо ехать в Москву.

Вновь потянулись туда, к нему... Вновь окружили его тесным кольцом /.../.

Порывисто, страстно вдруг подошел С. к изголовью.

Прощай, прощай, Владимир Ильич... Прощай! И он, бледный, схватил обеими руками голову В.И., приподнял, нагнул, почти прижал к своей груди, к своему сердцу, и крепко, крепко поцеловал его в щеки и в лоб... Махнул рукой и отошел резко, словно отрубил прошлое от настоящего...»⁴²⁶.

Еще одна длинная выдержка:

«28/1 [1924].

Письмо

Н.К. Крупской

Милая, родная моя Иночка [И.А. Арманд], схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго в последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции

и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают. Вскрытие обнаружило колоссальный склероз. Могло быть много хуже — могли бы быть новые параличи... Каждый новый припадок заставлял холодеть. Сейчас гроб еще не заделали и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное. Стоял он в Доме Союзов, было там все очень хорошо и торжественно и необычно. /.../.

Все товарищи очень внимательны и ласковы к нам. Жили мы все эти дни в Доме Союзов, это было очень удобно. /.../.

Снимки в гробу вышли хорошие, я пошлю их тебе.

Пока крепко обнимаю тебя и Гуго и Инесочку. Крепко целую.

Твоя Н.Крупская»⁴²⁷.

⁴²⁶ В.Бонч-Бруевич. СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА. — «Красная новь», 1925, №1, с.189-190.

⁴²⁷ ВОСПОМИНАНИЯ, т.4, с.339.

IV. ВЗГЛЯД НА СЕБЯ

Мысли о смерти

Размышления о приближающемся конце стали проникать в сознание Ленина не позднее второй половины 1921. К этому же времени относится фиксированный сдвиг в его мироощущении, вызванный и нежеланием населения России покорно следовать в уготованные кущи, и неспособностью советской администрации управлять страной, и отсутствием реальных признаков близкой мировой революции.

Давно решенные вопросы — кто виноват? что делать? — выплывали из небытия. И, быть может, было не совсем понятно, в каком плане их решать: в кардинальном или частном.

Судя по тому множеству мелочных дел, которые, к удивлению окружающих⁴²⁸, занимали Ленина в 1921-1922, он очень хотел увидеть в этих вопросах их частное происхождение: виноваты, скажем, чиновники — наказать, проконтролировать, переместить, сменить; виновато временное структурное несовершенство аппарата власти — улучшить, реорганизовать, построить новый.

Однако, сколько ни бился глава первого в мире коммунистического государства над разрешением проблем, которые, по определению, являлись для него главными, сроки реализации конечной программы приходилось отодвигать все дальше и дальше, ее контуры должны были становиться все более зыбкими, а вопросы все более четкими. И вместе со всем этим пришла быстрая утомляемость, повышенная чувствительность к шуму и температуре, постоянная раздражительность, гневливость⁴²⁹, участились приступы бессонницы и головной боли. Осенью 1921 Ленин говорил брату о «нежелании работать»⁴³⁰.

⁴²⁸ Попытку объяснения см.: Ю.Ларин. *КАК УЧИЛ ЛЕНИН* (почему он занимался мелочами?) — «Экономическая газета», 1924, 25 января.

⁴²⁹ Примерами гнева и раздражительности заполнен весь 54 т. *ПСС*, что обычно определяется как «борьба Ленина с волокитой». Как реагировали «прорабатываемые» на это состояние ленинского духа?

В начале 1922 А.Я. Аросев беседовал за границей с каким-то московским гостем: «Спросил я, как Ленин смотрит на то и на это. — "Ленин?" — спросил меня товарищ и как-то непонятно замолчал. — "Да, Ленин". — ".../ Ленин очень странный сделался... по-моему... он болен. /.../ Какое-то тревожное в нем было настроение последнее время. Недавно я говорил с ним. Он был страшно раздражителен. Упрекал нас в комчанстве, и почему-то, что совсем ему не свойственно, торопился кончить беседу. Мне тогда же сказали, что он сильно устал"» (А.Аросев. *ПО СЛЕДАМ ЛЕНИНА*. Л., 1924, с.3-4).

⁴³⁰ Д.И. Ульянов. *ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ*. М., 1971, с.93.

Последний феномен нельзя объяснить только развивавшейся болезнью, как считал Д.И. Ульянов. Когда партнером Ленина выступала заграница (дела о концессиях, эпизод со Всероссийским комитетом помощи голодающим, интриги на международных конференциях), трудоспособность Ленина была вполне на высоте, но там, где дело касалось внутренней, особенно хозяйственной жизни страны, он уже не знал, как ему распорядиться своими руками. Лишь одно должно было быть очевидно: эффект приложения рук был столь жалок, что им можно было пренебречь.

Врачи предписывали отдых — и Ленин, ранее достаточно пренебрежительно относившийся к их советам, теперь, с июля 1921, несмотря на крайне сложное положение в стране, все чаще и чаще покидал Москву для разрядки, отдыха и размышлений. С небольшими перерывами отпуск Ленина, взятый им в середине июля, продолжался до конца мая 1922, до первого серьезного приступа поразившей его болезни. Нельзя сказать, чтобы отпуск был использован Лениным очень плодотворно. Помимо попытки доказать, чем «госкапитализм» при социализме отличается от государственного капитализма при капитализме, ничего больше в области теории марксизма сделать тогда не удалось⁴³¹. По-видимому, теория «не задалась», так как Ленин все чаще и чаще отведенное для ее разработки время отдавал «будированию» текущих вопросов. К тому же, он, действительно, чувствовал себя не очень хорошо, о чем постоянно сообщал в своих письмах и выступлениях, какую-то часть времени отнимали размышления о смерти.

Ленин приближался не столько к тому возрасту, сколько к тому самовосприятию, когда мысль о смерти, о собственной смерти, венчала любую другую мысль. Во второй половине августа 1921 Ленин беседует со старым большевиком А.Г. Шлихтером по вопросу отъезда последнего за границу на дипломатическую работу. И вдруг Ленин, прерывая собеседника, замечает: «А вы уже знаете, Саммер умер? Еще один...» Шлихтер: «Я был застигнут врасплох этим вопросом Ильича. Мне мгновенно вдруг стало ясно, что Ильич, казавшийся, на первый взгляд, все тем же давно знакомым Ильичом, в действительности был в этот момент совсем другим, каким-то новым, чем-то удрученным и о чем-то

⁴³¹ В 1920-1921, но, возможно, и в 1922 Ленин много думал, мечтал о том времени, когда будет изобретено такое мощное оружие, что «война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной. /.../ Ильич с большим увлечением говорил об этом» (Н.К. Крупская. *О ЛЕНИНЕ*. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с.54-55; см. еще с.67).

упорно думающим, в то время как мне казалось, что он слушает меня. Мне хотелось отвлечь мысли т. Ленина соображениями о том, что, как ни неожиданна была смерть тов. Саммера, еще здорового, крепкого и цветущего человека, все же, именно нам, старым работникам партии, надо быть готовым к систематическому уходу одного за другим». Ленин возражал: смена-де еще не готова, «еще надо годиков пять поучить». «По-видимому, — передавал свои впечатления Шлихтер, — Ильич уже в тот момент моего последнего свидания с ним чувствовал себя больным, и, м.б., ответ мне о том, что рано еще уходить, был в то же время и ответом на его собственные мысли о надвигающемся нездоровье. Вспоминал ли он потом, в тяжкие дни своей болезни, об этом пятилетнем сроке? В этом отношении мы, собственно, о т. Ленине еще ничего не знаем»⁴³².

Спустя несколько месяцев, в конце ноября, аналогичным образом развивалась последняя беседа Ленина с М.Ф. Андреевой, которая, как и Шлихтер, собиралась в долгий отъезд, — беседа разворачивалась в жанре прощания, позволявшем некоторую открытость. Говорили о значении кинематографа. «По обыкновению я волновалась, горячилась, — вспоминала Андреева в письме от 29 января 1924 Горькому, — он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: "Какая Вы еще, М[ария] Ф[едоровна], молодая!"⁴³³ Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я — уставать стал. Сильно уставать". И так мне жалко его стало, так страшно. Мы крепко обнялись с ним, и я вдруг почему-то заплакала, а он, тоже отирая глаза, стал укорять меня и убеждать, что это очень плохо»⁴³⁴.

*Навязчивая
идея*

Надо полагать, что пугала Ленина не столько сама смерть, сколько ожидание ее в условиях развивающегося кризиса идей и надежд. В 1918, после покушения, он, кажется, был в большей степени готов к смерти: власть завоевана, будущее обеспечено незыблемыми положениями марксизма, он лично — его ведущий практик и теоретик. Уйти в такой ситуации, да еще смертью Марата — в таком положении смерть можно встретить легко и с достоинством, можно даже желать ее.

⁴³² А.Шлихтер. *ИЛЬИЧ, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ*. Кое-что из встреч и воспоминаний. М.-Л., 1928, с.93-94.

⁴³³ И.А. Саммер и Ленин — одноклассники, Андреева — двумя годами старше.

⁴³⁴ *М.Ф. АНДРЕЕВА*. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания об М.Ф. Андреевой. М., 1968, с.355.

В мае 1922 после первого сильного приступа интонация не напоминает истерическую. Он или мрачно встречает врачей, или набрасывается на них, ища у медицины ответа на вопрос о характере и возможном развитии болезни. Врачи молчат, ссылаются на переутомление, обнадеживают. 30 мая Ленина навещает М.И. Авербах, по специальности офтальмолог, что не помешало Ленину и к нему обратиться с тем же вопросом. Ленин «явно был возбужден, — вспоминал Авербах, — и искал все возможности остаться со мной наедине. Предчувствуя какой-нибудь тяжелый для него, волнующий разговор, я всячески избегал быть с ним с глазу на глаз, но такая минута все же выпала. Схватив меня за руку, Владимир Ильич с большим волнением вдруг сказал: "Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?" Дальнейший разговор был, к счастью, прерван вошедшей медицинской сестрой»⁴³⁵.

Крупская говорила, что Ленин «с самого начала болезни попросил достать ему медицинские книги, обложил себя ими и принялся за изучение своей болезни — больше всего по английским источникам»⁴³⁶. Чтение медицинской литературы в сочетании с реальными признаками болезни, кажется, все более убеждало Ленина в правоте его собственных предположений о конечном результате болезни, в том, что ему грозит паралич. Эта идея становилась навязчивой. Зиновьев оповестил, что Ленин «еще в 1922 году иногда говорил близким и друзьям: "Помяните мое слово, кончу параличом"». Мы десятки раз пытались превратить все это в шутку. Но он, ссылаясь на примеры, говорил, как бы не окончить так же, как такой-то имярек, а, может быть, еще и хуже»⁴³⁷. В начале августа 1922 он говорил навестившему его в Горках Г.И. Петровскому: «Болезнь у меня такая, что я либо стану инвалидом, или меня не станет»⁴³⁸.

Надежда на выздоровление все же не покидала его до самого конца. А вдруг, действительно, причина болезни исключительно в переутомлении, «нервы сдают», стоит как следует отдохнуть — и все наладится? 21 февраля 1922 он писал Каменеву и Ста-

⁴³⁵ «Правда», 1924, 1 марта.

⁴³⁶ Берта Брук. *ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ГОДА*. — «Правда», 1928, 21 января.

⁴³⁷ «Известия», 1924, 13 февраля; в публикации «Правды» того же дня предсказание Ленина опущено.

⁴³⁸ Г.И. Петровский. *ЛЕНИНСКАЯ ШКОЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА*. — «Правда Украины», 1963, 21 апреля; см. также: *ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В.И. ЛЕНИНА*. Беседа с тов. Петровским. — «Рабочая газета», 1925, 20 января.

лину: «В моей болезни *никаких* объективных признаков нет»⁴³⁹. 14 февраля 1923 говорил Фотиевой, «что болезнь его нервная»⁴⁴⁰.

*Выйти
из игры?*

А может быть — выйти из игры? Революция и гражданская война выиграны — этих очевидных заслуг не скинуть с его счета. А на кого падет ответственность за следующий этап развития коммунистического общества, этап, далекий от совершенства? Может быть — выйти из игры?

Летом 1922 эта идея на время завладела Лениным. Момент был благоприятным. Не только окружающим, но и себе все можно было объяснить болезнью, рекомендациями врачей. М.И. Ульянова приводит его резюме лета 1922: «Если нельзя заниматься политикой /.../, буду заниматься сельским хозяйством»⁴⁴¹. Ленин собирался выписать семена из Америки и Канады; образцы растений, выведенных отечественным селекционером И.В. Мичуриным, были доставлены в Москву и весной следующего года должны были быть высажены в Горках. Ленин увлекся давно переведенной К.А. Тимирязевым на русский язык книгой А.Гарвуда «Обновленная земля. Сказание о победах современного земледелия в Америке», просил находившегося за границей управляющего делами СНК Н.П. Горбунова привезти ему все материалы, связанные с развитием идей, высказанных в этой книге. В прогулках по парку Горок Ленин с М.И. Ульяновой «прикидывали и обсуждали, где, что можно будет рассадить, где надо устроить питомник и пр.». «Пусть ни один клочок земли не останется здесь неиспользованным», — говорил он⁴⁴². Профессор Клемперер вспоминал в 1924, что после первого удара Ленин в Горках подключился к выращиванию шампиньонов и к уходу за кроликами.

Символический опыт сельского хозяина у Ленина был. В 1889 Ульяновы купили вблизи Самары небольшой хутор. Мать Ленина надеялась, что хутор уберет среднего сына от судьбы старшего, казненного двумя годами ранее. Работа не полюбилась. «Я начал было, — рассказывал Ленин Крупской, — да вижу — нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся»⁴⁴³.

Работа селекционера в чем-то была родственна революционно-государственной деятельности Ленина: в одном случае —

⁴³⁹ ПСС, т.54, с.176.

⁴⁴⁰ Там же, т.45, с.485.

⁴⁴¹ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.181.

⁴⁴² БИОХРОНИКА, т.12, с.355; см. также: ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.181-182; т.3, с.432-433; Л.Кунецкая, К.Маштакова. МАРИЯ УЛЬЯНОВА. М., 1979, с.223.

⁴⁴³ ВОСПОМИНАНИЯ, т.1, с.230; см. также с.143.

выведение новых сортов растений, в другом — нового сорта людей. Дело оставалось лишь за темпераментом и честолюбием.

К осени 1922 Ленин, оправившись несколько от болезни, ушел от проблем селекции растений и вернулся к более знакомому селекционному материалу. Но отметим, что, достигнутый очередным приступом, заканчивая 15 декабря 1922 «ликвидацию своих дел», Ленин поручает разобрать книги в своей кремлевской библиотеке — и литературу по сельскому хозяйству просит передать М.И. Ульяновой⁴⁴⁴. И еще одна деталь растениеводческих увлечений Ленина: горшочки с пшеницей, овсом, просом, ячменем, гречихой, озимой пшеницей в его доме в Горках⁴⁴⁵.

В 1922 для Ленина, размышлявшего о своей болезни и опасавшегося ожидания смерти в параличе, существовал еще один выход. В характерной для Ленина манере он думал о нем еще в 1911 под влиянием известия о самоубийстве Лафаргов. Он говорил тогда же Крупской: «Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги»⁴⁴⁶. Даже если эта формула в неизменном виде продолжала существовать спустя десятилетие, то как определить момент «первого звонка»? Первоначально в качестве такого «звонка» Ленин воспринимал майский приступ 1922, но относительно скорое выздоровление поколебало это ощущение. Декабрьский удар воспринимался им не как «второй звонок», а как «настоящий первый», так он его называл⁴⁴⁷.

Какой бы ни была грядущая кончина, наступало очевидное время для составления завещания — последних писем к партии. Еще за несколько недель до декабрьского удара Ленин попросил библиотекаря «особо сохранить книгу Энгельса "Политическое завещания"»⁴⁴⁸, видимо, намереваясь учесть жанровый опыт наследия Энгельса. В конце декабря, преодолев сопротивление Политбюро и врачей, Ленин приступил к диктовке.

С точки зрения текущего момента значительная часть наблюдений и замечаний Ленина последних статей была тактически неоправдана, поспешна. Об этом свидетельствует история публикации его предсмертных работ, их замалчивание, дезавуирование или извращение рекомендаций, изложенных в них. Ленин, вероят-

⁴⁴⁴ ПСС, т.45, с.472.

⁴⁴⁵ См.: М.Сапрыгина. *У ГРОБА ДОРОГОГО ВОЖДЯ*. — «Колхозница», 1924, №4, с.10; см. также: «Работница», 1924, №3, с.3.

⁴⁴⁶ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.363.

⁴⁴⁷ См.: Г.Я. Лозгачев. *НЕЗАБЫВАЕМОЕ*. Л., 1971, с.240.

⁴⁴⁸ ПСС, т.45, с.463. Имеется в виду: Ф.Энгельс. *ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ* (Из неопубликованных писем). М., 1922.

но, и сам понимал, что они несколько не от времени сего, недаром он все пытался выяснить точку зрения Цурюпы и др. лиц на «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», а по поводу первой статьи попросил Крупскую выяснить у читателей «Правды», «своевременна ли она»⁴⁴⁹. Конечно, наиболее разумно было бы оставить их внутри Политбюро, для внутреннего употребления и дальнейшего обнародования по мере надобности. Но Ленин настаивал на немедленном обнародовании части работ и доведении до очередного съезда некоторых бумаг, не предназначенных для широкой публики. Вероятно, он не слишком доверял членам Политбюро и опасался, что в случае его смерти «завещание» будет сокрыто от партии. Ленин успел продиктовать большую часть намеченного, но верил ли он в эффективность своих рекомендаций, большую часть которых он еще при жизни безуспешно пытался провести в жизнь? В возможность их реального осуществления в будущем? Или просто специфика жанра тяготела над ним?

Попытка

Убедить партию он не успел. Очередной удар лишил его способности письма, чтения, речи. Отчасти он видел возможность такого развития болезни. «Как-то он заметил, — вспоминала медсестра Т.М. Белякова, — что нам, медицинским работникам, будет очень трудно, когда он потеряет речь. Я ответила, что этого не должно быть. Тогда Владимир Ильич пристально посмотрел на меня и сказал, что, вероятно, это будет очень скоро»⁴⁵⁰. Первые два месяца после марта были крайне тяжелыми как для него самого, так и для окружающих. С середины мая наступил период относительного улучшения физического и психического здоровья Ленина. Затем, с конца июня, почти на месяц — психологический срыв, врачи были склонны объяснять его «затемнением сознания». Но толчком к «затемнению» явилось, видимо, включение сознания, осознание Лениным резкого и катастрофического изменения личностного и социального статуса. Сведений об этом периоде мало. Известно лишь, что в конце его, 21 июля, больной совершил невозможный с точки

⁴⁴⁹ См.: В.Н. Каюров. *ВСТРЕЧИ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧОМ*. — «Пролетарская революция», 1925, №8, с.156. Автор воспоминаний, в частности, ответил Крупской: «/.../ Это то самое, чего трудовые рабочие так долго добивались, но... мы думаем, что его идея будет осуществлена в другое время, при других обстоятельствах».

⁴⁵⁰ Т.М. Белякова. *ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОГО СЕРДЦА*. — «Клиническая медицина», 1969, №10, с.13; см. также: Е.Фомина. *В.И. ЛЕНИН В ДНИ БОЛЕЗНИ*. — «Прожектор», 1925, №1, с.6.

зрения его физических данных поступок: сумел уйти из Большого дома во флигель, «мужественно преодолевая, несмотря на паралич, его ступеньки»⁴⁵¹. Наиболее подробно этот эпизод изложил В.П. Осипов: «Выехав в обычное время на прогулку, Владимир Ильич направил свое кресло к маленькому двухэтажному флигелю, вошел в одну из небольших комнат и там остался. Никакие уговоры не могли заставить Владимира Ильича выйти из этой комнаты, туда в свое время принесли обед, затем ужин, там Владимир Ильич и заночевал при всеобщем волнении окружающих /.../»⁴⁵². В этом флигеле, который занимал А.А. Преображенский, Ленин пробыл три дня, 23 июля вернулся в Большой дом⁴⁵³. С учетом физических возможностей Ленина, этот эпизод мог бы быть уподоблен уходу Л.Н. Толстого из Ясной Поляны.

Со второй половины июля шло выздоровление, которым, в значительной степени, он был обязан себе. Л.Рейснер предложила следующую картину этого процесса: «Сколько раз рвал он на себе веревки, потихоньку накинутае, потихоньку натянутые болельню. Вырывался из лап паралича, стегал омертвелую свою плоть кнутами воли, пинками поднимал с земли в изнеможении упавшее сознание и два раза отброшенный ударами в детство, два раза из него вырастал в гиганта: учился говорить, учился писать, учился выражать свои мысли. Терял одну область восприятия за другой и завоевывал их назад /.../»⁴⁵⁴.

Самообладание часто изменяло ему, припадки гнева и возбуждения повергали родных в трепет. «Во время болезни, — вспоминала Крупская, — был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: "Ну какая же тюрьма, что Вы говорите, Надежда Константиновна?" Ильич понял: после этого разговора он стал определенно больше держать себя в руках»⁴⁵⁵. Декабрь 1923 сравнивал с прежним этапом Д.И. Ульянов: «Состояние его было в это время лучше, нежели прежде, как в

⁴⁵¹ О.Ферстер. *ВОСПОМИНАНИЯ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ЛЕНИНА*. — «Правда», 1925, 21 января; см. также воспоминания В.Г. Сорина: «Правда», 1927, 21 января.

⁴⁵² «Красная летопись», 1927, №2, с.241.

⁴⁵³ Осипов говорит об одном дне, Сорин — «два дня», *БИОХРОНИКА* (т.12, с.620): «Июль, 21-23. Ленин навещает управляющего совхозом "Горки" А.А. Преображенского /.../».

⁴⁵⁴ Л.Рейснер. *ЗАВТРА НАДО ЖИТЬ — СЕГОДНЯ ГОРЕ*. — «Известия», 1924, 27 января.

⁴⁵⁵ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т.1, с.605

смысле самочувствия, так и в смысле отношения к окружающему миру»⁴⁵⁶.

Не только гнев сопровождал Ленина во время болезни. «Иногда часами он сидел задумавшись, даже в присутствии посторонних временами погружался в свои мысли. Иногда на глаза его навертывались слезы, особенно, если он оставался один»⁴⁵⁷. Куда отнести «слезы» — к болезненному перерождению личности, к симптому болезни или к развитию личности под влиянием внутренних и социальных обстоятельств? При попытке ответить на этот вопрос учтем все же, что в какой-то степени Ленин был способен регулировать свой гнев («он стал определенно больше держать себя в руках»), свои слезы («навертывались слезы, особенно если он оставался один»).

Интерес к панегирикам

В июне 1922, несколько оправившись после майского приступа, Ленин говорил врачу А.М. Кожевникову: «Надо, чтобы мне дали возможность чем-нибудь заняться, так как, если у меня не будет занятий, я, конечно, буду думать о политике. Политика — вещь, захватывающая сильнее всего, отвлечь от нее могло бы только еще более захватывающее дело, а его нет»⁴⁵⁸.

Во второй половине 1923 — январе 1924 Ленин, кажется, был близок к тому, чтобы такое занятие обрести. Перед лицом близкой смерти наступала пора подведения итогов, оценки своего пути и дела. Направление интересов Ленина в последние месяцы жизни довольно многообразно: революция в Германии, партийная дискуссия, политическая активность населения России, борьба с неграмотностью, положение беспризорных, развитие прикладных наук, успехи сельского хозяйства и пр., — но чудится, что все эти проблемы рассматривались тогда Лениным, в первую очередь, в качестве аргументов оправдания собственной жизнедеятельности или перспектив ее оправдания потомками.

В последние два-три месяца жизни, подстегнутый своей полупрощальной поездкой в Москву и информацией о поражении революции в Германии, Ленин, кажется, несколько расширил спектр аргументации, несколько скорректировал ее, с тем чтобы обрести желанный результат — оправдать свой путь, путь, который уже давно и бесповоротно был оправдан его ближайшими соратниками.

⁴⁵⁶ Д.И. УЛЬЯНОВ О СВОЕМ БРАТЕ. — «Вечерняя Москва», 1924, 2 февраля.

⁴⁵⁷ «Красная летопись», 1927, №2, с.244.

⁴⁵⁸ Л.А. Фотиева. ИЗ ЖИЗНИ В.И. ЛЕНИНА. М., 1967, с.180.

В 1920 отмечалось 50-летие со дня его рождения. В те юбилейные дни Ленин дал всем понять, что он скептически относится к подобного рода празднествам: на первом отделении «коммунистического вечера», устроенного в его честь МК РКП(б), присутствовать отказался, появился в зале только после того, как юбилейные речи были уже почти произнесены, пустил по рядам карикатуру, как бы связанную с аналогичным событием в жизни Н.К. Михайловского, свою ответную речь посвятил текущим задачам партии, — словом, всячески демонстрировал пренебрежение к «вящей славе». В эти же дни он деловито просмотрел какую-то часть юбилейной литературы, отметил фактические ошибки и поставил ее на полку в своем кремлевском кабинете.

На закате своих дней он вновь обращается к юбилейной литературе 1920, но на этот раз уже более пристально. Об этом, в частности, говорят два письма Крупской, писанные ею по окончании траурных торжеств. Одно из них — Троцкому:

«Дорогой Лев Давидович! Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам»⁴⁵⁹.

В письме Крупской речь, очевидно, шла о статье Троцкого «Национальное в Ленине» (печаталась также под названием «Ленин как национальный тип»), впервые опубликованной в юбилейном номере «Правды» (23 апреля) за 1920. За границей Троцкий опубликовал письмо Крупской и снабдил его комментарием, подчеркивавшим основную мысль статьи: «В книжке, которую Владимир Ильич просматривал за месяц до смерти, я сопоставлял Ленина с Марксом. Я слишком хорошо знал отношение Ленина к Марксу, полное благодарной любви ученика и — пафоса дистанции. Я нарушал в своей статье традиционный пафос дистанции. Маркс и Ленин /.../ были для меня двумя предельными вершинами духовного могущества человека. И мне было отрадно, что Ленин незадолго до кончины со вниманием и, может быть, с волнением, читал мои строки о нем, ибо масштаб Маркса был в его глазах самым титаническим масштабом для измерения человеческой личности»⁴⁶⁰.

Второе письмо Крупской было адресовано Горькому:

⁴⁵⁹ Л. Троцкий. *МОЯ ЖИЗНЬ*, с.251.

⁴⁶⁰ Там же, с.252.

«В книжке Гильбо он [Ленин] нашел ссылку на Вашу статью о Ленине от 18-го года, помещенную в "Коммунистическом Интернационале", и попросил перечесть ему эту статью. Когда я читала ему ее — он слушал ее с глубоким вниманием». Дополнением — письмо от 25 мая 1930: «И все вспоминалось мне, — я раз уже писала Вам об этом, — как Ильич в последний месяц своей жизни⁴⁶¹ отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал»⁴⁶².

Что вновь привлекло внимание Ленина к статье Горького «Владимир Ильич Ленин», которую он в 1920, в момент публикации, резко осудил, пожалел о невозможности конфисковать соответствующий номер журнала, внес в Политбюро следующий проект решения: «Политбюро Цека признает крайне неуместным помещение в № 12 "Коммунистического Интернационала" *статей* Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях не только нет *ничего* коммунистического, но много *антикоммунистического*»⁴⁶³. В передовой журнала Горький развивал свою идею периода «Новой жизни», что «для Ленина Россия — только материал для опыта, начатого в размерах всемирных планетарных», что в грандиозных планах Ленина — социального реформатора, вивисектора, народ России выполняет роль подопытного кролика, на которую, впрочем, он и обречен «по логике бездарной истории своей»⁴⁶⁴. Как бы ни относился Ленин к подобной трактовке русской революции и народа, концепция Горького тактически была абсолютно вредна и заслуживала осуждения — в рамках 1920. В конце 1923, когда вопрос о тактике был уже снят Лениным с повестки дня, в этой же концепции Ленин, вероятно, искал и должен был найти оправдание своей деятельности, покой. К тому же в статье отмечалась выдающаяся роль Ленина в развитии истории, человечества: «Сторонник теории, утверждающей, что роль личности в процессе развития культуры — ничтожна, В.И. Ленин — источник энергии, без которой русская революция не могла бы принять форму, принятую ею»⁴⁶⁵. Уже не существенно было, что статья Горького по всем фронтам не

⁴⁶¹ Ср. *БИОХРОНИКУ* (т.12, с.633): «Сентябрь, 15. Ленин получает /.../ №12 журнала "Коммунистический Интернационал" за 1920 г.».

⁴⁶² Н.К. Крупская. *ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ*, т.11. М., 1963, с.246, 374.

⁴⁶³ *ПСС*, т.54, с.429; ср.: А.А. Андреев. *О НЕЗАБЫВАЕМОМ*. М., 1972, с.176.

⁴⁶⁴ «Коммунистический Интернационал», 1920, №12, стлб.1927, 1929.

⁴⁶⁵ Там же, стлб.1927.

укладывалась в марксизм, в ней могли отыскаться теперь другие достоинства.

26 января Зиновьев, выступая на 2-м Съезде Советов СССР, при всем его негативном отношении к Горькому, но зная о переоценке Лениным этой статьи, сказал: «Я вспоминаю сегодня, товарищи, одну оценку Владимира Ильича, данную великим художником современности А.М. Горьким. /.../ В этой статье у Горького в политических оценках было действительно немало неверного. Но, что касается оценки личности Владимира Ильича, то сегодня приходится сказать, что чутье великого художника подсказало Горькому несколько лет тому назад то, что народу, что всем нам становится ясным только теперь»⁴⁶⁶. Далее следовала большая, но осторожная выдержка из очерка 1920, которую опасаются включать в сочинения Горького и по сей день. (Не исключено, что внимание Зиновьева к статье Горького было вызвано попыткой противопоставить ее статье Троцкого 1920, которую Ленин с волнением слушал в чтении Крупской незадолго до смерти.)

В письме Горькому упомянута еще одна работа, привлекавшая внимание Ленина. Ее автор — А. Гильбо, один из «советских французов», социалист. Журналист и поэт, он был знаком Ленину еще со времен Циммервальда и Кинталея, с марта 1918 подолгу жил в России, в 1918-1922 многократно общался с Лениным, который постоянно ходатайствовал за него перед всевозможными советскими учреждениями по разным бытовым вопросам, как-то даже просил через Наркомпрос ускорить издание поэмы Гильбо «Рапсодии» на французском языке⁴⁶⁷.

В ноябре 1919 Гильбо известил Ленина о своем намерении в рамках Бюро III Интернационала подготовить брошюру о «руководителях большевистской революции и строителях Советской республики». На полях письма Ленин ответил Гильбо: «*Не стоит о лицах*»⁴⁶⁷. Это замечание Ленина вполне соответствовало его тогдашнему марксистскому представлению о роли личности в истории.

Но в конце 1923 эмоциональный подъем Ленина при свидании с недавно вышедшей книгой Н. Guilbeaux «Wladimir Iljitsch Lenin. Ein treues Bild seines Wesens» (Berlin, 1923) был столь силен, что он, лишенный в болезни активного словопроизношения, без дли-

⁴⁶⁶ РЕЧЬ ТОВА. ЗИНОВЬЕВА. — «Правда», 1924, 30 января.

⁴⁶⁷ См.: «Литературное наследство», т.80, с.314-315; см. также «Современный Запад», 1923, кн.3, с.79-84, 204-205.

⁴⁶⁸ ПСС, т.51, с.358.

тельных повторных упражнений, по словам доктора С.М. Доброгаева, несколько раз произнес: «Ильбо», «Ильбо»⁴⁶⁹. Работа Гильбо была закончена в январе 1923⁴⁷⁰, возможно, ее направление было уже заранее известно Ленину, может быть, еще до того, как А.И. Ульянова-Елизарова просмотрела русский перевод. Во всяком случае, содержание дарственной надписи⁴⁷¹ не могло быть для него неожиданным, как и высокая оценка его деятельности, содержащаяся в этой первой «толстой» биографии Ленина, которая только в 1924-25 вышла пятью изданиями. П.И. Лебедев-Полянский в своей рецензии так отозвался о ней: «Это дифирамб товарищу Ленину и его учению о диктатуре пролетариата и захвате рабочим классом государственной власти. /.../ С каждой страницы веет глубоким чувством уважения, любви, если хотите, преклонения перед могучей мировой фигурой товарища Ленина»⁴⁷².

Еще один панегирик Ленину хранился в доме в Горках: А.Р. Williams. «Lenin. The man and his work» (N Y, 1919)⁴⁷³.

Все четыре работы⁴⁷⁴, привлечшие внимание Ленина незадолго перед смертью, написаны с разных общественных и философских позиций, но их объединяло то, что в тот момент казалось Ленину, видимо, наиболее существенным — восхищение Гением Ленина, восхищение, в котором он тогда явно испытывал потребность. Крупская говорила Луначарскому, что в последний период жизни Ленин активно «интересовался тем, что писали о нем, читал приветствия, пожелания о выздоровлении. Ему, видимо, доставляло большое удовольствие сознавать связь-любовь между

⁴⁶⁹ «Наша искра», 1925, №3, с.21. С.М. Доброгаев, являвшийся свидетелем эпизода, отбыл из Горок в ноябре, когда первое русское издание (*ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. ОПИСАНИЕ ЕГО ЖИЗНИ*. Л., «Прибой», [1924]) еще находилось в типографии (см.: «Книжная летопись», 1924, №4, 16-29 февраля, с.230, №1300; см. также объявления изд-ва: «Правда», 1923, 25 декабря — «выходят из печати»; 1924, 24 февраля — «вышли из печати»). Следовательно, Ленина ознакомили с немецким изданием (ср.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.653).

⁴⁷⁰ См. рецензию Н.К.[рупской ?] на первое русское издание Гильбо: «Под знаменем марксизма», 1924, №2, с.283.

⁴⁷¹ «Любимому и великому товарищу Владимиру Ильичу Ленину с братским восхищением и пожеланием полного выздоровления. Анри Гильбо. Берлин, 13 сентября 23» (*БИБЛИОТЕКА В.И. ЛЕНИНА В КРЕМЛЕ*. Каталог. М., 1961, №620).

⁴⁷² В.Полянский. — «Печать и революция», 1924, №12, с.166-167.

⁴⁷³ См.: А.Р. Вильямс. *О ЛЕНИНЕ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*. М., 1960, с.23.

⁴⁷⁴ Число подобных работ, с которыми Ленина явно знакомил в последние месяцы жизни, следует умножить. В конце 1923 в Харькове вышел самый полный в те годы сборник всевозможных материалов о Ленине — *ЛЕНИН*, посланный Крупской составителями с дарственной надписью от 12 ноября (см.: *БИБЛИОТЕКА В.И. ЛЕНИНА В КРЕМЛЕ*, №598).

собой и массажи»⁴⁷⁵. Одно из приветствий-пожеланий Ленин долго не выпускал из рук: «Ты, имя которого, как знамя, — гласил адрес глуховцев, — как путеводная звезда, с любовью хранится в сердце не только каждого члена РКП(б), не только каждого члена РКСМ, но и каждого рабочего и крестьянина, ты нужен нам теперь, в момент развивающейся германской революции, как нужен ты нам во дни труда, во дни горя, в дни радости. Мы следим с напряженным вниманием за ходом твоей болезни и с радостью встречаем каждый шаг улучшения в твоём здоровье. Мы уверены, что твой мощный дух поборет злой недуг, и с нетерпением ждем того дня, когда раздастся радостный клич во всем мире: "Великий кормчий вновь здравый у руля корабля революции"». Привет тебе, дорогой товарищ и вождь, здравствуй на многие годы»⁴⁷⁶. Словесная реакция народа никогда не воспринималась Лениным всерьез, но теперь он нуждался в специфической психотерапии — визит и адрес глуховцев был воспринят им как реальное доказательство «связи-любви».

Еще один пример — из области прикладного искусства. За несколько дней до смерти Ленина «Правду» посетила группа представителей Дулевского фарфорового завода в связи с переименованием завода «бывшего "Товарищества Кузнецова" в завод им. "Правды"»⁴⁷⁷. Редакции был поднесен адрес и блюдо, на котором был запечатлен «портрет Ильича». Вечером М.И. Ульянова, побывавшая накануне в Москве, рассказала об этом брату. Ленин, прослушав сообщение, «вдруг изъявил желание что-то сказать». После долгих предположений окружающих отгадку нашел кто-то из шоферов: Ленин желал видеть не только адрес, но и блюдо с его портретом»⁴⁷⁸, в котором тоже, надо полагать, был для него запечатлен вящий знак «связи-любви».

Откуда у Ленина появилась такая мощная тяга к опосредованным доказательствам истинности своего бытия? Создается ощущение, что в последние месяцы жизни, исследуя пройденный им путь, Ленин пришел к

далеко не утешительным выводам относительно этого пути. Закат революционного движения в Европе, сомнительность лелеяемых революций на Востоке, неопределенность внутреннего положения в России, НЭП — далеко не лучший аргумент для раз-

⁴⁷⁵ «Литературное наследство», т.80, с.732.

⁴⁷⁶ Цит. по кн.: В.Волкова. *ЛЕНИН В ГОРКАХ*. М., 1963, с.82.

⁴⁷⁷ См.: «Правда», 1924, 19 января, 1 февраля; ср.: *БИОХРОНИКА*, т.12, с.647.

⁴⁷⁸ Я.Гр[унт]. *ДНИ ВЕЛИКОЙ СКОРБИ*. — «Тихоокеанская звезда», 1927, 21 января.

вития мирового революционного процесса, тяжелое наследство, оставляемое им ближайшим товарищам по партии, которые ждут его смерти, партийный аппарат, «порабощенный бюрократией», — все могло привести его к этим неутешительным выводам.

Но негативная самооценка, пытаемся утверждать мы, показала ему настолько неверной, несправедливой, обидной, неутешительной, что он отказался (отказывался) от дальнейших поисков истины путем самоанализа и в целях самооправдания предпочел ему другие, беспроигрышные приемы. Прежде он почти никогда не искал подтверждения своей правоты в посторонних отзывах и готов был почти одиночкой (вечный союзник — Гегель) противостоять большинству, как было, например, во времена Брестского мира. Лесть раньше была ему не нужна, а значит, и чужда. Он, действительно, был скромнен, поскольку личное политическое честолюбие в его сознании сопрягалось исключительно с той грандиозной картиной мирового революционного процесса и его последователей, которая сформировалась в его воображении. Но когда этот процесс — и его частная практика в России — не захотел подчиниться «стройной концепции марксизма», настало время для восприятия внешних раздражителей, явившихся в это тяжелое для него время основанием самоутверждения. Результаты попыток собственного анализа были им отставлены. Внешние отзывы, как значительно более благожелательные и «добросовестные», питали теперь его самовосприятие. Отсюда такое пристальное внимание Ленина к юбилейной и близкой ей литературе, приветствиям, пожеланиям, обращениям, блюдам...

*Кепка:
покаяние
или память
о былом?*

Но, похоже, где-то на обочине результаты самоанализа продолжали существовать и даже обнаруживали склонность к развитию. Есть несколько деталей в поведении Ленина последнего периода, которые отдаленным образом могут способствовать этому замечанию.

Всем знаком «традиционный» ленинский жест — вскинутая в приветствии рука с зажатой в ней кепкой. В болезни это движение стало единственным приемом общения Ленина с «народом». Кепка стала постоянным атрибутом его костюма, он, кажется, не расставался с ней даже в помещении. Вот он встречает глуховцев: «Ильич был одет, как всегда, в своей постоянной кепке, в которой я его видела не раз. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую

и поздоровался с нами левой рукой»⁴⁷⁹. Даже зимой на улице он снимает свой головной убор, обнажая «величественный череп»: «Помню. Совсем недавно, несколько недель назад, /.../ Владимира Ильича вывозили на прогулку. Приветливо, с доброй ильичевской улыбкой, он снимал здоровой рукой с головы свою кепку, здороваясь с /.../ товарищами из охраны»⁴⁸⁰.

Не исключено, moreover, что и Холодова, и Зиновьев сознательно-бессознательно вводят читателя в заблуждение — не было ни кепки в доме, ни приветствия посредством головного убора.

Более правдоподобны воспоминания стоявшего 18 или 19 октября на посту в Кремле курсанта Михайловского: «Ленин обычной своей улыбкой приветствовал меня, сняв несколько раз то-ропливо левой здоровой рукой свою кепку»⁴⁸¹.

Движениям с кепкой Ленин явно придавал преувеличенно-символическое значение, многократно повторял их. Для Крупской такое поведение супруга казалось несколько необычным, она выделила его: «Когда ездил на прогулку за пределы сада, Владимир Ильич особенно как-то старательно кланялся встречавшимся крестьянам⁴⁸², рабочим, малярам, красившим в совхозе крышу»⁴⁸³. «Раз его провезли по дороге, он видит, что рабочий красит крышу, он быстро здоровой рукой снимает фуражку»⁴⁸⁴.

⁴⁷⁹ П. Холодова. — *ВОСПОМИНАНИЯ*, т. 4, с. 457.

⁴⁸⁰ Г. Зиновьев. *ШЕСТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБУДЕТ РОССИЯ*. — «Правда», 1924, 30 января. Отметим, что на улице конец декабря — начало января, Ленин, конечно же, в теплой меховой шапке, но ставший уже к этому времени мифологизированным образ — «он простую кепку носит», где головной убор выступает в качестве знака социальной ориентированности, — так ощутимо тяготеет над Зиновьевым, что его художественное чутье одерживает верх над конкретно-исторической деталью.

⁴⁸¹ *КУРСАНТЫ О ЛЕНИНЕ*. — «Красный журнал», 1925, №1-2, с. 19.

⁴⁸² Крестьяне Горок в 1918 наглядно реализовали свое представление о коммуне, несколько расхитившееся с представлением Ленина. Впервые Ленин провел в Горках несколько недель осенью 1918. Крестьяне деревни согласились организовать в деревне коммуну, которая и была вскоре создана. По-видимому, жители Горок причислили к коммунарам и обитателя усадьбы «Горки», так что через какое-то время выяснилось, что «белье, находившееся в доме, где лечился тов. Ленин, коммуна между собой распределила. Часть мебели из дому забрали, и заправили коммуны обставили свои квартиры. Ковры, драпировку, посуду, серебро, мельхиор тоже распределили и несколько возов со всем из совхоза отправили в Латвию» (Т. Сапронов. *ГОРКИ*. — «Прожектор», 1925, №14, с. 12. Часть жителей деревни составляли эвакуированные латыши). См. также замечание Крупской о попытке Ленина организовать в Горках коммуну: «Но не вышло ничего из его стараний. Дело свелось к дележу рейнботовского [А. А. Рейнбот — бывший владелец имения] имущества» (*ВОСПОМИНАНИЯ*, т. 1, с. 560-561).

⁴⁸³ *ВОСПОМИНАНИЯ*, т. 1, с. 586.

⁴⁸⁴ Н. К. Крупская. *О ЛЕНИНЕ*. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с. 64.

Слегка поколебавшись, можно высказать приблизительно такое заключение относительно поведения Ленина при встречах его с «народом»:

«Господа! В поведении Ленина, в его манипуляциях с кепкой, постоянном обнажении и склонении головы перед лицом представителей беднейшего крестьянства и пролетариата мы видим типичный вариант бессознательного покаяния. Крестьянство и пролетариат для него воплощали понятие демиурга, и сакральное уничижение осуществлялось объектом наших наблюдений в несколько видоизмененной, но хорошо нам знакомой по описанию этнологов форме».

Впрочем, наверняка можно и возразить:

«Господа! Манипуляции с кепкой носят совершенно иной характер. Это единственный акт, который в сознании нашего объекта ассоциировался с той эпохой в его жизни, когда он властвовал над толпой и собирался властвовать над всем миром. И в болезни сакраментальные манипуляции с кепкой возвращали его к тем благословенным в его памяти временам».

Можно ли совместить обе точки зрения?

МАТЕРИАЛЫ
К
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

ИЗ БУМАГ МЕТАЛЛУРГА В.Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

Публикация П.Усова

В 1920-е годы Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (1864-1928) справедливо считался первым металлургом России. За спиной долгая инженерная деятельность на уральских заводах (1885-1907), кафедра в Петербургском политехническом (1907-18), где зародилась «грумовская» научная школа, работа «Металлургического бюро В.Е. Грум-Гржимайло» (1915-18), созданного ученым для нужд военной промышленности. После кратковременного пребывания в Сибири (Томск) В.Е. вновь обосновался на Урале, где стал (1920) профессором Уральского гос. ун-та (УГУ) в Екатеринбурге.

К двадцатым годам В.Е. приобрел мировую известность как автор гидравлической теории пламенных печей, ставшей главным делом его жизни («Долго ли я думал, прежде чем дошел до решения этого вопроса? — спрашивает он себя в 1921 и отвечает: — Десять лет, а окончательная формулировка мне далась только через двадцать лет, разработка продолжается и сейчас»). Грум-Гржимайло конструирует и строит множество пламенных печей — агрегатов, где плавятся черные и цветные металлы, варится стекло, обжигается огнеупорный кирпич, нагреваются перед обработкой стальные слитки. Ему приходится заниматься и всеми остальными делами уральской металлургии. Он энтузиаст геологического изучения Урала и Приобья и немалый авторитет в этой области (в свое время при окончании им Горного института Ф.Н. Чернышев и А.П. Карпинский убеждали Грума сконцентрироваться на геологии). В его статьях о развитии производительных сил Урала разбираются такие вопросы, как использование гидроресурсов, проблемы топливной промышленности, необходимость Северной сибирской магистрали, экспортные возможности региона, объединение технической отчетности в трестах и т.д.

В.Е. Грум-Гржимайло — высшая гордость университета и самый уважаемый из уральских «спецов». А.Ломов называет его «наш черно-

сотенный большевик» и объясняет: Грум, никогда ни перед кем не сгибавшийся и любящий резать правду, остался на Урале не потому, что мы, большевики, ему очень нравимся, нет, он просто любит седой Урал и свои печи («Уральский рабочий», 9 мая 1923).

В 1921 по просьбе Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) В.Е. написал *АВТОБИОГРАФИЮ*. В ней рассказал, как еще в студенческие годы сложилось его отвращение к политике: «Мой идеал того времени — практический деятель. Я прочитал у Добролюбова, что русским писателям не удаются Штольцы ("Обломов") и Тушины ("Обрыв"), ибо писать не с кого. Я решил быть Штольцем и Тушиным. Политикой я не занимался. Прочел как-то номера три "Земли и Воли" и сказал сестре, принесший их: "ну, стоит ли таскать под полой такое вранье?" Я хорошо знал историю, и история французской революции, написанная "для народа", меня глубоко возмутила. В своих красных товарищах я никогда не встречал ума и искренности. Я же был и тогда правдив и не любил политиканствующих». В предельно препарированном виде это место можно найти в *СОБРАНИИ ТРУДОВ* В.Е. Грум-Гржимайло (М.-Л., 1949, с.6).

Крайний аполитизм Грума пока не мешал его деловому сотрудничеству с большевиками. Читаем письма начала 1920-х годов:

«В продовольствии мне все очень сильно помогают. То с одной стороны, то с другой стороны присылают помощь, да и зарабатываю я много. Вот и живем. Уральцы берегут старика Грума, который никогда никому не отказывает в помощи, а научиться у него есть чему».

«Я работаю очень напряженно: одну работу кончаю, начинаю новую. Надолго ли меня хватит, не знаю. Сперва отказались ноги (ишиас), потом ослабело сердце; теперь, кажется, дело за руками: в левой руке мурашки бегают постоянно. Работает напряженно и очень плодотворно только голова, но и тут силы заметно падают. Надо думать о сбавке нагрузки».

«Живем мы последнее время все лучше и лучше. Мне хорошо платят. Здоровье мое довольно гнусно. Явная старческая изношенность организма. Укатали сивку крутые горки. Ничего не поделаешь. Революция не шутка».

«Я, вероятно, в Питер не возвращусь. При первой возможности открою свое металлургическое бюро в Екатеринбурге и буду доживать здесь свой век. /.../ Питер — умер для металлургов».

Стиль эпохи был стилем Грума — работать на износ:

«Особенность моего характера — скупость, скарденность ко времени. Мне всегда жаль времени. Что бы я ни делал, в уме вопрос: хорошо ли я употребляю свое время? Благодаря этому, у меня не хватает характера заниматься в лабораториях, не занимаюсь ремеслом, не играю ни в какую игру. Посетитель через полчаса болтовни делается мне в тягость. Я работаю очень интенсивно. Час непрерывной мозговой работы меня исчерпывает до конца. Я должен лечь и заснуть. Тогда я начинаю снова. Если я буду продолжать работу, несмотря на утомление, я начинаю так путать, что работа все равно никуда не будет го-

даться. Таким образом, мой день проходит в смене работы и отдыха, т.е. сна. Сплю я не меньше 10-ти часов в день. Диван или кровать в моем кабинете столь же необходимая мебель, как и письменный стол. Так как у меня нет никаких развлечений, кроме моей работы, то меня ничто от нее не отвлекает».

«Чему я обязан, что сумел додуматься до вещи, мимо которой проходили тысячи людей? Своим гениальным способностям? — Отнюдь нет, я очень скромного дарования человек. Мое раннее детство проходило в слезах о том, что я, должно быть, идиот. Потом я успокоился, но часто, очень часто завидовал своим более способным товарищам, а более даровитым и с большим характером и силой воли людям завидую и сейчас. /.../ Чтобы создать что-либо, не нужно быть непременно гигантом. Муравей по времени сильнее гиганта. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело, давшее мне почетный титул "благодетеля человечества". В этом гордость и счастье всей моей жизни».

«Печное искусство умерло. Вместо него народилась наука строить и управлять пламенными печами. Мы, слава Богу, миновали этот тяжелый период. Наши ученики не будут знать всей тяжести нашей работы, но пусть при решении задач, которые им выпадут на долю, они последуют примеру металлургов древности, пусть учатся у них терпению мысли, и человечество тогда скоро забудет слово "пролетарий", забудет ту классовую борьбу, из-за которой сейчас льется столько крови».

«Могу тебе сказать, что под конец жизни я имею утешение думать, что даром жил на белом свете и что если не оставляю детям денег, то оставляю им имя, которое сослужит им службу лучшую денег».

«Вот секрет счастливой жизни, и вот мой завет моим детям: работайте и работайте; придет время, когда вы неожиданно для себя проснетесь большим человеком, а затем спокойно встретите смерть, как заслуженную награду».

Приведенные выписки взяты, в основном, из автобиографических заметок. Они частично опубликованы; при этом следует иметь в виду, что наши цитаты восходят к полным и неотредактированным первоисточникам: отсюда расхождение с напечатанным.

Все это — пока «присказка», целью которой было хотя бы в самых общих чертах обрисовать тот тип технического интеллигента, который воплотился во Владимире Ефимовиче Грум-Гржимайло (более подробный и выразительный самоанализ желающие отыщут в его *АВТОБИОГРАФИИ*).

Основная часть нашей публикации, помимо того что она удовлетворяет интерес к незаурядной личности В.Е. Грум-Гржимайло, помогает также проникнуть в природу прозрений и заблуждений, свойственных этому типу людей, и понять социальную роль «грумовского» слоя технической интеллигенции.

**

Дорогой Василий Васильевич!

Взглянув на адрес, Вы, конечно, удивитесь, что я пишу Вам — и не просто пишу, а пишу по делам геологическим, да еще с целью уговорить Вас вернуться в Россию на Урал, на свою заброшенную работу.

Те немногие свидания, которые мы имели, поселили между нами такую глубокую симпатию, такое понимание друг друга, что, я полагаю, Вы не удивитесь тону моего письма.

Вы оторвались от России, а потому, прежде чем излагать суть дела, позвольте Вас познакомить с тем, что такое русский народ и Россия сейчас.

Наша революция, как всякая революция, в своей сущности была пугачевщиной: «грабь награбленное», «мы больше не рабы, чтобы работать». Вот два исходных положения революции, которым свято верил «народ», но не вожди революции, конечно. В результате — голод и железная необходимость работать. Крестьянин одумался скорее всего. Он привык жить трудом и хорошо знает, что его никто не покормит, а все тянут с него хлеб и он всех должен кормить. Поэтому после катастрофического уменьшения размеров запашки она быстро восстанавливается и скоро восстановится.

Хуже дело идет с заводским народом, пролетариатом, как говорят сейчас. Они много говорят о труде. Изречениями, что «труд победит все» и т.п., записаны все заборы. Фактически заводской люд все еще старается слодырничать, изловчиться и получить средства к жизни не за работу, а за лодырничество. Однако закон необходимости давит и давит. Медленно, но неуклонно всем изворотам приходит конец — и бывшие пугачевцы приходят к выводу, что однако работать надо. Все разграблено, все прожито, ни у кого ничего нет — и надо работать, чтобы не умереть с голоду.

Главы революции, конечно, знали, куда они шли, и теперь медленно, но неуклонно жмут и жмут публику, заставляя лодырей работать. Трудна их задача, так трудна, что надо удивляться их терпению и выдержке. Бывают, конечно, срывы, уступки, отвлекающие лодырей спектакли, устраиваемые для их утешения, от которых нам, интеллигентам, приходится очень трудно и очень горько. Но тем не менее колесо истории идет медленно и неуклонно по пути обращения Савла в Павла, лодыря, сделавшего революцию, чтобы не работать и пограбить, в труженика

и культурного человека. Процесс длительный, мучительный, но необходимый. От благополучного его разрешения зависит, останется ли Россия самодержавным государством или сделается, к восторгу наших «друзей», колонией и цветной расой, навозом для процветания культурных народов.

1918 год, когда мы так много беседовали с Вами, был годом сомнения для меня. Теперь я смело смотрю будущему в глаза. Русский народ — великий народ, мы сумеем завоевать свое место под солнцем. Все потери революции не только будут возмещены, но после революции мы начнем быстро богатеть и, надеюсь, перегоним Европу, кормящую безработных и повторяющую наши зады, ухаживающую за своими лодырями и их развращающую.

Я потерял во время революции буквально все, что имел. В войсках Колчака я потерял сына и племянника. Другой сын подорвал свое здоровье. Тем не менее, я ни одну минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо. Надо было выпить чашу до дна. Надо пить ее дольше, пить, пока есть хоть капля в жилах крови и энергии, и в конце концов побороть эту болезнь нации, ибо больна была вся нация, от поденщика до министра, от нищего до миллионера — и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой народ. Она была распространительницей этой заразы лени и лодыричества. Железный закон необходимости заставляет нас учиться работать, и мы выучимся работать. А выучимся работать, — тогда мы будем и богаты, и культурны. Тогда мы благословим революцию и забудем все то горе, которое она принесла нам с собой.

Помните мучительные ночи, когда, случалось, мы ждали рассвета? Светлая полоска на востоке говорила нам, что мучения наши на исходе. Так и сейчас в России. Светлая полоска говорит нам, что день не за горами, что скоро взойдет солнце над русской землей и мы будем счастливы. В русской душе умрут два наших национальных героя: Пугачев и Обломов, стоящие друг друга. Смерть Пугачева мы видим каждый день. По-видимому, хуже обстоит дело с Обломовым, о котором и пойдет речь.

На нас, интеллигентах, или спецах (на нынешнем жаргоне), лежит трудная обязанность убеждения «товарищей», что для богатства существует только один путь — труд. «Товарищу» это, конечно, не нравится, и он, как дурно воспитанный ребенок, устраивает своему учителю всякие пакости. Пакости эти всякого рода, изобретательность их поразительна. Спектакли,

которые они устраивают, изумляют своей оригинальностью. Цель их одна: издевательство над учителями — интеллигентами. Все это создает такую атмосферу в провинции, что Обломов побежал в Питер и Москву под защиту главарей революции, где, конечно, эти издевательства не имеют места. Провинция опустела, особенно провинциальные высшие учебные заведения. Вот пример: на съезде В.У.З.² я слышал собственными ушами, что в Московском Университете семь профессоров ботаники. Что все места лаборантов заняты ординарными профессорами. Зато в провинции нет даже плохоньких преподавателей.

То же и на заводах. Здесь на производстве совсем нет инженеров³. Работают техники и просто уставщики*, коим деваться некуда. Где же вся интеллигенция? В Москве и Питере. Что она там делает? Занимаются чистописанием, по образному определению Г.И. Ломова⁴. Зачем их там держат? Вот на это я уж хорошо ответить не умею. Кормят, верно, для того, чтобы Россия совсем не осталась без научных сил, и, вероятно, понимают, что жизнь в провинции действительно не сахар и не всякому по плечу.

Я упрямо сижу на Урале. Сажу потому, что жить мне осталось недолго. Смерти я не боюсь и хочу последние годы быть полезным своей родине и тем самым пугачевцам, которых люблю, несмотря на все пакости, которые они делают. В этих испорченных детях есть задатки великого народа. Я закрываю глаза на их шалости и твердо надеюсь довести их до полного вразумления. Хватит ли у меня здоровья дожить до такого счастья? Не знаю. Но пока я не потерял надежды...

Засим идет вопрос о Вас.

Дорогой Василий Васильевич! Не думаете ли Вы, что ведь и Вы могли бы принять участие в этой работе? Благодаря одной из шалостей «товарищей» наш Горный и Разведочный факультет потерял А.А. Гапеева⁵, а затем Клера⁶. Это произвело такую панику среди геологов, что у нас вакантны все кафедры геологии и три места геологов в Уральском бюро Геологического Комитета. Читает все милейший П.И. Преображенский, но и тот перевелся в Питер, ибо его положение очень трудное и его мои упреки не касаются⁷. Мы на Урале сделали большую работу: прочитали Архив Уральского Горного Управления за 200 лет в части отводов и заявок и составили 12 000 карточек. Нанесли их на карту и начали охоту за железными шлаками, месторождениями магнитного железняка и т.д., для чего до зареза пона-

* Уставщик — нагальник цеха.

добилась геологическая карта. В три года для нее будет дана пятиверстная основа для 27 планшетов. Работы Ваши, Геологического Комитета, все это сводится теперь и в конце концов даст полную картину полезных ископаемых Урала и десятки мест, интереснейших для разведок. Уже сейчас у нас спирает дыхание, что это будет, если у нас будут люди!

Привлечь панически настроенных геологов Геологического Комитета у нас мало надежды. На Урале тяжелый труд. Тяжелая моральная борьба с риском часто сломать себе шею и оказаться в местах не столь отдаленных. В Питере бесконечные заседания, розовые мечты, воздушные замки, анкеты, доклады, программы, пятилетки, консультации и толпа, в которую можно замешаться так, что тебя все и всё забудет. Надо быть сумасшедшим Грумом, чтобы при таких условиях сидеть в зачумленном Екатеринбургe и звать еще туда из Англии К.Д. Калясникова (б. управляющий в Карабаше⁸) и В.В. Никитина из Польши. И представьте — сумасшедший Грум это делает. От Калясникова уже получено согласие приехать, а от Вас, дорогой Василий Васильевич, я такое согласие надеюсь получить. На чем я основываю свои мечты? На том, что Вы любите свою родину, дорогой Василий Васильевич! Да, Вы будете жечь здесь свою жизнь с двух концов на Урале. Но жечь полезно. Нам, одиноким борцам за культуру русского народа, — трудно. Приезжайте помогать. Ведь и Вы русский, почему же Вы не работаете над оздоровлением русского народа? Вы хорошо знаете, что русский ум не навоз для немца, что русская наука не миф, как не миф русское искусство. Неужели Вы будете фарисеем и пройдете мимо умирающего? Я этого не думаю. Ведь Самарянину тоже было нелегко возиться с раненым, однако он это сделал. Сделаете и Вы.

У меня довольно связей среди большевиков, чтобы пересмотреть все Ваши дела с ними в Питере и дать Вам полную гарантию полной безопасности приехать Вам на Урал. Денег Вы получите 150 р. золотом от Геол. Комитета и сколько захотите от Уральского Гос. Университета за лекции, если захотите быть профессором. До тех пор, пока из Москвы и здесь мы не получим официального извещения, что Вы совершенно чисты и можете приехать на Урал, мы Вам окончательного приглашения от Университета и бюро Геологического Комитета не пошлем, но для того, чтобы начать хлопоты во всех этих учреждениях, надо Ваше принципиальное согласие, которого я жду с нетерпением. Я уверен, что Вы приедете и что мы будем работать вместе. Урал в ближайшем будущем будет медным и химическим, и этим он будет в большей степени обязан Вам.

Да, забыл. Высшее Геодезическое Управление ведет съемку Северного Урала в масштабе 2 версты в дюйме. Будет, где погулять геологам.

*В.В. Алферов⁹ — В.Е. Грум-Гржимайло
14 февраля 1924*

Владимир Ефимович!

Письмо Ваше к проф. Никитину прочел и посылать его отказываюсь. — Я полагаю, что лучше остаться некоторое время без помощи научных работников, чем посылать такие злые и неискренние письма, каким является Ваше письмо.

*В.Е. Грум-Гржимайло — В.В. Алферову
[Без даты]*

Владимир Васильевич!

Мое письмо Вас. Вас. Никитину было послано Вам для прочтения. Ваше право — посылать его или не посылать. Но против мотивов, по которым Вы его не посылаете, я протестую всеми силами моей души.

Я считаю современный строй исторически необходимым для России. Империя Романовых воспитала в русском народе болезнь, которая кончилась взрывом — революцией. Современное правительство медленно, но неуклонно ведет русский народ к выздоровлению.

Лечение всегда мучительно, лекарство всегда горько, но надо покориться необходимости, надо его принимать и делать то, что приказывает доктор. Я жестоко упрекаю русскую интеллигенцию, что она спасается в Питер и Москву, убегая от жизни, и не помогает правительству в этой трудной работе. А мы можем и должны ему помогать, сколько есть наших сил и умения. Вот почему я никуда не еду из Екатеринбурга, где моя работа нужна и полезна родине. И Вы это называете «злостью», «неискренностью». Простите, Владимир Васильевич, Вы плохо прочитали письмо или я плохо его написал.

Но вопрос совсем не в оценке исторического момента. Надо уговорить выписать Вас. Вас. Никитина приехать. Для Урала это будет начало новой эры в изучении богатств Урала. Я готов написать десяток писем, чтобы только этого добиться¹⁰. В редакции письма можно сговориться — назначьте время. Я занят втор., сред., пятн., суб., — 9-11 утра.

26 марта 1924

Уважаемый Владимир Ефимович, я узнал через Дидковско-го¹¹ о том, что будто бы Вы собираетесь летом уехать с Урала. Вы, конечно, понимаете, что, несмотря на все принципиальные тяжбы между Вами и уральцами, очевидно для всех, что Ваш уход с Урала будет тяжелой потерей. Сегодня я говорил с Сулимовым¹², он ничего не знал о Вашем уходе. Поэтому, от имени правления УГУ, я очень прошу Вас своевременно известить меня о Ваших предположениях.

Сегодня же я узнал от Сулимова, что Вы уже не работаете в Промбюро, — зная, что это наверное сильно подорвало Ваше материальное положение, я бы хотел Вас заверить, что если дело Вашего ухода зависит только от невозможности Вам содержать свою семью, то правление университета сделает все возможное, чтобы полностью обеспечить Вас с материальной стороны. Если Вам не трудно будет зайти ко мне, то я буду Вас ждать в четверг или пятницу от 9 1/2 до 10 1/2 часов утра в Ураласбесте — или по крайней мере черкните записочку.

Уважающий Вас Алферов.

В.Е. Грум-Гржимайло — В.В. Алферову
27 марта 1924

Уважаемый Владимир Васильевич.

Вы хорошо знаете, что у меня никогда в мыслях не было уехать с Урала. Я сознавал себя необходимым здесь и отвергал все предложения переехать в центр. Но «меня ушли». Меня заставили решиться на переезд в Москву, ибо поставили в положение, при котором оставаться на Урале — есть явное безрассудство. Было время, когда власти с П.А. Богдановым¹³ во главе мне оказывали полное доверие. В настоящее время только Д.Е. Сулимов говорит, что продолжает мне доверять. Вы заявили мне прямо, что мне не доверяете. Мальчишки-студенты, подстрекаемые лицами, властью имеющими, в своих резолюциях посылают «пролетарский плевок в физиономию этого старого комедианта», которому «нет места на Урале». (Резолюция студентов Техникума Путей Сообщения).

В мирное время на все на это можно было бы не обращать внимания, но ведь по учению большевиков революция не кончилась, а потому всякие «случаи» не исключаются.

Скажите, на кого я могу рассчитывать опереться в Екатеринбурге? Кто из лиц, меня знавших и выражавших мне свое уважение, сказал в мою защиту хоть одно слово? Все голосовали резолюции явно несправедливые и бессмысленные, и Вы в том числе. Вы — ректор...¹⁴

В Екатеринбурге нет смелых, честных людей, которые сказали бы прямо и открыто, что вся агитация, поднятая против меня, ни на чем не основана, что я обязан был говорить на суде над Клером то, что я говорил.

А сказал я следующее: Клер не шпион и шпионом никогда не был. Понятия «промышленный шпионаж» в международном кодексе нет. Промышленная тайна — это глупый предрассудок глупых людей¹⁵.

Особенное возмущение вызвала последняя мысль. Будучи в Москве, я встретил одного из самых крупных промышленников России, нажившего миллионы и сейчас пользующегося большим уважением в Москве¹⁶. Я спросил его мнение о промышленной тайне. Он читал все статьи «Уральского Рабочего» и сказал мне: «Вы, конечно, правы, промышленная тайна есть вздор и в своих делах я никогда никаких тайн не имел. Мои дела были всегда у всех на виду». Вот что говорят промышленники. А прокуроры, студенты, газетчики... Прости их, Господи, не ведают, что говорят и что делают.

Но довольно об этом. Агитация «Уральского Рабочего», проведенная с соизволения властей, сделала из меня главу контрреволюции на Урале. Результаты для меня очевидны: люди, любящие показывать кукиш в кармане, по уголкам поют мне дифирамбы, трясут руки, а от одного пьяного сослуживца я не знал, куда убежать на вокзале.

Положение явно опасное и для меня в высшей степени противное. Я никогда в жизни не был агитатором и презираю всякую политическую роль от всей души. Власти Екатеринбурга сделали из меня агитатора против моей воли, желания, против всякой правды.

Среди своих друзей и знакомых я всегда проводил мысль об исторической необходимости современного правительственного режима. Я всегда боялся, боюсь и сейчас, что иностранное вмешательство помешает русскому народу исцелиться от той болезни, которую заболел русский народ под глупым управлением последних Романовых.

Как ни горько нам приходится, русский народ медленно и неуклонно идет к выздоровлению, и я вполне уверен в том, что переживаемые нами бедствия сделают нас великим и смелым, культурным народом-тружеником...

В Ваши социалистические идеалы я, конечно, не верю; но убежден, что они и в Вас самих сидят очень некрепко и закон необходимости заставляет Вас, большевиков, делать то, что требует жизнь, а не то, о чем мечтали поэты и философы.

Итак, местные екатеринбургские власти сделали из меня — лояльнейшего работника и помощника правительства в его деятельности по оздоровлению русского народа, по превращению народа-раба в культурного труженика, — сделали главу контр-правительственной агитации, [представили] неблагонадежным человеком.

Что же мне остается делать? Бежать, конечно, из этого милого Екатеринбурга, от этих властей, не умеющих отличать помощников от своих врагов.

Но это не все. Вся эта история кончилась для меня очень печально. У меня повторилась водянка около сердечной оболочки. Жить под угрозой, что мальчишки-студенты пожелают позавбавиться на мой счет, когда им вздумается, — я не могу.

Если мое здоровье и не нужно этим развращенным юношам, то оно нужно русской науке и России.

В Москве мне обещают восстановить мое металлургическое бюро. Буду дальше разрабатывать новые типы печей, буду консультировать заводы военной промышленности, организовывать исследовательские работы.

Замешаюсь в толпу, довольно надо мной потешались, надо поберечь себя.

Вот мотивы моего ухода. Я не ушел, меня ушли, ушли — противно всякой логике, ибо сделали из меня врага правительства в тот критический момент жизни России, когда не сегодня-завтра в Россию ворвутся наши «друзья» и начнется дележ всего, что плохо лежит.

Да, было время, когда я спокойно ждал возвращения капитала в Россию. Я пользовался доверием властей, знал, что к моим словам отнесутся благожелательно и мне удастся помочь русскому правительству и местным властям защищать интересы русского народа.

Обстоятельства круто изменились. Мне не верят, и мне на Урале делать нечего. Управляйтесь, как знаете. Я буду проектировать печи будущего для пользы человечества. От личного свидания я уклоняюсь. Мне надо спокойно лежать, чтобы иметь

возможность с будущей недели возобновить лекции. Вода всасывается плохо, когда приходится писать такие письма, а говорить еще хуже.

Денежно я хорошо обеспечен Москвой. Мне дали сейчас работу в 1200 р., а потому в помощи Правления не нуждаюсь. Спасибо.

*Из протокола № 200 заседания Правления
Уральского Гос. Университета
13 июня 1924*

§ III. Слушали:

Об обеспечении кафедры металлургии стали (доклад профессора Горина Н.П.¹⁷)

§ III. Постановили:

Ввиду упорных слухов об уходе профессора Грум-Гржимайло В.Е. и существующего вследствие этого у Правления опасения за судьбу кафедры металлургии стали, обратиться к профессору Грум-Гржимайло за разъяснением.

Отметить, что работа проф. Грум-Гржимайло является весьма ценной для Университета и что уход его из Университета крайне нежелателен.

*В.Е. Грум-Гржимайло — Правлению УГУ
27 июня 1924*

Вследствие постановления Правления от 13 июня 1924 г. за № 200 об обеспечении кафедры металлургии стали имею честь сообщить следующее.

Я действительно прилагаю все усилия переменить род деятельности и уехать в Москву и, вероятно, давно получил бы назначение, если бы не противодействие местных партийных кругов, замедляющее такое назначение.

Мотивы, заставляющие меня покинуть Урал, совершенно ясны. В июне исполнилось 39 лет моей службы в качестве заводского инженера и профессора. Мне шестьдесят лет. Последние годы голодовок и сильных нравственных потрясений настолько подорвали деятельность моего сердца, что оно не выдерживает двухчасовой лекции. Я могу очень много работать и действительно много работаю только при соблюдении нижеследующих условий:

1. Полного душевного покоя

2. в обстановке моей семьи, где я могу прилечь отдохнуть при первых припадках утомления сердца. Чередуя работу и отдых, достигаю весьма большой трудоспособности.

3. Лекции, сильно утомляя меня, понижают мою трудоспособность. Совершенно очевидно, что моя роль профессора и лектора кончается. Мне нужно ограничить свою деятельность чисто научной работой, для меня посильной.

Поэтому я весьма был порадован предложением НТО - ВСНХ восстановить мое металлургическое бюро под главенством НТО на основах хозяйственного расчета.

Польза для русской промышленности будет несомненна и громадна. Еще большая польза будет для техники употребления топлива во всем мире. Все мои работы будут печататься в известиях НТО и будут продолжать революционизировать эту область мировой техники.

Лично же я уйду в тишину кабинета от всех тревожений современной жизни высших учебных заведений, которым я сочувствовать не могу. Совмещение храма науки и политического орудия с моей стороны было и будет одиозно. Наука была и будет чистым источником божественного знания, чуждого всякой политики и борьбы. С такими убеждениями я умру, а потому лучше мне уйти из школы, руководители которой держатся других взглядов. Так как мои работы нужны не только Уралу, не только России, но к ним прислушивается весь технический мир и так как мои слабые силы не выдерживают сложившейся вокруг меня жизненной обстановки, то я просил бы Правление Уральского Университета не ставить препятствий моему уходу в Москву, где мне гарантирована тихая кабинетная работа. Я думаю, что тридцатидевятилетним трудом я заслуживаю к себе такое внимание.

*Из протокола № 202 заседания Правления Уральского Гос. Университета
27 июня 1924*

Слушали:

5. Мотивированное заявление профессора В.Е. Грум-Гржимайло о невозможности вести курс по металлургии стали в Университете (сообщение профессора Горина Н.П.). (Заявление прилагается).

Постановили:

5. Считаясь с мотивам, изложенными профессором В.Е.

Грум-Гржимайло в его заявлении, просьбу о его освобождении от ведения курса стали и уходе из Университета удовлетворить¹⁸.

Правление, выражая свое согласие, отмечает, что уход Владимира Ефимовича из состава основных научных работников Университета является большой потерей для Metallургического Отделения и в целом для Университета, и только выраженное Владимиром Ефимовичем желание отдаться кабинетной научной работе заставляет Правление согласиться с изложенными мотивами.

Просить Президиум Химико-Metallургического факультета и Metallургическую Предметную Комиссию принять меры к замещению кафедры металлургии стали к началу нового учебного года¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никитин Василий Васильевич (1867-1942) — минералог. Проф. Горного ин-та в Петрограде, где преподавал в 1901-22. Ученик и последователь Е.С. Федорова, участвовал в разработке федоровского метода кристаллооптических исследований. Вел многолетние исследования на Урале. Эмигрировал сначала в Польшу. С 1925 — проф. Технического ф-та в Любляне (Югославия), где и умер.

² Речь идет, видимо, о I Всерос. съезде научных работников, в котором участвовало 128 представителей вузов и науч. учреждений. Съезд проходил в Москве 23-27 ноября 1923.

³ Отлив технических кадров проф. В.А. Гассельблат охарактеризовал двумя цифрами: до революции в одном лишь Лысьвенском горном округе, где Гассельблат был управляющим, у него работало 66 инженеров, а теперь на всем Урале — 91 (Докл. на Екатеринбургской гор. раб. конференции, янв. 1924).

⁴ Ломов (Ломов-Оппоков) Георгий Ипполитович (лит. псевд. А.Ломов, 1888-1938) — большевистский парт. деятель. По образованию юрист, нарком юстиции в окт.-дек. 1917. После 1917 занимался в осн. хоз. руководством. В 1918-21 ведал топливоснабжением Республики, затем в течение двух лет был пред. Уралэкозо и Уралплатины; переведен в Москву в сент. 1923. В деле Клера (см. далее) активно поддержал обвинение во время следствия и на суде. Позже работал, в частности, в руководстве союзного ВСНХ, Госплана и Комиссии сов. контроля. Репрессирован.

⁵ Гапеев Александр Александрович (1881-1958) — геолог-угольщик. До окт. 1917 — большевик. Исследовал Донбасс, а с 1914 — восточные угольные р-ны: Кузбасс, Караганду, Экибастуз, Сахалин. В 1920 дал исчисление запасов кузнецкого угля; сделался крупнейшим знатоком Кузбасса, которому отдал полжизни. Живя в Екатеринбурге (1920-23), был профессором и директором Горного ин-та, входившего в состав ун-та (потом Горный ф-т УГУ), председателем Уральского Геолкома; изучал Богословское угольное месторождение. Арестован в 1923 и выслан за пределы Урала с правом преподавания в высшей школе. Стал профессором в Москве.

Гапеев обвинялся в том, что на Всероссийском съезде геологов в Петрограде при его участии были приняты резолюции за равенство всех граждан республики перед законом, в защиту автономии высшей школы и против крайностей в политике пролетаризации вузов. ГПУ вменило ему в вину также то, что «под его руководством студенты Горфака в 1921 г. сорвали празднование 1 мая и вынесли постановление против изъятия церковных ценностей в помощь голодающим». Одновременно с Гапеевым и на аналогичных основаниях из Екатеринбурга выслан проф. Левин, декан Медфака УГУ. Полномочный представитель ГПУ на Урале Г.С. Мороз (будущий глава Ухтпечлага) в связи с высылкой Гапеева и Левина заявил: «Я надеюсь, что они достаточно учтут первое предостережение, каким явилась их высылка, и не заставят прибегать к дальнейшим репрессиям по отношению к ним. /.../ Мы не просили центр о высылке их за границу, как это имело место в Москве и Петрограде, а ограничились высылкой из города, где они были особенно вредны»; «Я должен заметить, что мы вообще долгое время были слишком снисходительны к обоим вышеназванным профессорам» («Уральский рабочий», 17 окт. 1923).

⁶ Клер Модест Онисимович (1879-1966) — геолог, палеонтолог. Из семьи швейцарцев, живших в России на протяжении нескольких поколений; его отец О.Е. Клер (1845-1920) преподавал в Екатеринбургской гимназии, изучал природу Урала, основал УОЛЕ (Уральское об-во любителей естествознания). М.О. Клер учился в Женевском ун-те, где получил докторское звание, защитив диссертацию по палеонтологии. Возвратился в Россию в 1907, к 1924 оставался швейцарским подданным. Преподавал в Уральском горном ин-те со дня открытия его (22 окт. 1917). При отступлении белых (1919) уехал вместе с Ин-том во Владивосток. Вернувшись, стал одним из ведущих профессоров УГУ. Среди студентов пользовался исключительной популярностью. Президент УОЛЕ, зав. геологоразведочной частью треста «Уралплатина». Арестован 16 мая 1923, а через девять месяцев, 13 февр. 1924, приговорен к расстрелу, замененному 10-летним заключением. В конце 1920-х — проф. Уральского политехнич. ин-та. За 1902-41 опубликовал свыше 60 печатных трудов. Последние годы жизни занимался детским туризмом и краеведением.

Основные обстоятельства дела Клера таковы.

В июле 1922 в Москву для переговоров с сов. пр-вом прибыл директор франц. компании «Индюстриэль дю платин» — преемницы «Анонимной платиновой компании», которой принадлежали до революции платиновые прииски на Урале. Речь шла о получении концессии (создании франко-русского смешанного общества по реализации платины). Предложение это было отвергнуто Москвой, желавшей сохранить тогдашнее монопольное положение страны в мировом производстве платины. С приехавшим в Москву консультантом компании геологом Луи Дюпарком, профессором Женевского ун-та и своим учителем, Клер состоял в переписке.

В августе 1922 в Екатеринбург приехала миссия франц. Красного Креста, возглавлявшаяся, бывшим служащим «Анонимной платиновой компании», с которым познакомился и неоднократно встречался Клер (ожидавая от советских властей отчетов об израсходовании продуктов, миссия застряла до весны 1923).

После отъезда миссии ГПУ арестовало Клера (он к этому времени овдовел, а детям его было 12 и 8 лет), поместило его в Исправдом №1 и обвинило в том, что он раскрывал иностранным капиталистам (притом самым враждебным — французским) секреты советской платиновой промышленности, включая информацию о плачевном состоянии приисков, голоде рабочих в Ису, а также давал характеристики руководителей. Московская экспертиза, в состав которой входил, в частности, будущий академик геолог И.М. Губкин, признала действия Клера недопустимыми. Многочисленные ходатайства об освобождении Клера отвергнуты. В октябре организовано большое собрание студентов с осуждением Клера и одобрением его ареста.

Процесс проходил в Екатеринбурге 9-13 февраля 1924. Входили в клуб по билетам, которые выдавала комендатура Губсуда. Судьей был Жиряков, общественным обвинителем — Б.Васильев: то же распределение ролей, что и на нескольких других показательных процессах (напр., в январе 1923 над Григорием, архиепископом Екатеринбургским и Ирбитским). Клер на суде не признал себя виновным ни в экономическом шпионаже, ни в высказывании контрреволюционных убеждений. Он заявил, что на следствии «под давлением обстановки» дал не соответствующие действительности показания, передававшиеся же им сведения не считались в момент передачи секретными и были даже опубликованы в советской печати. В защиту Клера в судебном заседании выступили профессора П.К. Соболевский и В.Е. Грум-Гржимайло.

Приговор, объявленный поздно в ночь на 14 февр. 1924, звучал так: «/.../ Клера расстрелять, но, принимая во внимание укрепившееся международное положение СССР и рост экономической мощи его, заменить расстрел заключением на 10 лет со строгой изоляцией и поражением прав на 5 лет».

Подготовка и ход процесса освещались «Уральским рабочим» (17 и 24 окт. 1923; 8, 9, 14, 15 и 16 февр. 1924). В ПОСЛЕСЛОВИИ К ПРОЦЕССУ КЛЕРА (24 февр. 1924) газета вынуждена была признать, что

в советском суде «до сих пор нет хорошо подогнанного следственно-го механизма».

Одной из причин дела Клера, видимо, следует считать желание скрыть тяжелое положение в уральской платиновой промышленности, сведения о котором до всей этой истории просачивались и в официальную печать: известно, что план 1923 был не выполнен, добыча платины снизилась до 70 пудов (в 1913 — почти 300), зарплата обычно задерживалась, спецодежда не выдавалась, медицинская помощь отсутствовала, происходили несчастные случаи и т.п. (напр., «Уральский рабочий», 29 сент. и 10 окт. 1923).

Дело Клера открыло собой целую полосу аналогичных процессов по всей стране. Так, весной 1924 украинское ГПУ обнаружило «экономический шпионаж» на Днепровском металлургическом заводе и в ряде шахт Донбасса.

⁷ Преображенский Павел Иванович (1874-1944) — геолог. Проводил исследования в разл. р-нах Сибири и Дальнего Востока (во время Гражд. войны — в Тургайской обл.). Тов. министра нар. просвещения во Врем. пр-ве (при министре С.Ф. Ольденбурге) и в Омском пр-ве Колчака. Арестован в Омске в апреле 1919. Освобожден в декабре 1919, однако 22 мая 1920 Горький вынужден телеграфировать Ленину: «Ходатайствую о смягчении участи Преображенского, крупного геолога, нужного стране» (*В.И. ЛЕНИН И А.М. ГОРЬКИЙ*. Изд. 3-е. М., 1969, с.181). В 1921-24 — проф. Уральского и Пермского ун-тов, затем работал в Геолкоме (Ленинград) и химических НИИ. С 1921 руководил работами по изучению свинцовых и вольфрамовых руд. Под его руководством открыто (1925) и разведано Верхнекамское месторождение калийных и магниевых солей, за что посмертно (далеко не сразу) П. был награжден знаком и дипломом первооткрывателя. Заслугой П. является также открытие нефтяного месторождения в р-не Верхне-Чусовских городков (1929).

⁸ Судьба К.Д. Калясникова нам не известна.

⁹ Владимир Васильевич Алферов в янв. 1924 был утвержден новым ректором УГУ. Поскольку В.Е. Грум-Гржимайло написал свое письмо В.В. Никитину от имени УГУ и Уральского Геолкома, он, видимо, сам передал письмо Алферову для просмотра и отправки. Обращает на себя внимание, что отказ Алферова последовал на другой день после вынесения приговора М.О. Клери и в день появления в газете первой статьи против В.Е. Грум-Гржимайло.

¹⁰ Нам неизвестно, было ли в конце концов послано В.В. Никитину то или другое приглашение вернуться в Россию.

¹¹ Дидковский Борис Владимирович (1883-1938) — большевистский парт. деятель. После окончания Женевского ун-та (1913) работал гео-

логом на Урале. С марта 1917 большевик. В 1918 руководил переводом Николая II и его семьи из Тобольска в Екатеринбург. На различных руководящих парт. и хоз. постах на Урале. Ректор УГУ в 1921-23; под его руководством сломлено движение за автономию ун-та. В.Е. Грум-Гржимайло имел некоторое отношение к смещению Д.: в июне 1923, во время приезда А.В. Луначарского в Екатеринбург, Грум выразил ему от лица университетских профессоров недовольство ректором (недоверие к профессорам, политика придирок). Во время процесса Клера Д. — член экспертной комиссии. Репрессирован; названная его именем гора Дидковского на Приполярном Урале с 1938 по 1968 носила название Мансинёр.

¹² Сулимов Даниил Егорович (1890-1937) — большевистский парт. деятель. С 1918 чл. коллегии Горно-металлургич. отдела ВСНХ и чл. президиума Обл. правления з-дов Урала (Екатеринбург). В 1920-22 пред. правления з-дов Южн. Урала. В 1923-25 пред. Уралэкозо и Уралобл. исполкома. С 1927 в Москве, в 1930-37 пред. СНК РСФСР. Репрессирован.

¹³ Богданов Петр Алексеевич (1882-1939) — большевистский парт. деятель. Инженер по образованию, окончил Имп. Моск. Технич. училище (1909). В 1919-21 пред. Совета военной пром. при Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, с 1920 пред. коллегии Отдела металла ВСНХ, в 1921-25 — пред. ВСНХ и член СНК РСФСР. Репрессирован.

¹⁴ 18-21 февраля 1924 в УГУ, начиная с рабфака и кончая общестуденческой сходкой, были приняты резолюции, направленные не только против В.Е. Грум-Гржимайло за его «антисоветскую» речь на суде, но и против его сына Сергея, студента химико-металлургического ф-та. Сын ученого 27 января, в день похорон В.И. Ленина, попытался вместе со своим товарищем продолжить обычные занятия в рабочей комнате факультета. Тогда их просто выгнали из комнаты. Теперь было постановлено «этих отщепенцев, этих дезорганизаторов наших рядов, этих врагов трудящихся исключить из университета». С.В. Грум-Гржимайло в 1923 выступил в печати как редактор книги своего отца *ПРОИЗВОДСТВО СТАЛИ*.

¹⁵ Кроме этого, Грум-Гржимайло в своем выступлении говорил о бездоказательности обвинения и, в частности, открыто усомнился в том, что в распоряжении суда имеются собственноручные письма Клера, на которых многое строилось. Выступление Г.-Г., видимо, было исключительно ярким и убедительным, т.к. оно вызвало аплодисменты в зале, за что председательствующий арестовал на полчаса всю публику (за исключением присутствовавших на суде членов ВЦИК и членов президиума Обл. исполкома). По требованию прокурора, ввиду заявления Г.-Г., что он и сам передавал за границу все, что находил нужным, ученый был подвергнут передопросу, в ходе которого его спрашивали об отно-

шении к сов. власти и Г.И. Ломову. Содержание и форма выступления Г.-Г. вызвали реакцию со стороны «пролетарской публики» (кошачий концерт при выходе из зала суда) и печати («Уральский рабочий» возвращался к этому выступлению из номера в номер: «паясничество», «фиглярство», «шут горохов», «пытается сменить роль свидетеля на роль контролера над пролетарским судом» и т.п.).

¹⁶ По нашему предположению, речь идет о Николае Васильевиче Мешкове (1851-1933) — уральском промышленнике-миллионере, умершем на советской службе.

¹⁷ Горин Николай Порфирьевич (1892 - ?) — геометр; проф. и член правления УГУ.

¹⁸ После ухода из УГУ В.Е. Грум-Гржимайло переехал в Москву. В 1924 избран профессором Моск. горной академии, но от кафедры отказался. Основал (1924) хозрасчетное Бюро металлургич. и теплотехнич. конструкций при ВСНХ (с 1930 — ин-т «Стальпроект»), где адм., фин. и хоз. обязанности были в руках С.В. Грум-Гржимайло (на его плечах лежали также корректура и печатание науч. трудов отца). Ядром нового проектного ин-та поначалу стала семья В.Е.: все четыре сына и обе дочери; потом число инженеров и техников перевалило за 50. В руках В.Е. оставались основные расчеты и общие эскизы. До лета 1928 в Бюро спроектировано более 400 печей и др. агрегатов. В 1927 В.Е. стал членом-корреспондентом АН СССР. Вскоре после смерти, при подготовке процесса «Промпартии», В.Е. Грум-Гржимайло задним числом попал в число главных «вредителей» и несколько лет числился среди них (см., напр., ст. *ВРЕДИТЕЛЬСТВО* в I т. «Уральской сов. энциклопедии», 1933). Впрочем, книги В.Е. по металлургии продолжали переиздаваться.

¹⁹ А Уральский университет в окончившемся тем временем учебном году сделал первый выпуск инженеров-уральцев: 4 горняка и 2 металлурга.

Н.А. Заболоцкий
ИСТОРИЯ МОЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вступительная статья и примечания Е.Эткинда

Публикатор призван к объективности: он должен соблюдать правила игры, предписываемые ролью: уйти за сцену, скрыться с глаз читателей. Начну с нарушения правила — и прошу снисхождения, ибо в нарушении есть смысл.

Был я молод и простодушен; окончив Ленинградский университет в начале войны, оказался преподавателем Кировского (Вятского) Педагогического института, эвакуированного в маленький районный центр Яранск. В армию, на Карельский фронт, уехал в апреле 1942 года, а пока обучал студентов. Разгром наших войск мы переживали драматически. И вдруг, в начале сентября 1941 года, услышали по радио о первом успехе советской армии — наступательной операции под Ельней. Помню многолюдное студенческое собрание в актовом зале, — может быть, оно было собрано по случаю первой, столь долгожданной, хоть и локальной, победы. Мне дали слово, и, охваченный энтузиазмом, я, звенящим от восторга и торжества голосом, прочел стихи моего в ту пору любимого поэта, Николая Заболоцкого — *ГОРИЙСКУЮ СИМФОНИЮ*, посвященную Сталину:

...Припоминая отрочества годы,
Хотел понять я, как в такой глуши
Образовался действием природы
Первоначальный строй его души.
Как он смотрел в небес огромный купол,
Как гладил буйвола, как свой твердил урок,
Как в глубине души свой баюкал
То, что еще и высказать не мог...

В тот миг я был убежден, что мы всем обязаны Сталину и что лучший способ отметить эту победу под Ельней — это прочесть стихи о нем.

Рассказываю об этом эпизоде, потому что и он имеет историческое значение. Молодой преподаватель пединститута, выпускник Ленинградского университета, должен был многое знать и понимать. И я, разумеется, понимал, что диктатура партии и Сталина довела страну до разгрома начальных месяцев войны. Но первый же успех невольно и даже охотно приписывался той же партии и тому же вождю: хотелось быть заодно со всей страной, а всей стране хотелось более всего — солидарности.

Какой узел противоречий таился в этом моем выступлении — я разглядел его, этот узел, позднее. Начну с того, что стихотворение *ГОРИЙСКАЯ СИМФОНИЯ* я прочел в «Известиях» — кажется, в 1936, когда газетой руководил Н.И. Бухарин (с февраля 1934), превративший официальный правительственный орган в яркую, многосторонне интересную газету. Бухарин охотно и часто публиковал Заболоцкого, считавшегося политическим и поэтическим противником советской власти — особенно после поэмы *ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ* (журнал «Звезда», 1933, №2-3). В августе 1934 года на Первом съезде писателей доклад о поэзии делал Бухарин, который о Заболоцком умолчал; зато известный опричник В.Ермилов противопоставил его, Заболоцкого, «генеральной линии» советской литературы: «Какими жалкими и смешными становятся на этом фоне холодные и юродствующие поэты вроде Заболоцкого!»* Бухарин Заболоцкого не защищал, но три месяца спустя, 18 ноября, напечатал в «Известиях» стихотворение Заболоцкого *ОСЕННИЕ ПРИМЕТЫ*, затем *ПРОЩАНИЕ* (4 декабря), *В ЛЕСУ* (1 мая 1935), *СЕВЕР* (11 февраля 1936) и, как было сказано выше, *ГОРИЙСКУЮ СИМФОНИЮ*. 16 января 1937 Бухарин был снят и, фактически, уже обречен (его арестовали 27 февраля). Нет сомнений, что он активно поддерживал того, о ком партийный идеолог П.Ф. Юдин говорил в январе 1934: «Классовый враг маскируется, принимает форму юродства и издевательства над социализмом (Заболоцкий)**».

Таковы тени, стоявшие за *ГОРИЙСКОЙ СИМФОНИЕЙ*, которая, видимо, была для Заболоцкого попыткой выжить, утвердиться в советской поэзии, из которой его выталкивали как «юродивого» и «классового врага», но, может быть, Заболоцкий и не лгал: тот Сталин, которого он знал по советской мифологии, ему, вероятнее всего, импонировал.

В мае 1938 Заболоцкого арестовали, и в ту пору, когда был одержан военный успех под Ельней, он был в лагере — как антисоветчик, осужденный на 5 лет «за контрреволюционную троцкистскую деятельность» (будто бы он «состоял членом контрреволюционной писательской организации в Ленинграде, которая, группируясь вокруг известного поэта

* *ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ*. 1934. М., «Гослитиздат», 1934.

** «Литературная газета», 1934, 22 января. Цит. по кн.: Л.Флейшман. *БОРИС ПАСТЕРНАК В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ*. Jerusalem, 1984, с.157.

Н.С. Тихонова, печатала в ленинградской прессе свои контрреволюционные литературные произведения»^{*}).

Мы краем уха слышали об аресте Заболоцкого — пресса об этом не сообщала, люди были неразговорчивы, а я был далек от литературных кругов. Слухи эти нас не слишком задевали.

Для моего поколения в 1941 все это было несущественным фоном: важнее всего казалась общенародная солидарность — вокруг Сталина. Позднее все изменилось и встало на место.

На вечерах в честь 80-летия Заболоцкого в Москве и Ленинграде (1983) постоянно цитировались его поздние жизнеутверждающие строки. Например, стихотворение *ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ* (1954) — о строителях, идущих после тяжелого дня под потоками дождя, в грозу и бурю — домой:

Хлестало, словно из баклаги,
И над собранием берез
Пир электричества и влаги
Сливался в яростный хаос.

А мы шагали по дороге
Среди кустарников и трав,
Как древнегреческие боги,
Трезубцы в облако подняв.

Какое мужественное и торжественное прославление людей труда! Не менее возвышенно звучат строки поэмы *ТВОРЦЫ ДОРОГ* (1947), где речь идет о рабочих, пионерах сибирской тундры, которые, не щадя усилий, преодолевают сопротивление косной природы и прокладывают дороги среди вечной мерзлоты:

Рожок гудел, и сопка клокотала,
Узкоколейка пела у реки.
Подобье циклопического вала
Пересекало древний мир тайги.
Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,
Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срываясь с круч, мы двигались вперед.
Нас ветер бил с Амура и с Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но все, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.

Поэма *ТВОРЦЫ ДОРОГ*, датированная 1947 годом, оканчивается так же величаво, как и *ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ*, созданное на семь лет позже:

^{*} Из «Заявления» Н.А. Заболоцкого от 23 июня 1939, адресованного Прокурору СССР. Оpubл. в сб. *ПАМЯТЬ*, вып. 5, Париж, 1982, с.343.

Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прынули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.

Люди труда подобны богам: «Как древнегреческие боги...» Заболоцкий создал гимн социалистическому труду — твердят официальные критики. Заболоцкий воспел усилия советского народа, преобразующего тундру в цветущий край.

Только вот чего не объясняют авторы примечаний, критических статей и воспоминаний: эти стихи — о каторжанах, узниках концлагерей. Заболоцкий отнюдь не славит социалистический труд — он восхищен безграничной силой человека, который способен оставаться царем природы даже тогда, когда низведен до состояния раба. То, что унижены и оплеваны люди, побеждающие могущественную природу, — страшнее, чем если бы они, эти люди, были изначально бессильными, жалкими существами. Заболоцкий, растоптанный фанатической прессой конца двадцатых годов, а потом середины тридцатых, был в 1938 арестован и провел в сибирских лагерях восемь лет, после чего — случайно! — был освобожден и вернулся. К двадцатилетию его смерти вышел сборник воспоминаний о нем*, — в высшей степени поучительно следить за тем, как тюремно-лагерная тема обходится мемуаристами. Ираклий Андроников: «В 1935 году я переехал в Москву. Снова мы встретились только в 1946-м» (стр.134).

А что было в промежутке?

Другой мемуарист, сын поэта Никита Заболоцкий:

«Между ленинградским и московским периодами жизни были 10 лет странствий и испытаний. За это время отец работал и на Дальнем Востоке, и на Алтае, и в Казахстане. В 1946 году он получил возможность вернуться к литературной работе...» (стр.183).

Таков предел нашей свободы печати: вместо «10 лет концлагерей и ссылки» можно сказать «10 лет странствий и испытаний». Чем не свобода? Ведь можно же произнести слово «испытания», не только «странствия». Так допускается сыну вспомнить об отце; понятно, что другим разрешено еще меньше. Писатель Николай Чуковский: «...вдруг я услышал, что Н.А. Заболоцкий приехал из Караганды в Москву...» (стр.218). Так-таки и приехал — из Караганды. Или другой писатель, Лев Озеров: «Между 1938 и 1946 годами, в тяжелейших условиях, вдали от культурных центров, от библиотек, Н.Заболоцкий работает над переводом "Слова о полку Игореве"» (стр.258). Вот, оказывается, где он был, Н.Заболоцкий — «вдали от культурных центров». А сосед Н.Заболоцкого по дому, геолог Б.Петрушевский, сообщает нам, что во время частых бесед «Н.А. не касался своих странствований по Азии в конце 30-х — начале 40-х годов».

Н.Л. Степанов: «...я неожиданно обнаружил сидящего на дровах человека. Почти сразу узнал его — Коля Заболоцкий».

* ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАБОЛОЦКОМ. М., «Советский писатель», 1977.

Это был он. Похудевший, но сохранивший свой детский румянец. В очках, в какой-то куртке наподобие бушлата, теплой ушанке, он показался усталым, чуть стесняющимся своего вида. Мы не виделись восемь лет» (стр.95).

В.А. Каверин: «Заболоцкий провел несколько лет вне литературы, вне поэзии, вне той жизни, которой были полны его друзья по делу литературы. Это были трудные для него годы, о которых он не рассказывал ничего, или почти ничего. Это были годы, когда, работая землекопом, дорожным рабочим, чертежником, он совершил подвиг — перевод "Слова о полку Игореве", который является, как мне кажется, одной из вершин его мастерства...» (стр.112).

В сборнике *ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАБОЛОЦКОМ* таких примеров десятки — ни разу ни один из авторов не произнес слов «лагерь», «ссылка», «зона», это было запрещено изначально, и потому каждый изворачивался в соответствии с его литературными способностями: одни — красноречиво, другие — грубо. В 1977 году было запрещено даже упоминать о терроре тридцатых.

Эволюция разрешений и запретов отразилась и на изданиях сочинений Заболоцкого. В однотомнике «Библиотеки поэта» 1965 года имеется стихотворение *ГДЕ-ТО В ПОЛЕ ВОЗЛЕ МАГАДАНА* (1956); в двухтомном издании 1972 года его нет — в брежневской России было опять запрещено напоминать о преступлениях сталинского тридцатилетия*. Между тем, стихотворение это принадлежит к шедеврам Заболоцкого. В нем говорится о двух стариках, бредущих «за розвальнями вслед» — наверное, у них, у этих зеков, наряд в город за мукой:

Вот они и шли в своих бушлатах,
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала душу их.

Обессиленные, они сели на мерзлые пеньки и наконец-то обрели отдых — в смерти:

Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

* В трехтомнике 1983-1984 гг. оно опять появилось (Н.А. Заболоцкий. Собрание сочинений в 3-х томах. М., «Художественная литература», 1983, т.1).

Публиковать сочинения Заболоцкого без этого горчайшего и лиричнейшего стихотворения — преступно. Как, впрочем, преступно и вспоминать о поэте, минуя восемь лет его тюремно-лагерного опыта. Но, слава Богу, теперь западные и восточные издания, соединяясь вместе, создают правдивую картину действительности. К *ВОСПОМИНАНИЯМ О ЗАБОЛОЦКОМ* надо присоединить изданные на Западе мемуары Натальи Роскиной*.

Из этих воспоминаний женщины, несколько лет близкой к Заболоцкому, можно заключить, что В.А. Каверин не ошибался, утверждая: о годах заключения и каторги Заболоцкий «не рассказывал ничего, или почти ничего». Даже с ней он отказывался говорить *об этом*. Иногда, нарушая внутренний запрет, он все же невольно вспоминал об испытаниях тех лет. «Он рассказывал про голод, холод, про другие тяготы, про издевательства, какие только может создать воображение садиста, про вещи, только услышав которые человек перестает есть и спать; он мне рассказывал, что, как только его арестовали в 1938 году, с ним сделали нечто такое, от чего тут же пришлось его отправить в лазарет; и обо всем этом он говорил ровным тоном, не меняя выражения. И только когда он вспоминал, как начальник лагеря сказал — «Не пишет, ну то-то» — в глазах его появлялся злой, отчаянный огонь» (стр.81).

Заболоцкий все же написал свои «тюремные» воспоминания. Но и на этих страницах он верен себе: о слоге его можно сказать то же, что свидетельствует Н.Роскина о его устных повествованиях: о самых страшных вещах Заболоцкий говорит «ровным тоном, не меняя выражения». Величавость, спокойное, глубоко скрытое достоинство — эти черты были свойственны и поэту, и человеку.

**

Я начал это вступление с *ГОРИЙСКОЙ СИМФОНИИ*. Через двадцать лет после того (как замечено выше, может быть, и вполне искренне-го) славословия, Заболоцкий вернулся к теме о Сталине. Годы не прошли даром — Заболоцкий многое понял. В одноименном стихотворении Казбек — символ бездушия, холодности, смерти; в ауле, над которым высятся Казбек и где поэт провел ночь, наступает утренняя зоря:

Земля начинала молебен
Тому, кто блистал и царил.
Но был он мне чужд и враждебен
В дыхании этих кадил.
.
У ног ледяного Казбека
Справляя людские дела,
Живая душа человека
Страдала, дышала, жила.

* Наталья Роскина. *ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ*. Из литературных воспоминаний. Paris, YMCA-Press, 1980.

А он, в отдаленье от пашен,
В надмирной своей вышине,
Был только бессмысленно страшен
И людям опасен вдвойне...

(КАЗБЕК. 1957).

Грузинский критик и литературовед Георгий Маргвелашвили, принужденный выражаться эзоповым языком, сообщает о беседе с автором *КАЗБЕКА*: «...Однажды зашел разговор о стихотворении 1957 года "Казбек". Оно очень точно передавало отношение Николая Алексеевича к определенным историческим событиям и, так сказать, к роли той или иной личности в истории»*.

С «той или иной личностью» Заболоцкий разделался в стихотворении *КАЗБЕК* — оно представляет собой поэтическое опровержение *ГОРИЙСКОЙ СИМФОНИИ*. Опровержение же прозаическое прежних «советских иллюзий» — публикуемый ниже потрясающий текст: *ИСТОРИЯ МОЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ*.

Судьбы русских поэтов трагичны — это известно. О них писали многие. Когда-то Кюхельбекер перечислял бедствия, выпадавшие на их долю:

...их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылкой...

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любовников презренных
Шлет пулю их священному челу;

Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную.

(УЧАСТЬ РУССКИХ ПОЭТОВ. 1845)

Здесь имеются в виду: Радищев и декабристы, И.Козлов (и, отчасти, сам Кюхельбекер), Пушкин, Грибоедов. Прибавим драматурга Я.Б. Княжнина, который, по слову Пушкина, «умер под розгами»; в *СЛОВАРЕ ДОСТОПАМЯТНЫХ ЛЮДЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ* можно прочесть, что Княжнина в 1790 допрашивал Ober-секретарь Тайной Экспедиции Шешковский (он «имеет дар с простым народом» — говорила императрица Екатерина II), умевший одним ударом полена выбить своей жертве все зубы; так вот, после допроса Княжнин «впал в жестокую болезнь» и вскоре умер. Тот же Шешковский свыше двух месяцев в том же 1790 году допрашивал в Петропавловской крепости Радищева, после чего автору *ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ* был вынесен приговор: «Казнить смертию, а экземпляры книги, сколько их отобрано будет, истребить». По воспоминаниям Н.П. Боголюбова,

* ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАБОЛОЦКОМ, с.174.

«в день объявления приговора волосы Радищева стали белыми; сорок три дня провел он в крепости, ожидая казни, и в минуты отчаяния грыз свою серебряную ложку — на ней остались следы зубов...»*

Я.Княжнин был автором республиканской трагедии *ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ* (там был такой стих: «Самодержавие повсюду бед содетель»). А.Радищев написал *ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ*. К тому же Обер-секретарь Шешковский — палач XVIII века, когда еще казнили колесованием. Уже в девятнадцатом веке декабристов не унижали отвратительными физическими пытками. Каждый из названных был в чем-то реально замешан — один в большей (Радищев, Рылеев), другой в меньшей степени. Но тот или иной «состав преступления» можно было обнаружить.

Поэт Н.А. Заболоцкий никогда ничем, кроме писания стихов, не занимался. Н.Роскиной он говорил: «Для меня политика — это химия. Я ничего не понимаю в химии, ничего не понимаю в политике и не хочу об этом думать»**. Это почти правда. Даже восхваляя Сталина в 1935 и низвергая его в 1957, Заболоцкий делал это в категориях не политических, а мифологических. Издевательские допросы с пытками, которым он подвергался, даже на фоне трагических судеб русских поэтов прошлого представляются неправдоподобными.

Возможностью опубликовать воспоминания Заболоцкого мы обязаны профессору Сассекского университета (Великобритания) Робину Милнер-Галланду (Robin Milner-Gulland), который уже в октябре 1981 напечатал отличный английский перевод этого текста в «Times Literary Supplement».

1

Это случилось в Ленинграде 19 марта 1938 года. Секретарь Ленинградского отделения Союза писателей Мирошниченко¹ вызвал меня в союз по срочному делу. В его кабинете сидели два неизвестных мне человека в гражданской одежде.

— Эти товарищи хотят говорить с вами, — сказал Мирошниченко. Один из незнакомцев показал мне свой документ сотрудника НКВД.

— Мы должны переговорить с вами у вас на дому, — сказал он.

* См.: Георгий Шторм. *ПОТАЕННЫЙ РАДИЩЕВ*. М., 1968, с.11.

** Наталия Роскина, цит. соч., с. 70.

В ожидавшей меня машине мы приехали ко мне домой, на канал Грибоедова². Жена лежала с ангиной в моей комнате. Я объяснил ей, в чем дело. Сотрудник НКВД предъявил мне ордер на арест.

— Вот до чего мы дожили, — сказал я, обнимая жену и показывая ей ордер.

Начался обыск. Отобрали два чемодана рукописей и книг. Я попрощался с семьей. Младшей дочке было в то время 11 месяцев. Когда я целовал ее, она впервые пролепетала: «Папа!». Мы вышли и прошли коридором к выходу на лестницу. Тут жена с криком ужаса догнала нас. В дверях мы расстались.

Меня привезли в Дом предварительного заключения (ДПЗ), соединенный с т.н. Большим домом на Литейном проспекте³. Обыскали, отобрали чемодан, шарф, подтяжки, воротничок, срезали металлические пуговицы с костюма, заперли в крошечную камеру. Через некоторое время велели оставить вещи в какой-то другой камере и коридорами повели на допрос.

Начался допрос, который продолжался около четырех суток без перерыва. Вслед за первыми фразами послышалась брань, крик, угрозы. Ввиду моего отказа признать за собой какие-либо преступления, меня вывели из общей комнаты следователей, и с этого времени допрос велся главным образом в кабинете моего следователя Лупандина (Николая Николаевича) и его заместителя Меркурьева. Этот последний был мобилизован в помощь сотрудникам НКВД, которые в то время не справлялись с делами, ввиду большого количества арестованных.

Следователи настаивали на том, чтобы я сознался в своих преступлениях против советской власти. Так как этих преступлений я за собой не знал, то, понятно, что и сознаваться мне было не в чем.

— Знаешь ли ты, что говорил Горький о тех врагах, которые не сдаются? — спрашивал следователь. — Их уничтожат!

— Это не имеет ко мне отношения, — отвечал я.

Апелляция к Горькому повторялась всякий раз, когда в кабинет входил какой-либо посторонний следователь и узнавал, что допрашивают писателя.

Я протестовал против незаконного ареста, против грубого обращения, криков и брани, ссылаясь на права, которыми я, как всякий гражданин, обладаю по советской конституции.

— Действие конституции кончается у нашего порога⁴, — издевательски отвечал следователь.

Первые дни меня не били, стараясь разложить меня морально и измотать физически. Мне не давали пищи. Не разрешали спать.

Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом — сутки за сутками. За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекают, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, т.к. я не мог более переносить боли в стопах. Сознание стало затуманиваться и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали. Впрочем, допрос иногда прерывался и мы сидели молча. Следователь что-то писал, я пытался дремать, но он тотчас будил меня.

По ходу допроса выяснилось, что НКВД пытается сколотить дело о некоей контр-революционной писательской организации. Главой организации предполагалось сделать Н.С. Тихонова⁵. В качестве членов должны были фигурировать писатели-ленинградцы, к этому времени уже арестованные: Бенедикт Лившиц⁶, Елена Тагер⁷, Георгий Куклин⁸, кажется Борис Корнилов⁹, кто-то еще и, наконец, я. Усиленно допытывались сведений о Федине¹⁰ и Маршаке¹¹. Неоднократно шла речь о Н.М. Олейникове¹², Т.Ю. Табидзе¹³, Д.И. Хармсе¹⁴ и А.И. Введенском¹⁵, — поэтах, с которыми я был связан старым знакомством и общими литературными интересами. В особую вину мне ставилась моя поэма «Торжество земледелия», которая была напечатана Тихоновым в журнале «Звезда» в 1933 году. Зачитывались «изобличающие» меня «показания» Лившица и Тагер, однако прочитать их собственными глазами мне не давали. Я требовал очной ставки с Лившицом и Тагер, но ее не получил.

На четвертые сутки, в результате нервного напряжения, голода и бессонницы, я начал постепенно терять ясность рассудка. Помнится, я уже сам кричал на следователей и грозил им. Появились признаки галлюцинации: на стене и паркетном полу кабинета я видел непрерывное движение каких-то фигур. Вспоминается, как однажды я сидел перед целым синклитом следователей. Я уже нимало не боялся их и презирал их. Перед моими глазами перелистывалась какая-то огромная воображаемая мной книга и на каждой ее странице я видел все новые и новые изображения. Не обращая ни на что внимания, я разъяснял следователям содержание этих картин. Мне сейчас трудно определить мое тогдашнее состояние, но, помнится, я чувствовал внутреннее облегчение и торжество свое перед этими людьми, которым не удастся сделать меня бесчестным человеком. Сознание, очевидно, еще теплилось во мне, если я запомнил это обстоятельство и помню его до сих пор.

Не знаю, сколько времени это продолжалось. Наконец, меня вытолкнули в другую комнату. Оглушенный ударом сзади, я упал, стал подниматься, но последовал второй удар в лицо. Я потерял сознание. Очнулся я, захлебываясь от воды, которую кто-то лил на меня. Меня подняли на руки и, мне показалось, начали срывать с меня одежду. Я снова потерял сознание. Едва я пришел в себя, как какие-то неизвестные мне парни поволокли меня по каменным коридорам тюрьмы, избивая меня и издеваясь над моей беззащитностью. Они втащили меня в камеру с железной решетчатой дверью, уровень пола которой был ниже пола коридора, и заперли в ней. Как только я очнулся (не знаю, как скоро случилось это), первой мыслью моей было: защищаться! Защищаться, не дать убить себя этим людям, или, по крайней мере, не отдать свою жизнь даром! В камере стояла тяжелая железная койка. Я подтащил ее к решетчатой двери и подпер ее спинкой дверную ручку. Чтобы ручка не соскочила со спинки, я прикрутил ее к кровати полотенцем, которое было на мне вместо шарфа. За этим занятием я был застигнут моими мучителями. Они бросились к двери, чтобы раскрутить полотенце, но я схватил стоящую в углу швабру и, пользуясь ею как пикой, оборонялся насколько мог, и скоро отогнал от дверей всех тюремщиков. Чтобы справиться со мной, им пришлось подтащить к двери пожарный шланг и привести его в действие, струя воды под сильным напором ударила меня и обожгла тело. Меня загнали этой струей в угол и, после долгих усилий, вломились в камеру целой толпой. Тут меня жестоко избили, испинали сапогами, и врачи впоследствии удивлялись, как остались целы мои внутренности — настолько велики были следы истязаний.

Я очнулся от невыносимой боли в правой руке. С завернутыми назад руками я лежал, прикрученный к железным перекладинам койки. Одна из перекладин врезалась в руку и нестерпимо мучила меня. Мне чудилось, что вода заливает камеру, что уровень ее поднимается все выше и выше, что через мгновение меня зальет с головой. Я кричал в отчаянье и требовал, чтобы какой-то губернатор приказал освободить меня. Это продолжалось бесконечно долго. Дальше все путается в моем сознании. Вспоминаю, что я пришел в себя на деревянных нарах. Все вокруг было мокро, одежда промокла насквозь, рядом валялся пиджак, тоже мокрый и тяжелый, как камень. Затем, как сквозь сон помню, что какие-то люди волокли меня под руки по двору... Когда сознание снова вернулось ко мне, я был уже в больнице для умалишенных.

Тюремная больница Института судебной психиатрии помещалась недалеко от Дома предварительного заключения. Здесь

меня держали, если я не ошибаюсь, около двух недель, сначала в буйном, потом в тихом отделениях.

Состояние мое было тяжелое: я был потрясен и доведен до невменяемости, физически же измучен истязаниями, голодом и бессонницей. Но остаток сознания еще теплился во мне или возвращался ко мне по временам. Так, я хорошо запомнил, как, раздевая меня и принимая от меня одежду, волновалась медицинская сестра: у нее тряслись руки и дрожали губы. Не помню и не знаю, как лечили меня на первых порах. Помню только, что я пил по целой стопке какую-то мутную жидкость, от которой голова делалась деревянной и бесчувственной. Вначале, в припадке отчаянья я торопился рассказать врачам обо всем, что было со мной, но врачи лишь твердили мне: «Вы должны успокоиться, чтобы оправдать себя перед судом». Больница в эти дни была моим убежищем, а врачи, если и не очень лечили, то, по крайней мере, не мучили меня. Из них я помню врача Гонтарева и женщину-врача Келчевскую (имя ее Нина, отчества не помню).

Из больных мне вспоминается умалишенный, который, изображая громкоговоритель, часто вставал в моем изголовии и трубным голосом произносил величания Сталину. Другой бегал на четвереньках, лая по-собачьи. Это были самые беспокойные люди. На других безумие накатывало лишь по временам. В обычное время они молчали, саркастически улыбаясь и жестикулируя, или неподвижно лежали на своих постелях.

Через несколько дней я стал приходить в себя и с ужасом понял, что мне предстоит скорое возвращение в дом пыток. Это случилось на одном из медицинских осмотров, когда на вопрос врача: откуда взялись черные кровоподтеки на моем теле, я ответил: «Упал и ушибся». Я заметил, как переглянулись врачи: им стало ясно, что сознание вернулось ко мне, и я уже не хочу винить следователей, чтобы не ухудшить своего положения. Однако, я был еще очень слаб, психически неустойчив, с трудом дышал от боли при каждом вдохе, и это обстоятельство на несколько дней отсрочило мою выписку.

Возвращаясь в тюрьму, я ожидал, что меня снова возьмут на допрос, и приготовился ко всему, лишь бы не наклеветать ни на себя, ни на других. На допрос меня, однако, не повели, но втолкнули в одну из больших общих камер, до отказа наполненную заключенными. Это была большая, человек на 12-15 комната, с решетчатой дверью, выходящей в тюремный коридор. Людей в ней было человек 70-80, а по временам доходило и до 100. Облака пара и специфическое тюремное зловоние несло из нее в коридор, и я помню, как они поразили меня. Дверь с трудом

закрылась за мной, и я оказался в толпе людей, стоящих вплотную друг возле друга или сидящих беспорядочными кучами по всей камере. Узнав, что новичок — писатель, соседи заявили мне, что в камере есть и другие писатели, и вскоре привели ко мне П.Н. Медведева¹⁶ и Д.И. Выгодского¹⁷, арестованных ранее меня. Увидав меня в жалком моем положении, товарищи пристроили меня в какой-то угол. Так началась моя тюремная жизнь в прямом значении этого слова.

2

Большинство свободных людей отличаются от несвободных общими характерными для них признаками. Они достаточно уверены в себе, в той или иной мере обладают чувством собственного достоинства, спокойно и разумно реагируют на внешние раздражения... В годы моего заключения средний человек, без всякой уважительной причины лишенный свободы, униженный, оскорбленный, напуганный и сбитый с толку той фантастической действительностью, в которую он внезапно попадал, — чаще всего терял особенности, присущие ему на свободе. Как пойманный в силки заяц, он беспомощно метался в них, ломился в открытые двери, доказывая свою невинность, дрожал от страха перед ничтожными выродками, потерявшими свое человекоподобие, всех подозревал, терял веру в самых близких людей и сам обнаруживал наиболее низменные свои черты, доселе скрытые от постороннего глаза. Через несколько дней тюремной обработки черты раба явственно выступали на его облике, и ложь, возведенная на него, начинала пускать свои корни в его смятенную и дрожащую душу.

В ДПЗ, где заключенные содержались в период следствия, этот процесс духовного растления людей только лишь начинался. Здесь можно было наблюдать все виды отчаянья, все проявления холодной безнадежности, конвульсивного истерического веселья и цинического наплевательства на все на свете, в том числе и на собственную жизнь. Странно было видеть этих взрослых людей, то рыдающих, то падающих в обморок, то трясущихся от страха, затравленных и жалких. Мне рассказывали, что писатель Адриан Пиотровский¹⁸, сидевший в камере незадолго до меня, потерял от горя всякий облик человеческий, метался по камере, царапал грудь каким-то гвоздем и устраивал по ночам постыдные вещи на глазах у всей камеры. Но рекорд в этом отношении побил, кажется, Валентин Стенич¹⁹, сидевший в камере по соседству. Эстет, сноб и гурман в обычной жизни, он, по рас-

сказам заключенных, быстро нашел со следователями общий язык и за пачку папирос подписывал любые показания. Справедливость требует сказать, что наряду с этими людьми были и другие, сохранившие ценой величайших усилий свое человеческое достоинство. Зачастую эти порядочные люди до ареста были совсем маленькими скромными винтиками нашего общества, в то время, как великие люди мира сего нередко превращались в тюрьме в жалкое подобие человека. Тюрьма выводила людей на чистую воду, только не в том смысле, как этого хотели Заковский и его начальство.

Весь этот процесс разложения человека проходил на глазах у всей камеры. Человек не мог здесь уединиться ни на миг, и даже свою нужду отправлял он в открытой уборной, находившейся тут же. Тот, кто хотел плакать — плакал при всех, и чувство естественного стыда удесятерило его муки. Тот, кто хотел покончить с собою, — ночью, под одеялом, сжав зубы, осколком стекла пытался вскрыть вены на руке, но чей-либо бессонный взгляд быстро обнаруживал самоубийцу, и товарищи обезоруживали его. Эта жизнь на людях была добавочной пыткой, но в то же время она помогла многим перенести их невыносимые мучения.

Камера, куда я попал, была подобна огромному, вечно жужжавшему муравейнику, где люди целый день топтались друг подле друга, дышали чужими испарениями, ходили, перешагивая через лежащие тела, ссорились и мирились, плакали и смеялись. Уголовники были здесь смешаны с политическими, но в 1937-1938 годах политических было в десять раз больше, чем уголовных, и потому в тюрьме уголовники держались робко и неуверенно. Они были нашими владыками в лагерях, в тюрьме же были едва заметны. Во главе камеры стоял выборный староста по фамилии Гетман. От него зависел распорядок нашей жизни. Он сообразно тюремному стажу распределял места — где кому спать и сидеть, он распределял довольствие и наблюдал за порядком. Большая слаженность и дисциплина требовались для того, чтобы всем устроиться на ночь. Места было столько, что люди могли лечь только на бок, вплотную прижавшись друг к другу, да и то не все враз, но в две очереди. Устройство на ночь происходило по команде старосты, и это было удивительное зрелище соразмерных, точно рассчитанных движений и перемещений, выработанных многими «поклобениями» заключенных, принужденных жить в одной тесно спрессованной толпе, и постепенно передающих новичкам свои навыки.

Днем камера жила вялой и скучной жизнью. Каждое пустяковое житейское дело: пришить пуговицу, починить разорванное

платье, сходить в уборную, — выросло здесь в целую проблему. Так, для того чтобы сходить в уборную, нужно было отстоять в очереди не менее чем полчаса. Оживление в дневной распорядок вносили только завтрак, обед и ужин. В ДПЗ кормили сносно, заключенные не голодали. Другим развлечением были обыски. Обыски устраивались регулярно и носили унижительный характер. Цели своей они достигали только отчасти, т.к. любой заключенный знает десятки способов, как уберечь свою иголку, огрызок карандаша или самое большое свое сокровище — перочинный ножичек или лезвие от самобрейки. На допросы в течение дня заключенных почти не вызывали.

Допросы начинались ночью, когда весь многоэтажный застенок на Литейном проспекте озарялся сотнями огней, и сотни сержантов, лейтенантов и капитанов госбезопасности вместе со своими подручными приступали к очередной работе. Огромный каменный двор здания, куда выходили открытые окна кабинетов, наполнялся стоном и душераздирающими воплями избиваемых людей. Вся камера вздрагивала, точно электрический ток внезапно пробежал по ней, и немой ужас снова появлялся в глазах заключенных. Часто, чтобы заглушить эти вопли, во дворе ставились тяжелые грузовики с работающими моторами. Но за треском моторов наше воображение рисовало уже нечто совершенно неопишное и наше нервное возбуждение доходило до крайней степени.

От времени до времени брали на допрос того или другого заключенного. Процесс вызова был такой.

— Иванов! — кричал, подходя к решетке двери, тюремный служащий.

— Василий Петрович! — должен был ответить заключенный, называя свое имя-отчество.

— К следователю!

Заключенного выводили из камеры, обыскивали, и вели коридорами в здание НКВД. На всех коридорах были устроены деревянные, наглухо закрывающиеся будки, нечто вроде шкафов или телефонных будок. Во избежание встреч с другими арестованными, которые показывались в конце коридора, заключенного обычно вталкивали в одну из таких будок, где он должен был ждать, покуда встречного уведут дальше.

По временам в камеру возвращались уже допрошенные; зачастую их вталкивали в полной прострации и они падали на наши руки; других же почти вносили и мы потом долго ухаживали за этими несчастными, прикладывая холодные компрессы и отпаивая их водой. Впрочем, нередко бывало и так, что тюрем-

щик приходил лишь за вещами заключенного, а сам заключенный, вызванный на допрос, в камеру уже не возвращался.

Издательство и побои испытывал в то время каждый, кто пытался вести себя на допросах не так, как это было угодно следователю, т.е. попросту говоря, всякий, кто не хотел быть клеветником.

Дав. Ис. Выгодского, честнейшего человека, талантливого писателя, старика, следователь таскал за бороду и плевал ему в лицо. Шестидесятилетнего профессора математики, моего соседа по камере, больного печенью (фамилии его не могу припомнить), следователь-садист ставил на четвереньки и целыми часами держал в таком положении, чтобы обострить болезнь и вызвать нестерпимые боли. Однажды, по дороге на допрос, меня по ошибке толкнули в чужой кабинет, и я видел, как красивая молодая женщина в черном платье ударила следователя по лицу и тот схватил ее за волосы, повалил на пол и стал пинать ее сапогами. Меня тотчас же выволокли из комнаты, и я слышал за спиной ее ужасные вопли.

Чем объясняли заключенные эти вопиющие извращения в следственном деле, эти бесчеловечные пытки и истязания? Большинство было убеждено в том, что их всерьез принимают за великих преступников. Рассказывали об одном несчастном, который при каждом избиении неистово кричал: «Да здравствует Сталин!» Два молодца лупили его резиновыми дубинками, завернутыми в газету, а он, корчась от боли, славословил Сталина, желая этим доказать свою правоту. Тень догадки мелькала в головах наиболее здравомыслящих людей, а иные, очевидно, были недалеки от истинного понимания дела, но все они, затравленные и терроризованные, не имели смелости поделить мысли друг с другом, т.к. не без основания полагали, что в камере спуют соглядатаи и тайные осведомители, вольные и невольные. В моей голове созрела странная уверенность в том, что мы находимся в руках фашистов, которые под носом у нашей власти нашли способ уничтожать советских людей, действуя в самом центре советской карательной системы. Эту свою догадку я сообщил одному старому партийцу, сидевшему со мной, и с ужасом в глазах он сознался мне, что и сам думает то же, но не смеет никому заикнуться об этом. И действительно, чем иным могли мы объяснить все те ужасы, которые происходили с нами, — мы, советские люди, воспитанные в духе преданности делу социализма? Только теперь, восемнадцать лет спустя, жизнь наконец, показала мне, в чем мы были правы и в чем заблуждались...

После возвращения из больницы меня оставили в покое и долгое время к следователю не вызывали. Когда же допросы возобновились, а их было еще несколько, — никто меня больше не бил, дело ограничивалось обычными угрозами и бранью. Я стоял на своем, следствие топталось на месте. Наконец, в августе месяце, я был вызван «с вещами» и переведен в Кресты.

Я помню этот жаркий день, когда, одетый в драповое пальто, со свертком белья подмышкой, я был приведен в маленькую камеру Крестов, рассчитанную на двух заключенных. Десять голых человеческих фигур, истекающих потом и изнемогающих от жары, сидели, как индийские божки, на корточках вдоль стен по всему периметру камеры. Поздоровавшись, я разделся догола и сел между ними, одиннадцатый по счету. Вскоре подо мной на каменном полу образовалось большое влажное пятно. Так началась моя жизнь в Крестах.

В камере стояла одна железная койка и на ней спал старый капитан северного флота, общепризнанный староста камеры. У него не действовали ноги, отбитые на допросе в Архангельске. Старый морской волк, привыкший смотреть в глаза смерти, теперь он был беспомощен, как ребенок.

В Крестах меня на допросы не водили: следствие было, очевидно, закончено. Сразу и резко ухудшилось питание, и если бы мы не имели права прикупать продукты на собственные деньги, мы сидели бы полуголодом.

В начале октября мне было объявлено под расписку, что я приговорен Особым совещанием (т.е. без суда) к пяти годам лагерей «за троцкистскую контр-революционную деятельность». 5 октября я сообщил об этом жене и мне было разрешено свидание с нею: предполагалась скорая отправка на этап.

Свидание состоялось в конце месяца. Жена держалась благо-разумно, хотя ее с маленькими детьми уже высылали из города и моя участь была ей известна. Я получил от нее мешок с необходимыми вещами и мы расстались, не зная, увидимся ли еще когда-нибудь...

Этап тронулся 8 ноября, на другой день после отъезда моей семьи из Ленинграда. Везли нас в теплушках, под сильной охраной, и дня через два мы оказались в Свердловской пересыльной тюрьме, где просидели около месяца. С 5 декабря, дня Советской конституции, начался наш великий сибирский этап — целая одиссея фантастических переживаний, о которых следует рассказать поподробнее.

Везли нас с такими предосторожностями, как будто мы были не обыкновенные люди, забитые, замордованные и несчастные,

но какие-то сверхестественные злодеи, способные каждую минуту взорвать всю вселенную, дай только нам шаг ступить свободно. Наш поезд, состоящий из бесконечного ряда тюремных теплушек, представлял собой диковинное зрелище. На крышах вагонов были установлены прожектора, заливавшие светом окрестности. Тут и там, на крышах и площадках торчали пулеметы, было великое множество охраны, на остановках выпускались собаки-овчарки, готовые растерзать любого беглеца. В те редкие дни, когда нас выводили в баню или вели в какую-либо пересылку, нас выстраивали рядами, ставили на колени в снег, заворачивали руки за спину. В таком положении мы стояли и ждали, пока не закончится процедура проверки, а вокруг смотрели на нас десятки ружейных дул, и сзади, наседавая на наши пятки, яростно выли овчарки, вырываясь из рук проводников. Шли в затылок друг другу.

— Шаг в сторону, открываю огонь! — было обычное предупреждение.

Впрочем за весь двухмесячный путь из вагона мы выходили только в Новосибирске, Иркутске и Чите. Нечего и говорить, что посторонних людей к нам не подпускали и за версту.

Шестьдесят с лишком дней мы тащились по Сибирской магистрали, простаивая целыми сутками на запасных путях. В теплушке было, помнится, человек сорок народу. Стояла лютая зима, морозы с каждым днем все крепчали и крепчали. Посередине вагона топилась маленькая чугунная печурка, около которой сидел дневальный и смотрел за нею. Вначале мы жили на два этажа — одна половина людей помещалась внизу, а вторая вверху, на высоких нарах, устроенных по обе стороны вагона, на уровне немного ниже человеческого роста. Но вскоре нестерпимый мороз загнал всех нижних жителей на нары, но и здесь, сбившись в кучу и согревая друг друга собственными телами, мы жестоко страдали от холодов. Понемногу жизнь превратилась в чисто физиологическое существование, лишённое духовных интересов, где все заботы человека сводились лишь к тому, чтобы не умереть от голода и жажды, не замерзнуть и не быть застреленным, подобно зачумленной собаке...

В день полагалось на человека 300 граммов хлеба, дважды в день кипятка и обед из жидкой «баланды» и черпака каши. Голодным и избытком людям этой пищи, конечно, не хватало. Но и этот жалкий паек выдавался нерегулярно и, очевидно, не всегда по вине обслуживающих нас привилегированных уголовных заключенных. Дело в том, что снабжение всей этой громады арестованных людей, двигавшихся в то время по Сибири нескончаемыми

эшелонами, представляло собой сложную хозяйственную задачу. На многих станциях из-за лютых холодов и нераспорядительности начальства невозможно было снабдить людей даже водою. Однажды мы около трех суток почти не получали воды и, встречая новый 1939 год где-то около Байкала, должны были лизать черные закоптелые сосульки, выросшие на стенах вагона от наших же собственных испарений. Это новогоднее пиршество мне не удастся забыть до конца жизни.

В том же вагоне я впервые столкнулся с миром уголовников, которые стали проклятием для нас, осужденных влачить свое существование рядом с ними, а зачастую и под их началом.

Уголовники — воры-рецидивисты, грабители, бандиты, убийцы со всей многочисленной свитой своих единомышленников, соучастников и подручных различных мастей и оттенков, — народ особый, представляющий собою общественную категорию, сложившуюся на протяжении многих лет, выработавшую свои особые нормы жизни, свою особую мораль и даже особую эстетику. Эти люди жили по своим собственным законам, и законы их были крепче, чем законы любого государства. У них были свои вожаки, одно слово которых могло стоить жизни любому рядовому члену их касты. Все они были связаны между собою общностью своих взглядов на жизнь, и у них эти взгляды не отделялись от их житейской практики. Исконные жители тюрем и лагерей, они искренно и глубоко презирали нас — разнокалиберную, пеструю, сбитую с толка толпу случайных посетителей их захребетного мира. С их точки зрения, мы были жалкой тварью, не заслуживающей уважения и подлежащей самой беспощадной эксплуатации и смерти. И тогда, когда это зависело от них, они со спокойной совестью уничтожали нас с прямого или косвенного благословения лагерного начальства.

Я держусь того мнения, что значительная часть уголовников — действительно, незаурядный народ. Это, действительно, чем-то выдающиеся люди, способности которых по тем или иным причинам развились по преступному пути, враждебному разумным меркам человеческого общежития. Во имя своей морали почти все они были способны на необычайные, порой героические поступки; они без страха шли на смерть, ибо презрение товарищей было для них во сто раз страшнее любой смерти. Правда, в мое время наиболее крупные вожаки уголовного мира были уже уничтожены. О них ходили лишь легенды, и все уголовное население лагерей видело в этих легендах свои идеалы и старалось жить по заветам своих героев. Крупных вожаков уже не было, но идеология их была жива и невредима.

Как-то само собой наш вагон распался на две части: 58 статья поселилась на одних нарах, уголовники — на других. Обреченные на сосуществование, мы с затаенной враждой смотрели друг на друга, и лишь по временам эта вражда прорывалась наружу. Помню, как однажды, без всякого повода с моей стороны, замахнулся на меня поленом один из наших уголовников, подверженный припадкам и каким-то молниеносным истерикам. Товарищи удержали его, и я остался невредим. Однако атмосфера особой психической напряженности не проходила ни на миг и накладывала свой отпечаток на нашу вагонную жизнь.

От времени до времени в вагон являлось начальство с поверкой. Для того, чтобы пересчитать людей, нас перегоняли на одни нары. С этих нар по особой команде мы переползали по доске на другие нары, и в это время производился счет. Как сейчас вижу эту картину: черные от копоти, заросшие бородами, мы, как обезьяны, ползем друг за другом на четвереньках по доске, освещаемые тусклым светом фонарей, а малограмотная стража держит нас под наведенными винтовками и считает, считает, путаясь в своей мудреной цифири.

Нас заедали насекомые, и две бани, устроенные нам в Иркутске и Чите, не избавили нас от этого бедствия. Обе эти бани были сущим испытанием для нас. Каждая из них была похожа на преисподнюю, наполненную дико гогочущей толпой бесов и бесенят. О мытье нечего было и думать. Счастливец чувствовал себя тот, кому удавалось спасти от уголовников свои носильные вещи. Потеря вещей обозначала собой почти верную смерть в дороге. Так оно и случилось с некоторыми несчастными: они погибли в эшелоне, не доехав до лагеря. В нашем вагоне смертных случаев не было.

Два с лишним месяца тянулся наш скорбный поезд по Сибирской магистрали. Два маленьких заледенелых оконца под потолком лишь на короткое время дня робко освещали нашу теплушку. В остальное время горел огарок свечи в фонаре, а когда не давали свечи, весь вагон погружался в непроглядный мрак. Тесно прижавшись друг к другу, мы лежали в этой первобытной тьме, внимая стуку колес и предаваясь безутешным думам о своей участи. По утрам лишь краем глаза видели мы в окно беспредельные просторы сибирских полей, бесконечную занесенную снегом тайгу, тени сел и городов, осененные столбами вертикального дыма, фантастические отвесные скалы байкальского побережья... Нас везли все дальше и дальше, на Дальний Восток, на край света...

В первых числах февраля прибыли мы в Хабаровск. Долго стояли здесь. Потом вдруг потянулись обратно, доехали до Волочаевки и повернули с магистрали к северу, по новой железнодорожной ветке. По обе стороны дороги замелькали колонны лагерей с их караульными вышками и поселки из новеньких пряничных домиков, построенных по одному образцу. Царство БАМ-а встречало нас, своих новых поселенцев. Поезд остановился, загрохотали засовы, и мы вышли из своих убежищ в этот новый мир, залитый солнцем, закованный в пятидесятиградусный холод, окруженный видениями тонких, уходящих в самое небо, дальневосточных берез.

Так мы прибыли в город Комсомольск-на-Амуре.

[1956]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мирошниченко Григорий Ильич (1904-1985) — прозаик. Чл. партии с 1927. Участник гражданской войны с 1920, потом был слесарем, библиотекарем, секретарем райкома комсомола; учился в комвузе в Ленинграде (1928-1931) и Военно-политической Академии им. Ленина (1932-1935). Работал редактором Воениздата (1935-1938) и ответственным редактором ленинградского журнала «Литературный современник» (1938-1941). Как редактор журнала М. был хорошо знаком с Заболоцким — в «Литературном современнике» незадолго до того были опубликованы многочисленные стихотворения Заболоцкого: *ПРОГУЛКА, УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ, ЛОДЕЙНИКОВ В САДУ, НАЧАЛО ЗИМЫ, СЕВЕР, «ВЧЕРА, О СМЕРТИ РАЗМЫШЛЯЯ...», ЗАСУХА, НОЧНОЙ САД, «ВСЕ, ЧТО БЫЛО В ДУШЕ...», ГОРИЙСКАЯ СИМФОНИЯ* («Литературный современник» №3, 1937). Вызвал же он Заболоцкого не как секретарь Лен. отд-ния Союза писателей (это — ошибка памяти мемуариста), а как секретарь парторганизации ЛО ССП.

² Заболоцкий жил в так называемой «писательской надстройке» в доме №9 по каналу Грибоедова в Ленинграде. Квартиры тут были отдельные, хотя комфортом и не отличались (напр., не было лифта), отчего остряки и говорили: «Канал Грибоедова, надстройка "Горе от ума"».

³ «Большой дом» — так в Ленинграде называли дом №4 по Литейному проспекту, где помещалось Лен. управление НКВД (теперь КГБ); официально он назывался: *Административное здание Главного Политического управления*. Здание, сооруженное в 1931-32, проектировал заключенный архитектор Ной Троицкий, сидя в одной из камер внутренней тюрьмы НКВД.

⁴ «Действие конституции...» Реплика следователя носит особенно издевательский характер, если помнить, что Заболоцкий — автор стихо-

творения *ГОЛУБИНАЯ КНИГА* (1937), воспевшего так называемую «сталинскую конституцию» (сочиненную, впрочем, Бухариным). Стихотворение Заболоцкого посвящено, однако, лишь косвенно советской конституции — в нем говорится о народной легенде:

Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод...

В «Большом доме» Заболоцкому дали понять, что *ГОЛУБИНАЯ КНИГА* не имеет отношения к тем, кто перешагнул за его порог.

⁵ Тихонов Николай Семенович (1896-1979) — видный поэт и общественный деятель; выступал на Первом съезде писателей с докладом о ленинградских поэтах, позднее, до войны, руководил Ленинградским отд. Союза писателей. Никогда не арестовывался.

⁶ Лившиц Бенедикт Константинович (1887-1938) — поэт, мемуарист. Окончил юридический ф-т Киевского ун-та. Был участником футуристического объединения «Гилея». С 1922 жил в Ленинграде. Сборники стихов: *ФЛЕЙТА МАРСИЯ*, Киев, 1911; *ВОЛЧЬЕ СОЛНЦЕ*, М., 1914; *ИЗ ТОПИ БЛАТ: СТИХИ О ПЕТРОГРАДЕ*, Киев, 1922; *ПАТМОС*, М., 1926; *КРОТОНСКИЙ ПОЛДЕНЬ*, М., 1928. Главные работы Л. как поэта-переводчика: сб. *ОТ РОМАНТИКОВ ДО СЮРРЕАЛИСТОВ*, 1934 (2-е изд. — 1937); *КАРТАВЕЛЬСКИЕ ОДЫ*, Тбилиси. 1964. Мемуарная книга: *ПОЛУТОРАГЛАЗЫЙ СТРЕЛЕЦ*, Л., 1933. Арестован 27 окт. 1937. Расстрелян в сент. 1938. Посмертно реабилитирован.

⁷ Тагер Елена Михайловна (1895-1964) — прозаик, переводчик. Окончила историко-филологический ф-т Высших женских (Бестужевских) курсов. Повести: *ЗИМНИЙ БЕРЕГ*, Л., 1929; *ПОЯСОК*, 1929-30; *ЖЕЛАННАЯ СТРАНА*, М., 1934; *ПРАЗДНИКИ ЖИЗНИ*, Л., 1937. Арестована в марте 1938, освобождена в 1955 «за отсутствием состава преступления». Подробнее о ней, ее деле и лагерной судьбе (как и большинстве упоминаемых здесь писателей) см. в прим. В.Смирнова, сб. *ПАМЯТЬ*, вып. 5, Париж, 1982, с.350.

⁸ Куклин Георгий Осипович (1903-1939) — прозаик. Автор многочисленных рассказов и повестей для детей среднего возраста. Арестован в февр. 1938. Умер в тюрьме. Реабилитирован посмертно.

⁹ Корнилов Борис Петрович (1907-1938) — один из крупнейших советских поэтов 30-х гг. В Ленинграде с 1925, автор многочисленных поэм и стихотворных сборников. Арестован осенью 1937, расстрелян. Посмертно реабилитирован.

¹⁰ Федин Константин Александрович (1892-1980) — видный прозаик, автор многих романов и повестей. Был членом литературной груп-

пы «Серрапионовы братья» (1921-29), отрицавшей тенденциозность в литературе. До войны жил в Ленинграде.

¹¹ Маршак Самуил Яковлевич (1887-1964) — поэт, автор многочисленных поэм, пьес, стихотворений для детей, переводчик английской поэзии (сонеты Шекспира), организатор детских изданий в СССР.

¹² Олейников Николай Макарович (1895-1942) — поэт, прозаик, детский писатель. Член партии с 1920. В Ленинграде с 1925. Основатель и редактор детского журнала «Ёж» (1928-29), а также другого — «Чиж» (1934, 1937). Писал пьесы в соавторстве с Евг. Шварцем; автор иронических стихов, распространявшихся в списках. Арестован в июле 1937, погиб в заключении.

¹³ Табидзе Тициан Юстинович (1895-1937) — один из крупнейших грузинских поэтов XX в., близко связанный с русскими символистами, а потом и с советскими поэтами. Заболоцкий переводил его и был с ним в дружеских отношениях. В письме от 2 авг. 1936 Заболоцкий писал Т. Табидзе: «В Ваших стихах пленяет меня удивительная близость душевного мира к миру природы. У Вас эти два мира сливаются в неразрывное целое — и это для нашего времени явление редчайшее /.../ Такое гармоническое и естественное смешение душевного мира с природой, какое я вижу по Вашим стихам, я не встречал еще ни у кого. Оно, конечно, есть результат долгой поэтической и душевной работы...»*. В 1937 Табидзе был арестован и расстрелян.

¹⁴ Хармс Даниил (наст. имя: Ювачев Даниил Иванович; 1906-1942) — вместе с Заболоцким входил в неофутуристическую литературную группу Обэриутов (Объединение реального искусства, 1926-1927). Автор пьесы *ЕЛИЗАВЕТА БАМ* (1927), предсказавшей эстетику абсурдной драматургии; стихов и иронической прозы, а также многочисленных произведений для детей. Арестован в 1941, посмертно реабилитирован.

¹⁵ Введенский Александр Иванович (1901-1941), поэт и детский писатель. Автор пьесы *ЕЛКА У ИВАНОВЫХ*, близкой к абсурдной драматургии. Жил в Ленинграде, работал, как и Хармс, в детской редакции Госиздата под руководством С.Маршака и, подобно Хармсу, входил в группу Обэриутов. Близкий друг Заболоцкого. Хармсу и Введенскому посвящено стихотворение Заболоцкого *ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ* (1952), начинающееся строфой:

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.

* Н.А. Заболоцкий. Собрание сочинений в трех томах, т.3, М., 1984, с.320.

Введенский был арестован (как, впрочем, и Хармс) в конце 1931, освобожден через полгода и вновь арестован в сентябре 1941. Он умер от дизентерии в этапном поезде. В 1958 посмертно реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

¹⁶ Медведев Павел Николаевич (1892-1938) — критик и литературовед. В Петрограде с 1922, читал курсы русской, советской и западноевропейской литературы в Педагогическом ин-те им. Герцена и в Ленинградском историко-лингвистическом ин-те. С 1935 — профессор Ленинградского ун-та. Автор книг и статей о Блоке, Есенине, методологии литературоведения. Арестован в 1938, посмертно реабилитирован.

¹⁷ Выгодский Давид Исаакович (1893-1943) — переводчик и литературовед-испанист. Был председателем Испано-Американского об-ва в Ленинграде. Переводил стихи и прозу с 30-ти западных и восточных, древних и новых языков. Автор книги *ЛИТЕРАТУРА ИСПАНИИ И ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ, 1898-1929*. Л., 1929. Арестован в 1938, посмертно реабилитирован.

¹⁸ Пиотровский Адриан Иванович (1898-1938) — театровед, драматург, переводчик древнегреческих и латинских трагиков и лириков (Эсхил, Еврипид, Аристофан, Феогнид, Катулл). Профессор (1928), заслуженный деятель искусств РСФСР (1935). Арестован в 1937. Реабилитирован.

¹⁹ Стенич (наст. фамилия: Сметанич) Валентин Осипович (1898-1938) — лирик и переводчик (переводил Честертона, Ж.Дюамеля, Киплинга, Дос-Пассоса, Джойса, Свифта, Брехта). Блок имел его в виду, когда писал очерк *РУССКИЕ ДЕНДИ* (1918): «...он все так же ровно читал стихи, ничем друг с другом не связанные, кроме той страшной, опустошающей душу эпохи, в которую они были созданы» (А.Блок. Собрание сочинений, т.6. 1962, с.56). Характеристика Блока отчасти объясняет моральное падение С., о котором пишет Заболоцкий (Стенич сказал Блоку: «...мы пустые, совершенно пустые»). Впервые С. был арестован в 1931 и освобожден два месяца спустя; затем — вторично, в ноябре 1937, по обвинению в «намерении убить товарища Сталина»; расстрелян в сентябре 1938. Реабилитирован. В 1959 образована Комиссия по литературному наследству Стенича (подробнее см. в указанных выше примечаниях в вып.5 ист. сб. *ПАМЯТЬ*).

К.Симонов

ПИСЬМО С.С. МАРГУЛИСУ

Публикация в «Новом мире» *ОДНОГО ДНЯ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА* обрушила на редакции и издательства поток лагерных текстов и беллетристики. Этого не ожидали ни те, кто заправлял «совестью нации» — литературой, ни партийные идеологи, ни сам Хрущев. И хотя в ту пору еще не было причин бояться Самиздата или — тем более — зарубежных публикаций, необходимость направить эту лавину в какое-то контролируемое русло интуитивно ощущалась властями.

Печатаемый нами ответ К.М. Симонова, многие годы находившегося у кормила отечественной словесности, автору лагерных воспоминаний С.С. Маргулису — представляет собой характерный пример поисков решения, приемлемого для либеральной эпохи. Мы охотно допускаем, что это письмо — не просто отписка, отклик на «самотек» и что Симонов действительно желал создания архивного пула лагерных текстов, но о каких-либо его реальных шагах в этом направлении нам ничего неизвестно.

Примечательно здесь также и то, как даже в разгар «оттепели» популярный писатель, автор правдивой и острой книги о войне, не забывает оглянуться на «ожесточенную борьбу двух систем» и опасается, что чрезмерный интерес к мрачному прошлому бросит тень в сознании современников на светлое будущее и помешает им его строить.

15 января 1963 года

Многоуважаемый Сергей Сергеевич, присланную Вами рукопись воспоминаний прочел.

Должен Вам сказать, что за последнее время прочел целый ряд рукописей, написанных на эту тему и много десятков писем,

в которых так или иначе излагались тяжелые события тех лет. Все это мне написали и прислали в связи с моей рецензией на повесть Солженицына.

Взяв в руки Вашу рукопись, я не ограничился тем «беглым просмотром», о котором Вы писали, а прочел ее всю подряд. В ней, на мой взгляд, есть куски различной ценности: есть наблюдения серьезные, значительные, есть и бесчисленные наблюдения всяких житейских подробностей, из которых одни более существенные, другие менее, потому что, скажу Вам откровенно, местами рукопись Вашу читал с интересом, местами интерес этот ослабевал, как бы растворялся во всех этих бесчисленных подробностях, которые Вы приводите по ходу дела.

Что я могу Вам посоветовать? Мне думается, что все написанное об этом периоде, о лагерях, мы напечатать не сможем. Если мы начнем сейчас печатать все, что об этом пишут, то мы заполним этим все наши журналы и издательства, потому что люди и хотят рассказать о том, что они пережили, и сейчас получили возможность рассказать это, и, конечно, стремятся это сделать. Однако, в то же время, наша литература — журналы, издательства — не могут львиную долю внимания отдать этому прошлому, потому что есть еще и настоящее, и будущее. Нужно продолжать строить наше общество, делать это в очень трудной обстановке очень ожесточенной борьбы двух мировых систем, а не в безвоздушном пространстве.

В то же время святое право людей, переживших то, что они пережили, рассказать об этом, оставить документы, которые бы свидетельствовали о том, как это было. Оставить эти документы, знать, что они не исчезнут, не пропадут, что они или будут изданы тогда, когда партия признает это возможным и нужным, или что они будут использованы, как материал, историками нашего общества.

Мне лично кажется, что должен быть создан какой-то один центр, может быть при Центральном архиве, может быть при каком-то другом учреждении, куда каждый может отправить свои воспоминания о том времени, будучи уверенным в полной их сохранности. Я думаю, что постепенно, на основе всех тех материалов, которые там соберут, будут подготовлены какие-то общие документальные работы, свидетельствующие о том, как все это было. А для создания таких работ будут необходимы воспоминания многих и многих людей; у одного будет братья одно, у другого — другое, у третьего — третье. А все это вместе сложится в суровую и объективную картину этого трагического времени. Вот что я думаю по этому поводу.

Судя по количеству рукописей и писем, полученных мною за последнее время, я чувствую, что проблему эту надо решать именно в этом плане. Таково мое личное ощущение. Может быть, Вы и не согласитесь с ним, но поскольку Вы именно мне прислали свою рукопись, я хочу поделиться с Вами своими соображениями, хотя, может быть, они отнюдь не бесспорны.

Рукопись посылаю одновременно с этим письмом.

С товарищеским приветом

Уважающий Вас

Константин Симонов.

VARIA

В. Аркавина

СУХОРУКОВА-СПЕКТОР И СУД НАД БАКИНСКИМИ С.-Р.

Публикация В. Гуляева

Читателю, знакомому с перипетиями московского процесса над ЦК ПСР в 1922, будет интересно узнать и о его провинциальной редакции. Наличие общих черт в обеих постановках несомненно, но гораздо важнее то своеобразие, с каким воплощался замысел столичных режиссеров на окраинных подмостках.

Если в Москве сердцевиной обвинительного сюжета был террор, то в Азербайджане в этом качестве избрали поджог нефтепромыслов (возможно потому, что нефтедобыча кормила значительную часть населения республики). Еще одна характерная деталь: на бакинском процессе обвинитель потребовал смертной казни для беременной О. Сухоруковой-Спектор. Такого отечественная Фемида не помнила со времен Геси Гельфман.

••

Автор публикуемого здесь отрывка — социал-демократка Вера Яковлевна Аркавина (1900-1980). Первый раз она была арестована в Харькове (1921), где работала при Главном Комитете РСДРП Украины. Выйдя на свободу, она в 1922-23 недолго побыла техническим секретарем Моск. К-та РСДРП, после чего вновь была арестована и прошла, начиная с этого времени, путь, характерный для социалистов 1920-х годов: Суздальский политизолятор — 1923-25; ссылка в Средней Азии — 1925-29 (с 1926 — во Фрунзе); «минус» в Ташкенте — 1929-30; ссылка в Петропавловске (Казахстан) — 1930-33; «вольная жизнь» в Харькове — 1933-35; высылка в Симферополе — 1935-38; Карлаг — 1938-41; ссылки и «минусы» в Азиатской части страны; затем (с 1954) — Харьков.

Так как впервые В.Я. была арестована еще в студенческие годы, так и не узнав нормального политического поприща, а в ее краткой подпольной деятельности превалировала почти исключительно техни-

ческая сторона, то ее мировоззрение, формировавшееся в основном в неволе или ссылке, носило общедемократический характер и было свободно от узких партийных пристрастий. Она никогда не презирала ни эсеров, ни анархистов, ни белых офицеров, ни неграмотных крестьян, да и в большевиках старалась разглядеть прежде всего людей. Это одно из главных достоинств ее воспоминаний. Безошибочное нравственное чутье помогало ей легко ориентироваться в человеческом пространстве.

Встречу Аркавиной с с.-р. О.Сухоруковой-Спектор нельзя отнести к центральному событию в судьбе мемуаристки. Однако, сопоставляя судьбу своей героини и ее литературного антипода чекиста Зудина, автор возвращается к ключевым для себя мыслям об иезуитском механизме деятельности власти и моральной несостоятельности маккиавеллизма.

В 1923-м году, вскоре после процесса ЦК партии эс-эров, прошел ряд процессов областных комитетов партии. Мне довелось встретиться с некоторыми из жертв бакинского процесса¹ и еще какого-то обкома партии, какой области — не помню.

Единственная женщина, обвиняемая по процессу бакинских с.-р-ов, — Сухорукова-Спектор² после суда прибыла из Баку вместе с группой своих однодельцев. Они обвинялись в поджоге Сурханских нефтяных вышек. У Сухоруковой месяца через два должен был быть ребенок. Держалась она с исключительным мужеством и достоинством. И она, и ее однодельцы содержались изолированно от остальных политических заключенных. На прогулку их водили вместе, и каждый день за Сухоруковой в Пугачевскую башню приходил мужской «надзор», отводивший ее на один из прогулочных дворов, предназначенных для прогулок мужчин. Такая изоляция уже после процесса была мало понятна. То ли дело их должно было пересматриваться, то ли уточнялось место отбывания срока наказания — группа не знала. Помню некоторые подробности из инсценировки суда, рассказанные мне Сухоруковой.

Как известно, самовозгорание нефти в Сурхане — такое же обычное явление, как самовозгорание породы на терриконах. В качестве «вещественного доказательства» поджога фигурировала фотография Сухоруковой на фоне горящей вышки. Даже более того, эта любительская фотография служила одним из самых веских доказательств ее участия в поджоге. (Хотя, зачем было бы преступнику оставаться на месте преступления?)

Сам «процесс» их напоминал театрализованное зрелище. Заключенных везли по городу под усиленным конвоем казаков

с шашками (или саблями?) наголо, усиленная охрана окружала и скамью подсудимых. Попытки дать объяснения по сути обвинения тут же прерывались окриками.

Сухорукова разговаривала со мной урывками, я не могу теперь вспомнить, удалось ли обвиняемым доказать, что сама идея поджога нефтяных вышек была им глубоко чужда хотя бы потому, что породила бы безработицу среди трудящихся, интересы которых они защищали.

Следователем Ольги Сухоруковой был Тарасов-Родионов³ — автор нашумевшего в свое время рассказа «Шоколад»⁴. О нем, как о писателе, Сухорукова ничего не знала, и потому, когда он на следствии коснулся ее стихов, Ольга прервала его, заявив, что стихи ее никакого отношения к следствию не имеют, да и он вряд ли в них разберется. На это автор «Шоколада» ответил, что она напрасно так полагает (он, по-видимому, переоценил популярность своего произведения).

Но рассказа стоит коснуться, т.к. автор его, возможно неожиданно для самого себя, разоблачил всю недозволенность *сознательного* оговора органами своего, абсолютно честного и преданного человека для успокоения общественного мнения — чтобы верилось: виновник экономических неполадок найден и разоблачен.

«Шоколад», по-видимому, был задуман, как выражение высшей степени преданности работника «органов»: оклеветанному герою не могли обещать, что даже сын узнает о его невиновности. Но правда, как всегда, оказалась сильнее тенденции. Невольно чувствовался «иезуитизм» такого поступка и безнравственность известного лозунга «цель оправдывает средства». Сомнения неизбежно шли дальше: если клевета допустима в отношении близкого человека, которого связывали с органами годы доверия и совместной работы, то насколько же легче «оговорить» людей, не связанных с этим учреждением, т.е. возникал вопрос о родстве всей этой следственной кухни с человеконенавистническими заветами Лойолы... Но Ольга Сухорукова «Шоколада» не читала и многое ей было неясно.

Очутившись в ЖОКе (женский одиночный корпус для политзаключенных), я поспешила передать о положении Сухоруковой в МОК (мужской одиночный корпус), в котором были разрешены свидания. Знаю, что благодаря хлопотам Е.П. Пешковой и све-крови Сухоруковой она была освобождена незадолго до родов. О дальнейшей судьбе группы бакинских эс-эров не знаю ничего, кроме того, что они не находились ни в одном из политизоляторов и, по-видимому, отбывали свой срок в одной из тюрем

Ярославля или во Владимире. Но я не могла не вспомнить еще раз об этом процессе, когда в 1926 году в руки одного из наших товарищей попала секретная инструкция, рекомендовавшая всюду, где возможно, обвинять политических в уголовных преступлениях, и не смогла не оценить процесс бакинских эс-эров, как предтечу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Процесс ЦК ПСР и ее активных членов проходил с 8.06 по 7.08 1922 в Москве. Дело бакинских и закавказских с.-р. слушалось в Верховном Ревтрибунале Азербайджанской ССР с 1 по 9 дек. 1922 в Баку. Суду были преданы 32 человека. Наряду с с.-р. Марией Сундукянц (р. 1863), Николаем Аношиным, Антоном Булгаковым, Максимом Зайцевым, Григорием Королевым, Иваном Крестовским, Елизаветой Левиной, Ханифой Ханум Нагайбековой, Михаилом Осинцевым, Федором Плетневым, Ольгой Самородовой (в тексте — О.Сухорукова-Спектор, см. о ней прим. 2), Верой Светловой, Никанором Сизовым, Дмитрием Сорокиным, Иосифом Спектором, Николаем Тархановым, Иваном Тер-Оганяном, Антоном Фионкиным, Авраамием Фонштейном, Николаем Чвановым и Яковом Штериним, к делу были привлечены бывшие члены Азербайджанской партии с.-р. «Халгчи» (самораспустившейся в 1921) Джамо Сулейман-бек-оглы (Гаджинский), Карашарли риза Бала-оглы, Асаан-бек Агалар-оглы Сафикюрдский, Керим Фейзула-оглы, монархист Кондратий Иванов, а также беспартийные Михаил Голомазов, Иван Доронин, Николай Клешапов, Николай Тер-Терьян, Риза Хатти Шабанов и Хан Киши Ибрагим-оглы Шахвердиев. Обвинение в «поджоге нефтяных промыслов в Сурхане» было не единственным на этом процессе. Так, например, председатель Бакинского комитета ПСР М.Осинцев обвинялся, помимо прочего, в сотрудничестве с англичанами при казни 26-ти бакинских комиссаров в 1918; Я.Штерин — в участии в X Совете ПСР (авг. 1922) от Бакинской организации; а Н.Аношин, А.Булгаков, Г.Королев, О.Самородова, И.Спектор и В.Светлова — в участии в Советании закавказских с.-р. в февр. 1922.

Трибунал состоял из Полуяна (пред.), Бабаева, Романова и Аскерова (запасной член). Обвинителями выступали Васильев и Велибеков. Защищали подсудимых Пиник, Ханакарян, Амиров, Гепштейн, Бляхин и Тимков. Процесс сопровождался ожесточенной кампанией в местной печати с требованиями смертной казни для всех обвиняемых.

Интересно, что в дни процесса в Баку происходили выборы в Советы, а с агитационной речью на промыслах выступал посетивший город в этот момент зам. пред. СНК А.И. Рыков.

М.Зайцев, Ф.Плетнев, М.Голомазов, К.Иванов и Н.Клешапов были приговорены к расстрелу, Карашарли, М.Осинцев, А.Фонштейн и

Я.Штерин — к 5 годам заключения, Н.Аношин, Гаджинский, И.Крестовский, О.Самородова, И.Спектор, А.А. Сафикюрдский и Н.Тарханов — к трем, остальные к меньшим срокам. 8 человек были «освобождены от наказания» либо получили условный срок, а один — оправдан. Вероятно, в Москве в 1923 дело подвергалось пересмотру. Срок О.Самородовой при этом изменен, видимо, не был.

² Сухорукова (урожд. Самородова, по 2-му мужу — Спектор) Ольга. Род. в 1895. Сухоруков — фамилия ее 1-го мужа, замученного белыми в Ленкорани в 1918. В 1919 О.Сухорукова — секретарь Черноморского к-та освобождения. При аресте к-та после прихода Красной Армии избежала ареста и приехала в Краснодар. С 1920 вместе с Н.Аношиным и А.Фонштейном — чл. Оргбюро Бакинского к-та ПСР. Она не была единственной женщиной, привлеченной к этому делу (см. текст), но срок получила больший, чем чл. ОК ПСР Е.Левина, ветеран ПСР М.А. Сундукянц и хранительница литературы Бакинского к-та ПСР Х.Х. Нагайбекова. Обвинение ее на процессе сводилось к тому, что в первых числах апр. 1922 она, якобы, передала М.Зайцеву сообщение о предстоящих арестах с.-р. и «директиву Бакинского к-та ПСР организовать поджог Сурханских нефтяных промыслов в ответ на эти аресты». Зайцев «передал эту директиву Плетневу, тот — Голомазову». После ареста Плетнева 7.04.1922, Голомазов 9.04 поджег *бездействующую буровую /курсив наш. — Публ./* в Раманах, был арестован, а 10 и 16.04 загорелись еще 3 вышки. Голомазов «признал свою вину полностью», а Плетнев и Зайцев «частично». Сухорукова на суде резко отрицала показания Зайцева. Изложенное наводит на мысль о том, что обвинение в поджоге носило провокационный характер. Тем не менее, обвинитель Васильев, почти не настаивая на фактической доказанности эпизода с поджогом, потребовал расстрела как для «исполнителей» Голомазова, Плетнева и Зайцева, так и для «морально ответственных» Аношина, Фонштейна и Сухоруковой. Суд, однако, не согласился с ним и признал вину трех последних «в принятии решения о поджоге промысла» не доказанной.

В дек. 1925 О.Сухорукова с мужем И.Спектором жила в Ленинграде. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

³ Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885-1938) — писатель, чл. КП с 1905 (в 1923 — исключался из РКП(б), вскоре восстановлен). Перед Первой мировой войной — пом. присяжного поверенного. В окт.-ноябре 1917 — в распоряжении Пг ВРК, комендант поезда Крыленко, направлявшегося в Могилев. Был следователем при подготовке одного из первых политических процессов после Октября (дело В.М. Пуришкевича, который на суде брал назад свои показания, обвиняя Т.-Р. в том, что тот вынудил его их дать). В годы Гражданской войны занимал видные посты в РККА (кончил войну нач. штаба Второй Конной армии). В 1922-23 — следователь по важнейшим делам Верховного трибунала РСФСР. После этого — редактор ГИЗа, сотрудник журнала «Октябрь»,

профессиональный литератор. Арестован не ранее 1937. Вероятно, расстрелян.

Отношение бывших чл. ПСР к Т.-Р. характеризуется следующим эпизодом. С.Д. Мстиславский (см. о нем прим.28 к воспоминаниям Б.А. Бабиной, с.76 наст. выпуска) в кн. *БЕЗ СЕБЯ* (М., 1930) рассказывает об аресте группы монархистов чекистами. Там был изъят «длинный список: и Вахрамеев, и Лыжин, и Тарасов, и Родионов, и еще другие» (с.12). Неясно, является ли это место скрытым намеком на политические взгляды Т.-Р.

⁴ Повесть *ШОКОЛАД* впервые опубл. в журн. «Молодая Гвардия», 1922, № 6/7, с.1-89. Отдельным изданием напечатана ГИЗом (М.-Л., 1925). Получила ряд откликов в современной периодике: от сдержанного (А.Воронский, «Красная новь», 1923, №1, с.303-305) до резкого (Л.Соэновский, «Рабочая газета», М., №81, 15.04.1923).

Действие происходит в прифронтовом городе во время Гражданской войны. Председатель ГубЧК Зудин принимает на работу машинисткой в ЧК безработную балерину Вальц. Вскоре она дарит жене Зудина чулки и шоколад. Зудин порицает жену за то, что она приняла подарок, но не может заставить ее вернуть его. Вальц шантажирует богатого купца Чоткина, требуя от него золото за освобождение его сына из ЧК (на самом деле сына и так должны освободить). Сделка не удается. Сына Чоткина расстреливают как заложника в ответ на убийство большевика. Слух о том, что в ЧК берут взятки и что дети предгубЧК едят шоколад, когда народ голодает, разносится по городу. Вальц арестовывают. Затем арестовывают и приговаривают к расстрелу Зудина. Главный мотив приговора — партия должна быть чиста в глазах народа. Кончается повесть тем, что он соглашается с мотивом приговора, готов навеки стать «символом предательства, низости, подлости по отношению к честнейшему и чистейшему делу постоянной и вечной революции, ради счастья всех обездоленных людей». «Весело» и «с нетерпением» герой ждет, когда его поведут на казнь.

А.Воронский указывал, что в основу повести лег реальный эпизод. Это подтверждается и отзывом о ней Ф.Э. Дзержинского, приведенным в воспоминаниях В.В. Овсенко: «Был примерно такой случай, но обобщать не следовало» (*РЫЦАРЬ РЕВОЛЮЦИИ*. М., 1967, с.312). Прототип главного героя — чл. коллегии Пг ЧК Д.Я. Чудин, расстрелянный 23 авг. 1919. О его деле см. *ИЗ ИСТОРИИ ВЧК. 1917-1922*. М., 1958, с.314-316.

В 1967 по мотивам повести М.Маклярским и К.Рапопортом была создана пьеса *ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ* (в переиздании 1968 наз. *ВЫСШАЯ МЕРА*).

М. Байтальский

ТРОЦКИСТЫ НА КОЛЫМЕ

Публикуемый текст принадлежит перу Михаила Давыдовича Байтальского (1903-1978), при жизни печатавшегося в зарубежных изданиях под слегка измененной фамилией (см., напр., Д. Байкальский. *КАШКЕТИНСКИЕ РАССТРЕЛЫ*. — «Время и мы», №11, 1976). Сведения о нем содержатся в некрологе *ПАМЯТИ МИШИ БАЙТАЛЬСКОГО* («Поиски», М., №3, 1978, машинопись).

Воспоминания Б. сильно беллетризованы, и мы не располагаем подтверждающими их документальными свидетельствами. Тем не менее, скудость сохранившихся сведений о событиях на Колыме в 1937 (и особенно о судьбе троцкистов) заставляет нас бережно отнестись ко всякому источнику, содержащему хотя бы крупицы информации. Мы будем благодарны нашим читателям за любые уточнения и дополнения.

Ровно месяц со дня отбытия из Караганды тащился наш арестантский эшелон. В заливе нас уже поджидал пароход Дальстроя — не то «Джурма», не то «Кулу».

Надо отдать справедливость истинно революционному духу большинства этого этапа — троцкистов; весь путь от пересылки к порту, под эскортом многочисленного конвоя, сопровождался пением старых революционных песен. С большим воодушевлением весь этап, с обнаженными головами пел «Интернационал», «Вы жертвою пали», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу»...

Матросы грациозного, молочно-белого танкера под норвежским флагом, пришвартованного к берегу, высыпали на палубу

и с нескрываемым удивлением наблюдали столь удивительный подконвойный этап, бодро шагающий под звуки знакомого им «Интернационала»...

В порту новое осложнение: пароход стоит на дальнем рейде и грузится с барж, буксируемых катером, но вторая баржа этапируемых отказывается грузиться, пока начальство не пообещает им свободу передвижения по палубе.

Утром прибыл из города катер с прокурором и представителем НКВД. Требования старостата о свободном пользовании палубой и кормлении этапа из котла конвоя были удовлетворены, и весь этап был погружен на пароход. Впереди — пятеро суток плавания Охотским морем до ворот Колымы — бухты Нагаево. Плыдем...

На виду у японских берегов конвоиры на палубе снимают форменные фуражки, шинелью прикрывают винтовку и вплотную прижимаются спиной к мачтам и большим ящикам грузов на палубе. Почти весь этап на палубе. Уголовники и бытовики заперты в трюмах. Кормят неплохо, ни в чем нас, политических, не стесняют. Наше единственное начальство здесь — старостат. От этапа я стараюсь держаться подальше, как «неприсоединившийся».

По вежливости обращения конвоя, по уступчивости и всему поведению начальства на берегу чувствуется, что власти действуют не за свой страх и риск, а согласно инструкции центра: не раздражать этап, идти на уступки, лишь бы благополучно, тихо, бесшумно доставить его на Колыму... Дорого, ох как дорого пришлось впоследствии расплачиваться, и в первую голову — старостату, за те «блага», которыми этап пользовался в пути!..

...На второй день после нашего прибытия на Магаданскую пересылку к нам явился представитель НКВД, объявивший нам, что все прибывшие на Колыму КРТД будут здесь содержаться на общелагерном режиме, на общелагерных условиях. Объявил нам правила режима, вызвавшие резкие протесты наиболее активной части этапа. Старостат (карагандинский старостат пока не сложил полномочий, а слился со старостатами других троцкистских этапов, прибывших с нами из Владивостока) опубликовал требования, которые он намерен предъявить администрации. Требования сводились в основном к следующему:

- 1) КРТД будут содержаться на Колыме на правах ссыльных.
- 2) Каждый получит работу по специальности.
- 3) Оплата труда — по общетарифной сетке.
- 4) Не разъединять супругов.
- 5) Свобода переписки между собой и с материком.

В случае неудовлетворения требований объявляется голодовка до их удовлетворения.

...Грустнее всего было то, что большинство экстремистов состояло из идейно крепких революционеров, настоящих коммунистов. Среди них были и отдельные фанатики-троцкисты с большим партийным стажем, но большинство крайних состояло из горячего, неопытного в политической борьбе молодняка, считавшего себя настоящими борцами за ленинизм.

Можно с уверенностью утверждать: если бы они понимали, что партии уже давно нет, а есть партаппарат во главе со Сталиным, что в 1936 г. всякий экстремизм льет воду на мельницу сталинско-гитлеровской коалиции, если бы они не считали себя органически связанными пуповиной с «партией», — они не пошли бы ни на обструкции, ни на голодовки, ни на любые эксцессы, которые обычно организовывались НКВД по заданию Сталина в целях оправдания своего террора.

...Ввиду того, что требования старостата были НКВД отвергнуты, была объявлена группой около ста, т.е. меньшинством, голодовка.

Я к голодовке не присоединился. Это удивило тех товарищей по этапу (а не по мировоззрению), которые меня знали как непримиримого антисталинца, как принадлежавшего со времен Десятого партсъезда к «Рабочей оппозиции», как неоднократно подвергавшегося взысканиям за оппозиционные выступления, наконец, — как старого партийца — профессионального революционера. Я никому не разъяснял и не объяснял свою позицию как в вопросе о голодовке, так и позицию мою по любому политическому вопросу — по очень простой причине: я *ни-ко-му* не доверял. Я знал, убедился, что никакое политическое течение не имело в своей среде такого числа осведомителей и провокаторов, как партийные оппозиционные группировки; среди этой агентуры было немало таких, которые полагали, что в качестве тайных агентов во «вражеском стане» они действуют «для вящей славы» дела партии, во имя охранения «дела Ленина». Ни с кем не разговаривал я в этапе на политические темы, ибо твердо знал, что мои высказывания не позднее завтрашнего дня будут представлены «куда следует». Я не присоединился к голодовке потому, что понимал: нас спровадили на Колыму не для того, чтобы создать нам условия нормального существования. Я понимал, что НКВД заинтересовано в организации всяких экстремистских выступлений, всяких путчей. Я уже задолго усвоил истину политической борьбы: «Не делай того, что выгодно врагу», т.е. в данном случае — Сталину-Ежову. Добровольно лезть

в пасть чудовищу у меня не было никакого желания. И, кроме того, я считал, что кто-нибудь да должен же выжить, чтобы поведать потомству, что такое — сталинизм.

Назавтра после объявления голодовки нас, неприсоединившихся, развели по командировкам, т.е. по приискам.

Объявившие голодовку отказались грузиться, и их погрузили насильно. Связав сопротивлявшихся, их развели по всем командировкам с таким расчетом, чтобы на каждом пункте было минимальное количество голодающих.

Голодающих кормили через нос питательным бульоном, что продлило голодовку чуть ли не до ста дней.

Голодовка твердокаменных троцкистов закончилась их «победой». «Победа», как и следовало ожидать, была пирровой: было достигнуто письменное соглашение, чуть ли не договор, что в случае прекращения голодовки НКВД обязуется выполнить предъявленные требования. До чего же наивны были голодающие, доверившиеся НКВД! Удивляло, как такие крупные работники с дореволюционным стажем, как член Президиума ВЦИК Самуил Кроль и член коллегии НКФ Украины Абрам Гринштейн, как даже эти участники голодовки не понимали, что уже давно, после убийства Кирова, Сталин взял курс на физическое истребление всякой оппозиции. Что устроенная ими голодовка объективно шла навстречу сталинским намерениям.

Вместо линии пассивного подчинения с целью физического сохранения своих жизней, подобно декабристам в ссылке и на каторге, они взяли курс на сопротивление сталинизму. В обезличенной, глухонемой стране, в условиях типичнейшего полицейского государства, лучшая часть бывлой мощной когорты обрекала себя на истребление неправильной, наивной тактикой борьбы. Борьбы с мощнейшим аппаратом НКВД, который был орудием сталинизма.

Повторяю: руководство заключенных на Колыме троцкистов ушло от действительности, игнорировало реальное соотношение сил.

**

...Несколько месяцев я пробыл на прииске Торопливый. Однажды перед отходом ко сну:

— Кто здесь такой-то?

— Я такой-то.

— В три часа ночи отправляются в Ларюковую возчики. Вы с вещами поедете с ними, вызывают вас в Отделение.

Понял я, в какое отделение.

Приехали. Стрелок сдал нас в Управление НКВД.

После предварительной «соответствующей психологической обработки» меня отправили за колючую проволоку. Палатка большая, на 60 человек, обогреваемая железной бочкой из-под бензина. В палатке человек пятнадцать троцкистов и левых — децистов, активистов. Все они, как выяснилось, доставлены с разных приисков на суд. Никого ни о чем не расспрашиваю: я ведь — чужой, открыто возражающий против голодовок, демонстраций и прочих мероприятий, ведущих к физическому истреблению всяких оппозиций. И вдруг от троцкистов отделяется фигура и направляется ко мне. В полутьме узнаю Бориса Княжицкого. Помню его еще по Николаеву. Тогда он был совсем мальчишкой. И позже — в Харькове. На пароходе во время этапа он был близок к старостату и со мной не заговаривал. Схватил меня за руку.

— И вас, М.Я., вас тоже — на процесс?

— Какой процесс?

— Я вам все, все расскажу.

Приглядываюсь к нему: бледен, глаза странно неподвижны, говорит, заикаясь, дрожь в голосе, лицо подергивается судорогой тика.

— Я сейчас, одну минутку. Все, все расскажу. Вот только станцюю вам аргентинское танго!

Оторвался от меня, завертелся, переключился на ритм танго и вслед за несколькими па запел мягким приятным тенором:

Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтая...

Все притихли, продвинулись к концу нар, с интересом наблюдая стройную фигуру красивого танцующего Бориса. Густая прядь волос его пышной шевелюры спустилась на высокий белый лоб, глаза лихорадочно заблестели... «Очей прекрасных огонь я обожаю», — пел он, танцуя, как в шаманском трансе... Я приглядывался, оценивая мысленно его поведение. Что это — симуляция? Реактивный тюремный психоз? Пограничное состояние, нечто на грани невроза и психоза? Закончив, ринулся ко мне, схватил свое пальто в одну руку, мой бушлат — в другую.

— Одевайтесь, выйдем, все расскажу.

Вышли во двор. Безветренная, лунная, морозная ночь.

— Вы, М.Я., догадываетесь, кто я? — И — хлоп себя ладонью по лицу. — Вы что думаете? Думаете, я старый Борис, ваш ученик, которого вы ввели в девятнадцатом в комсомол, потом — в партию, затем взяли к себе в Харьков, направили на рабфак, потом в институт... Ведь вы были для меня образцом

всего хорошего, всего святого... Я ведь всегда молился на вас, как на икону. И вот теперь, перед концом своим, я счастлив, что встретил вас, потому что никому я и перед смертью своей не могу исповедаться, кроме как перед вами. Но все равно все вскроется и все узнают, кто я... Знаю, что некоторые троцкисты уже поняли, какую роль я в их среде играю. Но я хочу, чтобы *обо всем* узнали вы. М.Я.! Когда вас после дискуссии 23-го года исключили за ваше выступление на активе, — помните? — и девять месяцев держали вас без работы, издевались над вами, вы с семьей голодали... Я помню все это, хоть прошло четырнадцать лет. Ну вот я, когда узнал, что вас исключили, подумал и другим говорил: если уж таких исключают из партии, как М.Я., то кто же в партии останется? Я знал, что вы были в «Рабочей оппозиции», но мне казалось, что Троцкий активнее Шляпникова борется с тогдашним партийным режимом. Я считал Троцкого заместителем Ленина. И вот я стал тогда троцкистом. Подпольным. Активным. Окончил текстильный институт, стал инженером. Открыто не выступал. Голосовал всегда за линию ЦК, а подпольно распространял троцкистскую литературу. У меня не было закалки и стойкости старых, дореволюционных партийцев! Я стал разлагаться. Уже имея двух детей, сошелся с влюбившейся в меня, как кошка, заведующей отделом кадров партийного аппарата. Она настояла на моем уходе от семьи. Я оставил семью (воли у меня не хватило!), стал алиментщиком. Моя сожительница не знала о моем троцкизме. Мы оба получали хорошее содержание, дававшее нам возможность хорошо одеваться, отлично питаться — она была прикреплена к закрытому распределителю. Посещали театр, оперу, оперетту (вы помните, как я люблю музыку!). Жили мы с ней, что называется, «вовсю». Я работал инженером текстильного треста. При ее содействии, конечно, я был включен в состав группы специалистов, отправленных за границу с целью ознакомления с текстильным делом в ряде капиталистических стран. А там... Впервые увидел я и кафе, и дансинги, и прочее такое, чего я не знал. Словом, увидел я, как «буржуазия разлагается». Ох и заразительное это дело! Даром, что я истинно пролетарского происхождения и ваш ученик. Но, как видно, безвольный или слабовольный я человек, да притом — двурушник. И музыку люблю. Веселую. И танцы... Откуда оно у меня — не понимаю. Вы, М.Я., тоже были подпольщиком. Но то было другое время, другие люди. Идейность была, окружение было другое... Вы! не устали слушать меня? Вам не холодно? Может, в другой раз доскажу? Нет? Нас жена и дети в палатке не ждут ведь... Жена и дети! Променял я их, подлец,

на шуштуру, на соблазны мирские. Променял и чистых, идейных товарищей по троцкистскому подполью на чечевичную похлебку НКВД...

Но вернемся к прерванному... Да-а, то ли проследили меня, то ли другой предатель, вот такой, как я теперь, выдал меня, или моя новая жена руку приложила, — не знаю, но меня в один прекрасный день (самый черный в моей жизни, будь он проклят!) вызывают — и: «Значит так, Княжицкий? Подпольщик? Двурушник? Та-ак... Значит, теперь что будем делать, га?» Онемел я. Молчу. Чувствую, что кровь прилила к лицу, онемели ноги... Потом чувствую — побледнел. Потемнело в глазах... Медленно потянулся к графину с водой... Особа, исповедовавшая меня, предупредила движенье к графину, налила мне полстакана воды, подает... Я пытаюсь выпить — рука дрожит, стакан танцует, бьется краями о зубы... — «Ничего, ничего, Княжицкий, успокойся, выпей, выпей воды. Легче станет». Справился я наконец с дрожью. Сделал несколько глотков. Немного успокоился. «Тэ-эк, — тянет "особа", вперив в меня взгляд. — Значит так? Что ж мы теперь делать будем, Княжицкий, га?» — Молчу. «Я-а, — наконец начал я. — Я-а...» — «Знаем, что ты. Ну, теперь слушай! Мы тебя давно разрабатываем. Мы все знаем о тебе. Все! Понимаешь, все! Гадай не гадай, все равно не догадаешься. Бесполезно! За границей был?» — «Был. От наркомата, через ЦК». — «Ага, именно через Цека (неужели, промелькнуло в мозгу, новая жена?)... Так вот что: ты как думаешь, мы тебя "страдальцем за идею" сделаем? Идейным оппозиционером? Нет, батенька, прошли те времена! Ты знаешь, что такое пятьдесят восемь-шесть? Нет? Не знаешь? На, читай! — и подает мне Уголовный кодекс: — Читай! Понял? Понял, что значит шпи-о-наж? За границей был? По кафе и дансингам ходил? — тут он повысил голос. — Идейный, законспирированный троцкист? Нет, б...., ты, так твою мать, шпион, разведчик капиталистической страны, завербованный за границей. И сошелся ты с честной ответственной работницей партийного органа в целях шпионажа. Понял? Подожди, не перебивай, знаю твои возражения...» — «Все, что угодно, — промямлил я, еле ворочая языком, — все, что угодно, только не шпион!» — «Шпион! — крикнул он во весь голос. — Шпион! Высшая мера тебе, б...., уготована!» У меня закружилась голова, потом, чувствую, что она опустела. Совершенно. И язык прилип к гортани. Не могу произнести ни звука. И ничего, ничего не соображаю. Тишина. И вдруг он, понизив тон, обращается ко мне: «Выпей воды и слушай. Ты можешь еще искупить свою вину перед партией. Ты слушай, Княжицкий, что я тебе говорю. Слу-

шай и исполняй, иначе прощайся с жизнью. Мы, ты знаешь, не шутим. Давай — подписывай». — «Что, — спрашиваю, — эту подписку? Обязательство?» Я даже не прочитал как следует — буквы у меня прыгали перед глазами. — «Ну что медлишь? — гаркнул мой пытчик. — Гадить партии умел, а помогать ей, чтоб искупить свою вину перед партией, страной, перед народом, — на это тебя не хватает? Кишка тонка? Ты что, забыл завет: "Каждый коммунист должен быть чекистом"? И — что? Брезгаешь? Выбирай!»

М.Я., я... я подписал. «Ну, порядок! Теперь вот что: ты, значит, Княжицкий, обязуешься отныне продолжать свою подпольную троцкистскую деятельность и два раза в неделю нам сообщать письменно обо всем и обо всех, что знаешь. За саморасшифровку, за разглашение — читал в подписке, что полагается? Ну вот. Рапортички будешь подписывать "Граф". К нам не ходи, нужно будет — вызовем. Сдавай рапортички... — Ох, М.Я., знаете, кому я должен был сдавать рапортички, через кого получать задания? Жена новая... Мой палач продолжал уже нормальным, даже игривым голосом: — Не бойся ее, она честный, преданный партработник и — главное — тебя сильно любит. Ни за что с тобой не расстанется. Ничего, потом привыкнешь. Ты не первый. Пути от нее для тебя, Княжицкий, отрезаны. Помни. Все! Давай пропуск, подпишу выход». Когда я вышел, было около двух часов ночи. Значит, продержали меня около пяти часов... Вышел я уже в новом качестве: кончился прежний Борис Княжицкий. Есть теперь «Граф». К чему только человек ни привыкает! Привык и я. Года четыре таким образом работал. И не только в роли «сексота», обычного осведомителя, а и в роли «выполняющего поручения», т.е. провокатора. А вы знаете, что это значит. Я помню, как вы их в семнадцатом году раскрыли, когда охранное начальство в полосу керенщины отказалось расшифровать их клички. Ну так вот, таким же провокатором стал и я. Вы знаете, какие думы меня тогда посещали? У меня вдруг появилась мысль: если бы мне поручили следить за М.Я. или, хуже, — его провоцировать, был бы я в состоянии справиться с заданием? И пришел к твердому убеждению: нет! Я бы просто заявил, что задания в отношении вас я не в состоянии выполнять. Вот как было...

Нагнувшись, Борис высморкался при помощи пальцев, засунил руки в рукава пальто и продолжал:

— Женушку новую держали при мне, а меня — при ней. Выпало за это время разное. Несколько раз я переживал кризисы душевные: все и вся становилось вдруг противным, хоть вешайся.

Измотался я нервно донельзя. Вдруг тоска страшная подступит, а то внезапно такое веселье охватит, что тянет петь и плясать на крышах домов... Или вдруг, среди ночи, проснешься от толчков в сердце и больше уже не спишь. И она, женушка, станет тебе так противна, ненавистна, что... Ох, единственное, что успокаивало, — это мысль о том, что я могу своей первой жене и детям помогать. А я им ежемесячно выплачивал больше, чем с меня причиталось алиментов. Я не по суду платил, а сам, добровольно. Живу на два дома, на две семьи, на две партии, на два отношения к людям, к себе. Два лица у меня, две души, два мозга... Энкаведешников ненавижу. Сталина — попадись он мне — руками удушил бы, а «работать» — исполнять поручения, людей сажать — обязан: подписку дал. Ну, думалось, не выдержу, подохну, уничтожат меня или покончу с собой — а с детьми что будет? Любил я их очень. А может — так думалось ради собственного успокоения, ради самооправдания? Ну ладно. Прошло больше четырех лет моей «работы». Помните, в начале тридцатых годов уже мало осталось на воле троцкистов. Подполье рассеялось. Большинство отошло от оппозиции, стало верно служить Сталину, шкурниками стали, а меньшинство — кто в политизоляторе, кто в ссылке, в лагере. И вы знаете, что со мной, гады, сделали? Арестовали меня... Правда, мягко подошли. «Так надо. Поедешь в ссылку. Не этапом. Там явишься. Там уже будут знать. Мы им напишем. Останешься "Графом". Войдешь в колонию ссыльных. Материально будешь обеспечен, не беспокойся. Будешь освещать жизнь троцкистской колонии. Ну, и — задания местного отделения нашего. Понял?» — Понял, говорю. А что мне оставалось делать? Мне троцкисты-ссыльные доверяли, видели, что я — «в курсе», знаю многих, вплоть до лидеров. «Освещал». Четверых из колонии в результате моего «освещения» и выполнения заданий, перевели с добавочным сроком в политизолятор. Чувствовал ли я угрызения совести? Нет. Во-первых, потому что одеревенел, окаменел, — привычное дело. Во-вторых, понимаете ли, искал для себя внутренние оправдания: мол, в политизоляторе лучше, чем в ссылке, так что посаженные мало чем рискуют. И еще: если уж Иван Никитич Смирнов отошел, Лев Семенович Сосновский отошел, Христиан Георгиевич Раковский заявление подал... М.Я.! Ну, я — предатель, осведом, стукач, проститутка... Все, что угодно. Я, конечно, не сравнивал себя с большими людьми. Но когда обо всем этом вспоминал, мне становилось легче, хоть поведение вождей и не служит мне оправданием.

— Ну-у... Пришел май тридцать шестого, и всю, без исклю-

чения, колонию нашу забирают — и на Колыму. Накануне этапировали меня, вызвали и сказали: «Идешь с ними. О тебе — сообщаем Колымскому Управлению. Понял?» — Понял... М.Я.! А известно ли вам, что от данной подписки есть лишь одно спасение: смерть. Или тебя уберут, или сам кончай. Но меня на самовольный уход из жизни не хватало. Уж очень я большой и упорный жизнелюб! Мы с вами встретились, помните, на пароходе? Я старался держаться от вас подальше. Я думал, вы будете с бунтовщиками. Но потом увидел: вы против всяких авантюр, — и успокоился. Я понял, что вы никому не доверяете. Я к вам почти не подходил, боялся, чтоб меня о вас не спросили. А я ведь знал, что я не один «Граф» среди троцкистов, что таких «графов», как я, в нашем этапе до черта. По прибытии на Колыму в Магадане, конечно, явился к начальнику секретно-политического отдела. Он меня хорошо принял. Дал задание представить ему доклад обо всем, что я во время этапирования наблюдал. Я, конечно, написал. Ну, объявили голодовку. Как мне, думаю, быть? Не навлеку ли я подозрения, если не присоединюсь? Выдали мне врачебную справку, что болею туберкулезом. О-о, вы не знаете их, они все что угодно могут сделать. Ну и вот, освободил меня старостат активистов-троцкистов от участия в голодовке. Получил я от начальства моего назначение: «Будешь числиться в качестве текстильщика товароведом кооперации. Будешь по постоянному билету разъезжать по трассе и от "них" будешь связным». Ладно. Объявили троцкисты голодовку. Развели их поодиночке по приискам. А вы, М.Я., у меня из головы не выходите: куда вас направят? На какую работу? И я решился заговорить о вас с начальством на правах, так сказать, «своего» у них. Охарактеризовал вас как старого революционера и так далее, стал просить о назначении вас на работу по специальности. «Что-о? — рассердился начальник. — За такую сволочь контрреволюционную просишь? Ты знаешь, кто он? Мы эту вражину на дальний прииск, на общие назначим. И больше чтоб от тебя не слышали о нем, понял?» Ну, проследил я, когда вас погрузили и, пользуясь своим бесплатным проездным билетом кооперации, — в Ларюковую, откуда — путь на Торопливый. Вот мы у трассы в Ларюковой и встретились. О-ох, и горько мне тогда было, когда вас увидел. Подумать только! Я — вот где и как, а М.Я. — в забое!.. Ну и вот, связал я троцкистов всех приисков, всех командировок. Не пойму я, как они наивны и доверчивы! Через два третий — осведомитель, а они так слепо верили мне. Больше полугода я был связным и часто встречался с их лидером Кролем. Подумайте, М.Я., Кроль! Самуил Кроль! светлая личность! член партии

с 913-го года! Член президиума ВЦСПС! И такая неосторожность! Через меня он поддерживал связь с разбросанными по всей трассе троцкистами! И во время голодовки бессмысленной, и после. Все записки их, конечно, в отделениях НКВД фотографировали, записки я отдавал по назначению, а фото представлял потом в Магадан. В Управление. Ну, теперь немного осталось, М.Я., но — самое важное, самое страшное. В одной из записок Кроля было: «нам бы организовать крепкий кулак в двести сотни человек для отстаивания наших интересов, и тогда нас не замучат на общих работах». Приблизительно так. Теперь начальство решило и здесь организовать суд над троцкистами. Я твердо знаю, что местное НКВД неохотно, только по московскому приказу готовит здесь процесс. Но у НКВД не хватает материалов. Весь актив, старостат троцкистский уже сидит в «доме Васькова» в Магадане. Теперь свозят второстепенных. Но ведь я бывал у начальника Управления дома запросто. Они сами говорили мне, что считают меня ответственным работником НКВД, хоть и негласным. Недавно на обеде у начальника я опять завел разговор о вас, М.Я., я уверял их, что вы не троцкист, что вы примыкали к Рабочей оппозиции в 21 году. Я рассказывал о вас, как о старом дореволюционном партийце, о вашей роли во время гражданской войны в Николаеве, и просил перевести вас на работу по специальности. «Мы, — сказал начальник, — его вызовем, прощупаем. Куда его присоединить. А что он не троцкист — особого значения не имеет. Все равно — упорный оппозиционер». Вот вас и привезли, чтобы решить здесь, присоединить ли вас к троцкистам, которых собираются судить. Я знаю, что по всей стране в лагерях для КРТД будут организованы процессы. От них это знаю. И вот, мне начальник заявил: для юридического оформления процесса меня придется расшифровать, чтобы я выступил в процессе. Я согласился. Ну, думаю, конец моей гнусной роли! Пусть считают меня «раскаявшимся» троцкистом, но не провокатором. Если Зиновьеву, Каменеву и Радеку можно было так держать себя на процессе, то чего же требовать от меня? И вдруг здесь, М.Я., начинается самое страшное. Начальник мне заявляет: «Теперь, Борис, слушай задание, слушай внимательно. Ты должен будешь дать письменные показания и устно — на суде — о том, что троцкисты здесь, на Колыме, во главе с Самуилом Кролем подготавливали вооруженное восстание (не более, не менее! Вы слышите, М.Я.?) — восстание с помощью и при поддержке Америки и Японии. Они ведь в Лаперузовом проливе отправили бутылку с документами. А доказательством служит записка Кроля о том, что «если бы нам удалось организовать

кулак в 200-300 крепких людей для отстаивания наших (т.е. заключенных) интересов...» Я понял, что это значит. Я вскочил со стула и — не воскликнул, а закричал: «Вы — что? Вы, значит, готовите расстрел? И Кроля хотите расстрелять?» О-о, М.Я., вы знаете, кто он? Вы не знаете его так, как я. Кроль — это вы! И я должен его подвести под расстрел? Нет, не бывать этому! «Нет! — закричал я, — я думал, вы хотите им срок прибавить. И только. А вы вон куда клоните: к расстрелу!» И знаете, что он мне ответил на мой крик? — «Садись, садись, говорю, и истерику свою спрячь! Ишь ты храбрый какой выискался! Не таких, как ты, уламывали! За ходом процесса Зиновьева и Каменева следил? Видал? Читал? И Зиновьев, и Каменев, и другие — побольше тебя, сморкатого, откровенные показания давали, а ты вон что закатил? "Не хочу, не буду!" А ты попробуй! Ишь ты! Выступишь или не выступишь? Сейчас же скажи! Мы из-за тебя откладывать процесс не станем, чтоб другого подыскать. Все равно ты будешь фигурировать, как один из главных свидетелей. Ведь через тебя поддерживалась у троцкистов связь».

Я стоял на своем: «Выступлю, только лгать подсудимым в глаза и давать ложные показания, нужные для расстрела, — не могу!»

М.Я., у меня двое детей. Я знаю, что со мной сделают. Но я не хочу, чтобы дети знали, что их отец способствовал расстрелу невинных людей. Я отказался. Категорически. Меня посадили. Вот таким образом я теперь в одной палатке с вами... Вот так оно обстоит. Идемте в палатку, холодно. Еще станцую. Мне бы в оперетте, если не в опере, выступать, а я с операми работаю. Пошли!

Два раза откладывался суд. «Устанавливали виновность»: одних ранее намеченных исключали из списка, другими пополняли. Продолжался суд около трех месяцев. Заседания систематически прерывались на 2-3 недели. Как впоследствии выяснилось, приговор специально оттягивали, выжидая каких-то изменений в политике. И не дождались. Актив троцкистов обвинили в подготовке восстания, диверсиях, вредительстве, а также в «связи с международной буржуазией». Последнее выразилось в том, что еще во время этапа по решению старостата за борт будто бы была спущена бутылка с прокламацией-призывом к международному пролетариату (если бы это было так, то откуда взялись бы у заключенных бутылка, пробка, сургуч или смола, если не от прокатчиков НКВД?..).

«Граф» — выступил на суде. Выступил так, как требовалось. Его до суда держали в одиночке. Что с ним творили, чтобы его сломить, осталось тайной.

Но наиболее убийственным моментом процесса оказалось разоблачение роли одного из лидеров Карагандинского этапа троцкистов — экстремиста Волкова — «Волчка». Он выступил в качестве свидетеля «подготовки троцкистами восстания с помощью иностранной державы»... Нужда в осведомителях и провокаторах миновала. Теперь, после полного использования их, с ними можно было расстаться навсегда. И расстались. Не пощадили.

Пять человек во главе с Кролем, были приговорены к расстрелу, остальные 10-12 человек — к десяти годам заключения. Только через полгода после суда, в ноябре 1937 г., в «Колымской правде» на последней странице было петитом напечатано о приведении приговора в исполнение. Не дождалась перемен ни невинно приговоренные, ни судившие их. И последних постигла в скором времени та же участь...

П.Прудович
О СЕМЬЕ Г.И. ПЕТРОВСКОГО

С Антониной Григорьевной Петровской — дочерью Всеукраинского старосты Г.И. Петровского — меня связывала тесная дружба еще со школьных лет — с 1918 г. Обстоятельства раскидывали нас часто в разные стороны, общение нередко прерывалось, но дружба сохранялась. С 1955 года до смерти Антонины Григорьевны мы встречались систематически и, естественно, в разговорах много раз возвращались к нашему прошлому, а это значит — к памявному 1937 году.

То, что я пишу, не является изложением одного связного рассказа Антонины Григорьевны. В наших разговорах-воспоминаниях мы затрагивали разные темы и вспоминали разные эпизоды. Я не помню поэтому, в какой хронологической последовательности происходили описанные ею события, но содержание ее рассказов запомнилось мне очень отчетливо.

Как и для многих других, 1937 год был для семейства Петровских очень тяжелым. Был арестован старший сын Григория Ивановича — Петр, единственный член младшего поколения семьи, занимавшийся политической деятельностью. Это был уже второй его арест, впервые он был исключен из партии и арестован в 1932 г. по делу Рютиня. Однако уже в 1934 г. он вновь вернулся к политической работе и до 1937 г. был главным редактором «Ленинградской правды», откуда незадолго до ареста был переведен в какую-то захолустную газету. В 1932 г. Григорий Иванович не делал никаких попыток облегчить судьбу арестованного сына, и жена его Доминика Федоровна тайком от мужа посылала ему передачи. В 1937 году арест был прямой угрозой жизни, и Григорий Иванович попытался вмешаться — он обра-

тился за помощью к М.И. Калинин. Всесоюзный староста только руками развел: «Что я могу сделать? Вот Катю (жену М.И. Екатерину Ивановну) посадили. Мне только дело показали. А дела никакого и нет». Спасти сына Григорий Иванович не смог — он погиб в заключении осенью 1941 года.

Ничем не мог помочь Григорий Иванович и своему зятю — мужу Антонины Григорьевны — Загеру, долгое время бывшему председателем Черниговского облисполкома и незадолго до ареста переведенному — по обычаю того времени — на хозяйственную работу в Харьков (кажется, управляющим Украинской конторой Промбанка). После ареста мужа Антонина Григорьевна с дочерью переехала к родителям, а затем в Москву, где у семьи Петровских была квартира в правительственном доме — тогда, помнится, на ул. Грановского, а позже в «доме на Набережной», что около кино «Ударник». Возможно, что именно благодаря этому переезду ее миновала обычная участь жен «врагов народа». Сам Загер погиб, по некоторым данным, еще находясь в предварительном заключении.

Не миновала беда и младшего сына Г.И. Петровского — Леонида. Участник гражданской и советско-польской войн, он в 20-х гг. закончил Академию Генерального штаба и сделал быструю военную карьеру: в начале 30-х гг. был командиром Московской пролетарской дивизии, затем командовал корпусом, а в 1937 занимал пост командующего Среднеазиатским военным округом. В 1937 г. его вызвали в Наркомат обороны и предъявили длинный список обвинений. Первое было безусловно ложным — принадлежность к троцкистской оппозиции, предпоследнее — продажа подаренного ему автомобиля — было правильным, хотя не совсем ясно было, в чем тут вина; последнее, думается мне, было преувеличенным — ему ставили в вину то, что он обложил «материнскими словами» какого-то красноармейца.

Несмотря на тяжесть предъявленных ему обвинений, его не арестовали, а лишив всех чинов, званий и знаков отличия, исключили из армии*.

Кажется, уже после того лишился своего поста председателя ВУЦИКа и сам Григорий Иванович. Хотя он формально и продолжал оставаться членом ЦК и кандидатом в члены Политбюро, его фактически отстранили и от партийной работы. Чтобы выйти из тягостного состояния неопределенности, Григорий Иванович выехал в Москву и по прибытии туда направил в Политбюро

* Незадолго до войны он был возвращен в армию и погиб на фронте в должности командира 63-го корпуса.

письмо, в котором просил сообщить ему причины, по каким его не приглашают на заседания. Через короткое время он получил вызов на заседание Политбюро. Там у него произошел короткий разговор со Сталиным, который в пересказе Антонины Григорьевны звучал пример так:

Сталин: Какие у тебя претензии к Политбюро?

Петровский: Если я в чем-нибудь виноват — скажите, в чем; если вины за мной нет — дайте возможность работать.

Сталин: Мы с тобой еще цацкаемся. Ты знаешь, если на кого-нибудь имеются показания двух человек, то этого достаточно для ареста. На тебя показывают больше двух человек, а мы тебя не трогаем.

Петровский: Кто же на меня показывает?

Сталин: Ну хотя бы Косиор.

Петровский: Я требую очной ставки.

Сталин (обращаясь к Ежову): Николай Иванович, дай ему очную ставку.

На том беседа была закончена. В ближайшие дни Григорий Иванович получил приглашение прибыть в НКВД, куда ему заготовили пропуск. В НКВД его провели в кабинет Ежова. Едва Петровский вошел, Ежов нажал кнопку звонка, и через мгновение в кабинет ввели Косиора — бледного, исхудавшего и поддерживающего руками сползавшие вниз брюки. Как только Косиор вошел, Ежов взял газету и с видом полной незаинтересованности в происходящем, закрывшись ею, стал читать. Петровский обратился к Косиору:

— Станислав Викентьевич, вы можете говорить о себе все, что вам угодно, но зачем вы клеветаете на честных людей?

Косиор, глядя вниз, ответил:

— Что же, Григорий Иванович, надо честно разоружаться перед партией.

Затем, так же потупив глаза, он монотонным голосом, словно затверженный урок, стал рассказывать о том, как была создана организация, имеющая целью отторжение Украины от Советского Союза и присоединение ее к Польше. Как в эту организацию был привлечен Петровский, не принимавший, однако, участия в повседневной работе организации, поскольку на него была возложена задача в момент то ли переворота, то ли польского вторжения использовать свой авторитет, чтобы удержать рабочие и крестьянские массы от сопротивления. Как только Косиор замолчал, Ежов отложил газету в сторону и нажал кнопку звонка. Косиора увели. Ежов молча подписал пропуск Григория Ивановича.

ча, и тот вышел из кабинета в полной уверенности, что из здания его не выпустят. Он вышел из него беспрепятственно, но после того стал с минуты на минуту ждать ареста. По рассказу Антонины Григорьевны, с тех пор Григорий Иванович на ночь клал около себя сохранившийся со времен гражданской войны маузер, чтобы покончить с собой, когда за ним придут.

Несмотря на показания Косиора и, надо думать, других участников «заговора», Петровский не только не был арестован, но даже получил весьма скромную, правда, работу — заместителя директора Музея революции по хозяйственной части, и даже сохранил за собой квартиру в Доме правительства. Объяснить столь милостивое отношение к нему Сталина тем более трудно, что еще в дореволюционное время — в Туруханской ссылке — между ними как будто сложились далеко не блестящие отношения.

ДОКУМЕНТ ИЗ ЛАГЕРНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Происхождение публикуемого документа таково.

В 1936 или 1937 был арестован по политическому обвинению и затем осужден на 10 лет лагеря Анатолий Яковлевич Левин (в тексте публикуемого акта его имя искажено до «Наталии»). До ареста А.Я. работал диктором на радио где-то в провинции (Тбилиси?). В результате инцидента, описанного в «акте», у него оказались повреждены голосовые связки. После реабилитации А.Я. стал хлопотать о назначении ему пенсии в связи с утратой профессиональной трудоспособности, для чего ему пришлось в 1965 обратиться в суд. Суд происходил, видимо, в Москве. В ходе судебного разбирательства рассматривался публикуемый документ, представленный Министерством охраны общественного порядка в качестве единственного объяснения случившегося. А.Я. Левин выиграл процесс, и пенсия была ему назначена. А.Я. умер в начале 1970-х, но еще до этого была сделана тщательная копия с «Акта», приводимая ниже.

Документ говорит сам за себя. Конкретные дополнительные детали случившегося нам неизвестны, темные места разъяснить мы не в состоянии, поэтому от комментария решили воздержаться. «Акт» печатается с сохранением всех особенностей его орфографии и пунктуации.

А К Т

15-го июля 1938 года Мы нижеподписавшиеся конвой в составе: начальника конвоя Петрова М.Н. и пом. начальника конвоя Поломодова и восьми конвоиров составили настоящий акт в ниже следующем.

При выходе с 23 командировки со стороны з/к з/к при выходе легли 9 человек предъявляя требования, что якобы не могут следовать и легли на дороге, но под силой принятых мер конвоя лже

больные были вынуждены следовать из которых оказались двое по старости и усталости посадить на проходящую по пути машину а остальные дошли великолепно, в дальнейшем по пути следования на Кирахиль пройдя пол-пути делались привалы через 4-5 километров и отдых приспасабливая где возможно имеется вода для употребления питья, пройдя после привала 1/2-2 километра со стороны з/к з/к была подана команда садись под предлогом якобы хотят пить увидев застойную ржавую воду в канаве которая не могла принадлежать к употреблению питья где со стороны з/к з/к были не уместные требования и злоупотребления которые старались расстроить желудка и другие заболеваемости которых пришлось отправить больными на машинах 207 человек, а последние старались обесилить конвой отправкой больных, тогда в свою очередь з/к з/к был сделан бунт и отказ дальнейшего следования, тогда со стороны конвоя идущих в перед была подана команда ложись, для усмирения бунта и дальнейшего следования пути, когда была подана команда ложись, тогда были со стороны з/к з/к сопротивления не ложились тогда со стороны конвоя были даны несколько выстрелов но и это некоторым не помогло как организаторам которым пришлось применить оружие со стороны конвоя, после команды ложись и предупредительных выстрелов з/к Левин Наталии Яковлевич осужденный ст. К.Р.Т.Д. Аг срок 10 лет не подчинился команды конвоя и хотел сагитировать на разоружение конвоя и вышел из строя в сторону, тогда со стороны конвоя было применено оружие на з/к Левина Н.Я. и был ранен в шею, после ранения была оказана первая помощь перевязка и отправлен в больницу в сангородок. Зо агитацию проводимую з/к з/к в половниках на разоружение конвоя было доложено з/к ТИТОВЫМ Петром Ивановичем осужден ст. 193 срок 10 лет который находится в больнице в Княж-Погосте. Что и подписываемся

НАЧАЛЬНИК КОНВОЯ — /Петров/ подпись

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА КОНВОЯ — /Паламодов/ подпись

и стрелки

Подписи восьми стрелков неразборчивы

Копия верна

НАЧАЛЬНИК КАНЦЕЛЯРИИ

УМЗ МООП КОМИ АССР /ЛЕЖНИН А.И./ подпись

11 авг. 1965 г.

ИНТЕРВЬЮ

БЕСЕДА С Б.А. БАБИНОЙ

Записал Н.Бармин.

Подготовил к публикации Л.Арапов.

— Б.А., когда и при каких обстоятельствах зародился ваш интерес к политической деятельности? Что оказало решающее влияние на формирование ваших взглядов?

— Мне было 14 лет, когда я заинтересовалась революцией. Мой отец тяготел к кадетам, сочувствовал Милюкову, Родичеву и т.д. Отец выписывал журнал «Былое», и я его всегда внимательно читала. Впечатляли романтика, героизм. Там было много и об эсерах: самое начало, девятисотые годы, когда был убит Сипягин. Потом произошла история со Спиридоновой, потрясшая все общество.

— Какая именно история?

— Когда она убила Луженовского в упор, на вокзале. Ее схватили и повезли из Тамбова в Петербург, где заседал Военно-окружной суд. Я до сих пор помню фамилии жандармского и полицейского офицеров, сопровождавших ее: Жданов и Абрамов. Они над ней всю ночь издевались, тушили об ее тело папиросы, вырывали волосы, насиловали.

Военный суд приговорил Спиридонову к смерти, к повешению, но это был 1905 — начало 1906 года, — короткое время какой-то относительной свободы печати — и началась широкая кампания за отмену приговора. И у нас, и за границей. Повешение заменили бессрочной каторгой. Для меня Спиридонова была героиней божественной.

Тогда же, в 14 лет, как раз после этой истории я повстречала бывшего народовольца, а затем эсера Самуила Моисеевича Шаргородского. И окончательно избрала этот путь.

— А социал-демократы вас не привлекали?

— У меня были друзья и среди социал-демократов. Папин бухгалтер, например, — Марк Миронович Брусилковский, — очень интересный, темпераментный человек, меньшевик, конечно. Но в революции я тогда искала романтики. Так что в выборе между эсерами и социал-демократами была чисто эмоциональная подоплека, — знаний было еще очень мало. Самообразование проходило, в основном, — по нашей зарубежной газете «Революционная Россия» и очень интересной книжке Лидии Лойко «Надо знать не меньше». Она состояла, кажется, из 12 лекций по различным вопросам эсеровской программы: философское обоснование, аграрный вопрос, политическое устройство государства, рабочий вопрос...

Потом была встреча с моим первым мужем. Звали его Миша Головин. Талантливый, красивый, элегантный. За участие в Московском восстании он был приговорен к вечному поселению в Якутске, но бежал оттуда за границу, в Париж. В 1910 году приехал из эмиграции, чтобы по заданию боевой организации проследить маршрут царя. Пришел ко мне на явку, пробыл в Петербурге все лето, выполнил задание, а когда наш дворник, которому мы щедро давали на чай, предупредил, что за мной установлена слежка, мы с Мишей уехали в Рим. Там у меня родился сын, а Миша через год после свадьбы умер от скоротечной чахотки, которая началась у него в Александровском центре. С крохотным ребенком я вернулась домой к родителям, и тут началась регулярная работа в общегородской эсеровской студенческой организации.

Мы выпускали маленький журнальчик, кажется, «Студенческие годы». Я, помню, однажды даже написала передовую статью, но стеснялась сказать, что она моя, и подписала псевдонимом. Потом, когда по амнистии к 300-летию дома Романовых вернулся из ссылки мой будущий муж Борис Бабин (Корень), он приобщил меня к городским газетам. Это знаменитые — «Правда», меньшевистская «Рабочая газета» и наша «Мысль» (под разными названиями: «Мудрая мысль», «Стойкая мысль», «Народная мысль» и т.д.). Газета выходила легально, но каждый номер закрывался. У нас из безработных рабочих, членов нашей организации, были зиц-редакторы. Они подписывали номер, при-

носили чай, булки — сидеть приходилось всю ночь — номер выходил к утру, потом оставляли 10-15 номеров для полиции, а весь тираж передавали дежурившим у редакции представителям заводов. Так же поступали и большевики, и меньшевики.

— Среди рабочих эсеры тоже пользовались популярностью или только социал-демократы?

— Популярность социал-демократов — чистая легенда. Эсеры были достаточно сильны среди рабочих, особенно в Петербурге. Но тогда все социалистические партии относились друг к другу по-товарищески. Было, разумеется, много споров и даже публичных диспутов. Директор Петербургского Психоневрологического института Бехтерев терпел, что на территории его института часто собирались нелегальные организации — там-то и мы собирались. В 1909 году Борис Бабин сделал целый ряд докладов по поводу пятилетия смерти Михайловского. Оппонентами по идеологическим вопросам выступали социал-демократы, в частности, большевик Крыленко. После полемики они вместе шли домой (Бабин и Крыленко квартировали у одной хозяйки) и садились играть в шахматы. Партийные разногласия никак не влияли на личные отношения.

— Б.А., как вы себе представляли тогда: осуществится ли социализм при вашей жизни?

— На это мы не надеялись, но думали, что хотя бы программа-минимум осуществится. То есть, социализация земли, конфискация ее у помещиков. Затем рабочий контроль над производством. Ну и, конечно, широкие демократические и государственные свободы с легализацией всех партий. Ведь мы представляли себе, что необходимым компонентом для социализма должна быть свобода, личная свобода и свобода народа.

— А что вы называете социализацией земли? Чем социализация отличается от национализации?

— Национализация — это переход земли в собственность государства. А социализация — передача земли народу, который сам распоряжается ею, планирует и распределяет. Мы, например, думали, что земля будет распределяться подушно, по крестьянским дворам: сколько народу, столько наделов. Разумеется, учитывались и женщины. То есть, в чистом виде «черный передел»: взять землю и поделить, а время от времени производить

перераспределение, потому что семьи меняются. Для того, чтобы не образовывалось кулачество, — полное запрещение наемного труда. А вся земля — в распоряжении крестьянских общин. Мы допускали, что останутся единоличники, но были сторонниками коллективизации — конечно, добровольной.

— Как вы приняли революцию 1917 года?

— Мы считали это своим делом, гордились вкладом партии в борьбу с царизмом. Ведь каждая партия имеет, как и человек, свою историческую судьбу. Главным делом эсеров была борьба с царизмом и его ликвидация.

Мы готовили Учредительное Собрание. Муж баллотировался в него от Дона и мы уехали туда в Александровск-Грушевск (ныне Шахты), где он стал городским головой. Там мы жили до 1920-го года, т.к. домой проехать было невозможно. Но муж навлек на себя гнев генерала Краснова. Краснов даже сказал: «я его повешу». После этого пришлось уехать в Краснодар.

— А Октябрь 1917?

— Узнав об Октябре, мы сначала решили, что это узурпация. Я написала прокламацию, которую мы распространяли, издав в местной типографии, что большевики — не социалисты, что они предатели, изменники, т.к. изменили собственной программе и лозунгам. Тогда я мало что понимала. К расколу нашей собственной партии в 1917 году мы относились отрицательно, нам это казалось подрывом партии. Но мы, как и левые эсеры, хотели прекращения войны, исключения всех буржуазных партий из правительства.

— Просто насильственно выгнать?

— Исключить из правительства. Потому что они тянули назад.

— Как это сочетается с демократией?

— Революция вообще не демократична.

— Чтобы установить демократию в будущем, сегодня, в 1917 году, нужно принять целый ряд антидемократических решений?

— А жечь дворянские усадьбы демократично? Однако мы не мешали крестьянам это делать. Надо было социализировать зем-

лю, и этого не было бы. Надо было тут же провести этот закон, который был у нас в программе-минимум, а так как в правительстве были буржуазные партии, конечно, это было невозможно. Проведи мы тогда этот закон, закончи войну — и не было бы никакой Октябрьской революции. Об этом пишет Рой Медведев, и я с ним совершенно согласна.

Я видела, что из Временного Правительства нет никакого толка, несмотря на то, что там министр земледелия Виктор Михайлович Чернов и другие эсеры. Кроме того, я находила очень неудачную кандидатуру Керенского в качестве премьер-министра. Я знала его лично. Он был прекрасный оратор, депутат Думы, великолепный юрист, бескорыстный защитник в политических процессах, субъективно очень честный человек, но чтобы управлять государством, совершенно не годился. Он был позер, болтун, для государственной деятельности у него не было ни воли, ни каких-либо способностей. Популярность эсеров в это время была очень велика, мы собирали больше всех голосов. В Учредительном Собрании эсеров было тоже громадное большинство. И если бы его созвали вовремя, не затягивая с юридическими тонкостями, было бы все гораздо лучше. Разгон Учредительного Собрания большевиками 5 января 1918 года мы восприняли как позор, хотя было понятно, что момент упущен. Советы уже закрепились, и Учредительное Собрание популярность потеряло. А что делать? Революция идет своим шагом. Но к большевикам наших симпатий это не увеличило.

— А когда зародились симпатии к левым эсерам?

— Когда я узнала об альянсе правых с Колчаком и позже с Деникиным. Редактором нашей газеты в Краснодаре был Григорий Ильич Шрейдер, бывший петроградский городской голова, но с Деникиным у нас никакого альянса не было, а у правых был — и с Колчаком, и с Пепеляевым.

— Это вы мне говорите о 1919 годе. А до этого было еще 6 июля...

— Об этом событии мы узнали уже из газет, но даже не обратили на него особого внимания. Просто показалась странной ссора между союзниками.

— А то, что в результате этой ссоры эсеров не стало в правительстве?

— Меня это не слишком взволновало.

— Когда же переменялось ваше отношение к большевикам?

— Это происходило постепенно, по мере нарастания критического отношения к нашим. Во-первых, альянсы с белогвардейскими генералами. Во-вторых, за границей было созвано совещание, на котором шла речь о борьбе с этим строем. Если ты уже все прошляпил, и власть, и все остальное, что было в твоих руках, так не осложняй ситуации и не начинай бесполезную борьбу. Альянсом с белогвардейцами, которого не должно было быть ни в коем случае, мы уже оскандалились. Правда, Савинкова исключили из партии. И, конечно, мои взгляды изменились после 1920 года, когда мы вернулись в Москву.

— А пока вы жили в Краснодаре?

— Власть в городе переходила из рук в руки, но, несмотря на это и на оторванность от центра, эсеры были довольно сильны. Я была членом городского комитета. Одна наша организация на Черноморском побережье пыталась бороться со Шкуро, который пробирался за границу — В.Н. Филипповский, Н.А. Шмелев, Ольга Сухорукова — почти вся будущая группа «Народ» — тогда это был «Черноморский комитет освобождения от белых». Я все время подбивала наших установить с ними контакт.

Деникинцы нас не преследовали, мы даже выпускали свою газету «Родная земля». То же и во время Кубанской Рады, и во время большевиков. Это был период терпимости. Другой вопрос, что мы жили только на журналистский заработок, не имели жилья, скитались с квартиры на квартиру.

Хуже вышло с черноморцами. Брат Юры Саблина сейчас написал книжку «Особое задание», где он смешивает с грязью этих людей. Но когда пришли красные, члены Комитета освобождения добровольно передали им власть. Несмотря на это большевики арестовали всех эсеров — среди них множество рядовых членов партии — крестьян, которые боролись со Шкуро. Их переправили в Краснодар, намереваясь затем отправить в Москву. Все эсеры находились в вагоне, стоящем на железнодорожных путях, под конвоем. Но обстановка была достаточно либеральной: Тугарину оставили гитару, и они проводили время очень весело. Я, как представитель городского комитета, пришла в Совет, и мне по карточкам отпустили на всех продукты. Я ежедневно отвозила их нашим заключенным и проводила с ними весь день.

В то же время в городской тюрьме сидел и наш товарищ эсер Володя Мерхелев с нелепым обвинением, будто он участвовал

в расстреле 26 бакинских комиссаров. (Вообще, легенда* о том, что в этом расстреле участвовали эсеры — неправда). В это время донесся слух, что фронт объезжает Орджоникидзе и что его вагон стоит в Краснодаре. Мой муж посоветовал жене Мерхелева добиться свидания с Орджоникидзе, который довольно хорошо знал Володю по Баку. Пошли вместе и попали в вагон. Орджоникидзе выслушал Володину жену и тут же дал ей записку к начальнику тюрьмы с просьбой освободить Мехелева, т.к. к расстрелу 26 бакинских комиссаров он не имел никакого отношения, и Орджоникидзе это точно знал. Володю тут же выпустили.

Я ходила в ЧК хлопотать за наших крестьян, и мне там сказали, что вскоре их всех распустят по домам. И вдруг началась паника, что якобы высадился мамонтовский десант. На самом деле он появился не в Краснодаре, а совсем в другом месте. Но большевики испугались. К своему ужасу вижу утром списки расстрелянных, где фамилии и этих черноморских крестьян-эсеров. Я побежала в ЧК: «Что же это? Ведь вы обещали всех выпустить!» — «Извините, неувязка...»

— Значит, Октябрь вы считали узурпацией, разгон Учредительного Собрания — позором, на ваших глазах расстреляли эсеров-крестьян, а сочувствие к большевикам у вас росло?

— Ну, это позже. В сентябре 1920 года, когда мы приехали в Москву, муж даже подал заявление о выходе из партии. Он сказал примерно следующее: «Наши оскандалились совершенно, и мы не должны мешать тем, кто хочет что-то сделать и наладить. Подождем, посмотрим, что у них (у большевиков) выйдет. А мы

* В нашем распоряжении имеется и иное толкование упомянутого события, высказанное В.Томсинским: «"Легенда" эта имеет некоторую реальную основу. С.-р.ы, как партия, отношения к расстрелу не имели, но к нему имел отношение тогдашний глава Закаспийского правительства, рабочий-железнодорожник, с.-р. Ф.А. Фунтиков. В феврале-марте 1919 обстоятельства расстрела по собственной инициативе расследовал чл. ЦК ПСР Вадим Чайкин. Фунтиков рассказал ему, как члену ЦК своей партии, все известные ему детали. Результаты своего расследования Чайкин опубликовал сначала в бакинских газетах (11-12 марта 1919) и «Известиях ВЦИК» (25 июля 1920), а затем в виде небольшой брошюры (Чайкин В. *К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*. М., 1922, вып.1), в которой привел свою версию рассказа Фунтикова. Последнего в 1925 арестовали, а в 1926 судили и расстреляли. В основе обвинительного заключения лежала брошюра Чайкина. Сам Чайкин после 1937 был в Орловском изоляторе, где и был расстрелян перед эвакуацией тюрьмы в 1941. Хотя de mortuis nil nisi bene, должен сказать, что Чайкин — я его встречал, — был гаденький человек. В начале 1930-х он был в ссылке, — никто с ним не общался». — Прим. ред.

можем работать в других областях». В частности, он работал в Институте труда, вместе с Гастевым организовывал этот институт. А я работала в Профинтерне, и это меня очень увлекало. Я работала в профинтерновском журнале и испытывала все большее сочувствие к большевикам, хотя и оставалась на идеологической платформе эсеров. Тогда в некоторых странах, особенно в романских, был силен синдикализм, который очень сходил с нами, и синдикалистские профсоюзы даже хотели вступить в Профинтерн. Я работала там вместе с Мстиславским, и наша работа заключалась в разъяснении идеологических разногласий. Тем не менее, меня даже приняли в Коммунистическую партию с зачетом партийного стажа с 1908 года. Правда, почти сразу же я поняла, что ничего у меня не выйдет — слишком различаются наши идеологии — и не стала брать партийный билет. Это было в 1921 году, после конгресса Профинтерна, и история эта впоследствии мне дорого обошлась.

— Какую партийную жизнь вы застали в Москве осенью 1920 года?

— Я застала там старых товарищей Филипповского, Гельфгота, который был членом ЦБ, его жену Елену Мариановну, мою хорошую приятельницу. Я приехала уже с четкими критическими настроениями. Этому способствовала моя работа в газете «Родная земля», которая для того, чтобы выходить, должна была быть очень умеренной.

Товарищи принялись меня переубеждать — дали подшивку «Революционной России» за несколько лет, чтобы я убедилась в несправедливости своей критики действий правых эсеров. Они хотели обмануть Колчака, вступить с ним во временный союз, а укрепившись, вышвырнуть его. Фактически получилось наоборот: Колчак повесил 9 эсеров, которые с ним работали. Сын Лидии Лойко — я ее уже упоминала — был среди повешенных. После этого она оставила эсеровскую организацию, которой посвятила всю жизнь, и стала коммунисткой. Подшивка не убедила меня в их правоте.

— Значит, эти товарищи остались на позициях правых эсеров?

— Да, но партийной работой в этот период они не занимались, что называется, «зондировали» почву. Некоторые служили; Гельфгот, кажется, существовал на партийные средства.

— А кто еще был, кроме них?

— Была группа «Народ» — следующая по спектру после правых эсеров, и с ней у меня были очень хорошие отношения. Во время войны с Польшей эта группа создавала свои отряды и сражалась на стороне Советской власти. Они считали необходимым сотрудничать с большевиками. Правда, это не помешало большевикам вскоре их всех посадить.

— А что ваш муж?

— Муж с эсерами спорил, но услуги им все же оказывал. Например, в 1923, когда произошел расстрел на Соловках, нам принесли корреспонденцию об этом, и муж запалял ее в алюминиевый чайник. Этот чайник увез с собой заместитель Пешковой по Красному Кресту, и сведения о расстреле попали за границу. Среди наших нашелся какой-то провокатор, который на Бориса донес, и его снова арестовали.

— Значит, в 1921-22 вокруг вас большевики арестовывают меньшевиков, эсеров, а вы по-прежнему считаете их социалистами и братьями?

— Да, считала. Свое увлечение большевиками я объясняла вот чем. Время было трудное, шла гражданская война, причем эсеры в этой войне сражались на стороне белых. В этом плане мне казалось, что правота — за большевиками, как защитниками идей революции. Хотя, разумеется, аресты меньшевиков и эсеров настораживали.

Однако были и другие факты. В связи с делом Мирбаха, я считала, с левыми эсерами поступили довольно гуманно. За обстрел Кремля можно было получить и покруче. А им дали всего по 3 года и после этого ссылки на хорошие работы. Мы считали, что Ленин испытывал к ним симпатию, мысленно связывая с погибшим братом.

Конечно, многого мы и не подозревали. В конце 1921 посадили Гельфгота и его жену. Мы тогда еще не знали, что готовился большой процесс над эсерами. Правда, он не был похож на все последующие и ничем хорошим для большевиков не кончился. Это был суд, где люди вели себя как следует, они не признавали того, чего не было. Арестовали и нас с мужем, так что все мы встретились в тюрьме. Меня вскоре выпустили, а мужа — нет.

— Ваш муж должен был проходить по эсеровскому процессу?

— Нет. Хотя он был видным членом партии, сидел в тюрьме, но к процессу его не привлекли.

Я присутствовала на процессе. Товарищи оставили о себе очень хорошее впечатление. Они здоровались со мной со скамьи подсудимых, и я им отвечала. Все было очень достойно.

— Догадывались ли вы, что процесс был фиктивным? Поверили ли вы в то, что Каплан — эсерка и стреляла по поручению ЦК?

— А как я могла не верить? Я потом говорила с Донским, и он убедил меня, что это не так. Хотя сейчас я в этом сомневаюсь.

Я знала, что была заграничная резолюция (по-моему, это было мнение Чернова), что террор в отношении другой социалистической партии невозможен, что история нам этого не простит. И все-таки, я и сегодня до конца не уверена, что процесс был чисто фиктивным.

Я придаю большое значение воспоминаниям жандармского генерала Спиридовича об эсерах, и он, к сожалению, раскрывает многие неприятные мне стороны дела. Помните убийство Гапона? Это сделал Рутенберг. А дело Никитенко? Разве можно было вести себя так? Это напоминает методы большевиков.

Но тогда это все было не так очевидно. Как, например, освободили моего мужа после первого ареста? Я пошла к Крыленко, который хорошо был с ним знаком. Спрашиваю: «Долго еще мой муж должен сидеть без всякой причины?» Крыленко сказал: «Ваш муж — человек, которого я очень уважаю и люблю. Передайте ему, что у меня о нем самые лучшие воспоминания». — «Муж сидит уже около года!» — «Вы можете дать мне слово революционера, что не занимаетесь активной вооруженной борьбой?» — «Могу». — «Больше мне ничего не надо. Будьте спокойны, ваш муж скоро будет дома». И через день мужа освободили. Это было в декабре 1922 года.

Или еще одна история. В начале 1925 года мужа моего снова выпустили из-под ареста (тогда уже он сидел в связи с Соловками). Моему сыну тогда было 13 лет. Они вместе с сыном Гельфгота решили отомстить за старых революционеров. Мы ни о чем не догадывались, у них была строгая конспирация. Они отправились в Прокуратуру РСФСР, и сын подал записку с просьбой, чтобы его принял прокурор по надзору за ОГПУ Катанян, поговорить о деле своего отца, участника Московского восстания. Сын Гельфгота остался ждать внизу, а мой сын отправился наверх. У него был маленький «бульдог», куда он налил глицерину, считая, что это одно и то же с нитроглицерином и что от этого револьвер лучше будет стрелять. Мальчик подошел к столу Ка-

таняна, где сидел его заместитель Зеленин, и направил на него свой «бульдог». Тот полез под стол от страха. Моего сына сразу схватили, привели второго компаньона — Мишу Гельфгота. Мальчиков заперли в одной из комнат. А мы дома ничего не знаем и волнуемся: ночь, а сына нет дома.

За нами пришли и увезли в тюрьму. К арестам я тогда уже привыкла. Вызывают на допрос к следователю Вере Браудо, бывшей эсерке, прославившейся своими следствиями по эсеровским делам. Потом она умерла в Воркуте. Она меня спрашивает: «Как вы воспитываете своих детей?» Я удивилась: «Какое вам до этого дело?» Тут она и рассказала, что сделал мой сын. Я была настолько ошеломлена, что она сразу поверила в мою непричастность и тут же дала мне свидание с мальчиком. Ему потом пришлось очень трудно — он жил у моего отца и брата, т.к. нас сослали в Коми на 3 года. К 10-летию Октября мы были амнистированы, но в Москву вернулись лишь в феврале 1928 года.

И даже в 1933 году, когда меня снова посадили и отправили в Ивановскую тюрьму, муж обратился к Емельяну Ярославскому, с которым они вместе сидели когда-то в Бутырьках на разных этажах и вели интереснейшую переписку по идеологическим вопросам. Ярославский позвонил в ОГПУ, и меня сразу выпустили, даже 3 рубля дали на билет. Лозовский за меня заступался перед ЦК в 1922 году. Тогда еще были живы традиции.

— Вернемся назад, в 1920-й год. Вот вы приезжаете в Москву. Эсеры ничего не делают, вокруг разброд...

— Потом выяснилось, что делом занято другое поколение — молодежь: Олицкая, Павел Егоров и другие. У них даже была типография. Но они сразу же попадались. А старики бездействовали.

— Считали ли вы в этот период, что надо вести борьбу с большевиками?

— Ни я, ни муж не считали это необходимым. Мы полагали, что исторически мы проиграли, оскандалились и, раз так, не надо соваться. Мы всегда понимали, что Россия — некультурная страна и что режим большевиков — тоже некультурный. Но мы, культурные, прозевали революцию, и это был страшный комплекс, который мы не могли преодолеть. Была власть в руках и можно было что-то сделать, но не смогли, отдали им власть, так уж надо помалкивать. Нам все же казалось, что они смогут

построить в России справедливый строй, а то, что сейчас происходит — издержки гражданской войны.

— Значит, вы мирились с репрессиями против вас?

— Не то что мирились, но принимали это нормально, считали, что это нам историческое возмездие за наши вины.

— А с репрессиями против «казров», представителей буржуазных партий — тогда их как раз отправили на Соловки — тоже мирились?

— Конечно, с большой легкостью. Грешным делом, мы об этом даже не думали.

— А священники?

— Конечно, это было глупо. Мы считали, что это просто ограниченность большевиков.

— И все-таки, если не сравнивать с 1937 годом, эти репрессии были значительны. Как же вы к ним относились?

— Расскажу вам следующее. Вот жена моего двоюродного брата — генеральская дочка. Когда их с сестрой в первый раз арестовали, мы думали, что это за происхождение, и очень им сочувствовали. Просидели они тогда примерно три месяца. А в 1937 году я встретилась с ней в Бутырьках, и она мне рассказала настоящую причину первого ареста. Приехал из-за границы их дядя, полковник, бывший белый. Он привез с собой драгоценности, которые они должны были продать и на эти деньги купить оружие для каких-то диверсионных актов. Так что большевики бывали и правы. Это было в конце 1920-х годов.

— Да, но в целом?

— В целом мы все-таки считали, что большевики дали заявку на построение социализма. Правда, нас насторожили потом коллективизация и раскулачивание. Здесь уже все было не так, как надо. Но мы считали, что это временные явления. Масштабов мы, конечно, не представляли себе. Муж мой считал, что надо сохранять идеологию, что она будет возрождаться. Он любил повторять евангельскую фразу «сохранять масло в светильниках». С этой точки зрения мы и вели свою работу. Я распространяла те книги, в которых наиболее рельефно выражалась наша идеология.

— И как на это реагировали большевики?

— Я была арестована в 1925-м, получила 3 года ссылки, затем немного пожила в Москве. В 1931 году меня снова арестовали и затем выслали на 3 года в Алма-Ату. Меня арестовали за распространение книги Камкова «Уроки Парижской Коммуны» и Чернова «Конструктивный социализм». У нас в доме бывал провокатор — эсер Шапиро, муж левой эсерки Маруси Боченковой.

— Значит, практически все эсеры, не отказавшиеся от партийной работы, к концу 1920-х годов уже были в ссылках?

— Да, большинство уже сидело. Я, случайно оказавшись в это время в Москве, между двумя арестами, общалась с Екатериной Павловной Пешковой, и мы помогали кое-кому через Красный Крест. Но реально деньги не у кого было собирать, и мы отдавали личные.

— А легалисты существовали?

— До 1924 года. Их лидером был Исаак Захарович Штейнберг. Они были против выступления в июле 1918. Они отказывались от подпольной борьбы, ограничиваясь только проведением своих взглядов через печать. Хотели быть только оппозиционной партией. Им разрешили на некоторое время легальное существование и даже издание журнала «Знамя труда». Вообще было бы разумно, если бы все левые эсеры встали тогда на эту точку зрения. Фактически же левые эсеры участвовали почти во всех крестьянских восстаниях. Та же антоновщина — это была не контрреволюция, а крестьянское восстание, протест против этой безобразной продрозверстки. Но вскоре лидеры легалистов уехали на съезд трех Интернационалов и организация развалилась. Шрейдер потом покончил с собой в Берлине.

— Было ли какое-нибудь место, где реально обсуждались партийные дела?

— Разве что в тюрьме. В основном идеология, а не дела. Настоящих дел уже не было.

— Но приходили же к вам гости и, наверное, обсуждали: что делать?

— Было уже ясно, что делать нечего. Террористических актов против большевиков мы не признавали, хоть нас и обвиняли в

этом. После начала НЭПа была вообще очень странная ситуация: с одной стороны, вроде бы они отошли от социалистических идей, но, с другой, это же был единственный выход из положения.

— Значит, когда вы вернулись с Юга, эти полтора года до ареста практически ничего не делалось?

— Да, это было время разброда. Ходили, смотрели на настоящее, обсуждали свои прошлые ошибки. Мы были страшно травмированы своей неудачей. Партия имела в руках власть и так глупо, непростительно ее упустила.

— А ваши лидеры? Камков, например?

— Камков был теоретик. Революция для него была важнее всех других вещей. Он голосовал за 6 июля, был одним из инициаторов его. Вместе с другими, конечно. Прошьяном, например. Вообще ЦК левых эсеров тогда раскололся пополам. Большинство его членов было против. Такие, как Спиридонова. Но их убедили Камков и Прошьян. В 1929 году, когда я в последний раз видела Камкова, у нас с ним был разговор о большевиках, и он мне сказал: «Мы раньше вас знали, что они социалисты, когда вы еще протестовали, а теперь мы раньше вас знаем, что они уже не социалисты». Думаю, что решающим моментом для него здесь была коллективизация.

— А была ли у Камкова идея подпольной борьбы?

— Нет. Для подпольной борьбы должна быть социальная среда, сочувствующие. Нельзя же это делать на пустом месте. Простить себе не могу: он просил организовать ему побег за границу, а я не смогла. Может быть, тогда он был бы жив.

— А Спиридонова?

— Со Спиридоновой мне так и не удалось лично встретиться. В 1930 году она проезжала Москву. На вокзале ее и Измайлович встретила машина ОГПУ, покатала по городу и отвезла в номер гостиницы «Савой» — тогда это была гостиница ОГПУ. В Москве в это время жила жена Камкова, и мы с ней решили непременно повидать Марию Александровну. Муж мой сказал, что я должна идти, «нечего с ними считаться», а сын Игорь, очень практичный молодой человек, ходить не советовал.

Я пошла. У подъезда гостиницы какой-то человек положил мне руку на плечо и сказал: «Следуйте за мной». Привел он меня на Лубянку, в знакомую комнату к следователю Шульману — он специализировался по нашим делам. Неплохой человек, не чета этим, тридцать седьмого года. — «Зачем же вам надо было идти к Марии Александровне?» — «Я знаю о ней с детских лет и хотела с ней повидаться. Разве в этом есть что-нибудь предосудительное?» — «Очень, очень жаль, что вы к ней шли».

Жену Камкова тоже задержали. В общем, мы просидели сутки во Внутренней тюрьме Московской области вместе с несчастными женами инженеров. Когда ушел поезд Спиридоновой, нас отпустили домой. Так я никогда и не встретила с Марией Александровной. Но мы с ней переписывались. К сожалению, эта переписка не сохранилась.

— И по переписке можно судить о ее позиции?

— Она была очень лояльна. Считала, что у большевиков что-нибудь получится. Когда я была в ссылке в Казахстане, она мне писала, что очень приятно видеть возрождение такого угнетенного народа, что начинается культурное возрождение.

— Но не может же быть, чтобы она приняла коллективизацию?

— Коллективизацию никто из нас не принял.

— Сейчас среди эмиграции (да и многие из молодежи так считают) распространено мнение, что большевики, меньшевики, эсеры — одно и то же. Если бы к власти пришли другие социалисты, они тоже пересадили бы и перестреляли половину страны.

— Нет, такие репрессии были бы невозможны, поскольку у нас совершенно другая политическая концепция. Страна шла бы к демократии, и никаких запретов, даже для большевиков, не было бы.

— Очевидно, это одна из причин того, что вы и не пришли к власти... Как вы считаете, правильно ли сделали, когда после июльских событий выпустили большевиков?

— Безусловно правильно. Нельзя было себя вести так, как ведут себя они, — надо все-таки сохранять свое лицо.

— Так как же вы не видели лица большевиков? Даже первые вредительские процессы — Шахтинский, Промпартии — вы же понимали, что это сценарии. И все равно не было полного отрицания большевиков?

— Наверное, это был какой-то гипноз слова «социализм». Теперь я сама этого не понимаю. И все-таки было реальное сравнение с прошлым режимом. Все-таки была ликвидирована частная собственность на средства производства, было бесплатное образование, медицинское обслуживание. И, конечно, национальный вопрос — до революции с нами, евреями, дело обстояло очень плохо. Мы во всем этом видели поступательное движение к социализму. Сравнение с прошлым давало надежду, что что-то произойдет.

— Какие разговоры велись в ссылках?

— Среди нас были левые эсеры, даже один член ЦК — Яков Вениаминович Браун, анархисты с их кашей в голове и беспредметно агрессивным настроением, во второй ссылке — меньшевик Владимир Александрович Липкинс. Были и правые эсеры. Споры велись по многим вопросам, в частности, о коллективизации. Уже многие были настроены значительно более скептически по отношению к большевикам. Но, конечно, о каких-то реальных действиях не могло быть и речи — какие могут быть действия в безвоздушном пространстве? В общем, все хотели «сохранять масло в светильниках» и только ждали окончания сроков. Передавалась какая-то идеологическая эстафета, «проветривались» мозги.

— Представляли ли вы тогда, что сидеть придется всю жизнь?

— Конечно, нет. Наоборот, мы считали, что большевики переродятся и наступит настоящий социализм.

— Если бы тогда, в тридцатые годы, у вас спросили, кто вы по воззрениям, что бы вы ответили?

— Ответила бы, что я социалистка.

— А какова судьба Тугарина?

— Он умер. Его сослали в Воронеж, но он был тяжело болен туберкулезом. Я провожала его к семье во Владикавказ. Очень грустно было его оставлять. Вскоре он умер.

— А кто еще был в группе «Народ», кроме Тугарина?

— Буревой. Он, кажется, расстрелян.

— Социалисты-революционеры, особенно мужчины, наверное, погибли все?

— По-моему, вообще все старые интеллигенты-мужчины погибли.

— Не совсем так. Я встречал кадетов, октябристов, а эсера — ни одного. Графов, князей вокруг полно, а вот эсеров — ни одного. А ведь в России аристократов было меньше, чем эсеров?

А как вы относитесь к расстрелу царской семьи?

— Романовы, конечно, заслужили кары, революция имела право поступить с ними так. Но уж больно незстетично большевики это сделали. Во Франции это было гораздо приличнее.

— Однако вернемся к основной теме разговора. Если посмотреть на репрессии 1920-х и 1930-х годов, то мы увидим довольно странную картину. По отношению к «бывшим» репрессии были значительно менее целеустремленными, чем по отношению к социалистам. Чем вы это можете объяснить? Почему против эсеров и социал-демократов репрессии были такими четкими — ни одного человека нельзя было оставить на воле, если он оставался убежденным человеком?

— Братоубийственная война страшнее всех войн. Социалистов вырывали с корнем, потому что боялись их влияния на массы. Конкуренция! Несмотря на то, что социалисты уже к 1923-24 году ни о каком влиянии не помышляли, большевики их все же боялись! Я про это даже стихотворение написала:

Врага нет злее, чем вчерашний брат,
Когда он поднял грозный меч на брата.
Пройдут века, и ворохи цитат
Расскажут, как за ереси когда-то
На смерть и муки обрекли людей...
Теперь, в изгнанье, слушая злословье,
Я молча думаю, и в памяти моей
Горят угрюмые костры средневековья.
В ревушем пламени сгорают колдуны,
Пророки, воины, студенты и поэты...
Прошли столетия, исканьями полны,
И вновь процессы. В ватники одеты,
Еретики влачат свой горький век.
Остался ты таким, как прежде, человек.

Но тогда... Вы вспомните, в какие это было годы! Существовал гитлеризм. У меня был знакомый еще по конгрессу Проф-

интерна испанец Армандес. Еще во время конгресса фашисты убили в Испании его брата, и он потом стал коммунистом. Я спросила: что же вас заставило перейти от синдикализма в социалистическую партию? Он ответил: «Жизнь заставила. У нас не было возможностей ни работать, ни издавать газету, а от коммунистов мы имеем реальную помощь». Действительно, я знала о секретных фондах коммунистов, из которых те помогали профсоюзам. И не только своим подконтрольным, а и синдикалистским. Советы казались нам опорой против Гитлера, хотелось забыть о разногласиях. Такая ситуация нас сильно деморализовала. Мне когда-то говорил Айтматов: «Я, конечно, все понимаю и во всем отдаю себе отчет, но если бы победила та сторона — страшно подумать, что было бы с нашими национальными республиками...»

Потом Конституция. 1936 год. Мы, конечно, никаких иллюзий не питали уже, но то, что они написали в своей Конституции о демократии, сыграло большую роль. Дан за границей начал чуть ли не расхваливать большевиков, говорить, что они идут по правильному пути. А во время войны он агитировал, чтобы сражаться на стороне СССР. И хотя мы здесь отчетливо понимали: сталинские уверения, что социализм будет построен через два года, что социализм уже построен, — чужь собачья и чистейшей воды демагогия, — а надежды все-таки оставались. Конечно, мы понимали, что это не тот социализм, который нужен. Я и сейчас считаю, что это какой-то очень грубый, скверный вариант социализма, от которого надо бежать, как от чумы. Этот «социализм» совершенно отвратил молодое поколение от идеи социализма.

— В чем же основной недостаток этого социализма?

— Прежде всего в том, что основной компонент социализма — свобода, а у нас ее нет. С точки зрения экономики это, скорее всего, похоже на государственный капитализм. В нашей идеологии государству отводилась минимальная роль, а у них государство — это Левиафан, который все себе подчиняет. У них централизация, а мы вообще — не сторонники централизации.

А теперь это вообще выродилось в сословный строй: у нас есть сословие, которое живет совершенно иначе и экономически, и в бытовом отношении, куда не пускают остальных людей. Ведь этого не было раньше. Все жили одинаково. Был партмаксимум. Моя подруга Яна Козловская, дочь председателя Малого Совнаркома, видного деятеля 1917-18 годов (к его счастью, он умер

довольно рано, в 1927 году), вместе с отцом жила в Кремле рядом с семейством Микояна. У Микояна было много детей, а у Козловского всего двое — Яна и ее брат (впоследствии расстрелянный в Орловской тюрьме вместе со Спиридоновой). Жена Микояна, имея шестерых детей, не могла работать. А у Козловских работали и мать, и отец. Жена Микояна из месяца в месяц приходила к ним занимать деньги, потому что у них не сходились концы с концами. Тогда, в 1920-е годы, они жили как и все советские граждане.

— Скажите, а как развивалось ваше отношение к Сталину?

— Сначала, когда он был продкомиссаром в Царицыне, мы его не замечали. Потом он арестовал всех оппозиционеров, нас это вроде не касалось. Даже в 1934 году, когда убили Кирова, мы еще не знали, что это его рук дело. В день похорон Кирова, когда в знак траура гудели гудки всех заводов, муж еще иронизировал: «Вождь горюет». Мы все думали, что это убийство — дело рук оппозиции.

— А как вообще относились к оппозиции?

— К Бухарину относились положительно, а к Троцкому и троцкистам — отрицательно. Потому что Троцкий — это та же разновидность, что и Сталин, только культурная разновидность: такой же деспот. К аграрному вопросу он относился так же, как и Сталин. Конечно, он не устроил бы 1937 года, но хорошего от него трудно было ждать.

— Когда для вас Сталин выступил как отдельная фигура?

— В середине 1920-х годов, когда начались аресты.

— Вы понимали, что все это делается с его санкции?

— Да, конечно. Но после 1937 года мы его уже ненавидели.

— А до этого что, посмеивались?

— Ну, когда происходила коллективизация и раскулачивание — тут уж было не до смеха. Еще в 1929 году Камков мне сказал: «Сейчас они все перегрызутся, начнут поедать друг друга. А когда это сделают — примутся за нас».

— А как вы относились к Ленину?

— К Ленину я всегда относилась и отношусь положительно. Это был целеустремленный человек, который твердо знал, чего он хочет и что будет делать его партия во время революции. В этом счастье большевиков. У нас, к сожалению, не было такого человека.

— Ну, а продрозверстка?

— Это, конечно, ужасная вещь. Плохо, что они отыгрались на крестьянстве, но ведь страна была в очень тяжелом положении.

— А арест эсеров, это же производилось тоже с его ведения?

— И все-таки после процесса всех выпустили. Троцкий считал, что всех надо расстрелять. Эсеров приговорили к смертной казни, полтора дня во ВЦИКе были прения: что делать, потому что эсеры не подали заявления о помиловании. Когда начали голосовать, то за расстрел было только два голоса — Троцкий и Дзержинский. Все окончилось благополучно благодаря Ленину. Так что я его расцениваю положительно как политического деятеля. Счастье большевиков, что у них был Ленин.

— Ну а принес ли он счастье России?

— Если бы Ленин жил дольше, то обстоятельства сложились бы значительно лучше. Во-первых, долго был бы мир. Ленин был очень гибким политиком. Мой муж слышал речь Ленина о НЭПе, которую тот произнес на общественном активе. Ленина спросили: «Сколько времени будет существовать НЭП?» — «Сколько будет надо, чтобы страна вышла из тяжелого положения, — ответил Ленин, — может быть, даже пятьдесят лет».

— В принципе, вы к НЭПу относились положительно?

— В принципе, да. С одной стороны, это было отступление к буржуазным порядкам. Но, с другой, эта политика являлась очень убедительной. Ведь экономика была в плачевном положении.

— Значит, вы говорите: Ленин — замечательный вождь, он знал, что будет делать завтра. А расстрелы, а «красный террор», а аресты социалистов, а продрозверстка — это что, издержки революции?

— Да, революции и гражданской войны.

— Так что вы не видите никаких отрицательных сторон в Ленине?

— Вижу. Во-первых, он насадил систему, которая потом обратилась против всех завоеваний революции — систему однопартийной диктатуры. И все-таки при культурном диктаторе — Ленине — это имело совершенно иной вид. Все-таки положение РСФСР было очень тяжелое — по всем фронтам.

— Если бы при вас обсуждали план террористического покушения на Ленина, каково было бы ваше мнение?

— Резко отрицательное.

— А если бы обсуждалось покушение на Сталина?

— Тоже против. Потому что такой акт поставил бы под удар очень многое в стране.

— А если бы покушение на Сталина готовилось уже в 30-е годы? Я понимаю, что ситуация абсолютно придуманная, и все-таки?

— В принципе, я до сих пор удивляюсь, как могли его терпеть товарищи по партии и почему его никто не застрелил. Почему Орджоникидзе должен был выстрелить в себя, а не в него? Если бы Сталина убили, я бы абсолютно ничего не имела против. Была бы очень довольна. Но против покушения на Ленина я бы возражала, особенно если бы это было поручено представителю эсеровской партии.

— Но ведь Сталин тоже был лидером социалистической партии?

— Он был исключительно мерзкой личностью. И все-таки мы не планировали его убивать.

— А ваши лидеры? Например, Чернов?

— Чернов не является для меня образцом социалиста. Талантливый теоретик, прекрасно писал, но в личной жизни вел себя недостойно социалиста. Во время революции лидер партии, министр земледелия, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом, крутит роман и меняет жену — это недостойно. Как вождь он совсем не удовлетворял никаким требованиям, просто хороший теоретик. Вождем у нас мог быть Савинков, но он был совсем другой ориентации. И потом, это был совсем аморальный чело-

век, у него не было этики. Помните, он проповедовал: «Почему нельзя убить мужа своей любовницы, но можно убить министра? Если вообще можно убить человека, то безразлично, кого и по каким мотивам». Это он нам преподнес в 1909 году. Вся наша эсеровская молодежь была глубоко возмущена.

— А чем вы объясняете, что современная молодежь — в основном правых убеждений?

— Социализм в их глазах полностью скомпрометирован. Это очень грустно. Они сторонники только буржуазной демократии. Советский вариант им противен. А других они не видят.

— Почему, по-вашему, среди молодежи так распространены религиозные настроения?

— Они проходят через то, через что прошли и мы. Это связано с упадком интереса к политике. Так было после 1905-1906 годов. И тогда, как и сейчас, переживалась так называемая «сексуальная революция».

— А как же в шестидесятые годы?

— Тогда интерес был велик. Это была реакция на 1937-й. В частности, очень активно переживались события в Чехословакии. А теперь, видимо, решили, что политика — грязное дело, которым никогда не следует заниматься.

— А социализм, значит, самый грязный вариант политики?

— Я сама считаю, что политика — грязное дело. Но не считаю таковым социализм. Я до сих пор верю в возможность «социализма с человеческим лицом».

— И может ли, по вашему мнению, у нас возникнуть общество, воплощающее ваши идеалы?

— Долго не сможет. У нас для этого нет прецедента. Народ не имеет демократических традиций. Из крепостного права мы перешли в романовщину — самодержавие, после революции какое-то короткое время — лет пять — были относительные свободы, но вслед за этим — диктатура Сталина. Откуда у народа могут возникнуть демократические традиции?

— То есть, вы считаете, что переход к истинному социализму возможен только через демократию какого-либо типа?

— К сожалению, это так. Ведь левые, да и вообще все эсеры считали, что в России возможно построение социализма минуя буржуазную демократию. В действительности оказалось, что правы меньшевики, говорившие, что нельзя миновать никакую историческую фазу развития.

— Я читал в «Соцвестнике», что в 1952 году состоялось объединение двух заграничных партий социалистов — «эс-де» и «эс-эр». Это объединение долго готовилось. Там были Чернов, Зензинов, с одной стороны, а с другой — Николаевский, Далин и кто-то еще. Они создали некую единую социалистическую русскую партию. Как вы считаете, разделение на разные партии не раздробило ли силы социалистов и не смогли бы они, если бы не раздробились на 24 фракции, создать после 25 октября какую-то умеренную оппозиционную программу?

— Мне кажется, это нереально. Слишком разнятся взгляды марксистов и немарксистов.

— Но к меньшевикам, во всяком случае, у вас сохранилось чувство уважения?

— Безусловно. Теоретически они очень знающие люди, только слишком пассивны. И потом, они тоже централисты, но в меньшей степени, чем большевики.

— Ваши нынешние взгляды на социализм остались такими же, как и 70 лет назад?

— Конечно, нет. Надо же принимать во внимание все то, что произошло за эти годы. Когда в России говорили о социализации земли, то не было еще такой техники, как теперь. Теперь уже не перейдешь к единоличному хозяйствованию.

— А в целом? Есть люди, считающие, что социализм — некое этическое учение, причем не имеет значения ни эксплуатация, ни у кого какая собственность, а главное — чтобы соблюдались некоторые этические правила равенства человека человеку.

— Это обязательная вещь, но только один из компонентов социализма. А вообще я считаю, что только социализму предстоит по-настоящему реализовать лозунг «Свобода, равенство, братство».

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абрамов, казачий офицер 49, 367
Абрамов А., комендант Кремля
233, 234
Абрикосов А.И. 182, 190, 207
Авербах М.И. 181, 182, 184, 185,
196, 200, 274
Аверкиева Н.А. 17, 18
Аверкиевы А.Н. и Е.Н. 17, 63
Авксентьев Н.Д. 45
Адлер М. 171
Азадовский М.К. 252
Айтматов Ч.Т. 384
Аксельрод П.Б. 152, 162, 165, 176
Александр I, имп. 226
Александров В.А. 264
Алексеев И., укр. с.-р. 64
Алексеева Л.М. 85
Аликин С.Н. 211, 224, 226, 233,
234
Алферов В.В. 298-301, 307
Альтовский А.И. 17, 18, 33, 63
Амиров, адвокат 342
Андреев А.А. 281
Андреев Н.А. 41
Андреева М.Ф. 273
Андроников (Андроникашвили)
И.Л. 313
Андропов Ю.В. 81
Анненский Н.Ф. 51
Анохин В.Г. 154
Аношин Н., чл. ПСР 342, 343
- Антонов А., журналист 260
Арагон Л. 9
*Арапов Л. 367-389
Аристофан 333
Аркавина В.Я. 69, 70, 339, 340-
342
Арманд В.А. 187, 259
Арманд Д.Л. 19, 64
Арманд И.А. 149, 162, 219, 270
Арманд Л.М. 19, 64
Армандес, испан. коммунист 384
Аросев А.Я. 203, 271
Аррениус С. 72
Аскеров, судья 342
Аттал Е.Б. 249
- Бабаев, судья 342
Бабин (*Корень) Б.В. 8, 10, 13,
14, 16, 25, 26, 28, 368, 369, 373,
375-378, 380
Бабин И.Б. 376, 377, 380
Бабина Б.А. 7, 8, 9-38, 343, 367-
389
Бабицкие 104
Бабицкий К.И. 84-86, 98, 99
Бабушкин И.В. 232
Бажанов Б.С. 170, 197, 198
Байтальский М.Д. 345-357
Баккал И.Ю. 64
Балмашев С.В. 63
Балтрушайтис, охр. Ленина 222

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой отмечены псевдонимы и кринтонимы.

- Балтрушайтис Ф.И. 233, 234
 Балтынь Э. - см. Земнице (Балтынь) Э.Я.
 Баранченко В.Е. 26, 77
 *Бармин Н. 367-389
 Бартель Г.Г. 203
 Бауман Н.Э. 76
 Бауэр Н.А. 16, 61
 Бахрушины, бр. 177
 Бачинский А.О. 72
 Бажанов В.Л. 226
 Белан Л.Н. 144
 Бельский А.Я. 216
 Белгородская И.М. 91, 101, 110, 111
 Белоусов В., журналист 195
 Бельмас А.В. 159-161, 211, 230, 233, 234
 *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 65
 Белякова Т.М. 186, 226, 277
 Берзинь Н., охр. Ленина 233
 Берто, француз 232
 Бехтерев В.М. 76, 152, 178, 182, 184-186, 204, 369
 Бивин, охр. Ленина 233
 Билима-Пастернак Г.А. 61
 Биценко А.А. 40
 Блинов (Лебедев), следователь 47
 Блок А.А. 64, 65, 333
 Блох Л.М. 31
 Блюмкин Я.Г. 41
 Бляхин, адвокат 342
 Бобровников, капитан МВД 74
 Богданов, охр. Ленина 233
 Богданов Б.О. 62
 Богданов Н.А. 165, 176
 Богданов П.А. 299, 308
 Боголепов М.А. 76
 Боголюбов Н.П. 316
 Богорад И.В. 181, 208
 Богораз Л.И. 81-140
 Богоявленская С., чл. ПСР 11, 12
 Бонч-Бруевич В.Д. 255, 257, 269, 270
 Бордига А. 261
 Борисов, охр. Ленина 233
 Борхардт, хирург 180, 192, 193
 Боченкова М., чл. ПЛСР 379
 Браудо В., следователь 377
 Браун Я.В. 382
 Брежнев Л.И. 234
 Брехт Б. 333
 *Бронский (Варшавский М. Г.) 235, 259
 Брук Б. 162, 167, 274
 Брусиловский М.М. 368
 Брусова-Страунинг В.И. 249
 Брюсов В.Я. 64
 Бузанов С.П. 147, 148
 Булгаков А., чл. ПСР 342
 Бумке О. (Bumke O.) 177, 178, 201
 Бунак В.В. 182
 *Буревой К. (Сопляков К.С.) 21, 67-69, 382
 Бухарин Н.И. 41, 42, 144, 146, 169, 172, 183, 188, 206, 230, 235, 253-259, 311, 331, 385
 Вайнштейн, врач 209
 *Валентинов Н. (Вольский Н. В.) 148, 155, 157, 217, 240, 241
 Васильев, обвинитель на проц. бакинских с.-р. 342, 343
 Васильев (Б.А.?) 306
 Вахрамеев, монархист 344
 Вацетис И.И. 42
 Введенский А.И. 319, 332, 333
 Вебер Л.Г. 208
 Вейсброд Б.С. 180-184, 186, 190, 261
 Велибеков, обвинитель на проц. бакинских с.-р. 342
 Великанова Т.М. 85
 Вернадский В.И. 72
 Виленский-Сибиряков В.Д. 162
 Вильгельм II, имп. 52
 Вильямс А.Р. (Williams A.R.) 283
 Винниченко В. 196
 Виноградская П.С. 174
 Вихрев Е.Ф. (?) 236
 Вишняк М.В. 8, 44, 77
 Владимиров П., политрук 211

- *Владими́рова В.Ф. (Хрущева А.М.) 46
Власов А.А. 209
Волков А.В. 64
Волков Г., большевик 157
Волкова В.В. 204, 249, 267, 284
Волкова Р., з/к 124, 125
Волошин М.А. 71
Вольский В.К. 67, 68
*Вольский С. (Соколов А.В.) 176
Воровский В.В. 161, 162, 167, 171, 268
Воронский А.К. 235, 252, 259, 262, 344
Воронцов И.Н. 237, 238
Воскресенская З.И. 153
Ворошилов К.Е. 53
Врангель П.Н. 64, 295
Вульф Ю.В. 72
Выгодский Д.И. 322, 325, 333
Вышинский А.Я. 42
Гавен Ю.П. 77
Гаджинский — см. Сулейман-бек -оглы (Гаджинский) Д.
Галилей Г. 75
Гапеев А.А. 296, 305
Гапон Г.А. 235, 376
*Гарви (Бронштейн) П.А. 79
Гарвуд А. 275
Гассельблат В.А. 304
Гегель Г.В.Ф. 227, 285
Гельфгот А.П. 13, 19, 20, 46, 374-376
Гельфгот М.А. 376, 377
Гельфгот П.Г. 46
Гельфман Г.М. 339
Гендельман (*Грабовский Якобий М.) М.Я. 13, 45
Гепштейн, адвокат 342
Герцен А.И. 96
Гетман, з/к 323
Гетье Ф.А. 151, 176, 183, 185, 196, 207, 210, 247, 255, 264, 265, 267
Гильбо А. (Guilbeaux Н.) 281-283
Гинзбург Е.С. 119, 120
Гитлер А. 384
Гляссер М.И. 239, 242
Голинков Д.Л. 38, 45
Головин М., чл. ПСР 368
Головина Л.С. 21
Голомазов М., обвиняемый на проц. бакинских с.-р. 342, 343
Гольдебаев А.К. 267
Гонтарев, врач 321
Горбаневская Н.Е. 82-84, 86, 101
Горбунов, охр. Ленина 233
Горбунов Н.П. 275
Горелик М.М. 61
Горин Н.П. 302, 303, 309
Горская Т.С. 249, 250
Горский А.С. 249, 250
Горшони, князя 232
*Горький М. (Пешков А.М.) 51, 162, 167, 173, 177, 222, 227, 268, 273, 280-282, 307, 318
Гоц А.Р. 13, 43, 44
Гоц М.Р. 76
Граев Г., журналист 163, 193, 229
*Граф Г. 69-76
Грессер, нем. шпион 39
Грибоедов А.С. 316
Григорий, архиеп. Екатеринбургский 306
Григорьев Г., журналист 179
Гринштейн А., троцкист 348
Грум-Гржимайло В.Е. 291-293, 294-304, 306-309
Грум-Гржимайло С.В. 308, 309
Грунт Я.Я. 162, 284
Губерман И.М. 204
Губкин И.М. 306
*Гуляев В. 339-344
Гумилев Н.С. 64
Гурвич С.М. 78
Гусева К.И. 148, 236-238, 240, 241
Давыдов Ю., журналист 249
*Далин С. (Левин Д.Ю.) 388
Даниэль А.Ю. 88, 89, 97
Даниэль Ю.М. 81, 87, 88, 113
Даннэ Э., з/к 113
Даршкевич Л.О. 178
Дашевский И.С. 44, 68

- Дашков Ю., журналист 181
 Дворянский, большевик 52
 Делоне В.Н. 84
 Деменков В., журналист 237
 Деникин А.И. 53, 69, 295, 371
 Дешин А.А. 182, 190
 Джойс Дж. 333
 Дзержинский Ф.Э. 34, 36, 68,
 161, 255, 344, 386
 Дидковский Б.В. 299, 307
 Диккенс Ч. 9, 29, 96
 Дмитриев Ю.Д. 233
 Доброгаев С.М. 146, 152, 153,
 164, 165, 174, 178, 179, 183,
 185, 187, 202, 206, 212, 213,
 219, 223-225, 263, 264, 267, 283
 Добролюбов Н.А. 292
 Донской Б.Д. 52
 Донской Д.Д. 9, 11, 12, 22, 24-27,
 38, 39, 78
 Доронин И., подсудимый на
 проц. бакинских с.-р. 342
 Дос-Пасос Дж. 333
 Драбкина Е.Я. 57, 58
 Дремлюга В.А. 84-87, 98, 104
 Дуров В.Л. 72
 Дюамель Ж. 333
 Дюпарк Л. 306
- Еврипид 333
 Егоров П., с.-р. 377
 Ежов Н.И. 347, 360
 Елистратов П.И. 157, 177, 182,
 183, 190, 204
 Ельник В., с.-д. 61
 Емельянов О., журналист 249
 Енукидзе А.С. 216, 257
 Еремин, охр. Ленина 233
 Ермилов В.В. 311
 Ерохин А., журналист 75
 Есенин С.А. 333
- Жданов, жанд. офицер 49, 367
 Жданов А.А. 48
 Желин, охр. Ленина 233
 Жиряков, судья 306
 Жуков М.С. 21, 69, 70
 Журавлева О.Н. 232
- Заболоцкая Е.В. 318, 326
 Заболоцкий Н.А. 310-317, 317-
 340
 Заболоцкий Н.Н. 313
 Завадовский Б.М. 73
 Загер, пред. облисполкома 359
 Зайцев М., чл. ПСР 342, 343
 Заковский Л.М. 323
 Закройнский, охр. Ленина 233
 Затмилова Г.И. 50
 *Захаров В. 7-80
 Зеленин, зам. прокурора 377
 Земнице [Земниек] (Балтынь)
 Э.Я. 170, 232
 Зензинов В.М. 8, 44, 388
 Зенкевич М.А. 147
 Зернова Е.С. 248
 *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е.
 144, 145, 149, 150, 159, 163,
 164, 170, 172, 194, 197, 206,
 221, 230, 232, 241, 252-255,
 257, 258-260, 262, 263, 266,
 269, 274, 281, 286, 355, 356
 Зорге Ф. 268
 Зорька-Римша З.-К.И. 159, 188,
 211, 215, 231
 Зубков, фотограф 250
 Зубов Н.И. 211, 224, 234
 Зуев А.Н. 230, 232
- Иваницкий, чл. ПСР 62
 Иванов, следователь 47
 Иванов В., журналист 168, 185
 Иванов Г.П. 224, 233, 234, 246,
 248
 Иванов К., подсудимый на проц.
 бакинских с.-р. 342
 Иванов М.М. 242
 *Иванов-Разумник (Иванов Р.В.)
 65
 Иванычев И.И. 233
 Измайлович А.И. 15, 49, 52, 53,
 55, 380
- *Каверин (Зильбер) В.А. 314, 315
 Казак Т.И. 233, 234
 Калганов А.Ф. 249, 250
 Калинин М.И. 254-257, 359
 Калинина Е.И. 359

- Калистратова С.В. 85
Калмыкова А.М. 176
Каляев И.П. 7
Калясников К.Д. 297, 307
*Каменев Ю. (Розенфельд Л.Б.)
144, 149, 150, 157-159, 170,
172, 191, 192, 227, 230, 253-
255, 263, 274, 355, 356
Каминская Д.И. 85
*Камков (Кац) Б.Д. 9, 12, 14, 15,
20, 30-35, 37, 39-43, 64, 379-
381, 385
Камкова Е.А. 33, 381
Каплан (*Ф.Е.) Ф.Х. 8, 9, 24-26,
38, 42, 43, 190, 192, 376
Карашарли Риза Бала-оглы 342
Кареев Н.И. 71
Карелин В.А. 40, 43, 49
Карпинский А.П. 291
Катанян Р.П. 376, 377
Катулл 333
Катценэленбоген Г., чл. ПСР 31
Каховская И.К. 15, 29, 50-61, 69,
70
Каховский П.Г. 51
Каюров В.Н. 277
Квасман Г., парт. работник 242
Кедров М.С. 80
Келчевская Н., врач 321
Керенский А.Ф. 39, 371
Ким Ю.Ч. 101
Кинг У.Л.М. 166
Кипен Г.А. 45
*Киров (Костриков) С.М. 194,
209, 348
Кицлинг Р. 333
Клемансо Ж. 188
Клемперер Г. 177, 180, 192-195,
275
Клер М.О. 296, 300, 304-308
Клер О.Е. 305
Клешапов Н., подсудимый на
проц. бакинских с.-р. 342
Клинггенберг Н.М. 78
Княжицкий Б., троцкист 349-356
Княжнин Я.Б. 316, 317
Коваль Д.В. 234
Кожевников А.М. 178, 186, 192,
228, 229, 279
Козлов Г.Н. 237
Козлов И. 316
Козловская Я.М. 384
Колегаев (Калегаев) А.Л. 36, 40,
80
Коллонтай А.М. 52
Колчак А.В. 67, 295, 307, 371,
374
*Кольцов (Фриндлянд) М.Е. 209
Кольцов Н.К. 72
Коноплева Л.В. 39, 43, 68
Конради М. 162
Копелев Л.З. 85
Копелева М.Л. 82
Корде Ш. 25
Коринец И., журналист 226
Корнилов Б.П. 319, 331
Королев Г., чл. ПСР 342
Короленко В.Г. 36
Короленко С.В. 36
Косиор С.В. 360, 361
Космачев П.С. 210, 211, 213, 225
Костин Н.Д. 187, 210, 213, 226
Котенко А., корреспондент 250
Котов И., чл. ПСР 16
Котова Е. Л. (?), чл. ПСР 16, 61
Котовская Ж., з/к 124-126
Кочаровский Г., чл. ПСР 15,16,
29, 61
Кравченко, охр. Ленина 233
Крамер В.В. 146, 178, 183
Краснов П.Н. 370
Крестинский Н.Н. 235, 252, 259,
262
Крестовский И., чл. ПСР 342, 343
Кржижановские 232
Кроль М.Б. 178, 179, 183
Кроль С., троцкист 348, 354-356
Крупская Н.К. 144, 149, 150, 152,
154, 158, 161-168, 171, 173-177,
179, 183, 185-189, 204, 207,
208, 210-219, 222, 223, 225,
230, 231, 235-239, 241-243, 245,
247-249, 251-253, 259-261, 263,
266, 267, 269, 270, 272, 273,
275-278, 280-283, 286
Крыленко Н.В. 343, 369, 376

- Кудряшова В., журналистка 167
 Кузнецов Д.В. 148, 237-239, 241, 243
 Кузнецов Н., журналист 233
 Кузнецов Ф.П. 242
 Кузнецова (Лаздынь) А.Я. 169, 170, 210, 211, 232
 Куйбышев В.В. 41, 167, 177, 182, 190, 191
 Куклин Г.О. 319, 331
 Кулагин Н.М. 76
 Кулик, охр. Ленина 233
 Кун Б. 41
 Кунецкая ЛИ. 147, 222, 226, 275
 Курлов П.Г. 49
 Курская А.С. 247
 Курский Д.И. 255
 Кускова Е.Д. 162
 Кюхельбекер В.К. 316
- Лавров П.Л. 7, 40
 Лагуткин П., охр. Ленина 233
 Лазарев П.П. 72, 76
 Лазебников А.Е. 187
 Ланда М.Н. 135
 *Ларин Ю. (Лурье М.А.) 271
 Лафарги 276
 Лебедев Г.И. 222, 224
 Лебедев П.П. 72
 Лебедев-Полянский П.И. (*Полянский В.) 283
 Левин, проф. медик 305
 Левин А.Я. 362
 Левин Л.А. 144
 Левин Л.Г. 177, 183, 196
 Левин Э., журналист 234
 Левина Е., чл. ПСР 342
 Левинэ Э. (Е.Ю.) 33, 37, 79, 80
 Лежнин А.И. 363
 Лейтман А.М. 249
 Лейтман-Волостнова Г.А. 249
 *Ленин (Ульянов) В.И. 9, 23-25, 33, 36-38, 40, 42, 43, 48, 65, 68, 143-287, 307, 308, 347, 350, 375, 385-387.
 Леонардо да Винчи 74
 Леонтович А.В. 72
 Лесберг, проф. 74
- Леталин С.В. 249
 Лехт Ф.К. 242
 Либерман Л.А. 67, 58
 Лившиц, санитар в Горках 189
 Лившиц Б.К. 319, 331
 Лидак О.А. 239
 Липкинс В.А. 382
 Липшиц С.А. 75
 Лисовская Н.П. 82, 88, 90
 Литвинов П.М. 82, 84, 85, 101, 116, 124
 Литвинова (Ясиновская) Ф.П. 87
 Ллойд Джордж Д. 149
 Лозгачев-Елизаров Г.Я. 168, 173-175, 231, 245, 246, 248, 249, 276
 *Лозовский А. (Дридзо С.А.) 377
 Лойко Л.П. 368, 374
 Лойола И. 341
 Локерман А.С. 31, 78, 79
 *Ломов А. (Ломов-Оппоков Г.И.) 291, 296, 304, 309
 Ломоносов Ю.В. 201
 Лондон Дж. 173
 Лубенцова В.Г. 85-87
 Луженовский Г.Н. 49, 367
 Луначарский А.В. 71, 72, 145, 150-152, 165, 166, 173, 266, 283, 308
 Лупандин Н.Н. 318
 Лыжин, монархист 344
 *Львов К. 39-43
 Ляндрес С.А. 223
- Майоров А.Я. 50
 Майоров И.А. 15, 29, 31, 40, 50, 53, 64
 Майоров К.Р. 252
 Маклярский М.Б. 344
 Малышев С.В. 151, 227
 Малянтович В.Н. 217
 Манучарьянц Ш.Н. 147, 172, 213
 *Мар Н. (Мермерштейн Н.И.) 223
 Марат Ж.П. 25, 273
 Марецкая, врач 194
 Маргвелашвили Г. 316
 Маргулис С.С. 334-336
 Маркс К. 144, 212, 268, 280

- *Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 10, 152, 162, 163, 268
 Марченко А.Т. 82, 83, 111
 Маршак С.Я. 319, 332
 Матвеев, охр. Ленина 233
 Махарадзе Ф.И. 159
 Маштакова К.А. 147, 222, 226, 275
 Маяковский В.В. 147
 Мдивани П.Г. 159
 Медведев П.Н. 322, 333
 Медведев Р.А. 207, 371
 Мельников, охр. Ленина 233
 Мельников-Разведенков Н. Ф. 182, 190
 Менжинский В.Р. 177
 Меркурьев, следователь 318
 Мерхелев В., чл. ПСР 372, 373
 Мешков Н.В. 300, 309
 Микоян А.И. 151, 170, 218, 241, 257, 258, 385
 Милнер-Голланд Р. (Milner-Gulland R.) 317
 Милуков П.Н. 367
 Минина Л., журналистка 234
 Минковски О. (Minkowski O.) 177, 201
 Минор Л.С. 178, 179
 Мирбах В., фон 36, 41, 375
 Мирошниченко Г.И. 317, 330
 Михайлов, знакомый Ленина 266
 Михайловский, красный курсант 286
 Михайловский Н.К. 7, 280, 369
 Мичурин И.В. 275
 Моисеенко Б.Н. 44
 *Молотов (Скрябин) В.М. 149, 163, 164
 Молчанов В., журналист 223, 224
 Монахов Н.А. 85
 *Мстиславский (Масловский) С.Д. 21, 76, 343, 374
 Мороз Г.С. 305
 Мусаэлян В.Э. 234
 Мушин Я.М. 233
 Нагайбекова Х.Х. 342, 343
 Наполеон I, имп. 226
 Натансон М.А. 39, 40, 43
 Недобежкин, охр. Ленина 233
 Нерченко А.И. 211
 Нестроев Г.Н. 65
 Никитенко Б.Н. 376
 Никитин В.В. 294, 296-298, 304, 307
 Николаев Л.В. 209
 Николаевский Б.И. 388
 Николай II, имп. 308
 *Никулин (Ольконицкий) Л. В. 74
 Новиков, террорист 39
 Новиков И.А. 233
 Новиков С.Н. 223
 Новицкий К., публицист 172
 Новоплянский Д.Н. 189, 211, 224, 249
 Новоселов М., журналист 244, 249
 Ногин В.П. 41, 207
 Ногтев, нач. УСЛОНа 61-63
 Нонне М. (Nonne M.) 177-179, 201
 Норд Л. 209
 Норов Д.Д. 49
 Нуколов, охр. Ленина 233
 Нусинов И., публицист 252
 Обух В.А. 177, 182, 186, 265
 Обухов, охр. Ленина 233
 Овсеенко В.В. 344
 Озеров Л. 313
 Олейников Н.М. 319, 332
 Олицкая Е.Л. 8, 377
 Ольденбург С.Ф. 307
 Опарин О., журналист 249
 Орджоникидзе Г.К. 161, 373, 387
 Осинцев М., чл. ПСР 342
 Осипов В.П. 154, 160, 163, 165, 175, 177, 179, 180, 182-184, 188, 190, 197, 198-210, 212, 213, 216, 219, 225, 226, 228-230, 239, 244, 245, 252, 253, 262, 264, 278
 Осповат Б.Л. 181, 208
 Остроумов, проф. 177

- Пакалн П.П. 160, 211, 233
 Паламодов, пом. нач. конвоя
 362, 363
 Палладин А.В. 188
 Панина С.В., гр. 51
 Панков, работник совхоза «Гор-
 ки» 221, 235
 Пантелеев И.Л. 223, 224
 Пастернак Б.Л. 311
 Пейн Р. (Рауне R.) 157, 211
 Пепеляев В.Н. 371
 Петлюра С.В. 53
 Петрасов, охр. Ленина 233
 *Петренко Н. 143-287
 Петренко П.С. 31, 78
 Петров, о. Григорий 51
 Петров М.Н. 362, 363
 Петров-Агатов А.А. 113
 Петровская А.Г. 358-361
 Петровская Д.Ф. 358
 Петровский Г.И. 274, 358-361
 Петровский Л.Г. 359
 Петровский П.Г. 358
 *Петровский Т. 51-61
 Петрушевский Б.А. 313
 Пешкова Е.П. 52, 56-58, 341, 375,
 379
 Пидюра М.Я. 233, 234
 Пизан И.В. 211, 233
 *Пильняк (Воган) Б.А. 207
 Пиник, адвокат 342
 Пиотровский А.И. 322, 333
 Платонов С.Ф. 71
 Плесков В.А. 78
 Плетнев Ф., чл. ПСР 342, 343
 Плеханов Г.В. 197, 227
 Плешаков М., егерь 266
 Поздеев Ю.Б. 85, 86
 Поликашин А., журналист 147,
 234, 266, 267
 Полуян Д.В. 342
 Полякова М.Я. 209
 Понтани, проф. 74
 Попелянский Я.Ю. 178
 Попов, чл. ПСР 41, 48
 Попов, нач. Бутырской тюрьмы
 11, 12, 27
 Попов В.И. 61
 Попов Н.С. 160, 188, 189, 195,
 204
 Попова Е., журналистка 221
 Попова К.В. 47, 48
 Потресов А.Н. 176
 Преображенская Н.А. 244, 249
 Преображенский А.А. 167, 249,
 252, 278
 Преображенский Е.А. 235, 259,
 260, 262, 263
 Преображенский П.И. 296, 307
 Приоров Н.Н. 181, 184, 211
 Проценко, охр. Ленина 233
 Прошьян П.П. 39-41, 43, 380
 Прудович П. 358-361
 Пугачев Е.И. 295
 Пулихов И.П. 49
 Пуришкевич В.М. 343
 Пушкин А.С. 316
 *Пятницкий (Таршис) О.А. 146,
 147, 184, 235, 252, 259, 261,
 262
 *Радек (Собельсон) К.Б. 65, 144,
 149, 162-164, 172, 178, 251,
 269, 355
 Радин М.С. 151
 Радишев А.Н. 316, 317
 Радченко А.И. 245
 Радченко И.И. 245
 Ракитников Н.И. 67
 Раковский Х.Г. 353
 Рапопорт К.И. 344
 Раппопорт Ш. 161, 162
 Распутин В.Г. 127
 Ратнер Г.М. 68
 Рейнбот А.А. 286
 Рейснер Л.М. 278
 Реньо, проф. 74
 Рест П., журналист 166
 Римша К. — см. Зорька-Римша
 З.-К. И.
 Римшане А.А. 188, 231
 Рихтер З.А. 244
 Родичев Ф.И. 367
 Розанов В.Н. 149, 181-184, 187,
 190-196, 198, 203, 205, 207,
 208, 211, 231

- Роллан Р. 55
 Романов, судья 342
 Романовы, династия 299, 300, 368, 383
 Роскина Н.А. 315, 317
 Россолимо Г.И. 179
 Рудзутак Я.Э. 157
 Рукавишников В.А. 172, 188, 189, 204, 211, 215, 217, 222, 224, 227, 231
 Рутенберг П.М. 376
 Рыбин С.Ф. 64
 Рыжов, охр. Ленина 233
 Рыков А.И. 63, 170, 253, 254, 342
 Рылеев К.Ф. 317
 Рютин М.Н. 358
 Рябов В.И. 210, 211
- Саблин Ю.В. 76, 372
 Савинков Б.В. (*Ропшин В.) 7, 372, 387, 388
 Садомская Н.Н. 112
 Сазонов Е.С. 7
 Саммер И.А. 272, 273
 Самородкина А. 260
 Самохвалов Н., чл. ПСР 12, 43
 Сапронов Т.В. 286
 Сапрыгина М., журналистка 276
 *Сафарова Т. 51
 Сафикюрдский Аслан-бек Агалар-оглы 342, 343
 Свердлов Я.М. 36
 Сержевский Л.И. 176, 181, 182
 Светлова В., чл. ПСР 342
 Свифт Дж. 333
 Свобода Л. 83, 84, 97
 Святицкий Н.В. 67
 Святский Д.О. 70, 76
 Семашко Н.А. 72, 149, 150, 153, 163-165, 177, 178, 182, 184, 186, 190, 192-197, 202, 203, 206, 237, 241, 244, 247, 255, 266, 267
 *Семенов (Васильев) Г.И. 38, 43, 68
 Сент-Экзюпери А. де 56
 Сергеев Н.Н. 237
- Сердюков, охр. Ленина 233
 Сизов Н., чл. ПСР 342
 Силин, нач. отд. милиции 116
 Симонов К.М. 334-336
 Синявский А.Д. 81
 Сипягин Д.С. 367
 Скворцов-Степанов И.И. 45, 235, 252, 259, 261
 Скобелинг В., чл. ПЛСР 46
 Скокин Н.И. 249
 Слесарев, охр. Ленина 233
 Слюсаренко, полк. МВД 74
 *Смирнов В. 331
 Смирнов И.Н. 353
 Смирнов Н.П. 67, 68
 Смирнова Е.И. 233
 Смирнова Т.П. 187, 189
 Соболевский П.К. 306
 Соколов В.И. 194
 Соколов С.П. 148, 160, 233, 234
 Солженицын А.И. 158, 265, 335
 Соловьев З.П. 177, 190
 Соловьев И., посетитель Горок 166
 Сонкин М.Е. 177
 Сорин В.Г. 212, 219, 222, 224, 230, 256, 278
 Сорокин Д., чл. ПСР 342
 Сосновский Л.С. 344, 353
 Сотников Ф.И. 233
 Спектор И., чл. ПСР 342, 343
 Спиридович А.И. 376
 Спиридонова М.А. 7, 15, 37, 39, 40, 43, 49, 50, 52, 53, 55, 65, 76, 367, 380, 381, 385
 Спирин Л.М. 48
 Ставская Ф.Е. 26, 77, 78
 Стаклис К., охр. Ленина 233
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 33, 48, 59, 97, 144, 155-159, 167, 168, 170, 172, 204-207, 216, 225, 228, 230, 231, 240, 252-260, 263, 268-270, 274, 275, 310-312, 315-317, 321, 325, 333, 347, 348, 353, 360, 361, 385, 387, 388
 *Стенич (Сметанич) В.О. 322, 333
 Степанов Н.Л. 313, 314

- Струков А.И. 182
 Струнец, охр. Ленина 233
 Сулейман-бек-оглы (Гаджинский) Д. 342, 343
 Сулимов Д.Е. 299, 308
 Сундукянц М.А. 342, 343
 Суслин К., охр. Ленина 233
 *Суханов (Гиммер) Н.Н. 46
 Сухов С.И. 232, 233
 Сухоруков, чл. ПСР 343
 Сухорукова-Спектор (ур. Самородова) О. 339-341, 343, 372
 Сысоева А.М. 232, 233
 Сысоева М.М. 232
- Табидзе Т.И. 319, 332
 Тагер Е.М. 319, 331
 Тамашаускас К. 188
 Тарасевич О., журналист 232
 Тарасов-Родионов А.И. 341, 343, 344
 Тарханов Н., чл. ПСР 342, 343
 Телин М., охр. Ленина 233
 Тельксните М. (Telksnyté M.) 188, 231
 Теркин, охр. Ленина 233
 Тер-Оганян И., чл. ПСР 342
 Тер-Герьян Н., подсудимый на проц. бакинских с.-р. 342
 Тимирязев К.А. 96, 275
 Тимков, адвокат 342
 Тимофеев Е.М. 13, 44, 45
 Тихонов Н.С. 312, 319, 331
 Тихонравов Ал., журналист 166
 Толстой А.Н. 71
 Толстой Л.Н. 226, 278
 *Томсинский В. 373
 *Томский (Ефремов) М.П. 254, 257
 *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 41, 145, 151, 157-159, 166-172, 178, 180, 186, 187, 201, 205, 218, 227, 251, 253, 260, 263, 264, 266, 267, 269, 280, 282, 350, 385, 386
 Троцкий Н., архитектор, з/к 330
 Трутовский В.Е. 14, 20, 31, 46-48, 64, 65
- Тугарин П.А. 21, 372, 382
 Тумповская Е.М. 19, 20, 374
 Тумповская М.М. 19, 20, 64
 Тумповская О.М. 19
 Тумповский М.Д. 64
 Тышкевич, гр., з/к 57
 Тюрин, охр. Ленина 233
- Улановская М.А. 88
 Ульянов А.И. 220
 Ульянов В.Д. 195, 232, 245, 249
 Ульянов Д.И. 167, 195, 225, 226, 255, 266, 271, 272, 278, 279
 Ульянов И.Н. 195
 Ульянова М.И. 147, 150, 155, 162, 169, 170, 173, 183, 185, 188, 195, 196, 207, 208, 210, 213, 214, 217, 221-223, 225, 226, 230-232, 237-239, 242-246, 250, 251, 257-259, 261, 269, 275, 276, 284
 Ульянова О.Д. 249
 Ульянова-Елизарова А.И. 154, 168, 195, 219, 231, 235, 245, 249, 255, 261, 283
 Урицкий М.С. 41
 *Усов П. 291-309
 Устинов А.М. 39, 40, 43
 Утесов Л.О. 91, 119
- Файзула-оглы К. 342
 Фастовский М., журналист 170
 Федин К.А. 319, 331, 332
 Федоров Е.С. 304
 *Федорович (Добровольский) В.Ф. 214, 215, 225
 Фельдберг Д.В. 152, 163, 171, 179, 190, 229, 262, 263
 Фельштинский Ю.Г. 157, 167, 169
 Феогиид 333
 Ферстер О. (Förster O.) 155, 156, 177, 179, 180, 182, 183, 190, 194, 201, 204, 228, 229, 263, 278
 *Фиалка Р.М. 59
 Филипповский В.Н. 372, 374
 Фионкин А., чл. ПСР 342
 Фишер И. 180

- Фишер Л. 157, 177, 192, 194, 195
 Фишман Я.М. 64
 Флейшман Л.С. 311
 Флоренский П.А. 71
 Фомина Е.И. 146, 187, 189, 277
 Фонштейн А., чл. ПСР 342, 343
 Фор М. 73
 Фотиева Л.А. 150, 152, 155-159,
 180, 186, 212-215, 217, 218,
 224, 225, 228, 230, 234, 275,
 279
 Франс А. 29
 Фрунзе М.В. 182, 207, 218
 Фунтиков Ф.А. 373

 Хабаров И.Н. 233, 249
 Хабаров Н.И. 249
 Ханакарян, адвокат 342
 Хан-Магомедов С.О. 265
 *Хармс Д. (Ювачев Д.И.) 319, 332,
 333
 Хейфец А., мемуарист 223, 224
 Хеншен Ф. (Hensshen F.) 177,
 179, 180, 190, 201
 Хеншен С.Н. (Hensshen S.E.)
 177, 180, 190
 Холодова П.А. 147, 148, 235-242,
 286
 Хрущев Н.С. 59, 334
 Хрущева Н.П. 59

 Циновская М.М. 233
 Циолковский К.Э. 57, 71, 76
 Цопа Т. (Ф.Г.) 234
 Цурюпа А.Д. 277

 Чайкин В.А. 373
 Чванов Н., чл. ПСР 342
 Чебанов И.В. 233
 Черепанов Д.А. 7, 43
 Чернов В.М. 8, 22, 39, 76, 77, 371,
 376, 379, 387, 388
 Черномордик Е.Э. 189
 Чернышев Ф.Н. 291
 Честертон Г. 333
 Чечиев, полк. МВД 75
 Чижевская Н.В. — см. Энгель-
 гардт Н.В.

 Чижевский А.Л. 21, 70-76
 Чижевский Л.В. 71
 Чижиков О.Л. 64, 65
 Чичерин Г.В. 178
 Чубашенко А., журналист 234
 Чудин Д.Я. 344
 Чуковский Н.К. 313
 Чуцкаев С.Е. 265

 Шабанов Р.Х. 342
 Шапиро, большевичка, знакомая
 Каховской И.К. 58, 59
 Шапиро, чл. ПСР 379
 Шаргородский С.М. 368
 Шаронов В.В. 69
 Шахвердиев Хан Киши Ибра-
 гим-оглы 342
 Шашкова К., корреспондент 168,
 226
 Шварц Е.Л. 332
 Шекспир У. 332
 Шерман Д., с.-д. 12
 Шершнин А., журналист 222
 Шестаков В.П. 29, 78
 Шешковский, нач. тайной канце-
 лярии 316
 Шибанов А.Н. 181, 208
 Шидловский Г.Л. 220
 Шкирятов М.Ф. 233
 Шкирятова Е.Д. 233
 Шкуро А.Г. 372
 Шлихтер А.Г. 272, 273
 Шляпников А.Г. 350
 Шмаёнок, большевичка 59
 Шмелев Н.А. 21, 67, 68, 372
 Шмидт О.Ю. 72
 *Шолом-Алейхем (Рабинович
 Ш.Н.) 31
 Шрейдер А.А. 8, 20, 65-67
 Шрейдер Г.И. 23, 77, 371, 379
 Штейнберг И.З. 8, 20, 40, 43, 64-
 66, 379
 Штерин Я., чл. ПСР 342, 343
 Шторм Г.П. 317
 Штрюмпелль А. фон (Strümpell
 Ad.) 177, 201
 Шульман М.Б. 381
 Шумилов, красноармеец 212

Шумкин В.Г. 235

Щусев А.В. 265

Эдемский М., журналист 237,
243

Эйхгорн Г., фон 36, 52

Энгельгардт Н.В. 74, 75

Энгельс Ф. 144, 268, 276

*Эрберг (Сюннерберг) К.А. 65

Эрман В., охр. Ленина 233

Эсхил 33

Эткинд Е.Г. 310-333

Юделович В.С. 181, 182, 196

Юденич Н.Н. 295

Юдин П.Ф. 311

Юстус А.В. 188, 189, 249

Яковлева М.Н. (*Ямпольская
М.) 55-57

Янушевский В., архивист 162

*Ярославский Е.М. (Губельман
М.И.) 191, 225, 230, 231, 266,
268, 377

L'Etang Hugh 190

Grote L.R. 181

Henschen-Nyman O. 180

Inis L. 222, 234

Kraepelin 200

Lermolo E. 157

Zülch C.J. 179

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Б.А. Бабина. ФЕВРАЛЬ 1922. Публикация В.Захарова.

Мемуаристка, член партии с.-р. с конца 1900-х, рассказывает о своих беседах в московских тюрьмах (1922) с лидерами «левого» и «правого» крыльев ПСР — Б.Д. Камковым и Д.Д. Донским. Размышления о соотношении нравственности и политики в жизни общественного деятеля образуют идейный стержень этих воспоминаний. Примечания содержат обширный фактический материал о судьбах видных членов ПСР и ПЛСР, а также некоторых других лиц (например, ученого А.Л. Чижевского). 3 + 30 + 43 с.

Л.И. Богораз. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

Рассказ известной правозащитницы, участницы демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 о заключении в Лефортовской тюрьме, следствии по делу демонстрантов, суде над ними, об этапах и пересыльных тюрьмах, о населении сегодняшнего Архипелага ГУЛаг. 60 с.

И с с л е д о в а н и я и с т а т ь и

Н.Петренко. ЛЕНИН В ГОРКАХ — БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ. (Источниковедческие заметки).

Содержат попытку исчерпывающего обзора всех печатных материалов о последнем годе жизни В.И. Ленина, их источниковедческий анализ, разрушение ряда традиционных мифологем, связанных с этим периодом. Разработан остроумный подход к более полному выявлению роли Сталина в болезни и смерти Ленина. Приведены материалы, обойденные официальной Ленинианой. Предложены мотивированные варианты реконструкции самосознания Ленина в преддверии смерти. 145 с.

ИЗ БУМАГ МАТЕЛЛУРГА В.Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО. Публикация П.Усова.

Освещены обстоятельства 1923-24, вынудившие ученого покинуть Уральский университет: процесс М.О. Клера, отношение местных властей к «спецам» и др. Выявлены основы жизненной позиции «русского Штольца». 3 + 11 + 5 с.

Н.А. Заболоцкий. ИСТОРИЯ МОЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Вступительная статья и примечания Е.Эткинда.

Известный советский поэт, описывает свой арест 19 марта 1938 года, допросы и пытки во внутренней тюрьме Ленинградского НКВД, заключение, этап на Дальний Восток; анализирует систему узаконенного беззакония, размышляет о возможности для людей, попавших в машину НКВД, сохранить человеческое достоинство. Вступительная статья прослеживает отражение этих размышлений и лагерного опыта в творчестве Заболоцкого. 8 + 14 + 4 с.

К.Симонов. ПИСЬМО С.С. МАРГУЛИСУ.

Ответ высокопоставленного советского писателя (1963) автору лагерных мемуаров. 3 с.

V a r i a

Материалы, собранные в этом разделе, включают: описание процесса бакинских эсеров; воспоминания о судьбе заключенных троцкистов на Колыме; мемуары о семье «Всеукраинского старосты» Г.И. Петровского и др. 25 с.

И н т е р в ь ю

БЕСЕДА С Б.А. БАБИНОЙ. Запись Н.Бармина. Подготовка к публикации Л.Арапова.

Социалистка-революционерка Б.А. Бабина на девятом десятке лет (нач. 1980-х) размышляет о судьбах социалистических идей в России, о соотношении этики и тактики, о возможности «социализма с человеческим лицом», о случайном и закономерном в истории и т.д. 23 с.

ANNOTATIONS

Memoirs

B.A. Babina. FEBRUARY 1922. Publication by V.Zakharov.

B.A. Babina was a member of the Social-Revolutionary Party since the end of 1900's. In her memoirs she describes her meetings in a Moscow prison in 1922 with B.D. Kamkov and D.D. Donskoy — the leaders of the «left» and «right» wings of the Social-Revolutionary Party. Her thoughts about the relationship between morality and politics in the life of a public figure are the core of these memoirs. The footnotes contain a vast amount of facts about the lives of distinguished members of the Party of Social Revolutionaries, and of the Party of Left Social Revolutionaries, and of other people such as the scientist A.L. Chizevsky. 3 + 30 + 43 pp.

L.I. Bogoraz. FRAGMENTS OF THE MEMOIRS.

The author is one of the eminent members of the Human Rights Movement in the USSR and a participant of a famous demonstration on the Red Square in 1968, August 25. She describes her imprisonment in Lefortovo, interrogations and process, transport and deportation prisons, the population of modern Archipelago GULag. 60 pp.

Studies and Articles

N.Petrenko. LENIN IN GORKI — ILLNESS AND DEATH (Source studies).

The article is an attempt to collect all the published material about the least years of Lenin's life. The author analyses them, destroying a number of traditional myths, connected with this period. He adopts an interesting approach to the fuller exposure of Stalin's role in Lenin's illness and death. He gives facts that were omitted by official Leniniana. The author makes well-justified reconstructions of Lenin's vision of himself, on the threshold of death. 145 pp.

From the history of culture

FROM THE PAPERS OF METALLURGIST V.E. GRUM-GRZIMAILO. Publication by P.Usov.

The author deals with the circumstances of 1923-24 under which the scientist had to leave the Ural University: the trial of M.O. Kler, the attitude of the local authorities to «spets» and so on. He depicts the attitude to life of the «Russian Schtolts». 3 + 11 + 5 pp.

N.A. Zabolotsky. THE HISTORY OF MY IMPRISONMENT. Preface and footnotes by E.Etkind.

The famous Soviet poet describes his arrest on the 19th of March 1938, interrogations and tortures in the investigation prison of NKVD in Leningrad, his imprisonment and deportation. He analyses the system of lawlessness and thinks about the possibilities for people being pulled in the mechanism of repression to keep their dignity. The Preface traces the signs of these thoughts and experience of Zabolotsky in his poetry. 8 + 14 + 4 pp.

K.Simonov. THE LETTER TO S.S. MARGULIS.

The answer of a high-ranking Soviet writer (1963) to the author of the «camp» memoirs. 3 pp.

V a r i a

A collection of various material about the trial of the Social Revolutionaries in Baku in 1922; about repressions in Kolyma camps against Trotskysts in 1937; memoirs about the family of G.I. Petrovsky — the President of Ukraine etc. 25 pp.

I n t e r v i e w

CONVERSATION WITH B.A. BABINA. Publication by N.Barmin and L.Arapov.

The thoughts of 90-years-old Social Revolutionary (early 80's) about the fortunes of socialist ideas in Russia; about the relationship between ethics and tactics; about the possibility of «socialism with a human face»; and on the question whether history is formed by accident or by natural causes. 23 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- Б.А. Бабина. ФЕВРАЛЬ 1922. Публикация В.Захарова 7
Л.И. Богораз. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 81

Исследования и статьи

- Н.Петренко. ЛЕНИН В ГОРКАХ — БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ. (Источниковедческие заметки) 143

Материалы к истории культуры

- ИЗ БУМАГ МЕТАЛЛУРГА В.Е. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО. Публикация П.Усова 291
Н.А. Заболоцкий. ИСТОРИЯ МОЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Вступительная статья и примечания Е.Эткинда 310
К.Симонов. ПИСЬМО С.С. МАРГУЛИСУ 334

Varia

- В.Аркавина. СУХОРУКОВА-СПЕКТОР И СУД НАД БАКИНСКИМИ С.-Р. Публикация В.Гуляева 339
М.Байтальский. ТРОЦКИСТЫ НА КОЛЫМЕ 345
П.Прудович. О СЕМЬЕ Г.И. ПЕТРОВСКОГО 358
ДОКУМЕНТ ИЗ ЛАГЕРНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ 362

Интервью

БЕСЕДА С Б.А. БАБИНОЙ. Запись Н.Бармина. Подготовка к публикации Л.Арапова	367
---	------------

Аппех

Указатель имен	393
Аннотации	405

**ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 29 SEPTEMBRE 1986
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N°9597**

ISBN 2-906141-01-1